

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА
КАЗАХСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ

ИНСТИТУТ
OF PHILOSOPHY, POLITICAL SCIENCES AND RELIGIOUS STUDIES
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ
И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

ЕВРАЗИЙСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЦЕННОСТИ

Материалы международной
научно-практической
конференции

12 мая 2023 г.
Астана – Алматы

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
Казахстанский филиал

Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки
Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

ЕВРАЗИЙСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЦЕННОСТИ

Материалы международной научно-практической
конференции

12 мая 2023 г.

Астана, 2023

УДК 94+008
ББК 63+71
Е22

*Подготовлено к печати
Казахстанским филиалом Московского государственного университета
имени М.В.Ломоносова*

Редакционная коллегия сборника

Председатель: А.В. Сидорович

*Члены редакционной коллегии: Р.Ж. Абдильдина (зам. председателя),
С.Ш. Аязбекова, Ж.А. Ермекбай, А.И. Оразбаева*

Е22 Евразийский мир: история, культура, ценности: материалы международной научно-практической конференции (12 мая 2023 г.) – Астана: Казахстанский филиал Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, 2023. – 518 с.

ISBN 978-601-08-3392-0

В сборник вошли материалы Международной научно-практической конференции, которая была проведена Казахстанским филиалом МГУ имени М.В.Ломоносова совместно с Институтом философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

В сборнике представлены доклады, посвященные актуальным проблемам исследования историко-культурного наследия народов Евразии, философии евразийства, тенденций и перспектив развития евразийской интеграции, современных межкультурных и межкультурных коммуникаций в современной социальной науке. Среди авторов сборника – ведущие ученые МГУ имени М.В.Ломоносова, авторитетные отечественные и зарубежные исследователи в области истории, философии, политологии.

Издание адресовано специалистам в сфере социально-гуманитарных наук, докторантам, магистрантам, студентам, а также широкому кругу лиц, интересующихся проблемами современного социального научного знания.

Опубликованные материалы отражают авторскую позицию.

ISBN 978-601-08-3392-0

© Казахстанский филиал МГУ
имени М.В.Ломоносова, 2023

© Коллектив авторов, 2023

ПРИВЕТСТВИЯ

**ПРИВЕТСТВИЕ ПРЕЗИДЕНТА ЕВРАЗИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ
УНИВЕРСИТЕТОВ, РЕКТОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА АКАДЕМИКА
САДОВНИЧЕГО В.А.**

**Уважаемые участники конференции, рад приветствовать
вас на открытии этого важного научного форума!**

Осмысление истории и историко-культурного наследия народов Евразии, ценностей и идей, консолидирующих евразийское пространство, обсуждение тенденций и перспектив развития современных интеграционных процессов на евразийском пространстве в сфере межкультурных коммуникаций образования, сотрудничества приобретает особенно важное значение в современном сложном мире.

Евразийская ассоциация университетов на состоявшемся в марте этого года Съезде ассоциации особенно подчеркнула необходимость совместного сотрудничества и совместных форм деятельности между университетами и учеными стран по поиску новых форм сотрудничества на всем пространстве Большой Евразии.

Примером такого сотрудничества является проведение данной конференции, организованной Казахстанским филиалом Московского университета и Институтом философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, в которой примут участие авторитетные ученые, директора институтов и научно-исследовательских центров, руководители академических подразделений, академики РАН и НАН РК, ведущие ученые МГУ имени М.В.Ломоносова, высших учебных заведений Казахстана, России и других стран.

Уважаемые участники конференции! Желаю Вам плодотворной работы, творческих дискуссий, новых и важных научных результатов.

Крепкого всем здоровья, благополучия и новых научных достижений!

**ПРИВЕТСТВИЕ ДИРЕКТОРА КАЗАХСТАНСКОГО ФИЛИАЛА
МГУ имени М.В.Ломоносова, ДОКТОРА ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК,
ЗАСЛУЖЕННОГО ПРОФЕССОРА МГУ
СИДОРОВИЧА А.В.**

Уважаемые коллеги!

Настоящая конференция посвящена актуальной проблеме, которая вызывает большой интерес у исследователей, политиков и которая, безусловно, должна освещаться в учебном процессе. Интерес к данной проблеме значительно возрос в последнее время в условиях современных геополитических изменений, когда роль евразийского вектора политики значительно возрастает. Неслучайно, в нашей конференции, которая организована совместно с Институтом философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, участвуют представители семи стран, академики РАН и НАН РК, представители более двадцати научно-исследовательских центров.

Проблема евразийского мира и более широком смысле евразийства имеет богатую историю и вызывает большие дискуссии и споры. На наш взгляд, самое главное в науке – это спокойное исследовательское обсуждение проблемы, несмотря на ее большую объективную сложность, вызванную тем, что евразийское пространство соединяет, на первый взгляд, несоединимое –разные цивилизации, разные регионы, разные национальные традиции, государства, не говоря уже о современных процессах. Следовательно, сама по себе эта проблема не имеет простого решения. И в этой связи важным является переосмысление прежних представлений о евразийском мире и их новое прочтение в контексте более глубоких исторических и системных комплексных подходов специалистами различных областей – историками, политологами, экономистами, регионоведами, этнографами и т.д.

В контексте современных процессов очень важно помнить те принципы, которые представляют конструктивный смысл евразийской идеи. Это поиск путей преодоления узких подходов, ориентированных на односторонний взгляд. Мы должны, как отмечал П.Н. Савицкий, рассматривать эту проблему через призму духа своеобразного «братства народов», который складывается в ходе вековых соприкосновений и культурных слияний народов различных стран. Этот совместный поиск выступает против того, чтобы абсолютизировать ту или иную позицию, которая ведет к универсальному восприятию культуры. Такой

подход к поиску решений дает некий ориентир в нашем понимании современных сложных процессов.

Сейчас мы живем во время новых изменений. Мы являемся свидетелями новых конфликтов, усиления новых регионов на евразийском пространстве. Формируются совершенно новые условия для поиска новых основ евразийского мира. В частности, новые технологические возможности современных средств коммуникации становятся фактором современности.

Мы живем в другом мире, но поиск содержания, границ, общих ценностей решения проблем Евразийского мира продолжается. Образовались мощные интеграционные структуры, которые развивают противоречивое единство Евразийского мира. Все это складывается в новую сеть отношений. Идеи большого евразийского партнерства, идеи Большой Евразии начинают звучать все более настойчиво и практически.

Важно, что эта конференция проходит в Казахстане и в Казахстанском филиале МГУ. Казахстан по праву считается одним из центров всего Евразийского мира. Казахстанский филиал ориентирован на укрепление связей между народами Казахстана и России, стремится реализовать принципы евразийского «братства народов» в своей деятельности. На евразийском пространстве развивается сотрудничество Евразийской ассоциации университетов. Мы уверены, что участники конференции внесут свой большой вклад в сотрудничество между учеными евразийского пространства и совершенствование образования, которое должно более широко и глубоко освещать проблемы Евразийского мира.

**ПРИВЕТСТВИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ,
ПОЛИТОЛОГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ КН МНВО РК, АКАДЕМИКА НАН
РК,
ДОКТОРА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА
СЕЙДУМАНОВА С.Т.**

Уважаемые коллеги! Я рад приветствовать сотрудников Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова и других представителей экспертных сообществ в Астане.

На повестку дня сегодняшнего научного мероприятия выдвигается давняя, но имеющая громадный интеграционный потенциал – идея евразийства. Одной из перспективных и привлекательных идей, которая могла бы определить тип культурно-исторического развития Казахстана и его судьбу, является евразийство. В своем классическом варианте она была высказана еще столетие назад, но стоит отметить, что ныне идея евразийства получила новый импульс, после выступления Первого Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева со своей стратегической инициативой, что вызвало одобрение и поддержку российской и казахстанской общественности. Это произошло 29 марта 1994 года на встрече с профессорско-преподавательским составом и студентами Московского государственного университета.

Современная ситуация порождает глобальные вызовы, ответить на которые возможно только сообща, возродив евразийскую общность, духовный потенциал народов, издавна объединённых общей евразийской судьбой. Мировые экономические кризисы, природные катастрофы, религиозный экстремизм и международный терроризм сотрясают устои современного общества, что требует сплотить наши народы в экономическом, культурном, образовательном пространстве, соединить наши помыслы, планы, проекты, наши духовные устремления, сконцентрировать евразийскую волю для противостояния негативным тенденциям и утверждение присущих евразийцам идеалов милосердия, толерантности и взаимопонимания.

В этом контексте тематика научно-практической конференции приобретает новое звучание и особую значимость.

Идея евразийства, содержащая бесценный потенциал интеграции, основана на историко-культурных, духовно-ценностных принципах, тысячелетиями формировавшихся цивилизационных контактах, обеспечивающих органическое единство и согласие народов, которые веками

сосуществовали на евразийском континенте. Этот уникальный опыт может стать весьма поучительным в сложившейся ситуации глобального кризиса, когда надо принимать совместные, исторически ответственные решения на самом высоком международном уровне.

Весь мир сегодня стремится к интеграции, к объединению усилий, к разумному регулированию отношений. Перед нами опыт Европейского союза, Лиги арабских государств, Австралийского союза, объединений южноамериканских стран и стран тихоокеанского региона, многих других сообществ. Все они развивают и углубляют свои отношения, все время ищут и находят взаимоприемлемые решения и от этого только выигрывают в мировом сообществе, на мировом рынке. Мы должны извлечь уроки из истории и практики, понять наконец, что сегодня существование какой-либо страны в мировом сообществе невозможно в одиночку.

Евразийское пространство – особая культурно-историческая и экономическая территория, не тождественная ни Востоку, ни Западу, со своей цивилизационной миссией и исторической судьбой. Именно в евразийской зоне возможно сочетание основных ценностей восточной культуры, выдержавших испытание временем, и таких западных ценностей, как свобода, личностное развитие и права человека. Современная евразийская цивилизация подразумевает единство традиции и модернизации, гармонию человека и мира.

Евразийство – это прообраз совершенно нового способа отношения человека к миру, новой формы жизни, единственно достойно отвечающей вызовам третьего тысячелетия. Евразийская идея по существу есть идея человечности, которая, в свою очередь подразумевает идею всеединства людей. Отсутствия в их отношениях эгоцентристских установок и проявлений предполагает и гармонию в отношениях человека с природой, человека с человеком, человека самим с собой.

Евразийство в конкретно-целостном его понимании означает не просто некую новую идею среди других новых идей; не просто историко-культурную, политическую или этно-социальную идею. Евразийство в его глубинной сути и практических интенциях есть не что иное, как новый путь развития человечества.

Мы сегодня не только жители своих стран по территориальной и национальной принадлежности, но и евразийцы по корням, по истории, по притяжению. Здесь хочется подчеркнуть роль и значение - евразийской интеграции, и ее перспективы развития в современных условиях. Опыт эффективной евразийской интеграции на пороге XXI века – это прежде всего рычаги научно-образовательного и культурно-ценностного влияния.

Первым делом необходимо акцентировать внимание на культурно-гуманитарном измерении евразийской интеграции. Убежден, что Вы лучше кого-либо понимаете важность решения этих задач. Нам нельзя забывать о формировании единой евразийской идентичности на основе общих ценностей культурного и языкового многообразия. Это значит – продвигать различные культурные проекты евразийского измерения: фестивали, мастер-классы, выставки, конференции. Особое значение имеет общая забота об укреплении высших духовных и нравственных ценностей в наших обществах. Для этого следует создавать диалоговые площадки для встреч представителей соответствующих объединений.

Во-вторых, нужно совместными усилиями поддерживать сферу науки и образования, на деле создать единое евразийское образовательное пространство. Как Вы знаете, Казахстан уделяет приоритетное внимание подготовке специалистов высшей квалификации. Только в рамках программы «Болашак» ежегодно отправляются до тысячи студентов в ведущие учебные заведения и научные центры мира для академического обучения и прохождения научных стажировок. Казахстанские вузы также всегда открыты для студентов из евразийских стран. Для граждан Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и других государств, ежегодно выделяются квоты на обучение в ВУЗах Казахстана. В Европейском союзе огромной популярностью пользуется программы, направленные на развитие сотрудничества в сфере высшего образования и свободы передвижения студентов, магистрантов и докторантов. Мы можем создать аналог подобной программы для Евразийского пространства. Наверное, можно было бы реализовать идею создания в ведущих вузах стран СНГ «евразийских кафедр», которые могли бы объединять ученых и студентов, специализирующихся по данному направлению. Необходимую методическую помощь коллегам может оказать Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева и другие высшие учебные заведения, имеющие партнеров из евразийских стран.

Немаловажно оказать поддержку научному сообществу для реализации им своего потенциала. Необходимо развивать взаимодействие деятелей науки в рамках евразийского клуба ученых. Мы всегда должны быть открыты к сотрудничеству со всеми заинтересованными исследовательскими центрами на пространстве СНГ.

Уважаемые коллеги! Желаю участникам международной научно-практической конференции дальнейших творческих успехов в многогранных исследованиях современной гуманитарной науки!

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

«ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ЕВРАЗИИ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ»

Маслов А.А.

*Директор Института стран Азии и Африки
Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
доктор исторических наук, профессор
г. Москва, Россия*

Спасибо большое, коллеги, за возможность выступить на столь интересном форуме. И я хотел бы сегодня поговорить о той дискуссии, которая довольно активно разворачивается, например, в Китае и в Турции, по поводу того, насколько пространство Евразии было проницаемым и насколько страны соприкасались между собой.

Вопрос этот далеко не праздный, потому что он связан с тем, что несмотря на то, что вопрос обсуждается, казалось бы, чисто исторический и связанный с древностью и средневековьем, это оказалось очень важным политическим нарративом как в современной Турции, так и в современном Китае. И частично – или даже во многом – это затрагивает и пространства Центральной Азии, Казахстана и даже России. Речь идет о том, что за последнее время в Китае вышло множество книг, посвященных контактам Китая с народами Центральной Азии и так называемыми «северными соседями». Это – книги исторические и они по-разному описывают события. Базируются они на средневековых источниках династий Тан и Сун, то есть практически охватывают период с VI по XII века и тем не менее, несмотря на разницу в подходах, глобальный нарратив остается одним и тем же: Китай был окружен некими «тюркскими народами» по северным регионам, и эти тюркские народы всегда составляли цивилизационную оппозицию китайской культуре.

На самом деле это далеко не новый нарратив, он возникал еще в начале XX века и даже в конце XIX века, когда Китай искал свою идентичность и пытался понять, каким образом выживать под воздействием западной культуры. Здесь главный термин, который используют китайцы, звучит по-китайски как «туцзюэ».

«Туцзюэ», если мы посмотрим по современным словарям, обычно переводится как «тюрки», «тюркские племена». Таким образом в этом плане Китайские историки предполагают, что тюркские племена окружали Китай по всем северным районам. К ним, например, относят сегодня как исчезнувшие народы типа сюнну (хунну), так и народы неких тюркских царств и каганатов, которые также исчезли. К этому, относят, например, восточно-тюркский и

западно-тюркские каганаты, которые прекратили свое существование, но которые с Китаем имели довольно большие связи. Проблема заключается в том, что Китай обобщенно пытается представить все северные народы как некое единство, культурно противостоящие Китаю. Примечательно, что при этом ведется очень серьезная критика турецкой историографии, которая, естественно, выделяет из всех этих народов именно тот компонент, тот субстрат, который потом привел к образованию турков, как таковых и в конечном счете – Османской империи, с которой у Китая были огромные культурные и торговые связи. Здесь достаточно упомянуть, что, например, большая часть турецкого фарфора XV–XVI веков была вдохновлена и навеяна именно китайским фарфором. Так называемая изникская керамика, изготовленная в городе Изнике – бывший византийский город Никея – это была по сути дела китайская керамика, сделанная по китайским образцам – знаменитый бело-голубой или белосветной фарфор. То есть на самом деле связи были велики, но Турция выделяет сегодня в своих учебниках и описаниях то, что именно Турция является представителем всех тюркских народов, которые когда-то по северным границам соприкасались с Китаем.

Китай же смотрит на образование Османской империи на территории Турции, как на серьезный удар по своей торговой мощи и торговым операциям в средневековье. Мы, например, встречаем целый ряд книг и статей сегодня в Китае, которые говорят, что Великий шелковый путь был прерван именно Турцией, то есть Османской империей, когда она была образована на этом пространстве, и в этом плане многие китайские товары контролировались отныне османами не только, например, на территории Ближнего Востока – они контролировались в том числе и на территории Центральной Азии, на территории нынешних, например, Таджикистана, Казахстана и Кыргызстана. В этом плане это говорит скорее о негативном отношении Китая к так называемым «народам туцзюэ», к тем тюркам, которых китайская историография описывает как агрессивную антитезу китайской культуре. При этом китайская историография сегодня очень резко выступает против целого ряда западных публикаций, как научных, так и научно-популярных, и даже различных документальных фильмов, которые снимаются на Западе, прежде всего – в США, где описываются тюрки как племена, которые приносили в Китай какие-то культурные компоненты, например, изготовление трехцветного фарфора саньцай, который изначально безусловно является частью центральноазиатской культуры, а не китайской, и был перенят китайскими мастерами еще в древности; которые также утверждают, что тюрки были так или иначе в тесных культурных обменах с Китаем. То есть здесь идет прежде всего борьба за первенство – кто имел самое большое влияние в Центральной Азии. Либо, с одной стороны, Османская империя и тюрки, либо, с другой стороны, Китай. Более здравомыслящие китайские ученые пытаются не представлять это как противостояние Турции и Китая и говорят о

многокомпонентности взаимодействия, в том числе и о том, что на территории Центральной Азии проживали разные племена, были разные субстраты культуры, и в этом плане все сводить к некому единому обобщающему термину «туцзюэ» было бы, наверное, неправильно. И при этом пытаются противостоять, как им кажется, турецкому, или как это именуется в китайской историографии, турецко-османскому шовинизму. То есть таким образом вполне исторический спор сегодня выходит на уровень идеологемы, и он очень серьезен, на мой взгляд, как для турецкой, так и для китайской историографии. И связан он уже с современными аспектами китайской инициативы «Пояс и путь» и его экономическим компонентом «Новый шелковый путь».

Дело в том, что для Китая это важнейшая сегодня инициатива для продвижения своих не только экономических, но и идеологических взглядов на близлежащие пространство. Сегодня в Новый шелковый путь вложено более триллиона долларов без какой-то явной отдачи. Конечно, речь идет о росте влияния Китая на практически все близлежащие страны, в том числе на Центральную Азию, и Китай хочет технически воспроизвести то историографическое представление, которое Китай имеет о своем прошлом. То есть Китай представляет, что именно Китай определял всю мировую торговлю практически до XVII века, а точнее – с III по XVII века, как говорят китайцы, от эпохи Хань до эпохи Цин. И в этом плане приход европейцев, а также влияние, например, тюркского компонента ограничило рост Китая, и как следствие после преодоления этого разрушительного влияния следует вернуться к величию Китая, возродить «Китайскую мечту». Я сейчас не буду углубляться именно в этот термин, потому что сам этот нарратив является явным передергиванием исторической реальности, но помимо него здесь же возникает и религиозный компонент. Китай пытается всячески убрать именно религиозный компонент из рассказа о передаче культуры по Великому шелковому пути и, например, принципиально не описывают такие явления как греко-буддизм по Шелковому пути, как распространения ислама, который безусловно присутствовал как интегральная часть взаимодействия, но уходит из социально-экономических рассуждений Китая. И сегодня мы видим, что Китай заметно наращивает свой подход к идее евразийского транскультурного пространства, мы наблюдаем создание более 50-ти центров в различных китайских университетах, которые созданы за последние 10 лет и занимаются изучением именно транскультурных связей в Центральной Азии и далее на Ближний Восток.

Безусловно, это активно поддерживается государством, выделяются большие гранты, выделяется серьезная финансовая поддержка на публикацию новых учебников, на съемку научно-популярных фильмов с участием известных ученых, которые пытаются доказать тезис приоритета Китая именно в этом пространстве. Коллеги, которые выступали передо мной, говорили об активизации изучения этого пространства, на мой взгляд это является крайне

актуальным, потому что мне предоставляется что в ближайшее время мы столкнемся с новыми «боями за историю», пользуясь термином Марка Блока. Новые «бои» будут развиваться именно в том аспекте, что Китай будет представлять все новые и новые сведения о своем приоритете влияния в Центральной Азии, будут увеличиваться публикации уже на английском языке – сейчас они в основном на китайском языке – наверняка, многое будет переводиться. И самое главное, все это будет финансироваться и продвигаться в рамках культурного компонента инициативы «Пояс и Пути», в которую Китай пытается вовлечь как можно больше стран и создать свой макроэкономический и микрополитический регион. И в этом плане исследования транскультурной традиции именно с точки зрения строгой науки, строгой истории, является крайне актуальным вопросом в настоящий момент.

Коллеги, спасибо Вам большое.

НАРОДЫ ЕВРАЗИИ В СЕРИИ «НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ»: ИТОГИ 30-ЛЕТНЕГО МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

Тишков В.А.

*Академик РАН, научный руководитель
Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
ответственный редактор серии «Народы и культуры»
г. Москва, Россия
valerytishkov@mail.ru*

Миссонова Л.И.

*кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
ответственный секретарь серии «Народы и культуры»
г. Москва, Россия
missmila@iea.ras.ru*

Аннотация. Многотомная серия «Народы и культуры» охватывает большинство народов, живущих на территории стран СНГ. Около трети томов посвящены культуре тюркских народов. Эти коллективные труды – академическое описание культуры народов в

их исторических и современных формах. Сведения о среде обитания, происхождении и истории, демографии, хозяйственной деятельности, соционормативной и профессиональной культуре, жизненных обычаях и обрядах призваны расширить гуманитарные знания о народах, способствовать формированию этнической идентичности и толерантным межэтническим отношениям. Характеристика роли государственных институтов, традиций и этнического самоопределения в разные временные эпохи раскрывает самобытность и историческое единство народов Евразии в рамках как общей государственности, так и суверенных государств, в том числе в системе Содружества Независимых Государств.

Ключевые слова: Серия «Народы и культуры», история и этнография народов Евразии.

О проблемах и достижениях проекта «Народы и культуры» (В.А. Тишков)

1 ноября 1989 г. Секция общественных наук Президиума Академии наук СССР приняла Постановление, в котором Институту этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР поручалось осуществление проекта издания многотомной этнографической серии коллективных трудов – «Народы Советского Союза». Инициаторами научно-исследовательского и издательского проекта стали директор института в моем лице и известный исследователь народов Сибири Ю.Б. Симченко. Первые тома должны были сдать в издательство в 1991 г., но этому плану не суждено было состояться по причине распада Советского союза. Однако с 1992 г. работа была продолжена под новым названием серии – «Народы и культуры».

27–29 ноября 1989 года в Звенигороде состоялось одно из важных совещаний по обсуждению общих проблем и концептуальных принципов написания и издания серии. В его работе приняли участие около 50 представителей заинтересованных ведущих научных организаций разных республик и регионов (в т. ч. из Ашхабада, Баку, Вильнюса, Душанбе, Еревана, Киева, Кишинева, Минска, Таллина, Тбилиси, Фрунзе и др.). В основу создания серии изначально был положен историко-этнографический, а не территориально-государственный принцип описания этнической общности, независимо от территории расселения в исторические периоды времени. Одна из проблем, которую отметили ученые: этнографы в советское время почти не имели возможности изучать группы того или иного народа за пределами соответствующих национально-территориальных образований (республик). Это объяснялось практикой академий наук союзных и научно-исследовательских институтов автономных республик изучать главным образом «свои» народы, а не все группы населения в пределах их границ. Учитывая этническое многообразие населения территорий разных республик, наличие сложившихся в советское время национальных научных школ этнографов и антропологов и координирующую роль Института этнографии (с 1991 г. Институт этнологии и антропологии РАН) в основу проекта был положен принцип сотрудничества и совместного труда научных коллективов, работающих в разных регионах, а с 1991 года – в разных странах бывшего СССР.

Важным был вопрос о структуре описания различных народов и их групп. Участники проекта договорились, что структуру каждого тома обсуждает

авторский коллектив во главе с ответственными редакторами, одним из которых является ведущий специалист ИЭА РАН. Всю координирующую работу по серии осуществляют ее редакторы (В.А. Тишков, а также Ю.Б. Симченко с 1989 до 1997 г., С.В. Чешко с 1998 по 2012 г.). Данную серию должны были готовить ведущие специалисты, независимо от страны, региона и научного учреждения, но аттестацию и предоставление титульного грифа определенного тома осуществляют наиболее активно задействованные НИИ или университеты.

При отборе материалов главный упор должен был делаться на использовании новых историко-этнографических знаний и представлять собой принципиально новый шаг в создании академического свода историко-этнографического знания по сравнению с аналогичным крупным проектом «Народы мира», который был осуществлен Институтом этнографии в 1950–60-е годы. Данный труд должен стать результатом индивидуального мастерства участников авторских коллективов, но в то же самое время отражать накопленный предшественниками научный багаж, выверенные факты и оценки. Руководители серии не ставили цель создать некие канонические тексты по истории и этнографии народов, допуская многообразие точек зрения авторов по тем или иным проблемам, а также разную степень проработанности тех или иных тем и сюжетов. Как не похожи история и культура каждого из народов, так и не похожи друг на друга каждый из томов серии.

Главным критерием были научная аргументированность и добротное изложение материала, включая не только тексты, но и иллюстративные части. Оригинальность иллюстративного материала, включая архивные и музейные коллекции, составляет одну из отличительных характеристик этого издания. Для подготовки почти всех томов были использованы фотоархивы в Москве, Ленинграде/Санкт-Петербурге и других городах, а коллекции Российского этнографического музея и Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) имени Петра Великого РАН выступили в ряде томов основными.

Почти всегда дискуссионными при подготовке фактически всех томов оказывались темы и проблемы, вызванными отсутствием научного консенсуса на данный момент, расхождениями взглядов представителей разных национальных школ и разных дисциплин на те или иные проблемы, а также воздействием политико-идеологических установок. Среди таких проблем: конфликт старых и новых подходов к *оценке места физико-антропологических данных в описании этнических общностей*, когда не без трудностей и не без исключений, но все-таки удалось уйти от некогда господствовавшей жесткой связке этничности и т. н. антропологического типа. Эта проблема осложнялась неосмотрительным увлечением некоторых ученых разработками в области генетики, получившими название *этногеномики*. В целом данные из области физической (биологической) антропологии и популяционной генетики использовались в большинстве томов в ограниченном формате, отдавая приоритет трактовке этничности как форме личностного и коллективного самосознания (идентичности). Однако в целом серия «Народы и культуры»

была выдержана больше в духе традиционной этнографии с предпочтением примордиального видения феномена этничности и даже с сохранением такой базовой категории как «этнос».

Еще одна сложная проблема касалась *трактовки вопросов происхождения и этнической истории*. Влияние теории этногенеза, т. е. формирования этноса на самых ранних этапах человеческой эволюции и его неизбывной автохтонности для территорий современного расселения оказалось всеобщим. Фактически все авторы в описании каждого из народов трактовали археологические культуры и сходные исторические обозначения ранних популяций или пространственных обозначений как достаточные доказательства глубоких исторических корней того или иного народа, его пространственных параметров и протогосударственной социально-политической организации. Научный этноцентризм – это своего рода родовая черта нашей дисциплины, противодействовать которой, на мой взгляд, не имеет особого смысла, если соблюдаются рамки академического анализа, и нет явного или скрытого антагонизма в отношении других этнических групп и культурных традиций. Спасительным моментом в решении данной проблемы был сам факт издания всех этногенетических версий под разными обложками разных томов и обращенных к разным аудиториям. Возможно, в собранном виде под одной обложкой все эти трактовки были бы просто невозможны из-за своей несовместимости по причине узурпации исторических культур и пространств в исключительную пользу одной из нынешних этнических общностей.

Распад СССР и образование новых государств привело к существенным переменам в сфере гуманитарной науки, всегда испытывавшей влияние политики и идеологических перемен. Кроме того, довольно быстро в странах бывшего СССР выросло новое поколение ученых, вобравших в себя многие из подходов и концепций, которые доминируют в т. н. западной науке. В частности, одним из новых и сложных для совместного научного сотрудничества оказалось *влияние т. н. теории постколониализма и национализмов новых политий*, в рамках которой ревизии подверглась историография российской истории, прежде всего история Российской империи и Советского Союза. Как известно, эти ревизии стали одной из основ нового нациестроительства, формирования т. н. общенационального нарратива, включая академическую науку, сферу образования и просвещения. В определенной степени данное замечание касается также подготовки томов по российским народам, обладающих в Российской Федерации внутренними этнотерриториальными автономиями. В этой ситуации возникали сложности уже при написании первых томов в 1990-е годы, особенно тома «Украинцы» – нашими официальными партнерами предпочли быть не Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии имени М.Ф. Рыльского, а Институт политических и этнонациональных исследований Национальной академии наук Украины и Международное научное братство украинских антропологов, этнографов и демографов. Затем была трудная работа над томами о народах южного Кавказа.

Политические расхождения между грузинами, абхазами и россиянами были очень серьезными, особенно после 2008 года. Тем не менее, благодаря грузинским коллегам из Комиссии по истории, археологии и этнологии Национальной Академии наук Грузии том «Грузины» был создан в 2015 г. и сразу переведен на грузинский язык как наиболее квалифицированное историко-этнографическое издание о народе. Также ранее был подготовлен и издан том «Абхазы», играющий важную роль в утверждении самосознания данной автохтонной для региона этнической общности.

Должен сказать, что успешное выполнение столь масштабного и сложного проекта оказалось возможным благодаря старшему поколению ученых, которые прошли школу отечественной (советской) историографии, этнографии и антропологии, имели давние научные и человеческие контакты, и что немаловажно – сохранили способность писать на русском языке. Момент владения русским языком возникал в ряде случаев, когда в число авторов включались представители молодой генерации, перешедшей на свой титульный (государственный) или английский языки. Это замечание частично относится и к работе над томами о народах Центральной Азии.

К разряду трудных проблем можно отнести и *вопросы этнополитической истории и конфликтов*, оценки политики российского государства в отношении этнической периферии, крупных исторических событий, связанных с войнами, проявлениями принуждения, дискриминации и насилия, которыми фактически всегда и повсюду сопровождался исторический процесс, само существование крупных государств имперского типа. Особый вопрос – это *оценка советского периода* с его противоречивыми результатами по части этнонациональной политики. Не без дискуссий, но в целом в томах серии возобладал взвешенный подход и более объективные оценки, чем упрощенные трактовки данных исторических времен как периода колониального господства, которые возобладали в западной науке.

Надо сказать, что мы готовы к критическим оценкам со стороны коллег-археологов и историков, которые более детально прорабатывают профильные для них темы и сюжеты. Все-таки для нашей серии главным было изложение этнографического материала, основ материальной и духовной культуры народов, формирования и проявления самосознания, общественно-политической активности представителей того или иного народа, выдающихся прошлых и современных достижений.

Можно было бы написать книгу о тех сюжетах и коллизиях, которые имели место на протяжении более чем 30-летней истории проекта, ибо не менее трудно зачастую проходила подготовка томов о российских народах. Но практически всегда выход очередного тома воспринимался как праздник, как торжество научности и сотрудничества. В подготовке серии приняли участие десятки научно-исследовательских учреждений и несколько сот ведущих ученых. За все время не было каких-либо серьезных рекламаций в адрес нашей серии со стороны академического сообщества и широких кругов общественности более 12 стран и десятков российских регионов, которые и

составляют мир Евразии. На наш взгляд, данный научный проект не имеет прецедентов и его значение для науки и для общественности будет сохраняться долго, служить сохранению многообразия и единства народов и стран региона Евразии.

О международном сотрудничестве по томам, посвященным тюркским народам (Л.И. Миссонова)

29–30 мая 1990 г. в Алма-Ате состоялось второе важнейшее совещание по подготовке серии (О создании серии и структуре томов подробнее см.: Миссонова Л.И. Материалы Координационно-методического центра по подготовке серии «Народы Советского Союза». Вып. 1. – М.: Советская этнография, 1990. – № 2, 1991. – № 2), в работе которого приняли участие представители более 30 научных учреждений.

Много говорилось во всех обсуждениях о целесообразности расширения круга исследуемых проблем, в частности, в области этнической истории, этнического самосознания, конфессиональной ситуации, мировоззренческих представлений, народных знаний, соционормативной культуры, национальной символики, а также о подготовке типологических и историко-этнографических карт. В данном издании важно подчеркнуть то общее, что сближает народы, чтобы помочь им лучше понять друг друга. Необходимо больше внимания уделять этническому искусству как выразителю духовного мира народа.

До 1997 г. не было финансовых средств на издание. В этих условиях начинается издание малотиражных препринтных серий ИЭА РАН, посвященных отдельным аспектам этнокультурного развития народов России и сопредельных государств. До начала периодического издания фундаментальных томов было опубликовано более четырех десятков книг в серии «Материалы к серии "Народы и культуры"» общим объемом более 500 а. л., а также более двух десятков выпусков альманаха «Российский этнограф» и более двух десятков монографий в «Библиотеке Российского этнографа». Эти публикации посвящены теоретическим проблемам этнологии, истории и традиционной культуре казачества, русского населения Прибалтики, народов Сибири, Кавказа, Средней Азии, а также антропологии, ономастики и историографии. Благодаря поддержке Президиума РАН, Российского гуманитарного научного фонда (позднее – Российского фонда фундаментальных исследований), а также частичной помощи спонсоров с 1997 г. начали выходить тома серии «Народы и культуры», первыми из них стали «Русские» и «Белорусы». Тома представляют собой коллективные монографии, написанные учеными из региональных научных институтов, университетов, музеев, а также научных центров стран СНГ, как отмечалось выше, под общей координацией ИЭА РАН. Серия публикуется в академическом издательстве «Наука» (Москва).

В итоге получился международный проект, который основан на многогранном комплексном исследовании этнических общностей. Комплексность относится как к большому числу исследуемых сторон жизни

этнической общности (типы и виды хозяйственной деятельности, орудия труда, пища, жилище, одежда, средства передвижения, религиозные верования, фольклор, народные знания, песни и танцы, бытовые отношения, многочисленные обычаи и обряды, связанные с рождением, смертью и иными сторонами бытия), так и к многоотраслевому подходу исследования, совмещающему синтез знания разных сопредельных наук – этнографии, археологии, лингвистики, фольклористики, физической и социальной антропологии, социологии и др.

Данный труд охватывает страницы этнической истории, духовную и материальную культуру, семейный уклад, этику и современное положение этнических общностей. Основная цель издания – отразить результаты исследований по культуре народов с широким привлечением архивных документов, статистических данных, полевых материалов. В томах серии публикуются карты расселения народов в различные временные периоды: от документальных архивных до новых, выполненных на основе данных последних переписей населения. Серия делает попытку представить читателю уникальность отдельно взятой этнической культуры, её характерные отличительные особенности, и вместе с тем, отобразить многовековой путь её развития в полиэтничном окружении.

Важно, что академические тома – коллективные монографии – написаны с использованием именно научного понятийного аппарата, при этом выдержаны в таком стиле изложения, который доступен для восприятия самых разных социальных слоев. Поэтому они пользуются большой популярностью в широкой читательской среде, включая многочисленные национальные общества и учащиеся в различных сферах и уровнях образовательной системы. Серия томов призывает к расовой, этнической и религиозной терпимости, толерантному восприятию многообразной культуры и обычаев различных народов. О научной и общественной значимости серии «Народы и культуры» говорят издания повторных тиражей многих томов и государственные награды. Например, том «Татары» был удостоен Государственной премии Республики Татарстан. В 2005 и 2007 гг. на III и IV Международных книжной и полиграфической ярмарках «По Великому шелковому пути» в Республике Казахстан Диплом победителя в номинации «Лучшая издательская серия. Научно-познавательная литература» был вручен «за книжную серию «Народы и культуры».

Во всех томах серии есть свои уникальные стороны как истории создания, так и самого содержания. Приведем примеры содержания томов.

Том «Гагаузы» был создан коллективом учёных из четырех стран – России, Молдовы, Украины и Болгарии. Первая книга о гагаузах была опубликована в 1900–1902 гг. В томе XXI века освещается проблема происхождения гагаузов, этапы этнической истории, особенности жизнедеятельности и основных занятий. Специальное внимание уделено динамике численности, расселению в ряде стран, формированию социально-профессионального состава в XIX–XX вв. и утверждению этнонима и

этнического самосознания, сыгравших важную роль в новейшей этнополитической истории, в т. ч. в утверждении на правовой основе собственной государственности в виде национально-территориальной автономии – «Гагауз Ери» («Гагаузии»). Принципиальное значение имеют главы книги, посвящённые пантеону культов и устному народному творчеству.

В монографии «Узбеки» подробно рассматриваются дискуссионные проблемы формирования национальной идентичности. Книгу можно считать первым монографическим изданием по этнологии узбеков в России за последние 50–60 лет, она отражает изменения, которые произошли в изучении темы за этот период, приводит новые факты, концепции и гипотезы. Текст написан на основе исторических источников, хранящихся в архиве Академии наук и Центральном государственном архиве Республики Узбекистан, обширного полевого этнографического материала, собранного специалистами Узбекистана и России, статистических данных, предоставленных официальными органами Узбекистана. В написании книги участвовал большой коллектив ученых – сотрудников Института истории, Института искусствознания, Института языка и литературы Академии науки Узбекистана, Национального университета Узбекистана, Ташкентского исламского университета, а также Института этнологии и антропологии Российской Академии наук.

Том «Кыргызы» представляет собой совместный труд кыргызских и российских ученых, который охватывает все стороны народной культуры и этнического развития за длительный период; масштабно исследуются как традиционные явления, так и трансформационные этносоциальные и этнокультурные процессы. Такое исследование осуществлено впервые в истории науки постсоветского Кыргызстана. За полвека, прошедшего после выхода фундаментальной работы С.М. Абрамзона «Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи», изменились не только общественно-политическая и социально-экономическая жизнь, но и сама этнологическая наука. Том представляет собой результат сотрудничества целого ряда научно-исследовательских учреждений: Национальной академии наук КР с Институтом этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, в первую очередь, а также Института истории и культурного наследия НАН КР, Института языка и литературы имени Ч.Т. Айтматова НАН КР, Института философии и политико-правовых исследований НАН КР. В создании тома также приняли участие ведущие научные кадры Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына, Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева, Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики, Кыргызского национального аграрного университета имени К.И. Скрябина, Бишкекского гуманитарного университета имени К. Карасаева, Ошского государственного университета. Иллюстрации представили архивы ИЭА РАН, МАЭ РАН, РЭМа, Центрального государственного архива кинофонофото документов Архивного агентства при

Правительстве Кыргызской Республики, Кыргызского национального музея изобразительных искусств имени Г. Айтиева, Государственного исторического музея Кыргызской Республики, Общественных фондов и объединения «Ак-Терек», «Фонда развития села», «Кыргыз эл», личных архивов ученых и фотографов.

Коллективная монография **«Туркмены»** обобщает исторические, этнографические, демографические, антропологические материалы, собранные и опубликованные до настоящего времени по различным аспектам истории и культуры туркменского народа. В подготовке текстов рукописи принимали участие сотрудники ИЭА РАН, МАЭ (Кунсткамеры) РАН, Института истории АН Туркменистана, Министерства культуры Туркменистана. В книге освещаются история изучения туркменской этнографии, вопросы истории туркменского народа, его расселение (в т. ч. составлена карта расселения туркмен в России по итогам переписи РФ 2010 г.), особенности жизнедеятельности, основные занятия, жилище, одежда, система питания, обряды, обычаи, праздники, народное творчество.

Коллективная монография **«Азербайджанцы»** подготовлена в Институте археологии и этнографии Национальной Академии наук Азербайджана; в написании отдельных разделов принимали участие сотрудники Института истории и исторического факультета Бакинского университета и Института этнологии и антропологии РАН. Азербайджанцы – самый крупный по численности народ Южного Кавказа – составляют подавляющее большинство населения Азербайджанской Республики (8172,8 тыс. чел. по переписи 2009 г., т.е. 91,6% населения страны). Компактными группами они живут также в Грузии и Дагестанской Республике РФ; на остальной территории РФ, по официальным данным, их более 600 тыс. Азербайджанцы составляют также основное население северо-западных регионов Исламской Республики Иран (около 20 млн.). В книге излагаются основные исторические, географические и этнокультурные аспекты (включая современные), компоненты материальной культуры, традиционной хозяйственной деятельности, своеобразной традиционно-бытовой культуры, включая народные обычаи, обряды, праздники, фольклор и т.д.

В 2021 г. вышел в свет том **«Казахи»**. В данной коллективной монографии представлены последние достижения научного знания по казахской этнологии. Вводятся новые фактические данные, подходы и концепции, предложенные казахстанскими учеными. На основе письменных источников, данных археологии, этнографии, лингвистики воссоздается историко-культурный феномен кочевой цивилизации казахов. Представлен новый обширный материал по памятникам народного зодчества и монументального искусства. Особое внимание обращено на современные процессы религиозного возрождения. На новейших данных написаны разделы по современному этнокультурному развитию казахского аула. В томе задействованы материалы и авторы ведущих казахстанских и российских специалистов. Из Республики Казахстан: сотрудников Института истории и

этнологии имени Ч. Валиханова КН МОН РК, Евразийского национального университета имени Л. Гумилева, Казахского национального университета имени аль-Фараби, Центрального государственного музея Казахстана, Института языкознания имени Байтурсынулы МН–НАН РК, Института востоковедения имени Р. Сулейменова КН МОН РК, Музея народных национальных инструментов, Национального педагогического университета, Актауского, Актюбинского и Жетысуского государственных университетов. Российские авторы представляют Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российский этнографический музей, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

В томе задействованы полевые материалы экспедиций 1950 – сер. 1980-х гг. отдела этнографии ИИАЭ АН КазССР, осуществленных фактически во все области Казахстана (часть этих материалов не опубликована и малоизвестна); экспедиции 1970–1980-х гг. (Ажигали С., Толеубаев А., Тохтабаева Ш., Калыш А., Мустафина Р. и др.); фронтального этнокультурного обследования Казахстана 1998 г.; Западно-Казахстанской этноархеологической экспедиции 1990, 1997, 2000-х гг. (рук. С.Е. Ажигали); Монгольской этнографо-этноархеологической экспедиции ИИЭ МОН РК 2001–2013 гг.; Китайской (Синьцзянской) этнографической экспедиции ИИЭ МОН РК 2010–2014 гг.; экспедиции в российско-казахстанское пограничье ИЭА РАН и МГУ имени М.В. Ломоносова 2006–2012 гг. (рук. Е.И. Ларина и О.Б. Наумова). К работе привлечены фонды архивов и музеев, которые обладают документами и фотоматериалами по истории и этнографии казахов: Центрального государственного музея Казахстана (Алматы), Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург); Архива Русского географического общества (Санкт-Петербург); Научного архива Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва) и др.

Несколько последних лет идет работа по необходимому переизданию дополненного новыми источниками, в т. ч. полевыми материалами и иллюстрациями тома «Русские». Этим трудом планируется завершить работу по многолетнему научно-издательскому проекту.

Таким образом, треть томов были написаны именно в сотрудничестве нашего института с авторами иных сопредельных государств, более трети томов серии освещает сложнейшие и высоко востребованные современным читателем темы тюркского мира (15 томов полностью посвящены тюркским народам, и один том содержит частичную информацию). Международное сотрудничество дало очевидные плоды научного творчества. При написании томов, подчеркнем, охватывающих большой круг этнических тем, не могли не возникать научные споры. Но всегда удавалось преодолевать разногласия, так как дискуссии проходили в академической форме, и благодаря толерантности удавалось найти компромиссные варианты, часто излагались различные точки зрения по существующим сложным и особенно этически тонким вопросам.

Напомним, что первоначально была утверждена 30-томная серия, но в ходе социально-политических трансформаций нашего общества число томов возросло естественным образом. История создания серии растянулась более чем на три десятка лет, и она завершается публикацией последних томов (приближаясь к 38, объём каждого – от 42 до 80 а.л.). Тома удостоивались многократно высших наград международных, национальных и всероссийских конкурсов научно-издательских проектов. Рейтинг томов серии является высоким на всероссийских и международных книжных ярмарках последних десятилетий и признаваемым в крупнейших библиотеках мира, включая библиотеки Кембриджа, Оксфорда, Японии, Польши и др.

Summary

Tishkov Valery, Missonova Liudmila. Peoples of Eurasia in the Series «Peoples and Cultures»: Results of the 30-year International Scientific Publishing Project

The academic multi-volume series «Narody i Culture» («Peoples and Cultures») covers most of the peoples living on the territory of the CIS countries. One third of the volumes is devoted to the culture of the peoples of the Turkic world. Collective monographs are a comprehensive research description of the ethnic culture of peoples in its historical and modern forms. Information about the habitat, the ethno-political history of peoples, the dynamics of population, the development of economic activity, socio-normative and professional culture, calendar and other vital customs and rituals are designed to expand humanitarian knowledge about peoples and promote a tolerant perception of interethnic relations. A detailed conceptual description of the role of various states and ethnic self-determination in different time epochs makes it possible to show the identity (at the same time diversity) and historical unity of the described specific peoples with the surrounding ethnic communities of the CIS states.

Keywords: The series «Peoples and Cultures», history and ethnography of the peoples of Eurasia.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА В АСПЕКТЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРАЗИЙСТВА

Акилова К.Б.

*Доктор искусствоведения, профессор
заслуженный работник культуры Республики Узбекистан
директор Галереи изобразительного искусства Узбекистана
г. Ташкент, Узбекистан
kamola-nur@rambler.ru*

Аннотация. Концепция евразийства, на наш взгляд, не так популярна в Узбекистане в исследовательском ракурсе, но, как свидетельствует историко-культурное наследие Узбекистана, она с древности находила свое отражение в артефактах разных исторических периодов. Из всех представителей концепции евразийства в Узбекистане наиболее популярен Л.Н. Гумилев с его теорией этногенеза и биосферы земли, изучением взаимосвязей древних тюрков и Великой степи, отказом от европоцентризма в отношении вопросов монголо-татарского ига и др. В определенной степени концепция евразийства имеет некоторые общие черты с джадидизмом – прогрессивным направлением в Туркестане, призывавшим к модернизации сфер образования, культуры, литературы за счет синтеза достижений Запада и Востока и создания самобытной национальной культуры. Историко-культурное наследие Узбекистана – это огромный пласт культуры разных исторических этапов. В данном сообщении мы хотели бы остановиться на некоторых исторических этапах и художественных стилях на материале некоторых музейных артефактов Узбекистана, которые позволяют проводить аналогии искусства на территории Узбекистана с евразийским.

Ключевые слова: наследие, евразийство, история искусств, национальная идентичность, культурные коды.

Прежде чем перейти непосредственно к теме своего сообщения, я хотела бы остановиться на некоторых дискурсах и проблемах, которые позволяют объективно и полноценно рассмотреть связь историко-культурного наследия Узбекистана и концепцию евразийства.

В период независимости в художественной культуре Узбекистана с 1991 года актуализировались проблемы выбора дискурса (а говоря о концепции евразийства, мы говорим именно о выборе дискурса), как оказалось, не только для научного осмысления прошлого или определения настоящего, но и разработки стратегии перспективного развития всех видов художественной культуры. Я думаю, это состояние понятно для представителей культуры всех стран Содружества Независимых Государств, которые с 1991 года встали перед выбором стратегий и концепций, формированием новой идеологии независимых государств, когда прежние ориентиры были стерты, и нужно было создавать новые.

Важным дискурсом в последние 30 лет в художественной культуре Узбекистана стал поиск национальной идентичности, углубленное изучение собственной истории, исторических этапов культуры и искусства, возвращение национального языка. К примеру, уже сегодня период независимости в Узбекистане можно дифференцировать на два этапа: 1) 1991–2016 гг.; 2) с 2017 г. по настоящее время.

Первый этап (1991–2016 гг.) в силу выбора стратегии, ориентированной на своеобразие развития страны в отличие от других зарубежных стран, специфики «узбекской модели» социально-экономического развития, при двусторонних контактах со странами, определенной степени закрытости страны для участия в многосторонних международных организациях, отличался спецификой развития художественной культуры и искусства и его научным осмыслением. Контакты и мероприятия в разных форматах проходили, в основном, на уровне двусторонних межгосударственных связей и личных взаимоотношений.

Период с 2017 г. по настоящее время стал периодом открытости Узбекистана, его вхождения во все международные организации и не просто вхождения, а активизации деятельности во всех направлениях, а главное, ориентированностью на модернизацию всех сфер жизни общества. Сегодня нет ни одной сферы, где бы не происходили инновационные процессы, в том числе в сфере художественной культуры и ее осмысления. Важным моментом является и тот факт, что Президентом Республики Узбекистан Ш. Мирзиёевым приоритетом во внешней политике страны был взят курс на укрепление сотрудничества и добрососедства стран региона Центральной Азии.

Хотелось бы несколько слов сказать о школе искусствознания Узбекистана, которая на сегодняшний день имеет свои этапы развития, а также персоналии – ученых с мировым именем, фундаментальные труды которых активно цитируются зарубежными исследователями. Это касается истории, археологии, архитектуры, этнографии, искусствознания. Научно-исследовательский институт искусствознания был создан в 1928 г., единственный в регионе до 2000-х гг. он прошел свой длительный эволюционный путь. Многонациональным составом исследователей была создана уникальная школа по изучению обширной проблематики историко-культурного наследия Узбекистана и региона Центральной Азии в целом, благодаря которому существуют традиции национальной школы искусствознания. К примеру, Русь и Восток, Восток и Запад, тюрко-согдийский симбиоз в художественной культуре – это некоторые из теоретических проблем, которые были сформулированы известным ученым Л.И. Ремпелем, которые продолжают и должны изучаться в свете все время обновляющейся историографической базы, меняющегося контекста [1].

Международные контакты в области культуры сегодня актуализируют необходимость равного партнерства с взаимным уважением национальной идентичности друг друга. И еще один важный фактор – это объективность, которая сегодня для нас должна являться основополагающим принципом как в

культурных мероприятиях, так и в научных исследованиях. Исследовательская база наследия Узбекистана на современном этапе достаточно обширна, кроме исследований узбекских авторов, она включает исследования российских, европейских, американских, китайских, японских, корейских, арабоязычных и других авторов. Переиздаются средневековые труды путешественников, российские источники конца XIX – начала XX веков, посвященные истории Узбекистана, что, безусловно, обогащает исследовательскую мысль, эволюционирует и методология исследований.

Концепция евразийства, на наш взгляд, может быть не так популярна в Узбекистане в исследовательском ракурсе, но, как свидетельствуют музейные коллекции Узбекистана, она с древности находила свое отражение в артефактах разных исторических периодов. Не углубляясь в труды Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского, Л.П. Карсавина, П.П. Сувчинского и других, вспомним, что евразийство возникло в 1920–1930 гг. как идейно-политическое и философское течение, в основе которого концепция русской культуры отстаивала свою уникальность, состоящую в соединении западных и восточных черт и потому принадлежащую Западу и Востоку, в тоже время сохраняющую свою самобытность. Важно отметить, что евразийцы настойчиво обосновывали мысль, согласно которой национальная культура должна быть самобытной.

Из всех представителей концепции евразийства в Узбекистане наиболее популярен Л.Н. Гумилев с его теорией этногенеза и биосферы земли, изучением взаимосвязей древних тюрков и Великой степи, отказом от европоцентризма в отношении вопросов монголо-татарского завоевания и др. [2]. Примечательно, что современные исследователи уточняют сам термин «Евразия», который понимается не как континент, а как три равнины: Восточно-Европейская, Сибирская и Туранская. В этом плане нас более всего интересует пространство, именуемое Туранская равнина (южная часть Средней Азии и Казахстана, часть территорий Узбекистана, Туркменистана и Казахстана) и ее взаимосвязи с двумя вышеназванными пространствами. Иногда «Евразия» понимается как территория, объединяющая Центральную Европу, Центральную Азию, Центральный Кавказ.

В определенной степени концепция евразийства имеет некоторые общие черты с джадидизмом – прогрессивным направлением в Туркестане, призывавшим к модернизации сфер образования, культуры, литературы на основе синтеза достижений Запада и Востока и созданию самобытной национальной культуры [3].

Историко-культурное наследие Узбекистана – это огромный пласт культуры разных исторических этапов, имеющий не только количественные параметры, но и сущностные, качественные мировоззренческо-содержательные показатели. В данном сообщении мы хотели бы остановиться на некоторых исторических этапах и художественных стилях на материале некоторых музейных артефактов Узбекистана, которые позволяют проводить аналогии искусства на территории Узбекистана с евразийским.

Как известно, истоки генезиса искусства Узбекистана теряются в глубокой древности. Свидетельством этому являются наскальные рисунки, крупнейшие местонахождения которых находятся в Узбекистане под Самаркандом (Илян-сай, Ак-сай), в Сурхандарье (Зараут-сай), в Навоийской области (Сармышсай), в Джизаке (Теке-таш) и др. Хронологически они относятся к эпохе каменного века, в большинстве своем к эпохе позднего палеолита. Тематически они отражают в основном образы животного мира: козлы, архары, лошади, собаки, антилопы, маралы, быки и яки. В сюжетном плане это сцены охоты, сцены плясок в целях утешения зверя или его умиловивания. Как отмечали исследователи, эти сцены напоминали известное камлание шаманов (сцена плясок у обожествленного козла, среди зверей и солнечных кругов) [4, с.16].

Встречаются и сюжеты будней первобытного человека: пахота на яках, езда на колесницах со сплошным дисковым колесом. Что интересно, в наскальных рисунках Сармышсай встречаются и изображения построек: домов общины, святилищ, жилых построек с дворами для загона скота. Изучая первобытное искусство, невозможно не отметить тот факт, что истоки как реалистического, так и абстрактного направления были заложены в глубокой древности. Более того, скелетный прием изображения позволил впоследствии перейти к символам и знакам, которые оказались наиболее способными защитить первобытного человека от злых духов, стихий природы, смерти.

Петроглифы Узбекистана, как и древние наскальные рисунки Евразии, обладали синкретичностью, когда в изображении концентрировались и мысль, и чувство, и вера, и практическая потребность. Некоторые темы и сюжеты стали «вековыми образами и бродячими сюжетами» в последующем развитии искусства [5].

Интерес представляют изделия, выполненные в знаменитом «зверином стиле», охватившем ареал всей Евразии. В изделиях, выполненных в «зверином стиле», невозможно не отметить концентрацию древних художников на типичных особенностях представителей животного мира, умелой компоновке сложных поз зверей и птиц, использовании геометрических и растительных мотивов в изображении мышц или отдельных частей тела.

Как известно, для «звериного стиля» было характерно воплощение определенных образов, прежде всего оленей, хищников из семейства кошачьих и птиц в нескольких канонических позах. Эти мотивы в основном служили для украшения воинского костюма, конского убора, ритуальных сосудов. Конечно, они несли в себе какую-то определенную смысловую нагрузку, в интерпретации которой исследователи придерживаются различных точек зрения. Одни исследователи считают, что в основе «звериного стиля» лежат магические представления об обеспечении владельца этих изображений теми качествами, которые присущи изображаемому животным. Другие исследователи полагают, что скифы мыслили своих богов в зооморфных образах. Третьи полагают, что скифы передавали через «звериный стиль» основы мироздания [6, с. 182]. Так или иначе, найденные предметы дают основание полагать о

проникновении или существовании «звериного стиля» в истории искусства Узбекистана.

Еще один аспект – это исследования в области тюркологии и, в частности, тюркологического искусствознания. На современном этапе в регионе Центральной Азии заметно возрос научный интерес к тенгрианству – религии древних тюрков, исповадовавших культ Неба. На наш взгляд, тюрки не были просто воинствующими племенами, они были носителями определенного мировоззрения, миропорядка, который нашел свое выражение в самобытной картине мира и, в частности, в художественной картине тенгрианства.

Древние тюрки считали, что Вселенной правят Тенгри-хан – верховное божество; божества Йер-суб, Умай, Эрлик, Земля, Вода, Огонь, Солнце, Луна, Звезды, Воздух, Облака, Ветер, Смерч, Гром и Молния, Дождь, Радуга [7, с. 8].

В тюркской религии было много культовых обрядов. В китайской летописи сказано, что тюрки превыше всего чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимн земле, поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю, и называют его Богом (Тенгри). Свое почитание солнца они объясняли тем, что Тенгри и его помощник Кун (Солнце) руководят созданным миром; лучи солнца – нити, посредством которых духи растений сообщаются с солнцем. Тюрки дважды в год приносили жертву солнцу – свету: осенью и в конце января, когда первые отблески солнца показывались на вершинах гор [8].

Как отмечали исследователи, «знаково-символической основой в тенгрианской картине мира являлись космические явления и образы природы (небо, вода, земля, огонь, образы анималистического мира). В образе предка того или иного рода или племени выступал какой-либо зверь или птица: волк, барс, олень, баран, козел, ворон, степной орел, и т. д. Самые известные тотемы тюрков – волк и лебедь (белый гусь – «каз ак»). Изображения тотемических животных украшали оружие и одежду воинов, орудия труда, ритуальные атрибуты и другие предметы родовой собственности» [9, с. 12].

Анализ древних памятников архитектуры Центральной Азии и, в частности, Узбекистана позволяет сделать вывод, что все они непосредственным образом были связаны с космологией. Они все были связаны с культом Неба, ориентированы на восход Солнца и Луны в дни равноденствия и солнцестояния. Например, сооружение Кой-Крылган-Кала (IV в. до н.э. – IV в. н.э.) представляло собой уникальный храм-обсерваторию, посвященный солнечному божеству. Необходимо констатировать геометрическую четкость сооружения, в основе которого лежит круг – один из символов солнца в тенгрианстве. Еще один архитектурный памятник – Чилпак – представляет собой памятник из 120 курганчиков сакского периода, обсерваторию под открытым небом, где, как пишет М.С. Булатов, «осуществлялась служба времени» [10]. То есть, это уникальный сакский храм под открытым небом, несший функцию календаря. Предположительно, на нем был и храм благопожеланий и охраны от злых сил. Интерес вызывает и храм сабейцев (звездопоклонников) близ Самарканда (V в.), выстроенный в форме идеального квадрата (43х43м). Как известно, квадрат – древний знак земли, 4-х

сторон света, 4-х стихий, ассоциирующийся с прочностью, неизменностью, стабильностью, оседлостью.

Что интересно, в Средней Азии мотив равноконечного креста – непосредственного атрибута тенгрианства был известен с древности. Как отмечает Л.И. Ремпель, на самаркандских оссуариях VI–VIII вв. оттиснуты кресты с уширенными концами, которые чередуются с крестами, вписанными в полуокружность [11, с.14].

Сохранение художественной картины тенгрианства демонстрирует орнаментально-изобразительная система традиционной вышивки Узбекистана, и в особенности ташкентской школы вышивки. Неслучайно, самоназвание крупной вышивки в ташкентском оазисе, в отличие от других регионов, определяется как «паляк» (небосвод). «Тогора паляк», «юлдуз паляк», «ой паляк», в основе орнаментального строя которых лежит мотив круга – модификации крупных вышивок Ташкента и Ташкентской области с астральными мотивами. Необходимо отметить, что Ташкентский оазис занимает одно из первых мест в Средней Азии по количеству погребальных комплексов кочевников античного времени.

Роль Великого Шелкового пути в активизации евразийских контактов огромна и бесспорна. По сути, это был трансфер религий, культур, традиций, духовных и материальных ценностей. Множество произведений искусства, хранящихся в музеях Узбекистана, отражает разнообразие и взаимовлияние традиций (китайских, тюркских, согдийских, индийских), отражающих в себе миропонимание различных религиозных конфессий: зороастризма, буддизма, тенгрианства, манихейства, христианства несторианского толка. Они приобретают еще большее значение в связи с новыми исследованиями.

Новые точки зрения возникают в исследованиях, посвященных монгольскому периоду. Сегодня во многих исследованиях пересматривается точка зрения на Чингисхана, чингизидов, состав племен (тюрко-монгольские племена), значимость Золотой орды и др. Именно в период Золотой Орды возникает имперский стиль, в создании которого участвовали разные народы. Как пишут исследователи: «Основное влияние на развитие искусства в Золотой орде, без сомнения оказал Хорезм (Ургенч). Это проявилось в том числе при строительстве домов, где татары стали применять узоры из керамики. К сожалению, не представляется возможным точно выяснить, какие именно предметы прикладного искусства были ими вывезены из Хорезма, что конкретно произвели хорезмские мастера непосредственно на Волге, и что под их влиянием создали татары. Ясно только одно, что под воздействием различных факторов в искусстве Сарая возникла своя своеобразная манера, основанная на среднеазиатском стиле» [12, с.375–376].

Тимуридский период занимает важное место как в истории Узбекистана, так и в истории огромного евразийского пространства. В тимуридский период происходит подъем градостроительства и городской жизни. Этому способствовали такие факторы, как расцвет транзитной торговли, расширение ремесленного производства, рост городского населения, сосредоточие

исламской культуры в городах. Со второй половины XIII века вновь начинается архитектурное строительство. Первыми постройками этого этапа были медресе Масудийе в Бухаре, мавзолей шейха Сейфеддина Бохарзи – представителя суфийского ордена Накшбандия, имевшего огромный авторитет у правителей Золотой Орды.

Огромное количество архитектурной майолики, керамических изделий, художественной чеканки, ювелирного искусства, текстиля также представляют собой симбиоз традиций и культур. Именно в этот период были заложены традиции и локальные особенности богатейшей традиционной культуры Узбекистана, которая в евразийском пространстве имеет общность с традиционной культурой других народов.

К примеру, личность Алишера Навои как яркого представителя тимуридской эпохи. Как отмечал Конрад, захватывает удивительный универсализм мышления Алишера Навои, возведенного на уровень мировоззренческого порядка [13, с. 275]. Причем, это не просто универсализм Навои как личности – он был одновременно поэтом, художником, музыкантом, теоретиком литературы, историком, каллиграфом. Это универсализм понятийной основы самой художественной культуры, объединяющей культуры народов разных исторических пластов, религиозных вероисповеданий, художественных традиций, мировоззренческих представлений. Вспомним героев его «Хамсы»: Фархад – китаец, Кайс – араб, Ширин – армянка, Шапур – перс, Искандер – грек. То есть, принципы планетарности сознания, синтеза национального и общечеловеческого, диалога культур, которые актуализировались в XX веке, были совершенно органичны для мировоззренческих основ художественной культуры тимуридской эпохи.

XX век вновь в силу историко-политических, социокультурных факторов активизировал евразийские связи. Проблема синтеза Запада и Востока получила новый виток развития. Но необходимо отметить, что данный процесс в искусстве – синтез Запада и Востока – был обоюдным. Не только Восток тянулся к Западу, но и Запад к Востоку. В европейском искусстве и в русском изобразительном искусстве, в частности, возникло такое уникальное явление как «ориентализм», обратившийся к Востоку за обогащением своего содержательного, формально-пластического языка, необходимого также для его дальнейшего развития. Подобно тому, как французские художники искали вдохновение на Гаити, в Алжире и Марокко, так и русские художники «осваивали» окраины Российской империи.

Первыми художниками-станковистами в Туркестанском крае были русские художники – воспитанники Петербургской Академии Художеств В. Верещагин, Н. Каразин, Р. Зоммер, С. Дудин, С. Юдин, Л. Бурэ, И. Казаков, В. Развадовский. Основной концепт их творчества составлял этнографический реализм, позволивший мастерски отобразить архитектурные памятники, специфический быт, традиционный уклад жизни, искусство автохтонных народов, этническую и религиозную культуру местных народов в формах станковой живописи. Благодаря их творчеству в Туркестане произошло

знакомство местного зрителя с европейскими формами искусства, были открыты студии художественного творчества, стали проводиться выставки картин, было создано «Общество изящных искусств и кустарной промышленности», открыт Ташкентский краеведческий музей.

Советский период в истории искусств Узбекистана, как и во всем советском искусстве, был сложен и неоднозначен. Революция 1917 года совершила коренную ломку не только в политической, экономической, социальной сфере, но и в сфере художественной культуры, общественного сознания, духовных ценностей и приоритетов в формировании личности. Изменение социального состава общества, провозглашение социальной однородности, единой массовости, вовлечение этих масс в сферу промышленного производства, коллективного хозяйства, приоритеты формирования новой культуры, нового искусства, нивелирование традиционной культуры как сопутствующей предыдущему общественному строю, не могли не отразиться на всех сферах художественного творчества.

Именно в 1920-х годах происходит формирование национальной школы изобразительного искусства в Узбекистане. В 1920-х годах, как и во всем советском искусстве, активно развивается агитационно-массовое искусство, оформление революционных праздников, открываются художественные школы в Ташкенте, Самарканде, Андижане. Многие художники получали дальнейшее образование в художественных студиях Москвы, Петербурга, Высшем художественном училище при Академии Художеств, ВХУТЕМАСе и др.

В этот период наблюдается большой приток художников из России, которые в Узбекистане обрели вторую родину, сформировались как уникальные творческие личности и внесли большую лепту в сложение своеобразной школы изобразительного искусства. 1920-е и начало 1930-х годов, несмотря на фазу становления изобразительного искусства в Узбекистане, вошли в историю искусства как период свободы, раскрепощения творческого духа, одновременного сосуществования различных творческих стилей: реализма и художественных течений авангарда. Воспитанники Петербургской Академии Художеств С. Юдин, И. Казаков, М. Новиков продолжали традиции этнографического реализма.

Но в основном, это было десятилетие, в которое зародилось такое уникальное явление как «туркестанский авангард», все представители которого кроме Р. Мазеля, жили и творили в Узбекистане.

Сразу хочется оговорить, что в произведениях туркестанского авангарда нет бунтарского духа, нет протеста. Кстати, именно это качество, привнесение внешней стилистики, а не онтологических, содержательных основ того или иного западноевропейского течения, станет характерным для интерпретации всех других стилей в узбекском изобразительном искусстве XX века, начиная с кубизма и до постмодерна. Уникальность туркестанского авангарда заключалась в том, что он генерировал опыт, достижения русского авангарда (а тот, в свою очередь, опыт европейского) с художественным опытом традиционной культуры Среднего Востока. В 1920-е годы художники

находились в самом непосредственном взаимодействии с традиционным искусством, определявшим атмосферу городской жизни, тесно связанным с традиционным бытом, обычаями, обрядами, выражающими веками передаваемые эстетические представления народа, чтобы ощутить его природу, оценить его красоту и силу воздействия, вдохновиться им, чтобы творить.

В 1930–50-е годы изобразительное искусство Узбекистана, развиваясь в русле тенденций всего советского искусства, не избежало противоречивых и драматических процессов. Узкое понимание социалистического реализма не как творческого метода, а как художественного стиля, утверждение нормативности в искусстве, породившее комплекс предписаний пластического видения, ограниченное понимание смысла художественной традиции, сведение его, по преимуществу, к традициям русской демократической художественной культуры XIX века ограничивали полноценное развитие искусства, для которого при высоком уровне профессионального мастерства, идейно-творческой зрелости индивидуальностей, важна свобода художественного сознания.

Во второй половине 1950-х годов в изобразительном искусстве Узбекистана наступает торжество реализма, обновленное творческими поисками художников академического направления: Р. Ахмедова, Н. Кузыбаева, М. Саидова, Т. Оганесова, В. Жмакина, Ю. Елизарова. Признавая, что их работы составляют золотой фонд истории живописи Узбекистана, нельзя не констатировать, что их творческие поиски также отражают духовные поиски конкретной эпохи. Поиск национального своеобразия в понимании этих художников отождествляется с национальными портретными типажам, жанровыми сценами, национальными пейзажами. Именно такая трактовка национального своеобразия была определена официальной эстетикой, находя свое воплощение в различных национальных школах. В тот период было искусство и другого характера, с большой социальной заостренностью (к примеру, творчество Н. Шина с тематикой сталинских репрессий, геноцида корейского народа), однако оно было исключено из системы официальной художественной культуры.

Изобразительное искусство Узбекистана 1970–80-х годов отличается многообразием и взаимовлиянием художественно-стилистических направлений, обращение к обширному кругу традиций, эволюция жанровой структуры, широкий тематический круг, разнообразие творческих индивидуальностей. В определенной степени можно сказать, что искусство Узбекистана этого периода, и в особенности второй половины 1980-х годов, подготовило почву для последующего развития искусства в период независимости с акцентированным выражением проблем национальной идентичности.

Важно отметить, что поиск гуманистических ценностей в узбекском искусстве периода независимости гармонично сочетается с поиском сохранения и выражения национального самосознания, осмысления собственных уникальных историко-культурных традиций, самобытной художественной «картины мира» и философии, поэтики Востока. Причем, это передается

посредством языка авангарда, модернизма, постмодернизма, которые сегодня являются не просто стилями и направлениями в искусстве Запада, а становятся транснациональными формами художественного выражения современного искусства, понятными в различных уголках планеты. Включение символики, мотивов различных культур (архаических, средневековых, азиатских, европейских, африканских и др.) становится своего рода поиском универсализма художественного языка.

На современном этапе, в сложных условиях мирового развития, мы ощущаем необходимость выбора дискурсов для развития художественной культуры и научных исследований, не разделяющих, а объединяющих страны, народы, культуры. Мир глобализован, и ни одна национальная культура не может развиваться в изоляции. Профессиональное изобразительное искусство Узбекистана во всех его видах и жанрах сформировалось, главным образом, в XX веке и является продуктом евразийского мышления, продолжая нести в себе культурные коды и генетическую память прошлого, адаптируя и развивая их в современности.

Список литературы

1. *Ремпель Л.И.* Искусство Среднего Востока. Избранные труды по истории и теории искусств. – М.: Советский художник, 1978. – 284 с.
2. *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. – М.: Товарищество «Клышников – Комаров и К», 1992. – 511 с.; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Товарищество «Клышников – Комаров и К», 1993. – 513 с.; Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. – М.: АСТ, 2008. – 606 с.; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – М.: Издательство АСТ, 2021. – 704 с.; Гумилев Л.Н. Три китайских царства. – Москва: Родина, 2022. – 272с.
3. *Алимова Д.А.* Феномен джадидизма. II. Ташкент: Узбекистан, 2009. – 184 с.+32 с. (вкл.).
4. *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIXв. – М.: Искусство, 1965. – 688 с.
5. *Ремпель Л.И.* Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. – Ташкент: издательство литературы и искусства Гафура Гуляма, 1987. – 192 с. с илл.
6. Древние цивилизации. Под общей ред. Г.М. Бонгард-Левина. – М.: Мысль, 1989. – 182 с.
7. *Безертинов Р.Н.* Тэнгрианство – религия тюрков и монголов. – Казань: Слово, 2004. – 448 с.
8. *Шайдуллина Л.Д.* Религиозно-культурные коды тюрков северной Евразии и их преемственность. [Электронный ресурс]. URL: tatarkam.livejournal.com/22399.html
9. *Таниева Ж.К.* Знаки и символы в традиционном и современном искусстве Казахстана. Автореферат дис. на соискание ученой степени канд. искусствоведения. – Алматы, 2010 г.

10. Булатов М.С. Космос и архитектура. – Москва-Ташкент: ИТД «СМИ-АЗИЯ», 2009. – 288 с.
11. Ремпель Л.И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. – Ташкент: издательство литературы и искусства Гафура Гуляма, 1987. – 192 с. с илл., с. 14
12. Шпулер Б. Золотая орда. – М.: Евразия, 2021, – 586 с.
13. Конрад Н.И. Средневосточное возрождение и Алишер Навои / В сб. «Запад и Восток». – М.: Наука, 1972. – С. 273–289.

Summary

Akilova K.B. Historical-Cultural Heritage of Uzbekistan in the Aspect of the Concept of Eurasianism

The concept of Eurasianism, in our opinion, is not so popular in Uzbekistan from a research perspective, but, as evidenced by the historical and cultural heritage of Uzbekistan, since ancient times it has been reflected in artifacts from different historical periods. Of all the representatives of the concept of Eurasianism in Uzbekistan, the most popular is L.N. Gumilev. It has some common features with jadidism - a progressive trend in Turkestan, which called for the modernization of the spheres of education, culture, literature by synthesizing the achievements of the West and the East, and creating an original national culture. The historical and cultural heritage of Uzbekistan is a huge layer of culture of different historical stages. In this report, we would like to dwell on some historical stages and artistic styles on the material of some museum artifacts of Uzbekistan, which allow us to draw analogies between art on the territory of Uzbekistan and Eurasian art.

Keywords: heritage, Eurasianism, art history, national identity, cultural codes.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ

Урманбетова Ж.К.

*Доктор философских наук, профессор
Кыргызско-Турецкий университет «Манас»*

г. Бишкек, Кыргызстан

cildiz.urmanbetova@manas.edu.kg

Аннотация. В статье регион Центральной Азии рассматривается в контексте феномена Евразии, при этом актуализируется значимость региона как буфера во взаимоотношении национального государства и глобализации. Особый акцент ставится на рациональности как типе мышления, отражающем суть современной геополитики, ведущей начало от древнегреческих истоков философии.

Ключевые слова: Евразия, Центральная Азия, геополитика, рациональность, глобализация, кочевая культура.

Современные процессы развития мира и в геополитическом, и в этно-национальном, и в социально-культурном аспектах с неизбежностью и необходимостью поднимают проблему регионального единства как ответ на вызовы истории. Этот вопрос с каждым годом не только все более актуализируется, но и становится судьбоносным в смысле возможности и необходимости обозначения каждым государством своего места и роли в мировом пространстве.

Учитывая, что каждое государство Центральной Азии в течение трех десятилетий претерпевает кризисные процессы самоидентификации в контексте мирового геополитического пространства, вопрос о региональном единстве время от времени всплывал как на уровне самого региона, так и в контексте взаимоотношений мировых игроков. Одновременно с этим индивидуальные противоречия, сопровождающие бытие каждого государства, не позволяли выработать стратегию развития региона, которая и должна была стать тем буфером, который был призван сглаживать эти самые противоречия.

В этом отношении активная роль в обозначении регионального единства Центральной Азии принадлежала внешним игрокам, каждый из которых инициировал определенный концепт, долженствующий стать центральным звеном или связующей нитью. Такими концептами в свое время были феномен «Большой Центральной Азии», инициированный Соединенными Штатами; идея Великого Шелкового пути, заявленная Китаем, и понятие «евразийства» как историко-политический концепт, выдвигаемый Россией. Каждый из обозначенных концептов, так или иначе, проявляет суть регионального единства Центральной Азии, которую можно и теоретически подкрепить, и найти механизмы для преломления в практику геополитической реальности.

Вместе с тем в течение тех же трех десятилетий ни один концепт не вылился в стратегически выверенную теоретическую концепцию, долженствующую стать основанием для реализации в современности.

В настоящем процессы мировой геополитики таковы, что необходимость в четком обозначении регионального единства не только очевидна, но и судьбоносна. Вместе с тем принципиальное отличие первой четверти XXI столетия заключается в том, что она разворачивается на фоне тектонического разлома, символизирующего собой не просто переход от одной эпохи к другой, но скорее завершения огромного пласта человеческой истории длиной в двадцать-двадцать пять веков и начала совершенно новой страницы истории. В этой связи хотелось бы рассмотреть проблему региональной интеграции не только в геополитической плоскости, но и, в первую очередь, философской, являющейся истоком определения и трансформации типов мышления, детерминирующих все остальные контексты развития, включая и геополитический. Это означает необходимость раскрытия существа мира в преломлении типа восприятия, и как следствие – типа предпочтительного осмысления современной реальности. В этом случае философская интерпретация проблемы выступает предтечей ее геополитического осмысления и обозначения.

Рациональность как актуальный тип мышления в истории геополитики

Бытие XXI века разворачивается в контексте сосуществования двух основополагающих тенденций развития – универсализма как проекции философии космополитизма и индивидуализма, а значит и прагматизма как отражения процессов множественной идентификации в преломлении государства. Такое рассмотрение движения истории актуализируется в течение двух последних десятилетий XX столетия, т.е. в тот период, когда рационализм как тип осмысления реальности и метод познания бытия достигает своего пика. Соответственно, обозначенные тенденции существа современности выступают проекцией именно рациональности как доминирующего типа мышления века технологического прогресса. Такая трактовка развития мира предстала детерминантой раскрытия диалектики сущности и существования в контексте геополитики современности.

Истоки рационализма как типа мышления восходят к Древней Греции. Вместе с тем необходимо осознавать, что рациональность как идеал древнегреческой философии была наполнена духовностью, но с течением исторического времени она претерпела существенные изменения. Начиная с эпохи Нового времени, т.е. XVII века, движение человечества продиктовано постоянным и постепенным усложнением прогресса. Это означает, что рациональность как тип мышления завоевала приоритетные позиции человека и его мышления в процессе освоения мира и понимания бытия с точки зрения его завоевания, покорения. Знаменитое декартовское изречение «я мыслю, следовательно, я существую» [1, с. 233] отражается в антропоцентрическом

отношении к окружающему миру. Покоряя природу, человек стал проецировать не духовность, а усложняющийся процесс материальных ценностей.

Теоретической подоплекой рационального истолкования существа государства в контексте развития мира представляется тезис Гегеля о детерминации жажды признания. Покоряя мир природы, человек одновременно формировал государственные устройства и общественные институты через призму «жажды своего признания». Именно поэтому Г.Ф.В. Гегель констатировал, что общественное движение и есть борьба за признание [2, с.241–242]. Основой этой борьбы был все тот же прогресс, ориентированный на покорение. И вот уже покорение стало не просто принципом существования человека в природе, но и принципом межгосударственного развития. Именно эта жажда признания мотивировала на использование силы как действенного оружия в межличностных, межкультурных, международных, межгосударственных контактах и отношениях. Это означало, что антропоцентрическая позиция человека в мире сопровождалась ужесточением возможности и необходимости признания себя наравне с другими – государства боролись за нахождение своей ниши в мировом пространстве. В некоторых случаях это сопровождалось жаждой признания своей исключительности в виде борьбы за пальму первенства в мировой политике, что привело к созданию империй.

Интерпретированная таким образом рациональность время от времени претерпевала кризис. Неслучайно, говоря о кризисе конца XIX века, Э. Гуссерль усматривал его корни в сбившемся с пути рационализме, когда духовность как его наполнение, отошла на задний план. Выходом из такой ситуации он считал создание чистых наук о духе как обновленном наполнении философии: «Наш окружающий мир есть духовное образование внутри нас и нашей исторической жизни. Для того, кто избрал своим предметом дух как таковой, нет поэтому никаких оснований требовать для этого мира иного объяснения, кроме чисто духовного» [3, с. 300]. Именно поэтому, по его мнению, в Древней Греции сформировался «тип духовной структуры, быстро развивающейся в системно замкнутую культурную форму – философию. Наряду с этим возникает – сначала внутри этого народа – дух универсальной культуры, вовлекающий в свою сферу все человечество, и начинается непрерывное развитие в форме новой историчности» [3, с. 302]. Однако этот подход, существовавший на протяжении многих столетий, в XVII веке дал сбой, который повлек за собой изменение смысловой направленности человеческой сути. В итоге и начали возникать кризисы, которые сам человек по незнанию интерпретировал в духе цивилизованности.

Точно так же именно поэтому Ф. Ницше требовал кардинальной переоценки ценностей, которая должна заключаться, прежде всего, в переоценке самого места ценностей в структуре человеческого существования [4, с.409]. Однако XX век усилил темпы покорения как реализацию иной рациональности, технологический прогресс достиг цифровой стадии. И все та же борьба за признание, а в некоторых случаях и предпочтения как проявления

имперской позиции определенных государств, основывала бытие мирового сообщества. В настоящее время кризис рационализма стал не просто более серьезен, он достиг своего высшего пика. Поэтому не решаемый на протяжении последних двух столетий кризис привел к естественному следствию. Либерализм как следствие абсолютного индивидуализма, основанного не на моральном выборе, а на покорении, развивается на фоне неравной борьбы за признание, за исключительность. И прав был Ф. Фукуяма, когда говорил, что между идеалами свободы и равенства есть противоречие: «большая свобода есть усиление неравенства» [5, с.77]. Это означает, что либеральные демократии никогда в полной мере не соответствуют идеалам свободы и равенства.

И сейчас сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, человек завоевывал этот мир и когда уже подумал, что завоевал, оказалось, что теперь необходимо себя сохранить. С другой стороны, в общественно-политическом разрезе государства развивались, движимые жаждой признания, а сейчас наступил момент, когда у каждого должен сработать инстинкт самосохранения – как суметь прожить в гармонии с изменившимся миром. Актуальны и востребованы новые способы и формы бытия, когда победу будут одерживать не только те, кто держит в руках нити технологического прогресса, а в первую очередь те, кто сможет и будет тонко чувствовать все, что происходит с миром и пытаться не только реагировать, но и ощущать пульс изменений. В этом отношении новыми ноу хау будут те, которые не только отражают пульс наукоемких технологий, а в первую очередь те, которые поймут ход экзистенциальной необходимости. Это и будет проявлением интуиции в нахождении ответа на вызов времени. Вместе с тем питать иллюзии о том, что человечество, благодаря пандемии, свернет с пути утвержденного как покорение рационализма, практически невозможно. И все же необходимо каким-то образом сбалансировать рациональность, чувствительность и интуитивность. Это и будет ответом на вызов истории. Встряска коллективного человеческого сознания произошла, но в настоящем задача заключается в том, чтобы за подобной встряской последовало изменение существа ценностей. Насколько это возможно в мире технологического детерминизма сказать сложно, но без этого катаклизмы в более интенсивном темпе будут преследовать человечество.

Феномен Евразии

В настоящем историческое развитие человечества раскрывается в сосуществовании двух тенденций: глобализации и процессов идентификации в контексте различных государств. Буфером между двумя полюсами развития мира – конкретным государством и единым миром – представляется регион. Что победит – несокрушимый ветер глобализации, ускоряющийся цифровой формой технологических достижений и загоняющий человека в искусственно созданную среду обитания; или по-новому интерпретированное вековое наследие, обернутое той или иной национальной оболочкой? Предопределить

победу того или иного направления практически невозможно, однако имеет смысл заострить внимание на промежуточном элементе, выступающим буфером между двумя полюсами – единым глобальным миром и национальным государством как отдельной геополитической единицей.

Регион символизирует собой то самое звено в мировом развитии, которое сглаживает противостояние двух тенденций и тем самым как бы сглаживает острые углы вызовов истории. Причем так было всегда, поскольку то или иное региональное объединение, с одной стороны, включалось в общемировой процесс развития, а с другой – обозначало определенную специфику конкретного геополитического пространства. В этом отношении регионы играли своего рода роль триггеров, которые могли за столбить существенные и долженствующие быть сохраненными интересы конкретного сообщества. И в этом их значительная роль.

Если обратиться к истории существования человечества, то еще истари такие объединения имели место, и особую роль играла Европа как Старый Свет, обусловивший начало западного образа жизни и ценностей. Именно поэтому философы уделяли значительное внимание обоснованию особенной целостности Европы в духовном смысле. К примеру, если обратиться к Э. Гуссерлю, то он утверждал, что старому свету присуще особое родство духа, когда под духовным обликом Европы понимается «явленность философской идеи, которая имманентна истории духовной Европы, или что то же, это ее имманентная телеология, которая с всечеловеческой точки зрения дает о себе знать как начало развития радикально новой человеческой эпохи» [3, с.301]. Многие значительные философские умы Европы, так или иначе, формировали ценностную значимость этого региона, обосновывая прямую зависимость развития мира от развития Европы. И если взглянуть на политическую историю человечества, то Европа всегда играла ключевую роль в определении тенденций развития мира. При этом надо отметить, что и в новейшей истории именно Европа первой сформировала свое обновленное объединение – Евросоюз. Вместе с этим необходимо признать, что в настоящем Евросоюз переживает глубокий кризис и тому есть причины, но данная статья не об этом регионе конкретно.

Помимо Европы в мире раскрывают свое существо и другие региональные объединения, стремящиеся обозначить свое единство и выказывающие экономические и политические интересы. В некоторых случаях такие претензии бывают успешными, в других – не совсем. Однако сам принцип обозначения такого существования и в определенной степени борьбы на мировой арене позволяет говорить о важности и значимости самого понятия «регион» в диалектике мира и государства.

В этой связи регион Центральной Азии, по логике вещей, самостоятельное геополитическое единство, принадлежность к которому обуславливает определенную специфику развития наших государств. Вопрос центральноазиатского региона по большей части демонстрирует некоторую проблемность и в своем обозначении, и в своей сущностной наполненности, и в

своих практических действиях. Несмотря на то, что это объединение вызывает столь противоречивую реакцию как у остальных геополитических единиц мирового сообщества, так и у самих членов данного объединения; как у экспертного сообщества внутри стран региона, так и за его пределами, следует утвердительно зафиксировать одну мысль – значение «региона вообще» в настоящем, и региона Центральной Азии в частности только усиливается. Почему? Практически все экономисты, политологи, социологи и ученые других специальностей также практически в один голос утверждают, что мир после пандемии изменился. Это означает, что свои национальные интересы отдельным государствам защищать будет сложнее, в особенности в том случае, когда государство не является одним из развитых, чье мнение вынуждено учитывать остальное мировое сообщество.

В случае с государствами Центральной Азии налицо явные вызовы, угрозы и риски. Налицо новые начинания со стороны внешних игроков, каждый из которых стремится, в первую очередь, упрочить позиции через призму своих национальных интересов. Но вызовы исторического времени вынуждают их работать еще более стратегически, с прицелом на формирование обновленных супер-игроков мирового сообщества. Это означает, что способность государств Центральной Азии застолбить в новом формате региональное объединение пойдет на пользу каждому отдельному государству региона. И, несмотря на различия в образах государственности, а также экономического, политического, социального и культурного пространства, неспособность воспользоваться предоставленной временем возможностью нанесет урон каждому из членов региона. Именно в контексте региона будет более плодотворным определять приоритет внешнеполитических кластеров.

В этой связи неслучаен абсолютно рациональный подход Соединенных Штатов, предложивших концепт «Большой Центральной Азии», вмещающей в себя помимо самих государств региона еще Афганистан. В этом случае одним эпитетом предположительно должны были решаться разнонаправленные интересы. В данном случае космополитизм и прагматизм упаковывались в одну обертку. С одной стороны, философия космополитизма предполагала распространение универсальной концепции «я и мир», согласно которой размываются интересы конкретного государства региона с принятием этой позиции. С другой стороны, индивидуальные интересы одного внешнего игрока достигли бы абсолютно прагматичного решения сразу нескольких проблем. И с точки зрения рациональности как общепринятого типа мышления это вполне адекватная позиция. Однако, как утверждают Суюнбаев М.Н. и Узбеков Д.С., «Ощущение, что «Большая игра» или плод воображения скучающих политологов, или они подхватывают рассуждения других политологов, относящие к другим участкам Земного шара, но называющихся также или похоже» «Большая Центральная Азия», «Большой Ближний Восток», или где собственно наш регион является не особенно конкурентной периферией» [6, с. 226].

Одновременно с этим хотелось бы отметить, что возведение рациональности как типа мышления в абсолют в эпоху технологического прогресса – это и объективно, и функционально в том мире, в котором человечество пребывало в XX веке. Это означает, что позиция рационализма была присуща не только Западу как источнику его выдвижения, обоснования и экстраполяции в мире, но и остальным игрокам геополитического пространства. С этой точки зрения идея «Великого Шелкового пути», раскручиваемая Китаем изначально с исторической позиции, также рациональна, поскольку включает в себе практический интерес. В этом отношении вполне логично преломление этой идеи впоследствии в геополитическую плоскость. Современный «китайский проект призван соответствовать исторической роли, которую играл ВШП, и включает в себя Китай, Центральную Азию и Европу. Взаимодействие в этой зоне КНР предлагает развивать по пяти основным направлениям: усиление политических контактов, совершенствование транспортной сети, рост объемов торговли, развитие финансовых систем, а также культурные связи, рост взаимопонимания и укрепление дружбы» [7, с. 318].

Если обратиться к феномену евразийства, то он корнями уведет в историю России начала XX века, глубже – в историю континента. В этой связи имеет смысл обозначить позицию Центральной Азии в контексте феномена Евразии. Если говорить о роли России, то евразийцы в лице Н.С. Трубецкого, Л.П. Карсавина, П.Н. Савицкого и др., обосновывая «срединную позицию», писали: «Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других. Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии как срединную евразийскую культуру» [8, с.9]. Эти идеи время от времени поднимаются в России, находя различные проявления в актуализации евразийского пространства.

Вместе с тем в контексте евразийства нередко повышается роль кочевой культуры, которая в истории стала связующим звеном в формировании многофакторной культуры евразийского континента. Кочевники – пассионарии, по образному выражению Л.Н. Гумилева, совершающие толчки в развитии континента. Неслучайно он утверждал, что евразийский «континент за исторически обозримый период объединялся три раза. Сначала его объединили тюрки, создавшие каганат, который охватывал земли от Желтого моря до Черного. На смену тюркам пришли из Сибири монголы. Затем, после периода полного распада и дезинтеграции, инициативу взяла Россия. Новая держава выступила, таким образом, «наследницей» Тюркского каганата и Монгольского улуса» [9]. Тем самым Евразия исторически несет в себе кочевое наследие. Кочевники Центра Азии сформировали особого рода цивилизацию – кочевую, которая «проявляет определенную систему культуры, отражающую специфический образ мышления, предопределивший формирование особой инвариантной модели культуры» [10, с. 88].

Центральная Азия: специфика региона

В сопоставлении с историей развития Востока и Запада Центральная Азия в своей уникальной истории претерпевала периоды разорванности, поскольку традиция кочевой культуры не была сохранена в изначальной форме. Онтологические основания культуры кочевников переходили из поколения в поколение в глубоко трансформированной и символичной форме. Этот факт свидетельствует о том, что характеристики архетипа центральноазиатского мышления сохранились на подсознательном уровне, что проявляется в структуре многих национальных культур современной Центральной Азии. Традиционное мировоззрение проявляет архетип мышления, из которого исходит существование центральноазиатской культуры, уникальной по своей сути, нашедшей свое отражение в различных ветвях единого ствола.

Весь новейший период формирования центральноазиатского региона как теоретически, так и практически определялось внешними игроками ввиду объективных сложных и противоречивых тенденций развития. Однако в настоящем настаивание внешних игроков на осуществлении объединения с точки зрения различных критериев, будет играть не на пользу региону. А главное, в очередной раз продемонстрирует неспособность обозначить свое «я» в контексте меняющегося мира, тем самым выпуская вожжи из своих рук. В этом случае, при неблагоприятном стечении обстоятельств, некого будет винить, как и нечего будет оставить последующим поколениям в плане единства значимого геополитического региона.

У государств Центральной Азии есть культурно-историческое наследие, которое ментально перекликается друг с другом. По этим основным точкам соприкосновения можно составить так называемую связность жизни. Неслучайно В. Дильтей утверждал, что связность жизни свою первую интерпретацию получает как переживание времени, поскольку жизнь реализует себя в бесконечном потоке прошлого, настоящего и будущего, «время воспринимается как беспрестанное движение вперед, в котором настоящее беспрерывно становится прошлым, а будущее – настоящим; чем больше звеньев между осуществляющимся настоящим и будущим, тем больше возможностей для определенного течения событий» [11, с.135–140].

Это означает, что определенные триггеры регионального развития Центральной Азии должны будут выражаться в целой системе взаимодействия региона, начиная с экономического и заканчивая духовным развитием. Конструктивное переживание нынешней ситуации, отягощенной самыми отрицательными прогнозами, напротив может породить что-то востребованное и достойное.

Все это говорит о том, что подоплека единства региона в философско-теоретическом, культурно-цивилизационном смыслах есть, необходимо только ее развить. Ну и самое главное – это понимание этого мощного наследия со стороны руководства республик; осознание необходимости регионального объединения в существующей политической и в целом исторической ситуации;

обоснование значимости такого шага и определение основных стратегических направлений.

В настоящем видится тенденция выработки идеологии каждого из государств региона, базирующейся на историческом наследии. В определении стратегии развития региона имеет смысл соотнести основные точки соприкосновения, основополагающие ценностные триггеры, которые и станут базой для координированной работы региональных структур.

Заключение

Регион Центральной Азии до настоящего времени не воспользовался историческим шансом актуализации своей идентичности, на то были свои объективные и субъективные причины. Ответ цивилизаций связан с проблемой сохранения культурной идентичности. В этом смысле регион Центральной Азии проецирует проблемы человеческой судьбы в соответствии со своеобразием истории и культуры определенного географического пространства.

Четверть века после обретения суверенитета – приличный срок, период, реализовавший основную идею своего развития – независимость. Одновременно это срок, когда получены определенные выводы от первых лет вождельной, но достаточно сложной независимости, которые могут послужить толчком в отсчете нового этапа, по логике вещей более осознанного в действиях и осмысленного в необходимости не просто провоцирования идеи региональной идентичности, но и ее реализации.

Что надо иметь в виду, когда речь идет о региональной идентичности Центральной Азии?

– Во-первых, способность сформировать единство внутри региона, проявить уровень культуры и понимания каждого государства. Несмотря на общность исторических истоков, территориальную близость, общую социальную память и близость культурных ценностей, есть масса отличий, которые специфицируют побочные факторы региональной идентичности. Именно поэтому это и есть проявление уровня культуры мышления и общения.

– Во-вторых, региональная идентичность Центральной Азии не может быть сформирована только извне, с помощью внешних игроков. Как показывает история, такие проекты до сих пор не были реализованы. Внешний взгляд на единство и территориальные границы региона не всегда совпадают с внутренней позицией, которая формируется из реальной жизни, изнутри региона. Отличие образа мышления как следствие проецирует различные механизмы формирования единства региона. Это означает, что в обозначении регионального единства имеет смысл обосновать стратегически выверенную позицию каждым государством, на основании чего разработать механизмы взаимодействия.

Список литературы

1. *Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / Пер. с лат. – М.: Академический проект, 2011. – 335 с.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. – СПб.: Наука, 1992. – 768 с.
3. *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995. – С.297-330.
4. *Ницше Ф.* Автобиография (ЕССО НОМО) // Ницше Ф. Избранные произведения. Кн.2. – М.: Сирин, 1990. – 464 с.
5. *Фукуяма Ф.* Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.
6. *Суюнбаев М.Н. Узбеков Д.С.* Геополитические особенности Центральной Евразии. – Бишкек: ЧП Сарыбаев, 2018. – 300 с.
7. Евразийство: истоки, концепция, реальность / Под ред. М.С. Мейера, В.А. Михайлова, Ж.С. Сыздыковой. – М.: Паблис, 2014. – 744 с.
8. *Лавров С.Б., Лавров А.С.* Предисловие // Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – СПб.: Лань, 2000. – 320 с.
9. *Гумилев Л.Н.* От Руси к России: Очерки этнической истории. – М., 1994 – <http://gumilevica.kulichki.net/LSB/lb2002.htm>
10. *Урманбетова Ж.К., Абдрасулов С.М.* Истоки и тенденции развития кыргызской культуры. – Бишкек: Илим, 2009. – 212 с.
11. *Дильтей В.* Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. – 1988. – №4. – С.135-152.

Summary

Urmanbetova Zh.K. Central Asia in the Context of the Eurasian Integrations: a Modern Aspect of Development

The article considers the region of Central Asia in the context of the phenomenon of Eurasia, while actualizing the importance of the region as a buffer in the relationship between the nation state and globalization. Particular emphasis is placed on rationality as a type of thinking that reflects the essence of modern geopolitics, leading from the ancient Greek origins of philosophy.

Keywords: Eurasia, Central Asia, geopolitics, rationality, globalization, nomadic culture.

ВКЛАД ТАДЖИКСКИХ ЭТНОЛОГОВ В ВИЗУАЛЬНУЮ АНТРОПОЛОГИЮ ЕВРАЗИИ

(ФОТО-ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В РАМКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ XX ВЕКА)

Додхудоева Л.Н.

*Доктор исторических наук, профессор
Национальная академия наук Таджикистана
г. Душанбе, Таджикистан
lorasdodo@rambler.ru*

Сохранение образов малоизвестных и исчезающих культур, выявление их своеобразия и общечеловеческой сущности, осуществление диалога между представителями разобщенных миров — на этот широкий спектр гуманитарных целей и задач ориентирована визуальная антропология.

Е.В. Александров

Аннотация. Визуальное наследие таджикских исследователей в этнографическом архиве Национальной академии наук Таджикистана достаточно обширно. Ученые системно вели работу по документированию редко освещаемых деталей жизни этно-сообществ в Таджикистане в XX веке. Многие из этих визуальных репрезентаций еще остаются неизвестными широкому академическому сообществу.

Ключевые слова: Таджикистан, этнос, визуальная репрезентация, фото-этнография, этно-плюрализм.

При формировании общей концепции культурного развития этнических сообществ, совмещающих компактный и дисперсный тип расселения на территории Евразии, весьма важно знать достоверные свидетельства их повседневной истории групп и существовавшие здесь модели межэтнической интеграции в конкретные эпохи.

Социальный портрет, вид хозяйственной деятельности и экономического поведения, антропологический тип, самобытная бытовая культура, ремесленная деятельность этно-сообществ — все это и многое другое представлено в визуальных репрезентациях фото-исследований таджикских этнологов XX века. Эти документы составляют важную часть этнографического архива Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (ИИАЭ НАНТ). В определенной степени данные фото-артефакты могут служить не только общей теоретической, но визуальной моделью полиэтнического и мультикультурного взаимодействия на примере таджикистанского опыта.

Конституция Таджикистана утверждает принципиальное равенство всех граждан республики независимо от их национальной принадлежности. В настоящее время в стране проживают, как и в предыдущее столетие, представители 120 национальностей, действуют 16 национальных общин. Здесь каждый народ и этническое сообщество стремятся к сохранению собственной культурной самобытности, ищут свою социальную нишу, в которой они могут поддерживать свой демографический состав и национальные ценности (язык, традиции, религию, особенности быта и т.п.). Фото-исследования таджикских этнологов XX века, которые детально зафиксировали все особенности повседневной истории различных народов на территории Таджикистана, могут стать важными свидетельствами их эволюции.

Как известно, в задачи визуальной антропологии изначально входят такие положения, как сохранение образов малоизвестных и исчезающих культур, выявление их своеобразия и общечеловеческой сущности, осуществление диалога между представителями разобщенных миров (диалог уровня «Я» – «Другой») [10]. Так называемое визуальное наследие фото-этнографии таджикских исследователей XX века достаточно обширно. Объектом их исследования в основном было таджикское общество, наряду с представителями различных этнических групп, населявших республику. Они системно вели работу по документированию жизни этно-сообществ в Таджикистане, различных малоизвестных, редко освещаемых сторон их жизни (архаичные черты, конфессиональные особенности, возрастные, региональные, маргинальные, профессиональные характеристики и т.д.). Снимая те или иные объекты специально для научных целей, они тем самым документировали историю, фиксировали и анализировали значимые детали, порой весьма детально дублируя вербальную информацию их полевых работ. В научном обороте в основном использовались текстовые материалы, а рисунки, фотографии, в том числе приобретенные экспонаты, как правило, в ограниченном количестве служили иллюстрациями к публикуемым исследованиям. В силу этих причин многие из фото-артефактов еще остаются неизвестными широкому академическому сообществу.

Выдающийся российский/советский/таджикский этнолог М.С. Андреев был одним из первых исследователей народов и этнических сообществ Евразии и, главным образом, таджикского народа. Его эскизы и рисунки, выполненные уверенной рукой, точно и выразительно передают особенности изучаемых им предметов и явлений, а фотографии отличаются неординарным видением, необычными ракурсами [7].

В 1916 г. М.С. Андреев получил предложение от Непременного секретаря Российской Академии наук С.Ф. Ольденбурга и Географического общества составить этнографическую карту Туркестанского края. Ученый усердно собирал материал «очень малоизвестной и сравнительно труднодоступной местности», какими являлись в то время Кызыл-кумы. Полученную информацию он нанес на карту Туркестанского Военно-топографического округа, изданную в 1907 г., где указал места проживания

каракалпаков, туркмен, тюрков, найманов, узбеков, сартов, мангытов и алтынбеков [2].

В своем письме в исторический сектор Академии наук Казахской ССР от 12 ноября 1937 г. М.С. Андреев подчеркивал, что в то время при опросе «найманы, алтынбеки, тюрки отказывались считать себя узбеками» [2, с. 5]. Заметим, что позднее в советской этнографической науке, например, в работах замечательной исследовательницы Б.Х. Кармышевой, многие тюрко-монгольские группы были отнесены к узбекам, несмотря на возражение самих представителей различных этнических общностей, о чем она неоднократно писала сама.

Памирские материалы составляют, может быть, самую значительную часть архива М.С. Андреева, так как свои изыскания по этнической истории горцев, их быту он вел практически всю жизнь [7]. Отдельные снимки и рисунки его экспедиции 1925 г. запечатлели собранные им в верховьях Пянджа антропологические типы таджиков и киргизов, образцы их вышивки, которые были представлены на выставке, устроенной им в Княжеском дворе в Ташкенте [7, с. 20–25]. В этнографическом архиве имеются уникальные экспедиционные записи М.С. Андреева об артелях «Байнал-Миляль» и имени Сталина, небольшие зарисовки отдельных элементов текстильного орнамента и станков, сделанные им в Маргелане [4], что может служить важными историческими свидетельствами по развитию известного текстильного центра.

Этнографическая экспедиция под руководством выдающегося исследователя А.К. Писарчик работала в Кулябской области Таджикской ССР в течение двух сезонов (1948–1949 гг.) и собрала различного рода материалы по расселению этнических групп, их религиозным верованиям, ремеслам и промыслам, социальному положению, коллекцию художественных изделий этого региона. Материалы этой экспедиции опубликованы лишь частично, и большая их часть до настоящего времени не введена в научный оборот, остается неизвестной исследователям. Сохранившиеся документы имеют исключительный научный интерес и важны для этнической идентификации народов Евразии, изучения визуальной антропологии региона [9].

Помимо представителей титульной нации, таджиков, которые составляли самую большую группу населения региона, членами экспедиции были изучены другие народы и национальные меньшинства региона (таб. № 1). В тексте отчета указаны, а в фото-артефактах представлены не только отдельные этнические группы, но и их родоплеменная и семейно-родственная идентификация. Например, казахи в исследовании представляют Средний и Малый жузы (кыши чоз (чуз) – алм, досок орта чоз (алам), а цыгане – такие группы, как афганские джуги, кавол и т.д).

Фотоколлекция № 2, состоявшая в начале из 508 снимков, которые были сделаны в основном Л.И. Минаковым в 1949 г., не менее важна по своей значимости, нежели научные изыскания членов экспедиции. Фотодокументы тесно связаны с полевыми материалами и могут многое рассказать не только о

работе исследователей, но и наглядно представить антропологические типы различных групп населения, их быт, ремесла, костюм и т.п.

Арабы	Кесамиры	Суджони
Афганцы	Кунграты	Сусарина
Барласы	Локайцы (лакай)	Таджики
Баташи	Лярхоб(в)и, лархоби	Татары
Белуджи	Миришкоры (миршикоры)	Узбеки
Евреи бухарские	Мугулы	Утабулоки (уртабулоки)
Ингуши	Найманы	Ферганцы (таджики и узбеки)
Индусы	Обсарина	Шомари, шо(х)мари
Казахи	Осетины	Хазора (хазара)
Карлуки	Русские	Цыгане
Катаганы	Сараи	Чагатаи
Каучины	Семизы	Чинаки

Таб. №1 Основные этнические группы населения Кулябской области
в 40-е гг. XX века, зафиксированные членами экспедиции
под руководством А.К. Писарчик

Если попытаться классифицировать по тематике весь изобразительный ряд фотоколлекции № 2 Кулябской этнографической экспедиции 1948–1949 гг., то окажется, что главное внимание исследователей было сфокусировано на этнических характеристиках населения. По количеству фотографий лидируют портреты представителей титульной нации, таджиков, которых, как и членов национальных меньшинств, фиксировали в различных ракурсах (профиль, анфас, поясное изображение и т.п.).

Вторую группу визуальных репрезентаций по своему количеству составляют снимки жилищ (хона, юрта, капа, хаскапа, помост для сна джойхоб, навес чапканди и др.). Особенно много фотографий очагов различной формы и мест их расположения, поскольку они у различных народов отождествлялись с жилищем, служили местом проведения обрядово-поминальных ритуалов, связанных с сохранением древних верований, основанных на культе огня. Сохранившиеся фотографии свидетельствуют и о гендерном балансе, ремеслах, особенностях традиционной одежды различных этнических групп. Среди фотодокументов немало снимков общественных и культовых архитектурных сооружений (мечети, мазары, дома, школы и т.п.), изображений религиозных ритуалов. В целом фотоколлекция № 2 Кулябской этнографической экспедиции 1948–1949 гг. достаточно содержательна как пример визуальной антропологии.

Корреспондент ТАСС О.И. Кузьмин передал этнографическому архиву ИИАЭ НАНТ собственную обширную коллекцию фото-артефактов (кол. № 3),

состоящую из 1725 снимков. Многие представители этно-сообществ тех или иных районов и мест их проживания, зафиксированные в его коллекции 1946–1947 гг., представлены и в другой коллекции (№ 3а) этнографического архива вместе с фотографиями С.И. Плешко и Л.И. Минакова.

Не случаен тот факт, что визуальные репрезентации сопровождались пояснениями, которые указывают национальность портретируемого и место его проживания, например, «Девочка-таджичка из Сталинабадского района» или же «Арабка Шартузского района», «Председатель колхоза имени Жданова Ходжа Дусматов из племени марка» и т.д. Все это свидетельствует о том, что экспозиция носила исключительно этнографический характер и представляла этнические типы населения, проживающего в разных регионах Таджикистана в 1945–1947 гг.

Особо следует отметить высокое качество снимков О. Кузьмина, его профессионализм и добросовестность в работе, что позволило его фотодокументам донести до нашего времени великолепную галерею портретов таджиков и представителей различных этнических групп Таджикистана 40-х гг. XX в., оставить столь необходимую для исторической науки визуальную информацию о каждом из них.

Одиннадцать лет с 1945 по 1956 гг. Б.Х. Кармышева вела комплексные этнографические изыскания в Таджикистане, иногда выезжая и в другие регионы Центральной Азии). Этнолог сформировала особый формат своих исследований, нацеленных на изучение этнической истории различных народов Южного Таджикистана и Узбекистана. Во время работы в южных районах Таджикистана в 1954 г. в работе ее сопровождали художница М.Р. Габе и фотограф П.Г. Чучев, М.В. Темнов. Она активно использовала более ранние снимки 40-х гг. XX века О.И. Кузьмина и Л. Минакова [12, с. 4]

Фотоматериалы ее индивидуальных и коллективных экспедиций так же, как ее научные публикации свидетельствуют не только о весьма целенаправленном исследовании малых народов, их контактов с таджиками, но также об интересе исследователя к народному искусству. По сути, она являлась пионером в изучении народного искусства многих тюркских групп, которое после нее практически никто не вел. О тщательности проводимых ею полевых изысканий свидетельствуют не только дневниковые записи этнолога, но и визуализация ее научных поисков в виде фотоколлекций [8].

Б.Х. Кармышева выработала свою собственную методику наглядного представления этнографического материала. Она могла фиксировать один и тот же объект, например, мапрамач, в разных ракурсах в различных домах и кишлаках с тем, чтобы затем сравнить и изучить все особенности в каждом отдельном случае. Именно ею были зафиксированы названия и визуальные материалы, связанные с ремесленным производством малых этнических групп Таджикистана и Узбекистана, о чем свидетельствуют визуальные материалы ее документального наследия в этнографическом архиве ИИАЭ НАНТ.

В целом массив того этнографического материала, который собрала Б.Х. Кармышева, поражает своим объемом и тщательностью изучения всех без

исключения объектов, что делает ее научное наследие важной базой данных по истории и этнологии Евразии. Ею были выявлены с максимальной научной объективностью этно-дифференцирующие признаки различных этнических групп, ареалы распространения отдельных характеристик их культурной общности. Ее материалы еще долгое время будут служить основой для этнической идентификации не только районов Таджикистана, но и всей Евразии.

Природно-географические, историко-культурные особенности Таджикистана предопределили существование неких активных контактных зон этнических сообществ с другими народами, прежде всего таджиками, что значительно повлияло на различные формы их адаптации. Однако до настоящего времени, согласно государственной политике Таджикистана, практически все они сохранили свое традиционное самосознание, основной генофонд, духовные ценности и определенные реликтовые формы культуры в системе таджикского этнического массива.

Несомненно, что объективные факторы проживания различных этнических меньшинств среди таджикского населения в процессе адаптации к новой среде обусловили изменения в их национальном характере и укладе, моделях поведения, формировании новых стереотипов. В силу воздействия различных исторических, социально-политических, экономических, идеологических и культурных факторов этнические общности не находились в изоляции, не были обособлены, но определенно оставались интегрированы в единое общество, согласно советской идеологии XX века. Вместе с тем никто из народов не хотел утраты собственных традиций, обрядовой культуры, традиций и верований.

Представляется, что для создания социологического портрета различных этнических групп Евразии, теоретико-методологического обоснования стратегии культурного развития полиэтнического сообщества региона фото-исследования таджикских этнологов XX века представляют огромную ценность, они способны не только многогранно представить их национальную самобытность, но и способствовать развитию межкультурного диалога на современном этапе.

Свод визуальных репрезентаций этнических сообществ таджикскими этнологами был сформирован в рамках отечественной этнографической традиции XX века. Он выступает не только как полевой источник, но как энциклопедия повседневной жизни народов Таджикистана, а в целом как пример этно-плюрализма в контексте Евразии.

Список литературы

1. Андреев М.С. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира. – Ташкент, 1928.
2. Архив ИИАЭ АН РТ Фонд М.С. Андреева. Опись №1, ед.хр. № 64-8,9.
3. Архив ИИАЭ. Опись №1, ед. хр. № 18, 19,21, 36, 63,66, 81 и др.

4. Архив ИИАЭ. Фонд М.С. Андреева. Фотоколлекции №№1, 99, стеклянные негативы.
5. Архив ИИАЭ АН РТ Фонд М.С. Андреева. Фотоколлекция № 99, инв. № 9, 46.
6. Архив ИИАЭ АН РТ Фонд М.С. Андреева. Опись №1, ед. хр. № 64-8.
7. *Додхудоева Л.* Научное наследие А.А. Семенова и М.С. Андреева (архивные документы). – Душанбе: Дониш, 2013. – 266 с.
8. *Додхудоева Л.* «Фокусный центр» исследований профессора Б.Х. Кармышевой // Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии: К 100-летию доктора исторических наук Б.Х. Кармышевой, 2018: сб. науч. ст. / Отв. ред. Т.В. Котюкова. – М.: Исламская книга, 2018. – С.68-81.
9. *Додхудоева Л.* (ред.) Хатлонская область Таджикистана в этнографических материалах XX в. – LAP.Lambert Academic Publlishing.Ru., 2019. – 357 с.
10. *Ильбейкина М.И.* Особенности визуально-антропологических исследований индигенных народов // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4.; [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14015> (дата обращения: 13.04.2023).
11. *Кармышева Б.Х.* Локайские мапрачи и ильгичи // Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея. Вып. 2. История и этнография. – Сталинабад, 1955.
12. *Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. – М.: АН СССР. Ин-т этнографии, 1976. – 321 с.
13. *Кармышева Б.Х.* Узбеки-локайцы Южного Таджикистана: Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период. – Вып.1, – Сталинабад: Академия наук Таджикской ССР, 1954. – 170 с.

Summary

Dodkhudoeva L. Contribution of Tajik Ethnologists in the Eurasian Visual Anthropology (photo-studies of ethnic communities within the framework of the local ethnographic tradition of the 20th century)

The visual heritage of Tajik researchers in the ethnographic archive of the National Academy of Sciences of Tajikistan is quite extensive. Ethnologists systematically documented rarely recorded details of the life of ethnic communities in Tajikistan in the 20th century. Many of these visual representations are still unknown to the wide academic community.

Keywords: Tajikistan, ethnos, visual representation, photo-ethnography, ethno-pluralism

ИСЛАМСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ КАЗАХСТАНА: ДИСКУРС СОВРЕМЕННОЙ СВОЕВРЕМЕННОСТИ¹

Сейтахметова Н.Л.

*Доктор философских наук, профессор
Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК
г. Алматы, Казахстан
natalieseyt@mail.ru*

Аннотация. Настоящая статья актуализирует вопрос о евразийстве – феномене, объединяющем народы Евразии и их философско-культурные модели жизни, в которых возможно увидеть диалогическое «слияние горизонтов». Исламская философия в пространстве Евразии является уникальным феноменом, раскрывающим всю мощь и дух интеллектуальной традиции тюркского исламского Мира. В самой исламской философии содержится духовная преемственность и традиция собирания предельных смыслов жизненного пространства Евразии. Исламская философия на евразийском пространстве является способом сближения народов на этих территориях, способом развертывания евразийской коммуникации.

Ключевые слова: евразийство, исламская философия, казахстанский гуманитарный дискурс, исламский интеллектуализм, Абай, аль-Фараби.

С заметной периодичностью возрождается интерес к евразийству – феномену, объединяющему народы Евразии и их философско-культурные модели жизни, в которых возможно увидеть диалогическое «слияние горизонтов». Евразийство как диалог культур, философий, интеллектуальных и религиозных традиций в пространстве Казахстана, Центральной Азии, России представляется моделью сохранения собственной уникальности и полифоничного многообразия вне жестких бинарных оппозиций, культурных шоков, ассимиляций и экспансий.

Конечно, в связи с геополитическими факторами и политизацией темы евразийства возникают всевозможные версии о необходимости ее деконструкции. Однако, социально-политические и культурные реалии подвигают к переосмыслению ценностного смысла евразийства и реактуализации идеологического потенциала, заложенного в нем. Одним из способов диалогической коммуникации в евразийстве является философия, сформировавшаяся в контексте преемственности традиции, сохранения духовного истока и постоянного возвращения к первоначальным смыслам культурного бытия Евразии.

¹ Статья выполнена в рамках научного проекта № AP08855962 «Современная исламская философия как новое гуманитарное знание: дискурс и праксис»

Общими принципами формирования интеллектуальной традиции являлись принципы открытости, свободы, толерантности, взаимодополнительности. Уникальной философской традицией в Евразийском пространстве стала исламская культура мысли, сформировавшаяся как универсальный способ рефлексии над трансцендентными и трансцендентальными проблемами.

Как известно, один из основоположников евразийства – Н.С. Трубецкой – говорил о невозможности создания общей для всего человечества культуры, более того, о неизбежности появления в такой культуре радикальной формы национализма [1, с. 36–47].

Знаменитый поэт – Олжас Сулейменов – в идее евразийства выделял главный компонент – взаимодополнительность – проявившийся наиболее глубоко в тюркском влиянии на культуру и философию Евразии [2]. Основной идеей евразийства выступает всегда идея диалога восточного и западного способов жизни и мысли. Закономерность евразийства как интеграции культур раскрывается в нелинейных интеллектуальных процессах, исторических событиях, политических деконструкциях, но всегда при сохраненности идентичности, культурного и религиозного суверенитета народов Евразии.

Философия Евразии формировалась как духовная культура, выросшая из усилий и мощи духа мудрецов Евразии, из феномена, называемого «хаким».

Уже позднее она оформляется в теории, наполняется рафинированным смыслом религиозных учений. Человек в пространстве Евразии был свободным, и его философская рефлексия конституировалась как философия свободного человека, этот доминирующий дискурс свободы мы находим в учениях аль-Фараби, Ибн Сины, Навои, Бируни, Марджани, Абая, Шакарима, Низами, Машраба и других ученых Исламского мира в пространстве Евразии.

Если философские дискурсы в общем гуманитарном процессе утрачивали свою самость и глубину мысли, то исламская философия в пространстве Евразии вне зависимости от правящих режимов, трендов всегда сохраняла свою идентичность, в основе которой был ислам, тюркская и другие традиции народов Евразии.

Исламская философия в пространстве Евразии является уникальным феноменом, раскрывающим всю мощь и дух интеллектуальной традиции тюркского исламского Мира. В самой исламской философии содержится духовная преемственность и традиция собирания предельных смыслов жизненного пространства Евразии.

Начиная с Абу Насра аль-Фараби – времени отсчета сформировавшейся философии и синтезировавшей в себе опыт философской рефлексии, – профессиональная философия становится наукой о науках, обеспечивающей необходимость доказательности самой философии.

Философия в трудах философов Евразийского мира была представлена как духовная культура, позволяющая человеку понять проблемы его бытия, решая которые он, сам человек, становился уникальной личностью.

Исламская философия, которая разрабатывалась в Центральной Азии, Казахстане, России, всегда была очень личностной, проблематизирующей тему личности, преодолевающей субстанциональность.

Обезличивание философии, становившееся иногда трендом субстанционального универсализма, приводило к тоталитарному расщеплению и фрагментации самой философии, ее самобытности и уникальности. Евразийское пространство формировало интеллектуальную традицию философии как традицию жизненной связи, философии и жизни, укорененности философии в обыденных практиках повседневности.

Точкой отсчёта профессиональный исламской философии в интеллектуальном пространстве Евразии является учение Абу Насра аль-Фараби, начавшего гуманитарный образовательный проект. Но возникновение самой философии здесь начинается гораздо раньше, с процесса интеллектуализации Евразийского пространства. Интеллектуализм – главная характеристика исламской культуры на территории Казахстана, он развивался как этический, научный, теологический, суфийский, основываясь на традициях народов Евразии, вовлекаясь и вовлекая ценностные парадигмы знания в разнообразие культур и коммуникацию Я и Другой.

Изучение исламской философии на евразийском пространстве необходимо для того, чтобы целостно представить себе весь историко-философский процесс, чтобы понять смысл и задачи современной философии, в этом процессе понять значение индивидуальности, ценности отдельной жизни человека.

Насущной задачей прояснения преемственности между философскими учениями мыслителей Казахстана, Центральной Азии, России и их влияния на современный дискурс философии, на взаимосвязь с философским и культурным наследием прошлого – это также проблема философского дискурса Евразии.

Изучение необходимо также для обоснования интегральности исламской философии, заключающейся в метафизическом трансцендировании нравственности, содержащей в себе резервы для духовной коммуникации людей и коммуникации текстов.

Исламская философия, развивавшаяся на территории Евразии, была многогранной, соединившей в себе способы традиционной культуры мысли и исламскую рациональность.

Рациональная когниция плюс духовный опыт были маркерами этой философии. Аль-Фараби, Ибн Сина, Кашгари, Югнеки, аль-Бируни, Навои, Абай, Марджани, Фуркат, Мукими и другие интеллектуалы Евразийского пространства меняли системы ценностей посредством интеллектуализации мира и «вводом» философии в процесс жизни человека и общества.

Сегодня много пишут о проблеме разума и веры в исламской философии, их взаимодополнительности. Интерпретации этой проблемы тоже различны. Однако мы должны признать, что разум в исламских философских учениях Евразийского мира был всегда наполнен глубиной духовной исламской традиции, которая и стала ее отличительной чертой от философии Запада.

Исламская философия сегодня антропологическая, поскольку проблемы человека: этические, социальные, экзистенциальные фокусируются вокруг

темы Бога, запечатленной в Священном Тексте, где Текст – это семиотическая реальность. Для чего нужно изучать исламскую философию? Для формирования культуры мышления, для трансцендирования в человеке духовности.

Исламская философия исторична, в разные периоды были различные способы философствования, но при всех изменениях она сохраняет связь с истоком – это исламская традиция, формировавшаяся в лоне культуры Евразии. И каждый раз, задаваясь вопросом о сущности исламской философии, мы возрождаем ее креативный, когнитивный потенциал, который нас приближает к смыслу таких понятий как евразийская идентичность, евразийская модель культурного бытия, евразийская событийность.

Исламская философия на евразийском пространстве является способом сближения народов на этих территориях, способом развертывания евразийской коммуникации.

Исламская философия в поликультурном пространстве Казахстана получает развитие в преемственности идей диалога, этики и эстетики.

В этом контексте представляется уникальным философское творчество Абая, вобравшее в себя диалог способов мысли Востока и Запада. Проинтерпретированное и реактуализированное с позиций диалектики философское наследие Абая в работах знаменитого казахстанского ученого – академика НАН РК Абдильдина Жабайхана Мубараковича – представляется как обновленный философский дискурс в контексте евразийского диалога.

Диалектическая парадигма в формировании культуры мысли Абая – онтологическая установка, так полагает академик Абдильдин Ж.М.

Все, что сегодня известно современному казахстанскому студенту о диалектике – это то, что ее «изобрел» знаменитый немецкий философ Гегель. Особо не вдаваясь в философские подробности в «Википедии», он прочтет еще немного о Гераклите и Платоне в связи с диалектикой и сделает вывод либо о неактуальности, либо частичной актуальности ее, как одной из методологий.

Но как так получилось, что в нашем отечественном философском дискурсе, который во многом развился благодаря той самой диалектике, которую как принцип бытия, как метод мышления разрабатывал наш учитель, самый известный философ – Жабайхан Мубаракович Абдильдин, о диалектике упоминают всего лишь в диссертационных исследованиях в пункте нагромождения исследования разнообразной донельзя методологией?

Случилось это благодаря нам, поскольку в поисках утраченных парадигмальных иллюзий мы отрекались и отменяли те методы, которые нас привязывали к прошлому. Убежденные в правильности наших новых постнеклассических стремлений отмены диалектики мы и не заметили, как оказались в методологическом вакууме. Когда-то Гераклит суть диалектики очень образно показал на примере инструмента лиры, из которой появляется музыка как борьба сопротивления смычка из струны, т.е. из их борьбы возникло новое – музыка [3].

Конечно, Гераклит не использует понятие «диалектика», оно возникает в софистике как форма интеллектуальных дебатов, которым современным участникам

дискуссий можно было бы только поучиться. Именно софисты поднимают диалектику до искусства диалогического спора, в котором Сократ уже увидит новую культуру мысли. Впрочем, проблематизация диалектики для античного дискурса была связана с возвращением ее в центр философских споров.

Известно, что Аристотель проводит демаркацию диалектики и аналитики, определяя её в качестве дискурса о вероятности. Искусство же диалектики, согласно Платону, становится моделью философской рефлексии, пробуждающей человека к мысли.

Развертывание диалектики как универсального принципа мышления, познания и бытия в учении Гегеля стало точкой невозврата диалектики к дискурсивным формам мысли и познания. Универсализация диалектики как единственной методологии в научном познании в XX веке имело последствием ее критику, зачастую, слишком эмоциональную и недостаточно аргументированную.

Отмена диалектики отдельными современными социогуманитаристами была связана в основном с политическим контекстом, процессами десоветизации, деконструкцией марксизма. Попытки представить научное знание только как «медленный», непротиворечивый эволюционный процесс, лишенный столкновений, противоречий и т.д., не более, чем иллюзия, ведь познание и сам мир как объект для этого обладает антиномичностью, суть которой очень ясно разъяснил нам Иммануил Кант.

Критикой диалектики занимались знаменитые философы, даже Мартин Хайдеггер.

Зарубежная философия XX и XXI столетий представлена множеством работ, посвященных критике диалектики, связанных с конструированием неолиберальных моделей жизни и моделей мысли, в которые диалектика не вписывалась, поскольку несла в себе смысл объединения, целостности, связи, онтологического и гносеологического единства.

Диалектика придает значимость и самой философии как уникальному способу мысли и способу «добывания» знания.

Жак Деррида, как известно, призывал к пробуждению «спящего смысла» в философских текстах прошлого. Возможно, что сегодня мы должны обратиться к диалектическим текстам классиков?

Впрочем, деконструкция диалектики, начавшаяся в XX столетии, привела и к ее реконструкции. И несмотря на попытки представить современную философию как преодолевшую диалектику, занявшуюся проблемами сознания и языковых парадигм, она все еще «жива» и более того, в ней нуждается современная философия для разработки методологий и новых направлений.

Творчество академика Ж.М. Абдильдина связано в новый период с переосмыслением диалектики и ее встроенности в казахскую философию и исламскую философию, которые получили свое развитие в уникальном мире Евразии.

Творчество ученого можно разделить на 2 периода:

1. Собственно классический период.
2. Постнеклассический период.

И здесь Ж.М. Абдильдин открывает нам новую перспективу – онтологизм диалектики в традиционных философских способах мысли.

Ж.М. Абдильдин формирует новую культуру мысли в понимании наследия Абая при помощи диалектики. Весь трагизм, личностный контекст философии Абая Ж.М. Абдильдин проводит как теоретическую модель жизни: начало, точка отсчета, искания, экзистенциальный трагизм и выход к пониманию Абаем религии как высшей формой духовности, истока нравственной жизни человека.

Новая интерпретация и прочтение смыслов текстов Абая в работе Ж.М. Абдильдина показывает, что диалектика как способ прояснения, как метод, как знание связи мира и человека наиболее релевантна для исследователя и просто читателя.

Творчество самого Ж.М. Абдильдина актуально сегодня и завтра, оно очень евразийское, оно соединило в себе рациональность и духовность, логику духовного смысла, да и вообще, оно будет всегда своевременно и современно, как его диалектический дискурс, в котором сегодня на фоне междисциплинарной турбулентности мы нуждаемся особенно.

Академик Абдильдин – евразийский философ, соединивший в своем творчестве два способа мысли – восточную и западную, два способа понимания мира. Соединяться ли они? Возможно, в духовных основаниях, в тех смыслах Востока и Запада, где обретается смысл Единства. И возможно, что именно в евразийском диалоге, осуществляемом философией, будет формироваться новая модель интегральной культуры современности.

Итак, философия Евразии, какая она? Исламская, диалектическая, пост-нормальная, постнеклассическая? Она – многогранная, свободная, личностная, она является мостом к взаимодополнительности и диалогу культур. Преемственность в моделях философской культуры Евразии показывает устойчивость и иммунитет философии, поскольку они основываются на духовных истоках народов Евразии.

Список литературы

1. Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М.: Наука, 1993.
2. Сулейменов О. Аз и Я: Книга благонамеренного читателя. – Алма-Ата: Жазушы, 1975. – 303 с.
3. Гераклит из Эфеса. // [https:// reale_anticeri.academia.ru](https://reale_anticeri.academia.ru)

Summary

Seitakhmetova N.L. Islamic Philosophy in the Cultural Heritage of Kazakhstan: Discourse of Contemporary Timeliness

This article actualizes the issue of Eurasianism - a phenomenon that unites the peoples of Eurasia and their philosophical and cultural models of life, in which it is possible to see a dialogic «merging of horizons». Islamic philosophy in the space of Eurasia is a unique phenomenon that

reveals the full power and spirit of the intellectual tradition of the Turkic Islamic World. Islamic philosophy itself contains spiritual continuity and a tradition of collecting the ultimate meanings of the living space of Eurasia. Islamic philosophy in the Eurasian space is a way of bringing peoples together in these territories, a way of deploying Eurasian communication.

Keywords: Eurasianism, Islamic philosophy, Kazakh humanitarian discourse, Islamic intellectualism, Abai, al-Farabi.

«ЕВРАЗИЙСКИЙ МИР» В КОНТЕКСТЕ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

Сидорович А.В.

*Доктор экономических наук, заслуженный профессор МГУ,
директор Казахстанского филиала МГУ имени М.В.Ломоносова
г. Москва, Россия
avsidorovich42@mail.ru*

Аннотация. В работе рассматривается содержание «евразийского мира» с позиции мир-системного анализа и изменений, вызванных особенностями глобализации XXI века. Выдвигается положение о том, что происходит формирование «евразийского мира» как глобальной миросистемы. Определены особенности Большой Евразии как локальной миросистемы и ее связь с новыми интеграционными процессами. Показано, что развитие Большого Евразийского партнёрства должно опираться на формирование транзитных коридоров развития, используя огромные потенциальные возможности России.

Ключевые слова: «евразийский мир», Большая Евразия, Большое Евразийское партнерство, евразийство, мир-системный анализ.

Проблема «евразийского мира» широко обсуждается на конференциях, исследуется в ряде работ различных направлений общественных наук. Как правило, она отождествляется с евразийским подходом к анализу современного мира и для её определения используются известные категории, такие как евразийство, евразийская интеграция, евразийские ценности и т.д. Накопленный опыт исследований и происходящие в мире XXI века радикальные изменения позволяют более конкретно подойти к исследованию «евразийского мира» и к его определению.

«Евразийский мир» в новых реалиях XXI века

С конца XIX – начала XX века на евразийском пространстве происходит ряд кардинальных изменений, позволяющих по-другому, по сравнению с прежними периодами, подойти к вопросу о границах и содержании «евразийского мира». Во-первых, глобализация привела к кардинальному изменению возможностей для взаимоотношений между странами. Выражением этого стало формирование новых информационных и транспортных систем, которые связывают страны евразийского материка в единое пространство, позволяют осуществлять постоянное транзитное движение и коммуникацию. Во-вторых, особенностью развития стало формирование «нового регионализма», который охватывает всё евразийское пространство и выражается в разнообразных формах региональных организаций и региональных интеграционных объединений. Они буквально пронизывают все страны континента. В-третьих, Евразия стала осознавать «собственное достоинство» благодаря тому, что центр экономической жизни и

развития постепенно перемещается в Евразию. Доля стран Евразии в десятке ведущих стран мира составляет в настоящее время 60% ВВП по ППС десятки. Сформировалась ресурсная и торговая зависимость развитых стран Запада от стран Азии. В-четвёртых, в странах Евразии выдвинут ряд политических инициатив, которые носят консолидирующий характер для всего евразийского пространства: «Большая Евразия», «Один пояс – один путь», «Большое евразийское партнёрство» и другие. В-пятых, ясно выразилось противоречие между ценностными основами, которые лежат в основе коллективного Запада, и «евразийским миром». Если в первом случае господствуют принципы индивидуализма, которые пронизывают внутреннюю и внешнюю политику этих стран, то Евразия на основе исторически сложившихся в большинстве стран ценностей и традиций управления опирается на ценности коллективизма, особой значимости государственной власти, признания права каждой страны на собственные культурные ценности, созданные историей этой страны, и так далее. Можно сказать, что происходит цивилизационное противоборство коллективного Запада с евразийским ценностным миропониманием.

Таким образом, на огромном евразийском пространстве от западных границ России до Тихого и Индийского океанов, на котором сосуществуют более шести локальных цивилизаций, крупнейшие страны мира, такие как Россия, Китай, Индия, к которым примыкают другие относительно небольшие страны, в XXI веке формируется особая мир-система – «Евразийский мир». Ее глубинные основы связаны не только с «общим местоположением» на пространстве России и крупнейших регионов Азии, «многовековым соприкосновением народов», «совместной жизнедеятельностью», но и особым миром отношений и ценностей. Как справедливо отмечают М. А. Гласер, П.-Э. Томанн, Н. Н. Новик, «в концепте евразийского пространства воплощена идея евразийской цивилизационной идентичности, толкуемой в широком смысле как единство фундаментальных ценностей, этнической и религиозной комплементарности, укорененных в менталитете народов Евразии» [1], несмотря на их региональные различия. Это в условиях современных изменений создаёт хорошую основу для самоопределения «евразийского мира» как огромной мегасистемы и мирового центра-полюса, в котором воспроизводятся и развиваются страны и общества всего евразийского пространства.

Исследование этого мира не может опираться на традиционные методологические принципы исследований и методы. Исторические, структурные, юридические, социологические и другие методы сами по себе недостаточны, чтобы оценить масштаб «евразийского мира» и определить его границы. Ограничен и подход со стороны государственных и межгосударственных связей стран Евразии. *Большая евразийская мегасистема* включает в себя совокупность мир-систем различного уровня, которые имеют различное страновое наполнение и свои центры, которые постоянно трансформируются в ходе развития, и в которых по-разному представлены евразийские принципы. Выдающийся исследователь мир-систем Иммануил Валлерстайн считал, что с государственной точки зрения прямо определить принадлежность страны к той или иной мир-системе

затруднительно, так как каждая страна обладает свойствами всей системы только частично, в национальном преломлении. Он отмечал, говоря о мир-капитализме, что каждое государство как месторасположение таких рабочих ситуаций можно было бы изобразить как понижающиеся на этой шкале и классифицировать по шкале степеней капитализма [2]. Это справедливо и по отношению к «евразийскому миру».

Большая Евразия как особая мир-система и интеграция

Концепция Большой Евразии активно обсуждается и развивается в эпоху глобализации, принимающей разнообразные формы и охватывает различные стороны экономики и общества. Фактически сейчас речь идет о появлении новой модели глобализации [3], процессе формирования многополярности через развитие различных региональных интеграционных объединений и региональных организаций, формирования крупных международных мегаструктур.

Возникает вопрос: в каком соотношении находятся процесс интеграции и концепция Большой Евразии?

Качественные границы Большой Евразии зачастую сводят к формированию нового сообщества, которое возникает в силу нового типа международных отношений. По мнению Д. В. Суслова и А. С. Пятачковой, в основе этого сообщества – «особое качество и интенсивность отношений между относящимися к этому пространству странами» [4, с. 16]. Схожих позиций, но с акцентом на международное право, придерживается известный исследователь С. А. Караганов. Однако такой подход сужает роль и перспективы концепции Большой Евразии. Она не может быть отнесена к типу региональных интеграционных объединений или организаций. Это особая форма *мирсистемных структур*, возникающая в силу объективных интеграционных процессов и позволяющая странам совместно решать общие вопросы развития, формировать общие связи и принципы отношений стран в мегамир-системе «евразийского мира».

Концепция Большой Евразии опирается на новую реальность современных интеграционных процессов. С начала века произошел ряд событий, являющихся этапными в развитии интеграции и Большой Евразии. Это прежде всего создание в 2001 году Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая с каждым годом завоевывает всё больший и больший авторитет и в настоящее время стала организацией, которая охватывает ведущие страны Евразийского пространства – лидеры локальных мир-систем: Китай, Россию и Индию. Важным этапом развития стало провозглашение Китаем инициативы «Один пояс и один путь» (ОПиОП), идеи «Сообщества единой судьбы» в 2013 году и объявление Россией своей инициативы «Большое евразийское партнерство» в 2013 году. Этапным событием стало также создание Евразийского экономического союза, который начал работать с 1 января 2015 года. Наряду с данными формами Евразийской интеграции резко активизировались тенденции расширения зон свободной торговли и наметился поворот в формировании мегаструктур интеграции.

Примером недавних крупных изменений может служить формирование Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) – соглашения

о «зоне свободной торговли плюс» («ЗСТ+»), охватывающего 10 государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины) и 5 государств, с которыми у АСЕАН уже подписаны соглашения о свободной торговле (Австралия, КНР, Новая Зеландия, Республика Корея и Япония). Соглашение было подписано в Ханое 15 ноября 2020 года. Его вступление в силу 1 января 2022 года создало крупнейшую в мире зону свободной торговли.

Новый евразийский мир, который «цементируется» Большой Евразией, требует умения совместно решать вопросы миропонимания на основе принципа уважения друг к другу и признания самоценности культуры каждого народа, населяющего евразийское пространство, при уважении к его цивилизационным основам. Это исключительно сложный вопрос. Данную задачу нельзя решить, исходя из задачи формирования общей единой цивилизации. Основным способом формирования нового миропонимания для Большой Евразии является, как отмечается многими авторами и политиками, *диалог цивилизаций*, поиск новых форм совместных ответов, в том числе и на парламентском уровне, на общие вопросы развития. В этом смысле Большая Евразия – это система *межцивилизационных интеграций*, которая не может быть отнесена к типу региональных интеграционных объединений или организаций. Это особая форма *мегаинтеграционных структур*, возникающая в силу объективных интеграционных процессов и позволяющая совместно решать общие вопросы развития, формировать общие связи и принципы отношений стран в мир-системе государств.

Как показывает развитие мира в последние десятилетия, возникает особая опасность для сохранения цивилизационного единства стран, входящих в «евразийские цивилизации», и, прежде всего, в Евразийский союз и СНГ.

Особый евразийский цивилизационный тип отношений подвергался и подвергается серьезным испытаниям. Об этом свидетельствуют призывы к действиям, направленным против ЕАЭС и глубокой евразийской интеграции. Идет навязывание цивилизационного кода Запада евразийскому миру. Это может привести любую страну к цивилизационному разлому или к превращению ее в придаток на вторых-третьих ролях к странам, принадлежащим к другой цивилизации. Всемирно известный американский политолог Самюэль Хантингтон, автор теории столкновения цивилизаций, отмечал следующее: «Политических лидеров, которые надменно считают, что могут кардинально перековать культуру своих стран, неизбежно ждет провал. <...> Если западный вирус проник в другое общество, его очень трудно убить. Вирус живучий, но не смертельный: пациент выживает, но полностью не излечивается. <...> Они могут заразить страну шизофренией культуры, которая надолго останется ее определяющей характеристикой» [5, с. 207]. Перенос принципов столкновения цивилизаций на евразийское пространство имел бы разрушительные последствия не только для евразийского пространства, но и для судеб отдельных стран. В этом направлении действуют и взгляды сторонников отказа от сближения России со странами Азии. Концепция Большой Евразии противостоит таким подходам.

Большое евразийское партнерство как направление формирования «евразийского мира»

Прошло более 7 лет с того дня, 3 декабря 2015 года, когда В. В. Путиным была выдвинута инициатива о формировании Большого Евразийского партнерства (БЕП). Практическая реализация идеи БЕП в современных условиях требует перехода от общих оценок значимости Партнерства к определению конкретных мер по его более активному формированию.

Существует различное понимание собственных основ БЕП: лежат они в сфере экономики [6] или политики, межгосударственных отношений или глобальных проблем и т. д. Зачастую первооснову БЕП видят в экономической составляющей и ей отдают приоритет. Считается, что через экономику может быть создана сеть взаимосвязей, охватывающая всю Большую Евразию, что приведет к гармонизации отношений и формированию Партнерства. Предлагается в качестве приоритетных факторов, формирующих Большое Евразийское партнерство, рассматривать привлечение прямых иностранных инвестиций из ЕС [7]. Однако по оценке некоторых специалистов «под углом зрения реальной экономики, проект ВсеБЕАПа (Всеобъемлющее Большое Евразийское партнерство) бессмыслен», и причины этого видят в наличии существенных экономических интересов [8]. Отношения между национальными экономиками рыночного типа еще более сложны.

Процессы в ЕАЭС показывают, как сложно найти пути для создания общих проектов, и это происходит в условиях, когда ЕАЭС является интеграционным экономическим объединением и имеет наднациональный орган. Существует острая борьба за выбор транзитных направлений, ликвидацию барьеров и т. д.

Формирование интеграционного контура БЕП, как и развитие региональной интеграции, неизбежно опосредуется решениями глав государств и парламентов, политических институтов государств – это сфера политики государств, что является важным препятствием на пути формирования БЕП. Эти решения связаны с собственными интересами стран и объединений, что требует сложнейшего процесса согласования. К примеру, сопряжение ЕАЭС и ОПИОП неизбежно сталкивается с противоречиями России и Китая по разграничению зон влияния и политических интересов.

Следует отметить, что объективное развитие подтверждает правильность выбранного вектора интеграционных процессов – через БЕП. Значимым примером в этом отношении является развитие Шанхайской организации сотрудничества и переходом ее на качественно новый этап, когда членами организации стали государства, которые имеют различные интересы и сложные межгосударственные отношения: Китай и Индия, Индия и Пакистан. Это превращает ШОС в важное структурное звено Евразийского партнерства и сотрудничества. Подтверждается предположение, что развитие глобализации и противоречий современного сложного мира заставляет страны искать новые пути взаимного партнерства ОС.

Создание ШОС и ЕАЭС означает не просто появление региональных объединений стран, а формирование новых факторов глобальной политики. Расширение их связей с АСЕАН и другими организациями – магистральный путь

развития БЕП и Большой Евразии. Непременным условием этого также является *консолидация Евразийского экономического союза*.

Если рассматривать БЕП с точки зрения развития форм интеграционных процессов, то следует признать, что БЕП не принимает форму особой организации. При этом возникает вопрос: кто и в какой форме может представлять интересы БЕП в целом, быть стержнем его деятельности и развития? Например, в ОПиОП, несмотря на особенности формулировок и обоснований целей и задач инициативы, ясно прослеживается направляющая сила и базовые принципы, определенные Китаем. Учитывая потенциал России, идея БЕП должна опираться на ее реальный собственный проект модели Большого Евразийского партнерства глобального уровня.

Россия, обладая огромным опытом территориальной и пространственной организации страны, крупнейших инфраструктурных проектов, имеет все основания для воздвижения реального проекта Большого Евразийского партнерства. Еще до объявления Китаем своей инициативы, у нас в стране был разработан и обсужден проект создания Транс-Евразийского пояса «Развитие» [9]. Идеи этого проекта, на наш взгляд, могут быть использованы для формирования новой, современной концепции развития БЕП. Опыт последнего периода, выдвинутые рядом стран инициативы создания крупных инфраструктурных проектов («Центральный коридор» в Турции, проект «Маусам» в Индии, программа «Нурлы Жол» в Казахстане и т. д.) показывают, что идеи инфраструктурных коридоров, которые являются формами интеграционных процессов особого рода, получают широкое признание [9]. Транспортные пути всегда были связаны с освоением новых территорий, однако дальнейшее развитие привело к тому, что они стали использоваться для освоения целых регионов. Условия XXI века открывают новые возможности для превращения инфраструктурных, транзитных проектов в *транснациональные коридоры развития*. Создание нового типа взаимосвязей между регионами, вовлечение в них партнеров из других стран, – это, как отмечается в некоторых исследованиях, формирует новую основу для Евразийского партнерства [9].

Список литературы

1. Гласер М. А., Томанн П.-Э., Новик Н. Н. Большая Евразия и Большая Европа: Геополитика перспектив сотрудничества // Актуальные проблемы Европы. Научный журнал, 2021. – № 1 (109). Россия в Большой Евразии: Возможности и перспективы. – С. 12-27.
2. Валлерстайн И. Миров-системный анализ // PORTAL21 [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20180310073949/http://portal21.ru/news/we_recommend.php?ELEMENT_ID=5061
3. Хефец Б. А. Глобализация не кончается, она становится другой. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – №11.

4. *Суслов Д. В., Пятачкова А. С.* Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Вопросы географии. – 2019. – №148. Россия, формирующаяся Большой Евразией. – С. 20-21
5. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2007.
6. *Кортунов А. В.* Восемь принципов Большого евразийского партнерства // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vosem-printsipov-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/>
7. *Рекорд С. И.* Возможности реализации потенциала экономического взаимодействия в рамках Большой Евразии на пути к Большому Евразийскому партнерству. // Официальный сайт Фонда Росконгресс [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/materials/vozmozhnosti-realizatsii-potentsiala-konomicheskogo-vzaimodeystviya-v-ramkakh-bolshoy-evrazii-na-pu/>
8. *Энтин М. Л., Энтина Е. Г.* Всеобъемлющее Большое Евразийское партнерство: уход от реальности или возвращение к ней // Вся Европа.ru. – 2016. – №11 (115) [Электронный ресурс]. URL: <http://alleuropa.ru/?p=13969>
9. *Михалев М. С., Якунин В. И., Вилисов М. В.* Пояса и пути Евразии. В поисках человека. – Москва: Наука, 2018.

Summary

Sidorovich A.V. “Eurasian World” in the Context of World-Systems Analysis

The study considers the content of the “Eurasian world” from the position of the world-systems analysis and changes caused by the peculiarities of the 21st century globalisation. It is suggested that the formation of the “Eurasian world” as a global world-system is taking place. The peculiarities of Greater Eurasia as a local world system and its connection with new integration processes are defined. It is shown that the development of the Greater Eurasian Partnership should be based on the formation of transit development corridors, using the huge potential opportunities of Russia.

Keywords: “Eurasian world”, Greater Eurasia, Greater Eurasian Partnership, Eurasianism, world-systems analysis.

**ЕВРАЗИЙСКИЙ МИР В ГЛОБАЛЬНЫХ ИСПЫТАНИЯХ:
КЛАССИЧЕСКОЕ ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ,
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ,
ТЕКУЩИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Попков Ю.В.

*Доктор философских наук, профессор,
Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук
г. Новосибирск, Россия
yuripopkov54@mail.ru*

Аннотация. В статье раскрывается важная роль евразийского мира в переживаемую эпоху кардинальных трансформаций современного мироустройства, когда центр мирового развития смещается в Евразию. Критически оцениваются ориентиры проекта Большой Евразии, предполагающего развитие взаимодействия на всем евразийском континенте от Лиссабона до Владивостока. В текущей ситуации острого конфликта с коллективным Западом для России и сопредельных стран главным ориентиром должна стать задача укрепления потенциалов собственного экономического развития и реальной внутриевразийской интеграции. Обосновывается необходимость адекватного прочтения и использования идейного наследия классиков евразийства для выстраивания эффективной внутренней и внешней политики стран Внутренней Евразии с опорой на существующее сходство базисных ценностных ориентаций населения региона. В качестве перспективной модели цивилизационного устройства предлагается духовно-экологическая стратегия развития.

Ключевые слова: цивилизационный кризис, Евразия, евразийство, евразийская интеграция, государственная политика.

Мы являемся свидетелями общемирового кризиса, о котором говорят и научные эксперты, и известные политики, используя разную терминологию для его обозначения: общецивилизационный кризис, «глобальное землетрясение», революционные изменения и др. По сути, это кризис либеральной глобализации и современного капитализма. Он во многом является следствием изменения расстановки экономических и политических сил на мировой арене. Именно сейчас происходит сдвиг в переустройстве мира под влиянием проявляющихся тенденций формирования его многополярности. Об этом прямо констатируется в недавно утвержденном новом (от 31.03.2023 г.) варианте Концепции внешней политики Российской Федерации: «Человечество переживает эпоху революционных перемен. Продолжается формирование более справедливого, многополярного мира» [1].

Очевидный лидер нынешней мировой системы – США, усмотревший угрозу своему безусловному господству, пытается решить эту проблему и очередной раз выйти из кризиса с помощью неоднократно проверенных и

надежных для себя военно-политических способов. Спровоцированный военный конфликт «коллективного Запада» с Россией на Украине является именно такой попыткой.

В данных условиях для самой России, а также и для многих других стран, несогласных с возглавляемой США жесткой гегемонией Запада, встал в качестве судьбоносного вопрос о необходимости глобального культурно-цивилизационного переконфигурирования мира [2].

Примечательно, что в сложившейся кризисной ситуации, которая характеризуется явной перспективной непредсказуемостью, все более очевидным является смещение центра мирового развития в Евразию, где наблюдаются основные глобальные события, активно обсуждаемые во всем мире. И это происходит на фоне того очевидного факта, что евразийский мир попал сейчас под мощное давление и беспрецедентный диктат со стороны США и их ближайших союзников. Достаточно указать на всеобъемлющий механизм санкций против России и угрозу их применения, а также разного рода наказаний для многих стран трансграничных с ней регионов.

Можно сделать вывод, что евразийский мир (Внутренняя Евразия) находится в глобальных испытаниях в квадрате: во-первых, от общих мировых потрясений, во-вторых, от дополнительных специальных угроз за «дружбу» с Россией. К тому же и сама эта «дружба» подверглась серьезным испытаниям с начала 1990-х гг. Распад СССР обернулся разрушением устоявшихся всесторонних связей бывших союзных республик. Властям новой России было не до «дружбы» с ними, они решали другие, свои собственные внутренние, задачи. И на ее место пришли иные компаньоны – западные страны, Китай, Турция и др., включив их в зону своего экономического и политического влияния. Поэтому очевидно, что и Россия, и ее реальные внутриевразийские партнеры находятся в весьма сложной ситуации: даже если их власти проявляют добрую волю к взаимному сотрудничеству, само оно сопряжено со многими трудностями как объективного, так и субъективного характера.

В текущих условиях евразийская тема заметно актуализировалась, как это уже было в периоды предшествующих кардинальных потрясений, связанных с крушением Российской империи и созданием СССР, а также разрушением самого Советского Союза. Правда, во втором случае евразийские идеи во многом остались, можно сказать, на бумаге и в рамках многочисленных дискуссий, практика же государственного строительства пошла по иному, западному, цивилизационному пути.

Сейчас евразийская тема в том или ином виде превратилась в весьма обсуждаемую и в научной среде, и в сфере политики. Так, готовя данную статью, я поинтересовался в Интернете и обнаружил, что большое количество мероприятий 2023 года имеют название «Евразийский форум» (или конгресс), которые запланированы (или уже прошли) в разных городах России: Москве, Сочи, Уфе, Казани, Екатеринбурге, Ярославле и др.

В то же время следует иметь в виду, что евразийский дискурс в содержательном отношении часто далек, с одной стороны, от идей

классического евразийства, наследие которого является базисной основой рассуждений на эту тему, с другой стороны, от истинных государственных интересов соответствующих стран. Поэтому важными представляются, во-первых, профессионально-адекватное изучение наследия евразийцев (прежде чем по-новому их прочитывать, к чему призывают ряд исследователей, их сначала надо правильно понять); во-вторых, выстраивание стратегически верных ориентиров геополитики России и других стран, которые бы соответствовали их реальным национальным интересам, а также потребностям персональной (для отдельных стран) и коллективной евразийской безопасности в нынешней сложной и противоречивой ситуации.

На этом пути лежит много «подводных камней» – и применительно к обсуждаемым идеям, и в приложении к практике. Далее затрону ряд проблемных вопросов, принципиально значимых, на мой взгляд, для понимания задач и выстраивания перспектив евразийской интеграции. Буду говорить о России, но многое касается, мне кажется, и других стран Внутренней Евразии.

Прежде всего, следует сказать, что доминирующим трендом последнего времени является дискурс Большой Евразии. Он возник несколько лет назад, практически сразу получил широкое распространение и изначально подразумевал активное сотрудничество разных стран на всем евразийском континенте: от Атлантики – до Тихого океана, от Лиссабона – до Владивостока. Будучи в целом достаточно неопределенным в содержательном отношении, этот дискурс сохраняется в условиях кардинального изменения обстановки после начала специальной военной операции на Украине. Об этом свидетельствует большое количество организуемых научных и научно-практических форумов и публикаций, по крайней мере, в России.

На мой взгляд, обозначенный тренд не вполне адекватен текущему положению дел, когда коллективный Запад категорически отвергает Россию и наверняка будет отвергать всех, кто ее готов поддерживать. Как оказалось, нашу страну принимали в «цивилизованный» капиталистический мир на вполне определенных условиях – на условиях сырьевого придатка и в статусе обширного территориального рынка для западных товаров и услуг. Не случайно в России после 1990-х годов разрушены многие направления промышленности и других отраслей хозяйства, сформировались, по оценке экспертов, компрадорский капитализм и компрадорский политический класс. Соответственно и финансовый блок правительства во многом обслуживал интересы Запада, а не долгосрочные интересы развития своей собственной страны. Как отмечает С.Ю. Глазьев, одной из задач внутренней политики нашей страны, которая является одновременно важным условием евразийской экономической интеграции является «национально ориентированная финансовая политика Банка России» [3, с. 11].

Ситуация, возникшая после начала специальной военной операции на Украине, которая, как отмечалось, качественно поменяла глобальный ландшафт, привела и к изменениям в российских геополитических ориентирах.

В обновленной Концепции внешней политики РФ зафиксированы многие важные моменты и установки, в том числе с учетом текущего положения дел. Так, здесь обозначен многоаспектный и многосторонний вектор внешней политики, сориентированной на все стороны света, включая Север (Арктику) и Антарктику. При этом не отвергается необходимость взаимодействия со странами Запада, но на иных, чем это было до последнего времени, основаниях и принципах. Одним из приоритетных направлений признается «укрепление потенциала и повышение внешнеполитической роли ШОС, ЕАЭС, ОДКБ и СНГ». Главной же целевой установкой, которой подчинены конкретные задачи, является Большое Евразийское партнёрство [1].

В то же время хотел бы высказать ряд критических замечаний, которые возникают, если рассматривать данный документ в контексте заявленной в настоящей статье темы.

Конечно, было бы хорошо «дружить со всеми» и реализовать все, что записано в Концепции. Но надо иметь в виду, что административный и экономический ресурс политики государства ограничен. Эффективно реализовывать комплекс обозначенных установок по всем направлениям одновременно невозможно. Следовательно, возникает вопрос о выстраивании приоритетов, последовательность которых проявлена, на мой взгляд, недостаточно четко.

Другая проблема – отсутствие акцента на укреплении экономической мощи страны как одной из главных детерминант проведения успешной внешней политики. Ярким образцом для подражания здесь может служить Китай. Именно благодаря успехам в своем экономическом развитии (далеко не сводимом к военному потенциалу) он является в настоящее время влиятельным политическим игроком.

Еще один важный вопрос состоит в том, что в Концепции не обозначена цивилизационная перспектива России с точки зрения диахронического измерения цивилизационного подхода (см. об этом: [4]). Данная проблема может показаться малозначимой или даже совсем незначимой для внешней политики. Но это не так, поскольку привлекательный образ будущего страны может иметь важное значение для формирования ее позитивного имиджа и престижа на международной арене.

Прежде чем высказать свои соображения о желательных приоритетах государственной политики, важным представляется обратить внимание на ряд фундаментальных положений классиков евразийства, которые могут быть ориентирами в том числе и применительно к современным условиям.

Во-первых, они исходили из понимания Евразии «как особого исторического и географического мира, простирающегося от границ Польши до Великой китайской стены» [5, с. 124], приблизительно совпадающего с границами СССР. Поэтому понимание Евразии как Большой Евразии, предполагающей весь географический континент от Лиссабона до Владивостока, есть не что иное, как отход от истинного евразийства и

современная форма «западничества», против которого активно выступали евразийцы.

Во-вторых, евразийская концепция предполагает приоритет внутриевразийской интеграции во взаимодействии народов. Данный принцип базируется на другом важном положении, который четко выразил П.Н. Савицкий: «...над Евразией веет дух своеобразного “братства народов”, имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различных рас. Традиции “братства народов”, как отмечали евразийцы, бывали по временам замутнены нарочитым “западничеством”. Это “не приводило Россию ни к чему, кроме бедствий ... Нужно надеяться, что к настоящему времени эта концепция преодолена до конца в русском сознании”» [6, с. 302].

К сожалению, классик ошибался относительно преодоления «западничества», поскольку им был пропитан весь постсоветский политический класс. До сих пор живы его рецидивы. И даже если теперь представители политической элиты высказываются на данную тему критически, то часто делают это просто из конъюнктурных соображений. Зато сформулированный П.Н. Савицким принцип братства народов после тридцатилетнего высмеивания вновь обрел свою фундаментальную значимость.

В-третьих, еще один из значимых принципов евразийцев – это примат культуры над приматом государства. Его удачно выразил Л.П. Карсавин: «Ошибочно всякое обоготворение государства и всякое признание его последней целью культурного развития и бытия. Подмена же примата культуры приматом государства и вера в единоспасающее значение второго как раз и ведут к непомерному расширению политической сферы, а в связи с ним к вредному формализму» [7, с. 127–128].

Теперь о приоритетах государственной политики, как она видится мне с учетом наследия классиков евразийства и зафиксированного комплекса проблем: конфликта с Западом, наследия 1990-х гг., ограниченности бюрократического и экономического ресурса и проч. Их можно выстроить следующим образом.

(1) Внутреннее экономическое, политическое и социальное обустройство России и других евразийских стран; как отмечают эксперты бывших союзных республик Центральной Азии, только при сильной России следует рассчитывать на успешную интеграцию всего евразийского социокультурного пространства в его классическом понимании; геополитическим ориентиром здесь может выступать метафора «сильная Россия – сильная Евразия».

(2) Всестороннее внутриевразийское сотрудничество, которое, в том числе, в странах Евразийского экономического союза, не должно ограничиваться многочисленными декларациями и обменом товаров, а предполагает реальную кооперацию по всем значимым направлениям взаимодействия; хотя, как отмечают исследователи, в условиях установленных Западом беспрецедентных санкций в рамках ЕАЭС достигнута позитивная экономическая динамика [8, с. 207], здесь, как и в целом во взаимоотношениях

стран региона, все еще много барьеров, ограничений, формализма, неэффективных практических решений, взаимного недопонимания и недоверия.

(3) Активное развитие комплексных трансграничных отношений с акцентом на особую роль российско-китайского трансграничья, что требует новой российско-китайской «дорожной карты»; важным представляется также оживление российско-индийского взаимодействия, его реальное расширение.

Определяющей детерминантой успешной внутренней и трансграничной евразийской интеграции может стать продуманная, целенаправленная внутренняя и внешняя политика наших государств с учетом обозначенных приоритетов. Она должна включать ориентацию на сотрудничество по широкому спектру вопросов, начиная от экономических и научно-технических, заканчивая социокультурными и гуманитарными.

К числу значимых факторов взаимодействия следует отнести также:

- существующее сходство базисного ценностного потенциала разных народов;
- актуализацию и пропаганду тематики евразийства и евразийских идей;
- адекватное научное и информационное сопровождение данной политики;
- активизацию народной дипломатии и т. п.

В свое время мы с коллегами провели конкретно-социологическое исследование в регионах Южной Сибири, Восточного Казахстана и Западной Монголии и сделали вывод о доминировании в аксиологической структуре массового сознания населения евразийской системы ценностей. Одновременно было теоретически обосновано и эмпирически подтверждено положение, что этносоциальные общности Сибири и сопредельных территорий Внутренней Евразии интегрированы в цивилизационные взаимодействия в составе евразийского социокультурного мира, для которого специфичны фундаментальные ценности воли (вольной самоорганизации), творческого взаимодействия (интеграции) культур, братства народов (побратимства), пограничности бытия («открытого бытия-на-границе») [9]. Как представляется, эти основания являются важными социокультурными составляющими интеграционного потенциала народов рассматриваемого региона.

Какова же возможная цивилизационная перспектива развития России и других стран евразийского социокультурного пространства?

Обострившийся через ситуацию на Украине конфликт России с коллективным Западом показал ошибочность цивилизационного выбора политического класса страны после развала Советского Союза. Тридцатилетнее развитие в лоне капиталистической мир-системы, куда ее стремились интегрировать всеми возможными институциональными способами, оказалось отвергнутым самим же Западом, как только Россия заявила претензию на свою независимость и самостоятельность.

Следовательно, необходимо искать альтернативный вариант цивилизационного будущего. В качестве такового мы с барнаульскими

коллегами-евразийцами предлагаем модель духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития, которая должна прийти на смену доминирующей ныне техногенно-потребительской цивилизационной модели [10]. Суть данной модели состоит в целенаправленном преобразовании разных сфер жизни в фокусе приоритета духовных и экологических ценностей; ставке на сохранение окружающей среды, развитии науки, культуры и образования, где экономика, политика и финансы – не цель, а средство для всестороннего развития человека и гармоничной коэволюции общества и биосферы. К числу ее существенных черт принадлежат: опора на коллективизм и коллективный научный разум; развитие кооперативных начал в экономической и социальной жизни; евразийские традиционные ценности и традиционная культура народов (которая в настоящее время существует в виде неотрадиционализма); поддержка биологического и этнокультурного разнообразия и т. д. [Там же].

В заключение сделаю вывод, который может показаться пафосным, но мне он представляется необходимым и возможным. Существующая кризисная ситуация заставляет наши народы двигаться в русле всесторонней внутриевразийской интеграции. На этом пути лежит много препятствий. В то же время достойной альтернативы такому движению, видимо, не существует, если учитывать весь комплекс обстоятельств текущего положения дел, а также нашего исторического прошлого. Мы волею судьбы вряд ли можем существовать друг без друга. Будущее каждого лежит в русле общего евразийского братства. Оно прошло испытание временем. К нему вновь необходимо возвращаться.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 31 марта 2023 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007> (дата обращения: 3.05.2023).
2. Смирнов А., Антоновский А., Никифоров О. Философский конгресс. Pilot. Беседа А.Ю. Антоновского и О.В. Никифорова с академиком А.В. Смирновым // Вопросы философии. – 2022. – № 4. – С. 5–15.
3. Глазьев С.Ю. Проблемы развития евразийской экономической интеграции: как их разрешить? // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2022. – Т. 16. – № 3. – С. 11–23.
4. Иванов А.В., Попков Ю.В. Типология цивилизаций в диахроническом измерении: базовые модели и перспективы России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2022. – Т. 22. – № 2. – С. 404–415.
5. Савицкий П.Н. Евразийская концепция русской истории / П.Н. Савицкий. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 123–126.

6. *Савицкий П.Н.* Географические и геополитические основы евразийства / П.Н. Савицкий *Континент Евразия*. – М.: Аграф, 1997. – С. 295–303.
7. Карсавин Л. П. Основы политики / *Мир России – Евразия: Антология*. – М.: Высшая школа, 1995. – С. 110–154.
8. *Мясникович М.В., Ковалёв В.С.* Новые страницы интеграции в Евразийском экономическом союзе // *Россия в глобальной политике*. – 2023. – Т. 21. – № 2. – С. 207–218.
9. *Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация* / под ред. Ю.В. Попкова. – Новосибирск: Нонпарель, 2010. – 449 с.
10. *Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития* / под ред. А.В. Иванова. – Барнаул: Новый формат, 2022. – 368 с.

Summary

Popkov Yu.V. Eurasian World in Global Tests: Classical Ideal Heritage, Value Guidelines, Current Geopolitical Practices, Prospects

The author reveals the important role of the Eurasian world in the era of cardinal transformations of the modern world order, when the center of world development is shifting to Eurasia. He critically assesses the landmarks of the Greater Eurasia project, which involves the development of interaction throughout the Eurasian continent from Lisbon to Vladivostok. In the current situation of acute conflict with the collective West, Russia and neighboring countries should be guided by the task of strengthening the potentials of their own economic development and real intra-Eurasian integration. The author substantiates the need for an adequate reading and use of the ideological heritage of the classics of Eurasianism in order to build an effective domestic and foreign policy of the countries of Inner Eurasia based on the existing similarity of the basic value orientations of the population of the region. As a promising model of a civilizational structure, he proposes a spiritual and ecological development strategy.

Keywords: civilizational crisis, Eurasia, Eurasianism, Eurasian integration, public policy.

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОГО ОБЩЕСТВА В ТЮРКСКОЙ И КАЗАХСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Абдильдина Р. Ж.

*Академик НАН РК, доктор философских наук
Казахстанский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Астана, Казахстан
rabdildina@gmail.com*

Аннотация. Социально-политическая мысль всегда ставила вопрос о достижении справедливости в обществе как главном условии благого существования, в связи с чем предлагала разные формы наиболее совершенного государственного устройства, которое наилучшим бы образом способствовало достижению этой цели. В этой связи тюркская социально-политическая мысль не является исключением. Тюркские мыслители также размышляли о путях и условиях достижения справедливости, построения справедливой социально-политической системы, в которой люди чувствуют себя уверенными и по-настоящему защищенными, и предлагали свои формы и пути решения этого вопроса.

Ключевые слова: справедливость, общество, государство, тюркская философия, казахская философия.

Понятие справедливость имеет сложное толкование и значение. С одной стороны, справедливость представляет собой философско-этическую категорию, означающую представление о должном, нравственную ценность, которая считается более высокой, чем те, что нашли воплощение в законе, в праве. Так, древние считали нравственные категории и ценности божественным, «неписаным», естественным законом, потому они носили универсальный, а сегодня мы говорим, общечеловеческий характер.

С другой стороны, справедливость – это категория социально-политическая, связанная с исторически меняющимися представлениями о правах человека. Воплощением справедливости в обществе является закон, целью которого, а также связанного с ним государственного принуждения, является поддержание справедливости и естественных прав человека.

Социально-политическая мысль всегда ставила вопрос о достижении справедливости в обществе как главном условии благого существования, в связи с чем предлагала разные формы наиболее совершенного государственного устройства, которое наилучшим бы образом способствовало достижению этой цели.

Что касается политических систем, форм государственного устройства, то они находились в процессе постоянного изменения. Государства как политические системы претерпевали множество трансформаций: сменялись правящие династии, устанавливались различные государственные формы и т.д.

Тюркская социально-политическая мысль также размышляла о путях и условиях достижения справедливости, справедливой социально-политической

системы, мечтала об «Идеальном государстве», «Мәңгі Ел», «Добродетельном городе», «Жерұйық» и т.д.

«Мәңгі Ел», «Добродетельный город», «Жерұйық» представляют собой философские понятия, в которых воплотились представления тюрков о некой идеальной стране, совершенном государстве, которое, благодаря мудрой политике своих правителей, духовным и нравственным качествам народа будет существовать вечно, в котором люди будут жить справедливо и счастливо.

К такому идеальному, справедливому и процветающему обществу тюрки стремились на протяжении всей своей многовековой истории. Как известно, впервые понятие «Мәңгі Ел» встречается в орхоно-енисейских письменных источниках. На стеле, посвященной Кюль-тегину – выдающемуся тюркскому полководцу, высечено: «...когда же ты, находясь в Отюкэнской стране, посылаешь караваны (за подарками, *т.е.* за данью), у тебя совсем нет горя, когда ты остаешься в Отюкэнской черни, ты можешь жить, созидая свой вечный племенной союз, и ты, тюркский народ, сыт» [1, с. 33]. Согласно завещанию Бильге-кагана, для того чтобы стать «Мәңгі Ел», вечным народом, вечным тюркским племенным союзом необходимы: мудрый, мужественный каган, который сделает тюркский народ сытым и богатым, авторитетные военачальники и героические воины, которые защитят страну и покорят народы со всех четырех сторон, а также покровительство Неба – Тенгри.

Идея справедливого, процветающего государства теоретически осмысливалась и в творчестве великого тюркского мыслителя аль-Фараби. Цель человеческого бытия с точки зрения ученого – человеческая разумная деятельность. В социальном плане разумность понимается Фараби как стремление достичь счастья. В трактате «О взглядах жителей добродетельного города» философ выделяет главные условия достижения счастья.

Первое – достижение счастья для человека возможно лишь в обществе: «Человек относится к (видам) существ, – писал аль-Фараби, – которые могут достичь необходимого в делах и получить наивысшее совершенство только через объединение многих людей в одном месте проживания» [2, с. 48–49]. Следовательно, практическое осуществление счастья возможно в Добродетельном городе, представляющим собой «Город, в котором объединение людей имеет своей целью взаимопомощь в делах, коими обретается истинное счастье, является добродетельным городом, и общество, где люди помогают друг другу в целях достижения счастья, есть добродетельное общество» [3, с. 305].

Второе условие, согласно аль-Фараби, – это качества правителя – главы города. С точки зрения философа, властителем – совершенным человеком – может стать тот, кто соединит в себе «двенадцать врожденных качеств», которые в совокупности представляют собой физическое совершенство, нравственную чистоту и духовное богатство. Правитель должен иметь «абсолютно совершенные органы», то есть крепкое здоровье, обладать хорошей памятью, «обладать умом проницательным и прозорливым»; уметь ясно излагать свои мысли; «иметь любовь к обучению и познанию»; любить правду

и ненавидеть ложь; «обладать гордой душой и дорожить честью»; «быть справедливым, но не упрямым» [3, с. 317–319].

Большой интерес в изучении данной проблемы представляют размышления другого великого тюркского мыслителя – Юсуфа Баласагунского. В трактате «Благодатное знание», продолжая традицию аль-Фараби, он выделяет четыре непреходящие и ценные, с его точки зрения, сути, принципы успешного функционирования государства: «Первая – Справедливость, вторая – Счастье, третья – Разум, четвертая – Неприсязательность, и каждой из них по-тюркски наречено имя. Справедливости дано имя Кунтогды-элик – это властитель; Счастье воплощено в имени Айтолды – это везир; Разум олицетворен в имени Огдюльмиш – это сын везира; Неприсязательность носит имя Одгурмыш» – это брат везира» [4, с. 6].

Кунтогды-элик – властитель олицетворяет правду, справедливую власть, доблесть и мужество, Айтолды – визирь (мудрый советник) – воплощает благоденствие, богатство, добро, которое несет народу мудрое правление. Огдюльмиш – это премудрость, знание и ум, поскольку мудрый правитель и народ, стремящийся к знаниям – необходимое условие процветающего государства, Одгурмыш – символизирует неприсязательность, удовлетворенность и праведность [4, с. 11, 56].

По мнению восточного мыслителя, чтобы государство было справедливым и устойчиво развивалось, оно должно иметь свою защищаемую смелыми, преданными воинами территорию. Елик – властитель государства – должен быть человеком умным, мудрым, доблестным, высоконравственным. Он должен хорошо разбираться в людях, уметь окружать себя преданными и разумными помощниками: правильно подбирать визиря, каждого своего министра, назначать на ответственные государственные должности настоящих патриотов, прекрасных профессионалов, людей, отличающихся высокими нравственными качествами.

Близкой точки зрения, но с учетом соответствующего социокультурного контекста, придерживался великий ногайско-казахский мыслитель Асан Кайгы. Степной философ описал свою мечту, райское место, где царит справедливость. «Жиделі Байсын» – это земля, где «застыло время и нет пределов пространству, там жило человечество, когда светлы и открыты были глаза у людей и души чисты, когда гордо и прямо смотрели люди, восхищались горами и солнцем, полетом птиц и бегом коней. Все были молоды и прекрасны, не знали старости и болезней, не ведали изнуряющего труда. Щедры были люди, жили без зависти и алчности, сама земля была как пиршественный стол, полный яств» [5, с. 13]. Таким образом, «Жиделі Байсын» – это золотой век человечества.

В некоторых источниках упоминается, что Асан Кайгы искал «Жиделі Байсын» (буквально «землю изобилия»), в других – «Жерұйық» («удобную, уютную землю», благодатный край, в котором человек будет себя ощущать окруженным заботой, не будет страдать от невзгод, бедствий и несправедливости).

Несмотря на определенную разницу этих понятий, «Жерұйық» часто выступает синонимом понятия «Жиделі Байсын». Главная мысль здесь заключается в том, что, согласно легендам, Асан Кайгы искал землю, чудесный край изобилия, где казахи – скотоводческий народ, жизнедеятельность которого была связана с состоянием его скота, смогли процветать, успешно занимаясь своим трудом. «Долго странствовал Асан Кайгы, все искал на свете счастливую страну, где много плодородной земли и многоводных рек, где народ живет, не зная нужды, горя и гнета, и где жаворонок вьет свое гнездо на пушистой спине барана» [5, с. 31].

По одной версии, Асан Кайгы так и не нашел землю справедливости и благоденствия, хотя побывал и на западе, и на востоке, на севере и на юге казахской степи. Согласно другим, ему все-таки удалось найти такое место. Побывав в «Жиделі-Байсын», Асан рассказал своим сородичам, что «нашел кочевья, где можно ездить на коне без стычек и без драк, где скот не будет украден ворами и зарезан волками, где не останемся бесприютными. В том краю тепло. Без выдела (не разобщаясь) мы будем там жить» [5, с. 90].

Следует заметить, что на идею поисков Асаном Кайгы земли благоденствия повлияли конкретные социально-исторические обстоятельства. XV век – это время распада Золотой и Белой Орды. В народных преданиях сказочные мотивы поисков райской земли переплетаются с повествованием о реальных исторических событиях – процессом сложения казахского народа и его государственности.

Переживания о благополучии народа, размышления о его будущей судьбе, мечты о справедливом, процветающем государстве мы находим и у другого великого казахского мыслителя – Бухара жырау. Поэт много думал о сохранении и устойчивости казахского государства. Он жил в период джунгарских набегов на казахскую землю, когда казахи во главе с Абылай-ханом защищали и освобождали свои земли, и напрямую стоял вопрос о существовании казахского народа, казахского государства. В решении этого судьбоносного для казахского народа вопроса жырау большое внимание обращал на необходимость воспитания в человеке таких качеств, как патриотизм, уважение к предкам, к своим национальным традициям, высоко ценил боевой дух народа, проявляющийся в подвигах его батыров, подчеркивал особую роль и ответственность правителя, главы государства.

Являясь советником великого казахского хана Абылай-хана, Бухар жырау ценит и восхваляет хана за его вклад, прежде всего, в укрепление казахской государственности. Он высоко чтит Абылай-хана за то, что ему удалось соединить воедино все казахские земли, объединить все три казахских жуза. Абылай-хан, по мнению степного философа, пользуется заслуженным авторитетом среди казахов, поскольку он укрепил границы казахского государства, сделал его безопасным, защитил казахские земли от завоевателей. Именно такой человек, принесший спокойствие и благоденствие своему народу, достоин, по мнению казахского мыслителя, звания выдающейся личности.

В своих философских размышлениях Бухар жырау как советник Абылай-хана, большое внимание обращал на такую важную проблему как вопрос о войне и мире. В поэме «Сабалак» мыслитель утверждает, что самый выдающийся государственный деятель – не тот, кто принес своему народу непрерывные войны, а тот, кто подарил людям мир и спокойную жизнь.

Присоединение к России, потеря Казахстаном независимости, с одной стороны, и вовлеченность в мировой культурный процесс, распространение светских знаний, с другой, требовало серьезного пересмотра мировоззренческих ориентиров казахского народа, что мы находим в творчестве великих казахских просветителей.

Кардинальным путем экономического и культурного подъема казахского народа Ч.Ч. Валиханов считал его включение в общемировую культуру. Казахский ученый убежденно выступал против национальной ограниченности и косности, замыкания в узких национальных рамках. В творчестве Ч. Валиханова существенное место занимает разработка идеи развития, идеи общественного прогресса. Как известно, понимание идеи развития являлось в то время высшим достижением русской и европейской мысли. При этом казахский просветитель говорил о развитии, о прогрессе не просто в общей форме, а пытался обосновать основные критерии, определить главных носителей общественно-исторического прогресса.

Согласно Ч. Валиханову, главным носителем прогресса в области общественных явлений в казахской степи выступает развитие социальных, экономических и бытовых аспектов жизни народа. Чтобы понять, что способствует прогрессу необходимо, по его мнению, изучить историю народа, экономические и социальные условия его жизни, и только на основе этих исследований предлагать те или иные реформы, которые будут на деле способствовать прогрессу и развитию народа. «Всякая реформа, имеющая целью общественное благосостояние, – писал ученый, – тогда только может достигнуть предположенной цели, когда известны общественные нужды и средства» [6, с. 78]. Казахский мыслитель утверждал, что общественный прогресс, прежде всего, заключается в повышении материального благосостояния народа, улучшении экономического положения людей.

Взгляд на процветание и успешное существование государства и общества несколько отличается у других великих казахских мыслителей и поэтов – Абая Кунанбаева и его ученика Шакарима. Если в тюркской и казахской традиции, как было показано выше, при решении вопроса об условиях сохранения устойчивости государства, процветания и благополучия народа большее внимание обращали на роль правителя, проводимую им внешнюю и внутреннюю политику, на совершенствование среды – экономические, политические преобразования, то Абай и Шакарим главное внимание в решении проблемы успешного, развитого государства и общества акцентировали на воспитании человека, совершенствовании его нравственных, духовных качеств.

Можно заметить, что в истории человеческой культуры в целом и тюркской культуры, в частности, сформировались два направления, два духовно-теоретических движения. Представители первого, решая задачу формирования «идеального» государства, «Добродетельного» города», «Мәңгі Ел» отдавали предпочтение традициям, интересам государства, подчеркивали особую роль правителя, что приводило к доктрине преклонения перед государством и некоторому забвению интересов отдельного человека.

Представители второго направления обратили внимание на то, что совершенствование среды, и даже серьезные трансформации общества не решают проблему создания устойчивого, самодостаточного государства, совершенного общества. С их точки зрения, эту задачу возможно решить лишь путем духовно-нравственного совершенствования отдельного, конкретного человека, формирования целостной человеческой личности.

Размышляя в своем творчестве об этой проблеме, Абай приходит к выводу о том, что всеобщим условием формирования достойного человека, истинного человеческого существования, а потому и основой процветания и развития общества в целом является образование, просвещение, труд. Согласно мыслителю, знание, наука, учение суть главные условия формирования нравственного человека, только на их основе человек может с достоинством выдержать жизненные испытания и принимать адекватные решения. Поэтому в стихах и размышлениях поэта так много места уделено идее просвещения и знания:

Душа невежды мертва.
Пусты без мысли слова.
И сам учись и учи.
Лишь знаньем жив человек.
Лишь знаньем движется век.
Лишь знанье светоч сердец [7, с. 64-65].

С точки зрения казахского философа, для создания подлинно справедливого и благополучного общества и государства каждому казаху нужно выработать новое мировоззрение. Старые мировоззренческие установки, где причину и цель своих поступков человек искал вовне, уже не могут быть использованы, они мешают человеку жить достойно. Абай, следовательно, выдвигает новую концепцию человека, концепцию нового человека – трудолюбивого, активного, просвещенного, надеющегося в жизни только на свои силы и на свои знания. Трудолюбие, просвещенность, добро, долг – вот основные нравственные принципы человека, создающего, созидającego процветающее, развитое общество и государство.

Мысли и идеи Абая нашли колоссальный отклик в душах самых передовых представителей своего времени, получили дальнейшее обоснование и развитие в творчестве его последователей и учеников, в частности в творчестве Шакарима Кудайбердиева. Согласно Шакариму, смысл человеческой жизни заключается в духовном самосовершенствовании человека. Истинным же смыслом человеческой жизни, по мнению мыслителя,

является нечто более высокое, связанное не с его бренным телом, а с вечной, бессмертной душой. В своей знаменитой работе «Три истины» вопрос о смысле жизни, о предназначении человека мыслитель связывает с изучением человеческой души. «Удивляюсь тем, кто говорит, что нет души и нет жизни после смерти», – пишет он [8, с. 76].

Шакарим убежден, что превосходство нравственности, знания, чистого труда над богатством и властью состоят в том, что, если власть, богатство – ограниченные, временные, телесные, невечные атрибуты человеческой жизни; то знания, труд, любовь, милосердие – вечные атрибуты, возвышающие человека. Потому подлинный, настоящий человек должен стремиться к истинному смыслу, удовлетворению, которое ему дают как в этой жизни, так и в последующей жизни атрибуты чистой души. Милосердный, честный, совестливый человек чувствует себя удовлетворенным и в земной жизни, и в будущей жизни, где они имеют непреходящую ценность, тогда как жаждущие богатства и власти, притеснявшие и использовавшие людей в достижении своих целей, уничтожавшие своих соперников будут наказаны и здесь, и в потустороннем мире. Их деяний будут стыдиться потомки здесь на земле, они получают заслуженное возмездие и в ином мире.

Таким образом, Шакарим в своем творчестве, решение проблемы успешного развития общества и государства видит в нравственном совершенствовании отдельного человека, его лучших духовных устремлениях и в то же время скорбит о бездуховности, утрате подлинных сокровищ человеческого духа, истинных ценностей в жизни своего народа.

В конце XIX – начале XX вв. Казахстан наряду с экономическим и политическим бесправием, испытывал последствия царской национальной политики. Казахский народ серьезно отставал по своему экономическому, политическому и образовательному уровню в сравнении с более развитыми народами. В этой исторической обстановке сформировалось новое поколение деятелей казахской культуры, философской и общественной мысли, которые выдвинули новую национальную идею – идею свободы и национальной независимости казахского народа как главные условия развития государства и общества.

Если просветители искали выход из тяжелого положения, в котором находилось казахское общество, в просвещении, образовании, развитии науки и т.д., то новое поколение выдающихся деятелей казахского народа: А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Жумабаев, Ж. Аймаутов, не отрицая идею просвещения, идею прогресса, идею духовного развития, считали, что многие тяжелые противоречия казахского общества могут разрешиться только в результате обретения свободы и независимости, национальной автономии казахского народа. По их мнению, отсталость казахского народа, в конечном счете, связана с его зависимостью, колониальным положением, с национальным угнетением и унижением. Поэтому, выдвинутая новой плеядой казахской интеллигенции идея свободы и независимости является основой всей их деятельности и творчества.

Решения этих актуальных для казахского общества проблем деятели нового политического движения «Алаш» связывали с обретением казахским народом политической свободы и независимости, национальной автономии. Они прекрасно понимали, что свободу и независимость невозможно получить в качестве подарка, обретение свободы и автономии – дело рук самого казахского народа, результат его собственных усилий. Поэтому главную цель своей политической деятельности и всего своего творчества они видели в том, чтобы разбудить народ, все их труды, в конечном счете, посвящены пропаганде идеи свободы и национальной независимости.

Как нельзя точно главную идею и смысл деятельности деятелей движения «Алаш» выражает стихотворение-призыв Миржакыпа Дулатова «Оян, қазақ!»

Спит казах беспробудно.
Сгорим ведь в огне, если не проявим прыти,
Все народы двинулись вперед,
Лишь наш народ катится назад,
Стараясь не сделать хотя бы шаг вперед [9, с. 86].

Справедливости, счастья, благополучия, устойчивого развития можно добиться только собственными усилиями путем обретения своего суверенного государства – убеждены деятели политического движения «Алаш». Свои сокровенные мечты о свободном, справедливом, процветающем государстве казахов они воплотили в самопровозглашенной Алашской автономии, которая, к сожалению, в силу сложных обстоятельств просуществовала недолго.

Размышления и мечты наших предков, выдающихся сынов тюркского народа о справедливом обществе, устойчивом и самостоятельном государстве бесценны и важны, они обретают особенное значение, новое содержание в наши дни в условиях независимого Казахстана, когда перед состоявшимся уже казахским государством вновь стоит вопрос поиска путей устойчивого развития, процветания казахского народа теперь на новом витке истории и на новом более высоком уровне.

Для успешного развития государства недостаточно было простой декларации его создания, из условий ограниченного суверенитета, каким обладал Казахстан в СССР, необходимо было стать по-настоящему свободным и независимым государством, то есть выработать свою суверенную внутреннюю и внешнюю политику, развивать экономику, строить собственные вооруженные силы, что обретает новое значение в современных сложных геополитических условиях.

В этом социально-историческом контексте одним из способов решения вопроса об устойчивом развитии современного Казахстана являлась выдвинутая Первым Президентом Казахстана идея «Мәңгілік ел», для чего необходимы следующие важные условия: для того чтобы государство стало самодостаточным, устойчивым, «вечным» оно должно быть экономически развитым; чтобы казахское государство существовало, было стабильным, смогло защитить богатую природными ресурсами огромную территорию, на

которой живет относительно небольшой по численности народ, необходим высокий уровень патриотизма; Казахстан должен проводить умелую внешнюю политику, быть миролюбивым государством, являться членом многих международных организаций, быть открытым к международному сотрудничеству; для сохранения своей независимости, для устойчивого процветания нашего народа мы должны быть верны своей истории, культуре. Человеческая основа воспитания патриотизма, любви к своей родине, к родной земле – это наши казахские эпосы, жыры, великая духовная культура казахского народа, казахская история, казахстанская наука [10].

Особое внимание воспитанию нравственных ценностей, духовному развитию современного казахстанца, необходимости модернизации общественного сознания было уделено в специально разработанной программе «Рухани жанғыру», нацеленной на формирование патриота, гражданина, любящего Казахстан, его землю, что возможно лишь на основе освоения духовной культуры народа. [11].

В 2022 году в условиях развития современного Казахстана новое понимание идеи справедливости озвучил Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев. Новая концепция справедливости опирается на три главных принципа, представляющих цели будущего развития казахстанского государства и общества: справедливое государство, справедливая экономика и справедливое общество.

Первый принцип – *Справедливое государство* – направлен на политическую модернизацию в стране, на создание условий для здоровой политической конкуренции, цивилизованной общественной дискуссии, позволяющей сформировать в казахстанском обществе зрелую и ответственную электоральную культуру.

Второй принцип – *Справедливая экономика* – означает рост экономического благосостояния граждан Казахстана, создание условий для ведения законной предпринимательской деятельности, проведение сбалансированной и прозрачной налоговой политики, сокращение присутствия государства в экономике

Третий принцип – *Справедливое общество*. Благосостояние общества можно повысить только если в стране проживают и работают талантливые и образованные граждане. Для этого в стране должны быть созданы максимально комфортные условия для обучения и образования, развития, прежде всего, прогрессивной прикладной науки.

Главным условием достижения поставленных целей является личный вклад и заинтересованность каждого гражданина. Только при таких условиях, возможно изменить политическую систему, экономику и повысить благополучие казахстанцев. Таким образом, главный принцип – справедливость.

Таким образом, за годы независимости в республике происходил не только политический и экономический прогресс, но и прогресс в развитии личности. Современный Казахстан выбрал путь развития, опирающийся на новое понимание принципа справедливости, дающий нации реальный шанс на

процветание. На новом витке истории, в новых условиях геополитических вызовов наша страна должна достойно пройти процесс обновления с целью построения своего лучшего будущего.

Список литературы

1. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования // М. – Л.: 1951. 451 с.
2. Аль-Фараби. Гражданская политика / Аль-Фараби, Абу Наср Мухаммад. Социально-этические трактаты. – Алма-Ата: Наука, 1973. – 436 с.
3. Аль-Фараби. О взглядах жителей добродетельного города / Аль-Фараби, Абу Наср Мухаммад. Философские трактаты. – Алма-Ата: Наука, 1970. – 430 с.
4. Баласагунский Юсуф. Благодатное знание. – М.: Наука, 1983. – 562 с.
5. Антология педагогической мысли Казахстана / Сост. К. Жарикбаев, С. Калиев. – Алматы: Рауан, 1995. – 512 с.
6. Валиханов Ч. Ч. Записка о судебной реформе / Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. – Т. 4. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. – 461 с.
7. Абай Кунанбаев. Собрание сочинений в одном томе. – М.: Художественная литература. 1954. – 416 с.
8. Кудайбердиев Ш. Три истины. – Алматы: Казахстан, 1991. – 80 с.
9. Дулатов М. Избранное. – Алматы: Ғылым, 1991. – 302 с.
10. Патриотический акт – Мәңгілік Ел [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kazpravda.kz/news/politika/patrioticheskii-akt--mangilik-el-polnii-tekst/>
11. Назарбаев Н. А. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya
12. Предвыборная программа кандидата в президенты РК Токаева Касым-Жомарта Кемелевича «Справедливый Казахстан – для всех и для каждого. Сейчас и навсегда» (октябрь 2022 года) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31868557&pos=4;-106#pos=4;-106

Summary

Abdildina R.Zh. The Just Society Idea in Turkic and Kazakh Philosophy

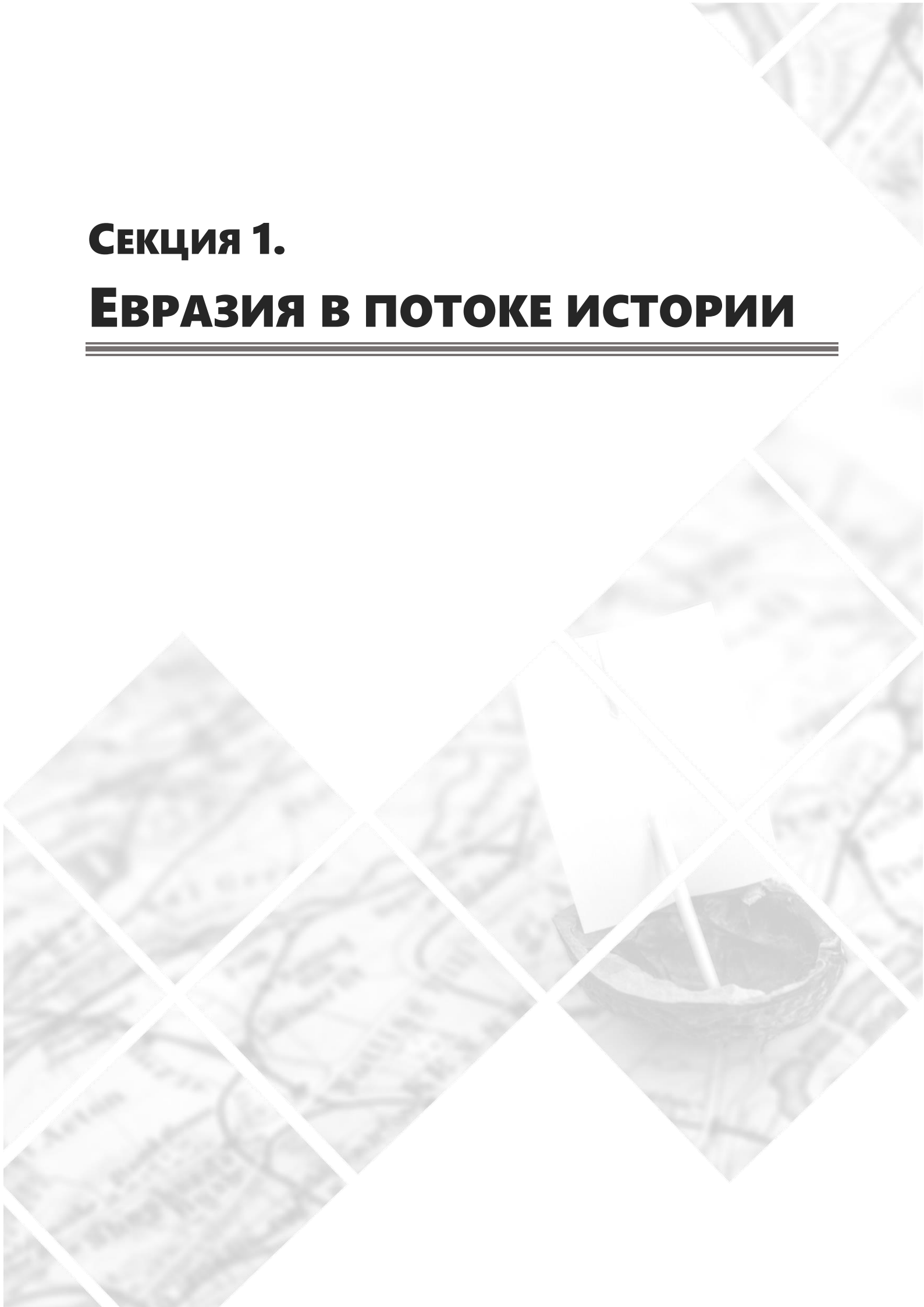
Socio-political thought has historically raised the issue of ensuring justice in society as the main condition for a universally beneficial life. Hence, various ideas on the perfect forms of state government that would best contribute to achieve this goal have been put forward.

In this regard, Turkic socio-political thought is no exception. Turkic thinkers have also reflected on the ways and means to achieve justice, building a fair socio-political system in which people feel confident and truly protected, and offered their own ideas to address this issue.

Keywords: justice, society, state, Turkic philosophy, Kazakh philosophy.

СЕКЦИЯ 1.

ЕВРАЗИЯ В ПОТОКЕ ИСТОРИИ

ЗОЛОТАЯ ОРДА – ЕВРАЗИЙСКАЯ АТЛАНТИДА И САКРАЛЬНАЯ РОДИНА СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Абдиев М.Ж.

*Главный научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор
Институт истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова*

КН МНВО РК

г. Алматы, Казахстан

abdirov.murat@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль и место Золотой Орды в истории народов Евразии, в формировании мировой политической глобалистики эпохи средневековья, ее вклад в современную геополитическую картину мира. Показано своеобразие степной цивилизации, сформировавшейся в суровых условиях Северной Евразии и успешно функционировавшей в течение нескольких веков.

Ключевые слова: Великая Степь, Тюркская Вселенная, Золотая Орда, Степная цивилизация, казахи в потоке евразийской истории.

В минувшем 2022 г. исполнилось 780 лет с момента образования и 520 лет с момента гибели Золотой Орды (1242–1502 гг.) – священной праматери современных тюркских народов и самой могущественной державы своего времени. Это был великолепный век кочевников Великой Степи, не имевший аналогов в мировой истории, он стал ярким примером расцвета степной цивилизации с роскошной всаднической и эталонной городской культурой, своеобразным восьмым чудом света. Золотая Орда занимала нуклеарную позицию на великой шахматной доске Евразии, оказывала решающее влияние на международные отношения в Европе и Азии, сыграла решающую роль в этногенезе, культурогенезе и политогенезе многих современных народов, в том числе России и Казахстана [1].

XIII век стал веком столкновения нескольких цивилизаций: молодой, полной сил и энергии кочевнической в лице Монгольской державы эпохи Чингиз-хана и его потомков с древними оседлыми цивилизациями; Китайской, Хорезмской и Арабской (Аббасидской), из которых победителем вышел молодой и пассионарный монгольский этнос во главе с величайшим полководцем, каких прежде не знало человечество. Чингиз-хан покорил одну половину мира и завещал своим потомкам подчинить другую половину, чтобы создать на планете Единое Царство Человечества во главе с номадами Центральной Азии на принципах братства и справедливости, независимо от происхождения, богатства, верований, языка и культуры [2].

Геополитики определили Великую Монгольскую империю как «сердце мира» или точку опоры для мирового господства. Евразийская империя Чингиз-хана и его первых потомков простиралась от берегов Китайского моря до Анатолии в Малой Азии и Центральной Европы. По мнению американского

политолога Збигнева Бжезинского, лишь создание в середине XX в. советско-китайского блока при Сталине и Мао Цзэдуне дало возможность сравнивать прошлые и современные масштабы централизованного контроля над прилегающими территориями [3, с. 28].

Завоевания монголов XIII в. кардинально изменили картину мира: рухнули былые великие и одряхлевшие империи, погибли старинные династии и целые народы, понесли невосполнимые потери другие, на месте мегаполисов остались развалины, в которых погибли цветущие цивилизации. Но на их месте появились новые государства, которые стали ядром будущих европейских и азиатских государств, возникли новые цивилизации, существующие по сей день. А Великая Яса Чингиз-кагана, принятая в 1206 году на Великом всемонгольском курултае, явилась прообразом Всемирной декларации прав человека, принятой ООН лишь в 1948 г. В эпоху расцвета могущества Золотой Орды ни одна другая страна не была в состоянии бросить вызов ее имперскому статусу или хотя бы оказать какое-нибудь сопротивление ее экспансии, если бы у ее правителей появились такие намерения [4].

К сожалению, образ кочевников-номадов как разрушителей-варваров, не внесших никакого позитивного вклада в мировую цивилизацию, глубоко укоренился в историографии и массовом сознании еще с эпохи Древнего Китая, Древнего Ирана, Древней Греции и Древнего Рима. Так, в мифологии многих оседлых народов кочевник предстает почти как исчадие ада, в Китае презрительно относились к варварам-кочевникам, не способным к цивилизованному образу жизни. На Западе вождя гуннов Аттилу считали «бичом божьим», а в средние века кочевники оказывались в одной компании с чумой, холерой и разными стихийными бедствиями. Между тем отечественные ученые полагают вождя гуннов наиболее выдающейся личностью не только тюркского мира, но и всей мировой истории [5, с. 110-112].

Более того, нередко этот негативный образ поддерживается и некоторыми профессиональными учеными в угоду конъюнктурным соображениям. Так, номуновед М.И. Артамонов, посветивший всю свою профессиональную жизнь изучению кочевых народов от скифов до хазар, как-то заявил, что кочевники ничего не внесли в мировую цивилизацию, кроме самого факта своего существования и штанов. Но неужели он за свою полувековую научную деятельность не обнаружил ничего позитивного в их жизни и исторической биографии за многие столетия, кроме этого предмета верхней одежды? И что бы носили сегодня люди, в том числе и автор этого утверждения, если бы кочевники не изобрели штаны? Без компьютеров и смартфонов человечество может еще обойтись, а без штанов – никак, особенно мужская половина.

В начале XXI в. немецкие ученые обнаружили при раскопках в Таримской впадине провинции Синьцзян самые древние штаны в мире – их возраст равнялся 3000–3300 лет. Таким образом, номуны Центральной Азии изобрели штаны вместо туник и халатов, чтобы удобнее было ездить верхом, и их новшество распространилось по всему миру. Уже за одно это по крайней мере сильная половина человечества должна быть безмерно благодарна азиатским кочевникам.

Им принадлежит также первенство в изобретении других усовершенствованных элементов верховой езды: стремян, седла, псалиев, сапог, кафтанов, различных видов вооружения, перенятых европейскими народами в доогнестрельную эпоху: дальнобойные луки со стрелами, кольчуги, шлемы, защитные наколенники и т.д. Знаменитая легкая кавалерия в европейских армиях, уланы, была также заимствована у азиатских кочевников. Мировые военные теоретики полагают, что многие инновации в области воинского искусства были заимствованы европейскими полководцами у кочевников Евразии.

Трое восточных вождей и полководцев: Аттила, Чингиз-хан и Тамерлан, масштабами своих походов и завоеваний, воинским искусством и стратегическим мышлением превосходят всех европейских монархов и военачальников, будь то Александр Македонский или Наполеон. Так, Наполеон шел войной на Россию в 1812 г., не имея никаких представлений о стране, ее населении и климате, поэтому с позором бежал обратно. Вполне закономерно, что в 1814 г. русская армия с триумфом вошла в брошенный им Париж.

В то время как Чингиз-хан в 1219–1220 гг. тщательно подготовился к походу на неведомый Хорезм и одержал блестящую победу на удаленной от Монголии территории со значительно превосходящими войсками противника. Военные историки полагают, что теория блицкрига и молниеносной войны впервые зародилась у кочевников Азии и была блестяще осуществлена именно во время этой войны [6].

А его знаменитый внук Бату-хан во время Западного похода 1240–1242 гг. дошел до Центральной Европы, у Вены и берегов Адриатического моря разгромив наголову войска хваленых средневековых рыцарей и взяв штурмом ряд крупных крепостей. Здесь наглядно видны различия в стратегическом мышлении и воинском искусстве полководцев двух типов: азиатского и европейского [7].

Вопреки всем историческим мифам, именно кочевники в ранние века человеческой цивилизации сыграли выдающуюся роль в развитии оседло-земледельческих сообществ. И классический номадизм никогда не являлся закрытой общественно-политической системой, он не мог бы существовать сам по себе, без многообразного внешнего мира, представленного некочевыми обществами с иными системами хозяйства. В этом одна из его инновационных особенностей: в неразрывной связи с обширным внешним окружением, т.е. с иными хозяйственными, культурными и социальными обществами.

Именно номадам принадлежит создание феномена особой евразийской цивилизации, под которым понимается как кочевая, так и оседлая культура, не только экстенсивное скотоводство, но и земледелие, градостроительство, металлургия, особая духовная культура и искусство, например, знаменитый сако-скифский «звериный стиль», а также религиозные представления от зороастризма до тенгрианства. В отечественной науке это явление получило название степной цивилизации, в которой номадизм является лишь ее частью. По подсчетам современного американского ученого российского происхождения А.М. Хазанова, более 50% государств на территории Евразии

возникли благодаря военным походам и войнам кочевников. И только в отдельных, редких случаях кочевое государство существовало без завоевания и покорения оседлого народа, как, например, казахи в своей долгой и миролюбивой истории [8, с. 38-46].

Вопреки утверждениям многих прошлых и нынешних европейских авторов, кочевники создали блестящую городскую культуру в суровых условиях Северной Евразии, отличающейся природно-климатическими условиями от Южной Евразии.

Например, население двух столиц Золотой Орды – Сарая-Бату и Сарая-Берке ученые оценивают в пределах 75–150 тыс. жителей каждый. Это были самые настоящие мегаполисы своей эпохи. В то время как такие крупные города Европы, как Париж, Венеция, Генуя, Милан или Флоренция имели не более 50 тыс. жителей, и при этом считались гигантами. Общая же численность 110 городов и городских поселений Золотой Орды оценивается от 500 тыс. до 1 млн. и более жителей. Причем, оба берега Волги от современной Астрахани до Волгограда, в двуречье Волги и ее притока Ахтубы, были своеобразной степной гардарикой – страной городов и оседлых поселений, фактически слившихся в один гигантский и непрерывный городской массив.

Например, первая столица Золотой Орды Сарай-Бату представляла из себя огромный город площадью 36 кв. км. Его ширина равнялась 3,5 км, а в длину он протянулся на целых 10 км. В городе было много просторных улиц и дворцов, мечетей, мавзолеев, общественных бань, ремесленных и торговых кварталов, караван-сараев, большие площади занимали огромные рынки, функционировали общественные туалеты, разделенные на женскую и мужскую половину, имелись водопровод (в керамических трубах) и канализация (в деревянных), чего не было тогда даже в Париже, где хозяйки выливали помои прямо на улицы, так что по городу было нелегко пройти и проехать, а люди справляли свою нужду из окон дворцов. Такая же картина была в новой столице Российской империи Санкт-Петербурге, где дворцы знати воздвигались без туалетов [9, с. 45–46].

Находившийся же в благоприятной природно-климатической зоне город Сарай-Бату был окружен природными зонами с усадьбами, садами, виноградниками, полями, бахчами, искусственными водоемами и бассейнами с фонтанами.

Не уступала Сарая-Бату в своем великолепии и вторая столица империи – город Сарай-Берке. Причем, она располагалась почти точно в географическом центре государства. Через город проходили маршруты Великого Шелкового пути с востока на запад и речного Волжского пути с севера на юг. Археолог Ф.В. Баллод установил, что площадь Сарая-Берке равна 48 кв. верстам. Кроме того, на 70 верст от Царева городища (так называли Сарай-Берке в царской России) простираются отдельные группы развалин, по гребню сырта, вдоль Ахтубы. И пришел к выводу, что и Старый Сарай, и Новый Сарай являлись мировыми мегаполисами в подлинном смысле этого слова, своеобразными визитными карточками Золотой Орды.

Понятно, почему в советское время археологам категорически запрещалось заниматься изучением золотоордынских городов, так как это нарушало бы ложное и превратное представление о Золотой Орде как об отсталом и варварском кочевом государстве. И таких мифов о Золотой Орде за годы т. н. «ига» накопилось более чем достаточно, от которых очень трудно избавиться и по сей день.

С хозяйственной стороны традиционное кочевое скотоводство можно определить как особый вид производящей экономики, при котором преобладающим занятием является экстенсивное подвижное скотоводство, где большая часть населения вовлечена в периодические и сезонные перекочевки. Также можно добавить, что кочевничество, как и другие виды хозяйственной деятельности, соответствует определенному технологическому уровню. Оно занимает место между двумя революциями, включая их последствия, – неолитической и индустриальной. Великий евразиец Н.С. Трубецкой справедливо полагал в этой связи, что «объединить всю Евразию могло только государство, овладевшее всей системой степи [10, с. 19]

Своими завоеваниями номады создавали новые государства и ретранслировали во все стороны света многие культурные новации, свои институты и типы власти. И кочевники никогда не были только варварами, способными разрушать, а не созидать; достаточно привести в пример арабов, которые создали одну из величайших в истории Исламскую цивилизацию от Испании до Индии, от Северной Африки до Волжской Булгарии на далеком севере. Так же кочевники-маньчжуры в середине XVII в. завоевали Китай и создали могущественную Цинскую империю, наследником которой сегодня является КНР – первая по численности страна мира, вторая экономическая держава, третья по территории и ядерному арсеналу. Не случайно многие мировые ученые признавали, что понимать историю кочевого народа – трудная задача для всякого, кто знаком с воззрениями оседлых народов [11].

После распада единой Монгольской империи в 1269–1270 гг. обрели самостоятельность несколько государств, которые вошли в мировую историю как своими размерами, так и успехами в развитии духовной культуры и экономики. И среди них «Ұлық Ұлыс» (Улус Джучи), или Золотая Орда в русских и европейских источниках.

Британский историк Арнольд Дж. Тойнби, автор 12-томного труда «Постижение истории», насчитал в мировой истории за последние три тысячи лет 32 цивилизации. Из них: 23 расцветшие, 4 задержавшиеся в своем развитии, 5 оставшихся недоразвившимися. Во вторую группу, наряду с Эскимосской, Спартанской и Османской, он включил и Кочевническую (номадную) цивилизацию, призвание которой только в том, чтобы «грабить, разорять и похищать» [12].

Наверное, трудно или даже невозможно найти в истории человечества государство или народ, которые не занимались бы этим. Например, британское трехвековое владычество в Индии в XVIII–XX вв. является самым ярким примером практического воплощения в жизнь колониальной политики и частнособственнической психологии просвещенных европейских народов. Не

отставали от Англии и такие культурные страны, как Франция, Германия, Бельгия, Голландия, Испания, Италия, Португалия и другие. В этом они далеко превосходили деяния того же Чингиз-хана. И противостояние «богатого Севера» и «бедного Юга» в исторической перспективе лишь станет усиливаться – Европа уже сегодня превращается на наших глазах в неизлечимо «больного человека» планеты.

Золотая Орда (1242–1502 гг.) вошла в мировую историю не только тем, что она возникла после завоевательных походов Чингиз-хана, его старшего сына Джучи, его внука и ее основателя Бату, но и тем, что смогла в короткий срок добиться невиданного расцвета материальной и духовной культуры в некогда безлюдной и обширной зоне Евразийских степей, превратиться в уникальную и высокоразвитую оседло-кочевую цивилизацию тогдашнего мира.

Она на протяжении трех веков определяла историческое развитие этого региона, а после ее гибели на ее обломках возникали как национальные государства, так и мировые сверхдержавы, такие как Российская империя и Советский Союз. А их наследники до сих пор оказывают решающее влияние на ход глобальной и региональной политики, и это воздействие в будущем будет только возрастать. И для такого оптимистичного прогноза сегодня есть все основания. В недалеком будущем судьбы Евразии, а затем и всего мира будут определять две сверхдержавы: Китай как наследник Монгольской империи Чингиз-хана и Россия как наследница Золотой Орды Бату-хана. События бурного и непредсказуемого XXI в. подтверждают этот прогноз.

Если бы не было т.н. «ига», превратилась бы Русь в XVI в. в сильное централизованное государство, в XVIII в. – в могучую евразийскую империю, а в XX в. – в одну из мировых сверхдержав наряду с США и Китаем? Скорее всего, нет, на ее месте существовали бы несколько самостоятельных и постоянно враждовавших между собою стран. Не случайно выдающийся российский ученый Н.М. Карамзин утверждал, что Москва обязана своим величием ханам Золотой Орды.

Точно также монголо-тюрки эпохи великого хана Хубилая и его преемников сыграли решающую роль в превращении раздробленного Китая в централизованное государство, объединив три царства: Цзинь, Сун и Тибет. И сегодня полуторамиллиардный Китай является одной из трех могучих ракетно-ядерных держав мира наряду с Америкой и Россией.

Подводя итоги нашего исследования, еще раз подчеркнем, что Золотая Орда не была каким-то средневековым варварским государством и отсталой кочевой империей, как писали советские (в основном российские) авторы, называвшие ее «государством-паразитом». Из-за ига Золотой Орды якобы Россия отстала в своем историческом развитии на несколько веков. К сожалению, мифы о «татаро-монгольском иге» до сих пор не изжиты даже из академических трудов.

Впрочем, сегодня немало научно-популярных работ, объективно показывающих эту страницу истории средневековой Руси. Так, современные российские политики и экономисты в шутку говорят, что самым лучшим временем в федеральном налогообложении были времена т.н. «ига». Поскольку русских людей вполне устраивали 10% от общего дохода, который они один раз

в году платили ханам, взамен получая защиту от внешних врагов и бесконечных княжеских междоусобиц. К тому же торговля с Золотой Ордой помогла насытить русский рынок значительным количеством тяглового скота, что помогло ей поднять разоренное войнами сельское хозяйство и развить пашенное земледелие. Также ханы Золотой Орды были веротерпимы и не вмешивались в религиозную жизнь покоренных народов. Они всемерно поддерживали традиционную русскую церковь, и уже в 1260-х годах в Сарая-Берке была учреждена первая православная епархия.

Также исследования генетиков показали, что, несмотря на жестокое двухвековое «иго», в генофонде русского народа практически полностью отсутствует «степной вклад». Таким образом, нынешние русские люди – это типичные европейцы без какого-либо монгольского следа [13, с. 52].

Многие европейские авторы признавали огромную роль Золотой Орды в политической истории Восточной Европы. Так, немецкий востоковед Бертольд Шпулер, автор фундаментального исследования «Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг.» подчеркивал, что период Золотой Орды был одной из значительнейших эпох в истории Восточной Европы. Он был убежден, что влияние монголо-татарской культуры особенно явственно ощущается на востоке Европы, которое едва ли можно переоценить вплоть до нашего времени [14, с. 120].

Золотая Орда для своей эпохи являлась высокоразвитым, культурным, урбанизированным и современным государством, о чем говорят многочисленные восточные и европейские источники, свидетельства современников, историко-археологические открытия. Она далеко ушла от того действительно примитивного степного Улуса Джучи, каким была на начальном этапе государственного становления [15, с. 3–8].

В период наивысшего расцвета при ханах Узбеке и Джаныбеке (1312–1357 гг.) Золотая Орда превратилась в оригинальную оседло-кочевую империю-цивилизацию, каких прежде не было в истории Евразии. Она была средневековым «Хартлендом» – географической осью мировой истории, определявшей развитие Центральной и Восточной Европы, России, Средней Азии, Кавказа, Крыма, Византии и Ближнего Востока. И поэтому в силу географического и политического факторов можно говорить, что именно нынешняя Россия является главным преемником двух величайших империй – Монгольской империи Чингиз-хана и Золотой Орды эпохи Бату-хана. Поскольку после распада Золотой Орды ее жители массово переселялись на Русь и принимали православную религию, считая Москву ее законным геополитическим наследником, а русских великих князей и царей продолжателями дела великого Чингиз-кагана по объединению Великой Евразии.

Вместе с тем и Казахстан, занимающий нуклеарную позицию на Евразийском материке, также может претендовать на такую же роль преемника Золотой Орды, ставшей уделом старшего сына Чингиз-хана Джучи, мавзолеей которого находится в горах Улытау в Центральном Казахстане. Третья столица Золотой Орды город Сарайшык находился на правом берегу реки Урал, на территории современной Атырауской области. Он был известен как город,

откуда началось распространение ислама в Золотой Орде, и грандиозным некрополем с захоронениями ханов Золотой Орды и Казахского ханства, а также биев Ногайской Орды [16].

Поэтому сегодня нашей стране необходимо осуществлять национально-государственное строительство с учетом того непреложного исторического факта, что именно Российская Федерация и Республика Казахстан являются главными преемниками Золотой Орды. В нашей стране это положение можно было бы закрепить в преамбуле Конституции. И от имени Казахстана, опираясь на историко-правовые аспекты общего евразийского прошлого и перед лицом грядущих вызовов и угроз, предложить на заседании Генеральной Ассамблеи ООН принять специальную резолюцию об историческом значении Золотой Орды (Евразийского Хартленда) в истории народов Евразии.

Сегодня история великолепного века кочевников Великой Евразии, связанная с Золотой Ордой, вызывает повышенный интерес читателей, желание углубиться в ее историю, познать ее тайны, чтобы лучше понять современность и увереннее смотреть в будущее. И удовлетворение этого законного интереса является прямой обязанностью «слушающего государства» и сообщества профессиональных исследователей ее феномена.

В Уставе ЮНЕСКО говорится: «Поскольку войны зарождаются в умах людей, то именно в умах людей должна быть создана система защиты мира». И труды отечественных ученых должны быть направлены к этой благородной цели.

Таким образом, история Золотой Орды, расположенной на стыке Азии и Европы и включавшей в себя многие народы Центральной Евразии, имеет сегодня практический интерес не только для археологов и историков, но прежде всего для ооновских, вашингтонских, европейских, азиатских, кремлевских, пекинских, акордынских и иных политиков, стратегов и дипломатов.

Список литературы

1. *Абдиров М.Ж.* Казахский хан в Русском государстве. – Алматы: ТОО «Литера М», 2021. – 542 с.
2. *Хара-Даван Э.* Чингисхан. Великий завоеватель. – М.: Вече. 2008. – 384 с.; *Қинаятұлы З.* Шыңғыс хан. – Алматы: Арда, 2008. – 432 б.; *Ержан Исақұлов-Зәріпбай Оразбай.* Шыңғыз хан. – Нұр-Сұлтан: Фолиант, 2020. – 464 бет.
3. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 1999. – 256 с.
4. *Мэн Д.* Чингисхан / Пер. сангл. – М.: Эксмо, 2006. – 416 с.: илл.
5. *Жумагулов К. Т.* Аттила. Личность и историческая эпоха. – Алматы: Қазақ университеті, 2020. – 128 с.; См. также: *Өтенияз С.* Аттила (ғылыми зерттеу). – Алматы: Арыс, 2000. – 216 бет + суреттіжапсырма.

6. *Храпачевский Р. П.* Военная держава Чингисхана. – М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. – 557 с.; Сондерс Джон Дж. История монгольских завоеваний. Великая империя кочевников от основания до упадка // Пер. с англ. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2020. – 287 с.
7. *Чойжилжавын Чойсамба.* Завоевательные походы Бату-хана // Пер. с монг. – М.: Идея-Пресс, 2006. – 168 с.
8. *Байпаков К. М.* Степная цивилизация Казахстана: взаимодействие скотоводческих и оседлых культур // Казахская цивилизация. – 2002. – № 2-3. – С. 42-51;
9. *Козыбаев М.К.* Степная цивилизация и ее уроки // Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избранные труды). – Алматы: Ғылым, 2006. – С. 38-46 (272 с.).
10. *Кульпин-Губайдуллин Э.С.* Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. Изд. 2-е. – М.: КомКнига, 2006. – 176 с.
11. *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. – М.: Изд-во «Э», 2017. – 576 с.
12. *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – С. 66-69, 85.; Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации: Сб. мат-лов Межд. науч. конф. Алматы. 21-23 ноября, 2007 г. – Алматы: Дайк-Пресс, – 2008. – С. 3-4, 10-18, 24-35.
13. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории: Сборник // Пер. с англ. – М.: Айрис-пресс, 2002. – С. 190-194; Его же. Цивилизация перед судом истории: Сборник // Пер. с англ. – М.: Рольф, 2002. – С. 232-234.
14. *Шляхторов А. Г.* Как Золотая Орда озолотила Русь: мифы и правда о «татаро-монгольском иге». – М.: Эксмо: Яуза, 2018. – 320 с.
15. *Шнулер Б.* Золотая Орда. Монголы в России. 1223-1502 // Пер. с нем. – СПб.: Евразия, 2018. – 560 с.
16. *Почекаев Р. Ю.* Золотая Орда. История в имперском контексте. – СПб.: Наука, 2017. – 206 с.
17. *Қинаятұлы З.* Шыңғыс хан және Қазақ мемлекеті. – Алматы: Тарих тағылымы, 2010. – 728 б.

Summary

Abdirov M.Zh. Golden Horde – Eurasian Atlantis and the sacred homeland of modern Turkic peoples

The article examines the role and place of the Golden Horde in the history of the peoples of Eurasia, in the formation of the world political globalism of the Middle Ages, its contribution to the modern geopolitical picture of the world. The peculiarity of the steppe civilization formed in the harsh conditions of Northern Eurasia and successfully functioning for several centuries is shown.

Keywords: The Great Steppe, the Turkic Universe, the Golden Horde, Steppe civilization, Kazakhs in the flow of Eurasian history.

ПИОНЕРЫ СОЗДАНИЯ БУКВАРЕЙ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ ДЖАДИДСКОЙ МЕТОДИКИ

Бимаканова З.Ш.

*Кандидат исторических наук, профессор
Северо-Казахстанский университет имени М. Козыбаева
г. Петропавловск, Казахстан
bimakanova1956@mail.ru*

Муканова Г.К.

*Кандидат исторических наук, профессор
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
г. Алматы, Казахстан
Gulnar_mukanova@mail.ru*

Аннотация. В начале XX века в пределах Евразийского пространства происходили процессы самоидентификации народов, тюркских, в частности, и это не могло не отразиться в сфере школьной педагогики. Здесь также имеют место нововведения, известные в специальной литературе как джадидизм, основателем которого справедливо называют И. Гаспринского. Свидетельством происходивших в обозначенное время серьезных сдвигов в преподавании звуковым методом был вопрос написания учебников для школ, куда пришли выпускники передовых для своего времени медресе. В казахской лексике рубежа XIX – XX веков все чаще звучат понятия «устаз, мугалим» (учитель), «алиппе» (азбука), «тоте оку» (буквенное чтение), возрастает потребность в алфавите. В казахском сообществе новации выразились в публикации авторских рукописей учителей так называемых «передвижных («көшпелі») школ» начала XX столетия. Авторами первых букварей казахского языка были Закария Ергалиев, Мухамедораз Нурбаев, Кенжегали Сыргалин, М. Дибердиев и др.

Ключевые слова: методика, джадида, буквари, авторы, казахский язык.

Национальная школа просвещения в начале XX века формировалась благодаря энтузиастам школьного обучения. Для процесса характерна преемственность, ведь первый шаг к созданию алфавита на родном языке сделал известный казахский просветитель XIX века Ибрагим (Ибрай) Алтынсарин. Сформированная им школа вырастила талантливых учеников, продолжателей его дела. Алтынсарин обращал внимание на личность ученика, со своей стороны он делал все возможное, чтобы учившиеся в интернатах казахские подростки знали традиции и обычаи своего народа.

Гуманистические начала этнопедагогики Алтынсарина были развиты в трудах других казахских педагогов, авторов первых учебников и букварей. Научная новизна исследования заключается в акцентировании фактов написания и издания первых опытов национальной педагогики казахскими мугалимами в первом десятилетии XX века. К сожалению, с началом Первой

мировой войны процесс прервался, и до нас не дошли последующие рукописи, которые возможно также разрабатывали методики обучения алфавиту и письму. Исторические условия и предпосылки создания национальной базы школьного обучения, сложившиеся до начала войны, породили в казахском обществе большой энтузиазм и желание принести большую методическую помощь учителям. Многие современники первых букварей признают, что учили их по тем первым әліппе. Казахские джадиды-учителя находились в среде, сформировавшейся под влиянием передовых идей тюркской интеграции И. Гаспринского в начале XX столетия, несмотря на трудные социальные условия. То есть, мы считаем, что авторы первых казахских букварей и пособий, о которых мы расскажем ниже, проделали огромную необходимую работу, полезную для всех тюркоязычных народов, особенно центральноазиатских.

Учебник Мухамедораза бин Нурбай Кызылжари «Казахский букварь по правилам «Усул-и сауатия» увидел свет в 1910 году в уфимском издательстве «Шарк». Уфа в обозначенный период располагала несколькими издательствами, филиалами известного издательства братьев Каримовых, центр которого размещался в г. Казань. В Уфе печатались книги и брошюры, сборники стихов, учебники казахских, башкирских и татарских авторов, издаваемые зачастую за счет самих авторов. Тиражи изданий соответственно были небольшими. В букваре 1910 года М. Нурбаева (так автора стали указывать в поздних советских изданиях) автором даются методические советы учителям; содержание книги обращает внимание на использование голосового метода и метода «целого слова» при обучении детей грамоте [1].

Несмотря на недостатки, первые буквари казахского языка имели большое социальное значение, т.к. они открыли целую эпоху преподавания и обучения родному языку, стали ступенькой к новым качественным учебникам. В целом, первые буквари опирались на практику, ведь были они созданы учителями на их собственном опыте. О букваре М. Нурбайулы упоминают ведущие казахские ученые-филологи [2]. Вместе с тем, о самом авторе практически ничего не пишется, хотя приставка к имени (Кызылжари) указывает на то, что его отец жил в Петропавловске Акмолинской области.

Одновременно с букварем М. Нурбаева, также в 1910 году, но в Казани, вышел «Казахский букварь» Закария бин Ергали аль-Ахмеди-л-Бакауи под названием «Два-три устных слова» [3, с. 3]. Автор З. Ергалиев призывал учащихся овладеть чтением и письмом, чтобы далее овладевать наукой. Ему также принадлежит здравое суждение об учете возрастных особенностей учащихся. Учить детей, утверждали авторы первых әліппе, необходимо с раннего возраста [4, с. 143]. В том же 1910 году были изданы «Букварь для казахских детей» М. Дибердиева и «Нравоучения для казахов-учащихся» Г. Мажитова, об этом говорится в книге известного казахского исследователя истории книги А.М. Жиренчина. [5, с. 132]

К сожалению, о первых создателях букварей казахского языка в исторических исследованиях практически нет упоминаний, о них вскользь говорится в обобщающих трудах по филологии и литературоведению.

Исследователь Г. Исмагулова еще в 1970 годы обратила внимание, к примеру, что К. Сыргалин в предисловии к «Әліппе» особое внимание уделяет вопросам педагогической этики, обращает внимание на интересы и нужды самого ребенка, а также на те требования, которые могут предъявляться учащимся. Они должны понимать, как правильно показать свои лучшие стороны при освоении предмета. Поскольку автор книги – сам учитель, подчеркивает Г. Исмагулова, он серьезно отзывался обо всех деталях процесса школьного обучения [6].

В предисловии к книге К. Сыргалина имеется особое упоминание о том, что учить ребенка надо, найдя способ мотивировать его, ни в коем случае не запугивая и не применяя физического насилия. К. Сыргалин писал: «...Во время обучения учите теплыми и нежными словами, не бейте и не ругайте» [6, с. 32]. То есть, автор уважает специфику личности ребенка, призывает к бережному отношению к его нравственным переживаниям, чувствам [6, с. 33]. Надо учитывать особенный характер каждого ребенка, его чувство самоуважения; эти и другие указания К. Сыргалина весьма отчетливо характеризуют его методику. Следует отметить преемственность, которой следовал автор Букваря.

В русско-казахских школах уроки обучения чтению велись по звуковому методу, начиная с Ибрая Алтынсарина, и К. Сыргалин, безусловно, руководствуется тем же принципом. Можно предполагать, что он сам ранее прошел алтынсаринскую школу обучения и развивал ее в своих практических пособиях для учителей. Это начинание в начале первого десятилетия XX века в казахской среде было серьезным шагом к систематизации педагогического опыта и, по большому счету, воспитывало национальный дух, пробуждало стремление учащихся быть наравне с передовыми народами, на основе уважения своей национальной культуры и языка.

Если в первых казахоязычных периодических изданиях, таких как «Дала уалаятинин газети», «Туркестан уалаятинин газети», журнале «Айкап», газете «Қазақ» критически говорилось о недостатках учебно-просветительной работы в ауле и недостатках кадымских школ, то в первом десятилетии XX века состоялся небывалый прорыв. Были изданы подряд «Әліфбе яки төте оқу» (И. Арабаев, Х. Сәрсекеев, Уфа, 1911), «Қазақша ең жаңа әліппе» (М. Малдыбаев, Қазан, 1912), «Қазақша ең жаңа әліппе» (Ж. Андамасов, Уфа, 1912), «Қазақ балаларына жәрдем. Қазақша әліппе кітабы» (Ғ. Сырғалин. Қазан, 1913), пополнившие номенклатуру первых изданий на казахском языке, считает кандидат педагогических наук А. М. Шормакова [7, с. 3].

В первых казахских букварях авторы руководствовались методом вопросов-ответов, наблюдения и сопровождения познавательных и коммуникативных способностей детей. Это предполагало реализацию педагогического принципа: «не спешите говорить то, что знает сам ученик. Рассказывайте только то, что ученик совершенно не знает. В противном случае

позвольте ребенку говорить самому». Эти правила означали в сущности, что ребенок развивал устную речь, а затем и письменную. Кроме того, авторы в качестве педагогической и социально-культурной проблемы поднимали вопрос о правильной организации досуга ребенка. В отличие от кадыми (старой) методики обучения при медресе, они рекомендовали, чтобы ребенок после уроков не сидел дома до вечера, ведь это не дает ему возможности познавать мир, это вредно, вместо этого полезен здоровый веселый отдых для ребенка.

Так внедрялись передовые школьные методики, позволявшие раскрыть личностные наклонности детей, и обучение воспринималось ими как игра, но не наказание. Эти принципы призывал соблюдать и автор первого казахского учебника «Педагогика» (Оренбург, 1922), выпускник уфимского медресе «Галия» Магжан Бекенович Жумабаев.

Значение издания и применения в школах первых казахских букварей для центральноазиатских тюркоязычных народов неопределимо. Учебные пособия распространялись и переписывались от руки и таким образом помогли открыть свет знаний братским народам. Кыргызский исследователь Б. Зулуев пришел к выводу, что казахские первые буквари применялись для обучения в кыргызских школах. Так, он пишет: «...обучающиеся на казахском языке пользовались учебниками: Ы. Алтынсарина «Мактубат» («Письмо», Санкт-Петербург, 1889 г.), З. Иргалиева «Қазақ әліппесі» («Казахский букварь», Уфа, 1910 г.), К. Сыргалина «Әліппе» («Букварь», Казань, 1913 г.); пользовались книгами: «Қазақ балаларына қарағат кітаби» (М. Дебердиева), «Қазақша алиппе» («Казахский букварь», М. Нурбаева), «Қазақша ең жаңа алиппе» («Самый лучший букварь по-казахски», М. Малдыбаева), «Үлгілі бала» («Примерный ученик», Кубеева) и другие» [8, с. 7].

Одним из способов распространения идей джадидизма, по его мнению, с которым трудно было бы спорить, было печатное слово, высоко ценили тех, кто производил и распространял печатные издания, умел читать. В Ферганскую долину поступали публикации из Бахчисарая «Тарджиман» («Переводчик»), издававшийся И. Гаспринским. Из города Казань выписывались журналы «Юлдуз» («Звезда»), «Анг» («Мысль») и «Баянұль-хак» («Повествуй честно»), из Астрахани – «Идель» (тюркское название р. Волги), из Оренбурга – «Шуро» («Совет»).

Безусловно, вышеприведенные печатные издания, наряду с первыми учебными пособиями и журналами, способствовали просвещению казахского общества и в целом народов Поволжья, Кавказа и Центральной Азии, включая соседний Восточный Туркестан. Казахская молодежь активно включалась в учебный процесс, тянулась к знаниям, осваивала новые методики. В целом, джадидский этап оказал сильнейшее влияние на мировоззрение целого поколения, воспитывая патриотизм и стремление к возрождению утерянной государственности. Их заслуги важно не только не умалять, но, напротив, оценивать в контексте целевой задачи пробуждения народов Востока Евразии.

Таким образом, изучаемая тема представляется междисциплинарной, находящейся на стыке истории, педагогики, этнографии, филологии. К началу

XX века казахская национальная интеллигенция представляла немногочисленную прослойку казахского общества и, тем не менее, ею была заложена база будущих достижений. Если в данный момент и известны имена и труды первых казахских авторов букварей и учебный пособий в помощь учительству, однако все еще, на наш взгляд, малоизвестны сведения о самих авторах: их происхождение, биография, образование, другие произведения. Идентификация и восстановление их биографических данных посредством изучения источников, архивов еще предстоит.

Также важно в научном плане отметить их бесценный вклад в развитие тюркского просвещения, казахской национальной культуры, языка, педагогики. В действительности, именно благодаря их подвижничеству и бескорыстному труду была подготовлена почва общенационального культурного роста. Однако долгое время их заслуги замалчивались, поскольку новая советская администрация старалась приписать себе все успехи народов Востока в образовании, науке и т.д. Исследовать персоналии просветителей обозначенного исторического этапа – долг историков.

Список литературы

1. Усул сауатия тәртібінде қазақша әліппе. Жазушы Мухаммедораз бин Нұрбай Қызылжари. Бастырған «Кәрімов, Хусайнов және серіктері». – Уфа, «Шарқ» баспаханасы, 1910. – 31 бет.
2. *Сыздықова Р.* Ахмет Байтұрсынов – қазақ тіл білімінің негізін салушы // *Қазақ әдебиеті*. – 20 шілде, 1990 ж.
3. Қазақ әліппесі. Жазған Закария бин Ерғали Әл-Ахмеди-л-Бәкәуи. Бастырған Хусайнов балалары. – Қазан: Урнәк, 1910. – 42 бет.
4. *Мардахаев Л.В., Ыбыраимжанов К.Т., Бекиш А.А.* Системы начального образования на казахской земле и истории письменных знаков и алфавитов // *Materials of the V International Scientific-Practical Conference «Quality Management: Search and Solutions»*. Vol.1. – San-Francisco (CA, USA): Regional Academy of Management, 2019. – 473 p. Pp. 140-143.
5. *Жиренчин А.М.* Из истории казахской книги. – Алма-Ата: Казахстан, 1987. – 144 с.
6. *Исмағұлова Г.* Қазақша әліппенің жасалу тарихынан // *Білім және еңбек*. – 1971. – № 11. – 30-35 бет.
7. *Шормакова А.М.* Алаш білімпаздарының тілді оқытудағы әдістемелік көзқарасы мен ұстанымы // *Тіл әлемі*. 2018. – 29 наурыз. – 5 б.
8. *Зулуев Б.Б.* Литература джадидистов и активность выпускников в общественной жизни // *Международный журнал экспериментального образования*. – 2018. – № 6. – С. 5-10.

Summary

Bimakanova Z.Sh., Mukanova G.k. Pioneers of the Creation of kazakh language alphabets Based on the jadid methodology

At the beginning of the twentieth century, the processes of self-identification of peoples, Turkic in particular, took place within the Eurasian space, and this could not but be reflected in the field of school pedagogy. There are also innovations known in the specialized literature as Jadidism, the founder of which is rightly called I. Gasprinsky. Evidence of the serious shifts in teaching by the sound method that took place at the designated time was the issue of writing textbooks for schools where graduates of advanced madrassas for their time came. In the Kazakh vocabulary of the turn of the XIX - XX centuries, the concepts of "ustaz, mugalim" (teacher), "alippe" (alphabet), "tote oku" (letter reading) are increasingly heard, the need for the alphabet is increasing. In the Kazakh community, innovations were expressed in the publication of the author's manuscripts of teachers of the so-called "mobile ("koshpeli") schools" of the early twentieth century. The authors of the first alphabets of the Kazakh language were Zakaria Ergaliev, Mukhamedoraz Nurbayev, Kenzhegali Syrgalin, etc.

Keywords: methodology, jadids, ABC books, authors, Kazakh language

ТРАДИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЛОМБАРДОВ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Васильев Я.А.

*Кандидат исторических наук, кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН
г. Санкт-Петербург, Россия
доцент, Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого
г. Великий Новгород, Россия
vasilev-yaroslav@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена деятельности провинциальных кредитных учреждений – городских общественных ломбардов Новгородской губернии. Автор рассматривает цели и задачи их деятельности, состав заемщиков, категории залогов. Рассматриваются наиболее важные вопросы их деятельности, проблемы и перспективы дальнейшей работы. Отмечается, что городские общественные ломбарды, несмотря на свою финансовую слабость и малую доходность, все же находили возможность для осуществления благотворительности нуждающимся жителям. Подчеркивается необходимость использования опыта работы европейских ломбардов для оптимизации их деятельности в России. Отмечается роль городских общественных ломбардов в борьбе с ростовщиками.

Ключевые слова: городские общественные ломбарды, залогов, аукционы, благотворительность, ростовщики, Новгородская губерния.

Создание в конце XIX в. сети городских ломбардов – муниципальных учреждений благотворительной направленности стало логическим завершением процесса построения в России целой системы кредитных учреждений, начало которому было положено в период реформ 1860–1870 гг. В ее состав входили не только крупнейшие банки – Государственный и акционерные коммерческие, снабжавшие средствами влиятельные фирмы и объединения предпринимателей, но и подобные им учреждения уездного значения – городские общественные банки и общества взаимного кредита, обслуживавшие провинциальных торговцев и промышленников среднего достатка. Учреждения ипотечного кредита – банки Дворянский, Крестьянский и акционерные земельные выдавали ссуды под залог недвижимости помещикам и крестьянам. Последние, кроме того, могли получать небольшие суммы в кооперативных или общественных учреждениях мелкого сельского кредита (кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, удельные и сельские банки

и др.). Даже лица, не участвовавшие непосредственно в сфере промышленного или сельскохозяйственного производства, например, чиновники и служащие каких-либо учреждений, могли создавать свои ссудо-сберегательные и пенсионные кассы взаимопомощи.

Однако в городах достаточно широкий круг жителей оставался вне рамок деятельности данных кредитных учреждений: рабочие и другие наемные работники, мелкие ремесленники, семьи отставных или умерших небогатых чиновников и военных, лица свободных профессий, студенты и проч. Банковский кредит под векселя (заемные письма) им не мог быть открыт, так как они не занимались предпринимательством не имели авторитета в деловых кругах. Не обладая каким-либо значимым в банковском понимании имуществом, недвижимостью, ювелирными изделиями, ценными бумагами, которые могли бы послужить надежным залогом для получения ссуды, они также не могли рассчитывать на ее получение. Не состоя на государственной или общественной службе, эти категории городских жителей не являлись, следовательно, и членами ведомственных ссудо-сберегательных касс взаимопомощи.

Не имея возможности пользоваться услугами упомянутых кредитных учреждений, они, таким образом, неизбежно оказывались втянутыми в сферу ростовщического кредита, где обеспечением ссуды могли служить не только, например, драгоценности, но и предметы домашнего обихода, носильные вещи и проч., что, как раз, устраивало малоимущих горожан. Однако за пользование такой ссудой приходилось платить достаточно высокие проценты. Так в 1870-х гг. новгородский ростовщик М. А. Поляк получал с клиентов до 6 % в мес. – 72 % в год [1, л. 4об]. Подобные дельцы, имевшие разрешение на свою деятельность (ибо правительство вынуждено было мириться с этим чрезвычайно живучим промыслом, пытаясь, тем не менее, ограничивать его крайние проявления) взимали по ссудам, в среднем, от 48 до 60 % годовых, а нелегальные ростовщики – и до 120 % [2, с. 48].

Таким образом, правительство имело все предпосылки к ограничению их деятельности – и морального плана, и материальные (например, создать, с учетом опыта ростовщиков альтернативные им кредитные учреждения с более мягкими условиями выдачи ссуд под недрагоценные вещи и переманить туда хотя бы часть их клиентуры). Однако на деле правительство столкнулось с рядом достаточно серьезных трудностей, не позволивших, в конечном счете, создать государственную систему благотворительного кредита в России. Во-первых, отсутствие опыта работы подобных учреждений: до 1890-х гг. в стране функционировал только один городской ломбард в Варшаве (с 1796 г.) и два государственных ломбарда – Ссудные казны в Петербурге и Москве (с 1772 г.), которые принимали в залог лишь драгоценные вещи. С 1840 г. начинают возникать немногочисленные акционерные и частные ломбарды, имевшие, коммерческий, а не благотворительный характер деятельности. К 1914 г. их насчитывалось всего 22 в 13-ти губернских городах из 97, а в уездных центрах их не было вообще [2, с. 10; 3, с. 3-4].

С другой стороны, правительство могло бы воспользоваться опытом многочисленных зарубежных ломбардов (государственных, частных, акционерных, муниципальных, общественных и др.), первые из них появились в XV в., в Италии, откуда и получили общее наименование. К началу XIX в. эти заведения широко распространились практически во всех странах Европы и Америки и накопили богатейший опыт работы. Во-вторых, правительство в 1860–1890-х гг. уделяло внимание только производительному кредиту (как сельскохозяйственному, так и промышленному), оставляя за пределами своих интересов остальные его разновидности. В-третьих, благотворительная направленность таких кредитных учреждений предопределила бы их малую доходность или даже полную убыточность при одновременных денежных субсидиях на начало оборотов и дальнейшее их развитие, на что у казны просто не хватило бы никаких средств.

Таким образом, решать данную проблему пришлось самому городскому населению без всякой помощи со стороны государства. С конца 1880-х гг. городские думы начинают на собственные деньги образовывать общественные кредитные учреждения благотворительного характера – городские ломбарды. В социальном плане они дополнили деятельность ранее созданных городских общественных банков, которые обслуживали в основном местных предпринимателей и не имели возможности оказывать действенную помощь малоимущим горожанам. Первый городской ломбард в России был учрежден в Вологде (устав утвержден в 1886 г., обороты открыты в 1888 г.).

Недостаточная финансовая обеспеченность провинциальных российских городов предопределила значительные трудности в осуществлении данного проекта. Так, из 669 уездных городов ломбарды сумели учредить только 109 (к 1916 г.) это отразилось и на собственных оборотных средствах ломбардов, например, к 1914 г. два государственных ломбарда имели суммарный капитал в 8,5 млн. руб., 20 акционерных ломбардов – почти 26 млн. руб., а 106 городских ломбардов – только 12,5 млн. руб. [2, с. 10, 12].

Характерно, что 18 городских ломбардов были образованы целиком на деньги частных жертвователей, так как зачастую города не могли собрать на эти цели даже 2–3 тыс. руб. Следствием такого положения явилось и взимание ими ссудного процента, размер которого сложно было назвать благотворительным. Если в подобных учреждениях за рубежом он составлял 3–4 %, в Ссудных казнах – около 6 %, то в некоторых городских ломбардах – до 30 % (например, в Полтавском). Ломбарды, действовавшие в Новгородской губернии, взимали одни из самых маленьких процентов среди учреждений своего типа – 18 %. Меньше взимали только Петербургский – 14–18 %, и Московский – 15 %. Обусловлено это было не только слабостью этих учреждений в финансовом отношении, но и большими затратами на аренду или строительство складских помещений для хранения залогов, поддержание в них особого микроклимата во избежание порчи вещей (в связи с этим коммерческие ломбарды, Ссудные казны и банки выдавали ссуды практически только под заклад драгоценностей и ценных бумаг). Городские же ломбарды в России вынуждены были принимать любую вещь, имеющую стоимость около 2 руб.,

включая орудия труда ремесленников, рыбаков, полуфабрикаты, отрезки материи и др.

Основной и, по сути, единственной операцией городских ломбардов являлась оценка залогов и выдача под них ссуд, кроме того, они осуществляли их перезалог на новые сроки и продажу с торгов в случае невыкупа. Уставы городских ломбардов были практически идентичны, отличаясь мелочной регламентацией некоторых неосновных сторон их деятельности, например, отношений с полицией в случае залога краденой вещи, правила устройства аукционов и т. п.

Рассмотрим некоторые особенности работы городских ломбардов России на примере Новгородской губернии, которая может также считаться пионером в деле организации ломбардного кредита под залог сельскохозяйственной продукции. В 1866 г., задолго до образования ломбардов, земские органы Крестецкого уезда стали практиковать выдачу ссуд под залог зерна, которое принималось от крестьян осенью, во избежание продажи за бесценок, а весной возвращалось для посева или продажи по более высокой цене. По ссуде взималось от 8 до 10 % с оборотной суммы. Операция развивалась в общем успешно и 25 лет спустя, к 1891 г. в уезде уже действовало 80 хлебных складов подобного рода [2, с. 10; 4, с. 5]. Данный почин не получил широкого распространения среди земских органов, однако позднее активно осуществлялся Государственным банком.

Первым в Новгородской губернии и одним из первых в России являлся Тихвинский городской ломбард, открывший свои операции в 1889 г. (на следующий год после Вологодского) с капиталом в 3 тыс. руб. В 1891 г. был учрежден Старорусский, а 1894 г. – Новгородский ломбарды с капиталами по 5 тыс. руб. В 1912 г. открылся ломбард в г. Белозерске (капитал – 10 тыс. руб.) [5, 6, 7, 8]. Эти ломбарды сильно отличались друг от друга не только по обеспеченности капиталами, размерам оборотов, числу клиентов, но и по постановке дела. Явным лидером по всем операциям, безусловно, считался Новгородский ломбард. Уже в первый год работы он произвел оборот на общую сумму около 60 тыс. руб., получив чистой прибыли до 900 рублей. В дальнейшем операции продолжали развиваться, хотя и достаточно неровно и в 1913 г. составили почти 100 тыс. руб. по обороту. Успешно работал и Старорусский ломбард, который начал с оборота в 30 тыс. руб. в 1893 г., а в 1913 г. произвел их более чем на 60 тыс. руб., получив чистой прибыли свыше 1 тыс. руб. В Тихвинском ломбарде дела находились в совершенно противоположном состоянии. Оборотов в 25 тыс. руб. он достиг только в 1894 г., через 5 лет после открытия, после чего идет их постоянное снижение до 8 тыс. руб. в 1913 г. Вообще, практически на всем протяжении своей работы он считался убыточным заведением (за исключением нескольких отдельных лет), например, операционные убытки 1913 г. составили 669 руб., а суммарный убыток прежних лет достиг 2 тыс. руб. [6, 7, 8]. Частично это может быть объяснено разницей в количестве посетителей. Так, за 1912 г. Тихвинский ломбард за 174 рабочих дня принял 1428 закладов или в среднем около 8 в

день. В 1913 г. Новгородский ломбард за 254 рабочих дня оценил 10 373 залога (около 40 в день) [6, 8].

Вообще, постановка дел в Тихвинском ломбарде характеризовалась местной городской думой и управой скорее отрицательно, особенно в плане организации. Работал он нерегулярно, часто без расписания, документация велась небрежно, имели место «потери» заложенных вещей и денежных сумм. Аукционы невыкупленных залогов проводились крайне редко – 1–2 раза в год (в Старорусском – 6–8 раз в год), что перегружало склад и лишало ломбард прибыли от торгов. Последние не приносили ему ощутимой прибыли – в 1913 г. убыток от них составил 30 руб., тогда как Новгородский получил от них прибыль в 2,5 тыс. руб., а Старорусский – 2,3 тыс. руб. (на торги поступало, в общем, небольшое количество залогов – до 10 % от общего количества) [6, 7, 8].

Новгородский и Старорусский ломбарды, кроме того, от прибыли с торгов 2 % перечисляли на городские потребности. К 1914 г. эти суммы составили 967 руб. и 690 руб., соответственно. Старорусский ломбард ежегодно производил выдачу беднейшим горожанам некоторых невыкупленных залогов и небольших денежных сумм – к 1914 г. это составило 1 тыс. 383 руб. [6, 7]. Тихвинский ломбард не имел возможности производить такие отчисления. Для этого, однако, имелись и объективные предпосылки. Так, например, ссуды размером до 10 руб. не приносили ломбардам никакой прибыли, так как расходы от их хранения, перекрывали поступления по процентам. Но в провинциальных ломбардах абсолютное большинство составляли именно выдачи в 1–5 руб. Таким образом, Новгородский ломбард более чем на треть работал в убыток, в Старорусском и Тихвинском этот показатель был еще выше.

При более пристальном рассмотрении выяснилось, что ссуды размером в 1–2 руб. прямо убыточны ломбардам, так как затраты на хранение и оценку залога значительно превышали прибыль, полученную по самой ссуде. Только ссуды в 9–10 руб. и выше начинали давать прибыль, превышавшую затраты на хранение и оценку. В среднем, при 18 % годовых, взимавшихся по ссудам, например, ломбардами Новгородской губернии, ссуда в 2 руб. давала 3 коп. прибыли, и лишь ссуда в 100 руб. приносила прибыль в 1 руб. (т. е., 12 %) [2, с. 57]. На практике это приводило к тому, что частные ломбарды вообще не выдавали ссуды размером в 1 руб.

Однако городские ломбарды, руководствовавшиеся интересами местных жителей, вынуждены были осуществлять выдачу ссуд и такого размера. В ломбардах Новгородской губернии количество и общая сумма таких ссуд были очень велики. Например, в Старорусском ломбарде в 1898 г. общее число ссуд составило 2835, из них 2568 были выдачи размером в 2–10 руб., а в Новгородском ломбарде (1913 г.) сумма ссуд насчитывала 55 670 руб. (10 373 залогов), из них выдачи в 1–10 руб. достигли 36 761 руб. (9500 залогов) [6, д. 3171, л. 110об; 7, д. 3224, л. 48об]. Подавляющее большинство ссуд в ломбардах Новгородской губернии были именно в размере от 1 до 10 руб. В остальных городских общественных ломбардах империи ситуация с размером ссуд была такой же: 1–10 руб. – 80 %, 10–100 руб. – 18 %, 100 руб. и более – 1 % [2, с. 57].

Таким образом, выдавая ссуды в основном размером в 1–10 руб., Новгородский ломбард более чем на треть работал в убыток, в Старорусском этот показатель был еще выше. Следовательно, в небольших провинциальных городах с небогатым населением ломбарды были практически обречены на нерентабельность, если выдавали ссуды размером менее 10 руб., что видно на примере Тихвинского городского ломбарда.

Проблему малых ссуд частные и государственные ломбарды (Сохранные казны в Петербурге и Москве) решали, в общем, довольно просто – они старались принимать в залог только драгоценные вещи, что в провинциальных городах было невозможно. Так, на долю двух государственных ломбардов в обеих столицах приходилось 54,4 % выдач всех ссуд под залог драгоценностей, т. е., больше чем во всех остальных ломбардах страны, причем только Петербургской Ссудной казной было выдано таких ссуд 47,6 % [2, с. 58].

Какие же вещи принимались в ломбардах Новгородской губернии в обеспечение ссуды? В 1913 г. Новгородский ломбард опубликовал некоторые данные по этому вопросу (см. табл. 1) [6, д. 3171, л. 112].

Категории залогов	штук	в %	ссуда (в руб.)	в %
Драгоценные вещи	1901	18	14 294	26
Меховые вещи	999	10	10 251	18
Одежда и обувь	6632	64	26 245	47
Металлические вещи (швейные машинки, велосипеды, самовары)	841	8	4880	9
Всего	10 373	100	55 670	100

Таблица 1. Вещи, заложенные в Новгородском городском ломбарде в 1913 гг.

Сходная ситуация была и в Старорусском ломбарде (1898 г.): драгоценности – 622 (21 %), часы – 565 (19 %), медные и мельхиоровые вещи – 208 (7 %), машинки – 31 (1 %), одежда – 846 (30 %), белье – 287 (10 %), лодки и лодочные принадлежности – 39 (1 %), экипажи – 4 (0,14 %), оружие – 34 (1 %), предметы крестьянского быта – 165 (6 %), иные предметы – 116 (4 %) [7, д. 3224, л. 47–48]. Следовательно, эти ломбарды значительно обременяли себя расходами на хранение таких громоздких и подверженных порче залогов (ржавчина, моль). Соответственно, уменьшалась и прибыль.

К началу XX века мнения специалистов о направленности ломбардов как кредитных учреждений разделились. Так, некоторые экономисты и руководители этих учреждений считали их заведениями, хотя и благотворительными, но одновременно оказывавшими и производительный кредит, например, ремесленникам. Это мнение поддерживала часть гласных городских дум, прямо заинтересованных в увеличении городских доходов. Вот как высказывалась по этому поводу ревизионная комиссия Старорусской

городской думы, сверявшая отчет местного ломбарда за 1912 г.: «...городские ломбарды... считаются учреждениями, отчасти как бы благотворительными, в особенности для беднейшего класса населения, но, во всяком случае, убытки от продажи залогов представляются явлением нежелательным, так как деловая сторона должна быть на первом месте» [7, д. 3225, л. 99об].

В 1900 г. Новгородская городская дума при ревизии отчета об оборотах сумм местного городского общественного ломбарда за 1899 г. также отмечала, «что услугами ломбарда преимущественно пользуется недостаточный класс населения и особенно среда мелких служащих в учреждениях» (не приведя, впрочем, развернутых обоснований для этого утверждения) [9, с. 23–24]. Это же она повторила в 1902 г.: городской ломбард учрежден «не для получения барышей, а для нужд беднейшего населения» [10, с. 45–46]. В 1904 г. дума снова отметила, что «назначение ломбарда – оказывать помощь бедным» (по поводу выдачи значительной ссуды в 445 руб. под серебро «одному лицу») [11, с. 24].

Однако часть иностранных и российских распорядителей ломбардов считала, что их услугами пользуются преимущественно мелкие и средние ремесленники, торговцы и другие коммерсанты, например, в Батумском ломбарде к числу богатых клиентов (помещики, домовладельцы, промышленники и подрядчики) принадлежали лишь 7,8 % всех заемщиков, средний класс составил 54,5 %, а беднейшие клиенты, куда, кроме безработных, входили также прислуга, чернорабочие, ремесленники – 37,7 % [2, с. 62]. Были подобные примеры и в Новгородской губернии. Так, дождливым летом 1902 г. крестьяне-поозеры (жившие, в основном, на северо-западном берегу озера Ильмень) в массовом порядке понесли в Новгородский ломбард сети, которых быстро оказалось в залоге 610 десятин (специальная мера для сетей). Всего с начала 1902 г. в ломбард обратилось 256 крестьян-поозеров, которые получили в ссуду 1205 руб. [12, с. 28–29].

Одним из источников снижения убытков для городских ломбардов были и аукционы невыкупленных залогов. Исходя из практического опыта, необходимо было проводить аукционные торги невыкупленных залогов как можно чаще, например, Старорусский ломбард проводил их 6–8 раз в год, в среднем раз в два месяца. В то же время Тихвинский ломбард, напротив, устраивал их крайне редко 1–3 раза в год, что перегружало помещение бесполезными ему вещами. Так, например, в 1912 г. Новгородский и Старорусский ломбарды получили от торгов наивысшую прибыль: Новгородский – 2 406 руб. при общей сумме выданных ссуд около 50 тыс. руб. (т. е. около 5 %), и Старорусский 2 349 руб. прибыли от торгов при 30 тыс. руб., выданных в ссуду по залогам (т. е., около 8 %). Тогда же Тихвинский ломбард выставил на торги 48 закладов с оценкой в 254 руб. при сумме ссуд в 3 434 руб. (т. е., около 7 %). Однако три аукциона данного года принесли этому ломбарду убыток в 30 руб. [6, д. 3171].

Тем не менее, городские ломбарды России имели еще много внутренних резервов для активизации их деятельности: например, пересмотр работы с клиентами. Число рабочих дней в году, когда ломбард производил свои операции, было явно недостаточным. В 1913 г. в Новгородском ломбарде оно

составило 255 дней из 365 [6, д. 3171, л. 110об]. В Тихвинском ломбарде это составило всего 140–170 дней в году [8, д. 3252, л. 32об, 58].

С другой стороны, персонал российских городских ломбардов вынужден был составлять подробные описи закладываемых вещей, во избежание возможных претензий клиентов, связанных с ухудшением ее состояния после залога (что действительно часто имело место). Длительность оформления залога иллюстрируют § 7 и 8 Устава Белозерского городского ломбарда [13, с. 3]:

«§ 7. По принятию вещи предьявителю оной выдается билет под тем же номером, под коим заклад в книгу записан, с показанием:

- а) подробного описания вещи;
- б) времени принятия ее в заклад;
- в) срока, на который она принята;
- г) оценки;
- д) количества ссуды;
- е) прочих условий, которые будут постановлены;

ж) краткой, написанной на обороте билета выписи из устава о главнейших правилах приема и возврата заложенных вещей;

§ 8. Билеты должны быть подписаны распорядителем, с приложением печати ломбарда» [13, с. 3].

Это была обычная практика в городских ломбардах России. В это же время в большинстве подобных иностранных заведений данная операция и оформление сопутствующими документами упрощались до предела. Оценщик просто указывал в квитанции категорию залога, например, «часы» и порядковый номер без всякого описания. Носильные вещи могли приниматься от населения даже в опечатанных пакетах и узлах (меховые вещи в этом случае не принимались). Соответственно, весь процесс занимал несколько секунд.

В российских же ломбардах процесс описания вещи был значительно растянут. Так, в «Брюссельском муниципальном ломбарде» работали только два оценщика, один принимал металлические и драгоценные вещи, а другой – одежду, галантерею и проч. В среднем, они успевали обслужить клиента за 10–20 секунд и за 6-часовой рабочий день принимали вещи в среднем у 2 тыс. посетителей. В Московском городском ломбарде за этот же срок штат из 19 служащих (в том числе – 7 писцов) смог обслужить 844 чел. [2, с. 31, 41].

В провинциальных российских ломбардах персонал, как правило, состоял из директора-распорядителя, кассира-бухгалтера, оценщика, сторожа и нескольких писцов. Они, конечно, не смогли бы обслужить значительное число клиентов, даже если бы имели необходимые средства. Так, Тихвинский городской ломбард в 1912 г. за 174 рабочих дня принял от населения 1428 закладов, или в среднем около 8 в день. Белозерский ломбард тогда же оценил 380 вещей за 176 рабочих дней, то есть около 2 закладов в день. Новгородский ломбард в 1913 г. принял за 264 рабочих дня 10 373 залога (около 40 в день) [6, д. 3171, л. 110об]. Кроме того, как уже отмечалось, в маленьких городах у ломбардов и не могло быть много клиентов (а богатых – особенно). С другой стороны, в случае отсутствия свободных средств ломбард мог и отказывать своим клиентам. Не были освобождены городские ломбарды и от налогов,

например, гербовый сбор составлял при ссуде в 6–10 руб. пошлину в 10 коп., а при ссуде в 100 руб. – 15 коп.

В этом отношении городские общественные ломбарды могли стать хорошим противодействием неистребимому племени сельских ростовщиков (кулаков, мироедов), железной рукой державших за горло крестьян-поозеров, ловивших рыбу на озере Ильмень в виде промысла. Об этом много писали земские деятели и местные грамотные крестьяне. Приведем свидетельство известного рыбоведа, организатора рыболовецких кредитных товариществ И. В. Кучина, осветившего роль подобного «благотелья»: «Вся Коростынская и часть Дубовицкой волостей – у него в руках. У Морозова и мелочная лавка, и склад пеньки, хлеба, дров, снетков и сетей, а также ломбард для заклада всевозможных вещей... Сети, скупаемые им за 25–40 коп., продаются по 40–60 коп. за сажень. За хранение заложенных сетей взимается сколько вздумается, смотря по размеру нужды закладывающего, в среднем от 7 до 10 коп. с сажени... Склад-ломбард, устроенный где-нибудь вблизи Устрики, куда покупатель съезжается со всего озера, казался бы мне лучшим исходом из трудного положения. Но как и кого убедить устроить такой склад невольно задавал я себе вопрос и на первых порах обратился к уездному земству» [14, с. 36]. Позже, после совещаний с местными крестьянами дд. Устрики и Заднего Поля, решено было не организовывать специальный склад-ломбард, а учредить 1-е Ильменское кредитное товарищество, а пеньку для сетей попросить в ссуду у земства. В 1913 г. содействие в покупке пеньки и хранении сетей осуществляло также и Белозерское земство [15, с. 57–59].

Однако большое значение в работе ломбардов имел и субъективный фактор – отношение руководства к своим обязанностям и к делу вообще. Например, в Тихвинском городском ломбарде сразу бросается в глаза текучка кадров этого учреждения. За 24 года (1889–1913) сменилось 6 распорядителей, причем все они проработали в этой должности от 2 до 7 лет. С другой стороны, в Старорусском ломбарде за 22 года работы сменилось всего 3 распорядителя, причем двое из них умерли на этом посту. Тем не менее, несмотря на все недостатки в своей деятельности, городские ломбарды России и, в частности, Новгородской губернии, продолжали активно работать до 1917 г., оказывая посильную материальную поддержку малоимущим горожанам.

Список литературы

1. Об открытии в г. Новгороде кассы ссуд под залог вещей // Российский Государственный исторический архив (далее – РГИА). Фонд 1287. Опись 7. Дело 501. Листы 1–4об. 1872–1876 гг.
2. *Кириллов И. А.* Ломбарды в России / И. А. Кириллов. – М., 1992. – 68 с.
3. *Серебряков Я. А.* Городские ломбарды в России / Я. А. Серебряков. – СПб., 1907. – 29 с.
4. Новгородский листок. – 1882. – № 32. – 13 июня. – С. 5.
5. Отчеты и сопроводительные записки Белозерского городского ломбарда // РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 3086. 1913–1914 гг.

6. Отчеты и сопроводительные записки Новгородского городского ломбарда // РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 3170, 3171. Ч. 1–2. 1894–1913 гг.
7. Отчеты и сопроводительные записки Старорусского городского ломбарда // РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 3224, 3225. Ч. 1–2. 1893–1913 гг.
8. Отчеты Тихвинского городского ломбарда // РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 3252, 3253. Ч. 1–2. 1889–1913 гг.
9. *Королев Н.* Из городской думы // Вестник Новгородского земства (далее – ВНЗ). – 1900. – Вып. 24. – С. 23–24.
10. *Королев Н.* Из городской думы // ВНЗ. – 1902. – Вып. 1. – С. 45–46.
11. *Н. В.* Новгород (из Думы) // ВНЗ. – 1904. – Вып. 13. – С. 24.
12. *Королев Н.* Поездка членов общества рыболовства и рыбоводства // ВНЗ. – 1902. Вып. 18. – С. 28–29.
13. Устав Белозерского городского ломбарда. – Белозерск: типография М. Т. Череповской, 1912. – 16 с.
14. *Кучин И.* Помощь рыболовному населению в Старорусском уезде // ВНЗ. – 1905. – Вып. 7. – С. 36.
15. *Чмутов Н.* Пеньковый и сетной склад в г. Белозерске // Сельскохозяйственный вестник Новгородского губернского земства. – 1913. – Вып. 3. – С. 57–59.

Сокращения

ВНЗ – Вестник Новгородского земства

Вып. – выпуск

Д., д. – дело

Л., л. – лист

Оп., оп. – опись

РГИА – Российский Государственный исторический архив

С., с. – страница

Ф., ф. – фонд

Ч., ч. – часть

Summary

Vasilev Y.A. Traditions of European charity on the example of the activities of urban public pawnshops of the Novgorod province (the second half of the XIX – early XX century)

The article is devoted to the activities of provincial credit institutions - urban public pawnshops of the Novgorod province. The author examines the goals and objectives of their activities, the composition of borrowers, categories of mortgages. The most important issues of their activities, problems and prospects for further work are considered. It is noted that the city's public pawnshops, despite their financial weakness and low profitability, still found an opportunity to provide charity to needy residents. The necessity of using the experience of European pawnshops to optimize their activities in Russia is emphasized. The role of urban public pawnshops in the fight against moneylenders is noted.

Keywords. City public pawnshops, mortgages, auctions, charity, moneylenders, Novgorod province.

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В ОБЛАСТЯХ СТЕПНОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 г.

Зиновьев В.П.

*Доктор исторических наук, профессор
Национальный исследовательский Томский государственный университет
г. Томск, Россия
vpz@tsu.ru*

Аннотация. Рассматривается межэтническое разделение труда в Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областях Степного края в конце XIX века. Автор на основе данных переписи 1897 г. показывает, что кочевое скотоводство было главным в жизни казахского населения, вместе с тем по мере движения на юго-восток росла доля других занятий: в Акмолинской области – 11%, в Семипалатинской – 27%, Семиреченской – 45%. С учетом других этносов (дунган, таранчей) в Семиреченской области у коренных жителей преобладало земледелие. В то же время казахи практически на 100% сохраняли сословный статус инородцев. Русское население выполняло основные связующие хозяйственные, культурные и управленческие функции, являясь основным населением городов, сохраняя традиционное земледелие как ведущее занятие для крестьян и казаков. Татары, сарты, евреи, поляки определились как в основном городские этносы, занятые ремеслом и торговлей. Традиционное общество Степи в конце XIX века еще прочно сохраняло свои господствующие позиции.

Ключевые слова: Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская области, межэтническое разделение труда, русские, казахи, татары, таранчи, сарты, дунгане, мордва.

Первая всероссийская перепись населения 1897 г. является уникальным событием, оставившим после обработки данных 119 томов таблиц. Однако не вся информация переписи до сих пор изучена и оценена по достоинству. Обработка и обобщение данных переписи не были доведены до конца. Так, таблицы № XXII «Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании родного языка», № XXIII «Распределение населения, занимающегося сельским или кочевым хозяйством, рыболовством и охотой по побочным промысловым занятиям», № XXIV «Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям» погубернских томов не были обобщены в масштабах империи, и до сих пор эти данные редко используются в исторических трудах.

Анализ этих таблиц по Томской, Тобольской губерниям, Якутской области и Омскому уезду Акмолинской области был проведен Е.В. Карих [1–3]. Она выяснила, что существовало межэтническое разделение труда между русскими земледельцами, тюрками-скотоводами и малыми народами тайги и тундры – охотниками и рыболовами. Это разделение способствовало взаимодействию пришлых и коренных народов, и оно объясняет отсутствие

жесткой конкуренции за место под солнцем между ними. Кроме того, сибирские инородцы платили ясак не в государственную казну, а в государеву, поэтому пользовались покровительством царя. Кочевники также платили кибиточный сбор меньший по размеру нежели крестьянский оброк и были против изменения своего статуса. Российское государство, в отличие от американских колонистов, было заинтересовано в росте населения малолюдной восточной окраины.

Проведенный мной анализ материалов переписи населения Российской империи 1897 г. по Енисейской губернии, подтвердил вывод Е.В. Карих на материалах Западной Сибири о делении населения на скотоводов-тюрков на юге губерний, пришлых, в основном русских, земледельцев в средней их полосе и охотников и рыболовов, эвенков и ненцев, в таежной и арктической зонах [4, с. 122–121]. Материалы переписи 1897 г. по Иркутской губернии показали, что буряты Прибайкалья были уже больше земледельцами, чем скотоводами [5, с. 114–123]. Оценка характера межэтнического разделения труда в Забайкальской области по данным Первой всероссийской переписи населения 1897 г. наоборот показала, что буряты сохранили скотоводство как основной вид деятельности. А тунгусы оказались более склонны к земледелию [6]. Таким образом, разрушение традиционных систем жизнеобеспечения у коренных народов Сибири в разных районах Сибири шло в направлении перехода к земледелию как к более эффективному способу получения средств существования, но разными темпами.

В настоящей статье предлагается анализ данных переписи 1897 г. по трем областям Степного генерал-губернаторства, созданного в 1882 г., – Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской. Их объединяло то, что основным этносом были киргиз-кайсаки (казахи).

№	Род занятий населения	Население области		Коренные народы Сибири (киргиз-кайсаки)		Великороссы	
		Самодеятельные	Иждивенцы	Самодеятельные	Иждивенцы	Самодеятельные	Иждивенцы
1-3	Управление	1367	2826	72	132	1194	2551
4	Военнослужащие	3406	802	2	5	2914	772
5-8	Служители культа	334	736	24	55	246	491
9-12	Образование, наука, культура, медицина	1062	1497	247	269	625	985
13	Прислуга	10262	6769	2719	2730	6398	3140
14-15	Рантье	3628	2156	283	101	2924	1740
16	Арестанты	657	-	84	-	433	-

№	Род занятий населения	Население области		Коренные народы Сибири (киргиз-кайсаки)		Великороссы	
		Самодеятельные	Иждивенцы	Самодеятельные	Иждивенцы	Самодеятельные	Иждивенцы
17-18	Земледелие и пчеловодство	38095	154762	3163	8248	23103	93264
19	Животноводство	74079	329390	73758	328611	241	480
20	Лесные промыслы	292	532	69	134	212	380
21	Рыболовство, охота	435	1044	64	152	368	881
22-40	Промышленность	8627	13999	85	1215	6256	9862
41-45	Транспорт и связь	2277	5599	156	105	1849	3392
46-62	Торговля	5196	9689	924	3147	2831	5261
63	Неопределенные занятия	545	518	76	58	377	318
64	Проституция	51	16	-	-	46	16
65	Занятия не указаны	761	611	279	366	439	210
Итого		150773	531535	82783	344607	50447	123845

Таблица 1. Распределение населения Акмолинской области по родному языку и видам занятий по данным переписи 1897 г. [7]

Данные в таблице № 1 сгруппированы по той же форме, что и по другим областям и губерниям Сибири для того, чтобы получить сравнимый материал по всей территории Северной Азии. Рубрики таблицы XXII «Род занятий населения» из переписи в табл. № 1 были укрупнены по той же методике, что и по другим регионам, поскольку для анализа межэтнического разделения труда не требуется столь подробного определения рода занятий населения. В таблицу включены сведения только по двум самым крупным этносам – русским и казахам.

Анализ данных табл. № 1. показывает, что в Акмолинской области перепись 1897 г. учла всего 682308 чел., в том числе 150773 самодеятельных лиц и 531535 лиц, живущих за счет их средств. Таким образом, занятия населения в целом обеспечивали простое воспроизводство рабочей силы. Один занятый содержал себя и в среднем трех с половиной иждивенцев. Из общего числа самодеятельного населения 67990, или 45,1%, относились к пришлым народам, 82783, или 54,9%, – к сибирским коренным народам (киргизам), из числа иждивенцев 186928, или 35,2%, относились к пришлым народам, а 344607, или 64,8%, – к сибирским коренным народам. Доля самодеятельных лиц в числе пришлого населения составляла 26,8%, у коренного населения области – 19,4%. Разница в 7,4% свидетельствует о присутствии большого

числа отходников, пришедших на заработки из-за пределов области и оставшихся на зиму. Это, вероятнее всего, строители Сибирской железной дороги и ее инфраструктуры. Показатель соотношения самодельного населения и иждивенцев у киргиз-кайсаков 1 к 4 свидетельствует о расширенном воспроизводстве этого этноса.

Коренные жители Акмолинской области, на 100% киргизы (казахи), занимались преимущественно животноводством – 75758 (89,1%), земледелием – 3163 (3,8%), услугами 2719 (3,3%), торговлей – 924 (1,1%). В остальных сферах народного хозяйства были представлены немногие из коренного народа области. В городах жили всего 6758 киргизов, в т. ч. самодельных – 2596 чел. [7, с. 84, 91–99]. Доля киргизов в населении городов Акмолинской губернии составила 9%, от численности всего киргизского населения области горожане составили 1,6%. Они и были учтены переписью преимущественно как занятые в услугах и торговле (табл. 1).

№	Род занятий населения	Население области		Киргиз-кайсаки		Великороссы	
		Самодельные	Иждивенцы	Самодельные	Иждивенцы	Самодельные	Иждивенцы
1-3	Управление	846	1893	168	379	636	1445
4	Военнослужащие	2755	355	29	14	2620	317
5-8	Служители культа	210	473	45	76	128	256
9-12	Образование, наука, культура, медицина	660	918	300	425	296	471
13	Прислуга	9924	8095	7438	6672	2091	1067
14-15	Рантье	1963	1306	901	302	683	696
16	Арестанты	239	41	142	35	78	6
17-18	Земледелие и пчеловодство	26624	95006	18613	60782	7144	29336
19	Животноводство	98840	386349	98608	385726	157	422
20	Лесные промыслы	375	836	281	649	78	154
21	Рыболовство, охота	454	1305	111	256	339	932
22-40	Промышленность	8604	15027	4906	7185	3024	6268
41-45	Транспорт и связь	1556	4843	948	1812	476	920
46-62	Торговля	3778	10124	1903	4396	1258	2920
63	Неопределенные занятия	622	680	406	445	161	180
64	Проституция	30	12	-	-	30	12
65	Занятия не указаны	437	430	195	227	219	168
Итого		158547	526043	135001	469563	19012	45510

Таблица 2. Распределение населения Семипалатинской области по родному языку и видам занятий по данным переписи 1897 г. [8]

Анализ данных табл. № 2. показывает, что в Семипалатинской области перепись 1897 г. учла всего 684590 чел., в том числе 158547 самодеятельных лиц и 526043 лиц, живущих за счет их средств. Таким образом, занятия населения в целом обеспечивали простое воспроизводство рабочей силы. Один занятый содержал себя и в среднем трех иждивенцев. Из общего числа самодеятельного населения 23334, или 14,7%, относились к пришлым народам, 158547, или 85,3%, – к сибирским коренным народам (киргизам и сартам), из числа иждивенцев 56295, или 10,7%, относились к пришлым народам, а 469846, или 89,3%, – к сибирским коренным народам. Доля самодеятельных лиц в числе пришлого населения составляла 29,3%, у коренного населения области – 17 %. Разница в 12,3% свидетельствует о присутствии большого числа отходников, пришедших на заработки из-за пределов области и оставшихся на зиму, военнослужащих без семей.

Коренные жители Семипалатинской области занимались преимущественно животноводством – 98621 (72,9%), земледелием – 18642 (13,8%), услугами 7457 (5,5%), промышленностью – 4935 (3,6 %), торговлей – 2002 (1,5%). В остальных сферах народного хозяйства были представлены немногие из коренного народа области. В городах жили всего 16030 киргизов области, в т. ч. самодеятельных – 6797 чел. [8, с. 109] Доля киргизов в населении городов Семипалатинской губернии была значительной, в отличие от Акмолинской области – 29,4%, но от численности всего киргизского населения области горожане составили 2,7%. Они и были учтены переписью преимущественно как занятые в услужении, промышленности и торговле (табл. 2). Немногочисленные в области сарты жили на 70% в городах, занимались ремеслом и торговлей.

№	Род занятий населения	Население области		Киргизы*		Великороссы	
		Самодеятельные	Иждивенцы	Самодеятельные	Иждивенцы	Самодеятельные	Иждивенцы
244	Управление	1004	2631	244	677	629	1681
21	Военнослужащие	6508	612	21	1	5899	587
41	Служители культа	392	935	41	102	133	268
9-12	Образование, наука, культура, медицина	717	1305	185	359	323	576
13	Прислуга	7460	6986	3111	2646	1758	1162
14-15	Рантье	1320	1199	353	168	719	726
16	Арестанты	352	8	198	0	71	0
17-18	Земледелие и пчеловодство	90182	362110	67531	259632	7964	39753
19	Животноводство	90044	357265	89665	356456	90	171
20	Лесные промыслы	319	709	102	147	129	392

№	Род занятий населения	Население области		Киргизы*		Великороссы	
		Самодельные	Иждивенцы	Самодельные	Иждивенцы	Самодельные	Иждивенцы
21	Рыболовство, охота	199	466	159	369	29	71
22-40	Промышленность	9247	15434	3371	3310	2666	5941
41-45	Транспорт и связь	1461	3328	420	449	424	1325
46-62	Торговля	6895	15890	1262	2665	833	1839
63	Неопределенные занятия	626	709	265	285	154	188
64	Проституция	27	1	1	0	21	1
65	Занятия не указаны	654	711	330	372	176	162
Итого		217581	770282	163276	163276	22018	54821

*Не разделены казахи (киргиз-кайсаки) и киргизы (дикокаменные киргизы)

Таблица 3. Распределение населения Семиреченской области по родному языку и видам занятий по данным переписи 1897 г. [9]

Анализ данных табл. № 3. показывает, что в Семиреченской области перепись 1897 г. учла всего 987863 чел., в том числе 217581 самодельных лиц и 770282 лиц, живущих за счет их средств. Таким образом, занятия населения в целом обеспечивали расширенное воспроизводство рабочей силы. Один занятый содержал себя и в среднем 3,5 иждивенца. Из общего числа самодельного населения 32050, или 14,7%, относились к пришлым народам, 185531 или 85,3% – к коренным народам (таджикам, киргизам, таранчинам (уйгурам), сартам, дунганам), из числа иждивенцев 77715, или 10,1%, относились к пришлым народам, а 692567, или 89,9%, – к коренным народам Центральной Азии. Доля самодельных лиц в числе пришлого населения составляла 29,2%, у коренного населения области – 21,1 %. Разница в 8,1 % свидетельствует о присутствии среди пришлого элемента военнослужащих, работников без семей. Показатель соотношения самодельного населения и иждивенцев у коренных жителей региона 1 к 3,7 свидетельствует о расширенном воспроизводстве рабочей силы. Соотношение самодельного населения и иждивенцев у пришлого населения 1 к 2,4 свидетельствует о неполном воспроизводстве рабочей силы.

Коренные жители Семиреченской области занимались преимущественно животноводством – 89867 (41,3%), земледелием – 79130 (36,4%), услугами – 5390 (2,5%), промышленностью – 5879 (2,7 %), торговлей – 5321 (2,4%), транспортом – 900 (0,4%). В городах жили всего 29433 коренных жителей области, в т. ч. самодельных – 9929 чел. [9, с. 106-107]. Доля представителей коренных народов в населении городов Семиреченской губернии была

значительной, в отличие от Акмолинской и Семипалатинской областей, – 46,7%, но в составе основного киргизского этноса области горожане составили 6643, или 1,1%. В городах жили таранчины (уйгуры) – 10772 чел., сарты – 5889, дунгане – 5829 чел. Они и были учтены переписью преимущественно как занятые в услужении, промышленности и торговле (табл. 1). Пришлые этносы в городах области преобладали. Это были русские – 25350 чел., малороссы – 2369, татары – 4283, евреи – 130 чел.

Преимущественно городскими этносами можно считать местных сартов, пришлых: евреев, татар, поляков. Они занимались в основном ремеслом, торговлей, транспортом и услугами. Эти этносы входили в городские сословия: дворян, почетных граждан, купцов и мещан, среди татар таких было 66,0 %, евреев – 82,5%. Особенностью городов Семиреченской области, как и городов Семипалатинской и Акмолинской областей, была значительная доля татар в рядах купечества и мещанства [10]. В среде управленцев и военных преобладали русские (табл. 1–3). В числе крестьян выделяется значительное число дунган – 10983, уйгуров – 5306 чел., татар – 1120. Иностранцами, кроме киргиз-кайсаков, числились сарты, монголы, таранчины (уйгуры), татары – 1605 чел. Среди казаков были небольшие группы поволжских финских народов – мордвы и марийцев (черемисов), поверстанных в казаки в середине XIX века.

К концу XIX века межэтническое разделение труда в Семиреченской области, как и в других областях Степного генерал-губернаторства – Акмолинской и Семипалатинской, сохранялось применительно к наиболее крупному киргизскому (казахскому) этносу, который по-прежнему занимался традиционным скотоводством. Также следует отметить, что киргиз-кайсаки области, как и в других регионах Сибири, чуждались городов и почти не занимались индустриальным трудом, однако в этом регионе казахи прибегали к земледелию как к основному способу жизнеобеспечения значительно чаще. Если же учесть земледельческие народы – уйгуров и дунган, то в области обозначился перевес земледелия как основного источника продовольствия. Пришлый населен, в котором преобладали русские, мало различалось по характеру трудовой деятельности в сельской местности – оно занималось земледелием. Городскими этносами, кроме обычных для Азиатской России евреев, в условиях Степи следует считать татар, сартов, которые также занимались торговлей и ремеслами. Великорусское население выполняло основные связующие хозяйственные, культурные и управленческие функции, сохраняя традиционное земледелие как ведущее занятие для крестьян.

Список литературы

1. *Карих Е.В.* Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. – Томск: Издательство Томского университета. Томск, 2004. – 232 с.

2. *Карих Е.В.* Экономические связи эвенков и русских на севере Иркутской губернии во второй четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 320. – С. 113–114.

3. *Карих Е.В.* Этническая структура населения Якутской области в конце XIX века // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 296. – С. 92–95.

4. *Зиновьев В.П.* Межэтническое разделение труда в Енисейской губернии по данным переписи 1897 г // Вестник Томского государственного университета. История. – 2022. – № 76. – С. 137-141. doi: 10.17223/19988613/76/16

5. *Зиновьев В.П.* Межэтническое разделение труда в Иркутской губернии по данным переписи 1897 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. – 2022. – Т. 40. – С. 40–48. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.40.40>

6. *Зиновьев В.П.* Межэтническое разделение труда в Забайкальской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2022. – № 78. – С. 149-154. doi: 10.17223/19988613/78/19

7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцией Н.А. Тройницкого. Т. LXXXI. Акмолинская область. – СПб.: «Центральная» типо-литография М.Я. Минкова, 1904. – 135 с.

8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцией Н.А. Тройницкого. Т. LXXXIV. Семипалатинская область. – СПб.: Типография кн. В.П. Мещерского, 1905. – 148 с.

9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцией Н.А. Тройницкого. Т. LXXXV. Семиреченская область. – СПб.: Типография Т-ва «Народная польза», 1905. – 149 с.

10. *Зиновьев В.П.* Национальный состав купечества и мещанства Северной Азии по переписи населения Российской империи 1897 г. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XX вв.: тезисы докладов Пятой международной научной конференции (Новосибирск, 27–29 сентября 2022 г.) / Российская академия наук. Институт истории Сибирского отделения [и др.]; сост. А.И. Раздорский. – Санкт-Петербург; Новосибирск, 2022. – 311 с. Электронное издание. – С. 109-111.

Summary**Zinoviev V.P. Interethnic Division of Labor in the Regions of the Steppe Governorate-General According to the Population Census of 1897**

The interethnic division of labor in Akmola, Smipalatinsk, Semirechensk regions of the Steppe Region at the end of the XIX century is considered. The author, based on the 1897 census data, shows that nomadic cattle breeding was the main thing in the life of the Kazakh population of the region, at the same time, as they moved to the southeast, the share of other occupations grew: in Akmola region - 11%, in Semipalatinsk - 27%, Semirechenskaya – 45%. Taking into account other ethnic groups (Dungan, taranche) in the Semirechensk region, agriculture prevailed among the indigenous inhabitants. At the same time, Kazakhs almost 100% retained the class status of foreigners. The Russian population performed the main binding economic, cultural and managerial functions, being the main population of cities, preserving traditional agriculture as the leading occupation for peasants and Cossacks. Tatars, Sarts, Jews, Poles were defined as mainly urban ethnic groups engaged in handicrafts and trade. The traditional society of the Steppe at the end of the XIX century still firmly maintained its dominant position.

Keywords: Akmola, Semipalatinsk, Semirechensk regions, interethnic division of labor, Russians, Kazakhs, Tatars, Taranches, Sarts, Dungans.

КОРЕНИЗАЦИЯ В СОВЕТСКОМ КАЗАХСТАНЕ

Казиев С.Ш.

*Доктор исторических наук, профессор
Северо-Казахстанский государственный университет
имени М. Козыбаева
г. Петропавловск, Казахстан
sattarkaz@mail.ru*

Аннотация. В статье речь идет о политике коренизации в Казахстане и ее влиянии на урегулирование межэтнических отношений. Автор придерживается мнения, что коренизация была частью интегративной стратегии национального строительства, направленной на выравнивание социального и культурного уровня развития советских народов и формирования на основе классовой солидарности сообщества социалистических наций.

Ключевые слова: коренизация, национальное строительство, Советское государство, Сталин, национализм, русские, казахи.

В отношении политики коренизации существует традиция отождествления с «национализацией» или «этнизацией» управления в национальных республиках, т. е. с утверждением верховенства этнической нации в теории и практике советской национальной политики. Однако это односторонний подход, так как насаждение нацкадров или игнорирование классовых начал не было самоцелью советских вождей, скорее коренизация представляла инструмент интеграции национальных меньшинств в новое общество через завоевание доверия. Продвижение доверия могло быть обеспечено только в случае понимания людьми сущности и целей Советского государства и принуждения к установлению национального равноправия. В этой связи нельзя отрывать коренизацию от других направлений стратегии завоевания доверия населения национальных республик в сфере культуры, образования и медицины. Сущность коренизации раскрыта О.И. Чистяковым: «С первых же лет социалистической революции в России политика Коммунистической партии и Советского государства была направлена на привлечение в органы государственного управления национальных районов представителей местного населения, которое в большинстве своем либо вообще не знало русского языка, либо знало его очень плохо. Коренизация государственного аппарата предполагала, с одной стороны, ведение делопроизводства во всех госорганах на национальных языках, а с другой — привлечение в органы власти, управления и суда представителей местного населения, знакомых с его традициями, бытом. В условиях еще неизжитого недоверия к русским, унаследованного от царизма и старательно разжигаемого националистами, было необходимо, чтобы трудящиеся национальных районов видели своих представителей в органах управления автономных республик, областей, трудовых коммун» [1, с. 164].

Советский Союз был в понимании большевистских вождей одновременно государством антиимпериалистическим, федерацией суверенных государств, добровольным объединением советских наций, прообразом будущей негосударственной организации общества и моделью неэксплуататорских отношений между нациями. Мы исходим из верности советского руководства идеологии интернационализма и равенства народов и полагаем, что большевики, являясь сторонниками экономического детерминизма, действительно считали необходимым поднять культурный уровень отсталых народов до уровня развития передовых европейских наций. С этой целью, пишет Р. Суни: «СССР начал политику, которая была названа программой аффирмативных актов (позитивной дискриминации), предоставлявшую привилегии коренным жителям на их собственных национальных территориях. На начальном этапе существования советской власти политика коренизации ставила цель дать образование на родных языках нерусскому населению, продвигать его социально, чтобы его представители постепенно стали занимать руководящие позиции в образовании, культуре, промышленности, в партии и государстве» [2, р. 109]. Русский язык при этом сохранял доминирующее положение в официальном делопроизводстве. Секретарь Казкрайкома ВКП (б) М.С. Ряднин в 1928 году отмечал значение коренизации аппарата: «Связаться с основной массой населения не через её представителей, не благодаря их родному языку, – есть угнетение соответствующей нации, в данном случае – казакской. Последняя не найдёт разницы между нашим Советским Управлением и царским. Органы, в которых не работают представители основной массы населения, – казакского, которые работают на языке не понятном для казаков... – будут чуждыми для казакского населения. Через такие органы нельзя связываться с казакским населением» [3, с. 33].

В числе первых нормативных правовых актов Казахской Республики в области языкового законодательства стал декрет Совнаркома КАССР от 2 февраля 1921 года, в соответствии с которым в государственных учреждениях на всей территории КАССР (ст. 1) вводилось употребление казахского и русского языков «на равных правах». Декретом определялся язык делопроизводства: все декреты, инструкции, циркуляры и иные нормативные правовые акты, исходящие из Центра и губернских органов власти КАССР, должны публиковаться на казахском и русском языках (ст. 2); на центральном и губернском уровне, а также между уездными и вышестоящими государственными инстанциями делопроизводство – на русском языке (ст.ст. 3,4). Так, в частности, статья 8 предусматривала: «выбор языка в каждом отдельном случае диктуется соображениями целесообразности и практической пользы» [4, с. 58]. В целом данный декрет устанавливал правовой статус казахского и русского языков как государственных языков Казахской АССР, определил приоритет русского языка в делопроизводстве центральных и губернских органов власти Казахстана. Такое положение русского языка как одного из ведущих языков Казахстана объективно и логично в силу статуса Республики как автономной, находящейся в составе РСФСР, а также в целях

необходимости нормального обеспечения работы бюрократического аппарата, связи между центром и республиканскими органами власти.

Знаковым событием в решении национально–государственного строительства и становления языкового законодательства явилось решение X съезда РКП (б) 1921 года. Так, резолюция съезда, принятая на основе докладов тов. И.В. Сталина, предусматривала следующее: «а) развить и укрепить советскую государственность в формах, соответствующих национально–бытовым условиям... народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйствования, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело, и вообще культурно–просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально–технического характера на родном языке (в первую голову для киргиз, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско–партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения» [5, с. 559].

Решением II Всеказахского съезда Советов (1921 года) было подчеркнуто: «Одной из важнейших задач советского строительства следует считать подготовку кадров работников из киргиз (казахов) и вовлечение в работу советского государственного аппарата республики трудовой части киргизского населения. Подготовка работников, помимо организации курсов, школ и проч., должна носить массовый характер, для чего провести в жизнь институт практиканства как в центральных органах РСФСР, так и на местах» [6, с. 47].

Статус казахского и русского языков как государственных языков КАССР также закреплялся Постановлением Президиума ЦИК КАССР от 23 ноября 1922 года «О порядке принятия законов одновременно на русском и киргизском языках». Постановление устанавливало рассмотрение и принятие всех нормативных правовых актов одновременно на двух языках. Отраслевые наркоматы республики обязывались представлять в законодательные органы проекты декретов одновременно на двух государственных языках. С целью перевода и редактирования законодательных проектов, декретов и др., подготовки к изданию нормативных правовых актов на казахском языке при КазЦИК создаётся специальная переводческая комиссия [7, с. 174]. Первые шаги по внедрению в делопроизводство казахского языка предвзяли собственно политику коренизации.

В истории коренизации в зависимости от изменения политических установок можно условно выделить четыре этапа. Первый этап длился с 1923 по 1926 годы. Коренизация на первом этапе охватила управленческий аппарат и проводилась методом процентной коренизации. Изданные на первом этапе декреты о привлечении в управление представителей казахской национальности, введение казахского языка в официальное делопроизводство в волостях с преимущественно казахским населением и казахско-русского

делопроизводства в волостях со смешанным управлением не были по многим причинам реализованы. В значительной мере это было связано с отсутствием достаточного количества квалифицированных специалистов. Второй этап начинается в мае 1926 года с началом функциональной коренизации аппарата управления. Третий этап длился с осени 1929 по начало 1933 годов. В это время краевое руководство во главе с Ф.И. Голощекиным отказывается от функциональной коренизации управления и обращается к проблеме коренизации производства. Одновременно проводятся чистки партийно-государственного аппарата в рамках борьбы с «национал-уклонизмом». Четвертый этап (весна 1933 по 1936 гг.) характеризуется попыткой нового краевого руководства во главе с Л.И. Мирзояном завершить коренизацию партийно-государственного аппарата путем возвращения к методам процентной коренизации.

Отсчет коренизации начинается с принятия 22 ноября 1923 года декрета КазЦИК о введении официального делопроизводства на казахском языке. Включение во временные рамки коренизации более раннего периода национально-государственного строительства и ликвидации остатков колониального наследия в 1920-1922 годы представляется некорректным. Согласно намеченному графику с января по июль 1924 года все официальное делопроизводство в казахских волостях должно было быть переведено на родной язык. С целью контроля над проведением коренизации был создан специальный орган – Комиссия при КазЦИК по коренизации.

Политика коренизации предусматривала проведение в жизнь комплекса мер, предназначенных для преодоления отчуждения казахского населения к новой власти, привлечению казахов в государственное управление, модернизацию социальной структуры этноса через формирование кадров индустриальных работников. На первом этапе главной задачей ставилась коренизация управленческого аппарата. В директивном письме краевое руководство особо отмечало цели и политическую значимость успеха коренизации, которая «является единственно мыслимым мероприятием способным действительно вовлечь трудящиеся массы КАССР в советское строительство. Коренизация аппарата преследует следующие цели: а) сделать аппарат доступным широким массам населения; б) вовлечь казахов в советское строительство; в) поднять активность и самостоятельность казахских масс; г) создать почву для экономического и политического развития ранее угнетенных национальностей; д) устранить посредников между аппаратом и населением» [8, с. 111].

При КазЦИКе, при губисполкомах и уисполкомах были созданы казкомиссии – комиссии по введению делопроизводства на казахском языке, начавшие свою деятельность с конца 1923 – начала 1924 годов. Центральная комиссия при КазЦИКе разработала ряд мер по введению казахского языка в делопроизводство: а) закончить перевод изданий на казахском языке руководящего законодательства и обеспечить своевременность такой работы в последующем; б) разработать терминологию на казахском языке с целью

употребления в официальных актах и публичных материалах; в) в целях обеспечения перехода на казахское делопроизводство, обеспечить госаппарат техническими средствами, в том числе пишущими машинками с казахским шрифтом, типографией с казахским шрифтом, а также «множительными аппаратами» [9, с. 95].

На первом этапе краевое руководство столкнулось с отсутствием в республике значительной прослойки европейски образованных и идеологически устойчивых кадров, с массовой неграмотностью казахского населения. В 1923 году только 9 % казахских детей было охвачено школьным обучением [10, с. 99-101].

Введение делопроизводства на казахском языке рассматривалось в неразрывной связи с коренизацией советского и партийного аппарата в Казахстане. План по коренизации был разработан казкомиссиями. Формирование национального государственного аппарата основывалось на процентной норме замещения казахскими кадрами должностных мест, занятых русскоязычными работниками, не владеющими казахским языком. Характеризуя данный принцип коренизации А.П. Кучкин отмечает: «Коренизация не лишала прав пользоваться своим родным языком и пришлое, некоренное население Казахстана – русских, украинцев и других... Принцип коренизации не исключает возможности укомплектования советского и хозяйственного аппарата людьми другой, не коренной национальности, но они обязаны были владеть языком местной национальности, вести дело на родном языке коренной нации» [11, с. 312].

Советское государство в области государственного строительства исходило не только из идеи равенства народов, но и обозначало интернационализм идеологической основой национально-государственного строительства в СССР, принципом функционирования государственного механизма. Это выступало качественно новым не только в истории Российского государства, но и в мире в целом. Система мер, объём проделанной работы и конкретные результаты за короткий промежуток времени являются подтверждением этому.

Подготовка кадров велась в профессиональных учебных заведениях. В 1925 году в республике насчитывалось 42 средних учебных заведения, в которых обучалось 1790 казахов. С 1920 года в Оренбурге, а затем в Кзыл-Орде работал Казахский институт народного образования (КИНО), обеспечивший возможность подготовки кадров казахской советской интеллигенции. Преподавание велось на казахском языке казахскими педагогами. Аналогичное учреждение было создано в Семипалатинске [12, с. 263–264].

Коренизация проходила первоначально успешно лишь на уровне республиканского аппарата. В местных аппаратах казахам предоставлялись преимущественно должности низших служащих – сторожей, кучеров и курсоров. Увольняемые с коренизированных должностей служащие с трудом находили новую работу и владели нищенское существование. Процентная коренизация вызывала пассивное сопротивление русской части аппарата.

Вторая сессия КазЦИК потребовала 100 %-ой коренизации штатов в районах проживания казахского населения и 50%-ой коренизации в районах со смешанным населением [13, с. 195].

К концу первого этапа коренизации представительство казахов на всех уровнях партийно-государственного аппарата было значительно ниже, чем планировалось. На 1 января 1925 года по данным КазЦИК наибольшее представительство казахов было в Наркомате просвещения (28 %), социального обеспечения (27,7%), Наркомате РКИ (20%) и Наркомате юстиции (17,5 %). Меньше всего были коренизированы Народный Комиссариат труда (7 %), внутренних дел (6 %), Казцентрсовнархоз (6%), Наркомат здравоохранения (4%), Казвоенкомат (4 %), Уполнаркомвнутрторг (2,5 %), Казстатуправление (1,5 %) и Наркомат финансов (0 %) [14, с. 91]. На начало 1926 года среди руководителей различного уровня республиканских организаций казахи составляли 40,2 %, губернских – 22,6 % и уездных – 48,7 %. Среди служащих, имеющих высокий уровень образования и квалификации (инструкторов и инженеров), казахов было значительно меньше: в краевых организациях – 16,4 и 5,4 %, соответственно; губернских – 16,2 и 4,4 %. Значительно выше было представительство казахов среди служащих, имеющих низкий уровень квалификации – сторожей, уборщиц и кучеров. В краевых органах власти они занимали 25,8 % штата служащих, в губернских – 11,8 % и уездных – 35,7%. Желаемого уровня коренизации удалось достичь лишь в высшем руководящем звене. На 1 января 1926 года в Президиуме КазЦИК работало 12 казахов, 2 русских, 1 каракалпак и 1 узбек. В республиканском Совете Народных Комиссаров на руководящих постах находились 11 казахов и 5 представителей неказахского населения. В составе руководителей республиканских хозяйственных органов представительство было иным – 8 из 16 человек руководителей были русскими по национальности [15, с. 5].

Коренизация с весны 1926 года должна была стать составной частью политики советизации казахского аула. Было заявлено, что коренизация аппарата не покрывает всей проблемы национальной политики, а является только ее важной составной частью. 20 мая 1926 года Президиум КазЦИК осудил процентную коренизацию, ликвидировал комиссию по коренизации с передачей дел в Наркомат РКИ. Ф.И. Голощекин настаивал на коренизации только государственного и советского аппарата, считая, что подбор кадров в партаппарате является прерогативой союзного ЦК. Главная причина решительной ревизии процентной коренизации заключалась в резком обострении межэтнических отношений в середине 1920-х годов.

Постановление КазЦИКа от 20 мая 1926 года предусматривало возложение дальнейшего руководства за коренизацию государственного аппарата на рабоче-крестьянскую инспекцию (РКИ). Казкомиссии при ЦИКе и губисполкомах ликвидировались. НК РКИ при участии руководителей различных государственных учреждений определил номенклатуру функций, подлежащих коренизации. По всему Казахстану таких функций насчитывалось 13 тысяч [11, с. 325].

С 27 мая 1926 года начинается этап функциональной коренизации, заключавшийся в выделении в штате учреждений номенклатуры должностей, которые в обязательном порядке должны были занимать либо казахи, либо лица, свободно владеющие казахским языком. Следуя директивам КазЦИК и Казкрайкома ВКП (б) Наркомат РКИ выделил 42 наименования должностей и зарезервировал 13 тыс. мест, подлежащих коренизации в аппарате. План работы НК РКИ по коренизации госаппарата КАССР был одобрен на заседании Президиума ВЦИК 2 сентября 1926 года.

Но и функциональный метод не привел к перелому. К марту 1927 года в местном аппарате из 11968 намеченных должностей коренизировано было только 2567 (23,2 %), в краевом аппарате из 840 должностей коренизировано 195 (23,7 %). Наименьшие успехи были достигнуты в Акмолинской области, где ощущалось сильное сопротивление русской части аппарата. С 1926 по 1927 годы здесь сократилось число губернских ответработников и партийных функционеров с 58 до 45 человек, при увеличении числа сторожей и кучеров из числа казахов. Общий процент коренизации к 1927 году составлял по краевым учреждениям – 23,1 %, по местному аппарату – 23,2 % [11, с. 328].

Представленные результаты коренизации государственного аппарата и введения делопроизводства на казахском языке в течение ряда лет позволяют констатировать не только доминирование русского языка в делопроизводстве в КАССР и незначительной степени коренизации госаппарата, но и признать невозможность полного решения поставленных партией и правительством задач в области обеспечения гарантий равноправия языков в столь короткие сроки в силу различных объективных причин. Достаточно многочисленными, активными в управлении партийным госаппаратом в Казахстане были представители нетитульной нации (русские и украинцы). Доля титульного населения Казахстана на 1926 год составляла 58,5%. Из нетитульного населения самыми многочисленными были русские и украинцы – 34,5%. Уровень грамотности среди русских – 36% на 1926 год [16, с. 43]. Русские и украинцы доминировали в государственном и партийном аппарате, часть которого оказывала сопротивление политики коренизации и в силу не владения казахским языком, а также шовинизма – переводу делопроизводства на казахский язык. Так, заместитель председателя СНК РСФСР Т. Рыскулов в ноябре 1926 года на заседании комиссии Политбюро ЦК ВКП (б) по вопросам дальнейшего государственного строительства РСФСР в автономных республиках и областях, характеризуя ситуацию в Казахстане, отмечал, что в европейской части партии много «незнакомых с правом, обычаями и языком трудовых масс...», «имеющих уклон в сторону недооценки национальных особенностей и национального языка, в партийной работе высокомерно-пренебрежительное отношение к этим особенностям» [17, с. 305].

В январе 1928 года завершается второй этап коренизации. 17 января 1928 года Вторая сессия КазЦИК VI созыва передала полномочия органа по коренизации Наркомата РКИ в ведение организационных отделов исполкомов Советов. Тем самым, коренизация была низведена с уровня

общегосударственной политики до кадровой деятельности местного аппарата. Степень коренизации государственного аппарата КАССР и владения сотрудниками казахским языком на 1931 год составила 29,5%, 1932 год – 34,8%, в среднем порядка трети (32%) членов государственного управления краевого уровня могли обслуживать население на языке титульной нации. Весь краевой аппарат – на двух государственных языках Казахской автономной советской социалистической республики. Дальнейшее развитие языкового законодательства и его реализация проходили в условиях построения основ социализма (индустриализация, коллективизация, а в Казахстане дополнительно – оседание кочевого этноса), и как части его – культурной революции.

Отзыв Ф.И. Голощекина в Москву в январе 1933 года привел к восстановлению прежней политической практики первой половины 1920-х годов. По настоянию нового руководителя краевой партийной организации Л. Мирзояна в январе 1933 года Пленум Казкрайкома ВКП(б) осудил подавление национальных кадров и вновь обратил внимание на необходимость борьбы с великодержавным шовинизмом. Мирзоян связал появление казахского национализма с реакцией на шовинизм: «проявления великодержавного шовинизма усиливали и в значительной мере питали казахский национализм» [18, с. 4]. 16 апреля 1933 года на специально созванном Бюро Казкрайкома ВКП(б) вновь ставится вопрос о внедрении казахского языка в официальное делопроизводство. Языковая проблема игнорировалась в годы проведения функциональной и производственной коренизации. По постановлению Бюро Казкрайкома ВКП(б) было намечено в короткие сроки в течение 1933 года перевести полностью на казахский язык официальное делопроизводство в КазЦИК, в Наркомате просвещения, Наркомате здравоохранения, Рабоче-Крестьянской инспекции, Наркомземе и в аппарате СНК Казахской АССР. Всем остальным наркоматам строго вменялось в обязанность ведение деловой переписки на казахском и русском языках.

К 1936 году удельный вес казахов высшего управленческого звена Казахстана увеличился: в КазЦИКе казахи составляли 57,7%; в СНК – 39%; Наркомпросе – 61,3%; Наркомюсте – 47,3%; Наркомате рабоче-крестьянской инспекции – 37%; Сеноцентре – 32,3%; Наркомфине – 27,7%; Наркомздраве – 17,8%; Казкрайсоюзе – 13,4%; Наркомтяжпроме – 10,4%; Центральном телеграфе – 8,1% [7, с.36]. Для сравнения, в среднеазиатских республиках Советского Союза результаты коренизации были ещё ниже. На 1932 год национальные кадры в государственном аппарате Таджикистана составляли 16,3%, Туркменистана – 18,8%, Узбекистана – 19%, Киргизии – 20,8% [19, с. 250]. Успехи в создании национальных кадров привели в 1936 г. к постепенному сворачиванию коренизации. Считалось, что коренизация достигла своей цели, обеспечив доступность управленческого аппарата для населения и представительство казахов в партийно-государственном аппарате. В 1936 году казахи составляли 66,6 % КазЦИКа, в руководстве республиканских наркоматов – 64 %, в составе руководящих работников исполкомов – 53 %, председателей областных исполкомов – 55,5 %. В составе

райисполкомов казахи составляли 69 %, председателей аулсоветов – 64,7 % [20, с.78]. По внешней форме коренизация достигла своих целей, и потому 23 октября 1936 года Президиум КазЦИК ликвидировал Комитет по коренизации при Президиуме КазЦИК.

История генерирования доверия в советских республиках показывает значимость приближения государственного аппарата к запросам и нуждам населения. Коренизация способствовала созданию базовых предпосылок для налаживания межэтнического сотрудничества и снятию отчуждения коренного населения по отношению к новой власти, провозгласившей и реально воплощавшей в жизнь лозунги национального равноправия. Политика позитивной дискриминации порождала уверенность в людях относительно будущего своего народа. Однако коренизация не достигла бы своих целей, если бы советская власть ограничилась только формированием национальных кадров и советизацией окраин. Не менее важными были мероприятия в сфере образования, культуры и здравоохранения.

Список литературы

1. *Чистяков О.И.* Коренизация государственного аппарата национальных районов в первые годы советской власти: По материалам национальных районов Среднего Поволжья // Правоведение. – 1965. – № 1. – С. 164–168.
2. *Suny R.G., Naimark N.M.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. – Stanford: Stanford University Pr., 1993. – 224 p.
3. *Ряднин М.* Казахстан на путях к социалистическому строительству: Ответ на выступления оппозиции по национальному вопросу. – Кызыл-Орда: Казгосиздат, 1928. – 237 с.
4. В братском единстве народов СССР. Государственное строительство Советского Казахстана. Документы и материалы. 1920–1937 гг. Состав. Х.Г. Айдарова, И.Н. Буханова и др. – Алма-Ата: Казахстан, 1972. – 688 с.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1954. Издание седьмое. Часть 1. 1898–1924. – М.: Институт Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина при ЦК КПСС. Государственное издательство политической литературы, 1954. – 446 с.
6. *Тайманов Г.Т.* Развитие Советской государственности в Казахстане. Краткий историко-юридический очерк. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. – 129 с.
7. *Агдарбеков Т.А.* Проблемы национально-государственного строительства в Казахстане (1920–1936 гг.). – Алма-Ата: Наука, 1990. – 184 с.
8. Сборник важнейших решений Казкрайкома ВКП(б), принятых за период V–VI Всеказахских конференций. – Кызыл-Орда: Казгосиздат, 1927. – 488 с.
9. *Тастанов Ш.Ю.* Казахская советская интеллигенция: (проблемы становления и развития). – Алма-Ата: Наука, 1982. – 254 с.

10. Статистико–экономический обзор Киргизской Советской Социалистической Республики. – Оренбург: Тип. N 1, 1923. – 416 с.
11. *Кучкин А.П.* Советизация казахского аула (1926–1929 гг.). – М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 432 с.
12. Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.). Сборник документов и материалов. – Алма-Ата: Казахстан, 1965. – 566 с.
13. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период, 1921–1925 гг.: Сборник документов и материалов. – Алма-Ата: Изд-во Академия наук Казахской ССР, 1962. – 592 с.
14. Вехи консолидации: Из опыта партийных организаций Казахстана в решении национального вопроса в 1917–1927 гг.: (К 70-летию Компартии Казахстана). Сборник документов. Под ред. Б.А Тулепбаева. – Алма-Ата: Казахстан, 1990. – 230 с.
15. Вторая сессия КирЦИК 4-го созыва. 16–19 июня 1923 года Стенографический отчет. – Оренбург, 1924. – 412 с.
16. *Мышко Н.С.* Изменение образовательного уровня населения Казахстана в первое десятилетие Советской власти // Вопросы социалистического строительства в Казахстане. – Алма-Ата, 1979. – С. 39–48.
17. *Устинов В.М.* Турар Рыскулов. – Алматы: Казахстан, 1996. – 460 с.
18. О коренизации (Сборник руководящих материалов). Сост. Х. Амрин, Е.И. Князев. – Алма-Ата: Казкрайиздат, 1934. – 56 с.
19. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. – М.: РОССПЭН, 2011. – 664 с.
20. *Кийкбаев Н.* Торжество ленинской национальной политики в Казахстане. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. – 342 с.

Summary

Kaziev S.Sh. Korenization in Soviet Kazakhstan

This article is devoted to the policy of indigenization in Kazakhstan and its influence on the settlement of inter-ethnic relations. The author takes the view that indigenization was a part of an integrative strategy of nation-building, aimed at leveling social and cultural levels of development of the Soviet people and the formation of the community of socialist nations on the basis of class solidarity.

Keywords: indigenization, nation-building, the Soviet state, Stalin, chauvinism, nationalism, the Russians, the Kazakhs.

Л. Н. ГУМИЛЁВ О РЕМЕСЛЕ ИСТОРИКА

Ковальская С.И.

*Доктор исторических наук,
профессор кафедры истории Казахстана ЕНУ имени Л. Н. Гумилёва
г. Астана, Казахстан
Kovalskaya_SI@enu.kz*

Аннотация. Статья посвящена выявлению авторской методологии исторического исследования Льва Николаевича Гумилёва, анализу её основных характеристик. В контексте данной проблемы постараемся изучить понимание Л.Н. Гумилёвым основ ремесла историка, его приёмов, техники и инструментария. Современность требует от историка быть не только высоким профессионалом, но и отличным ремесленником. Проследим выделенные характеристики ремесла историка у Льва Гумилёва, человека, лишенного возможности пройти классический путь кабинетного ученого, но достойно представляющего историческую науку во всех жизненных перипетиях, верного научным исследовательским идеалам.

Ключевые слова: Л.Н. Гумилёв, каторжный ученый, методология истории, научное озарение, ремесло историка

В октябре 2022 года научная общественность Республики Казахстан широко отметила 110-летний юбилей со дня рождения известного историкатюрколога Льва Николаевича Гумилёва. В Евразийском национальном университете, носящем имя Льва Николаевича, состоялся XIX Международный научный Евразийский форум на тему «Лев Гумилёв и Великая степь: история и современность».

Постигая научное наследие ученого, особенно заметно какое внимание Л.Н. Гумилев уделял изучению становления профессионала-историка, рассуждая о нашем ремесле, а также методологии исторического исследования. Данные вопросы, к сожалению, всё ещё не получили должного анализа в научной литературе. Возможно, в этом есть и его упущение, так как он специально не обозначает данные разделы своих размышлений в монографиях или научных статьях как поиск или обоснование методологии. В них также отсутствует требуемый на тот период полновесный анализ применения марксистско-ленинской методологии к изучаемым вопросам. В данной статье мы попытаемся собрать эти данные, и возможно нам удастся очертить абрис Гумилёвского пазла под названием «методология исторического исследования», выявив тем самым основные составляющие ремесла историка.

Методология истории является вершиной исторического знания. Методология исторического исследования как способ решения научной проблемы занимала умы многих представителей гуманитарного знания, в том числе «отца истории» Геродота, Фукидида, Ибн-Хальдуна, Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобоса, М. Блока и Л. Февра, А.С. Лаппо-Данилевского,

Б.Г. Могильницкого и других. Имя Льва Николаевича Гумилёва, как правило, отсутствует в этом перечне. Исключением являются труды доктора философских наук, профессора Санкт-Петербургского университета Н.М. Дорошенко, которая посвятила анализу научного наследия Льва Гумилёва несколько монографий [1]. Его имя чаще можно встретить в критических статьях, посвященных анализу авторской теории этногенеза Л.Н. Гумилёва и лежащей в её основе теории пассионарности. При этом, в научном наследии Льва Николаевича немало размышлений о том, что такое история, как нужно писать историю, что такое исторический источник, с каких позиций его можно изучать, каково ремесло историка и т.д., и т.п.

В своей уникальной статье «Биография научной теории, или Автонекролог» Лев Николаевич Гумилёв, размышляя над тем, какими способами делается наука, выделил четыре [2]. Первый он назвал «седалищным», когда труд исследователя посвящен систематизации библиографии, выполнению картосхем, каталогов, т.е. связан со статистической обработкой собранных материалов и т.п. Этот способ вызывает заслуженное уважение, обеспечивает автору приличную зарплату, но не приносит известность.

Второй способ – «мотыльковый». Есть симпатии читателей и коллег, неплохие гонорары, но жизнь статей таких авторов, по мнению Л.Н. Гумилёва, мимолетна.

Третий способ – писать исторические монографии. А чтобы удержать интерес к вашей книге надо «вскрыть себе вену и переливать горячую кровь в строки; чем больше ее перетечет, тем легче читается книга и тем больше она приковывает к себе внимания...». Но коллеги не простят тебе интереса со стороны читателей! Льву Николаевичу как никому другому это было известно [3, с. 41].

Испробовав все три, Л.Н. Гумилёв выбирает четвертый путь – когда «научное озарение охватывает сердце и мозг пламенем постижения истины»! Когда в душе уже все сгорело. «Единственное, что ему осталось, – это повторять уже ему самому известное. Поистине, подлинное научное открытие, доведенное до людей, ради которых ученые живут и трудятся, – это способ самопогашения души и сердца. И хорошо, если первооткрыватель после свершения покинет мир, он останется в памяти близких, в истории науки. Вот почему это изложение открытия заслужило название – Автонекролог» [2].

В трудах Л.Н. Гумилёва мы наблюдаем пересечение двух составляющих – творчества и ремесла. И в том, и в другом Л.Н. Гумилёв был неповторим, как и во многих других своих проявлениях.

Несмотря на то, что по словам самого ученого, он был «не кабинетным ученым, а каторжным», имея за плечами 14 лет тюрем, лагерей и ссылок, Л.Н. Гумилёв всегда оставался внутренне свободным человеком. Возможно поэтому «вспышка озарения» и привела его к открытию теории пассионарности. То, что мы называем вспышкой, является, на самом деле, результатом длительного процесса осмысления научной проблемы –

результатом целенаправленной познавательной деятельности. Любые волнения отступают, если поиск завершается результатом, который приходит как бы внезапно. Внезапность и определяет данное явление как озарение. Данный этап научного творчества протекает мгновенно, как хлынувший поток света, с неожиданным ярким свечением. Свет, молния – все, как и у Гумилёва. М. Планк следующим образом характеризовал свое состояние в момент создания теории квантов: «После нескольких недель самой напряженной работы в моей жизни тьма, в которой я барахтался, озарилась молнией, и передо мной открылись неожиданные перспективы» [4].

Для Гумилёва «момент озарения не предшествует изучению проблемы и не венчает её, а лежит где-то в середине, чуть ближе к началу. Если вспышки воссоединения ученого с материалом не произошло, не может быть синтеза. А поиски в собственном смысле слова начинаются потом, ибо искать стоит лишь тогда, когда знаешь, что ищешь». Методическую цепочку постижения предмета исследования Л.Н. Гумилёв определял следующим образом: «1) как (написано)? 2) что (было на самом деле)? и что к чему?»

Обратимся к монографии «В поисках вымышленного царства» (второе название «Поиски вымышленного царства»). Книга является завершающей частью «Степной трилогии» среди ключевых монографий историка – «История народа Хунну», «Хунну в Китае», «Древние тюрки». Основную идею своей книги «В поисках вымышленного царства» Л.Н. Гумилёв видел именно в том, чтобы раскрыть «тайну ремесла» историка, раскрыть способ понимания «прекрасной науки – истории». Именно в ней Лев Николаевич задается вопросом как писать историю страны или народа?! И подчеркивает, что прежде всего её нужно увидеть самому: «... а смотреть тоже можно по-разному: с птичьего полета, с вершины холма, из мышиной норы. В каждом случае мы что-то заметим, а что-то упустим, но совместить все три уровня рассмотрения невозможно. Следовательно, приходится выбирать тот, который нам нужен в данный момент» [5]. При этом, если планируется провести полновесное историческое исследование, то нужно применять все три метода именно потому, что дело не в предпочтении, а в том, что каждый из них отвечает на разные вопросы. Сама идея менять исследовательские ракурсы в процессе научного постижения проблемы сходна с идеей асимптотического анализа, широко применяемого в математике.

Лев Николаевич хорошо прописал также чем определяется жанр, стиль и язык исторического повествования. Все зависит от того, к кому обращается автор: «к группе ученых-специалистов или к широкому читателю, интересующемуся темой исследования». Естественно, что обслуживание двух разных рынков: научного и общественного, потребуют от историка различных усилий. Если в первом случае необходим научный подход, обстоятельный анализ сложных проблем, изложенный научным языком с применением научной терминологии, научные библиографические ссылки, то во втором – язык будет эмоциональный и яркий. Глубокой научности тут совсем не требуется. Есть еще и третий подход, по мнению Льва Николаевича, – справочный, часто требуемый не только для рядового

читателя, но и для историка-профессионала. Это связано с существенным расширением в XX веке предмета истории как науки и необходимости быстрого получения справочных данных для того чтобы «сосредоточить сэкономленные силы на обдумывание предмета».

Историческая эвристика, сбор и систематизация источников, затем сменяется их анализом, позволяющим провести их научную верификацию, а затем синтезировать. По мнению Л.Н. Гумилёва, такая поэтапная работа не допустит ситуацию, когда исследователю грозит опасность впасть «в мелочеведение».

Этап синтеза описан Львом Николаевичем весьма образно. Он предлагает вообразить некий «историоскоп, прибор с масштабной шкалой, содержащей градацию степени приближения» от 1 до 5. Если воображаемый окуляр поставить на приближение от №1 (самое общее, путь исторического развития) он позволит проследить, по мнению Л.Н. Гумилёва, «три нити закономерности общечеловеческого развития: демографический взрыв, технический прогресс и смену социально-экономических формаций». За приближением под №2 стоит виток длиной около 5 тысяч лет. Приближение под №3 позволит увидеть «только одну культуру, переживающую свою юность, зрелость и старость». Приближение №4 поможет увидеть отдельную эпоху. При приближении под №5 в поле зрения окажется один человек. «Как ни странно, это приближение используется очень часто, – подчеркивает Лев Николаевич. Если этот человек Пушкин – возникнет пушкиноведение, если Шекспир – шекспириология. Но здесь история смыкается с биографическим жанром и перестает быть сама собой. Шкала историоскопа исчерпана».

Фантазер, скажут некоторые, романтик, будут вторить другие, шарлатан, яростно выкрикнут третьи. Увы, многие идеи Льва Николаевича остаются весьма дискуссионными именно в силу их нестандартного изложения и, что чаще, недоказуемости либо прямого отсутствия, как в случае воображаемого историоскопа. Невозможно не согласиться со словами Н.А. Хренова, что «Л. Н. Гумилев прошел все фазы, которые обычно проходит каждый гениальный мыслитель: от полного отторжения до бесконфликтной ассимиляции идей» [6, с. 200].

Отвечая на вопрос как можно изучить то или иное событие и в целом историю, Л.Н. Гумилёв выступает как классический историк-исследователь и выделяет два пути: «1) непосредственно из источников, т.е. сочинений современников событий, и 2) из сводной исторической литературы». Гумилёв четко определяет вопрос, на который будет отвечать источниковед-филолог и источниковед-историк. Если первый будет стремиться ответить на вопрос, что говорит изучаемый автор, то последний должен определить, «что из сообщаемого автором правда, что им опущено, и как было на самом деле?» В формулировке «на самом деле» слышится призыв автора к объективности точных наук. Установление того, как все происходило, стараясь не исказить и не добавлять «отсебятину», весьма сложное дело. Тем более, что история – наука о людях во времени, а значит полна участников и свидетелей. Из вышесказанного видно, что Гумилёв был сторонником

позитивистской модели познания, стремился изучать мир, применяя научные методы, опираясь на достижения естественных наук, и был убежден в универсальности научного познания.

Для Л.Н. Гумилёва история была частью естественно-научных дисциплин. Своей уникальной авторской теории пассионарности Лев Николаевич также стремился найти естественнонаучное обоснование, как и многим другим феноменам мировой истории. Например, взлеты и падения прикаспийских государств он связывал с климатическими циклами, с подъемами или понижением уровня моря, с изменениями «кормящего ландшафта».

Малинецкий Г.Г. отмечает, что многие термины, предложенные Львом Николаевичем для изучения процесса этногенеза, например, такие, как «абберация близости», «абберация дальности», «абберация состояния», «пассионарное поле» и другие имеют прямые аналогии среди физических понятий. Термины «генетический дрейф», «геобиоценоз», «инкубационный период», «комплиментарность», «таксон этнической иерархии» – в биологии [7, с. 189-190].

Импонирует позиция Гумилёва по вопросу о том, что исследователи, занимающиеся одним и те же историческим периодом, опирающиеся на приблизительно одни и те же источники, совпадающие в трактовке событий и оценке явлений, изложат свой предмет исследования по-разному, так как каждый будет исходить из собственных научных интересов, что в итоге будет способствовать приближению к объективной истине. Дело историка, по мнению Л.Н. Гумилёва, – задавать вопросы, искать новые источники, сравнивать, сопоставлять, находить противоречия и несовпадения, в итоге – попытаться понять, откуда они, чем их можно объяснить и т.п.

Избранный жанр трактата, изложенный в книге «В поиске вымышленного царства», позволил Льву Николаевичу в полной мере продемонстрировать его уникальную авторскую исследовательскую методологию проведения исторического исследования. «Именно благодаря ей, пишет Руденко С.И. в предисловии к книге, Л.Н. Гумилёву удалось открыть Хазарию и выяснить климатическую историю зоны степей Евразии».

Судьбы таких великих ученых и их идей, к числу которых относится и Лев Николаевич Гумилёв, заставляют нас вновь обращаться к перипетиям их судьбы, а главное – переосмысливать и по-новому интерпретировать их научное наследие. Предложенная Л.Н. Гумилёвым методология, несмотря на профессиональную тягу автора к её классическому изложению, во многом непривычна для восприятия, особенно для его оппонентов. Причиной тому, прежде всего, междисциплинарный подход, исключающий узкую специализацию. История, этнография, археология, палеогеография, физическая география, почвоведение, климатология – вот основной перечень научных дисциплин, в рамках которых и создавалась авторская капсула знания по методологии исторического исследования, являющая собой единство гуманитарного знания с естественными науками, открывая нам новое измерение самого ремесла историка, его профессионального становления.

Список литературы

1. *Дорошенко Н.М.* Репрессированные методологи истории. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2006. – 166с.; Дорошенко Н.М. Гумилев Лев Николаевич: новый взгляд на историю, – СПб, 2012; Дорошенко Н.М. Метод и теория этногенеза Л.Н. Гумилева, – СПб, 2012; Дорошенко Н.М. Альтернативы Льва Гумилева. – СПб, 2021
2. *Гумилёв Л.Н.* Биография научной теории, или Автонекролог // Знамя. – 1988. – №4. – С. 202–216. Ссылка доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article11.htm>. Дата обращения 11.02.2023
3. *Ковальская С.И.* Научная лаборатория Л.Н. Гумилёва // Мат-лы XIX Межд-го Евраз. научного форума «Лев Гумилев и Великая степь: история и современность». – Астана, 2022: ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 602 с. – С. 36-42.
4. *Луи де Бройль.* По тропам науки. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – 408 с. – С.305.
5. *Гумилёв Л.Н.* В поисках вымышленного царства. – М.: ГРВЛ. – 1970. – 432 с. Ссылка доступа <http://gumilevica.kulichki.net/SIK/sik01a.htm#sik01chapter1-3>. Дата обращения 13.02.2023
6. *Хренов Н.А.* Идеи Л.Н. Гумилёва на фоне альтернативных парадигм в гуманитарной науке // Universum: Вестник Герценовского университета. РГПУ. – СПб. – 2012. – №3. – С.199-212
7. *Малинецкий Г.Г.* XXI Век в свете идей Л.Н. Гумилёва // Universum: Вестник Герценовского университета. РГПУ. – СПб. – 2012. – №3. – С.184-199.

Summary

Kovalskaya S.I. Gumilyov L.N. about Historian's Crafts

The article is devoted to the identification of the author's methodology of historical research by Lev Nikolaevich Gumilyov, the analysis of its main characteristics. In the context of this problem, we will try to study L.N. Gumilyov's understanding of the fundamentals of the historian's craft, his methods, techniques and tools. Modernity requires the historian to be not only a decent professional, but also an excellent craftsman. Let us trace the distinguished characteristics of the historian's craft by Lev Gumilyov, a man who was deprived of the opportunity to go through the classical path of an armchair scientist, but worthy of representing historical science and faithful to scientific research ideals in all the vicissitudes of life.

Keywords: L.N. Gumilyov, hard labor scientist, methodology of history scientific insight, historian's craft

МЕСТНОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ В СТЕПНОМ КРАЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Коновалов И.А.

*Доктор исторических наук, доцент,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
г. Омск, Россия
konov77@mail.ru*

Аннотация. В представленной статье рассматривается законодательное закрепление местного государственного управления и самоуправления в Степном генерал-губернаторстве. Автор приходит к выводу о том, что система регионального администрирования, в основании которой лежала власть генерал-губернатора, не решила всех проблем управления в отдаленной от центра империи окраине, однако ее реализация, при трудностях и противоречиях в административной политике и практике Российской империи в XIX – начале XX вв., была несомненным шагом вперед в государственном и правовом развитии Казахстана. Деятельность органов местного самоуправления в Степном крае основывалась на концепции самоуправления, в основе которой лежало то, что местное самоуправление должно было действовать в интересах государственной власти. Оно осуществляло свою деятельность на основе законов, предметы его ведения и компетенция также определялись государством.

Ключевые слова: Сибирь, история государства и права, Казахстан, администрация, губернатор, управление, полиция.

Актуальность избранной автором темы статьи определяется ее малоизученностью в отечественной историографии. Местное государственное управление и самоуправление в Степном генерал-губернаторстве еще не стали объектом пристального внимания историков, лишь некоторые аспекты проблемы нашли отражения в работах более общего характера.

Теоретико-методологической основой исследования стали принципы исторического познания: объективность, историзм, альтернативность и социальный подход, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, а также критическое отношение к источникам. В ходе изучения проблемы автором использовалась совокупность общенаучных и специальных методов, применяемых в исследованиях подобного рода.

В последней четверти XIX века произошло вхождение в состав Российской империи Средней Азии, с ее инкорпорацией в имперское правовое поле. Как к этому времени показала российская административная практика XIX века, для контроля над местным управлением на удаленных от центра империи территориях министерское управление оказывалось недостаточно эффективными. Поэтому монархия учредила на территориях Средней Азии генерал-губернаторства, наделив местных генерал-губернаторов не только надзорными, но и административными полномочиями. Поэтому 18 мая 1882

года Императорским указом было учреждено Степное генерал-губернаторство с административным центром в г. Омске, объединившее Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области [1, с. 211].

Административные центры областей Степного генерал-губернаторства располагались в основанных еще прежде российской коронной властью военно-административных центрах: Омске, Семипалатинске и Верном. Семиреческая область состояла из 6 уездов, Семипалатинская и Акмолинская – из 5 уездов. В состав уездов, наряду с уездными городами, входили крестьянские и киргиз-кайсацкие волости, а также казачьи станичные управления [1, с. 211].

Степной генерал-губернатор рассматривался как наместник императора, контролировавший управление в областях. Он, кроме исполнения полномочий в гражданском управлении, был одновременно командиром расквартированных в генерал-губернаторстве казачьих и армейских подразделений. Поэтому на должность генерал-губернатора назначались только военные [2, с. 135]. По степени важности властных полномочий генерал-губернатор стоял выше обычных губернаторов, он имел право непосредственных отношений с императором. На него возлагался надзор за законностью и правильностью осуществления местного управления. Ему были подчинены все должностные лица государственного управления и местного самоуправления.

В Степном генерал-губернаторстве сложилась четырехзвенная структура управления. Во главе ее был генерал-губернатор, который являлся одновременно органом надзора и руководителем региональной администрации. Вторым звеном в структуре управления было областное, включившее в себя губернаторов областей и учреждения, выполняющие полицейские, хозяйственные и финансовые полномочия. Третье звено было представлено уездным управлением. Оно состояло из уездного исправника и уездного казначейства. Четвертым звеном, завершающим структуру местного управления, были городское, казачье станичное, волостное крестьянское и киргиз-кайсацкое самоуправления, которые осуществляли целый ряд значимых управленческих полномочий и были фактически интегрированы в систему местного государственного управления.

Городское общественное управление в областных и уездных центрах действовало на основе Городовых положений 1870 и 1892 годов и было представлено выборными городскими думами, городскими управами и городским головой, который одновременно председательствовал в городских думе и управе. Волостное крестьянское самоуправление появилось в Сибири и Казахстане на основании «Учреждения для управления сибирских губерний» 1822 года. Оно осуществлялось в волостях выборными волостными старшинами и волостными правлениями, а в селениях – старостами, сотскими и десятскими [3, с. 13]. Казачье самоуправление базировалось на «Положении об общественном управлении в казачьих войсках» 1870 года. В его структуре, были станичные атаманы, их помощники, а также станичные писари, казначеи и доверенные станичных обществ [4, с. 578].

Особого внимания заслуживает волостное киргиз-кайсацкое управление. Верховная власть Российской империи, испытывая на присоединенных территориях нехватку материальных и людских ресурсов, старалась не разрушать у аборигенных народов их внутреннюю самоуправленческую организацию, а активно ее использовала, стараясь привлечь на свою сторону казахскую знать. Приравнивая казахское население к русским крестьянам-переселенцам, коронная власть предоставляла им известную самостоятельность в вопросах судоустройства и управления.

Правовая регламентация волостного киргиз-кайсацкого управления была установлена в «Уставе о сибирских киргизах» 1822 года. Согласно «Уставу», кочевья сибирских киргизов состояли из волостей, волости – из аулов. В аулы с должно было входить от 50 до 70 кибиток, а волость должна была состоять из 10-12 аулов. Волости управлялись султанами (волостными правителями), аулы – старшинами. Старшины избирались на 3 года, должность султана передавалась по наследству. Закон прямо называл султанов «местными чиновниками, для управления народом поставленных». Старшины были приравнены к волостным головам, султаны – к чиновникам 12 класса. У каждого султана должны были быть помощник и писарь. Старшины управляли аулами на правах сельских старост [5, с. 417].

Нормативное закрепление терминов «сибирские киргизы» и «киргиз-кайсаки» ознаменовало политику отказа от восприятия казахского населения как бесправных и угнетаемых «иноземцев» и, наоборот, их признания как подданных империи. Проводя политику сближения региона с другими частями страны, коронное правительство стремилось провести в местном управлении переход от системы традиционного управления к более современному, бюрократическому, распространяя на Степное генерал-губернаторство новое, приближенное к общероссийскому законодательство и ведомственное управление. Правительственный подход к вопросу о коренном населении Казахстана можно рассматривать в качестве регионального компонента административной политики российской имперской власти.

В 1868 г. было промульгировано «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Сибирского ведомства, Уральским и Сибирским казачьими войсками». Должность султана упразднялась, как и его назначение по наследственному принципу. Вместо султанов учреждался институт волостного правителя. Увеличивалось количество кибиток в волости до 2000, а в аулах – до 200 кибиток. На должность волостного правителя могло быть выбрано лицо, достигшее 25 летнего возраста, пользовавшееся доверием и уважением населения и не имевшее судимости. Волостной управитель избирался на волостном съезде избирателей, в котором принимали участие по одному представителю от 50 владельцев кибиток. По результатам выборов волостной управитель назначался губернатором области на трехлетний срок [6, с. 364].

Однако в целом российская верховная власть достаточно осторожно относилась ко всем четырем видам местного самоуправления,

распространенным в Степном генерал-губернаторстве. Органы местного государственного управления, представленные, прежде всего, областными правлениями, полицмейстерами и уездными исправниками, были в подчинении у генерал-губернатора и Министерства внутренних дел. Они оставались фактически контрольными органами за представительными учреждениями местного самоуправления – городскими думами и управами, волостными и станичными правлениями и их деятельностью.

В основу взаимоотношений местного самоуправления и местного административно-полицейского управления в Степном генерал-губернаторстве законодателем были положены принципы «единства» и «иерархичности» власти, которые определили строгий порядок соподчиненности органов местного самоуправления органам и должностным лицам местной административно-полицейской власти региона «снизу-вверх», а также обеспечивали общность способов решения вопросов на всех уровнях власти в местном самоуправлении и местном государственном управлении, обязательность и беспрекословность исполнения указаний и предписаний коронной администрации. Таким образом, даже в начале XX в. вне контроля губернаторов областей Степного края находились лишь казенные палаты, губернские акцизные управления, жандармские управления и суды.

Несмотря на недостаточно четкое нормативное закрепление генерал-губернаторских полномочий и ограничение самоуправленческих начал, специфика местного управления в Степном генерал-губернаторстве была закреплена и упорядочена [7, с. 782]. В целом система регионального администрирования, в основании которой лежала власть генерал-губернатора, не решила всех проблем управления отдаленной от центра империи окраины, однако ее реализация при трудностях и противоречиях в административной политике и практике Российской империи в XIX – начале XX вв. была несомненным шагом вперед в государственном и правовом развитии Степного края [8, с. 1236].

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи (*ПСЗ РИ*). Собр. 3. – Т. 2. – СПб., 1886. – № 886.
2. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX вв. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2015. – 580 с.
3. Коновалов И.А. Крестьянская община как предмет государственно-правового и муниципально-правового регулирования в Сибири в дореволюционный период // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. – № 3 (40). – С. 13–19.
4. Коновалов И.А. Особенности местного самоуправления у казаков Западной Сибири и Северного Казахстана в XIX– начале XX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. – Вып. 19. – № 3. – С. 578-590.
5. ПСЗ РИ. // Собр. 1. – Т. 38. – СПб., 1930. – № 29127.

6. ПСЗ РИ. // Собр. 2. – Т. 43. Ч. 2. – СПб., 1873. – № 46380.

7. Коновалов И.А. Кризис системы местного управления в Сибири накануне падения самодержавия // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. – Т. 63. – № 3. – С. 771 – 782.

8. Konovalov I.A. (2021). Local government in Siberia in the 18th-early 20th century. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 14(8), 1231–1238.

Summary

Konovalov I.A. Local Administration in the Steppe Region in the Late XIX – Early XX Century

The presented article examines the legislative consolidation of local government and self-government in the Steppe Governor-General. The author comes to the conclusion that the system of regional administration, which was based on the power of the Governor-General, did not solve all the problems of managing the outskirts far from the center of the empire, but its implementation, with difficulties and contradictions in the administrative policy and practice of the Russian Empire in the XIX – early XX centuries, was an undoubted step forward in state and legal development of Kazakhstan. The activity of local self-government bodies in the Steppe Region was based on the concept of self-government, which was based on the fact that local self-government had to act in the interests of state power. It carried out its activities on the basis of laws, the subjects of its jurisdiction and competence were also determined by the state. The activities and powers of the local state administration and local self-government were considered homogeneous and constituted a single power vertical.

Keywords: history of state and law, Siberia, administration, governor, management, police.

РИТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ, «ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ» В УЗБЕКИСТАНЕ И ТАДЖИКИСТАНЕ И ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ¹

Ларина Е.И.

*Кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
ei-larina@mail.ru*

Аннотация. В статье в рамках экономической антропологии исследуется роль практик государств Центральной Азии по отношению к финансово затратным ритуалам, признанных обществом культурно-ценностными, «традиционными» и массовыми по вовлечению населения. Такие ритуалы базируются на традиционных социальных институтах (общине, родовом клане). Чрезмерные траты в условиях острой нехватки денежных средств в семьях приводят к закредитованности населения. Тема сокращения расходов вышла из семейно-родового пространства в общегосударственное, а в Таджикистане и Узбекистане на протяжении ряда лет издаются соответствующие законы, реализацию которых нельзя назвать успешной или эффективной. В статье анализируются причины формализации законов и одновременно их положительное действие.

Ключевые слова: Центральная, махалля, обряды, ритуалы, сокращение расходов, семейные торжества.

Обряды жизненного цикла являются одной из классических тем исследований в этнологии и социально-культурной антропологии, которая сегодня актуализирована процессами глобализации и транснациональной коммуникации. Со второй половины XX в. в Центрально-Азиатском регионе расходы на их проведение неуклонно росли даже в условиях экономического кризиса с конца 1980-х и перехода к рыночной экономике в 1990-е гг., параллельно с чем общество предстало перед явлением демократизации (ослаблением социального контроля со стороны родственников и махалли, усилением индивидуалистических тенденций) и ростом внешней трудовой миграции, а также столкнулось с активно развивающимися явлениями глобализации, с одной стороны, и демодернизации – с другой. В этих условиях уже не только для внешнего наблюдателя, но и для местных жителей различные *тои* нередко выглядят чрезмерно пышными и расточительными. В условиях рыночной экономики, активной трудовой миграции и закредитованности

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Увеличение расходов, посвященных ритуалам жизненного цикла в обществах Центральной Азии: социальная значимость, экономические последствия (1980–2020)», поддержанного РФФИ в рамках российско-французского партнерства (проект ФДНЧ а, № 20-59-22001).

населения властями Таджикистана и Узбекистана неоднократно издавались законы, направленные на сокращение ритуальных расходов при проведении семейных обрядов путем регламентации числа гостей, количества продуктов на угощение и проч. Однако следование финансово затратным обрядам в условиях недостатка собственных средств и необходимости прибегать к займам, тяжёлых заработков в условиях трудовой миграции продолжается и остается государственной проблемой¹.

Обрядовые практики признаются ценностными ориентирами и даже включаются в национальную идеологию центральноазиатских государств, что прописано в самих законах. Например, в законе «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в республике Узбекистан» сказано: «Настоящий закон упорядочивает традиции, торжества и обряды с учётом потребностей развития общества и направлен на защиту истинных ценностей национальной культуры и уважение к народным обычаям» (2008 г.)². Ценностно ориентированы были и высказывания президента И. Каримова на торжественном собрании, посвященном десятилетию Конституции Республики Узбекистан 5 декабря 2002 г.³, так как в нем был определен курс дальнейшего урегулирования вопроса проведения семейных мероприятий и изложено его идеологическое основание; в работе «Узбекистан: собственная модель перехода на рыночные отношения», были изложены основные положения разработанного пути перехода к рыночной экономике [4].

Подобные законы в Узбекистане издавались неоднократно: Указ Президента Республики Узбекистан от 28 октября 1998 г.⁴, в котором им поднимается тема чрезмерных расходов на проведение семейных обрядов, решение хокима г. Ташкент «Об утверждении Правил проведения свадеб, семейных торжеств, обрядов и церемоний в туйхона, ресторанах и кафе города Ташкента»⁵, проект постановления «Об упорядочении проведения свадебных, семейных, юбилейных торжеств, семейных поминальных обрядов и

¹ Подробно о денежных переводах трудовых мигрантов см. «Жить в двух мирах» 2021; здесь для иллюстрации приведу статистику на 2017 г. Одновременно на территории России находилось 620 тыс. граждан Кыргызстана, 1000070 граждан Таджикистана и 1920000 Узбекистана. Переводы физических лиц из России в Среднюю Азию в 2017 г. в млрд долларов США составили: в Кыргызстан 2,21, в Таджикистан 2,54, в Узбекистан 3,9 [3, с. 41].

² Закон впервые был издан в 2007 г. и дорабатывался в 2008, 2010, 2017 гг. [Электронный ресурс] URL:

<https://sud.tj/upload/iblock/0d6/0d6b7682529df01d9129086c9afce05b.pdf><https://www.mfa.tj/ru/main/view/3960/zakon-respubliki-tadzhikistan-ob-uporyadochenii-traditsii-torzhestv-t-obryadov-v-respublike-tadzhikistan>

³ Правовая основа нашей жизни и прогресса. Выступление Президента Ислама Каримова на торжественном собрании, посвященном десятилетию Конституции Республики Узбекистан от 5 дек. 2002 г. [Электронный ресурс]. Доступ из информ-поисковой системы «Norma».

⁴ Указ Президента республики Узбекистан 28 окт. 1998 г. // Правда Востока, №212, 1998, 29 октября. С. 1. [Электронный ресурс] URL:<http://press.natlib.uz/ru/editions/33698> (дата обращения 20.05.2022).

⁵ Об утверждении Правил проведения свадеб, семейных торжеств, обрядов и церемоний в туйхона, ресторанах и кафе города Ташкента [Электронный ресурс]: Решение хокима г. Ташкент от 10 сен. 2012 г. N 732. Доступ из информ.-поисковой системы «Norma».

мероприятий, посвященных памяти усопших»¹, постановление «О дальнейшем совершенствовании системы регулирования свадеб, семейных торжеств, поминальных мероприятий и церемоний»², закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан»³, в котором была введена административная ответственность за несоблюдение установленных ограничений при проведении семейных торжеств и других мероприятий. Данные законы можно рассматривать как продолжение формирования системы социальной защиты для социально уязвимых групп населения [7, с. 93].

Борьба с «расточительством» была важной, хоть и во многом декларативной, затрагивавшей верхушку партийной номенклатуры, частью политики и идеологии позднего СССР [6]. С населением проводились специальные беседы, принимались резолюции и постановления. Эта линия продолжилась и после обретения Узбекистаном суверенитета. Сходной чертой стало ограничение расходов именно государственной верхушки, процессы носили показательный характер. Первая попытка урегулировать расходы населения на проведение семейных мероприятий была предпринята властями в 1998 г. Ей предшествовала громкая отставка И. Каримовым Муродулло Куролова, который находился на должности первого заместителя председателя Государственного налогового комитета⁴.

Особое внимание в указе было уделено государственным служащим, а точнее, «казнавшимися руководящим лицам», для которых подобное поведение стало нормой. Также в тексте говорится, что «помпезное проведение мероприятий» наносит ущерб национальным обычаям и дискредитирует священные традиции, а превращение торжеств и поминок в «нездоровое соревнование» ставит в тяжелое положение менее обеспеченных соседей и родственников, «честных и порядочных людей».

На борьбу с «пережитками», как названы чрезмерность и расточительность, президент мобилизует общественные и религиозные организации: благотворительный фонд «Махалля», Комитет женщин Узбекистана, Духовное управление мусульман Узбекистана, местные

¹ Об упорядочении проведения свадебных, семейных, юбилейных торжеств, семейных поминальных обрядов и мероприятий, посвященных памяти усопших [Электронный ресурс]: Проект постановления Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан от 15 марта 2018 г. Доступ через портал для обсуждения проектов нормативно-правовых актов. URL: <https://web.archive.org/web/20181020155532/http://www.regulation.gov.uz/ru/documents/2128> (дата обращения: 20.05.2022).

² О дальнейшем совершенствовании системы регулирования свадеб, семейных торжеств, поминальных мероприятий и церемоний [Электронный ресурс]: Совместное постановление Законодательной палаты Олий Мажлиса и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан от 14 сен. 2019 г. Доступ из информ.-правовой системы «LexUz».

³ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан [Электронный ресурс]: Закон Республики Узбекистан от 17 марта 2020 г. N ЗРУ-612. Доступ из информ.-поисковой системы «Norma».

⁴ Указ Президента республики Узбекистан 28 окт. 1998 г. // Правда Востока, №212, 1998, 29 октября. С. 1. [Электронный ресурс] URL: <http://press.natlib.uz/ru/editions/33698> (дата обращения 20.05.2022).

администрации. Им поручено: 1) разработать мероприятия по пресечению и предотвращению «чуждых природе народа» явлений; 2) наладить регулярное оповещение широких масс об истинном значении религии, ценностей, обычаев и традиций на основе жизненных примеров; 3) внедрить совместно с общественными советами новые, образцовые традиции, «соответствующих требованиям времени, взглядам <...> народа»; 4) СМИ должны сформировать правильное общественное мнение против таких явлений; 5) прокуратура должна принять меры в отношении неприемлемых действий, допущенных со стороны государственных служащих.

Вслед за выходом указа в СМИ появился ряд выступлений на данную тему. В них авторы поддержали инициативу Президента¹. Как отмечает С.Н. Абашин, взгляды власти на проблему высоких затрат были созвучны со взглядами оппозиции, апеллирующей к исламским ценностям [1, с. 89].

Спустя четыре года Ислам Каримов вернулся к данной проблеме, уделив ей значительную часть своего декабрьского выступления в 2002 г. на торжественном собрании, посвященном 10-летию Конституции Узбекистана, особо отметив, что «ни в одной священной книге не сказано, что следует превращать религиозный обряд в пышное застолье», что это «противоречит канонам исламской религии» и призвал общественные организации и религиозных деятелей провести «широкую разъяснительную работу в этом направлении»².

В связи с этим Председатель Верховной Комиссии управления мусульман Узбекистана муфтий Абдурашид кори Бахромов подписал фетву «О проведении свадеб, церемоний и обрядов», в которой, основываясь на сурах и аятах Корана, а также хадисах осудил привычку превращать любое семейное событие в пышное застолье и призвал мусульман больше жертвовать в пользу нуждающихся, домов престарелых, детских домов и на образование молодежи³.

Однако переломить ситуацию не удалось — пышные свадьбы продолжали проводиться⁴. В 2012 г. мэрия Ташкента утвердила собственные правила проведения свадеб, семейных торжеств, обрядов и церемоний в

¹ Арипов А. Не запятнать нашу духовность [Электронный ресурс]: Правда Востока, №213, 1998, 30 октября. С. 1. URL: <http://press.natlib.uz/ru/editions/33699> (дата обращения 20.05.2022); Посвящается актуальным задачам [Электронный ресурс]: Правда Востока, №214, 1998, 31 октября. С. 1. URL: <http://press.natlib.uz/ru/editions/33701> (дата обращения 20.05.2022); «Нет блага в расточении» ... [Электронный ресурс]: Ташкентская правда, №85, 1998, 31 октября. С. 1. [Электронный ресурс] URL: <http://press.natlib.uz/ru/editions/7269> (дата обращения 20.05.2022).

² Правовая основа нашей жизни и прогресса. Выступление Президента Ислама Каримова на торжественном собрании, посвященном десятилетию Конституции Республики Узбекистан от 5 дек. 2002 г.

³ Нордонов К. Верховный Муфтий Узбекистана вслед за Президентом осудил роскошь [Электронный ресурс] URL: Фергана.ру. Дата обновления: 21.02.2003. URL: <https://www.fergananews.com/articles/1424> (дата обращения: 20.05.2022).

⁴ Согдиев Д. На традицию проведения пышных свадеб в Узбекистане не влияют ни указы президента, ни религиозные фетвы [Электронный ресурс] URL: Фергана.ру. Дата обновления: 25.04.2006. URL: <https://www.fergananews.com/articles/4362> (дата обращения: 20.05.2022).

туйхона, ресторанах и кафе¹. Документ требует, чтобы проводящие торжества граждане обязательно заключали договор с обслуживающей стороной (директором ресторана или кафе, фотографами, артистами и т.д.). Проводить мероприятия в свадебном зале, ресторане или кафе разрешается в рабочие дни в промежутке между 7:00 и 9:00, 12:00 и 14:00, 18:00 и 23:00 часами. Участвующие в мероприятиях артисты должны иметь лицензию на выступление, а читать лекции на религиозные темы могут только представители религиозной организации, зарегистрированной в органах юстиции, имам-хатиб или наиб-имам мечети. Контроль над выполнением указа был возложен на Общественный совет по координации проведения свадеб, семейных и других мероприятий. Особых результатов, однако, данная инициатива не принесла.

Нынешний президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев (с 2016 г.) продолжил деятельность по «борьбе» с пышными свадьбами и другими мероприятиями. Во время своей поездки по Ташкентской области в 2017 г. на встрече с творческой интеллигенцией он подверг критике излишества при проведении свадеб и поручил правительству в течение месяца разработать проект постановления об упорядочении проведения семейных обрядов и недопущении расточительства и помпезности². Спустя неделю на встрече с жителями города Алмалык он вновь высказался на данную тему и поставил в пример свадьбы, проводящиеся в этой местности: «На этих свадьбах читают стихи, не танцуют под дискотечную музыку. Слушают песни, понятные для людей. Гости немного танцуют под лирическую музыку, и всё»³. Он предложил установить лимит на количество присутствующих на церемонии в здании ЗАГСа (200 человек) и рекомендовал отказаться от «чуждых» традиций: «Больше не будет европейских танцев, дискотек. Пусть танцуют хотя бы немного по нашим традициям, а не в полураздетом виде»⁴. В случае нарушения установленного порядка Президент предложил привлекать к ответственности не только самих молодоженов, но и руководителя ЗАГСа, хокима района⁵.

В начале 2018 г. Шавкат Мирзиёев запретил посещать в качестве гостей свадебные торжества и дни рождения чиновникам⁶. По его словам, госслужащие живут «роскошной» жизнью, а торжества с их участием способствуют коррупции.

¹ Об утверждении Правил проведения свадеб, семейных торжеств, обрядов и церемоний в туйхона, ресторанах и кафе города Ташкента.

² Президент подверг критике излишества при проведении свадеб [Электронный ресурс]: Газета.uz. Дата обновления: 04.08.2017. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/08/04/toy> (дата обращения: 20.05.2022).

³ Заявления Мирзиёева нанесли серьезный урон свадебной индустрии [Электронный ресурс]: Ислам в СНГ. Дата обновления: 20.08.2017. URL: <http://www.islamsng.com/uzb/opinion/13104> (дата обращения: 20.05.2022).

⁴ Эксперимент в Алмалыке: свадьба по утверждённым стандартам [Электронный ресурс]: Anhor.uz. Дата обновления: 14.08.2017. URL: <https://anhor.uz/society/eksperiment-v-almalike-svadyba-po-utverzhdyonnim-standartam/> (дата обращения: 20.05.2022).

⁵ Эксперимент в Алмалыке: свадьба по утверждённым стандартам...

⁶ Мирзиёев запретил чиновникам посещать свадьбы и дни рождения [Электронный ресурс]: Фергана.ру. Дата обновления: 05.03.2018. URL: <https://www.fergananews.com/news/28721> (дата обращения: 20.05.2022).

Президентом было также принято решение официально ограничить «размах» свадебных мероприятий, сократив допустимое число гостей до 150, а продолжительность празднования до одного дня.

Вскоре Сенатом Олий Мажлиса Республики Узбекистана был разработан проект постановления «Об упорядочении проведения свадебных, семейных, юбилейных торжеств, семейных поминальных обрядов и мероприятий, посвященных памяти усопших», который широко обсуждался общественностью с 5 по 25 марта. Проект был опубликован на специальном портале для обсуждения проектов нормативно-правовых актов¹. Помимо строгой регламентации проведения обрядов, в проекте были перечислены праздничные мероприятия, являющиеся, по мнению авторов, «чуждыми национальным традициям». Среди них названы, например, «келин навкари» (отдельная вечеринка для подружек невесты), «ота курди» (передача подарков от отца невесты в дом жениха), «келин (куёв) чакирди» (вечеринка для невесты или жениха с друзьями), «келин салом» (приветствие невесты родственниками жениха), «тогора юбориш» (обмен подарками и едой между семьями жениха и невесты) показ «Love Story» (слайд-шоу или небольшой по длине художественный видеоклип, в котором рассказывается история знакомства молодоженов) и другие. 30 марта верхняя палата парламента Узбекистана одобрила постановление, но проект не обрел силу закона, однако была образована рабочая группа, которой предстояло изучить общественное мнение по данному вопросу.

По результатам оценки общественного мнения 29 июня 2018 г. Сенатом Олий Мажлиса Республики Узбекистан было принято постановление «Об упорядочении проведения свадеб, семейных торжеств, поминок и обрядов по умершим и мероприятий, посвященных памяти усопших»². В нем наряду с другими задачами были предусмотрены налаживание системы постоянного мониторинга за проведением семейных мероприятий на местах «в соответствии с национальными и религиозными ценностями, без излишней помпезности и расточительства» и организация совместно со сходами граждан проведения образцовых семейных мероприятий с учетом особенностей регионов.

Наконец, 14 сентября 2019 г. парламент Узбекистана на совместном заседании двух палат утвердил постановление «О дальнейшем совершенствовании системы регулирования свадеб, семейных торжеств, поминальных мероприятий и церемоний»³. Согласно постановлению, с 1 января 2020 г. все семейные мероприятия должны проводиться в течение одного дня в промежутке с 06:00 до 23:00 (похоронные и поминальные мероприятия могут проводиться в течение трех дней). При этом о проведении свадьбы не менее чем

¹ Об упорядочении проведения свадебных, семейных, юбилейных торжеств, семейных поминальных обрядов и мероприятий, посвященных памяти усопших.

² Информация о заседании Кенгаша Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан [Электронный ресурс]: Официальный сайт Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан. Дата обновления: 13.08.2018. URL: <https://senat.uz/ru/lists/view/79> (дата обращения: 20.05.2022).

³ О дальнейшем совершенствовании системы регулирования свадеб, семейных торжеств, поминальных мероприятий и церемоний.

за одну неделю до торжеств необходимо уведомить махаллинский комитет по месту жительства. На семейных мероприятиях запрещается проведение «чуждых национальным традициям, противоречащих нравственности и этике, а также требующих дополнительных расходов» сопутствующих мероприятий. Принимать участие в семейных мероприятиях может до 200 человек, на церемониях угощения гостей вне рамок основного мероприятия пловом — до 250. На совместных свадьбах может присутствовать до 250 человек, на плове — до 300. Свадебный кортеж молодоженов должен состоять не более чем из трех легковых автомобилей. При проведении мероприятий с участием 50 и более человек с кафе, рестораном или банкетным залом обязательно заключается договор. Приглашать на семейное мероприятие можно не более двух исполнителей или музыкальных групп. С артистами (певец, музыкант, ведущий и другие), участвующими в семейных мероприятиях, также должны заключаться договоры. Соблюдение изложенных в документе требований поставлено под контроль депутатов, председателей сходов граждан махалли и инспекторов по профилактике органов внутренних дел.

В этой борьбе с «расточительностью» проглядывается и другой аспект — борьба с коррупцией и финансовым «закабалением» населения. Проведение любого семейного торжества требует очень больших затрат. Так, в наши дни на среднюю (по узбекским меркам) свадьбу в ресторане на 300 человек тратится около 5000 долларов. Средняя же зарплата в Узбекистане равна примерно 300 долларам¹. Чтобы собрать необходимую сумму, прибегают к займам у родственников и друзей, берут кредиты, едут на заработки. Не стоит забывать и о том, что на протяжении жизни человек сталкивается с задачей организации большого торжества не один раз. *Той* необходимо делать по случаю рождения ребенка, обрезания сына, юбилея, кроме того, на плечи родителей ложится задача организации свадеб детей, а еще есть похороны и поминки, которые тоже требуют определенных затрат.

После высвобождения капитала в 90-е гг. произошло экономическое расслоение общества. Однако финансовое поведение не ограничивается финансовыми возможностями человека. Малообеспеченные продолжают идти на долговые риски, затрачивая большие финансовые ресурсы на проведение семейных торжеств и других мероприятий. Немногие соглашаются организовывать свадьбу, соизмеримую по масштабам со своими материальными возможностями, или проводят так называемые «религиозные свадьбы», которые предполагают только проведение никоха и скромный *той* без спиртного.

Причины слабой реализации принятых законов многомерны и разнохарактерны по направлениям, для их понимания необходимо учитывать не только мотивацию государства, но и мотивацию людей. Участие в обряде поддерживает коммуникации между членами сообщества, укрепляет

¹ Минимальная зарплата, минимальная пенсия, БРВ и МРОТ в Узбекистане в 2022 году [Электронный ресурс]: «Golden Pages» Бизнес-справочник Узбекистана. Дата обновления: 29.04.2022. URL: <https://www.goldenpages.uz/zarplata/> (дата обращения: 20.05.2022).

социальные взаимоотношения между родственниками, соседями и друзьями, является основой самооценки человека и его положения в обществе, поднимает социальный статус человека, который организует проведение ритуала [1, с. 95–96]. Рост относительного благополучия после снижения кризисной напряженности начала 1990-х гг. и исчезновение советской системы контроля и уравнивания привели к тому, что добившиеся успеха люди (в разных общественных сферах) стали активно и открыто вкладывать не востребуемые части своих растущих доходов в «престижное потребление», т. е. тратить деньги на те товары и услуги, с которыми в данном конкретном обществе ассоциируется «статусность», легитимная не только официальными структурами на госслужбе, но и общественными моральными нормами через концепты «достоинства» и «уважения» [5].

Высокий социальный статус человека/семьи предполагает и более высокие расходы и даже щедрость. Это довольно архаичные черты и коннотации, связанные с проявлениями «великодушия», с щедростью из предшествующих эпох, когда одни общественные слои должны были способствовать обращению благ и ценностей, а в следующий период другие слои, наоборот, тормозить его. То есть достоинство в более архаичном понимании сословного общества рудиментарно сохраняется в наше время и, помимо демонстрации «щедрости», проявляется в современных ритуальных практиках – активном обращении к генеалогиям и подчёркивании более высоких родов, как, например, торе, кожа/ходжа у казахов и узбеков, особых приветствиях в виде поцелуя руки более старшему в генеалогическом древе, рассадке гостей за столом с учетом родоплеменной принадлежности. Надо признать, что в современном обществе сословная иерархия вполне заменена имущественным расслоением, своего рода мерцающими анахронизмами, существуют представления о социальном достоинстве и иерархии, а двойственность представлений в условиях бессословности, но с сохранением представлений о социальном престиже делает открытым повышение такого достоинства для всех, самоутверждения и получения искомого уважения со стороны общества. Надо учитывать и фактор успешности в первую очередь мужчин как глав семей. Одно из объяснений чрезмерных свадебных затрат звучит так: «Для каких-то мужчин это важно, они хотят показать через женщин, что они могут, они же обеспечивают»¹.

Моральная норма, признанная обществом, не всегда однозначна, как в ситуации ритуальных расходов. Мы видим, что ей присуща некоторая шкала возможных расходов, делениям которой соответствуют различные группы, объединенные размерами доходов. В исследованиях С.П. Полякова как раз разоблачалась теневая советская экономика, сейчас в условиях рыночной экономики возможность приобрести для трат необходимую сумму для большинства предоставляют кредиты, ставшие во многом нормой; в обоих случаях общество не порицало источник поступления денег. Под прицел общественной

¹ ПМА, Узбекистан, г. Самарканд, 2021, интервью с Нушей Вафаевой.

критики попадало не то, откуда брались деньги на проведение ритуала, а несоответствие затрат положению индивида или семьи, их чрезмерность.

Однако запрос на решение проблемы высоких затрат на проведение семейных торжеств и обрядов у населения все-таки есть. Под одним из новостных сообщений об утверждении нового порядка проведения свадебных торжеств и прочих семейных мероприятий расположены следующие комментарии (орфография и пунктуация авторов сохранены): «Никого такими ограничения не остановить. Как устраивали показушные свадьбы, так и дальше будут. Просто членов махалли позовут ещё. Надо уровень жизни поднимать, а не людские деньги подсчитывать»¹, «Побывайте на узбекской свадьбе, сразу поймете, не зря приняли закон. Большинство людей понимают, что не к чему так много тратить, можно в два, в пять раз дешевле уложиться. Но, человек не жениться сам на себя. Другая сторона всегда хочет и ожидает большего. Вот теперь законом это ограничивают. Это не запрет, это шанс провести нормальную свадьбу и нормально пожить»², «Это как минимум антиконституционно! Заработал, заплатил налоги, трать себе вдоволь!!! Почему меня должны ограничивать и указывать, сколько тратить и кого звать?...»³, «А я считаю, что из хороших побуждений делается. Очень много показухи, берут кредиты, едут на заработки, а потом всю жизнь отдают долги...»⁴, «...Парламентариям надо начинать с воспитания самих себя и не проявлять пренебрежительное отношение к социальному положению других людей...»⁵. Уязвимыми становятся малоимущие семьи и большинство населения сельской местности: «больше кишлачные рады» – распространенная оценка введения ограничительных законов.

Хотелось бы отметить важнейшее положительное значение решения этого вопроса в правовой плоскости силами государства, то есть сверху. Подобные ограничения и запреты на численность гостей не только облегчают жизнь малоимущих слоев населения, но и узаконивают, оправдывают в глазах общества скромные расходы, позволяя сохранять достоинство в глазах членов общества.

Немаловажную роль играют «религиозные свадьбы» – кооперация усилий государства и муфтията, позиция мусульманского духовенства также способствует сокращению трат, предотвращая осуждение семей как «скупых».

На реализацию сократительных законов влияет соотношение статусов и соответствующего им проведения ритуалов «по достоинству». Гораздо легче внедрять эти ограничения среди малообеспеченных групп, даже, наоборот,

¹ Комментарий пользователя Инга Ли [Электронный ресурс]: Обсуждение под новостной публикацией на сайте Газета.uz. Дата обновления: 14.09.2019. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/09/14/events/> (дата обращения 20.05.2022)

² Комментарий пользователя Anvar M [Электронный ресурс]: Там же. Дата обновления: 15.09.2019. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/09/14/events/> (дата обращения 20.05.2022).

³ Комментарий пользователя Cash Tayler [Электронный ресурс]: Там же. Дата обновления: 15.09.2019. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/09/14/events/> (дата обращения 20.05.2022).

⁴ Комментарий пользователя Оксана Щелкова [Электронный ресурс]: Там же. Дата обновления: 25.10.2019. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/09/14/events/> (дата обращения 20.05.2022).

⁵ Комментарий пользователя Елена Сергеевна [Электронный ресурс]: Там же. Дата обновления: 15.09.2019. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/09/14/events/> (дата обращения 20.05.2022).

закон легализует для общественной морали скромность свадеб. Вместе с тем, закон не будет работать в группах высокого социального статуса. В Таджикистане для контроля за ситуацией созданы специальные комиссии-танзимы, но и их контроль преодолевается. Свадьба разбивается на ряд этапов, часть которых переносится из общественного пространства в домашнее, в первую очередь для людей пожилого возраста. Мало кто хочет быть председателем танзима по разным причинам, но также и потому, что не всякому можно указать на закон и воспрепятствовать в приглашении 200–300 гостей. В Узбекистане такую контролирующую роль играют махаллинские комитеты, имамы. Как мне пояснил один бывший на должности имама религиозный человек: «Закон для всех должен быть один. Я мог сказать богатому или начальнику, когда был в статусе имама»¹. Далеко не всякий член махалли, даже председатель махаллинского комитета может даже не запретить, а рекомендовать ограничения, будучи менее богатым или занимая должность ниже, чем организатор свадьбы. Не случайно государство активно ведёт пропаганду в этом ключе, в многочисленных фильмах конструируя роль народа, махалли и её председателя, которые противостоят людям капитала или государственного положения (мне как раз удалось побывать на премьере подобного фильма 14 октября 2021 г. в Ташкенте «Свадьба за один день» режиссера Шахрута Расулова; такой же направленности фильм 2021 г. Али Хамраева «Аромат дыни в Самарканде»). Но подобное поведение представляет собой более пропагандистский идеал нежели реальный габитус.

Также закон не работает среди тех, кто выиграл грин-карту и стал гражданином США или России, то есть не является гражданином Узбекистана. Для этой группы проведение свадьбы на родине позволяет не экономить, сократить расходы, а именно преувеличить с целью приобретения социального капитала в виде уважения и достоинства, причём неважно, реального или мнимого через систему подарков и отдарков. Нигора Гаппарова критически относится к формализации взаимного уважения: «Самая главная ценность – уважение к человеку. И быть значимым. У нас унижают, а не сжигают дом. Не поздороваться, прийти пустым на свадьбу – это унижить. Показать, как я уважаю и как меня уважают – ритуал. Это же легко подарить подарок, как будто уважаю, а не внутреннее уважение»².

В случае с похоронными ритуалами как раз реальное уважение к усопшему приводит к нарушению запретов, причём не только законодательных по ритуалам, но и запретам в условиях ковидной пандемии последних двух лет. Таких случаев множество. У моей самаркандской подруги от ковида умер брат, но ограничения не повлияли на число пришедших: «Столько народу было! А ещё говорят ковид, люди боятся. Всё зависит, человека если уважают. И домком не смог сказать ”закрывайте поминки”»,

¹ ПМА Узбекистан, Кашкадарьинский вилайет, к. Гилан, Абдурасул 1971 г.р. 2021 г.

² ПМА Узбекистан, г. Ташкент, 2021 г. Нигора Гаппарова 1961 г.р.

махаллинский комитет»¹. Это универсально для всего региона – в каждом интервью из Таджикистана, Узбекистана или Казахстана проводится одна мысль, как у рассказчицы из Семипалатинска (Семей): «Все провели. Все прячутся, тыгылып (от *каз.* тыгылу – прятаться), но проводят. Там отменить это нельзя, невозможно. Более того, я сейчас живу в Алматы, часть родни здесь, и здесь на 120 человек опять же мы заказываем и будем здесь проводить, такой же поминальный обед давать»². Когда в ноябре 2020 г. умер историк Уахит Хамзенович Шалекенов огромное количество людей, невзирая на запреты, пришло проститься с покойным, единственное, поминальный обед провели только для членов семьи, а это более 40 человек³.

В заключении хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что финансовое поведение людей при проведении ритуалов определяется культурно-специфическими и ценностно-ориентированными практиками [8; 9; 10], признанных на социальном уровне [2, с. 8]. Признанные обществом моральные нормы нередко формируются и существуют неформально, сохраняя инерцию прежних социальных иерархий, политических режимов, саботируя противоречащие им конструкции, вводимые под давлением государства. Вместе с тем, обычай представляет собой динамичное поле, нормы гибко изменяются в новых экономических и социальных условиях, но не имеют того форсированного темпа, который ожидает государство. С другой стороны, подобные законы предлагают правовую опору для тех, кто готов действовать более прагматично, отказаться от норм, навязанных большинством. В этом смысле союз с религиозными организациями, главное предназначение которых давать ответы верующим о нравственных, мировоззренческих и нередко нерациональных понятиях, усиливает эффект по достижению задач, определяемых законами о сокращении расходов.

Список литературы

1. *Абашин С.Н.* Вопреки "здравому смыслу"? (К вопросу о "рациональности/иррациональности" ритуальных расходов в Средней Азии) // Вестник Евразии. – М., 1999. №1–2 (6–7) С. 87–107.
2. *Гофман А.Б.* Традиция, солидарность и социологическая теория. Избранные тексты. – М., 2015. – 496 с.
3. «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Сб. статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 520 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).

¹ ПМА, Узбекистан, г. Самарканд 2021 г. Хотелось бы отметить любопытное поведение на поминках в условиях ковида. Женщины, кроме глубоко пожилых, могут пропустить поминки, но мужчины ходят, так как «они не обнимаются, не целуются, как женщины» и «все равно каждый день видятся на улице, вопросы решают».

² ПМА Казахстан, г. Семей (Семипалатинск), 2021 г.

³ ПМА Казахстан, г. Алматы, 2021 г.

4. *Каримов И.А.* Узбекистан: собственная модель перехода на рыночные отношения. – Ташкент, 1993. – 116 с.
5. *Ларина Е.И.* Ритуалы, достоинство и уважение в центральноазиатском обществе // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2022. – № 1. – С. 145–165.
6. *Калачев Б.Ф., Поляков С.П.* Бытовой ислам // Молодой коммунист – 1989. – №2. – С. 29-35.
7. *Рахматуллаев Ш.* Узбекистан: особенности социально-демографических процессов в конце XX – начале XXI в // Россия и мусульманский мир. – 2009. – №8. – С. 90–99.
8. *Ссорин-Чайков Н.В.* (сост.) Топография счастья: этнографические карты модерна. – М.: НЛЮ, 2013.
9. *Ссорин-Чайков Н.В.* «Купы и инородцы» сто лет спустя: введение // Этнографическое обозрение. – 2017. – №1. – С. 30–42.
10. *Appadurai A.* The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Summary

Larina E.I. Ritual Practices, "Restrictive Laws" in Uzbekistan and Tajikistan, and People's Financial Behavior

The article explores the role of practices of Central Asia states in relation to financially costly rituals recognized by society as culturally valuable, "traditional" and massive in the involvement of the population within the framework of economic anthropology. Such rituals are based on traditional social institutions (community, clan). Excessive spending in an acute shortage of money in families leads to a credit crunch in the population. The topic of spending cuts has moved out of the family and clan space into the national space, and in Tajikistan and Uzbekistan for a number of years relevant laws have been issued, the implementation of which cannot be called successful or effective. The article analyzes the reasons for formalizing the laws and at the same time their positive effect.

Keywords: Central Asian, mahalla, rites, rituals, cost reduction, family celebrations.

СПЕЦИФИКА ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: К ТЕОРИИ ВОПРОСА

Оразбаева А.И.

*Доктор исторических наук, профессор
Казахстанский филиал МГУ имени М.В.Ломоносова
г. Астана, Казахстан
altaiyorazbayeva@gmail.com*

Аннотация. Продиктованные пограничным характером пространственно-географических, культурно-цивилизационных измерений Казахстана внутренние различия в политических, социальных, культурных, религиозных, ментальных, региональных ориентациях и воззрениях культурно-идеологической элиты обусловили изначальную особенность формирования национальной интеллигенции в Казахстане на евразийской основе. Институт казахской интеллигенции, равно природу института интеллигенции в целом, следует рассматривать в качестве естественной рефлексии и реакции на формирование нового социокультурного пространства и миропорядка, спровоцированные трансформационными процессами глобальной истории начала XX века.

Ключевые слова: интеллигентоведение, институт интеллигенции, национальная интеллигенция, «оқығандар», «зиялы қауым».

Проблема национальной интеллигенции относится к числу ключевых и трендовых исследовательских стратегий в современной казахстанской эпистемологии. Так, только за годы независимости в направлении данной парадигмы успели сформироваться солидные научные школы, издано внушительное количество фундаментальных трудов, проведены различные разработки и проекты, посвященные изучению историко-культурного наследия «Алашской» интеллигенции.

Думается, наблюдаемое «пристрастие» к столь «чувствительной» теме для казахстанского общества обусловлено воздействием как внешних триггеров идеологического свойства, связанных с процессами глобализации, глокализации, так и реальным укреплением национального самосознания, ростом самоидентичности нового поколения исследователей. Кроме того, нельзя обойти вниманием и тот факт, что в настоящее время отдельные атрибуты института интеллигенции начинают присутствовать в жизни общества все больше в форме нравственных императивов и артефактов, постепенно приобретая виртуальный статус. И как это обычно бывает об истинной ценности привычной «данности» мы начинаем задумываться лишь после ее утраты: «В современных условиях интеллигенция все в большей степени превращается в чисто условную группу, границы которой определяются, прежде всего, ее рефлексивностью. Поскольку по формальным признакам в структуре общества эту группу зачастую выявить невозможно, то на первый план выходит самосознание интеллигенции, а именно ее

самовосприятие, саморефлексия и самоидентификация» [1]. Вместе с тем заслуживают внимания интересные рассуждения отдельных ученых о том, что процесс «вхождения интеллигенции в рынок» обусловил модификацию новой социальной категории, тождественной западным интеллектуалам.

По сей день в интеллигентоведении продолжается дискурс касательно биографии и семантики слова «интеллигенция» [2], а также кто и когда впервые ввел это понятие в русский литературный язык в более наполненном содержании, применительно к определенной социальной группе людей: русский романист П.Д. Боборыкин в 60-х гг. XIX в., либо оно использовалось в лексиконе лиц «пушкинского круга» [3] еще на четверть века раньше?! И, конечно же, непосредственно взаимосвязанные, особенно с последней хронологической гипотезой, теоретические проблемы генезиса и эволюции, миссии, функции, маркеров типологии, классификации, специфики менталитета, а также ряд вопросов о соотношении понятий интеллигенция и власть, интеллигенция и народ, интеллигенция и религия, интеллигенция и революция и др.

Действительно, чем больше углубляешься в проблему интеллигенции, тем больше возникает вопросов: почему интеллигенция признана брендом истории России; каково соотношение западного интеллектуала и русской интеллигенции; в чем кроются истинные причины возникновения данного социокультурного феномена; отражение идей Просвещения и последовавшего за ним всемирного «парада» буржуазных революций в генезисе института интеллигенции в целом; и, наконец, какова степень взаимосвязи данных исторических процессов и сила их воздействия на формирование казахской интеллигенции? В чем же все-таки заключается существенное отличие «казак зиялысы» (казахской интеллигенции) от известных моделей западного интеллектуала и русского интеллигента и т.д. К слову, вопреки бытующему мнению о «типично русской специфике» института интеллигенции, профессор Неаполитанского университета Б. Успенский утверждает: «нет никакого сомнения в том, что русская интеллигенция и западный интеллектуализм имеют общие корни: они восходят к одному и тому же источнику, и русская интеллигенция возникает в процессе трансплантации западной культуры. Тем не менее, я попытаюсь показать, в России создается нечто существенно отличное от того, что имеет место на Западе» [4, с. 11].

Применительно к представителям казахской интеллигенции в отечественной историографии используется два основных понятия, такие как «оқығандар» и «зиялылар». Первое из которых, на наш взгляд, по смысловой нагрузке скорее близко к дефиниции «интеллектуал», поскольку подчеркивает личностно-ментальные качества отдельных лиц, нежели понятие «зиялы», более идентичное с понятием «интеллигенция», используемое чаще всего относительно к группе людей, к «зиялы қауым», тем, кто занят не только собственным творчеством, а прежде всего жизнью общества.

Надо сказать (в зависимости от предмета исследований), если одна часть исследователей в определении маркеров национальной интеллигенции

акцентирует внимание на обретаемых в социуме харизматических чертах определенной личности: образованности, воспитанности, просвещенности, приверженности к идее, то для других типичными признаками данной категории лиц выступают прежде всего естественно-природные, духовно-нравственные человеческие характеристики, такие как: благородство, учтивость, благоразумье, терпимость и т.д.

Безусловно, учитывая чужеродность классической типологии института «интеллигенции» и обусловленность сложения ее национальной формы в казахском обществе не без воздействия «внешних факторов», расхождения в оценках экспертов всегда будут иметь место, впрочем, как их сходство в общем знаменателе – неизменной константе рассматриваемого социокультурного феномена – отношении интеллигенции к культурно-идеологической элите. Так, трудно было бы себе представить обособленного от авторитетной в определенном социуме группы лиц, ничем неприметного, безразличного к творческой деятельности человека в качестве интеллигента. При том, парадоксально и то, что поистине интеллигентный человек, чье кредо – высокая мораль и общечеловеческие ценности, безотносительно к его национальным, конфессиональным, гендерным признакам принадлежности, будет уважаем и признан «своим» в любом обществе: «Интеллигенция всегда несет для нас, для нашего общества, как это было и в прошлом веке, две главные функции. Первая – этическая: она является носителем кодекса нравственных ценностей (чести, совести и т.д.). И вторая составляющая ее миссии – привносить в общество новации, чтобы общество развивалось. Интеллигенция всегда противостоит косности, консерватизму, инерции. Она является катализатором прогрессивных изменений в социуме. То есть, что совершенно правомерно, с одной стороны, это идеи развития, с другой – постулаты нравственности» [5].

Соотношение обозначаемых дефиниций, всевозможные контексты их интерпретации и имплементации в зависимости от пространственно-временных измерений и реалий – аспекты столь многогранной и многозначной проблемы, требующие отдельного, серьезного изучения. К примеру, одно лишь понятие «интеллигенция» насчитывает на сегодня более 300 определений [2, с. 36], среди которых наиболее емким по содержанию и пришедшимся нам по «вкусу» является определение, данное в начале XX века Р.В. Ивановым-Разумниковым: «интеллигенция есть этически-антимещанская, социологически-внесловная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности [6, с. 80].

Как демонстрирует сравнительный анализ исторических аналогов изучаемого объекта, сложение института интеллигенции происходит главным образом за счет познания и освоения его представителями иной (как правило западной) культуры и постепенной трансплантации чужеродных культурно-этических идеалов в лоно собственного социокультурного пространства. Далее, как нам представляется, чисто теоретически, в результате адаптации

импортируемых культурных ориентиров в новую среду происходит процесс мутации, который и способствует образованию некой локальной модели, т.е. ее национальной формы. Даже при кажущейся, на первый взгляд, однозначности оценок самобытности института «русской интеллигенции», встречается расхожее мнение о том, что: «По-настоящему как широкое общественное течение интеллигенция рождается с Петром I... XVIII в. раскрывает нам загадку происхождения интеллигенции в России. Это импорт западной литературы в стране, лишенной культуры мысли, но изголодавшейся по ней» [7, с. 418].

Тогда как, применительно к обсуждаемому кейсу, осознавая вторичность генезиса, привнесенность в казахское общество классических формообразующих элементов данного института извне, о чем, собственно, свидетельствуют высказывания А. Букейханова: «Мы – западники. В своем стремлении приобщить народ к культуре мы не смотрим на восток, в Монголию, мы знаем, что там культуры нет. Наши взгляды устремлены на запад. Получить культуру мы можем оттуда, через Россию, при посредстве русских» [8, с. 139] и еще ранее слова назидания великого Абая: «Изучение русского языка, учеба в русских школах, овладение русской наукой помогут нам перенять все лучшие качества этого народа, ибо он раньше других разгадал тайны природы... Знание чужого языка и культуры делает человека равноправным с этим народом» [9 с. 46], сложно однозначно определиться: к Западу либо Востоку восходят корни казахской национальной интеллигенции. Ведь лишь одно отсутствие на Востоке дефиниции «intelligentsia» (в транскрипции русского слова) еще не является основанием исключения этой возможности в целом.

Бесспорно, неумолимы роль и значение «русского фактора» в формировании национальной формы интеллигенции в Казахстане, амбивалентно выступавшего как в качестве «благородной почвы» (влияние русской культуры, творческой интеллигенции, образовательных учреждений, общественной мысли, революционных идей на казахских просветителей, ученых, писателей), так и «разрушительной силы» (примеры «политической хирургии» царской администрации и советской власти: реформы по трансформации традиционного общества, политические репрессии против национальной интеллигенции). Однако ошибочно было бы не признавать присутствие здесь и первичных, не менее значимых культурно-религиозных традиций Востока. Невозможно переоценить влияние наследия восточных мудрецов, ученого мира, мектебов и медресе на степную аристократию, представителей самобытных социополитических институтов-традиций: казахских биев, акынов-жырау, сал-сері, чья историческая миссия заключалась в сохранении, обогащении, а главное передаче традиционных культурных ценностей будущему поколению казахов.

Генетическая взаимосвязь и взаимообусловленность, историческая преемственность между слитыми воедино идеями единства, свободы, сплоченности казахского общества, традиционной-степной, интеллектуально-

просветительской, культурно-идеологической поколениями национальной элиты очевидны. В этой связи, хотелось бы поделиться следующим оригинальным заключением нового поколения казахстанской страты интеллектуалов: «...При исследовании кочевой цивилизации и традиционной культуры казахского народа можно выделить специфический общественный слой, выполнявший ту же социальную роль, которую в западной традиции отводят интеллигенции, образованному сословию, интеллектуальному классу и т.д. Основными исполнителями духовно- идеологических, социорегулятивных и художественно-творческих функций образованного сословия можно считать такие подразделения «степной интеллигенции», как, соответственно: 1) сайиды и ходжи, 2) бии, 3) баксы, кюйши, жырау» [10, с. 18]

О восточных истоках национальной интеллигенции свидетельствует также и этимология понятия «зиялы» (от арабского слова «**ضياء**» – праведный), используемого у казахов по отношению к интеллигенции, восходит к канонам ислама и означает наделенность его носителей особым божественным светом и дарованиями. Тогда как, к примеру, русская интеллигенция, по мнению знатоков, отличалась атеистичностью в религиозной императорской России, и наоборот, религиозностью в советское время. Не религия, а скорее «... Духовность» ...отличает русскую интеллигенцию от западного интеллектуализма» [6, с. 16]. В то время как казахской среде зачастую чужды политизация религии, противостояние светской власти и религиозной элиты, нетерпимость к иноверцам, религиозный фанатизм или ценности теократического государства. История и современность религиозной толерантности Казахстана тому яркий пример.

Как известно, до периода вступления Казахстана в политико-правовое поле Российской империи, мусульманские мектебы и медресе оставались единственными звеньями системы образования и воспитания детей коренной национальности. Только в 1874 г. мусульманские школы Казахстана были подчинены Министерству народного просвещения, и лишь с 1876 г. в них вводятся русские классы [11, с. 5]. Так, большой популярностью среди казахов пользовались крупнейшие медресе того времени: «Галия» в Уфе, «Хусаиния» в Оренбурге, «Расулия» в Троицке, медресе города Уральска, где получили образование многие представители национальной интеллигенции, такие как Т. Жомартбаев, М. Сералин, Б. Майлин, М. Жумабаев и др.. Шакирдов-казахов в медресе «Галия» начали выпускать с 1915 г. В медресе «Хусаиния», к примеру, которое было основано татарским купцом первой гильдии Хусаиновым, обучались Х. Жубанов, М. Джалиль, Ж.Телябергенов и др. К слову, именно шакирды-казахи из медресе «Хусаиния» при участии некоторых преподавателей основали «Общество по изучению казахского языка», целью которого было издание памятников казахской литературы, составление учебников для мектебов, книг на казахском языке, содействие изданиям будущих газет на казахском языке [12, с. 273].

Касательно же образовательных учреждений, в числе первых ретранслировавших русскую культуру и русский язык в Степи для детей

иногородцев, следует назвать Оренбургское Неплюевское военное училище (1825 г.), переименованное затем в Оренбургский кадетский корпус. Из его воспитанников (М.-С. Бабаджанов, С. Джанторин, братья Сейдалины, Ш. Уалиханов и др.) впоследствии были сформированы первые казахские служащие Российской империи, заложившие крепкий фундамент будущей армии национальной интеллигенции.

Кроме того, гимназии и семинарии Оренбурга, Омска, Троицка, университеты и академии Казани, Саратова, Томска, Санкт-Петербурга стали «альма-матер» для многих казахских детей и молодежи того времени. Так, по подсчетам специалистов, общее количество казахских студентов до 1917 года составляло 63 человека: «Поставленные на грань выбора дальнейшего совершенства, т.е. принятия или отрицания доминирующих форм имперской государственности, клановые вожди находились перед дилеммой восприятия и сочетания восточной и европейско-русской цивилизации» [13, с. 59]. На юриста в Казанском университете учился А. Беремжанов, на медиков – А. Альдияров и М. Чумбалов, на математика – А. Нурмухамедов; в Санкт-Петербургской медицинской академии учился Н. Ипмагамбетов; в Петербургском лесном институте – А. Букейханов; на юридическом факультете Московского университета – С. Аппасов и С. Нурлыханов; на юридическом факультете Петербургского университета – Ж. Акпаев, Б. Каратаев, С. Аманжолов, М. Чокаев; в Петербургском институте железнодорожного транспорта имени императора Александра I – М. Тынышпаев; в Томском технологическом – А. Ермеков и т. д.

Как видим, продиктованные пограничным характером пространственно-географических, культурно-цивилизационных измерений Казахстана, внутренние различия в политических, социальных, культурных, религиозных, ментальных, локальных ориентациях и воззрениях культурно-идеологической элиты обусловили изначальную особенность формирования национальной интеллигенции в Казахстане на евразийской основе: «с одной стороны, интеллигенция, воспитанная на русской литературе, верующая в европейскую культуру, видящая счастье родины в здоровом претворении плодов западной культуры и считавшая религиозные вопросы второстепенными... С другой стороны, выступала и интеллигенция, воспитанная в духе восточной ортодоксии и национально-религиозной исключительности. Эта последняя выдвигала религию на первый план; в мусульманской схоластике она видела и продолжает видеть науку, которой никто и никогда не превзойдет; ... Если провести некоторую аналогию с русской интеллигенцией, то первую группу киргизской интеллигенции можно было бы назвать западниками, а вторую – тюркофилами и поборниками панисламизма» [8, с.53-54].

Справедливости ради необходимо упомянуть здесь и о деятельности, пусть не разделявших политические взгляды ни первых, ни последних, но представителей альтернативного направления, относящих себя к мусульманской интеллигенции, социал-демократов: С. Сейфуллина, Т. Рыскулова, А. Джангильдина, Т. Бокина, К. Тогусова, М. Айтпенова и др.,

кто также яростно отстаивал свои идеи, боролся за светлое будущее Казахстана и работал над формированием национального самосознания.

Собственно, отсюда и заметный в коде поведения казахской интеллигенции симбиоз консерватизма с либерал-демократизмом, национализма с интернационализмом, казахофильства и пантюркизма с русофобией и пр.: «В основу типологии всей современной казахской интеллигенции могут, по нашему мнению, быть положены два критерия: уровень цивилизационного (урбанистического западно-индивидуалистического) развития и отношение к иноэтничному, особенно русскому этносу. По отношению к цивилизационно-исторической вертикали казахская интеллигенция, впрочем, как и весь народ, исторически были разделены на городских и сельских интеллигентов» [14].

Следующим, не менее примечательным аспектом специфики института интеллигенции, выступает проблема взаимодействия национальной интеллигенции с властью. Например, выделяя в числе фундаментальных признаков русской интеллигенции ее принципиальную оппозиционность к надстроечным властным структурам в социуме, исследователи пишут: «Русская интеллигенция – всегда оппозиционна, это та группа общества, которая в принципе, по самой своей природе, не может быть привлечена к участию в государственной деятельности, не может быть вовлечена в бюрократическую машину; строго говоря, интеллигент не может принадлежать к бюрократической администрации, он не может управлять, администрировать» [6, с. 13]. В то время как относительно казахской интеллигенции мы можем наблюдать несколько иное, более лояльное, деликатное отношение к власти, исходящее, на наш взгляд, опять же из архетипов восприятия власти в традиционном казахском обществе, ассоциирующееся, прежде всего с сакральностью, справедливостью и законностью [15, с. 248]. Необходимо признать, в лице национальной интеллигенции истеблишмент привычно видел миротворца, старательно искал с ней компромисс, заручался ее поддержкой, равно как и обратная сторона проявляла некую снисходительность к действующей власти. Еще представители института биев, обладавшие колоссальным влиянием в казахском социуме, выполняли своего рода медиативную роль между простым народом и носителями политической власти, служа средством согласования интересов властных структур, родоплеменной верхушки и различных слоев населения.

Так, по сравнению с русской интеллигенцией – «своего рода как культурная элита, по существу своему не может принадлежать к социальной элите: соответственно, интеллигент не может быть богатым, он не может обладать властью, он не должен быть администратором» [6, с.13], разнородная по социальным, религиозным, идеологическим основам казахская интеллигенция была по своей природе более приближена к политической элите: «Социальная среда формирования интеллигенции нового типа была необычайно широка. Среди «оқығандар» и «зиялылар» находились вчерашние бедняки (О. Жандосов, Ж. Аймауытов, М. Дулатов), дети среднего слоя (С.

Мендешев, А. Байтурсынов), потомки степной аристократии (М. Шокай, Н. Тюрякулов, Ш. Кудайбердиев), интеллигенция во втором поколении (С. Асфендиаров, А. Биримжанов, Б. Каратаев) и др. [16]. Все же, несмотря на принципиальные идейно-политические расхождения, представители национальной элиты во благо служения народу, во имя претворения в жизнь своих целей порой сознательно шли на переговоры с официальными органами власти как при царской администрации, Временном Правительстве, так и при советской власти, занимая различные посты в бюрократическом аппарате.

Таким образом, институт казахской интеллигенции, равно природу института интеллигенции в целом, следует рассматривать в качестве естественной рефлексии и реакции на формирование нового социокультурного пространства и миропорядка, спровоцированные трансформационными процессами глобальной истории начала XX века.

Список литературы

1. *Попов Д.М.* Проблема самосознания современной российской интеллигенции. Траектории трансформации. – М., 2006. – [Электронный ресурс]. URL: https://iri.hse.ru/data/009/035/1239/avtoref_Popov.pdf (дата обращения 27.04.2023.)
2. *Данилов А.Г.* Российская интеллигенция: понятие и теоретические проблемы формирования // *Общественные науки.* – 2004. – №4. – С.36-40.
3. *Шмидт С.О.* «Интеллигенция» – слов пушкинского окружения – [Электронный ресурс]. URL: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=article&section=8&id=21> (дата обращения 29.04.2023.)
4. *Иванов-Разумников Р.В.* Что такое интеллигенция / *Интеллигенция. Власть. Народ: Антология.* – М., 1993. – 341 с.
5. *Интеллигенция Казахстана: носитель совести, разум и недоразумения* // *Закон,* 6 декабря 2013 года. – [Электронный ресурс]. <https://www.zakon.kz/4590209-intelligencija-kazakhstanana-nositel.html> (дата обращения 05.02.2019).
6. *Успенский Б.* Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры. – [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspen/01.php (дата обращения 29.04.2023.)
7. *Федотов Г.П.* Трагедия интеллигенции / *О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья.* Т.1. – М., 1994.
8. *Букейханов А.* Киргизы / *Костелянский А.И.* Формы национальных движений в современных государствах. – Санкт-Петербург-Петроград, 1910. – 466 с.
9. *Абай.* Двадцать пятое слово / Пер. с казахского С. Санбаева. – Алма-Ата, 1970. – 127 с.

10. Новая миссия казахстанской интеллигенции / Сборник статей, интервью, выступления казахстанской интеллигенции. – Алматы: Институт философии, политологии, религиоведения КН МОН РК, 2015. – 229 с.
11. *Нурпеисов К.Н.* Алаш и Алаш-Орда. – Алматы, 1995.
12. *Валиханов Э.Ж., Кривков А.Л., Хабиджанова Г.Б.* Русская демократическая интеллигенция в Казахстане (Вторая половина XIX – начало XX вв.). – М., 2003. – 288 с.
13. *Айтмухамбетов А.А.* Казахские служащие Российской империи: формирование и общественно-политическая деятельность в XIX – начале XX вв. Диссертация на соискание степени доктора истор. наук. – Семей 2010. – [Электронный ресурс]. URL: e-history.kz/media/upload/54/2013/08/28/8d5786bbe00a823924c7a0e651852d92.pdf
14. *Жумашиев Р.* Историографические аспекты изучения интеллигенции советского Казахстана. – [Электронный ресурс]. URL: <https://articlekz.com/article/5391> (дата обращения 29.04.2023.)
15. *Оразбаева А.И.* Формула государственности казахов. – М.: Press-Book, 2017. – 376 с.
16. *Абжанов Х.* Казахская национальная интеллигенция начала XX века: формирование, позиция, миссия. – [Электронный ресурс]. URL: <https://iie.kz/?p=796> (дата обращения 29.04.2023).

Summary

Orazbayeva A.I. The specifics of the national intelligence institute: to the issue of theory

Dictated by the borderline nature of geographical, cultural and civilizational dimensions of Kazakhstan, internal diversity in political, social, cultural, religious, mental and regional orientations and views of the cultural and ideological elite, determined the initial feature of the formation of the Kazakh national intelligence on the Eurasian basis. The institute of the Kazakh intelligence, equal to the natural institute of the intelligence as a whole, should be considered as a natural reaction and auto-reflection to the formation of a new sociocultural space and world order, provoked by the transformational processes of global history of the beginning of the 20th century.

Keywords: intelligence institute, national intelligence, «educated».

КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ И ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ КРАЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.

Родионов Ю.П.

*Кандидат исторических наук, доцент
Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского
г. Омск, Россия
rup.omsk@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются два события (начала первой революции и периода ее окончания), в которых непосредственное участие приняло руководство Степного края в лице генерал-губернаторов Н.Н. Сухотина и И.П. Надарова, соответственно. Показана заинтересованность Н.Н. Сухотина в учете интересов степных областей при подготовке законодательных актов, связанных с учреждением в России совещательной Государственной думы в 1905 г. На примере частного совещания «О нуждах киргизов Степного края», созванного преемником Н.Н. Сухотина И.П. Надаровым весной 1907 г., раскрыта позиция начальника края, выступавшего за достижение политического компромисса между сторонниками центробежных тенденций определенной части коренного населения региона и центростремительными силами империи, активной частью которых являлась генерал-губернаторская власть. Делается вывод об адекватном и серьезном реагировании обоих генерал-губернаторов на изменения, происходившие в годы революции в стране в целом и в Степном крае в том числе.

Ключевые слова: Степной край, генерал-губернатор, киргизы (казахи), Государственная дума.

Начавшаяся в январе 1905 г. революция в России усилила общественные ожидания. Вместе с тем она вывела из перманентного состояния невовлеченности в общероссийские процессы многих представителей бюрократической элиты. Особенно это относится к региональной власти.

Как известно, 18 февраля 1905 г. Николай II подписал рескрипт на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина, основной идеей которого было намерение императора привлечь народных представителей к разработке и обсуждению законопроектов. К лету был подготовлен проект «Общих правил о выборах» в законосовещательную Государственную думу. В июне начальники сибирских губерний и областей получили из МВД предписание сообщить, «в какой мере общие правила применимы к Сибири». Письмо с официальным распоряжением за подписью министра было получено и в канцелярии степного генерал-губернатора Н.Н. Сухотина. Немногим более месяца потребовалось Сухотину на изучение правительственного документа и подготовку собственных предложений. 15 июля 1905 г. мнение генерал-губернатора Степного края, одновременно являвшегося командующим войсками военного округа и наказным атаманом Сибирского казачьего войска, было оформлено соответствующим образом и отправлено в столицу (печатный

экземпляр отзыва сохранился в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге – далее РНБ, ОР).

Что предлагал Н.Н. Сухотин составителям избирательного закона по выборам в Государственную думу? Прежде всего, он указал на специфику состава потенциальных избирателей в крае: отсутствие основы для землевладельческой курии, преобладание в Акмолинской и Семипалатинской областях инородческого населения (казахов, или киргизов, как их тогда называли). В выборах, заметил генерал-губернатор, сможет участвовать сельское и городское население, «причем последнее в общем очень бедно, почему необходимо ожидать, что состав городских избирательных съездов, в случае их образования, будет крайне малочисленным» [1, л. 1]. Сельское население, продолжал Н.Н. Сухотин, состоит главным образом из полукочевых киргизов и «оседлого элемента», преимущественно казаков Сибирского казачьего войска и переселенцев из Европейской России. Глава военной и гражданской администрации Степного края выступал убежденным сторонником уравнивания прав казахов с русскими. Это выразилось в его рекомендациях предоставить киргизам двух степных областей, Акмолинской и Семипалатинской, численностью 1 млн 52 тыс. чел. из менее чем 1,5 млн населения, проживавшего в названных областях, возможность иметь своих представителей (или представителя) в Государственной думе. Киргизы, доказывал высокопоставленный чиновник, «хотя не отбывают воинской повинности и мало усвоили себе начала русской государственности, но исправно несут налоговое бремя по удовлетворению местных повинностей и вообще представляются настолько культурными, что предоставление им права участвовать в выборах и иметь особого представителя своих интересов в Государственной думе является делом не только справедливости, но и целесообразности» [1, л. 1].

По мнению Н.Н. Сухотина, Сибирское казачье войско как самостоятельная административно-хозяйственная единица должно образовать отдельный избирательный округ с особым представительством в Государственной думе.

Значительное место в отзыве степного генерал-губернатора на «булыгинский» проект избирательного закона отведено правам переселенцев. Переселенческие волости по численности населения были крайне неоднородными: от 500 до 5000 чел. Н.Н. Сухотин пришел к выводу, что в степных областях «надлежало бы отступить от общего правила, согласно которому всякая волость, независимо от ее численного состава, избирает в уездный съезд уполномоченных одно и то же их число и признает необходимым изменить это правило в том смысле, чтобы число уполномоченных от крестьянских волостей края определялось по расчету одного на каждые 300 мужских душ, числящихся в волости» [1, л. 1]. В то же время Сухотин согласен распространить общее правило на инородцев. Он не усматривает в этом дискриминации казахов: «...льгота для русских

переселенцев представляется вполне уместной ввиду необходимости упрочить их положение в крае» (Там же). Генерал-губернатор акцентировал внимание правительства на той категории переселенцев, в которую входили крестьяне, не приписанные к сельскому обществу. «Непричисленных, неустроенных и не уплачивающих земельного сбора» переселенцев очень много, замечает Н.Н. Сухотин, и такое положение просуществует долго. Поэтому необходимо «не лишать всех перечисленных разрядов крестьян права участвовать в выборах наравне с вполне водворенными уже и устроившимися переселенцами» [1, л. 2]. Развивая мысль, автор предлагает производить «разверстку выборщиков между съездами горожан и сельчан – если таковая будет иметь место – ...не в соответствии со сборами, действительно уплачиваемыми крестьянами, а в соответствии с теми суммами, которые должны будут уплачиваться ими после окончательного устройства и прекращения установленных ныне льгот по уплате сих сборов» [1, л. 2]. Таким образом, генерал-губернатор Степного края придерживался сбалансированного подхода: избирательное право должны были получить все категории оседлого населения, кто получал его по общероссийским законам, – как коренного, так и русского, как старожилов, так и переселенцы. Более того, он выступал за предоставление гарантированного места (или мест) в Государственной думе инородцам (казахам), казакам, русскому населению Акмолинской и Семипалатинской областей.

Особого рассмотрения заслуживают аргументы Н.Н. Сухотина в пользу включения Омска в список городов, наделявшихся правом прямых выборов в законосовещательное учреждение России (летом 1905 г. обсуждался проект создания «Булыгинской» Думы). Отмечалось, что город с численностью 60 тыс. чел. стал центром административной, хозяйственной и общественно-политической жизни огромного региона «и притягивает к себе промышленно-производительные силы не только из прочих частей Степного края, но даже из Уральского и Московского районов» [1, л. 2]. Н.Н. Сухотин высказал пожелание, чтобы Акмолинской области увеличили депутатскую квоту в Думе до двух человек.

В Министерстве внутренних дел внимательно ознакомились с мнением степного генерал-губернатора относительно местных особенностей, которые должны быть учтены при разработке правовых актов думской избирательной кампании. Это нашло отражение в так называемых «соображениях министра внутренних дел» [1, л. 6–10]. «Соображения» изложены осенью 1905 г. после Манифеста 17 октября и создания Совета министров, в котором должность руководителя МВД занял П.Н. Дурново. По его поручению и была составлена записка, рассматривавшая предложения генерал-губернатора Степного края. Некоторые сухотинские пожелания были положительно восприняты участниками Особого совещания МВД, одоббившего проект правил о выборах в Государственную думу от сибирских губерний и степных областей (порядок выборов в степных областях определялся Указом Правительствующему сенату

от 22 февраля 1906 г.). Например, министр подчеркнул, что переселенцы, не успевшие устроиться на новом месте и (или) не платившие по этой причине земельных налогов, не лишаются права участия в выборах. Не вызывала сомнений в министерстве необходимость выделения в отдельный избирательный округ Сибирского казачьего войска.

Сложнее было решить вопрос о предоставлении гарантированных депутатских мест избранникам от оседлого «нетуземного» населения областей Степного края (по одному для каждой области). Сомнение высших правительственных сфер обуславливалось немногочисленностью русского населения в степных областях (Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, особенно в трех последних). Решающим аргументом для положительного решения вопроса была признана динамика иммиграции, превышавшая естественный прирост коренного населения, а также то обстоятельство, что казаки не могут в полном объеме выражать интересы крестьян, не говоря уже об инородцах, враждебных, как считали в МВД, русской колонизации края. Названные обстоятельства склонили министра к следующему выводу: «Полагал бы необходимым отступить, по отношению к этим областям, от того расчета, по которому исчислялось обыкновенно количество членов Государственной думы от отдельных губерний» [1, л. 6].

С пониманием восприняли в Министерстве внутренних дел просьбу генерал-губернатора Н.Н. Сухотина о выделении Омска в самостоятельный округ с правом прямого представительства в Государственной думе. П.Н. Дурново заметил, что город Омск, «несмотря на незначительную сравнительно численность населения, ... по его важному значению вполне заслуживал бы самостоятельного представительства, непосредственный же представитель единственно культурного в крае русского населения был бы крайне полезен в качестве осведомленного лица при обсуждении вопросов, касающихся этой важной окраины нашего отечества» [1, л. 9-10]. Но, как говорится, поезд уже ушел. Список городов с тем правом, которого добивался Сухотин, был утвержден императором, и министр мог только посочувствовать омичам, что Омск не попал в их число.

Таким образом, генерал-губернатор Степного края Н.Н. Сухотин проявил себя летом 1905 г. не только как дисциплинированный чиновник, выполнивший указание сверху, но и как гражданин, стремившийся аккумулировать интересы различных слоев общества и отстаивать их в столичных коридорах власти легитимными методами, которые, конечно, не могли дать быстрого и абсолютного эффекта.

Другим показательным примером государственного подхода к решению накопившихся за многие десятилетия проблем, с обязательным учетом региональной специфики, можно считать организацию и проведение в Омске по инициативе генерал-губернатора Степного края совещания в мае 1907 г.

В 1905 г. представители казахского населения, проживавшего в Акмолинской и Семипалатинской областях Степного края, обратились с

ходатайствами к степному генерал-губернатору Н.Н. Сухотину об улучшении социально-экономического, культурного и религиозного положения «киргизов», как тогда называли казахов. Аналогичные прошения были направлены в Министерство внутренних дел. Ходатайства «степных инородцев» получил в наследство от своего предшественника И.П. Надаров, сменивший Н.Н. Сухотина в 1906 г. Генерал-губернатором Надаровым была реализована идея проведения под эгидой начальника Степного края совещания уполномоченных, избранных казахами, и высокопоставленных чиновников краевой администрации. 20 мая 1907 г. такое совещание состоялось. Основные решения этого однодневного совещания были опубликованы в 1908 г. По распоряжению И.П. Надарова.

Указание на частный характер совещания свидетельствовало о том, что его постановления не имели обязательной силы, а могли стать лишь материалом при разработке соответствующих законопроектов, вносившихся в Государственную думу, и правительственных распоряжений. На это обстоятельство, прежде всего, обратил внимание степной генерал-губернатор, открывая совещание. Состав участников оказался представительным: с казахской стороны – 12 уполномоченных, по 2 от каждого уезда Акмолинской и Семипалатинской областей, а со стороны властных структур – не менее 20 чиновников довольно высокого ранга, в том числе Акмолинский губернатор Лосевский, начальник штаба Омского военного округа Тихменев, прокурор окружного суда Фролов, директор народных училищ Алекторов и др. На первом пленарном заседании была утверждена повестка дня, основой которой послужили упоминавшиеся ходатайства казахов, и принято решение о предварительном обсуждении вопросов в четырех комиссиях: «Хозяйственный быт», «Правовое положение», «Духовно-религиозный быт», «Народное образование». На заключительном пленарном заседании были заслушаны предложения комиссий и приняты резолюции.

Основная проблема, обсуждавшаяся в комиссии по хозяйственному быту, – «поземельное устройство киргизского населения на областных государственных землях, урегулирование дела изъятия земельных угодий под переселенческие участки...» [2, с. 3]. «Киргизские» уполномоченные не ограничились констатацией нехватки земли, а выделили две причины «земельного голода». Во-первых, недостаточность размеров земельных наделов, принимаемых при межевании за норму. Во-вторых, полное или частичное игнорирование межевыми партиями вопроса о качестве выделяемой земли. «Прежде чем нарезать землю переселенцам, следует спросить киргизов об их нуждах», – настаивали казахские участники совещания [2, с. 9]. Они предупредили власть о возможных отрицательных последствиях неучета «киргизского фактора» в переселенческой политике. По их мнению, это, скорее всего, приведет к нарушению экономической устойчивости хозяйства кочевников, а также к конфликтам между ними и переселенцами. Уполномоченные от казахов выразили недоумение тем, что на их

соплеменников по-прежнему смотрят как на кочующее племя: «Та стадия кочевого образа жизни, когда киргизы так же легко покидали свои зимовые стойбища навсегда, как теперь они их оставляют на какие-нибудь 3 летних месяца, давно отошла в область истории» [2, с. 11].

«Киргизская» программа земельно-хозяйственного обустройства туземцев включала 15 позиций. Основопологающим принципом провозглашалось временное прекращение русской колонизации в степи, до устройства «киргизов, которые сами страдают малоземельем» (Там же. С. 18). «Русские» члены комиссии (то есть представители администрации) отвергли такой подход как практически неосуществимый. Казахской стороне разъяснили, что прекращение переселения крестьян в азиатскую часть страны, в Степной край в том числе, возможно только в случае коренного изменения аграрных отношений в Европейской России. Опыт русско-японской войны продемонстрировал бессилие запретительных циркуляров перед стихийным переселенческим движением. Совещание 20 мая 1907 г. подтвердило незыблемость критерия наделения казахов землей – характер хозяйства, которое они вели. Решают «киргизы» заниматься земледелием – получают земельные наделы наравне с крестьянами. Сохраняют скотоводство как основное направление хозяйственной деятельности – получают участки, непригодные для земледельческой колонизации. Выборные представители казахского населения Степного края были вынуждены довольствоваться моральной победой, заключавшейся в публичном признании руководителей краевого и областного уровней, что «киргизы – такие же люди, как и все, а потому имеют право на такое же заботливое отношение к себе, как и прочие» [2, с. 20].

Вопрос о правовом положении казахов и мерах по его улучшению расколол единство, которым отличалось обсуждение хозяйственного быта «русской» частью совещания. Из пяти программных положений, изложенных казахами еще в 1905 г., наибольшую дискуссию вызвало требование упразднения института крестьянских начальников. В комиссии мнения «русских членов» разделились на противоположные. Примечательно, что та часть членов комиссии по правовым вопросам, которая поддержала казахов, мотивировала необходимость ликвидации должности крестьянского начальника, ссылаясь на принцип разделения властей, нарушавшийся этим институтом власти. Крестьянский начальник обладал полицейскими и судебными функциями, принимал важные решения в переселенческом деле и в сфере народного образования. Если все эти функции сосредоточить в ведомствах, доказывали оппоненты защитников института крестьянских начальников, то последний будет попросту не нужен. Известно, какая сторона взяла бы вверх, не выступи с разъяснением И.П. Надаров. Степной генерал-губернатор сообщил, что предыдущий начальник края Н.Н. Сухотин обращался в Министерство внутренних дел с предложением упразднить институт крестьянских начальников, и что соответствующий законопроект готовится МВД для внесения в Государственную думу. Выступление Надарова

скорректировало позицию некоторых участников совещания, почти единодушно высказавшихся за ликвидацию названного института («против» голосовали двое, еще один воздержался).

Казахские уполномоченные просили поддержать их и в вопросе отмены еще одного ненавистного казахам института – полицейских урядников: «... урядники, не принося никакой пользы, только притесняют народ поборами и произволом [2, с. 50]. Комиссия согласилась с такой оценкой и вынесла ее на пленарное заседание. Акмолинский губернатор Лосевский заметил, что обсуждение необходимо повернуть в иную плоскость: поскольку в России институт полицейских урядников создавался с целью поддержания порядка в винных лавках и местах их расположения, то следует ограничить район деятельности урядников теми селами, где имеются казенные винные лавки. Совещание согласилось с таким «соломоновым» решением. Акмолинский губернатор довел до сведения участников совещания, что им отдано распоряжение об удалении урядников «из степи» [2, с. 51].

Ни комиссия, ни совещание в целом не сочли возможным согласиться со следующими «правовыми» казахскими инициативами: навсегда освободить инородцев от воинской повинности; пересмотреть Степное положение в той части, где генерал-губернатору дано право административной высылки лиц, политически неблагонадежных или занимающихся кражей скота. Совещание успокоило казахских уполномоченных, сообщив им, что в отношении политически неблагонадежных инородцев административная высылка ни разу не была применена, а постановка вопроса об отмене воинской повинности, хотя и неверна принципиально, но является преждевременной, так как в правительственных планах привлечение казахов к воинской службе отсутствует.

На совещании 20 мая 1907 г. гораздо сложнее оказалось разъяснить представителям казахского населения двух степных областей несовместимость их требований реформировать судебную систему и обязательно при этом сохранить в казахской среде народный суд. Комиссия пришла к выводу о необходимости уничтожения народного киргизского суда, основанного на обычном праве, и подчинения судебных дел инородцев общим судебным учреждениям, кроме брачных, посемейных и наследственных дел. Однако на пленарном заседании совещания позиция «русских участников» была смягчена. Ее изменение мотивировалось весьма оригинальным аргументом: «Несмотря на все недостатки, киргизский народный суд все же располагает в настоящее время более действительными средствами к обнаружению истины в каждом деле, чем низшие судебные правительственные должностные лица, заваленные массой работы и поверхностно знакомые с инородческим бытом. Киргизу нечего делать в степи, и он интересуется всякой мелочью... и знает в подробностях, что кругом делается на сотни верст» [2, с. 53]. Совещание пришло к компромиссу, заключавшемуся в том, что окончательное решение данного вопроса откладывалось до тех пор, когда особая комиссия соберет и изучит дополнительные сведения о киргизском народном суде.

Вопросы духовно-религиозного быта, рассмотренные третьей комиссией, нашли свое разрешение в резолюциях совещания, принятых либо в редакции, предложенной казахскими уполномоченными, либо был найден компромиссный вариант. Исключение составили пожелания казахов прекратить деятельность православных миссионеров в киргизской степи, а также изъять из ведения администрации и суда посемейные, брачные и наследственные дела с передачей их духовным лицам, руководствующим нормами шариата. В частности, участники совещания, «усматривая в воспреещении деятельности православным миссионерам стеснение для господствующей в государстве религии, признали прекращение миссионерства недопустимым» [2, с. 63].

Значительное внимание на совещании у генерал-губернатора Степного края было уделено проблемам развития национальной школы. Программа «киргизских нужд» включала 6 позиций, в том числе преподавание в аульной школе на родном языке, переход на арабский алфавит, восстановление «киргизских» интернатов и пансиона для «киргизских» детей при Омской гимназии, открытие такого пансиона в Семипалатинске, увеличение количества стипендий для «киргизов» в учебных заведениях России. Именно этот блок ходатайств казахов (образовательный) вызвал наибольшее раздражение представителей коронной администрации. Так, в ходе обсуждения вопроса об арабской транскрипции прозвучало обвинение «инородцев» в стремлении к этнической самоизоляции. С трибуны совещания было заявлено, что незнание туземцами русского языка и использование ими арабского алфавита создает порой дополнительные сложности при решении общегосударственных вопросов. В качестве примера прозвучал следующий «куръез». На выборах члена II Государственной думы по инородческой курии Акмолинской области в феврале 1907 г. из 22 записок, написанных арабским шрифтом, встретились 9 вариантов написания имени и фамилии одного из кандидатов – Ш. Коцегулова.

«Русские» участники отмечали, что следует различать две стороны вопроса о преподавании в аульных школах родного языка: национальную и общеобразовательную. Казахский язык необходимо изучать, но нельзя мириться с попытками заменить им русский язык и все преподавание вести только на казахском языке. «В самом деле, если преподавание в киргизских школах будет на киргизском языке, если книги для них будут печататься арабскими буквами, если муллы будут освобождены от обязательного знания русского языка, – убеждали противники реформы по-казахски, – то никто и ничто уже не будет напоминать в школе киргизам о русском народе. Между киргизами и русскими будет воздвигнута каменная стена..., за которой они будут жить, быть может, самобытно, но в том же невежестве и темноте, в каких находятся и теперь» [2, с. 82]. Примечательно, что среди казахских участников совещания не было единства в отношении аульных школ: часть уполномоченных выступила с идеей их закрытия с тем, чтобы обучение детей происходило в городских школах. Совещание высказалось за сохранение аульной школы с преподаванием в ней и родного, и русского языка. Учитывая

сложность изучения инородцами русского языка, на совещании поставили как практическую задачу составление и издание соответствующего учебника с использованием арабской транскрипции. И.П. Надаров заверил казахскую часть совещания, что средства на эти цели будут обязательно выделены.

Восстановление или открытие новых пансионов для казахских детей совещанием 20 мая 1907 г. было признано нежелательным. Предложение об увеличении количества стипендий казахам, обучавшимся в российских учебных заведениях, включая высшие, нашло понимание на совещании, но не более того. Для реализации этого предложения казахам посоветовали самим изыскать средства.

В конце работы частного совещания, созванного генерал-губернатором Степного края, один из его участников изъявил желание познакомить присутствующих с собственными наблюдениями. Он заявил, что «киргизская петиция во всем ее объеме» свидетельствует о центробежных настроениях среди определенной части коренного населения края. Программа, которую отстаивали казахские депутаты, по его мнению, направлена на обособление казахского народа от русского. Утомленные нелегкой насыщенной работой участники совещания не стали дискутировать по существу прозвучавших «частных выводов». Но, несомненно, взгляд на киргизские требования как противоречившие общегосударственным интересам Российской империи имел своих сторонников, в том числе в самых высших коридорах власти. В царском манифесте, опубликованном 3 июня 1907 г. в связи с роспуском II Государственной думы и изменением избирательного закона, население ряда окраин признавалось как «граждански неполноценное». В число неполноценных граждан были занесены «киргизы» степных областей (забайкальских бурят избирательных прав не лишили), а для того чтобы не разжигать межнациональной вражды – все население Степного края, включая казачество. Совещание 20 мая 1907 г., продемонстрировавшее искусство политического компромисса, оказалось явно запоздалым, чтобы повлиять на уже подготовленные правительственные акты дискриминационного содержания.

Изложенные нами довольно подробно два сюжета, предопределенные российской революцией, ее началом и развитием, свидетельствуют о том, что начальники Степного края (и Н.Н. Сухотин, и И.П. Надаров) стремились максимально учесть интересы региона в целом, не пренебрегая особенностями интересов как русского, так и казахского населения. В первом случае (реакция на законопроект о т. н. Булыгинской Думе в середине лета 1905 г.) генерал-губернатор Н.Н. Сухотин получил предписание из МВД, но отнесся к нему неформально. Во втором случае (однодневное совещание в Омске в конце весны 1907 г.) инициатива была исключительно местной. И.П. Надаров, как и его предшественник в должности степного генерал-губернатора, отчетливо понимал важность публичного рассмотрения национальных и межнациональных проблем, необходимость обращения внимания на которые в полной мере выявила первая революция в России.

Список литературы

1. Российская национальная библиотека, отдел рукописей (РНБ, ОР). — Ф. 781. — Д. 223.
2. Труды частного совещания, созванного 20 мая 1907 года Степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края. — Омск, 1908. — 90 с.

Summary

Rodionov Yu.P. Kazakh Steppe and Governor-General (general-gubernatorskaya) Power of the Region on the Back of the Course of the Russian Revolution of 1905–1907.

Two episodes (the beginning of the Russian Revolution of 1905–1907 and its final period) in which the administration of the Steppe region, represented by governor-generals N.N. Suhotin and I.P. Nadarov, who directly took part in these occasions have been considered. The involvement of N.N. Suhotin in taking into consideration the steppe regions concerns while preparing the legislative acts related to the creation of the deliberative State Duma in 1905 has been shown. Using an example of “Concerning the needs of the Kirghiz of the steppe region” private meeting gathered by I.P. Nadarov, the successor of N.N. Suhotin, in the spring of 1907 author reveals the point of view of the region governor who fought for the compromise between the supporters of centrifugal trends of some local people of the region and centripetal forces of the empire one of which was the active governor-general power. It's concluded that both governor-generals demonstrated proper and serious approach to the changes occurring given the Revolution in the country and in the steppe region in particular.

Keywords: Steppe region, governor-general, the Kirghiz (the Kazakhs), State Duma.

БЫТ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАХОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ¹

Садвокасова З.Т.

*Главный научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор
Институт истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова КН МВОН РК
г. Алматы, Казахстан
tungatar_k@mail.ru*

Аннотация. Исследование повседневной жизни – одно из интересных и значимых направлений современной исторической науки. В статье дается краткое обозрение жизни и быта казахского народа на рубеже XIX–XX столетий. Описаны элементы приспособления казахов к природным ландшафтам среды обитания: кочевое хозяйство, виды скота, типы жилищ. Освещены отдельные аспекты изменений традиционного уклада жизни в результате проникновения российских промышленных товаров. На основе этнографических исследований и источников приведена экономическая характеристика жизни кочевников.

Ключевые слова: казахи, кочевье, скот, лошадь, жилище, одежда.

Все более усиливающаяся колонизация Казахской степи в конце XIX века сопровождалась экономическим проникновением. Крестьяне и казаки распахивали выделенные им участки плодородной земли, выращивали пшеницу, овес и другие культуры. Русские купцы на ярмарках продавали промышленные товары, в том числе сукно и хлопчатобумажные ткани, чугунные, железные и медные котлы, таганы, топоры, ковши, косы-литовки, мотыги, серпы, ведра, ножницы, капканы, стремяна, удила, воронки, замки, гвозди, посуду, иголки, наперстки, пуговицы, прутное олово, латунь, листовые железо и медь, квасцы для обработки шкур. Одними из важнейших статей торговли были сахар, зерно и мука, объемы продаж которых постоянно росли. Ремесленники-переселенцы продолжали традиционные и осваивали новые промыслы, выделяли ткани, шили одежду, армяки, шапки, шубы, потники, катали валенки. Артели кустарей изготавливали сельскохозяйственный инвентарь, собирали молотилки, веялки, сохи. В переселенческих поселениях было развито кузнечное дело. Получили дополнительный импульс тележный и санный промыслы. Стала развиваться промышленность по переработке местного сырья: маслодельные, мыловаренные, свечные заводы, паровые мельницы, кожевенное, пимокатное, обувное, рукавичное производства. Были созданы предприятия угольной и меднорудной промышленности.

Происходившие изменения в политической, экономической и социальной сферах жизни казахов, несомненно, оказывали определенное влияние на

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения проекта по программно-целевому финансированию КН МВОН РК OR11465469 по теме: «Разработка академического издания «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» в семи томах.

условия их повседневной жизни и быта. Но, поскольку они не затрагивали основ жизнедеятельности народа, прежде всего, способов удовлетворения материальных потребностей, уклад повседневной жизни кочевников Великой Степи, формировавшийся на протяжении многих веков, оставался неизменным. Из года в год кочевали казахи с многочисленными табунами лошадей, небольшими отарами овец и коз, стадами верблюдов и крупного рогатого скота по традиционным родовым маршрутам, которые они закрепили за собой и отстаивали в соперничестве с другими родами.

В приложении к обзору по Акмолинскому уезду за 1900 год отмечалось, что благосостояние кочевого населения основывалось исключительно на скотоводческом хозяйстве. Земледелием казахи занимались в самых незначительных размерах. Зачатки земледелия встречались в северной и средней полосе уезда, тогда как в южных волостях оно было почти не знакомо кочевникам, благодаря неблагоприятным для хлебопашества почвенным и климатическим условиям местности. Вместе с тем обращалось внимание на то, что «скотоводческое хозяйство киргиз находится в хорошем состоянии. Скот кормит и одевает киргиза, он же дает ему средства на уплату казенных, земских и мирских податей и повинностей...

Среди кочевников нередко встречаются богачи, имеющие по тысяче и более голов скота, преимущественно лошадей...

Обширные пространства песчаных пустынь и солончаков, не подходящих ни для какой агрикультуры, служат с великою пользою для табунов кочевника.

Здесь воспитывается превосходная по своим качествам, в смысле выносливости и привычки к всевозможным лишениям, – киргизская лошадь» [1, л. 31].

Все в жизни казаха было приспособлено для выживания в суровых климатических условиях безводных и маловодных пространств Сары Арки: легкие, но прочные и теплые юрты, предметы хозяйственного и домашнего обихода из дерева, кожи и внутренностей животных, удобная, практичная и теплая одежда, обувь и головные уборы из шкур диких зверей, кож и шерсти домашних животных, рацион питания, основанный на продуктах, полученных также от домашнего скота.

Казахская юрта – универсальное передвижное жилище, оптимально приспособленное к кочевому образу жизни. В своем историческом развитии юрта прошла сложный и долгий путь. Сведения об использовании юрты уходят в глубокую древность. Наскальные изображения юрты найдены на Алтае, в Казахстане, в Сибири, на территории Монголии, в Крыму. В результате исследований ученые пришли к выводу о происхождении и развитии юрты из легкого круглого жилища андроновцев – пастушеских племен, разводивших быков, лошадей, верблюдов, овец на просторах Центральной Азии около четырех тысяч лет назад (XVIII век до нашей эры – VIII век до нашей эры).

В результате многовековой эволюции юрта приобрела оптимальную конструкцию и совершенную форму. Строение юрты отражает картину мира древних кочевников. Остов юрты, ее деревянный каркас, составляют четыре вида конструктивных элементов: шаңырақ, уық, кереге, ергенек.

Являясь важнейшим порталом между внутренним и внешним мирами, дверь, дверные косяки (босаға) и порог в представлении казахов были священным местом, где находились благополучие, достаток. Впервые входя в юрту свекра или в «отау» (юрту молодоженов), невеста должна была трижды поклониться у порога, прислониться головой к дверным косякам и переступить порог правой ногой, не наступая на него. Детям запрещалось прислоняться к косякам (босағаға сүйенбе), стоять у входа (босағада тұрма). Нельзя было наступать на порог, это было плохим предзнаменованием, поэтому европейские послы при посещении ханской ставки старательно перешагивали порог правой ногой, не наступая на него, поскольку это могло быть истолковано как проявление недобрых чувств. Со времен Тюркского каганата был известен и сохранился у казахов до начала XX века обычай, когда «черный» гонец сообщал плохую вест, стоя правой ногой на пороге и подпирая руками косяк двери. Можно вполне обоснованно предположить связь запретов с указанным обычаем.

Юрту для молодоженов, в соответствии с традицией практически всех тюрко-монгольских народов, готовили родичи невесты, но дверные косяки для отау привозил с собой жених. Изготовление разными мастерами остова юрты (үйші) и двери (ергенекші), как объясняют отдельные исследователи, связано с представлениями о соединении в юрте мужского и женского начал. Качеству свадебной юрты и красоте ее убранства придавалось большое значение, с ними связывали будущее благополучие и счастье новой семьи. По словам академика А. Х. Маргулана, «для художественной обработки отау казахи среднего достатка не жалели ни средств, ни материалов; все стремились сделать свадебную юрту более нарядной, элегантной. На проведение свадьбы они нередко тратили все свое достояние и беднели» [2, с. 51].

Наряду с юртами у казахов были распространены другие, упрощенные виды переносного жилища, в конструкции которых использовались элементы юрты. Такие сооружения использовались для ночлега в походе или во время кочевья, в хозяйственных целях, служили пристанищем для работников: чабанов, табунщиков; жильем для бедняков. Самые простые из них (күрке, итарқа) состояли из двух секций-решеток (қанат), накрытых кошмами. Другая разновидность состояла из поставленных наклонно прямых уыков, поддерживающих шанырак, и накрываемых кошмами. В Среднем жузе такой вид жилья называли «абылайша». Согласно преданию, их использование ввел хан Абылай для своего войска. В других областях Казахстана их называли «жаппа», «қос». Были в ходу также упрощенные жилища, в которых соединенные сверху уыки, без установки шанырака, опирались на цилиндрический остов из трех-четырех секций-решеток – жолым үй (дорожный дом). Они широко употреблялись русскими войсками во время походов в Среднюю Азию и назывались джуламейками (джоламейки) [3, с. 36].

Для изготовления юрты, ее убранства, предметов домашнего обихода, одежды требовался соответствующий уровень развития ремесел и промыслов, необходимы были специальные инструменты, приспособления и оборудование. Ремесленное производство у казахов разделялось на мужское и женское. Мужчины занимались обработкой дерева, металлов, камня, кожи и другими

промыслами, связанными с мужской деятельностью и требующими силы. Занятия женщин требовали усидчивости и кропотливой работы – обработка шерсти, изготовление и обработка войлока, прядение шерсти и ткачество, шитье, плетение и вышивка. В традиционном кочевом обществе народные ремесла казахов удовлетворяли все потребности людей, и изделия ремесленников весьма редко становились предметом торговли. К концу XIX века с развитием торговли и проникновением в степь промышленных товаров народные ремесла утратили былое значение. С другой стороны, новые привозные материалы и сырье расширили возможности ремесленников, которые стали производить свои изделия в первую очередь на продажу.

Представители колониальной администрации, указывая на незначительные размеры развития скотоводства и земледелия, вместе с тем считали, что казахи не знали никаких других занятий. Однако в отдельных документах подчеркивалось: «Впрочем, среди киргиз встречаются кустари по разным ремеслам, необходимым в обиходе киргизской жизни, как то кузнецы, шорники, плотники, серебряки и др., но число ремесленников так незначительно, что иногда в целой волости не находится и одного какого-нибудь мастера. Выделкой войлока, арканов, тканей из верблюжьей шерсти, а также портняжным делом занимаются во многих хозяйствах, и эти работы лежат на обязанности женщин» [1, л. 31 об.].

В конце XIX – начале XX века в Казахстане существовали также отхожие промыслы: беднейшие из казахов отправлялись на заработки «на Спасский медеплавильный завод и Карагандинские каменноугольные копи здешнего уезда, частью и на заводы Воскресенского Горнопромышленного Общества, находящиеся в Павлодарском уезде, Семипалатинской области, или нанимаются в работники к русским хозяевам в уездном городе и станице» [1, л. 32].

Весной, после долгой, морозной и снежной зимы, едва сходил снег, и в низинах появлялась зеленая трава, аулы, проведя весеннюю стрижку, покидали зимники-кыстау. С рассветом в аулах поднималась предотъездная суматоха. Все вносили свой посильный вклад в общий шум и гвалт: трескотня и незлобивая перебранка женщин, озабоченные голоса мужчин, смех, плач и веселый говор детей, лай и визг собак, блеяние овец, мычание коров, верблюжий рев и конское ржанье. И вот, наконец, навьючив на верблюдов и лошадей разобранные юрты и домашний скарб, кочевья отправлялись в многодневный путь на свои летние жайлау, делая короткие остановки на исконных стоянках. Аулы, располагавшиеся вдали друг от друга всю осень, зиму и раннюю весну, встречались во время весеннего перехода и самым тесным образом общались на стоянках. По пути на жайлау, на коротких ночевках и в дни отдыха, вьюки не развязывались и юрты не ставились. На скорую руку разбивались легкие «абылайша», сооружались войлочные балаганы «жаппа» или низкие, тесные «итарқа», составленные из секций-решеток кереге. Беспорядочно расставленные балаганы одного аула перемежались с шалашами другого, перепутывалась скотина, во всеобщей сумятице порой и люди не могли найти друг друга и свои временки.

Если для детей кочевка – это веселое приключение, полное резвых игр на просторе, новых забав, свежих впечатлений, то для взрослых – хлопотная пора, наполненная разнообразными заботами и многими трудами. Овцы разных отар смешивались, и чабанам приходилось несладко – попробуй-ка их раздели. Ягнята одного аула забегали в чужое стадо, и ягнячьи пастухи-козыши, сбившись с ног, вызволяли их оттуда. Молодые невыезженные стригунки и расседланные лошади уходили в чужие косяки, доставляя табунщикам немало тревог и мучений.

Бывало, из кочующего по соседству аула приезжали отдать салем акыны и жырау – поэты и сказители. Час, когда все садились пить кумыс, наступал, по заведенному порядку, после привязывания кобылиц на дойку. Пополудни, слегка захмелев от терпкого кумыса, слушатели заворуженно внимали мелодичным ритмам домбры и сильным, красивым голосам исполнителей. Обычно акын или жырау приезжал в сопровождении одного или нескольких своих учеников. В Казахской степи не было музыкальных учебных заведений и профессиональных преподавателей по вокалу, классу домбры или кобыза. Мастерство передавалось «из рук в руки» от Мастера (Устаз) к ученику. Узнав, что в ближнем или дальнем роду растет талантливый мальчик или одаренная девочка, известный акын, жырши или кюйши приезжали в аул и в течение необходимого времени обучали азам исполнительского искусства и композиции, передавали секреты мастерства. И в последующем, называя исполнителя, в качестве своеобразного диплома добавляли имя его Учителя.

Маршруты весенних кочевий пролегали с юга на север, вслед за свежими всходами молодой травы на земле, с которой под лучами солнца только-только сошел снег. К примеру, с началом осени аулы многих родов Среднего жуза пускались в обратный путь, с жайляу на севере Сары Арки в южные края – в Кызылкум, Мойынкум, к берегам Сырдарьи, на реку Шу. Для зимовки юрты утепляли – накрывали двойным слоем кошмы, обставляли связками камыша, прикапывали землей, обкладывали дерном, присыпали снегом. Аулы располагались в местах, где юрты были защищены естественными укрытиями от ветров и снежных бурь.

К концу XIX века большинство казахских аулов, чьи зимовья располагались севернее, имели постоянные зимние постройки, жилые или хозяйственные. Например, для северных районов Центрального Казахстана характерно, что обустройству постоянных жилищ на зимовьях предшествовала постройка скотных дворов и загонов. Ставились ограды, выкапывались ямы, где во время буранов и сильных морозов спасали молодняк и слабых животных. Для молочных коров отдельно строились хлева, слегка утепленные. Со временем эти зимовки представляли собой обширные постройки с одними воротами. В одном из углов находились одно или два жилых помещения со входом из скотного двора.

Казахи разводили пять видов скота: овец, коз, крупный рогатый скот, лошадей, верблюдов. Сами казахи не учитывали коз, ввиду небольшой степени распространения и незначительной роли в хозяйстве, причисляя их к овцам.

В Казахской степи разводили только одну породу овец – казақы құйрықты қылшық жүнді қой (казахская курдючная жесткошерстая овца). Отары овец пасли мальчики на молодых волах (двухлетки- четырехлетки), обычно на эту работу нанимали обедневших сирот. В казахских сказках пастуха овец (қойшы) называют Тазша (паршивый), он умен, находчив и достигает высокого положения, как девушка, пасущая гусей, Золушка, или свинопас в сказках народов Европы. Круглый год рано утром отары гнали на пастбище, в полдень они возвращались. После обеда они снова паслись и возвращались к вечеру. На ночь овец и ягнят привязывали справа и слева в шахматном порядке веревками к канату, натянутому на воткнутые в землю палки (көгөн). При больших отарах ягнята ночевали в загонах. Овцематок доили в течение четырех месяцев, привязав к көгөн, дважды в день: в полдень и вечером. Зимой большие отары пасли, разделив маток, баранов и ягнят. Летом овец два раза в день гнали на водопой, зимой животные поедали снег. Осенью в ясную погоду овец гнали к воде, чтобы смыть грязь с их шерсти, и после этого стригли.

О рентабельности овцеводства во второй половине XIX века имеются оценки В. В. Радлова: «взрослая большая овца с большим курдюком стоит 3 рубля серебром. Трех- и четырехлетние овцы стоят 2 рубля, а маленькие годовалые (*тоқтау*) – 1 рубль.

Цены на овечьи шкуры: большая овечья шкура стоит обычно 40 копеек, шкура годовалой овцы или двухлетки – 30 копеек, шкура полугодовалого ягненка – 20 копеек.

Шерсть от 100 овец мне посчитали оптом примерно в 5 рублей серебром. Аршин обычного войлока стоит в степи 30–40 копеек, белого войлока – 60–80 копеек. Тонкие войлоки идут по столь различным ценам, что трудно указать их единую стоимость [4, с. 268].

Что же касается дохода от одного стада, то от Копала до Сергиополя мне исчисляли его следующим образом: 1000 овец дают в год примерно 420 голов молодняка, хозяева поедают около 70 овец и 280 продают, остальное добавляется к стаду, так что в хорошие годы оно вырастает до 1070–1100 голов. На кошму длиной в 6 аршин идет шерсть примерно 40 овец. Таким образом, от 10000 овец можно получить 25 кошм, общая стоимость которых составит 60–65 рублей. Отсюда явствует, что выгода от овечьего стада очень велика, так как кроме молока оно дает еще 30–35% прибыли» [4, с. 269]. Приведенные оценки, ввиду незначительности инфляционных процессов, остаются справедливыми и для конца XIX века.

Казахские коровы в Центральном Казахстане были обычно среднего размера и мясистее, но беднее молоком, чем мелкие сибирские коровы у русских крестьян. Летом стада уходили на пастбище без пастуха и не удалялись особенно от аула, возвращаясь вечером к юртам, где к канатам были привязаны телята. Утром телят отвязывали и подпускали к маткам, давая им немного пососать, после чего их отрывали, чтобы спокойно подоить корову. Молоко не выдаивали до конца и снова подпускали теленка, чтобы он высосал остатки молока. Телят снова привязывали и коровы самостоятельно уходили на пастбище, после чего телят отвязывали, и они паслись у юрт. К вечеру их опять

привязывали в ожидании прихода коров. Вечерняя дойка проходила по тому же сценарию, тем самым добиваясь того, что коровы не уходили далеко от аула, регулярно возвращались и ночевали рядом с телятами. Коров доили месяцев шесть – до поздней осени. Быков пасли отдельно от коров, пастух следил, чтобы они не уходили далеко, при этом их не подгоняли близко к юртам.

Бедняки сливали коровье, козье и овечье вместе, зажиточные собирали его раздельно. Выдоенное молоко сливали в котлы и кипятили, отстоявшиеся сливки снимали и сбивали из них масло далее его растапливали на слабом огне, солили и наполняли им кишки, из кислого молока изготавливали айран – густой, очень приятный на вкус. Айран пили в чистом виде, либо готовили блюда, добавляя сырую пшеничную муку, поджаренную муку (талкан), поджаренное пшено.

Взрослое животное давало до двенадцати пудов мяса и пять–шесть пудов жира. Жир сразу же после убоя вытапливали и продавали русским и татарским купцам. Говядину богатые казахи не ели, да и бедные питались ею неохотно, поскольку обычно забивали старых коров.

Коровьи шкуры обрабатывались очень редко, только для изготовления больших и маленьких кожаных мешков (торсык и саба). Коровьи шкуры продавали русским и татарам по 3 рубля. Купцы получали шкуры по более низким ценам, уже весной выплачивая деньги за шкуры, которые они получают осенью (сейчас это называется фьючерсная сделка).

«Цены на крупный рогатый скот таковы: новорожденный теленок стоит 1 рубль, двухлетка – 3 рубля, трехлетка – 5 рублей, четырехлетка – 10 рублей. Дойная корова с теленком стоит 12–15 рублей, а большой жирный убойный вол – до 17 рублей. Конечно, цена на скот колеблется. После эпизоотии или большого падежа скота из-за весенней непогоды она намного возрастает. На моих глазах в 1862 года в Аягусе за дойную корову уплатили 25 рублей» [4, с. 272]. Лошадь для казаха – средоточие красоты, воплощение всего животного мира, он называет ее коротко мал – животное, холит и лелеет своего скакуна. Красивые лошади часто превращают честных людей в воров. Конокрадство было сродни подвигу, а кража другого животного могла вызвать только презрение.

Казахская лошадь, в ее первоначальном и наиболее ярко выраженном виде, невелика ростом, с удлинённой головой и массивной мордой, с небольшими глазами, пропорциональными, красиво посаженными ушами, с достаточно широкой грудью, с коротким и пологим крупом, слегка отставленным, высоко посаженным хвостом. Мясистая шея напоминает оленю, почечная область красиво округлена, на конечностях четко выделяются мускулы [5, с. 17].

Вторая порода по внешнему виду совпадала с алтайской калмыцкой лошадей. Казахи объясняли появление красивых алтайских лошадей захватом их после разгрома калмыков в XVIII столетии. Алтайские лошади были у баев или у чингизидов, которые содержали их в особом табуне и следили за чистотой породы. Порой встречались аргымаки – арабские породистые лошади, высокие и статные, они содержались в качестве верховых лошадей у богачей,

зимой их кормили сеном. Отдельные исследователи аргымакам отводили роль боевых коней и считали, что они «встречались во всех областях Казахстана» [6, с. 109].

Казахская лошадь паслась на свободе в табуне; разделенном на косяки. Каждый косяк (үйір) возглавлялся жеребцом (айғыр) и в среднем состоял из девяти кобыл-маток (бие), девяти жеребят (құлын, зимой их уже будут называть жабағы), восьми второгодок (тай), пяти-восемью трехлеток (құнан), пяти-шести четырехлеток (дөнен) и нескольких более возрастных меринов (ат) [4, с. 293].

Из молока кобылиц изготавливали кумыс, сливая некипяченым в большой кожаный мешок (саба) и часами сбивая его мутовкой (піспек). Кумыс – очень приятный на вкус и слегка опьяняющий напиток. На больших пирах потреблялось невероятное количество кумыса, ведь для того, чтобы опьянеть, привычному человеку нужно было выпить около пяти литров. Разливал кумыс обычно старейший член семьи. Кумыс помещивали в миске, набирали деревянной или мельхиоровой поварешкой и подавали гостям в фарфоровых или лакированных деревянных чашках. Подать важному гостю иной напиток означало оскорбить его.

Конина ценилась очень высоко, на пирах мясо молодых жирных кобылиц – самое большое лакомство. Самая вкусная часть – қазы, мясо и жир на ребрах, кишки лошади считались чистыми и употреблялись в пищу, в них заворачивали қазы или изготавливали колбасу, набивая кусочками мяса и жира. Не ели только легкие, их после забоя бросали собакам. От одной лошади получали 15–18 пудов мяса и пуд жира. Конский жир легко пропитывает толстую кожу, его часто использовали для смазывания кожи, но им не торговали и купить его было нелегко.

Конская шкура обычно стоила 2 рубля серебром, но продавали ее редко, чаще всего ее обрабатывали сами казахи. Из тонких кожаных ремешков плели поводья, уздечки, подбрюшные и подхвостные ремни, плетки. Русские постоянно и охотно покупали исключительные по своей прочности плетеные поводья и сбрую.

Казахи не любили стричь своим лошадям гривы и хвосты, поэтому конский волос (қыл) ценился очень высоко. В продаже его было очень мало, он шел в основном на изготовление толстых веревок для обвязывания юрты.

Верблюдов, по сравнению с другими животными, содержали очень мало. Разводили в основном дромадера – двугорбого верблюда. Главная обязанность верблюда – перевозка тяжестей.

Пища кочевого и оседлого населения имела некоторые отличия. «Относительно обеспечения кочевого населения продовольствием нужно заметить, что дело это нельзя поставить в параллель с обеспечением продовольствием оседлого населения.

У оседлого населения с этой целью устраиваются хлебозапасные магазины, но у киргиз земледелие в зачаточном состоянии, многие волости и вовсе не занимаются хлебопашеством, следовательно, хлебных запасов иметь не могут. Кроме того: главная пища кочевников – молоко, во всех видах, и мясо

животных. Хлеб употребляется в ограниченном количестве, мука и зерно /пшеница, просо/ составляют приправу к пище, а не главный ее элемент, как у крестьян. Поэтому неурожай, постигнувший уезд в 1900 году и не отразился на состоянии киргиз» [1, л. 32].

Таким образом, повседневная жизнь коренного населения Казахстана в конце XIX – начале XX века протекала в трудах и заботах по сохранению и приумножению скота – главного источника их существования и материального благополучия. Этой цели было подчинено все: сезонные мероприятия, заведенный порядок ежедневных дел, содержание и очередность проводимых работ. С ней были связаны также многие народные традиции, обычаи, обряды и приметы.

Список литературы

1. ЦГА РК. Ф. 369. – Оп. 1. – Д. 2936. – Л. 30–78.
2. Маргулан А. Х. Мир казаха. – Алматы. 1997. – 55 с.
3. Востров В. В., Захарова И. В. Казахское народное жилище. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 181 с.
4. Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. Пер. с нем. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – 749 с.: ил., карты.
5. Токтабай А. У. Культ коня у казахов. – Алматы: Казиздат – КТ, 2004. – 124 с.
6. Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Отв. ред. Г. Ф. Дахшлейгер. – Алма-Ата: «Наука». 1980. – 256 с.

Summary

Sadvokasova Z.T. Life and Daily Routine of Kazakhs at the Turn of the XIX–XX Centuries

The study of everyday life is one of the most interesting and significant areas of modern historical science. The article gives a brief overview of the life and daily routine of the Kazakh people at the turn of the XIX – XX centuries. The elements of adaptation of Kazakhs to the natural landscapes of the habitat are described – nomadic farming, types of livestock, types of dwellings. Some aspects of changes in the traditional way of life as a result of the penetration of Russian industrial goods are highlighted. Based on ethnographic studies and sources, the economic characteristics of the nomads' life are given.

Keywords: Kazakhs, nomads, cattle, horse, dwelling, clothing.

ТУВА В 30-Е ГОДЫ. БОРЬБА С НЕГРАМОТНОСТЬЮ¹

Седен А.В.

*Кандидат исторических наук, доцент
Тувинский государственный университет
г. Кызыл, Россия
aldynaseden@yandex.ru*

Аннотация. В статье на примере Тувы в период ее существования как самостоятельного, независимого государства – Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.), рассматривается процесс создания национальной письменности и ликвидации неграмотности взрослого населения. На основе архивных материалов рассмотрены особенности данного периода, формы мобилизации общественности, привлечение государственных, партийных организаций, создание специализированных ликпунктов. Выявлены трудности реализации борьбы с неграмотностью.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, Советская Россия, национальная письменность, ликвидация неграмотности.

Тувинская Народная Республика (ТНР) как свободное, независимое государство, была основана в 1921 г. в результате народной революции. В международных отношениях республика выступала под покровительством Советской России [1, с. 25]. Образование ТНР явилось результатом исторически сложившихся российско-тувинских отношений, истоки которых уходят в более ранние времена.

Еще в середине XVIII в. Урянхайский край (так называлась Тува) был завоеван маньчжурской империей Цин и до начала XX в. был ее колониальной окраиной. В это же время получили развитие русско-тувинские приграничные торговые связи, в конце XIX в. началось стихийное переселение безземельных крестьян, в основном староверов.

В результате Синхайской революции 1911 г. в Китае из Урянхы были изгнаны китайцы. Внешняя Монголия также получила независимость и старалась присоединить Урянхай к своим землям. Среди тувинских правителей были сторонники как перехода в монгольское подданство, так и ориентировавшиеся на Россию. Царское правительство России, исходя из геополитических интересов в этом регионе, уже с 1912 г. также пыталось закрепить край за империей (2, с. 31).

Вопрос о своей самостоятельности тувинский народ поставил после Октября 1917 г. На первом съезде представителей тувинского народа в 1918 г. был принят Договор о самоопределении, дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи русского и тувинского народов. Но начавшаяся гражданская война

¹ Статья выполнена в рамках научного проекта № 22–28-01254, поддержанного Российским научным фондом.

в России отодвинула созыв Всетувинского съезда, к этому вопросу удалось вернуться лишь в 1921 г.

В ходе подготовки к съезду 25–26 июня 1921 г. в Чадане состоялись переговоры представителей двух хемчикских хошунов (сельский район), объединявших большую часть Тувы, и делегацией во главе с представителем Сибревкома Иннокентием Сафьяновым. Большую роль в этой встрече сыграл нойон Даа хошуна, один из основателей тувинского государства Монгуш Буян-Бадыргы [3, с.14]. На совещании было решено, что единственно верным путем развития тувинского народа будет полная самостоятельность страны.

Всетувинский Учредительный Хурал (съезд) состоялся 13–16 августа в местности Суг-Бажы (ныне село Кочетово). Он собрал около 300 представителей от хошунов Тувы, более 200 из них были трудовыми аратами. На съезде присутствовали также 17 делегатов из Советской России, 3 из Монголии и 1 из Дальневосточного секретариата Коминтерна. На съезде впервые в истории тувинского народа было провозглашено создание народно-демократического государства, курс на некапиталистическое развитие страны, принята первая Конституция.

В Туве начинается новая жизнь, создаются различные учреждения, организуется потребкооперация, но не было письменности, не было светской школы, научной медицины, культурно-просветительских учреждений. По традиции использовали старомонгольское письмо, которым владели только феодальная знать и чиновничество, составлявшие 1,5 % населения. Служители буддизма читали и писали по-тибетски [4, с. 36]. По данным первой народнохозяйственной переписи 1924 г., в Туве насчитывалось 106 грамотных и 286 малограмотных на 52 700 человек населения [5, с. 164].

Задача состояла в том, чтобы создать свою национальную письменность, обучить людей грамоте, подготовить кадры. Руководство Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) в 1923 г. в Кызыле попыталось организовать курсы партучебы. Однако в условиях отсутствия учебных пособий, программы, специальной литературы, слушатели вынуждены были заучивать алфавит старомонгольской письменности и пытаться читать тексты на монгольском языке, который они не знали. Такое положение дел привело к сокращению числа слушателей со 160 до 60. Лишь, начиная с 1926 г., стала поступать общественно-политическая и художественная литература на русском языке из Москвы и Улан-Удэ, на монгольском из Улан-Батора. Поэтому были организованы курсы русского языка, на которых обучалось 38 чел., и курсы монгольского языка со 150 слушателями. На учебу в Москву в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) были направлены 10 человек и в Улан-Батор – 17. В Кызыле и Чадане были открыты начальные школы. В 1929 г. уже обучалось 230 учащихся и за границей 95 студентов [5, с. 165].

Вопрос о создании национальной письменности обсуждался на IV съезде Тувинской народно-революционной партии (ТНРП, 1925 г.) и III Великом Хурале ТНР. Было принято решение «установить свою письменность, пользуясь русскими буквами» и обратиться за помощью в Академию наук

СССР [6, л.11]. В то же время руководство ТНР попыталось разработать национальную письменность на основе латинского алфавита (1927 г.), обратившись к ученым-ламам. Большую роль в этом вопросе сыграл настоятель Верхнечаданского буддистского храма Монгуш Лопсан-Чимит.

Сопоставляя фонетику разных языков, включая звуки, звукосочетания, ударение, ритм, интонацию, подбирая схожие со звуками тувинской речи, он создал национальный алфавит. Результат упорного труда не заставил долго ждать – летом 1928 г. проект письменности был готов. Под латинскими буквами стояли печатные и письменные тибетские – это был алфавит на латинизированной (в данном случае – немецкой) графической основе.

Созданный ученым ламой проект алфавита был одобрен на заседании Политбюро ЦК ТНРП 3 февраля 1929 г. Однако не обошлось и без критики, особенно со стороны преподавателей КУТВ А.И. Москалева и А.А. Пальмбаха, которые включились в его доработку. Казалось бы, вопрос о создании тувинской национальной письменности получил свое разрешение, но очень скоро в Туве изменилась политическая обстановка. Восьмой съезд ТНРП принял постановление о борьбе с феодализмом и ликвидации феодалов как класса. По мнению руководства партии, «привлекать лам к разработке алфавита политически нецелесообразно». В результате от тувинского алфавита на основе латиницы отказались, трагически сложилась и судьба его автора.

В 1933 г. Лопсан-Чимит был осужден на пять лет и сослан в Иркутск по обвинению в контрреволюционной деятельности. Вернувшись в Туву, он служил в Верхнечаданском монастыре, ему запретили заниматься творчеством. На этом его страдания не закончились. 26 октября 1940 г. Монгуш Лопсан-Чимит был вновь арестован как выходец из высшего духовного сословия за «контрреволюционную деятельность».

Как следует из архивных документов, после ареста Лопсан-Чимита начали допрашивать лишь через 33 дня, так как предъявлять в качестве обвинения было нечего. В течение месяца его уговаривали, пытали, чтобы он наговорил на себя и дал ложные показания. Таким путем силовые структуры добивались видимости «законности» своим преступным действиям [6, с. 3]. С помощью пыток им удалось добиться признания безвинного ламы Лопсан-Чимита в том, что он планировал поднять вооруженный мятеж, чтобы свергнуть новую власть, создал «контрреволюционную группу» и был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 1 февраля 1941 г., ученый лама Монгуш Лопсан-Чимит был расстрелян как феодал, контрреволюционер и враг народа. Для новой власти было невыгодно, чтобы автором тувинской письменности был «враждебный элемент» [7, с. 114-115].

Согласно решениям VIII съезда ТНПР, было принято обращение ЦК ВКП (б) с просьбой оказать помощь в разработке тувинской письменности на основе новотюркского алфавита, принятого у тюркских народов СССР. В июне 1930 г. в Туву прибыла научная экспедиция во главе с проректором КУТВа Л.Д. Покровским. Ученые привезли готовый проект письменности и более

4 тыс. экземпляров букваря для взрослых. 28 июня 1930 г. был издан декрет о введении тувинской национальной письменности, создана государственная комиссия по изучению письменности под руководством второго секретаря ЦК ТНРП, министра культуры ТНР С.К. Тока, во всех хошунах были созданы курсы ликвидации неграмотности и пункты по обучению грамоте [5, с. 167].

Буквально за полгода под руководством ТНРП были подготовлены 200 культармейцев, которые, овладев грамотой, стали сами обучать грамоте в качестве учителей кружков и школ грамоты в хошунах. Очень актуальны были призывы партии к активистам: «Овладев грамотой, помоги своему соседу!», «Грамотный, обучи двух неграмотных!», в республике набирало силу «движение масс за овладение письменностью». За полгода в Кызыле было подготовлено 200 культармейцев, направленных в хошуны в качестве учителей кружков и школ грамоты. К сентябрю 1935 г. уровень грамотности членов ТНРП достиг 75,3%, все члены Тувинского революционного союза молодежи к 1938 г. стали грамотными, уровень грамотности тувинских женщин к 1940 г. достиг 76,6 %.

Большая организационная, воспитательная и разъяснительная работа ТНРП не заставила себя ждать. Если в 1931 г. в республике насчитывалось 64 911 тувинцев, из которых были грамотными 5076 или 7,6 %, то в 1940 г. из 73 114 тувинцев родной письменностью владели 38729 или 54,9%, русской – 752 (1,01%), монгольской – 784 (1,06%), тибетской – 658 чел. (0,9%) [5, с. 170].

Таким образом, 1930-е гг. в истории Тувинской Народной Республики явились важным этапом, связанным со становлением государственности, принятием национальной письменности и ликвидацией неграмотности населения. Социально-экономические преобразования в стране требовали квалифицированных специалистов, поэтому как никогда остро встал вопрос о ликвидации неграмотности населения.

Создание кружков и школ грамоты в Кызыле и хошунах, движение культармейцев за распространение грамотности, несмотря на многочисленные трудности в процессе ликвидации неграмотности, связанные с отсутствием учебно-методической литературы, преподавательских кадров, использованием в качестве учителей простых граждан, которые сами еще вчера постигали азы грамоты и не владели методикой обучения, все же привели к положительным результатам. Хотя к началу 1940-х гг. полностью ликвидировать неграмотность среди взрослого населения не удалось, все же уровень образованности населения республики значительно повысился.

Список литературы

1. *Дубровский В.А.* Конституции Тувы. 1921-1993. / В.А. Дубровский. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1999. – 216 с.
2. *Доржу З.Ю.* Тувинская Народная Республика накануне и во время Великой Отечественной войны // З.Ю. Доржу. – Вестник Томского государственного университета. История. Научный журнал. – 2016. – №1 (39). – С. 29-36.

3. *Кенин-Лопсан М. Б.* Монгуш Буян-Бадыргы – великий сын тувинского народа // М.Б. Кенин-Лопсан. Монгуш Буян-Бадыргы – основатель тувинской государственности. Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 115-летию со дня рождения Монгуша Буян-Бадыргы. – Кызыл: Тываполиграф, 2009. – С. 14-16.

4. *Бичелдей К.А.* 80 лет тувинской письменности: становление, развитие, перспективы // Новые исследования Тувы. – № 4. – 2010. – [Электронный научный журнал; Отв. ред. Ч.К. Ламажаа]. URL: <https://www.tuva.asia> (дата обращения: 26.04.2023).

5. *Аранчын Ю.Л.* Исторический путь тувинского народа к социализму / Ю.Л. Аранчын. – Новосибирск: Наука, 1982. – 339 с.

6. РГАСПИ. Ф.495. Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала. Оп.153. Тувинская народно-революционная партия. Д.3. Доклад в Восточный отдел ИККИ об итогах 4 съезда ТНРП. Л.9–11.

7. *Борбак-оол А. С.* Лопсан-Чинмит кепчи // Шын. – № 6. – 1993.

8. *Доржу З.Ю., Иргит О.Ю.* Политические репрессии в Тувинской Народной Республике (1921–1944). / З.Ю. Доржу, О.Ю. Иргит. – Новосибирск: Наука, 2022. – 224 с.

Summary

Seden A.V. Tuva in the 30s. The fight against illiteracy¹

Using the example of Tuva during its existence as an independent, independent state – the Tuva People's Republic (1921-1944), the article examines the process of creating a national writing system and eliminating adult illiteracy. On the basis of archival materials, the features of this period, the forms of public mobilization, the involvement of state and party organizations, the creation of specialized educational centers are considered. The difficulties of implementing the fight against illiteracy are revealed.

Keywords: Tuva People's Republic, Soviet Russia, national writing, literacy eradication.

¹ The article was carried out within the framework of scientific project No. 22-28-01254, supported by the Russian Science Foundation

РОЛЬ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ В ПОДГОТОВКЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ РУССКО- КАЗАХСКИХ ШКОЛ В НАЧАЛЕ XX в.

Толочко А.П.

*Доктор исторических наук, профессор
Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского
г. Омск, Россия
tnb_omgy@mail.ru*

Аннотация. Названы факторы, которые повлияли на открытие учительской семинарии в Семипалатинске. Отмечена роль попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьева в решении этого вопроса. Рассмотрены подготовительные мероприятия по открытию учительской семинарии и выявлены источники ее финансирования. Показано развитие материальной базы учительской семинарии, изучен контингент ее учащихся. Определен вклад учительской семинарии в Семипалатинске в подготовку кадров для русско-казахских школ в Степном крае в начале XX в.

Ключевые слова: Семипалатинск, учительская семинария, начало XX в., подготовка кадров, русско-казахские школы.

Строительство Сибирской железной дороги, способствовавшее ускорению социально-экономического развития Степного края, оказало заметное воздействие на состояние народного образования, что нашло свое проявление в расширении здесь сети учебных заведений разных типов. Хотя среди казахского населения региона продолжали сохранять свое значение традиционные формы образования в мектебе и медресе, но вместе с тем администрация Степного генерал-губернаторства начала подготовительную работу по открытию в Акмолинской и Семипалатинской областях русско-казахских школ. В решении этого вопроса местные власти ориентировались на опыт Тургайской области, где русско-казахские двухклассные училища в городах, а в степи – аульные, существовали сравнительно давно и завоевали расположение у местных жителей. Аульные школы являлись, по сути дела, отделениями двухклассных городских и волостных русско-казахских школ и создавались, когда те и другие не могли удовлетворить потребности всех желающих учиться.

12 октября 1896 г. степной генерал-губернатор М.А. Таубе предложил губернаторам Акмолинской и Семипалатинской областей представить ему свои соображения о развитии народного образования среди кочевников. Выполняя это предписание, губернатор Акмолинской области Санников провел в Омске совещания с участием директоров учительской семинарии, классической гимназии и представителей административного персонала некоторых других учебных заведений города. Их результатом стало мнение специально созданной

комиссии о необходимости открытия в регионе двух типов школ: 1) аульных, соответствующих программе сельских начальных училищ и 2) двухклассных русско-казахских, в которых могли продолжить свое обучение выпускники аульных школ. Задача аульных школ состояла в том, чтобы дать детям кочевников самые элементарные знания. Преподавание в таких школах в течение определенного времени должно было осуществляться на казахском языке, но при этом особое внимание предполагалось уделять скорейшему освоению учащимися русского языка. В связи с отсутствием в казахской среде подготовленных для работы в школе учителей первоначально, по предложению комиссии, следовало ограничиться открытием только мужских аульных школ. Эти школы предлагалось открыть во всех 5 уездах Акмолинской области, в том числе в Омском – 2, Петропавловском – 5, Кокчетавском – 5, Атбасарском – 4 и Акмолинском – 9 [1, с.163-164].

Создание школ второго типа (двухклассных русско-казахских) полагалось приурочить к первому выпуску учеников аульных школ, то есть открыть их через три года. При двухклассных русско-казахских школах, как считали члены комиссии, необходимо учредить педагогические и ремесленные классы, на которые возлагались задачи по подготовке учителей аульных школ и обучению воспитанников разного рода кустарным промыслам в зависимости от местных условий и потребностей. В представлении акмолинского губернатора, направленного в канцелярию степного генерал-губернатора в марте 1898 г., было высказано предложение установить содержание учителю аульной школы в размере 240 руб. в год, а русско-казахской двухклассной школы – в размере 350 руб. В связи с недостатком учителей для аульных школ акмолинский губернатор находил возможным пригласить таковых первое время из Тургайской области, где, по его мнению, существовал определенный избыток лиц казахской национальности с педагогической подготовкой [1, с. 166–167].

Семипалатинский губернатор Карпов изложил степному генерал-губернатору М.А. Таубе свою позицию по поводу устройства школьного образования среди казахского населения, вверенного ему региона несколько позднее – лишь в январе 1899 г. Он считал весьма желательным явлением создание русско-казахских школ как противовес деятельности мусульманского духовенства, но в то же время полагал необходимым ограничиться первоначально ввиду нехватки учителей открытием небольшого количества аульных школ – по одной на волость. Двухклассные русско-казахские училища, по мнению семипалатинского губернатора, можно будет открыть лишь спустя некоторое время, когда в каждой волости станут функционировать по несколько аульных школ. Кроме того, губернатор Карпов внес предложение об учреждении в Семипалатинске учительской семинарии с целью подготовки квалифицированных учительских кадров для русско-казахских школ.

Рассмотрев представления акмолинского и семипалатинского губернаторов, а также ознакомившись с запиской командированного в Тургайскую область порученца Селецкого о состоянии там школьного образования среди кочевников, степной генерал-губернатор М.А. Таубе в начале 1900 г. в своем обращении к

министру народного просвещения указал, что развитие русского образования среди детей кочевников своевременно и крайне необходимо. При этом, как отмечал он, учитывая экономическое состояние областей Степного края и целый ряд других факторов, приоритет следует отдать открытию подвижных аульных школ. Указанные учебные заведения являются наиболее удобным типом школ для данного региона как по дешевизне содержания, так и по соответствию их кочевому образу жизни и разбросанности по обширным территориям казахского населения. Ввиду недостатка местных средств, особенно у администрации Акмолинской области, учреждение аульных школ, согласно доводам степного генерал-губернатора, могло состояться не иначе как при обязательном участии министерства народного просвещения. Генерал-губернатор М.А. Таубе предлагал на первых порах открыть в Акмолинской области 10, а в Семипалатинской области – 20 аульных школ и для наблюдения за ними учредить должность инспектора [1, с. 171–172].

Вместе с тем М.А. Таубе категорически возражал против открытия учительской семинарии в Семипалатинске. По его мнению, задачу подготовки преподавателей для русско-казахских школ вполне может решить функционировавшая уже более четверти века Омская учительская семинария. На позицию степного генерал-губернатора, несомненно, повлияла высокая репутация, которую это учебное заведение имело далеко за пределами своего города. Открытая в 1872 г. в Омске учительская семинария являлась первым специальным педагогическим учебным заведением в Степном крае. В нее принимались лица мужского пола всех сословий не моложе 15 лет, успешно выдержавшие вступительные испытания по программе двухклассного курса училищ министерства народного просвещения. Срок обучения в учительской семинарии был рассчитан на 3 года. Количество учащихся в разное время, как правило, было в пределах 60–70 человек. Финансирование семинарии осуществлялось в основном за счет государственных средств. В связи с тем, что многие учащиеся являлись выходцами из малообеспеченных семей, им назначались стипендии. Воспитанники Омской учительской семинарии получали стипендии либо от казны (в размере 120 руб. в год), либо от различных учреждений и частных лиц (до 200 руб. в год). Во время обучения семинаристы изучали Закон Божий, педагогику, русский язык, арифметику, другие общеобразовательные дисциплины, с ними проводились также занятия по ремеслу, садоводству, гимнастике. Значительное внимание уделялось и овладению учащимися навыками педагогического мастерства. Ежегодно семинарию оканчивало около 20 выпускников, становившихся учителями начальных школ [2, с. 6–7].

Оппоненты степного генерал-губернатора М.А. Таубе, отдавая должное заслугам Омской учительской семинарии в подготовке педагогических кадров, в то же время считали, что она одна не сможет удовлетворить потребности народного образования огромного региона в учителях начальных классов, тем более с учетом намечавшегося открытия русско-казахских школ. Было еще одно обстоятельство, диктовавшее необходимость создания новой учительской

семинарии в глубинке казахской степи. В Омскую учительскую семинарию, согласно установленным правилам, принимались преимущественно лица православного вероисповедания, в силу чего доступ в нее учащихся из казахских семей, исповедовавших ислам, был ограничен. Они зачислялись в семинарию лишь в порядке исключения. Поэтому попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев, поддержав обращение степного генерал-губернатора к министру народного просвещения об оказании содействия делу открытия русско-казахских школ, высказался за создание в Семипалатинске учительской семинарии, против чего возражал М.А. Таубе. Кроме того, Л.И. Лаврентьев находил целесообразным вместо должности инспектора аульных школ учредить должность директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей с предоставлением ему более широких полномочий [1, с. 176–177].

В министерстве народного просвещения доводы степного генерал-губернатора и попечителя Западно-Сибирского учебного округа не встретили особых возражений, но в связи с отсутствием у министерства свободных денежных средств решение вопроса казалось было отложено на неопределенный срок. Лишь благодаря настойчивости нового генерал-губернатора Степного края Н.Н. Сухотина, изыскавшего возможность покрыть на первом этапе значительную часть расходов на содержание русско-казахских школ из остатков по земскому сбору, министерство народного просвещения в октябре 1901 г. утвердило правила для указанных учебных заведений Акмолинской и Семипалатинской областей. Согласно данным правилам, аульные школы открывались «с целью наиболее широкого распространения образования среди киргизского населения Акмолинской и Семипалатинской областей» [3, с. 81]. Спустя несколько месяцев (в январе 1902 г.) была учреждена должность директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей, а в декабре 1903 г. в Петербурге было дано согласие на открытие в Семипалатинске учительской семинарии.

После решения организационных вопросов министерство народного просвещения, начиная с 1902 г., предусмотрело соответствующие ассигнования на открытие и содержание аульных школ. В 1902 г. было предусмотрено открытие в Степном крае 16 аульных школ, на содержание которых было отпущено 4320 руб., по 270 руб. на школу. В 1903 г. предполагалось открыть еще 9 школ, причем расходы на содержание каждого учебного заведения должны были возрасти с 270 до 640 руб. в год. Первые аульные школы были открыты осенью 1902 г., в частности, Ащилыкульская (в Омском уезде), Эксеновская и Тлебилганская (в Петропавловском уезде), Кизил-Агачская (в Кокчетавском уезде) [1, с. 179–180].

Вакансии учителей в русско-казахских школах на этапе их создания зачастую замещались лицами, прошедшими ускоренную педагогическую подготовку, либо не имевшими ее вообще. Так, учителем Ащилыкульской аульной школы был назначен выпускник Кустанайского педагогического класса Комаров, а в Эксеновскую аульную школу преподавателем был

направлен казах Сеитов, окончивший Омское городское училище. Большое внимание поэтому администрация Степного края и учебное начальство Западно-Сибирского учебного округа уделяли подготовке педагогических кадров для русско-казахских школ. В Омской учительской семинарии, например, было выделено несколько стипендий для учащихся-казахов [4, л. 52]. Однако особая роль в решении этого вопроса отводилась Семипалатинской учительской семинарии. После открытия в 1903 г. на содержание семинарии из казны ежегодно выделялось около 29 тыс. рублей, от частных пожертвований и из других источников дополнительного поступало свыше 5 тыс. рублей. В 1905 г. в Семипалатинской учительской семинарии обучалось 80 воспитанников, к 1916 г. их количество увеличилось до 107. Казенные и частные стипендии из 107 семинаристов получали 77 человек. Учительской семинарии принадлежали просторное каменное здание, предназначавшееся для проведения занятий, и три деревянных дома. В одном из них размещалось функционировавшее при семинарии образцовое двухклассное начальное училище, другие служили квартирами для учителей. Семинария имела неплохую библиотеку, которая делилась на два отдела: преподавательский (фундаментальный) и ученический. В 1912 г. в фундаментальном отделе числилось 2304 экземпляра книг по различным отраслям знаний, в ученическом – 4031 экземпляр. Для сравнения укажем, что в том же году в фундаментальном отделе Омской учительской семинарии имелось 4575 экземпляров книг, в ученическом – 2584 экземпляра [2, с. 7–8]. То есть, учебной литературой для своих воспитанников Семипалатинская учительская семинария была обеспечена лучше, чем Омская, которая была открыта намного раньше.

В результате, благодаря выпускникам Семипалатинской учительской семинарии, которые заполняли вакансии в русско-казахских школах, русское образование в казахской степи получило дальнейшее развитие. В 1911 г., например, в Семипалатинской области функционировали 4 русско-казахские двухклассные училища (в Семипалатинской Заречной слободе, в Павлодаре, Каркаралинске и Кокпектах), 2 одноклассных и 37 аульных школ [5, с. 108–109]. В Акмолинской области, по имеющимся данным, в 1913 г. имелось уже 66 аульных русско-казахских школ. «Число их с каждым годом увеличивается, – отмечали составители «Памятной книжки Акмолинской области на 1915 год», – особенно в тех уездах, где русские поселки вплотную подошли к киргизским аулам или окружили их. Киргизы сознали необходимость изучения русского языка. Они часто возбуждают ходатайства об открытии аульных школ, охотно идя в этом отношении навстречу путем предоставления помещения и отопления» [6, с. 337–38].

Таким образом, Семипалатинская учительская семинария сыграла важную роль в подготовке педагогических кадров для русско-казахских школ, а ее выпускники внесли значительный вклад в развитие русского образования в казахской степи.

Список литературы

1. Журнал Министерства народного просвещения. – Ч.CCCLXII. – СПб., 1905. – Декабрь. – 1127 с.
2. Толочко А.П., Сквородина И.С. К истории становления и развития педагогических учебных заведений в Степном крае (конец XIX – начало XX вв.) // Валихановские чтения – 6. – Т. 1. – Кокшетау, 2001. – С. 6-8.
3. Айтмухамбетов А.А. Аульные школы на территории Акмолинской и Семипалатинской областей // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. – Вып. 2. – Т. 6–8, – 2000. – С. 80–85.
4. Государственный архив Томской области. – Ф. 126. – Оп. 2. – Д. 2066.
5. Обзор Семипалатинской области за 1911 год. – Семипалатинск, 1913. – 112 с.
6. Памятная книжка Акмолинской области за 1915 год. – Омск, 1915. – 158 с.

Summary

Tolochko A.P. The Role of the Semipalatinsk Teachers' Seminary in Preparing the Teaching Staff for Russian- Kazakh Schools in the Early XX Century

Factors that influenced the opening of the teachers' seminary in Semipalatinsk have been pointed out. The role of L.I. Lavrentiev the curator of the West-Siberian educational district in dealing with this issue has been noted. Preparation measures for opening the teachers' seminary have been considered. The sources of funding the seminary have been pointed out. The article examines the evolution of facilities and resources of the teachers' seminary. The student body has been analyzed. The contribution of the Semipalatinsk teachers' seminary to the training of teaching staff for the Russian- Kazakh schools in Steppe region in the early XX century has been defined.

Keywords: Semipalatinsk, teachers' seminary, early XX century, the training of teaching staff, Russian- Kazakh schools.

КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО И КАЗАХИ НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Хафизова К.Ш.

*Доктор исторических наук, китаевед, главный научный сотрудник
Международного Центра сближения культур
(2-й категории ЮНЕСКО)*

*Министерства культуры и спорта РК
kkhafizova@gmail.com*

Аннотация. В статье на основе документов, переведенных автором и ее многолетних исследований кратко описаны предыстория установления посольских и торговых связей Минской империи с Тимуром и Тимуридами, и присырдарьинскими городами, а также с казахами. После завоевания Джунгарского ханства Цинской империей установились посольские, торгово-экономические связи с Казахским ханством. Это привело к восстановлению северных маршрутов Шелкового пути. Казахское ханство и казахи также сыграли посредническую роль в продлении маршрутов Шелкового пути до Российской империи и среднеазиатских ханств.

Ключевые слова: Казахское ханство, Минская империя, Цинская империя, Шелковый путь, лошади, чай, Тимур, военные поселения

Народы и племена, проживающие на территории Казахстана, а также созданные ими государства издревле имели посольские, военные и торговые отношения с предками народа *хань*. Они открывали и осваивали маршруты с Востока на Запад и с Запада на Восток, шли вдоль рек и горных хребтов, через степи и пустыни вслед за движением солнца. Переселения тянулись десятилетиями и веками, с продолжительными остановками, тянувшимися десятки лет. Территория древнего Казахстана принимала волны миграционных потоков из разных племен, которые оставляли здесь следы своего хозяйствования и культуры. Извилистые пути тянулись по территории от Алтая до Каспийского моря и за их пределы до берегов Тихого океана и Персидского залива. Особенно расширилась коммуникация по территории Казахстана в период Монгольской империи в XIII–XIV вв., войска которой комплектовались тюрками-кипчаками и другими протоказахскими племенами. Город Отрар на территории Казахстана подал повод для сокрушительного вторжения монголов в Центральную Азию, однако, постепенно военные маршруты одновременно превращались в караванные пути. Кыпчаки и другие степняки участвовали в далеких походах, служили проводниками и охраняли торговые караваны. А торговлю по караванным путям взяли в свои руки мусульманские купцы.

На осколках огромной Монгольской империи образовались новые государства: Минская империя (1368–1644) в юго-восточной части Монгольской империи и несколько государств в ее западной и юго-западной

части, в которых власть потомков Чингисхана являлась неоспоримой. В продолжительной борьбе с ними возвысились Тимур (ум. в 1405) из рода *барлас* в междуречье Сырдарьи и Амударьи и китайский солдат, монах Чжу Юаньчжан (время правления 1368–1398), основатель династии Мин в междуречье рек Хуанхэ и Янцзы. Между Минской империей и Центральной Азией находились обширные земли Могулистана и Могулии, в которых проживали рода и племена, составившие этнообразующее ядро тюркских народов. После переноса столицы из Нанкина в Пекин в 1421 г. Мины начали более тесно общаться с владениями к северу и западу от провинции Ганьсу: Хами, Карахочжо, Турфаном, Бешбалыком, Илибалыком, затем с Хотаном, Кашгаром и при их содействии с империей Тимура. Посольства Тимура и Тимуридов, выступившие из Герата и Самарканда, приезжали в эти владения через Семиречье, набирая по пути торговцев и послов влиятельных правителей. В журналах среднеазиатских и минских послов, в официальных хрониках и династийной истории Мин (Мин ши) упоминаются посольства присырдарьинских городов: Отырара, Туркестана и других местностей, а также имена их правителей и старшин. На границе Китая, в провинции Ганьсу, они проходили через крепости Юйгуань и Цзяюйгуань, где производился таможенный досмотр. Эти международные посольства составляли вместе с торговцами внушительное число. Императоры династии Мин и сменившей ее династии Цин пытались ограничить их до 200 человек вместе с охраной и пастухами.

Минская династия претендовала на монгольское наследие в силу того, что Чингисхан был объявлен священным предком династии Юань, которую основал его внук Хубилай (1271–1294, годы правления) со столицей в Пекине. Эмир Тимур покровительствовал чингизидам, вначале он правил государством, признавая номинально их верховенство. Затем он женился на чингизидке, чтобы укрепить легитимность своих прав и прав потомков на власть. Он первым в своей семье стал известен под титулом *гураган* – зять золотого рода. Минские историки применяли термин *фума*, что означает *пристяжная лошадь*. В 1380 г. Минская империя выразила желание установить отношения с Самаркандом, ответное посольство во главе с муллой Хафизом было отправлено Тимуром в 1387 г. Тимур часто задерживал китайских послов, брал их с собой в походы, чтобы показать обширность и могущество своего государства. В монгольскую эпоху мусульмане постепенно заполнили всю Поднебесную, в связи с чем в Самарканд были выдворены 1200 (семей) мусульман из пограничных провинций. Это дало повод Амиру Тимуру пропагандировать идею борьбы с идолопоклонниками. Он не прекращал попыток взять под контроль Могилистан, совершил шесть походов в Семиречье. Прославившимся в походах полководцам Тимур выдал в уделы города казахстанского региона: Сайрам, Отырар, Туркестан, Кулан. В конце жизни он строил планы покорения Китая, тщательно обдумывая маршруты

походов. Основатель династии Мин Чжу Юаньчжан отправил своих послов на 13 году своего правления, в 1380 году. Амир Тимур прислал ответное посольство во главе с муллой Хафизом лишь через 7 лет. Ответное письмо Тимура было доставлено в Пекин в 1394 году. Он осыпал комплиментами династию Мин и выразил радость по поводу открытия торговых путей и пограничных крепостей его послам и торговцам. Посольства Самарканда, Герата привозили экзотические товары, а также редких животных: львов, слонов, породистых скакунов, ловчих птиц, дамасские клинки и ножи с красивыми рукоятками, драгоценные камни. После того как Тимур одержал победу над могущественными восточными государствами: Индией, Ираном, Османской империей, он решил схватиться с Китаем. Его послы, состоящие из купцов, военачальников, религиозных деятелей, собирали необходимые сведения. Возможно, этим были заняты и странствующие дервиши, которые зачастили в Китай. Тимур отклонил поход через Кашгарию, несмотря на краткость пути к ней из Андижана, чтобы не задерживаться с осадой и разрушением полисов Могулии. Он решил нанести молниеносный удар по Пекину с севера, отведя на операцию три месяца. Выдающийся полководец распорядился сеять зерновые культуры в Кулане и заготовить продовольствие. Командирами туменов были назначены правители Отырара – Бердибек и Туркестана – Нуриддин. Нуриддин выезжал во главе посольства Тимура в 1392 году. Но в самом начале похода, 18 февраля 1405 года, Тимур неожиданно скончался в г. Туркестане. Его наследники отказались от военных планов эмира, восстановили и расширили посольские, торговые и культурные связи с Минской империей по уже освоенным дорогам Шелкового пути. Минский император направил посольство для выражения соболезнования по случаю кончины *фума* Тимура. Сыгнак, Алмалык, Илебалык, Бешбалык были крупными торгово-экономическими и культурными центрами связи с кочевниками. За 276 лет правления Минской империи в ее официальных источниках мы не встретим упоминаний о казахах и об образовании Казахского ханства. Посольские связи Тимура и его потомков с Минской империей охватывают 1387–1449 гг., т.е. период до появления на исторической арене Казахского ханства. Однако в эти годы сформировались китайские внешнеполитические стратегемы и дипломатические институты. Кочевья племен и родов, вошедших в состав казахов, использовалась для прохода торговых караванов, а выращиваемый ими скот, в особенности лошади, оставались их главным товаром на Шелковом пути. Маньчжурская династия Цин опиралась на опыт международных связей Минской империи, но обогатила их традициями кочевников. Дипломатические институты кочевников формировались под влиянием политической культуры Степных и Лесных народов, тюрков, монголов и чжурчжэней (маньчжуров). В целом они сохраняли свою жизнеспособность до начала XX века.

Китайские товары появлялись на рынках присырдарьинских городов, они были знакомы степнякам. Их доставляли из Северо-Западного Китая мусульманские купцы, получившие преимущественные права в Монгольской империи. Торговые караваны тянулись по маршрутам Шелкового пути от Ганьсуского коридора до Сайрама, Сыганака, Ташкента, Самарканда и Бухары. Торговля с казахскими кочевниками не могла иметь в то время самостоятельного значения. Во-первых, потому что кочевья казахов не имели непосредственных границ с Китаем. Во-вторых, Казахское ханство находилось на стадии становления в борьбе с другими джучидами и с джунгарами. Во время образования Джунгарского ханства торговля вначале захлебнулась, а затем после стабилизации ханской власти вновь оживилась. И вновь это произошло благодаря энтузиазму «синдбадов» Самарканда и Бухары. Джунгарское ханство раскинулось от границ провинции Ганьсу до Прииртышья и Семиречья. Однотипные товары кочевого хозяйства не выдерживали конкуренции с джунгарскими из-за дальности расстояния до китайских рынков, а также совершенного отсутствия политических связей казахов непосредственно с Китаем. Чем меньше расстояние для перегона живого товара, тем больше возможности доставить его без потерь и продать без убытка. Но существовала форма двойного и тройного обмена. Скот закупался мусульманскими торговцами у казахов, перегонялся до Джунгарии, здесь он обменивался на скот ойратов и перегонялся до границ провинций Ганьсу, Цинхай.

С образованием Казахского ханства стала осуществляться его непосредственная связь с Китаем.

Таким образом, торговля с казахами и все товары казахов имели стратегический характер, в особенности лошади. Они были необходимы для формирующихся в Северном и Южном Притяньшанье военных гарнизонов, генерал-губернаторств. Лошади использовались Цинами в дальних и ближних военных походах и для подавления восстаний народов Синьцзяна. Казахский скот и продукты скотоводства по-прежнему пригонялись мусульманскими торговцами на открытые по инициативе и находящиеся под контролем Военного Совета рынки Северного Притяньшанья. В разоренную Джунгарию купцы приезжали с юртами казахов, кыргызов расставляли их по рядам в отведенном для торговли месте. Также особенные площадки отводились для мены лошадей и другого скота. Лошади приобретались для военных поселений, образованных по всему Северному Притяньшанью, т.е. в собственно Джунгарии. Интересно, что план о создании военных поселений в Российской империи встретил яростное сопротивление передовых слоев населения. Этот план не одобрял и Аракчеев (1769–1834), с именем которого связывают эти поселения. Появилось понятие «аракчеевщина», под которым подразумевались жестокость и мракобесие в предлагаемых реформах. Между тем, открытие военных поселений было предложено императором Александром I (1777–1825), для того чтобы солдаты из крестьянских детей, которые должны были тянуть военную лямку 25 лет, могли иметь семью, в мирное время заниматься

привычной крестьянской работой. В новообретенных административных районах Цинской империи военные поселения получили развитие и помогли расширению посевных площадей, строительству оросительных каналов, созданию животноводческих ферм, в особенности конеферм с применением научной селекции и ветеринарии. История военных поселений завершилась в современное время созданием Синьцзянского производственного корпуса, затем переименованного в Синьцзянский производственно-строительный корпус (СПСК) (кит. 新疆生产建设兵团). Он был создан во времена правления Мао Цзэдуна, 7 октября 1954 года, сегодня в нем состоят на службе также женщины. Корпус имеет военизированную структуру, полки и дивизии. Они строят города и магистрали через труднопроходимые местности, в том числе через пустыню Такла-Макан и горные проходы. Здесь служат представители национальных меньшинств КНР: уйгуры, казахи, дунгане и другие национальности, но все же численное превосходство служащих составляют *ханьцы*. Пользуясь своим превосходством, КНР может заключать договоры об участии СПСК в крупных проектах в странах ислама: они строили тоннели в Таджикистане, дороги к священным Мекке и Медине в Саудовской Аравии, а также других мусульманских странах.

Однако вернемся к XVIII–XIX векам. Как бы ни использовались казахские лошади в Цинской империи, потребности рынка способствовали поддержанию коневодства у казахов. Можно утверждать, что в период Цинской империи произошло подключение казахов к северной ветви Шелкового пути. Не довольствуясь этим, казахские правители стремились к торговле в Южном Притяньшанье, в Кашгарии. Отдельные породистые лошади, переданные в дар (по терминологии цинской династии *дань*) цинским императорам, что несло политическую окраску, хотя имело и символический характер, являлись обменом дарами на высшем уровне. Надо сказать, что увеличение табунов коней способствовало вольности казахов, а их уменьшение вело к зависимости от держав. Находясь в тисках двух держав и двух цивилизаций, казахам трудно было сохранить свою независимость. Однако помимо экономического и политического значения торговля лошадьми имела цивилизационное значение. Лошади обогащали культурно-цивилизационную часть диалога, служили темами китайской поэзии, живописи, скульптуры. Символом Шелкового пути является именно это прекрасное животное, сделанное из бронзы – лошадь.

Вначале знать, а затем и другие слои населения приобретали шелка, бархат, вельвет не только из собственно Китая, но и из Кашгарии. Невозможно перечислить все сорта шелка и их качества, это отдельная тема исследования. Превалировал тип обмена лошади на шелк. Кроме того, в Китае заказывались бумага, личные печати, ремесленные бытовые и сельскохозяйственные товары. В том числе, трудно перевозимые для кочевников фарфор и керамика. Также кочевники получили возможность обменивать скот и продукты животноводства на рис, пшено, другие зерновые культуры.

Казахи не только получали товары сами, но и помогали продвижению торговых караванов в другие страны Востока и в Россию. Кочевники предоставляли лошадей и верблюдов для караванов, обеспечивали их охрану, служили проводниками по бескрайним степям и караванов. До второй половины XIX века русские и среднеазиатские купцы выезжали в Китай как представители казахских султанов и ханов, имея на руках официальное подтверждение об этом.

Список литературы

1. *Хафизова К.Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV-XIX вв.) – Алматы: Гылым, 1995. – 286 с.
2. *Хафизова К.Ш.* Казахская стратегия Цинской империи. – Алматы: Издательский дом «Таймас», 2007. – 106 с. с илл.
3. *Хафизова К.Ш.* Диалог цивилизаций на Шелковом пути. – Астана: Гылым баспасы, 2015. – 415 с. с илл.
4. *Хафизова К.Ш.* Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. – Нур-Султан, 2019. – 480 с. На каз. яз. Дала билеушілері және олардың дипломатиясы. XVIII–XIX ғасыр». – Астана, 2022. – 488 б.
5. *Хафизова К.Ш.* Шелковый путь в XV-XVI вв. / Восток. Прошлое и будущее народов. IV Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов. Т.2. – М.: Наука. 1991. – С.201-202.
6. Кочевой мир в танской поэзии // Мысль. – 2014, – № 1 – С.40–53 / Иран-наме. – 2015. – № 1–2 (33–34). – С.145–151.
7. Галерея славы Палаты Пурпурного блеска / Мысль. – 2016. – № 1. – С. 70–78.
8. Чжунъя юй Дунъя вэньминде дуйхуа (Диалог цивилизаций Центральной и Восточной Азии Ханьсюэцзя юй чжунвай вэньхуа цзяолу цзотаньхуй вэньцзи (На кит. и англ. яз.) / Сборник докладов симпозиума «Китаеведы и международный культурный диалог». – 2015. Пекин: Историко-культурные основы сотрудничества Казахстана и Китая на Шелковом пути. Экспертный клуб «Один пояс и один путь», Инициатива «Один пояс и один путь»: состояние и перспективы (посвящается 5-летию провозглашения инициативы Председателя КНР Си Цзиньпина) / Сб. материалов научной конференции Исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета. – Алматы, 2018. – С. 119–125; Чжунго циньянь чубаньшэ. – С.140-145.
9. Доклад «Феномен Шелкового пути» // Международный ZOOM семинар Северо-западного университета национальностей г. Ланьчжоу КНР «Языки, литература и их переводы в странах Шелкового пути». 9–11 июля 2021 г. 30 лет: вехи научного сотрудничества (в соавторстве Каламкас Есимова) // 30 лет дипломатическим отношениям Республики Казахстан и Китайской

Народной Республики: от становления до стратегического сотрудничества. Сборник материалов научной конференции. – Алматы: Научно-исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета (DKU), 23 декабря 2021 г. – Алматы 2022. – С.36–83 (208 с.).

10. Сборники документов и материалов: Цинская империя и казахские ханства» (в дальнейшем ЦИКХ) – Нур-Султан, 2020. – 336 с.

11. Восточная дипломатия на стыке цивилизаций. Конец XIV – 70-е годы XIX вв. / Сборник документов и материалов. Отв.ред. Д.К. Кыдырали., К.Ш. Хафизова – автор предисловий, перевод китайских документов, указателей, научных комментариев. – Астана, 2015. – 399 с.

Summary

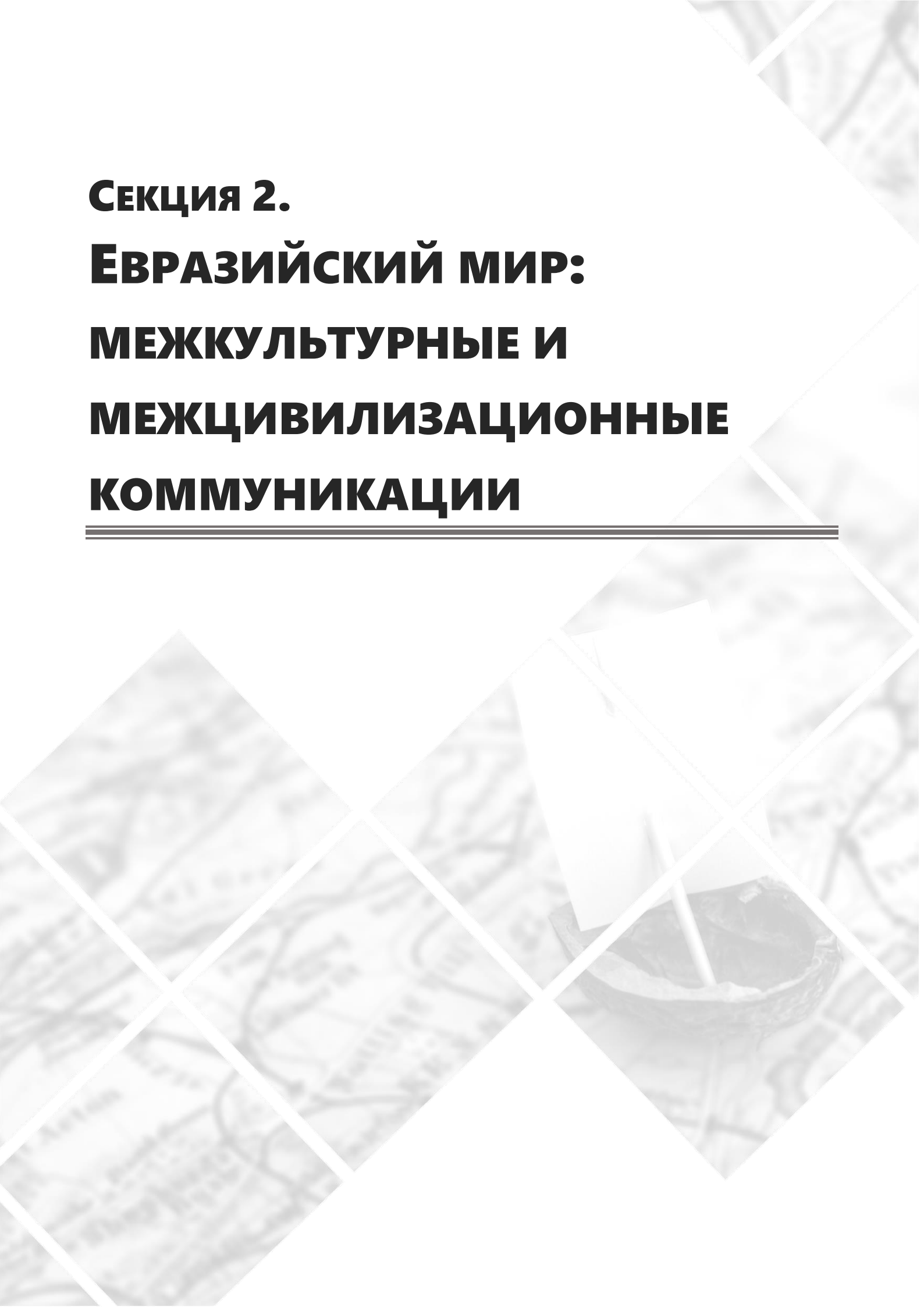
Khafizova K.Sh. Kazakh Khanate and Kazakh on the Silk Road

In the presentation based on documents translated by the author and her many years of research, a brief history is described of the establishment of diplomatic and trade relations between the Min Empire and Timur and the Timurids, as well as with the Prisyr Darya cities and the Kazakhs. After the conquest of the Dzungar Khanate by the Qing Empire, diplomatic and trade relations were established with the Kazakh Khanate. This led to the restoration of the northern routes of the Silk Road. The Kazakh Khanate and the Kazakhs also played a mediating role in extending the Silk Road routes to the Russian Empire and the Central Asian Khanates.

Keywords: Kazakh Khanate, Minsk Empire, Qing Empire, Silk Road, horses, tea, Timur, military settlements

СЕКЦИЯ 2.

**ЕВРАЗИЙСКИЙ МИР:
МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ И
МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ
КОММУНИКАЦИИ**

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ АБАЗИН В XXI ВЕКЕ

Албогачиева М.С.-Г.

*Доктор исторических наук,
заведующая отделом этнографии Кавказа
Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН
г. Санкт-Петербург, Россия
albtac@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются современные процессы, происходящие в абазинском обществе, связанные с сохранением самобытной культуры коренного малочисленного народа Карачаево-Черкесии. Некогда сильный и многочисленный абазинский народ, обитавший на Кавказе в середине XIX века, был вынужден покинуть историческую родину и эмигрировать в другие страны. В результате этого переселения абазины оказались разбросанными по различным уголкам мира. Они прошли свой нелегкий исторический путь и на рубеже XX–XXI веков начали свою активную деятельность по сохранению своего народа, объединив усилия не только живущих в Российской Федерации, но и проживающих за пределами исконной Родины. Был создан Всемирный абхазо-абазинский конгресс, деятельность которого направлена на возрождение родного языка, культуры, традиций абазинского народа.

Ключевые слова: абазины, автохтоны, Карачаево-Черкесия, Кавказ, язык, коренные малочисленные народы, традиции, эмиграция.

Абазины — автохтоны Кавказа, отнесенные к малочисленным народам Российской Федерации, проживают в Карачаево-Черкесии. Исповедуют ислам суннитского толка. Язык этого народа относится к абхазо-абазинской ветви абхазо-адыгской группы языков Кавказа.

«До XIV в. абазины жили на северо-западном побережье Черного моря между реками Туапсе и Бзыбью. В период с XIV по XVII в. они стали переселяться на северный склон Главного Кавказского хребта, занимая верховья рек Лабы, Урупа, Большого и Малого Зеленчуков, Кубани и Теберды» [1, с. 4]. «Переселившиеся на Северный Кавказ в XIX веке абазины говорят на ацхарском (горном) диалекте, близком абхазскому языку. Ранняя волна переселенцев — равнинные абазины — говорят на наречии тапанта, вобравшем в себя больше северокавказских элементов, этот диалект был взят за основу современного литературного абазинского языка» [2, с. 71].

Упоминания о предках народа абазы встречаются в источниках II в. н. э. Некогда сильный и могущественный народ, занимавший стратегически важное место в регионе, в середине XIX века был вынужден покинуть свою историческую родину после поражения в Кавказской войне. Абазины, как и многие другие исламизированные народы Кавказа, искали спасение в эмиграции в мусульманские регионы мира. Это был своего рода социальный и политический протест против российской аннексии их земель, но вместе с тем и религиозным

движением мусульман, видевших на этом пути сохранение своей веры. Переселение началось с мест исконного проживания в 1856 и завершилось в 1864 г. По неполным официальным данным в 1859–1866 гг. в Турцию переселилось около 30 тыс., по другим источникам — 45 тыс. абазин. В пределах Кубанской области к 1883 г. оставалось менее 10 тыс. абазин [3, с. 43].

Уезжая в чужую страну, мусульмане рассчитывали совершить хадж в Мекку и надеялись на помощь единоверцев. Но реальная картина не соответствовала их чаяниям и надеждам. Обманутые и преданные многие переселенцы пытались вернуться обратно, но им не была предоставлена такая возможность. В результате переселения мухаджиры-абазин оказались расселены в различных уголках мира. Однако самые значительные диаспоры представлены в Турции, Египте, Сирии, Иордании, Ливане.

Численность абазинского народа в результате вышеуказанных процессов значительно сократилась. В последующий исторический период не наблюдался значительный прирост населения. Революция, гражданская война, Великая отечественная война тяжело отразились на численности населения. Многие абазин уезжали в другие регионы страны и увеличили численность близкородственных народов, не указывая свою этничность.

Численность абазин по переписи 1959 г. в СССР составила 20 тыс. [4, с. 232]. В последующие десятилетия численный состав населения не значительно увеличился. Чиновники понимали, что, если не будет государственной поддержки, многие народы могут вообще раствориться в других этносах и будут потеряны некоторые малочисленные народы. После долгих подготовительных мероприятий 30 апреля 1999 г. был принят Федеральный закон № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации». В нем к коренным малочисленным отнесены «народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями»¹. Многие годы абазин подавали документы для включения их в список коренных малочисленных народов РФ. Однако в силу различных конъюнктурных интересов региональных и федеральных властей этот вопрос долгие годы обсуждался, но не решался на нужном уровне. Тем не менее, в 2000 г. абазин были включены в список коренных малочисленных народов. Это позволило им реализовать вопрос о создании Абазинского района. Многие десятилетия абазин, являющиеся титульной нацией в Карачаево-Черкесии, постоянно выдвигали требования о создании отдельного Абазинского района.

Летом 2005 г. абазин вышли на бессрочный митинг на центральную площадь столицы республики с требованием создать Абазинский район. Правительство Карачаево-Черкесской Республики удовлетворило их

¹ Федеральный закон РФ от 30.04.1999. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ред. от 13.05.2008). Электронный ресурс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928 (дата обращения: 02.12.2020).

требование. «Абазины, основываясь на реализации федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» и республиканского закона «О правовом статусе коренного малочисленного народа абазин в Карачаево-Черкесской Республике», добились создания Абазинского района». В результате чего на административно-территориальной карте региона появился Абазинский район.

Создание Абазинского района позволило абазинам занять достойное место среди других народов, населяющих республику. Большим достоинством абазинского народа является социально активная, творческая молодежь, которая составляет 33,5% от общей численности абазин. На сегодняшний день они являются движущей силой этого малочисленного народа. От их работы зависит будущее нации. Они понимают это, и рука об руку со старшим поколением строят свое будущее, которое они связывают и с теми, кто покинул родину в XIX веке [5, с. 38]. В этом вопросе им помогает активное использование информационных технологий. С помощью Интернета многие находят не только соотечественников, но и родственников, связь с которыми была утрачена предками современных абазин еще 150 лет назад.

Это движение обрело большие масштабы. Для поддержания связей с абазинами из разных уголков мира было решено создать общий орган, который будет координировать работу по сохранению национальной идентичности абазинского народа, независимо от места проживания. Реализовать такую идею удалось 8 октября 1992 г. в абхазском селении Лыхны, где начал свою работу Всемирный абхазо-абазинский конгресс. В нем приняли участие народы, проживающие на исконной родине и живущие за ее пределами. «Первое заседание Исполнительного комитета Всемирной Ассоциации народа абазы, или Международной Ассоциации абхазо-абазинского (абазы) народа (МАОАН), состоялось 9 октября 1992 г. в городе Гудаута. На заседании был принят Устав, который отразил основные цели организации: возрождение этнокультурного единства абхазо-абазинского (абазы) народа; создание необходимых условий для добровольного возвращения на историческую родину представителей диаспоры; участие соотечественников в экономическом, социальном и культурном развитии Абхазии; восстановление подлинной истории, сохранение национальной самобытности, традиций и обычаев абхазо-абазинского (абазы) народа»¹. За эти годы проделана большая работа по изучению родного языка соотечественниками, проживающими более чем в сорока странах мира. Были подготовлены и вышли в свет сборники сказок, песен, рассказов для детей школьного и дошкольного возраста, обеспечены курсы изучения абхазского языка в Турции. Разбросанные по разным странам и даже континентам люди ощущают свое единение в созданном для этой цели Всемирном абхазо-абазинском конгрессе. Наличие

¹ См.: Единый и неделимый. Об истории Всемирного абхазо-абазинского конгресса // Электронный ресурс. URL: <https://abaza.org/edinyy-i-nedelimyy-ob-istorii-vsemirnogo-abkhazo-abazinskogo-kongressa> (дата обращения 12.12. 2020).

такого координирующего центра позволяет решать насущные вопросы, возникающие у малочисленного народа. Многие абазыны, живущие за пределами их исконной родины, потеряли важные этномаркирующие признаки и пытаются их возродить даже на чужбине благодаря созданным в социальных сетях платформам по изучению родного языка. Глобализация в некотором роде послужила процессу возрождения традиционных ценностей. Возможность через социальные сети укреплять и репрезентировать народную культуру широко используется как жителями крупных городов, так и жителями сел, которые активно задействовали «Инстаграм», «Ватсап», «ВКонтакте», «Фейсбук» и другие социальные сети для достижения поставленных целей. Наличие таких платформ расширяет инструментарий для реализации поставленных задач, дополняя новыми возможностями.

С декабря 2017 г. Председателем Высшего Совета Конгресса является известный ученый, бизнесмен и меценат Мусса Хабалевич Экзиков. На данном этапе Всемирный абхазо-абазинский конгресс ведет активную работу по 7 основным направлениям: образование, культура, спорт, семья и дети, здравоохранение, сохранение и развитие родного языка и дела молодежи. В период с 2017 по 2019 гг. организация открыла 11 представительств в 7 странах: Абхазия, Россия (Санкт-Петербург, Москва, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Ставрополь), Турция, Германия, Нидерланды, Бельгия и Великобритания. На сайте конгресса, запущенного в марте 2018 г., насчитывается более 2000 материалов на 6 языках: абхазском, абазинском, русском, английском, турецком и арабском. Еще один значимый для абазинского народа проект был запущен намного раньше — 25 февраля 2011 г. в Санкт-Петербурге М. Х. Экзиковым. Это Автономная некоммерческая организация «Международное объединение содействия развитию абазино-абхазского этноса «Алашара» (АНО «Алашара»). Всемирным абхазо-абазинским конгрессом и АНО «Алашара» была разработана программа по сохранению и развитию родного языка, культуры, развитию гражданского общества, программа по информационно-аналитическому обеспечению населения, популяризации физической культуры и здорового образа жизни, программы по вопросам семьи и детей, развития молодежи, правовой консультации населения и др.¹. Под эгидой Международного объединения содействия развитию абазино-абхазского этноса «Алашара» издается Международный журнал «Страна Абаза». На страницах этого издания публикуются различные материалы, связанные с культурой, историей, этнографией абазинского народа. Это позволяет налаживать связь с абазинами всего мира, объединенными общей идеей сохранить свой народ независимо от места проживания.

Сохранение родного языка

Сегодня одной из главных задач, стоящих перед абазинским народом, является сохранение абазинского языка. К великому сожалению, с годами ситуация с языками народов РФ очень сильно ухудшилась. К умирающим

¹ См.: Публичный отчет АНО «Алашара» за 2019 год.

языкам отнесены не только языки малочисленных народов. Согласно опубликованным в начале 2009 г. исследованиям специалистов ЮНЕСКО, в Кавказском регионе к числу вымирающих отнесены абхазский, адыгейский, ингушский, кабардино-черкесский, карачаево-балкарский, чеченский и некоторые другие языки¹.

В последние десятилетия абазинский язык, как и языки других народов, не является социально значимым, поскольку государственная программа преподавания в школах родного языка привела к его унификации и нивелированию. На столь плачевное положение языка повлияло и то, что в республике живут представители различных народов, многие состоят в межнациональных браках. Весь комплекс обозначенных проблем привел к формированию устойчивого абазино-русского билингвизма. Такая картина характерна и для других регионов Кавказа [6, с.475]. «Общей социалингвистической закономерностью является то, что родной язык, уступая социальные функции языку большинства населения, употребляется в основном в быту, а затем утрачивается. Это подтверждают данные опроса, проведенного среди молодежи республики в 2014 г. С друзьями 64,5% респондентов общаются преимущественно на русском языке, 28,5% — на родном языке. По данным другого социологического опроса, проведенного в КЧР среди молодежи, 46,9% опрошенных абазин выписывают газету на родном языке и только 24,5% из них ее читают. Что касается телевидения на родном языке, то 40,8% респондентов смотрят передачи регулярно, 49% опрошенных смотрят редко. 6,1% молодых людей отметили, что в их семьях не говорят на абазинском языке, 11,2% опрошенных считают, что им плохо преподают абазинский язык в школе, 9,8% ответили, что испытывают дефицит в учебниках или пожаловались на их состояние, 39,8% опрошенных отметили, что издается мало книг на родном языке. Анализ ответов в молодежной среде показывает снижение функциональной востребованности абазинского языка. В 2014 г. Черкесским отделением Международного объединения содействия развитию абазино-абхазского этноса «Алашара» была разработана «Стратегия сохранения абазинского языка», в которой говорится, что языковая проблема для абазин стала общенациональной [7, с. 140].

Понимая, что родной абазинский язык находится на грани исчезновения, патриотически настроенная часть населения в последние десятилетия проводит большую работу по сохранению самобытной культуры абазинского народа. Организуются научные конференции, круглые столы, форумы, на которых рассматриваются различные вопросы, связанные с сохранением абазинского языка. Кроме того, на сайтах Союза абазинской молодежи «Шарпны» и «Абаза 26» имеются абазинско-русские и русско-абазинские онлайн-словари, включающие в себя транскрипцию и аудиотреки. Объединение содействия

¹ См.: ЮНЕСКО признала языки народов Северного Кавказа исчезающими // Электронный ресурс. URL: <http://kvkz.ru/knews/2174-yunesko-priznala-yazyki-narodov-severnogo-kavkaza.html> (дата обращения 12.01 2021).

развитию абазино-абхазского этноса «Алашара» организовало курсы абазинского языка, которые позволяют овладеть абазинской разговорной речью в течение 3–6 месяцев. Переиздаются книги на абазинском языке, переводятся мультфильмы, созданы приложения для смартфонов на абазинском языке [8, с. 92]. С 2017 г. в детских садах в абазинских аулах внедрено обучение родному языку. Активисты этой общественной организации побуждают молодежь к изучению профессии филолога – специалиста по абазинскому языку, мотивируют их к защите кандидатских диссертаций. Уже традиционным в КЧР стал проводимый объединением «Алашара» и Карачаево-Черкесским государственным университетом совместно с Министерством образования и науки КЧР и администрацией Абазинского муниципального района фестиваль абазинского языка и литературы [9, с. 101].

Возрождение национальных традиций

В Республике Карачаево-Черкесия наблюдается тенденция по возрождению национальных традиций и национальной культуры абазин. В частности, созданы народные ансамбли песни и танца, творческие коллективы которых выступают на различных площадках не только в Карачаево-Черкесии, но и за рубежом. Предпочтение, конечно, отдается тем странам мира, где живут мухаджире, покинувшие родину в середине XIX века. Демонстрируя зрителям вокальные и танцевальные традиции абазинского народа, артисты пытаются донести эту традицию до современников. Также проводятся ярмарки народного искусства, где продаются различные сувениры, созданные руками местных умельцев. Это позволяет наглядно представить культуру малочисленного абазинского народа.

Несмотря на все сложности современного периода и процессы глобализации, мы видим, как бережно передаются из поколения в поколение некоторые ритуалы, связанные с обрядами жизненного цикла. Часть из них, безусловно, утрачена на различных этапах развития абазинского народа, но вместе с тем многое еще продолжает существовать и культивируется в обществе. Рождение, свадьба, похороны и поминки проходят с учетом местных традиций и по канонам ислама.

Укрепление духовной культуры народа

Проникновение ислама к абазинам началось в XVII в., вместе с тем известно, что еще в середине XIX в. у части абазин сохранялись некоторые обряды, связанные с христианским периодом и их древними верованиями [10, с. 42].

Современные абазины, мусульмане сунниты, принадлежат ханафитскому мазхабу. Ритуальные практики напрямую связаны с их приверженностью к исламу. Религиозная часть мусульман строго соблюдает пять столпов ислама. В дни пятничных молитв соборные мечети республики заполняются желающими провести этот религиозный обряд именно в стенах культового сооружения. Многие отпрашиваются с работы на время намаза и возвращаются к своим обязанностям после него. Для этого в республике есть соборные и квартальные

мечети. Абазинцы отмечают религиозные праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам. Некоторые соблюдают большой пост, который начинается за три месяца до праздника Курбан-байрам, и малый пост, который приходится на месяц Ураза-байрам. Особенно религиозная часть мусульман регулярно соблюдает пост по понедельникам и четвергам, как и пророк Мухаммад. Для абазинского общества также характерно наличие в обществе салафитов, но их незначительное число. Многие молодые люди отрачивают бороду и заставляют своих жен, матерей, сестер и дочерей надевать хиджаб. Но на данном историческом этапе это не является массовым явлением.

Как сообщают информанты, в 2000-х годах в соборной мечети Черкесска можно было на пятничной молитве увидеть около 10-15 человек. В настоящее время это переполненные мечети и огромное количество прихожан. Примечательно, что большая часть тех, кто приходит на молитву, являются молодыми людьми. Это дети тех, кто в советское время не практиковал намаз и не соблюдал основные столпы ислама. Постепенно идет процесс укрепления ислама в местном обществе.

Как видно из вышеизложенного, традиции и обычаи абазинского народа претерпели значительные изменения под влиянием социальных, экономических, культурных процессов, но при этом система ценностей, выработанная веками в абазинском обществе, еще сохранилась.

В обществе наблюдается повышенный интерес к истории и этнографии своего народа. Большую роль в реализации новых проектов играет Всемирный абхазо-абазинский конгресс и Международное объединение содействия развитию абазино-абхазского этноса «Алашара», которые являются генераторами идей всего общества. Сознательная часть общества под эгидой вышеназванных организаций из года в год поднимает уровень развития своего народа и уверенно движется вперед. За последние годы реализованы многие социально значимые проекты и поставлены новые цели и задачи, которые абазинское общество обязательно решит.

Список литературы

1. Абазинцы. Историко-этнографический очерк. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1989. – С. 4.
2. Емельянова Н.М. Влияние исламского фактора на ориентиры абазинского общества в России // Ислам в современном мире. – 2015. – Т. 11. – № 3. – С. 71.
3. Табулов А.К. Абазинцы: проблемы этнической идентификации в современной России // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – Вып. 12. – С. 43.
4. Народы Кавказа. Этнографические очерки. Под общей редакцией С. Толстова. В 2 т. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – Том 1. – С. 232-243.

5. *Албогачиева М.С.-Г.* Опыт сохранения традиционной культуры абазинского народа // *Этнография*. – 2022. – № 3(17). – С. 33-48.

6. *Албогачиева М.С.-Г.* Абазинский язык: история и современность // *Уральский исторический вестник*. – 2021. – № 2(71). – С. 90-98.

7. *Албогачиева М.С.-Г.* Влияние образования на функциональное изменение ингушского языка // *Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. Сб. статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. Российская академия наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)*. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. – С. 471–494.

8. *Кубанова Л.В.* Языковая политика КЧР в отношении этнических меньшинств (на примере абазин) // *Евразийский союз ученых (ЕСУ)*. – 2015. № 4 (13). – С. 139–141.

9. *Кубанова Л.В.* Проблемы сохранения и развития родного языка малочисленного народа абазин в Карачаево-Черкесской Республике // *Правовые основы функционирования государственных и региональных языков в условиях двух и многоязычия (мировой опыт реализации языковой политики в федеративных государствах). Сборник материалов международной научно-практической конференции*. – 2019. – С. 109–111.

10. *Табулов А.К.* Абазинцы: проблемы этнической идентификации в современной России // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. – 2011. – Вып. 12. – С. 42.

Summary

Albogachieva M.S.-G. Features of the Ethnocultural Development of Abazines in the 21-st Century

The article discusses the modern processes taking place in Abazi society related to the preservation of the original culture of the indigenous small people of Karachay-Cherkessia. The once strong and numerous Abazin people who lived in the Caucasus were forced to leave their historical homeland and emigrate to other countries in the middle of the 19th century. As a result of this relocation, the abazines were scattered throughout various parts of the world. They passed their difficult historical path and at the turn of the XX-XXI centuries began their active activities to preserve their people, uniting the efforts of not only those living in the Russian Federation, but also those living outside the original homeland. The World Abkhaz-Abazin Congress was created, whose activities are aimed at reviving the native language, culture, traditions of the Abazin people.

Keywords: Abazins, autochthons, Karachay-Cherkessia, Caucasus, language, indigenous peoples, traditions, emigration.

ТРАНСФОРМАЦИИ, ПРОИЗОШЕДШИЕ В ТРАДИЦИЯХ ВОСПИТАНИЯ ИНГУШСКОЙ ДЕВОЧКИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИСЛАМА

Албогачиева М.С.-Г.

*Заведующий отделом этнографии Кавказа Музея антропологии и этнографии
имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, доктор
исторических наук
г. Санкт-Петербург, Россия
albmac@mail.ru*

Гетагазова А.М.

*Аспирант
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
г. Нальчик, Россия
getagazova2013@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются трансформации, произошедшие в традициях воспитания ингушской девочки под влиянием реисламизации нации.

Для раскрытия заявленной темы в работе проведен сравнительный анализ религиозных и традиционных взглядов на правила воспитания девочки в семье и описаны прижившиеся в ингушском быту практики. В основу статьи легли как опубликованные письменные источники, так и результаты полевых исследований, проведенных автором в разных городах и селах Республики Ингушетия в 2022–2023 гг., позволившие глубже изучить проблемное поле исследуемой темы.

На основании данных, полученных в результате исследования, удалось показать, что некоторые традиционные взгляды на воспитание девочки-ингушки согласуются с религиозными и в связи с этим лишь крепнут в воспитательных практиках ингушей. Также в работе отмечено, что в некоторых вопросах воспитания девочек-ингушек, таких, к примеру, как допустимость совместной трапезы девочек с отцами или ласковое отношение родителей к дочерям при посторонних людях, современные ингуши предпочитают придерживаться религиозных установок, предпочитая им традиционные.

Ключевые слова: воспитание, религия, дочь, девочка, ингуши.

Одним из новшеств последних десятилетий в воспитательных традициях ингушей стало религиозное просвещение детей, в том числе девочек. Эта практика была распространена в начале XX века. Существовали примечательные школы, но в основном их посещали мальчики. «Образование в данных школах подразделялось на начальное – *муталимы*, среднее – *дийшанах* (ингуш. досл. –

люди выучившиеся, читавшие) и высшее – *мол*, *Іаламсаг* (ингуш. досл. – человек науки, от *Іилм* (араб.) – наука и *саг* (ингуш.) – человек)» [1]. Девочки в основном получали свои знания по исламу дома, от старших в семье. Некоторые посещали медресе, но их было мало. Советская идеология была направлена на борьбу с религией, и в указанный период родители большинства детей сами боялись выражать свою религиозную принадлежность. Особенно подвержены контролю были представители кадирийского братства Кунта-хаджи Кишиева, практиковавшие громкий зикр [2, стр. 101–107]. В этих семьях особое внимание уделялось религиозному образованию и обучению девочек ритуальным практикам зикра. Здесь же отметим, что в этом братстве девочки, даже в советскую эпоху, практиковали громкий зикр и были хорошо знакомы с основами мусульманской религии. Но их было немного, так как их религиозная активность проходила тайно, в закрытых помещениях и в стороне от посторонних взглядов.

Напомним, что государственная политика советской эпохи была направлена против религии. В последующий же исторический период и до наших дней религия вышла на официальный уровень, и государством гарантируется право на свободу вероисповедания. В стране стали открываться мечети, медресе, исламские институты. Люди получили возможность открыто и без оглядки выполнять религиозные предписания. Родители стали больше уделять внимания религиозному воспитанию детей.

Прививая детям нравственные ориентиры, родители-ингуши уже не обращаются к примерам былинных героев, как это практиковалось в бытность далеких предков. Теперь ответы на все морально-этические вопросы подрастающих поколений родители стараются найти в религии Ислам, к которой и приобщают своих детей. Примером для детей служат истории из жизнеописания пророка Мухаммада (с.а.с.), обладавшего лучшими человеческими достоинствами, а также его ближайших сподвижников и членов их семей.

С малолетства ингушские девочки теперь читают короткие молитвы на память, а некоторые из них с 8–10-летнего возраста даже совершают ежедневный 5–кратный намаз.

Респондентка Айна из города Магаса поделилась: *«Я одна воспитываю дочь. Религия всегда была для меня отдушиной и помогала справляться с жизненными сложностями. Поэтому для своей девочки я всегда считала приоритетным приобщение к основам религии Ислам. Параллельно с поступлением в первый класс школы я наняла для нее педагога по религии, которая изучала с ней азкары (молитвы), учила совершать намаз и даже обучала арабскому алфавиту. Через два года занятия пришлось прервать, так как я не имела возможности продолжать их оплачивать, но моя дочь, которой сегодня 9 лет, очень полюбила религию и не только совершает ежедневный пятикратный намаз, но и читает религиозную литературу для детей. Нередко может и меня поучать хадисами, напоминает мне читать соответствующие*

азкары. В вопросах воспитания дочери я в основном ориентируюсь на нашу религию» [ПМА №1, Айна, Магас, 2023 г.].

В школах Ингушетии в наши дни предусмотрено обучение по предмету «Основы религии». Занятия проводятся по 2 часа в неделю с 5 по 11 классы. Инициатива введения в школах республики часов по предмету «Основы религии» была вызвана необходимостью религиозного просвещения подрастающих поколений на фоне возникшей в конце 90-х годов проблемы роста террористической и экстремистской активности на Кавказе. Низкий уровень исламского образования местного населения позволял вербовщикам привлекать в свои ряды молодых людей. Именно поэтому в целях борьбы с экстремизмом и терроризмом, Распоряжением Президента Республики Ингушетия от 28 мая 1998 г. во всех общеобразовательных школах Ингушетии в 5–11-х классах был введен обязательный курс «Основы религии». В процессе изучения данного курса учащиеся получают необходимые знания по основным пяти столпам ислама, согласно учению Шафиитского мазхаба, приверженцами которого ингуши и являются. Преподаватели этой дисциплины ежегодно проходят переаттестацию в муфтияте Республики Ингушетия [3, стр. 195–196]. Кроме того, родители предпочитают вести религиозное воспитание своих детей и в семье. Так, многие покупают детям религиозную литературу, широко представленную в исламских и книжных магазинах, а также водят в качестве дополнительных занятий в районные медресе, где девочек и мальчиков обучают основам религии.

История жительницы с.п. Плиево: «Моя семилетняя дочь испытывала сложности в школе. Она задавала мне так много вопросов о взаимоотношениях с одноклассниками, что я, перепробовав разные методы философских обоснований на бытовом уровне, все же пришла к выводу об их бесполезности и необходимости поиска чего-то большего, что помогло бы мне научить дочь правильно воспринимать окружающих и выстраивать с ними отношения.

Я нашла в исламском магазине книгу для детей «Истории пророков» и стала читать дочери на ночь вместо сказок. Написанные доступным для детей языком истории пророков, как это ни удивительно, так или иначе очень сильно перекликались с ситуациями, возникающими у моей дочери при общении с другими детьми. Порой мне даже не приходилось самой что-либо ей разъяснять, она сама прекрасно рассуждала и рассказывала о своих выводах.

Такие часы чтений перед сном именно религиозной литературы для детей стали нашей маленькой традицией и очень благотворно влияют как на ее воспитание, так и на ее взаимоотношения со сверстниками» [ПМА №2, Хади, Плиево, 2023 г.].

В отличие от адатов ингушской традиционной культуры взаимоотношений родителей с детьми, запрещающей и воспринимающей как слабость ласку и трепетное отношение к младшим членам семьи как отцом, так

и матерью, в мусульманской религии с детьми необходимо быть исключительно нежными и заботливыми.

Есть притча о пророке (с.а.в.), свидетельствующая о том, что он призывал относиться к детям исключительно по-доброму и категорически запрещал грубость и жестокость по отношению к ним. «Пророк Мухаммад очень любил своих детей, сажал на колени, играл с ними. Как-то к нему подошёл житель пустыни и заявил: «Как вы можете целовать детей? Мы никогда не ласкаем своих детей и воспитываем очень строго». На что Мухаммад ответил: «Что я могу сделать, если Аллах лишил тебя любви и милосердия?» [источник: <https://emigrant.guru/kuda/plusminus/kak-vospityvayut-devochek-v-musulmanskih-semyah.html>.]

Жена Пророка (с.а.в.) Айша рассказывала: «...Когда Пророк (с.а.в.) видел, что она (его дочь Фатима) приближается к нему, он приветствовал её, вставал и целовал, брал её за руку и сажал на то место, где сидел сам». Пророк (с.а.в.) проявлял по отношению к своей дочери большое уважение, уделял ей время и обучал её всему [источник: <https://as-salam.ru/news/2425/>].

В соответствии с мусульманскими воззрениями, родители должны воспитывать своих детей до 21 года. Этот временной отрезок они делят на три части по 7 лет и согласно этим возрастным промежуткам, разграничивающим психологическое развитие ребенка, прививают определенные ценности. Здесь же отметим, что если по нормам адата ребенок должен оставаться в семье отца, то, придерживаясь религиозных порядков, значительная часть ингушей оставляет детей до семи лет с матерью. По исламу, в этом возрасте ребенок имеет право выбора: с кем из родителей ему оставаться [2, стр. 198–209]. Это касается как мальчиков, так и девочек.

Современные ингуши хорошо знают, что, в соответствии с исламом, за воспитание дочерей отец может получить большое вознаграждение от Всевышнего. Это может стать причиной его входа в Рай и защиты от огня Ада. «Для того, кто является отцом трёх дочерей, которым он предоставит приют, будет проявлять милость, содержать и выдаст замуж, Рай станет обязательным». Затем его спросили: «А если он будет иметь двух дочерей, о Посланник Аллаха?» На что он ответил: «Даже если у него две дочери» (аль-Бухари, Ахмад) [7]. Это знание привнесло в традиционную жизнь ингушского общества понимание высокой ценности и роли рождающихся девочек (а в будущем матерей), выражающейся в том числе в преемственности и передаче народных традиций последующим поколениям [8, стр. 36–37].

Как и во времена прародительниц ингушей, современные мамы хорошо осознают важность собственного примера в вопросах воспитания девочек. Мать – идеал для каждой девочки, главный жизненный ориентир для поведения будущей девушки и матери. Как часто мы слышим о том, что дочь – это продолжение своей матери.

Ингуши прошлого считали, что, выбирая невесту, надо смотреть на ее мать. Дочь от хорошей благородной матери не может быть плохой. «Дикач наьна ийо мо хал йиш яца» [5, стр. 30–43]. Такое восприятие ингушами влияния

матери на дочь созвучно с мусульманским. В Исламе также считается, что главную воспитательную роль в жизни дочери играет мать, оказывающая на нее наибольшее психологическое влияние.

Воспитывая дочь, ингуши прошлого всегда считали главным – прививание ей определяющей ценности семьи, а также понятия о том, что материнство и роль жены в ее жизни – главный приоритет. Поэтому, воспитывая девочку, старались не только дать ей понятия о традиционных поведенческих, нравственных и эстетических нормах, но и научить всем бытовым ремеслам и хлопотам: девочка–ингушка с 10 лет обучалась искусству ручного труда, приобщалась к бытовым занятиям, и к 15–16 годам умела убирать дома, носить воду из речки в кувшинах и ведрах, загонять домой скот, доить коров, обрабатывать молоко, месить тесто, шить чужаки [6, с. 175–176]. Она владела всеми навыками приема гостей и взаимоотношений с родственниками и старшими представителями нации.

Ингушская девочка не должна была глядеть в глаза отцу, матери, старшим. В соответствии с традициями избегания, она, как и другие дети, никогда не садилась за один стол за трапезой с отцом, не делала ничего без согласования с отцом или старшим братом.

В современности, в результате реисламизации последних лет ингушской нации, религиозное просвещение вытеснило перечисленные выше традиционные ингушские понятия. Так, почти изжила себя традиция избегания между детьми и родителями. Религия, призывающая к близким взаимоотношениям между родителями и детьми, усадила членов ингушской семьи за один стол, позволила отцам и матерям проявлять нежные чувства к детям, девочкам и мальчикам, выходить с ними на прогулки, посещать кафе и совместно заниматься их образованием.

Как и в прежние времена, сегодня в ингушской семье актуально прививание девочкам скромности и стыдливости. Такое традиционное видение воспитания также согласуется с мусульманскими религиозными нормами. Девочки, достигая 13–14 лет, уже понимают, что не следует спорить, драться или проводить слишком много времени с посторонними мальчиками. С этого возраста девочки перестают носить брюки, выбирая для себя юбки ниже колен, кофты с удлиненными рукавами и другую скромную одежду.

Следует отметить, что, несмотря на соответствующие религиозные установки, нельзя сказать, что с этого возраста ингуши стремятся надеть на своих дочерей хиджаб. Такие семьи есть, но в наши дни они составляют значительное меньшинство. Как правило, хиджаб ингушские девушки надевают после окончания школы, либо замужества.

Обучение в современных российских школах совместное, мальчики и девочки сидят за общими партами, но религиозное просвещение, проводимое и дома членами семьи и в школе учителями, учит их благоразумному поведению и взаимодействию.

Как в древних традициях ингушей, так и в религии важной считается физическая неприкосновенность, целомудрие девочки, девушки. Современные родители с малолетства воспитывают в дочерях понятие о важности скромного внешнего вида и поведения.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что с развитием и приходом в жизнь человечества Интернета, родители столкнулись с необходимостью вести дополнительные беседы со своими дочерьми о разностях культур, вероисповеданий и мировоззрений народов мира. Полностью ограничить современных детей от влияния социальных сетей почти невозможно, учитывая, что Интернет сопровождает их даже в процессе образования, поэтому ингуши стараются дать детям больше знаний о мире и внимательно отслеживают посещаемый их детьми контент (информационное содержание сайта).

Религия Ислам высоко приветствует просвещение и познание наук. Ингуши же всегда отличались стремлением к обширным знаниям. Поэтому современные девочки–ингушки, обучаясь в школах, хорошо понимают, что им предстоит дальнейшее обучение в целях получения среднего или высшего профессионального образования. Стремясь к высоким показателям, девочки–ингушки показывают высокие результаты на единых государственных экзаменах и успешно поступают, в том числе, и в самые солидные высшие учебные заведения страны.

Выводы.

Религиозная составляющая в процессе воспитания ингушами дочерей не совсем вытеснила, но значительно повлияла на традиционные взгляды и нормы. Благодаря созвучности традиционных взглядов ингушей с мусульманскими заветами, сохранились ориентиры в воспитании девочек на высокую ценность семьи и материнства, почтение и уважение к родителям и старшим, скромность, стыдливость в поведении и, конечно, целомудрие.

Религия и появление с советских времен возможности получения девочками светского образования наполнили жизнь ингушской девочки академическими знаниями и открыли для нее высокие профессиональные, творческие и личностные возможности и перспективы.

Под влиянием религии совершенно исчезла традиция избегания между родителями и детьми. Теперь отцы и матери не стесняются выходить на совместные прогулки вместе со своими детьми, посещают вместе с ними кафе и другие развлекательные заведения и образовательные учреждения.

Мы видим, как мусульманская религия положительно влияет на духовное развитие ингушского народа.

Список литературы

1. ПМА, Магас, 2023 г., №1,
2. ПМА, Плиево, 2023 г. №2.

3. Дударов А.-М. М. Из истории развития земледелия Ингушетии. Вопросы истории ингушей. Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева. – Магас, 2011. – С. 8.

4. Албогачиева М. С.-Г. Кунта-хаджи Кишиев, его проповедь и последователи // Шейх, Устаз, Овлиа Кунта-Хаджи Кишиев: сборник статей / авт. проекта и сост. Р.-Х. Ш. Албогачиев. – Нальчик: Тетраграф, 2012. – С. 101-107.

5. Албогачиева М. С.-Г. Исламское образование в ингушском обществе: история и современность // Minbar. Islamic Studies. – 2019. – Т. 12, – № 1. – С. 186-207.

6. Албогачиева М. С.-Г. Система терминов родства и семейно-брачные отношения у ингушей // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Выпуск 13. – Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2012. – С. 198-209.

7. Досхоева Р.Х. Брачный выбор ингушей. Традиции и современность. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2022. – № 4–1 (55). – С. 30-43.

8. Изудинов Н. Отцы и дочери в Исламе. URL: <https://as-salam.ru/news/4650/> <https://as-salam.ru/news/4650/> (дата обращения 12.03.2022),

9. Агиева Л.Т. Этнография ингушей. – Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2011. – 625 с.

10. Гетагазова А.М. Традиционные родильные и детские обряды в современных практиках ингушей // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, – 2022. – №2 (53) – С. 32–44.

Summary

Albogachieva M.S.-G., Getagazova A. M. Transformations in the upbringing traditions of an ingush girl under the influence of islam

The article deals with the transformations that occurred in the upbringing traditions of an Ingush girl under the influence of re-Islamization of the nation.

To address this topic, the article provides a comparative analysis of religious and traditional views on the rules of a girl's upbringing in the family and describes practices that have taken root in the Ingush home. The article is based on published sources, as well as on results of field research conducted by the author in various cities and villages of the Republic of Ingushetia in 2022-2023, which provided a deeper insight into the problem area of the topic in question.

On the basis of the data obtained as a result of the research it has been possible to show that some traditional views on the upbringing of the Ingush girl are consistent with religious views and in this regard are only strengthened in the educational practices of the Ingush. The study also shows that in some issues of educating Ingush girls, such as allowing girls to eat together with their fathers, or affectionate treatment of their daughters by parents in front of strangers, the modern Ingush prefer to adhere to religious attitudes in favor of traditional ones.

Keywords: upbringing, religion, daughter, girl, Ingush.

СССР: ЭФФЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аманжолова Д.А.

*доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН*

г. Москва, Россия

amanzholova19@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает историю СССР как уникальный исторический опыт, совместивший преемственность и разрывы в межкультурной интеграции народов Евразии. Многовековой багаж взаимодействия в трудовой, социальной, культурной сферах, наработанный в разные исторические периоды, аккумулировал амбивалентные практики. В СССР эффекты и проблемы межэтнической интеграции были прямо связаны с идеологией и конкретным инструментарием федеративного нациестроительства. Взаимозависимость регионов огромной страны, обмен хозяйственными достижениями, формирование индустриальной базы, урбанизация, наряду с насильственной коллективизацией и репрессиями 1930-х гг., обусловили противоречивые результаты развития многонациональной страны. Современные подходы к исследованию «советского века» предполагают комплексный, междисциплинарный и объемный анализ ведущих направлений и механизмов советской этнонациональной политики как совокупности мер модернизации и политизации этничности, совмещавшихся с межкультурной интеграцией и формированием единого полиэтнического социокультурного пространства.

Ключевые слова: СССР, нациестроительство, федерализм, модернизация, советская этнонациональная политика.

Образование СССР имело колоссальное значение для модернизации народов бывшей Российской империи. Управление разнообразием осталось центральной задачей нового государства, унаследовавшего имперский фундамент, на котором строилась советская федерация как альтернатива всем предшествующим государственным типам для культурно сложных обществ. Новое государство с его проектом национального самоопределения на основе социального равенства и всеобщего движения к прогрессу обеспечило несомненные позитивные результаты нациестроительства. Среди них формирование промышленной базы, урбанизация, изменения социальной структуры традиционных этнических общностей с созданием востребованных новой эпохой профессиональных кадров, коренизация органов власти и управления, всеобщее образование, современное здравоохранение, модерная культура. Эти достижения были обеспечены тяжелым солидарным трудом многонационального общества, перенесшего трагические потери вследствие коллективизации, голода и репрессий.

Межкультурная интеграция и складывание советской общности стали результатом не только целенаправленных усилий государства, но и следствием

многовековой культуры меэтнического взаимодействия и сожительства народов Евразии. Объективная потребность понуждала непрерывно укреплять сложившиеся и развивать новые хозяйственные связи, транспортные коммуникации. В 1982 г. в единый народнохозяйственный комплекс СССР входило более 400 отраслей экономики, 300 из них – в РСФСР, 200 – на Украине, 100 – в Узбекистане и т.д. В Грузию производились поставки от 100 отраслей экономики всех союзных республик, она же давала продукцию от 82 своих отраслей. Молдавия получала межреспубликанскую продукцию от 93 отраслей из 14 республик и отправляла в другие республики от 72 отраслей. Минский тракторный завод получал комплектующие изделия более чем от 1000 предприятий из других республик. Заказы КАМАЗа обеспечивали 1,5 тыс. предприятий СССР [1, с.74].

СССР был результатом адаптации доктринальных установок правящей партии к реальности, учитывающей специфику функционирования государства с его этнорегиональными экономическими, культурными и социальными различиями. При этом власть должна была постоянно добиваться баланса между интеграцией народов и поддержанием различий между ними. Федеративная иерархия складывалась в условиях острых дискуссий и объективных противоречий «пересборки» социально-политического пространства, издавна обжитого народами страны в их совместной жизнедеятельности, что, наряду с усилиями власти по обеспечению баланса интересов локального и целого, этнонационального и гражданского, стало важнейшим фактором устойчивости советского государства. Происходившие в 1920–1930-е гг. процессы во многом определили облик России, всех новых независимых государств и сложную идентичность их народов.

В этом контексте исследование советского федерализма в его признаваемых отличительных признаках, связанных с идеологией, культурой и институциональными звеньями политической системы, позволяет проследить, как этносоциальное разнообразие в рамках управленческих технологий сохранялось, развивалось и адаптировалось в сложной конструкции множественных модерностей и идентичностей. Множественные модерности понимаются как результат советской модернизации, который, несмотря на явные признаки общности, имел локально различающиеся проявления вследствие их этнокультурной «начинки». СССР характеризовался социокультурным разнообразием как в его географическом пространстве, так и в темпоральных проявлениях, имевших определенную этническую привязку. Множественность идентификаций – групповой и индивидуальной – связана с динамичной культурной сложностью как общностей, так и индивидуумов.

Комплексные социально-экономические преобразования в СССР решительно меняли прежние устойчивые социальные системы и связи, политические институты и отношения. Новые представления о миропорядке и институционализации общественной жизни были вызовом традиционным

ценностям общества и народам в бывшей империи. Советская социальная политика опиралась на базовые общегражданские и этнические приоритеты и установки, среди которых: патриархальность, коллективизм, признание патерналистской роли авторитарной власти, терпение, пластичность и адаптивность способов и моделей поведения, реидентификация этносоциальных, демографических и иных общностей. Пересборка империи и имперского пространства должна была обеспечить не только сохранение полноценной субъектности в мире, но и реализацию концепта нации-государства в ее многонациональном содержании как неизбывной данности. Это не могло не породить множество противоречий и рисков: нациестроительство потребовалось совместить с формированием нового гражданства, получившего консолидирующее определение «советский народ».

Политика «спонсирования» этничности при жестком централизаторском контроле в конечном итоге была направлена на утверждение СССР как национального государства [2]. Конституция 1936 г. узаконила ведущую тенденцию в развитии государства – расширение компетенции союзных органов власти, усиление централизованного руководства всеми сферами жизни общества. Центр осуществлял управленческие и территориальные трансформации с учетом общегосударственных задач социально-экономического развития, совмещая их с принципами национального самоопределения и достижения цели фактического равенства народов. Реализация советского проекта потребовала учитывать сложившиеся межрегиональные, хозяйственные, социально-культурные связи, границы и межэтнические коммуникации. Репертуар властных технологий породил гибкие тактики как центра, так и этнополитических элит. При этом фактическая этнокультурная сложность общества была неустранимой реальностью, преобразования порождали разнообразные коллизии в настройке отношений между центром, союзными и автономными субъектами, урегулирование которых было связано со спецификой столь сложного общества и его представителей в составе руководства страны и этнических элит.

Жесткое социальное структурирование общества обуславливало приоритет именно общих установок и ценностей, нежели этнических, которые должны были вписаться в «негомогенное целое» согражданства и в то же время оставаться выделенными. Многообразная действительность в каждом конкретном случае модифицировала и адаптировала общую схему, изменяя первоначальный замысел. Этнокультурные традиции социальных взаимосвязей и иерархий вполне успешно вписывались в советскую систему или также успешно обходили ее, сохраняя многовековым опытом закрепленные функции и общественную ценность. Складывание реальной метаэтнической советской общности, со всеми проявлениями стандартизации и гомогенизации общества, отнюдь не привело к исчезновению архетипов традиционной культуры. Сохранялась многослойность идентичности, и у большинства населения постепенно формировалась новая система ценностей, трудовой мотивации,

социальных установок. В то же время патерналистский тип ментальности этнической культуры вполне соответствовал доктринальным установкам государства. Важным пространством и средством советизации не только институтов, но и сознания, моделей поведения, системы ценностей граждан СССР стала культура. Образ человека в его советской идентичности, обретавший самоценность в совокупности предоставляемых властью инструментов самореализации, возвышался благодаря колоссальной роли культурных паттернов.

Чрезвычайную роль в судьбе и культуре народов СССР, а также межкультурной интеграции сыграли массовые репрессии и принудительное переселение. Эти меры власти соединяли в локальных пространствах культурно отличающиеся этнические группы, и сама насильственная практика не преследовала цели их гражданской консолидации. Пространственная сегрегация и прямое заключение в лагеря воздвигали барьеры иного рода между равно незащищенными перед произволом государства людьми. Происходило сближение на основе социального положения, а традиционные ценности сострадания, взаимопомощи, трудолюбия и терпения реализовались в трагическом опыте совместного выживания. Культурная мимикрия приобрела массовый характер и становилась стереотипом поведения, не исключая одновременной веры в заявленные властью идеалистические постулаты.

Одной из наиболее сложных задач советского социального инжиниринга было изменение показателей консолидации, статусных приоритетов, карьерного потенциала. Характерной чертой политико-правовой культуры домодерных общностей, унаследованной в раннесоветский период, было подчинение авторитету традиционных лидеров, солидарно делегированных в посредники между этносом и бюрократией. Бюрократия от общественности стала значимым социальным актором, органично вписанным в номенклатурную сеть управления и дорожившим связанными с этим статусом бонусами и привилегиями. Доминирование властных рычагов регулирования неформальной сферы жизни обусловило сложный симбиоз нормированной общественной активности, лояльности и пассивного отношения к решению проблем организации труда, быта, досуга, охраны окружающей среды, здоровья и т. д. Внутриэтнические параметры социальности оставались неотъемлемой частью самоидентификации.

На межэтнические отношения влиял постоянный рост кросс-культурных контактов. Многопоколенные межкультурные коммуникации прирастали новыми практиками надэтнической политики власти. В ходе социально-экономической модернизации у многих народов впервые появились многочисленные кадры квалифицированных рабочих, научно-технической и гуманитарной интеллигенции. Они формировались в условиях интенсивного межнационального общения. Внутриэтническая автаркия благодаря образованию, индустриализации и интенсивным внутренним миграциям, в т. ч.

в условиях эвакуации, замещалась межкультурной интеграцией. Поликультурное наполнение советского гражданства было реальностью, которая постепенно прочно утверждалась в массовом сознании. Система общих социально-политических и культурных институтов и коммуникаций, единая идейно-политическая интерпретация и мифология, общегосударственные символы и ритуалы, сблизившиеся параметры политико-правовой культуры наряду с полиэтническим составом населения многих регионов обеспечивали единство советского народа как политической нации. Советский патриотизм предполагал политическую лояльность, а в коммуникативной практике коллективная идентичность формировалась на основе представлений об особых объединяющих ценностях, образе жизни как предмете общей гордости.

Советский народ представлял собой сложную и противоречивую общность, целостность которой обеспечивалась совокупностью социально-политических, экономических и культурных факторов, при наличии внутренних консолидирующих и дезинтегрирующих компонентов. Признание такой природы общества и ее непрерывной подвижности, разнородности как фундамента управления актуализирует анализ динамики формирования и взаимосвязи базовых параметров социальной, гражданской и этнокультурной идентичности советских людей, а также особенностей их понимания и интерпретации на разных уровнях – властью, экспертами в лице научной и творческой интеллигенции и самими гражданами.

Этнополитика в СССР представляет интерес с точки зрения преемственности и модификации определенных моделей политики в постимперской ситуации. В конечном счете, совокупность внутривнутриполитических мероприятий направлена на формирование качественно новой надэтнической и надконфессиональной гомогенной социальной общности, долженствующей представлять миру единственно верный пример и образец всестороннего прогресса. Скрупулезное проведение в жизнь принципа территориальной регламентации этничности приводило к заметным различиям в размерах, численности и плотности населения, социально-культурных особенностях и других параметрах национально-территориальных образований. Противоречие между экономическими интересами и национально-административным принципом было в определенной мере преодолено, но командно-силовые и бюрократические методы управления и преобразований имели негативные последствия.

В СССР состоялась оригинальная, единая и непрерывная во взаимосвязи с прошлым и будущим история регионов, народов и страт как компонентов совместного социально-культурного и политического пространства. При этом версия о «внешнем» характере советской системы вряд ли уместна. Она целенаправленно создавалась представителями всех народов для непосредственного встраивания самоопределившихся субъектов во все политические и иные институты федерации, как и интернациональная номенклатура – ключевой актор перехода народов СССР от традиции к модерности.

Список литературы

1. Народное хозяйство СССР. 1922–1982. Юбилейный стат. ежегодник. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 624 с.
2. *Martin T.* The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category // *Ab Imperio*. – 2002. – № 2. – С. 91-105.

Summary

Amanzholova D.A. USSR: Effects and Problems of Intercultural Integration

The author considers the history of the USSR as a unique historical experience that combined continuity and gaps in the intercultural integration of the peoples of Eurasia. The centuries-old baggage of interaction in the labor, social, and cultural spheres, accumulated in different historical periods, accumulated ambivalent practices. In the USSR, the effects and problems of interethnic integration were directly related to the ideology and specific tools of federal and nation-building. The interdependence of the regions of a huge country, the exchange of economic achievements, the formation of an industrial base and urbanizations, along with the forced collectivization and repression of the 1930s caused contradictory results of the development of a multinational country. Modern approaches to the study of the "Soviet century" presuppose a comprehensive, interdisciplinary and voluminous analysis of the leading directions and mechanisms of Soviet ethno-national policy as a set of measures of modernization and politicization of ethnicity, combined with intercultural integration and the formation of a single multi-ethnic socio-cultural space.

Keywords: USSR, nation-building, federalism, modernization, Soviet ethno-national policy.

М.К. АММОСОВ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В 1920–1930-е гг.: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Антонов Е.П.

*Кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела истории и этносоциологии Арктики
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера Сибирского отделения РАН
г. Якутск, Россия*

Аннотация. В статье речь идет о вкладе государственного и политического деятеля М.К. Аммосова в формирование интеллектуального потенциала и сети образовательных и научных учреждений Якутии, Казахстана и Кыргызстана. Раскрываются особенности его отношения к интеллигенции народов с учетом региональных и национальных особенностей и опорой на крупных партийно-советских деятелей, сумевших внести огромный вклад в социально-экономическое и культурное строительство, а не на левацки и карьеристски настроенных руководителей. Показано, как в 1930-е годы М.К. Аммосов продолжил борьбу с идеологами «военно-коммунистической» политики, тем самым оказавшись в конфронтации со сталинским курсом на репрессии. На примере его трагической судьбы продемонстрировано уничтожение тоталитарным режимом передовых деятелей с целью лишить народы подлинных их лидеров, исторической памяти и национальной идентичности.

Ключевые слова: государственный деятель, национальная интеллигенция, подготовка кадров, левацки настроенные работники, репрессии.

Максим Кирович Аммосов был выдающимся государственным и политическим деятелем, сыгравшим огромную роль в подготовке квалифицированных кадров не только Якутии, но и Казахстана и Киргизии. И именно эта роль, а также его взаимоотношения с передовыми деятелями тех лет будут рассмотрены в данной работе.

М.К. Аммосов подчеркивал, что «Якутия обладает не только колоссальными природными богатствами», но и «выдвигает из своей среды десятки, сотни и тысячи талантливых организаторов, ученых, инженеров». Поэтому он ко всем проблемам старался подойти с научной точки зрения. Его личная библиотека состояла из нескольких тысяч томов. Стены кабинетов на работе и дома занимали книжные шкафы, заполненные собраниями сочинений классиков марксизма-ленинизма, трудами по истории, философии, экономике, словари, энциклопедии, художественная литература [1, с. 14, 16].

Максим Кирович, несомненно, был пламенным большевиком-ленинцем. Так, 16 октября 1917 г. он писал: «Как организацию федералистов, так и организацию “Саха аймах” приходится... относить к классовой организации имущих. Жаль, очень жаль некоторых порядочных товарищей, которые вошли туда и сидят рядом

с Артамоновыми, Никифоровыми и пр. компанией... Необходимо всем защитникам неимущих выступить на борьбу с ними» [2, с. 74].

До установления советской власти в Якутии в марте-мае 1920 г. уполномоченный Сибревкома М.К. Аммосов прикладывал огромные усилия, чтобы «собрать по всей Сибири национальные кадры, в свое время выставленные из Якутска». Он выявлял их способности и желания, умел внимательно и деликатно подходить к людям, которые должны были обладать не только мужеством и честностью, но и знаниями, и определять каждому соответствующие участки работы в Якутии. Порой ему приходилось проявлять настойчивость, чтобы «вырвать» того или иного товарища для якутского «аппарата власти», отстоять тех, кого упорно не хотели отпускать. В целом было подобрано руководящее ядро будущих партийных и советских органов Якутии, куда вошли 30 чел. [3, с. 61, 62; 4, с. 82; 5, с. 124].

14 августа 1920 г. М.К. Аммосов отправил в Сиббюро телеграмму, где сообщал о раскрытии чекистами «при нашем содействии» контрреволюционной организации и арестах молодежи во главе с Р.И. Оросиным. В донесении говорилось о захвате перевода на якутский язык строевого устава военной службы, сборе заговорщиками оружия по улусам и вербовке сторонников. Контрреволюционеры стремились к созданию самостоятельного государства якутов под лозунгом: «Якутия – для якутов!» Свержение советской власти предполагалось осуществить с помощью Японии. Поэтому национально-культурное общество «Саха аймах», под флагом которого велась нелегальная работа, было распущено.

Однако Максим Кирович опасался, что массовые аресты и роспуск «Саха аймах» приведут к росту «пропасти между большинством якутской интеллигенции и нами» и к утрате почвы под ногами. Перед ним встала дилемма: «идти ли на компромисс с интеллигенцией или идти напролом» [6]. Из-за этого он стремился объективно изучить обстоятельства «оросинского заговора», но расследование не выявило никаких аргументов, свидетельствующих о составе преступления. В результате в октябре 1920 г. вышло постановление Якутского губбюро, где указывалось о превышении ревтрибуналом своих полномочий, производстве преждевременных арестов, не согласованных даже с органами ЧК, допущении непродуманности и скоропалительности [7, с. 22]. Неспроста в г. Якутске и улусах постоянно приходилось слышать от бедных и богатых, неграмотных и образованных утверждения, что: «Максим Аммосов справедлив», «Максим Аммосов жалеет свой народ», «Максим Аммосов якутов не выдаст, защитит» [8].

13 ноября 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б) отправило инструктивное письмо Якутскому губкому, где требовало отказаться от репрессивных мер: «в борьбе с буржуазно-националистическими стремлениями, нельзя закрывать общество “Саха Аймах” только потому, что там свили себе гнездо контрреволюционеры». Сибирские власти считали, что «Саха аймах»

«великолепно может уживаться под крылом Наробраза при условии, что партийцы вступят членами в это общество, образуют фракцию, изменят устав и займут руководящие должности [9, с. 41].

11 октября 1922 г. Сиббюро ЦК предложило отменить постановление об изоляции тойонов. Но на заседании Якутгуббюро Максим Кирович попытался подвести под политику изоляции теоретическую базу, ссылаясь на условия, которые «благоприятствуют проведению политики военного коммунизма на основе нэпа». По настоянию Сиббюро и Сибревкома, 15 ноября 1921 г. Якутгубревком все же отменил постановление об изоляции тойонов. Были полностью амнистированы 95 арестованных за антисоветскую деятельность и частично – 41 чел. [10]

Политика изоляции тойонов стала одной из причин разрастания национально-повстанческого антисоветского движения. 22 января 1922 г. вышло обращение группы якутской трудовой интеллигенции, сторонников Учредительного собрания «К братьям якутам!», где указывалось, что «большевистская банда в Якутске» расстреляла «лучших представителей якутской и местной русской интеллигенции», а в губревкоме воссели «какие-то хамначиты Аммосовы и Слепцовы», которые «каждое лето ездят в далекую Москву на поклон красному царю Ленину» [11, с. 28].

В 1922 г. М.К. Аммосов апеллировал к национальной интеллигенции с «Открытым письмом», где подчеркивал, что «политический вес якутской национальной интеллигенции весьма значителен» и призывал прекратить кровопролитие, перейти к сотрудничеству ради социально-экономического и национально-культурного возрождения; назвал «близорукой» политическую позицию национальной интеллигенции, не понимавшей исторической роли советской власти в судьбах малочисленных народов, раскрыл хищническую роль Японии и США, стремившихся превратить Якутию в плацдарм для развертывания нового витка борьбы против Советской России; поставил перед национальной интеллигенцией задачу строительства автономной государственности.

В своем ответе национальная интеллигенция утверждала, что передовые представители народа никакого участия в заговорах 1920-1921 гг. не принимали, стремились восстановить нарушенные права, а не мстить. Призыв власти к бескровной ликвидации мятежа безусловно нашел поддержку среди якутской интеллигенции, которая «стала бесповоротно на путь сотрудничества с Федерацией РСФСР. Другого выбора у ней нет и не может быть» [12, с. 54–57; 7, с. 38, 41, 42; 13].

М.К. Аммосов приложил огромные усилия для привлечения беспартийной интеллигенции к сотрудничеству. Так, в составе ЯЦИК и СНК ЯАССР от 30 до 40% составляли передовые представители беспартийной интеллигенции [12, с. 102]. Но 10 августа 1922 г. М.К. Аммосов в своем закрытом письме в ЦК РКП (б) сообщал, что «ввиду нашей малочисленности и сильнейшего подрыва авторитета партии в глазах населения, мы предвидим и

идем, как будто сознательно, т.е. катимся по наклонной плоскости к засилью интеллигенции. Она на съездах в один прекрасный момент способна будет выбросить нас за борт» [12, с. 61, 67].

Гуманная политика обеспечила всемерную поддержку якутской интеллигенцией советской власти в период «пепеляевщины». Из числа 200 бывших повстанцев сформировали Якутский народно-революционный отряд (Якнарревдот), политотдел которого возглавил М.К. Аммосов. Сиббюро же, высказав недоверие к партийно-советскому руководству Якутской АССР, запретило организовывать подобные формирования. Набор в национальную часть пришлось приостановить и сократить численность бойцов до 100 человек. Но нарревдотовцы установили связи с якутскими частями Пепеляева и начали с ними переговоры о об их сдаче красным. В 1923 г. М.К. Аммосов в своем закрытом письме в ЦК РКП (б) докладывал, что «подавляющее большинство нацинтеллигенции во всех районах за нами». Генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев заявил, что главной причиной провала похода его дружины являлась «измена и предательство якутской национальной интеллигенции» [7, с. 43, 44; 12, с. 92, 90].

После окончания боевых действий в 1923 г. в г. Якутске по инициативе М.К. Аммосова открылась совпартшкола, так как практика отправки из центра коммунистов, которые «были еще более слабы, чем коренные кадры», не оправдала надежд. Максим Кирович сыграл роль в подготовке специалистов золотодобывающей промышленности и выдвинул задачу по отправке якутских выпускников в командировки в горные вузы и планировал открытие учебного заведения по горному делу [7, с. 46, 86; 14, с. 165].

В 1924 г. на Охотском побережье и в юго-восточных улусах Якутии произошел «тунгусский мятеж» во главе с П.В. Карамзиным и М.К. Артемьевым. На 3-й сессии ЯЦИК в 1925 г. М.К. Аммосов рекомендовал СНК ЯАССР выдать начальнику ОГПУ при ЯЦИК Н.Д. Кривошапкину-Субурусскому приказ о проведении «мирной, безболезненной и бескровной ликвидации остатков антисоветских отрядов». Максим Кирович стал одним из идеологов национального примирения, стратегии и тактики подавления мятежей «малой кровью», прекращения «красного бандитизма», сохранения остатков интеллектуальных сил региона для возрождения экономики и культуры края. В отличие от «якутского опыта», подавления аналогичных выступлений в Средней Азии и на Кавказе отличались большей степенью кровопролития и потерь [7, с. 139; 15, с. 177].

М.К. Аммосов активно боролся с нигилистическими настроениями со стороны ряда ультрареволюционеров по отношению к беспартийной интеллигенции. Он беспокоился, что недооценка трудностей при подготовке местных кадров, огульное отношение к национальным кадрам, оправдание групповщины и т.д. представляли серьезную опасность для социализма. Опасность, между прочим, и заключается в том, что в национальных республиках особого труда не составляло щегольнуть левизной. Это дело

сравнительно легкое, им иногда занимаются как раз наиболее чуждые для нашей партии элементы» [15, с. 179].

М.К. Аммосов видел в Якутии сокровищницу, таящую в себе несметные богатства». Поэтому пригласил в 1925–1930 гг. экспедицию Академии наук СССР в составе 228 исследователей, в том числе 43 представителей местной интеллигенции: В.В. Никифорова, Н.Н. Грибановского, А.А. и Г.А. Поповых и др. [7, с. 188, 84; 1, с. 14; 16; 17; 8].

В 1927–1928 гг. в Якутской АССР произошло движение конфедералистов во главе с П.В. Ксенофонтовым, в политической программе которых выдвигалось требование о повышении статуса автономной республики до уровня прав союзных республик, самостоятельного распоряжения на своей территории землями, ее недрами, лесами и водоемами, а также решения вопросов концессионной и миграционной политики. Предлагалось разделить функции законодательной, исполнительной и судебной власти, обеспечить свободу печати, союзов и собраний, гарантии личных прав трудящихся [18, с. 111, 112; 19, с. 104].

В 1928 г. оценивая движение конфедералистов, М.К. Аммосов, И.Н. Барахов, С.М. Аржаков и др. указывали, что политика привлечения верхушки буржуазной интеллигенции оказалась оправданной, поскольку они не участвовали в контрреволюционном заговоре. Они требовали от ОГПУ не производить «арестов видных представителей национальной интеллигенции, без ведома и согласия Обкома» и настаивали на освобождении видных представителей нацинтеллигенции и добровольно сдавшихся мятежников. Однако, ссылаясь на телеграмму И.В. Сталина о том, что «ликвидация бандитизма» возложена на органы ОГПУ, чекисты репрессировали в том числе невинных представителей интеллигенции: В.В. Никифорова, А.И. Софронова, И.Ф. Афанасьева, П.И. Оросина и др. [7, с. 119, 120, 127].

В постановлении ЦК ВКП(б) «О положении в Якутской организации» от 9 августа 1928 г. говорилось: «Обком при проведении политики партии по привлечению нацинтеллигенции к советской власти допустил ряд серьезных ошибок: а) оказал поддержку верхушечной части националистически настроенной якутской интеллигенции, б) систематически выдвигал ее на руководящую работу, в) не проявлял при этом в должной мере критического отношения, тем самым усиливал ее политическую роль за счет влияния партии» [20; 21]. Член комиссии ЦК ВКП(б) И. Виноградов впоследствии заявил, что «М. Аммосов за совершение больших ошибок в руководстве работой с нацинтеллигенцией, за способствование мирными переговорами развитию бандитизма» «был снят с работы в Якутии и переведен в другие районы, без права 10 лет возвращаться в Якутию» [7, с. 119, 120, 127].

В декабре 1928 г. М.К. Аммосову поручили проверить выполнение постановления Апрельского (1928 г.) пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) «Шахтинское дело и практические задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства». М.К. Аммосов съездил на Донбасс уже после вынесения

И.В. Сталиным принципиального решения по «Шахтинскому делу», и оказать какое-либо малейшее влияние на судьбы репрессированных никто уже не мог. Однако в своем заключении по итогам поездки Максим Кирович часто оперировал терминами «специалисты», а не обвинениями типа «замаскировавшиеся и злостные контрреволюционеры и вредители». Руководство Шахтинского района у него продолжает именоваться «администрацией» и «руководящим органом», а не ярлыком типа «покровительствующие классовым врагам правые уклонисты и вырожденцы» [22, с. 120, 121, 123; 23, с. 109–113].

В сентябре 1929 г. М.К. Аммосов проверял работу партийной организации Узбекской ССР и по ее итогам написал статью «Проблема кадров в национальных республиках и областях» (Правда. 1930. 22 февр.), где обратил внимание на решение задач по коренизации, формированию технической, научно-педагогической интеллигенции и пролетариата, организации центров подготовки кадров в совхозах и агро-индустриальных комбинатах, увеличении марксистско-ленинского уровня нацкадров и усилению борьбы с правым и левым уклонами в национальных организациях ВКП (б) [24; 20, с. 227–237]. Эти положения сыграли, несомненно, позитивную роль в формировании новой советской интеллигенции в период модернизации национальных окраин.

Благодаря усилиям М.К. Аммосова, в Караганде выросли «крепкие кадры инженерно-технических сил, значительную часть которых составляли представители коренной национальности». Будучи человеком высокого интеллекта М.К. Аммосов подружился с казахскими писателями Саттаром Ерубаевым, Сабитом Мукановым, Сакеном Сейфуллиным и др. В 1935 г. литератор И.П. Шухов посвятил М.К. Аммосову свой роман «Родина» [25, с. 101; 26, с. 230, 231].

До приезда М.К. Аммосова в Киргизии очень мало уделялось внимания подготовке национальных кадров. К примеру, в аппарате обкома партии «работал только один киргиз», из 43 директоров МТС киргизов было только 3, из 99 агрономов – только 1 киргиз, из 320 врачей киргизов – только 7, из 282 студентов Киргизского педагогического института – только 27 киргизов.

М.К. Аммосов умело продвигал национальные кадры на партийную, советскую и хозяйственную работу, многие из которых выросли до крупных руководителей [1, с. 20; 27, с. 111; 28, с. 56, 57]. В условиях тоталитарного режима он квалифицированное мнение специалиста пытался ставить выше, чем мнение партийно-советского чиновника.

В условиях развернувшихся массовых репрессий Максим Кирович пытался вернуться к «ленинскому стилю» руководства партией и государством и старался сдерживать разгул репрессий. В 1937 г. бюро ЦК КП(б) Киргизии, получив сообщения о жестоких пытках заключенных, организовало комиссию для проверки и пресечению нарушений социалистической законности органами НКВД и прокуратуры. Это был неслыханный шаг, поскольку подобных

комиссий даже на уровне ЦК ВКП(б) тогда не существовало. Однако деятельность комиссии окончилась трагически, так как ее члены были репрессированы [29, с. 298; 30; 31, с. 151; 32; 27].

В газете «Правда» 4 августа 1937 г. вышла статья «Не считаются с сигналами коммунистов», где Максим Кирович обвинялся в защите «националиста Айтматова», которого оставил учиться в Москве в Институте красной профессуры. Руководство республиканской партийной организации во главе с М.К. Аммосовым обвинялось в отказе «провести очистительную работу». И лишь под нажимом ЦК КП(б) началось исключение из партийных рядов «фашистской агентуры».

Максим Кирович смело обратился в ЦК ВКП(б) и лично к Сталину, где отметил положительные качества председателя СНК Киргизии Б.К. Исакеева. Сталин лично ответил ему шифротелеграммой, где указал, что «...Исакеева лучше освободить и выдвинуть вместо него другого работника» [28, с. 48, 49; 33, с. 124]. Максим Кирович с наркомом внутренних дел Киргизии И.П. Лоцмановым «жестоко ругались за каждого человека, которого он арестовывал» [29, с. 303, 304; 33, с. 323, 324; 21; 25, с. 350].

23 сентября 1937 г. Максим Кирович в аналитической записке Сталину упорно писал: «В последнее время началось явное соревнование в деле исключения из партии, как бы не отстать от других, минуя первичные организации. Появились явно провокационные выступления, что надо громить все национальные кадры». В ответ 26 сентября 1937 г. И.В. Сталин отправил телеграмму, где указывалось: «Предупредить т. Аммосова, что в случае повторного допущения с его стороны либерализма в отношении врагов народа ЦК ВКП(б) будет вынужден применить к нему крайние меры взыскания» [33, с. 124–126; 25, с. 19].

Таким образом, М.К. Аммосов внес огромный вклад в формирование интеллектуального потенциала и рост образовательной и научной сети учреждений Якутии, Казахстана и Киргизии. Отношение Максима Кировича к интеллигенции определялось учетом региональных и национальных особенностей. В своей государственной и политической деятельности он опирался на крупных партийно-советских деятелей, сумевших внести огромный вклад в социально-экономическое и культурное строительство, а не на левацки и карьеристски настроенных молодых руководителей. Несмотря на смену курса И.В. Сталиным, М.К. Аммосов продолжил борьбу с носителями «военно-коммунистической» идеологии, тем самым невольно и скрытно войдя в конфронтацию со сталинизмом. Тоталитарный же режим уничтожал передовых деятелей с целью лишить народы подлинных их лидеров, исторической памяти и чувства национального достоинства.

Список литературы

1. *Цугель-Аммосова Р.И.* Слово о друге // Максим Кирович Аммосов. Воспоминания соратников, родственников и земляков: Статьи. (Ахтыылар). Редколл.: Е.М. Ларионов (отв. ред.), Г.Г. Макаров, А.А. Борисова. Сост. П.И. Докторов. – Якутск: Бичик, 1997. – С. 7–21.
2. *Макаров Г.Г.* Октябрь в Якутии. Ч. 2. Отв. ред. И.М. Романов, А.М. Совокин. – Якутск: Кн. изд-во, 1980. – 247 с.
3. *Захаренко Н.Н.* Талантливый организатор и руководитель // Максим Кирович Аммосов. Воспоминания соратников, родственников и земляков. Статьи. (Ахтыылар). Сост. П.И. Докторов. – Якутск, 1997. – 220 с.
4. *Горчаков И.Н.* Памяти М.К.Аммосова // Максим Кирович Аммосов. Воспоминания соратников, родственников и земляков: Статьи. (Ахтыылар). Редколл.: Е.М. Ларионов (отв. ред.), Г.Г. Макаров, А.А. Борисова. Сост. П.И. Докторов. – Якутск: Бичик, 1997. – С. 82–85.
5. *Хамидуллин А.Г.* Легендарный Максим. Страницы жизни М.К. Аммосова. – Алма-Ата: Казахстан, 1988. – 222 с.
6. *Скрипин В.Г.* Судьба Максима. Опыт реконструкции политической биографии М.К. Аммосова (1897–1938 гг.) // МК в Якутии, 2005. 23–30 марта.
7. *Клиорина И.С.* Максим Аммосов. Десятилетие. 1917–1927 гг. (за объективность в оценке действительных и мнимых ошибок). – Якутск: Бичик, 1997. – 148 с.
8. «Прошу тебя от имени твоих братьев – якутов» // Республика Саха. 1996. 20 ноября.
9. Культурная революция в Якутии. 1917— 1937 гг.: Сб. док. и мат-ов. Гл. ред. Г.П. Башарин, сост.: В.Н. Чемезов, Л.Т. Иванова, П.В. Гоголев и др. – Якутск: Кн. изд-во, 1968. – 608 с.
10. *Антонов Е.П.* Не будем упрощать историю. К вопросу о политическом кредо П. Ойунского и М. Аммосова // Якутия. 1992. 11 сентября.
11. *Калашников А.А.* Из памяти народа не вычеркнут...// Якутский архив. – 2003. – № 2. – С. 12–30.
12. *Аммосов М.К.* Неизвестные страницы жизни и деятельности; Сб. док. и мат. Ред. В.Н. Иванов, Р.В. Шарина, сост.: Л.М. Аммосова, Р.Т. Васильева, В.Н. Гуляев и др. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1998. – 382 с.
13. *Аммосов М.К.* Открытое письмо к якутской национальной интеллигенции // Республика Саха. 1994. 6 июля.
14. *Аммосов М.К.* С помощью русских рабочих и крестьян; Статьи, речи, воспоминания, письма. 2-е изд., испр. и доп. Сост. А.М. Аммосова, В.Н. Гуляев, сост.: Г.Г. Макаров и др. – Якутск: Кн. изд-во, 1987. – 296 с.
15. *Макаров Г.Г.* Феномен Максима Аммосова // Максим Кирович Аммосов. Воспоминания соратников, родственников и земляков: Статьи.

(Ахтыылар). Редколл.: Е.М. Ларионов (отв. ред.), Г.Г. Макаров, А.А. Борисова. Сост. П.И. Докторов. – Якутск: Бичик, 1997. – С. 171–181.

16. Четыре года работ академических экспедиций // Автономная Якутия. 1929. 23 июня.

17. Якутия: Сб. ст. Под ред. П.В. Виттенбура. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – 746 с.

18. Антонов Е.П. Якутия в 20-е годы: опыт национально-государственного строительства // Илин. – 2000. – № 3. – С. 107–112.

19. Антонов Е.П. «Если мы шли против Соввласти...» // Полярная звезда. – 1995. – № 2. – С. 103–104.

20. Коллективизация сельского хозяйства Якутской АССР (1928–1940 гг.): Док. и мат. Сост.: Т.Г. Богатова, В.С. Бровкина, П.В. Гоголев и др.; редколл.: В.В. Никлаева (гл. ред.), В.Н. Антипин, П.Х. Гуляев и др. – Якутск: Кн. изд-во, 1978. – 265 с.

21. Соскин В.Л. «Шахтинское дело» в ракурсе социально-культурного подхода // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2009. – Т. 8. – №1. – С. 50–58.

22. Макаров Д.С. Максим Яркий. Жизнеописание Максима Кировича Аммосова. – Якутск: Нац. кн. изд-во, – 1992. – 176 с.

23. Шарапов С.В. «Шахтинское дело» 1928 г. как индикатор внутрипартийных взаимоотношений // Вестник НГУ Серия: История. Филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 109 – 113.

24. Гуляев В.Н. «... с блокнотом по фабрикам и заводам» // Якутия. 1999. 10 июля.

25. Хамидуллин А.Г. Человек неутомимой энергии // Максим Кирович Аммосов. Воспоминания соратников, родственников и земляков: Статьи. (Ахтыылар). Редколл.: Е.М. Ларионов (отв. ред.), Г.Г. Макаров, А.А. Борисова. Сост. П.И. Докторов. – Якутск: Бичик, 1997. – С. 98–104.

26. Шухов И.П. Книга о легендарном якуте // Максим Аммосов - политический и государственный деятель тюркских народов СССР / Сост. П.А. Слепцов, В.Н. Луковцев, А.Н. Жирков. Якутск: Бичик, 2012. С. 290–293.

27. Максим Аммосов в воспоминаниях со временников. Сост. П.И. Филиппов. – Якутск: Кн. изд-во, 1973. – 148 с.

28. Алексеев Е.Е. М.К. Аммосов в Казахстане и Киргизии. – Якутск: ООО «Литограф», 1999. – 110 с.

29. Воропаева В. Максим Аммосов // У истоков кыргызской национальной государственности. – Бишкек: Илим, 1996. – 383 с.

30. Ласков И.А. А была ли провокация? // Молодежь Якутии. – 1993. – 11 июня.

31. Мухамбетов М.А. Славный сын якутского и казахского народов // М.К. Аммосов – гражданин и патриот: Мат. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения. Редколл.: В.Н. Иванов (отв. ред.), С.И. Боякова, В.И. Федоров. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 1998. – С. 146–156.

32. *Аммосова Л.М.* Легенды и были об М.К. Аммосове // М.К. Аммосов – гражданин и патриот: Мат. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения. Редколл.: В.Н. Иванов (отв. ред.), С.И. Боякова, В.И. Федоров. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 1998. – С. 16–24.

33. *Шарина Р.В.* Поиски и находки документов о киргизском периоде деятельности М.К. Аммосова в архиве Президента РФ // М.К. Аммосов – гражданин и патриот. Мат. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения. Редколл.: В.Н. Иванов (отв. ред.), С.И. Боякова, В.И. Федоров. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 1998. – С. 122–128.

Summary

Antonov E.P. M.K. Ammosov and the national intelligentsia in the 1920s–1930s: on the problem of relationships

The article deals with the contribution of the statesman and politician M.K. Ammosov in the formation of intellectual potential and a network of educational and scientific institutions in Yakutia, Kazakhstan and Kyrgyzstan. His approach to the intelligentsia of peoples is revealed, taking into account regional and national characteristics and relying on major party and Soviet leaders who managed to make a huge contribution to socio-economic and cultural construction, and not on leftist and career-minded leaders. It is shown how in the 1930s M.K. Ammosov continued the fight against the ideologists of the "military-communist" policy, thereby finding himself in a confrontation with the Stalinist course of repression. On the example of his tragic fate, the destruction of leading figures by the totalitarian regime in order to deprive the peoples of their true leaders, historical memory and national identity is demonstrated.

Keywords: statesman, national intelligentsia, personnel training, leftist-minded workers, repressions.

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ДИАСПОР В КАЗАХСТАНЕ

Арапханова Л.Я.

*Кандидат политических наук, доцент
Ингушский научно-исследовательский институт им. Ч.Э. Ахриева
Ингушский государственный университет
г. Магас, Республика Ингушетия, Россия
Araphanova@mail.ru*

Аннотация. Изучение жизни диаспор северокавказских народов на территории Казахстана является одной из актуальных тем исследования для кавказоведов в исторической науке. Восполняя данный пробел, в статье предпринята попытка анализа широкого круга источников, демонстрирующих жизнь диаспор, оформившихся после восстановления национальных автономий депортированных народов с 1957 г. На материалах разнообразных источников показана история процесса формирования, расселения и численности диаспоральных групп, проживающих в Казахстане. Дан краткий анализ наиболее значимых изданий, опубликованных в последние несколько десятилетий. В качестве методологической основы использовались методы историографического анализа, сравнительно-исторический и типологический.

Ключевые слова: Казахстан, балкарцы, ингуши, карачаевцы, чеченцы, диаспоры.

Изучение процесса формирования и развития диаспор на территории республик бывшего СССР представляет не только научный интерес, но и общественно-политическую значимость. Из пятнадцати республик Казахстан стал вторым домом для многих тысяч представителей депортированных народов в годы Великой Отечественной войны. Для северокавказских народов он стал местом поселения, а впоследствии и постоянного жительства как полноправных граждан государства. Сегодня они образуют уникальные диаспоральные группы со свойственными им национальными обычаями и традициями. Их объединяет ряд признаков: все они были выселены в годы войны, статус диаспор они приобрели после распада СССР, общее самосознание, историческая память, этническая культура и связь с исторической родиной. Расселенные по всей обширной территории государства этнолокальные группы изменили этническую картину Республики Казахстан. Несмотря на отдаленность от исторической родины многие из них сохраняют и развивают национальное самосознание, культурное своеобразие, язык.

География расселения указанных этнических групп северокавказских народов позволяет выявить направления развития адаптационных и интеграционных процессов внутри сообществ. Для них были характерны внутренние миграции, связанные как с урбанизацией, природно-климатическими условиями, так и успешно проводимой в стране национально-

государственной политикой. «Успешно адаптировавшаяся диаспора может сосредоточивать в себе значительные финансовые, промышленные активы, приобрести политическое и культурное влияние в государствах проживания и, благодаря связям с этнической родиной, быть задействованной для реализации национальных интересов последней на международной арене [1, с. 146].

Сложившиеся в Казахстане группы диаспор не отличаются от типичных классических моделей диаспор, представленных в работах Х. Толояна, У. Сафрана, М. Дабага и К. Платта, Р. Кохейна, Э. Скиннера, М. Эсмана [2] и др. Анализ, проведенный исследователями по определению сущности происхождения и самосознания этнических диаспор в различных государствах, позволил структурировать содержание понятия «диаспора» как общественной модели, складывающейся в процессе формирования групповой диаспорной идентичности.

Установить, какие диаспоры функционируют в современном пространстве Казахстана, можно на основании ряда источников, предложенных в данной статье. Это научные публикации, монографическая литература. Исходя из этнографического принципа, важными являются, прежде всего, источники, сформированные в ходе полевых исследований: интервью и наблюдения автора. Документальные источники, в которые входят архивные документы, периодическая печать, источники личного происхождения (автобиографии, мемуары).

Для количественной характеристики следует привести статистико-демографические данные. Несомненно, массовым источником по важнейшим показателям этнической демографии национальных групп являются переписи и иные формы учета численности населения, касающиеся размещения, а также этнографических и социальных характеристик, исследуемых в данной статье групп. По ним можно проследить расселение диаспор во второй половине XX – нач. XXI вв.

15 апреля 1959 г. вышло Постановление ЦК КП Казахстана «О мерах по закреплению и трудовому устройству чечено-ингушского населения в республике». Данный документ стал началом для закреплении представителей будущих диаспор в Казахстане [3, л.1]. На территории Северо-Казахстанской области оставались жить 1295 человек ингушей и чеченцев, в Восточно-Казахстанской – 11088 чел., в Актюбинской – 1437 чел. [4, л. 2-6], в Павлодарской – 6985 чел. [5].

В пределах республики в настоящее время диаспоры представлены следующим образом: балкарцы (1,8 тыс.), ингуши (более 16 тыс.), карачаевцы (более 1 тыс.), чеченцы (более 32 тыс.) [6]. По данным переписи населения в 1989 году балкарцев было 2928 чел., в 1999 г. 2079 чел., ингушей – 19505 чел. и 16900 чел., карачаевцев – 2009 чел. и 1400 чел., чеченцев – 4905 чел. и 1799 чел., соответственно [7]. Изменения, произошедшие в последние три десятилетия, обусловлены распадом бывшего СССР и интеграционными процессами на территории Республики Казахстан.

В 90-х гг. прошлого столетия стали появляться публикации о жизни национальных диаспор в различных областях Казахстана.

В разрезе городов и областей на некоторые аспекты жизнедеятельности диаспор проливает свет сборник «Неповторимое многоцветье», в котором автор показывает деятельность национально-культурных центров города Алматы, историю и культуру диаспор Казахстана, в том числе и северокавказских [8]. Книга «Кто есть кто в Павлодарской области» [9] содержит сведения о наиболее успешных представителях диаспор области в различных сферах. Работа «Тепло казахстанской земли» [10] посвящена актуальным проблемам национальной политики Казахстана, в которой автор дает своеобразный историко-этнографический обзор ряда этнических диаспор республики.

Научных исследований, посвященных формированию и развитию северокавказских диаспор на территории Центральной Азии, мало. Стоит особо выделить авторов, которые занимаются диаспоральной проблематикой, – Аккиеву С.И., Сампиева И.М. [11], Исакиеву З.С. [12].

По мнению Аккиевой С.И., Сампиева И.М.: «Насильственное выселение народов Северного Кавказа в 1940 гг. положило начало диаспоризации депортированных народов и стало своеобразным рывком в модернизационном развитии, который был осуществлен чеченцами, ингушами, балкарцами и карачаевцами в 1960-е гг. Модернизационный процесс в СССР в 1960-е годы проходил по линии образование-индустриализация, и переход к нему депортированных народов был подготовлен как развитием системы образования после восстановления их государственности и индустриальным развитием государственно-территориальных образований КБАССР, КЧАО, ЧИАССР, так и импульсом социокультурного характера, накопленным в депортационный период» [13].

Как видно, указанные процессы происходили в экономическом и политическом контексте национальной политики СССР.

Из числа научных исследований, посвященных жизни диаспор на евразийском пространстве, следует особо выделить работу доктора исторических наук, профессора Ж. А. Ермекбаева «Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы» [14]. В пятой главе «Современные этнические процессы среди чеченцев и ингушей в условиях полиэтнического Казахстана» автор исследовал особенности адаптационных процессов диаспор в условиях государства, входящего в СНГ. Привлечение богатого фактического материала, положенного в ее основу, по мнению М. С.-Г. Албогачиевой, позволил автору проследить процессы адаптации спецпереселенцев к новым условиям... [15, с. 154].

Государственная политика в сфере межнациональных отношений, проводимая в Казахстане, позволяет осуществлять поддержку диаспор на уровне государства. Ассамблея народа Казахстана (АНК), созданная 1 марта 1995 года по инициативе Президента Н.А. Назарбаева, стала не только важным составляющим элементом гражданского общества, но и конституционным органом. Первым Председателем Ассамблеи стал Н. Назарбаев. Главной задачей АНК является реализация государственной национальной политики,

обеспечение общественно-политической стабильности в Республике Казахстан и повышение эффективности взаимодействия государственных и гражданских институтов общества в сфере межнациональных отношений. Девять представителей Ассамблеи – члены Парламента, и выражают интересы диаспор в высшем органе законодательной власти [16].

Важным источником изучения жизни диаспор являются сведения, которые содержат информационные стенды национально-культурных центров АНК, а также информация о деятельности этнокультурных центров диаспор на сайтах.

В Ассамблею входят более 500 представителей этнических групп. В информационном поле активно работают 52 этнические газеты и журналы на 15-ти языках, радиопередачи – на восьми, а телепередачи – на семи языках [17].

В областных центрах и в городах Астана, и Алматы созданы Малые Ассамблеи, которые связаны с национально-культурными центрами различных диаспор. Малые Ассамблеи выполняют функции представительства Ассамблеи народа Казахстана и являются консультативно-совещательными органами при акимах (главах региональных администраций) [18].

В конце 80-х годов прошлого столетия в Казахстане начали создаваться национально-культурные объединения (центры) чеченцев и ингушей, которые по уставу вошли в республиканскую ассоциацию развития культуры чеченского и ингушского народов «Вайнах». В ее состав входят шестнадцать этнокультурных объединений чеченцев и ингушей [19]. В свою очередь, ассоциация стала структурной единицей Ассамблеи народа Казахстана. Таким образом, была выстроена целая система содействия малым нациям и народностям, в которой предусматривались все формы и виды помощи, начиная от самой элементарной материальной поддержки [20]. Общественное объединение «Чечено-Ингушский этнокультурный центр «Вайнах» в г. Астане официально зарегистрирован в августе 1994 г.

Основными направлениями работы центра являются: общественно-политическая деятельность, направленная на укрепление межнационального и межнационального согласия, единства народа, стабильности и безопасности; пропаганда и развитие национальной культуры, традиций и обычаев; изучение родного языка, истории, литературы чечено-ингушского народа и т.д. В январе 2010 г. прошла перерегистрация в связи с переименованием объединения в чечено-ингушский этнокультурный Центр «Вайнах» [21].

Карачаево-балкарское региональное общественное объединение (НКЦ) «Минги-Тау» зарегистрировано в 1996 году. Все члены объединения активно участвуют в общественной жизни республики, шесть человек являются членами Ассамблеи народов Казахстана. С декабря 2000 г. открыты молодежные секторы [22].

Персональные истории представителей диаспор, хранящиеся в фондах государственных архивов Казахстана, отражают общий исторический процесс и

примеры успешной адаптации представителей северокавказских диаспор в Казахстане [23].

В заключение следует отметить, что изучение жизни северокавказских диаспор Казахстана и Средней Азии, сформировавшихся в результате насильственных депортаций народов, остается малоизученной. Обращение исследователей к проблеме показывает, что по мере формирования и развития история диаспор в принявшей их республике становится общей с историей государства проживания и истории этнической родины – России. Сегодня через диаспоры происходит межэтническое и межкультурное взаимодействие между странами – Россией и Казахстаном.

Список литературы

1. *Ким Г.Н.* Диаспорология в современной России и Казахстана в мировом контексте науки. Acta Russiana. – № 2. – С. 146.
2. *Толоян Х.* «Переосмысление диаспоры: власть без гражданства в транснациональный момент» // Диаспора, 1996. – № 1. – С. 13–27; *Сафран У.* «Диаспоры в современных обществах: мифы о Родине и возвращении» // Диаспора. 1991. – № 1 – С. 21-39;
3. *Дабаг М., Платт К.* «Диаспоры и коллективные объединения. За конституцию коллективной идентичности в диаспоре». Личность во Фремде. Бохум, 1993; *Кохейн Р.* «Переосмысление «Вавилона»: иконоборческие концепции опыта диаспоры» // Новое сообщество. Абингдон, 1995. – Том 21. – № 1. – С. 45-51.;
4. *Скиннер Э.* «Диалектика между «Диаспорами и родиной». Глобальные аспекты африканской диаспоры // Издательство Университета Говарда, 1982. – С. 103–110;
5. *Эсман М.* «Диаспоры и международные отношения». Современные диаспоры в международной политике. Нью-Йорк, 1986. – С. 333-349.
6. АПРК Ф.708.Оп.32. Д.1542. Л.1.
7. АПРК Ф.708.Оп.32. Д.1542. Л.2-6.
8. ГАПО. Ф. 646. Оп. 5. Д. 1002.
9. Ассамблея народа Казахстана. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://assembly.kz>. (Дата обращения: 27.03.2023).
10. Национальный состав населения Республики Казахстан //Статистический справочник//Агентство РК по статистике. Алматы, 2000. [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20110816232455/http://www.stat.kz/publishing/DocLib/2000/760179>.
11. Неповторимое многоцветье. – Алматы: Ол- Жас Баспасы, 2003. – 208 с.
12. *Кудабаев А.Ж.* Кто есть кто в Павлодарской области. Кн.1. – Павлодар. ТОО НПФ «ЭКО», 2006. – 608 с.
13. *Дымов О.Г.* Тепло казахстанской земли. – Алматы: Арыс, 1999. – 272 с.

14. *Самтиев И.М.* Национальные меньшинства и диаспоры: соотношение и место в национальной политике // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008.- № 3 (40). – С. 136-140; Этнический диаспаритет как фактор конфликтности. Философия права. 2009. – № 1 (32). – С. 63-67; Этническая идентичность ингушской диаспоры Казахстана и Тюмени: опыт сравнительного анализа // Сборник научных трудов Ингушского государственного университета. – Магас, 2010. – С. 278-282;
15. *Самтиев И.М., Аккиева С.И.* Депортированные народы Северного Кавказа: стратегии выживания в диаспоре // Сборник научных трудов Ингушского государственного университета. – Магас, 2015. – С. 184–191;
16. *Самтиев И.М., Аккиева С.И.* Формирование диаспор народов Северного Кавказа в местах депортации // Сборник научных статей Института социальных исследований. Министерство образования и науки РФ; Ингушский государственный университет, Институт социальных исследований. – Назрань, 2015. – С. 33-44.
17. *Исакиева З.С.* К вопросу о чечено-ингушской диаспоре Казахстана. Взаимодействие образования, науки и бизнеса. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. – Махачкала, 2018. – С. 44-50.
18. *Аккиева С.И., Самтиев И.М.* Депортация народов Северного Кавказа в Среднюю Азию и Казахстан в 1940-е годы как фактор модернизации и диаспоризации // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. [Электронный ресурс]. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11581>
19. *Ермекбаев Ж. А.* Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. – Алматы: Дайк-Пресс. – 2009. – 508 с.
20. *Албогачиева М.С.-Г. Ж. А.* Ермекбаев чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы (рецензия). Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2009. – Сер.2. – Вып.4. – С.154.
21. ASSEMBLY.KZ [Электронный ресурс]. – URL: <https://assembly.kz/ru/ank/obshchaya-informatsiya/deyatelnost/>
22. <https://assembly.kz/ru/ank/deyatelnost-assamblei-naroda-kazakhstana> (Дата обращения: 29.03.2023).
23. *Зимовина Е. П.* Основные этапы формирования диаспоральной структуры Казахстана и стран Центральной Азии. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0377/analit04.php>.
24. ASSEMBLY.KZ [Электронный ресурс]. – URL: <https://assembly.kz/ru/struktury-ank/etnokulturnye-obedineniya/respublikanskie-eko/assotsiatsiya-chechentsev-i-ingushey-kazakhstana-vaynakh>
25. *Оздоева М.* Как одна дружная семья. Ингушская диаспора в Казахстане: вчера, сегодня, завтра. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gazetaingush.ru/obshchestvo/ingushskaya-diaspora-v-kazahstane-vchera-segodnya-zavtra>.

26. Чечено-Ингушский этнокультурный центр «Вайнах» г. Астана - [Электронный ресурс]. – URL: <https://vainahkg.kz/e/2500197-sayt-oo-checheno-ingushskiy-etnokulturniy-tse>.

27. Карачаево-балкарская диаспора в Казахстане. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.elbrusoid.org/articles/society/359289/?sphrase_id=14850.

28. Личный фонд Героева С. С. ГА г. Астаны; – Ф.498. – Оп.1. – Д. 14; Личный фонд Кокурхоевой Ш.Б. ГА г. Кокшетау. – Ф.1375. Оп.4. Д.7-11; Решения облисполкома. – ГАПО – Ф. 646. – Оп.5. – Д.607.

Summary

Arapkhanova L.Ya. Sources for studying the North Caucasian diasporas in Kazakhstan

The study of the life of the diasporas of the North Caucasian peoples on the territory of Kazakhstan is one of the most relevant studies for Caucasian historians in historical science. Filling this gap, the article attempts to analyze a wide range of sources demonstrating the life of diasporas that took shape after the restoration of the national autonomies of the deported peoples since 1957. Based on the materials of various sources, the history of the process of formation, settlement and the number of diaspora groups living in Kazakhstan is shown. A brief analysis of the most significant publications published in the last few decades is given. The methods of historiographical analysis, comparative historical and typological were used as a methodological basis.

Keywords: Kazakhstan, Balkars, Ingush, Karachays, Chechens, diasporas.

КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКИЕ СВЯЗИ В СФЕРЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК: ИЗ ОПЫТА СОТРУДНИЧЕСТВА КАЗАХСТАНСКИХ И ОМСКИХ УЧЕНЫХ В 90-Е ГГ. – ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI В.

Ахметова Ш.К.

*Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН
г. Омск, Россия
ack-sholpan@yandex.ru*

Томилов Н.А.

*Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН
г. Омск, Россия
n.a.tomilov@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается научная и научно-организационная деятельность Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН и Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского в постсоветский период во взаимодействии с учреждениями науки и культуры, вузами и общественными организациями Республики Казахстан. За этот период были заключены научные договоры, в сотрудничестве организовано 9 Международных казахских этнографических и этнографо-археологических экспедиций, проведено 7 конференций, симпозиум и семинар, издано 9 тематических сборников.

Ключевые слова: взаимодействие, договоры, научное сотрудничество, конференции, экспедиции.

Российскую Федерацию и Республику Казахстан объединяет не только самая длинная по протяженности общая граница, но и общая история, развитые экономические, политические и культурные связи. Взаимоотношения двух государств определяются также их геополитическим статусом. В этом аспекте деятельность научного сообщества имеет не только научное и культурное значение, но и выполняет определенную дипломатическую миссию, способствуя укреплению межгосударственных отношений. Омский

государственный университет имени Ф.М. Достоевского и Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН вносят свой вклад, активно развивая и поддерживая научные связи с казахстанскими вузами и учреждениями науки. Взаимодействие ученых Российской Федерации и Республики Казахстан происходит в разных формах: стажировок, конференций, семинаров, круглых столов, экспедиций.

Первым важным шагом в укреплении научных связей после распада СССР стала серия международных научных конференций «Степной край: историко-культурные взаимодействия и современность» (1998 по 2009 гг.), основным организатором которой неизменно выступал Омский государственный университет (ОмГУ). Ее особенностью был «передвижной характер». В разные годы соорганизаторами выступали университеты Кокшетау (2001), Астаны (2003), Караганды (2007), Костаная (2009) [1, с. 3].

Наиболее активное взаимодействие и сотрудничество на протяжении почти 20 лет Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН (ОФ ОИИФФ СО РАН) связывали с Институтом истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Павлодарским педагогическим университетом (ППУ) имени А. Маргулана, Павлодарским областным историко-краеведческим музеем (ПОИКМ) имени Г.Н. Потанина, Евразийским национальным университетом (ЕНУ) имени Л.Н. Гумилева, Всемирной ассоциацией казахов (ВАК).

Сотрудничество с Павлодарским областным историко-краеведческим музеем имени Г.Н. Потанина имеет давние и прочные корни и насчитывает уже более 18 лет. В 2004 г. ОФ ОИИФФ СО РАН совместно с ПОИКМ имени Г.Н. Потанина и кафедрой истории, археологии и этнологии ПГУ имени С. Торайгырова организовали первую Международную Казахскую этнографическую экспедицию с целью исследования локальных особенностей в традиционной культуре и мировоззрении казахов юга Западной Сибири. Исследования проводились в Благовещенском, Бурлинском и Славгородском районах Алтайского края [2, с. 208].

В сентябре этого же года ОФ ОИИФФ СО РАН совместно с Институтом археологии и Институтом истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова Республики Казахстан, а также с ОмГУ имени Ф.М. Достоевского и Сибирским филиалом Российского института культурологии (СФ РИК) в г. Алматы был проведен XII международный научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований», посвященный 100-летию со дня рождения казахстанского ученого А.Х. Маргулана и 120-летию российского ученого Б.Э. Петри.

В мае и июне 2006 г. были подписаны Договоры о научном сотрудничестве ОФ ОИИФФ СО РАН с Кокшетауским университетом и ПГПИ. Согласно договорам, была организована Казахская международная этнографическая экспедиция по четырем регионам Западной Сибири. Целью

экспедиции было проведение исследования этнокультурной адаптации казахов к окружающей социокультурной и экологической среде и их влияние на этническое сознание и традиционно-бытовую культуру.

В связи с реорганизацией всех объединенных институтов ОФ ОИИФФ СО РАН летом 2006 г. был преобразован в филиал Института археологии и этнографии (ОФ ИАЭТ) СО РАН. В 2007 г. с целью повышения эффективности методической и научно-исследовательской работы и взаимовыгодного сотрудничества в области культуры и науки Омский филиал Института археологии и этнографии заключил договоры с Павлодарским областным историко-краеведческим музеем имени Г.Н. Потанина и Павлодарским государственным педагогическим институтом.

Первые совместные международные экспедиции были этнографическими. Но в процессе работ из-за недостаточной археологической и этнографической изученности южных и юго-западных районов Омской области возникла необходимость в комплексных археолого-этнографических исследованиях погребального обряда казахов. С 2008 г. сотрудниками ОФ ИАЭТ СО РАН, ОмГУ имени Ф.М. Достоевского и Научного Центра археолого-этнографических исследований ПГПИ были организованы международные казахские этнографо-археологические экспедиции с целью комплексного изучения погребально-культовых сооружений казахов и предшествовавших им погребальных комплексов средневековья и нового времени. Были обследованы Нововаршавский, Русско-Полянский, Черлакский, Исилькульский, Москаленский, Полтавский районы Омской области. Наряду с изучением казахских погребальных сооружений были исследованы характер и специфика формирования погребальных комплексов в условиях степи и лесостепи, типы погребальных сооружений, культурная и хронологическая атрибуция погребальных памятников. Отдельным направлением стало исследование поселенческих комплексов, выявление взаимосвязей между селением и кладбищем, природно-географической обусловленности их расположения.

В 2001 г. среди казахского населения Таврического района Омской области зародилась новая традиция установки памятных стел исчезнувшим аулам, быстро распространившаяся по региону и получившая дальнейшее развитие в виде стел и мемориалов погибшим в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. воинам-землякам, а позднее и труженикам тыла. В результате появилось еще одно тематическое направление экспедиционных исследований.

В соответствии с планом научно-исследовательской работы ИАЭТ СО РАН на 2017 год в рамках выполнения гранта РНФ «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии» и во исполнение заключенных в апреле 2016 г. договоров о научном сотрудничестве ОФ ИАЭТ СО РАН с ПГПИ и ПОИКМ имени Г.Н. Потанина, были

организованы экспедиции по изучению духовной и материальной культуры северо-восточной Сарыарки и продолжены комплексные археолого-этнографические исследования мемориальных комплексов казахов юга Западной Сибири как сакральной маркировки пространства. В рамках выполнения проекта «Население южнотаежной и лесостепной зон Западной Сибири и Северного Казахстана: историко-культурные реконструкции и современность» ОФ ИАЭТ СО РАН и Казахской республиканской программы «Рухани жангыру» в 2017 г. была организована Международная казахская археолого-этнографическая экспедиция для проведения исследований по теме «Культурное наследие и сакральные места северо-восточной Сарыарки» совместно с ПОИКМ имени Г.Н. Потанина и Ассамблеей народа Казахстана Павлодарской области. В основу программы «Рухани жангыру» поставлена цель модернизации общественного сознания. Государственная поддержка в рамках президентской программы «Туған жер» дала возможность многочисленным потомкам чингизидов и других богатых родов создать фонды на основе личных вложений и построить научные и музейные комплексы в честь своих предков в Павлодаре, с. Торайгыр, Баян-Ауле. В Омской области также отмечены случаи возведения памятников и мемориалов известными гражданами Республики Казахстан, уроженцами аула Ортақшыл Шербакульского района [3, с. 38].

С 2007 г. по 2018 гг. ОФ ИАЭТ СО РАН совместно с ПОИКМ имени Г.Н. Потанина, ПГПИ, Национальным музеем Республики Казахстан, Кокшетауским университетом провели семь Международных казахских этнографических и этнографо-археологических экспедиций. Исследования проходили в основном в приграничных районах СКО, Павлодарской, Омской, Новосибирской областей и Алтайского края, но были охвачены также Баян-Аульский, Майский и Экибастузский районы Павлодарской области. В задачи исследования входили поиск, фиксация и изучение объектов культурного наследия на территориях приграничных районов сопредельных государств с проведением предварительного научного изучения, сбор сведений непосредственно по сооружению погребальных объектов, по технологии изготовления памятников мемориальной и культовой архитектуры, истории исчезнувших аулов и заброшенных кладбищ, по традиционной культуре. Накопленный этнографический материал позволил получить результат в исследовании современных проявлений, глубоко укорененных в сознании традиционных представлений в мировоззрении казахов Западной Сибири, влияющих на понимание мира и определяющих поведение человека в этническом сообществе. В результате проведенных работ выявлены локальные варианты в культуре казахов Карасукского, Красноозерского и Купинского районов Новосибирской области, приграничных районов Алтайского края, обусловленные влиянием Павлодарской области. Были пополнены этнографические коллекции Музея народов Сибири Омского научного центра

СО РАН, Павлодарского областного историко-краеведческого музея имени Г.Н. Потанина, ПГПИ.

В результате политики оптимизации научных кадров, проводимой Федеральным агентством научных организаций РФ в 2013–2018 гг. ОФ ИАЭТ СО РАН, был в 2018 г. реорганизован в Омскую лабораторию археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН с сохранением основных направлений научных исследований. Договор с ПОИМК имени Г.Н. Потанина был продлен.

В 2022 г. была начата работа в рамках проекта «Некрополь Кызылоба – уникальный памятник кочевой государственности Северной Сарыарки» Маргулан-Центра Павлодарского педагогического университета имени А. Маргулана.

Следует отметить важную роль в развитии сотрудничества Г.Б. Нурахметовой и Т.Н. Смагулова. Практически все экспедиции состоялись при их поддержке. Благодаря Г.Б. Нурахметовой были использованы фотографии из фонда Д.П. Багаева в оформлении обложки двухтомного сборника «Казахи России: история и современность» и в подготовке силами ученых России и Казахстана коллективной монографии «Казахи» в рамках российского проекта «Народы и культуры» [4; 5]. Необходимо также сказать о весомом вкладе в научное и научно-организационное сотрудничество с омскими учеными: Е.К. Абеуовой, С.Е. Ажигали, Н. Алимбая, К.Н. Балтабаевой, Ж.А. Ермекбая, З.Е. Кабульдинова, С.Н. Мамытовой, А.А. Мусагажиновой, А.С. Сарсамбековой.

С 2007 по 2019 гг. было организовано и проведено 9 международных научных конференций и семинаров: «Казахи Омского Прииртышья» (2007), «Казахстан и Россия: научное и культурное сотрудничество и взаимодействие» (Омск, 2010), «Казахи России: история и современность» (Омск, 2009), «Казахи в Евразийском пространстве: история и современность» (Омск, 2014), «Казахи Евразии и их роль в укреплении межнационального согласия» (2016), «Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году (археология, этнография, устная история)», XXII Международный научный симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований», «Казахи Новосибирской области и сопредельных территорий: история, культура и взаимодействие» (Новосибирск, 2018), «Казахи в Евразийском пространстве: история и современность» (Омск, 2019). Издано 9 научных сборников [5].

В 2009 г. Омский филиал ИАЭТ СО РАН совместно с Министерством культуры Омской области, ОмГУ имени Ф.М. Достоевского, Институтом истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова и Центральным государственным музеем Республики Казахстан выступил главным организатором первой Международной научно-практической конференция «Казахи России: история и

современность», посвященной 35-летию Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. Соорганизаторами этого мероприятия были также Президентский фонд развития казахского языка Республики Казахстан, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодарский историко-краеведческий музей имени Г.Н. Потанина, казахские национально-культурные организации, Омский филиал Российского фонда культуры, Омское отделение Русского географического общества. Благодаря сотрудничеству с Павлодарским областным историко-краеведческим музеем имени Г.Н. Потанина, обложки двух томов сборника материалов конференции были иллюстрированы фотографиями Багаева из фондов ПОИКМ имени Г.Н. Потанина.

Продолжением этого направления сотрудничества стала реализация двух научных проектов по инициативе ЕНУ имени Л.Н. Гумилева и казахстанских общественных объединений «Аржан» и «Нур Акмола». В конце 2010 г. состоялся научно-практический семинар «Казахстан и Россия: научное и культурное сотрудничество и взаимодействие». Главными организаторами семинара также выступили ОФ ИАЭТ СО РАН, ОмГУ имени Ф.М. Достоевского, Всемирная ассоциация казахов (ВАК), ПГПИ, СФ РИК МК РФ, Омский филиал Российского фонда культуры, региональная казахская национально-культурная автономия Омской области и Омская государственная областная научная библиотека имени А. С. Пушкина. В семинаре приняли участие наряду с омичами ученые ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, Казахского национального университета имени Аль-Фараби (Алматы), Павлодарского государственного педагогического института.

При реализации республиканского научного проекта Комитета науки МОН РК «Этническая история тюркского населения Западной Сибири» в ЕНУ имени Л.Н. Гумилева была проведена в конце 2012 г. Международная научно-практическая конференция «Проблемы этнической истории тюркского населения Западной Сибири». Инициаторами их организации стали ОФ ИАЭТ СО РАН, кафедра евразийских исследований и НИЦ «Евразия» Евразийского университета имени Л.Н. Гумилева.

В мае 2014 г. ОФ ИАЭТ СО РАН совместно с Всемирной ассоциацией казахов и ОмГУ имени Ф.М. Достоевского в Омске была проведена Международная научно-практическая конференция «Казахи в Евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы». В ее работе приняли участие руководители казахских и тюркских общественных организаций Казахстана, Кыргызстана, России, Турции и Болгарии. Наряду с Всемирной ассоциацией казахов и его Северо-Казахстанским отделением были представлены также Международное общественное объединение «Конгресс тюркских народов» (Стамбул), общественное объединение турков Болгарии «Бултурк» (София), общественное объединение «Манас Коому» (Бишкек), Казахская региональная национально-культурная автономия г. Москвы,

государственное бюджетное учреждение г. Москвы «Московский дом национальностей», Московский фонд «Казахская диаспора», Новосибирская региональная общественная организация «Центр казахской культуры «Отан», региональная национально-культурная автономия казахов Тюменской области, Тюменская областная казахская общественная организация «Достык», Челябинская общественная областная организация «Казахский общественный центр “Азамат”», национально-культурная автономия казахов г. Томска, казахские общественные организации Ишима и Сургута. Традиционно приехали ученые ЕНУ имени Л.Н. Гумилева (Астана), Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Алматы), КазНУ имени аль-Фараби (Алматы), КазНПУ имени Абая (Алматы), Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова (Астана), КГУ имени А. Байтурсынова, Национального центра гигиены труда и профзаболеваний Министерства здравоохранения РК (Караганда), Павлодарского государственного педагогического института.

По просьбе казахстанских коллег в 2016 г. вместо запланированного семинара «Казахи Евразии и их вклад в укрепление межнационального согласия» была проведена Международная научно-практическая конференция в честь 150-летия со дня рождения А.Н. Букейханова, судьба которого тесно связана с Омском. Организаторами ее вместе с ОФ ИАЭТ СО РАН стали ВАК, ОмГУ имени Ф.М. Достоевского, ПГПИ и ПОИКМ имени Г.Н. Потанина.

В марте 2017 г. в Омске состоялась XII Международная научно-практическая конференция «Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году (археология, этнография, устная история)», организованная Алтайским государственным педагогическим университетом, Институтом археологии имени А.Х. Маргулана, ОмГУ имени Ф.М. Достоевского, ОФ ИАЭТ СО РАН, Margulan Centre – региональный археологический центр ПГПИ, ПОИКМ имени Г.Н. Потанина, СФ Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева.

В сентябре 2018 г. Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН и ОмГУ имени Ф.М. Достоевского совместно с ПГПИ в Павлодаре провели XXII Международный научный симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований».

По просьбе Новосибирской региональной общественной организации «Центр казахской культуры «ОТАН» и Общероссийской общественной организации «Федеральная национально-культурная автономия казахов России» в ноябре 2018 г. в Новосибирске Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН организовала Региональную научно-практическую конференцию с международным участием «Казахи Новосибирской области и сопредельных территорий: история, культура и взаимодействие». В числе соорганизаторов были ПГУ имени С. Торайгырова, ОмГУ имени Ф.М. Достоевского, Управление по делам национальностей и

взаимодействию с религиозными организациями Министерства региональной политики Новосибирской области.

В преддверии XVI форума межрегионального сотрудничества России и Казахстана, проходившего в г. Омске 6–7 ноября 2019 г., 5–6 ноября состоялась II Международная научно-практическая конференция «Казахи в Евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы». Организаторами стали Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Министерство региональной политики и информационных коммуникаций Омской области, Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова МОН Республики Казахстан, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова. В работе конференции приняли участие учёные из разных регионов России и Казахстана. Учёные выразили надежду на проведение III Международной научно-практической конференции «Казахи в евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы». Результатом работы конференции стало также подписание Омской лабораторией археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН меморандумов о сотрудничестве с Институтом истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова и Ассамблеей народа Казахстана Павлодарской области.

Мероприятия подобного рода, проводимые на приграничной территории, в г. Омске, находят широкий отклик в российской и казахстанской научной среде. В целом во взаимодействии с казахстанскими научными учреждениями и вузами Омским филиалом (с 2018 г. лабораторией) ИАЭТ СО РАН было проведено уже 7 конференций, симпозиум и семинар. Сотрудничество в сфере науки способствует не только достижению консенсуса между учёными в ходе полемики по актуальным проблемам и организации совместных проектов, но также укреплению сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Казахстан.

Список литературы

1. *Геринг Г.И.* Вклад конференций «Степной край Евразии» в расширение сотрудничества ученых России и Казахстана // Степной край Евразии. Историко-культурные взаимодействия и современность. – Омск, 2009. – С. 3.
2. *Ахметова Ш.К.* Международные казахские этнографические экспедиции Омского филиала ИАЭТ СО РАН и ПОИКМ им. Г.Н. Потанина (2004 – 2208 гг.) // Роль музеев на современном этапе и перспективы развития. – Павлодар, 2012. – С. 208-210.

3. *Ахметова Ш.К., Толпеко И.В.* Отражение Великой Отечественной войны в памяти сибирских казахов // *Казахи в Евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы: сборник научных трудов.* – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. – С. 34–39.

4. *Казахи.* – М.: Наука, 2021. – 846 с.

5. *Казахи Омского Прииртышья: история и современность.* – Омск: «Издатель-Полиграфист», 2007. – 212 с.; *Казахи России: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции (20–22 мая 2009 г., Омск): в 2 т.* – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. – Т. 1. – 308 с.; *Казахи России: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции (20–22 мая 2009 г., Омск): в 2 т.* – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. – Т. 2. – 384 с.; *Казахстан и Россия: научное и культурное взаимодействие и сотрудничество.* – Астана – Омск, 2013. – С. 39–54; *Казахи в Евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы.* – Омск: Амфора, 2014. – 326 с.; *Казахи Евразии: история и культура: Сб. науч. трудов.* – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского; Павлодар: Изд-во Павлод. гос. пед. ин-та, 2016. – 314 с.; *Казахи Новосибирской области и сопредельных территорий: история, культура и взаимодействие.* – Павлодар: Toraighyrov University; Барнаул: Алт. гос. ин-т культуры, 2019. – 302 с.; *Казахи в Евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы.* – Омск, 2019. – 157 с.

Summary

**Akhmetova Sh.K., Tomilov N.A. Kazakhstan-Russian relations in the historical sciences:
cooperation of Kazakhstan and Omsk scientists
in the 1990-s. - the first decades of the XXI century**

The article discusses the scientific and scientific-organizational activities of Omsk Laboratory of Archeology, Ethnography and Museology of the Institute Archaeology and Ethnography SB RAS and Dostoevsky Omsk State University during the post-Soviet period in cooperation with scientific and cultural institutions, universities and public organizations of the Republic of Kazakhstan. During this period, scientific agreements were concluded, 9 mutual International Kazakh ethnographic and ethnographic-archaeological expeditions were organized 9 scientific forums were held, and 9 thematic books were published.

Keywords: interaction, contracts, scientific cooperation, conferences, expeditions.

СТАТУС КАРАКАЛПАКИИ В 1920–1930-Х ГГ.

Быков А. Ю.

*Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
г. Москва, Россия
baju72@mail.ru*

Аннотация. На базе опубликованных и архивных источников рассматриваются вопросы становления автономии Каракалпакии от автономной области в составе Казахской АССР, затем непосредственно в составе РСФСР к автономной республике в составе РСФСР и Узбекской ССР. Выявляются причины изменения статуса субъекта и его административной подчиненности в советской федерации.

Ключевые слова: Каракалпакстан, Казахстан, Узбекистан, РСФСР, субъект федерации.

В советской и постсоветской историографии вопросы становления автономии Каракалпакстана, эволюции этого процесса и формирования границ данного субъекта советской федерации уделялось крайне незначительное внимание. Советская историческая школа трактовала процесс обретения каракалпаками суверенитета в составе СССР в качестве естественного следствия этносоциогенеза, изменение статуса в составе Советского Союза от автономной области к автономной республике рассматривалось в качестве перехода каракалпакского этноса на более высокую ступень социально-экономического и политического прогресса. Вопросы разграничения специально не рассматривались и считались процессом, второстепенным по отношению к становлению суверенитета [1, с. 44–61; 2, с. 18–25].

Постсоветская историография этих процессов в целом повторяет основные положения предшествующей школы, но носит уже явно выраженный национальный оттенок в оценках. Так, казахстанские исследователи упор делают на позитивной роли, которую сыграл Казахстан в социально-экономическом развитии Каракалпакии в период его пребывания в составе Казахской АССР [3], которая сама входила в состав РСФСР.

Вопросы передачи Кара-Калпакской АО в состав РСФСР либо не рассматриваются вовсе, либо объясняются интересами хозяйствующих субъектов того периода. Узбекская и каракалпакская историография ставят вопросы о невыгодных условиях, в которых оказалась Кара-Калпакская АО в составе Казахстана, ущемления последним прав первой или игнорирования интересов каракалпаков [4, с. 9; 5, б. 3; 6, с. 205 и др.]. В отношении периода прямого подчинения Каракалпакии РСФСР констатируется незавершенность процессов экономического реформирования и предоставление каракалпакам весьма урезанного суверенитета [7, р. 344]. Показательно, что процесс передачи

автономии в состав УзССР вообще не анализируется, в скобках подразумевается естественность и неизбежность этого процесса.

Западная историография уделяет вопросам политогенеза советской Каракалпакии еще меньшее внимание, вовсе не анализируя вопросы разграничения приаральского региона. Единственным исключением можно считать работу норвежского автора Арне Хагена (Arne Haugen), выдвинувшего обоснованную гипотезу, что каракалпаки в раннесоветский период (при национально-государственном размежевании) не стремились к получению собственной автономии, она им была фактически навязана союзными властями [8, р. 211–212].

Современные российские историки также обходят стороной сюжеты, связанные с советской Каракалпакией. В определенном смысле исключением можно считать работу С.Н. Абашина, проливающую свет на проблему изменения статуса Каракалпакии. Как и профессор гарвардского университета Терри Мартин, он считает, что параллельно с национальным маркером и отношением к советской номенклатуре продолжали функционировать традиционные формы идентичности (территориальная, тюркская/пантюркистская, мусульманская и т.п.), которые здесь оказывали серьезное влияние [9, с. 179–195; 10; 11].

Взаимоотношения казахов, каракалпаков и узбеков в Приаралье и Прикаспии имеют длительную историю. Минимум с XVI в. эти этнические группы встречаются в исторических источниках в качестве военных союзников или противников, торгово-экономических партнеров, входивших в ряд государственных и потестарно-политических образований, построенных не на этническом, а на территориальном принципе [См., напр.: 12, л. 21 об.; 13, л. 3 об.; 14, с. 1493 и др.].

Последними досоветскими образованиями на территории будущей Каракалпакской АО являлись Российская империя (на короткий период — Российская республика) с ее административными единицами: Туркестанским и в незначительной части Степным генерал-губернаторствами и зависимое Хивинское ханство.

Органы советской власти стали формироваться в центральноазиатском регионе с 1917 г. В течение гражданской войны границы советских и несоветских территорий постоянно менялись в зависимости от прохождения линий фронтов. Последний очаг сопротивления в Казахстане, Северный семиреченский фронт, был ликвидирован в марте 1920 г., военные действия в Бухаре завершились в сентябре/октябре 1920 г. Параллельно решался вопрос о создании автономий. Первые из них были созданы именно в центральноазиатском регионе: в апреле 1918 г. в составе РСФСР была образована Туркестанская АССР, а в августе 1920 г. — Киргизская (с 1925 г. Казахская) АССР.

Казахские и узбекские политические лидеры, получившие к этому времени опыт в рамках российских партий руководства или сотрудничества с

местными полу- или зависимыми от несоветских режимов автономиями и прямого взаимодействия с советскими органами разного уровня, оказались в авангарде решения вопросов создания автономий. Причем существовало несколько проектов. Например, рассматривалась возможность создания единой Тюркской советской республики. Проект был отвергнут с формулировкой о потенциальной угрозе панисламизма. В.И. Ленин рекомендовал ЦК и Совнаркому вместо единой республики «составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению» [15, с. 435-436, 545 (прим).].

Первыми с инициативой изменения административно-территориального деления в Туркестане выступили туркменские племена в 1921 г. В 1922 г. с аналогичной инициативой вышли лидеры кара-киргизской интеллигенции. От каракалпаков подобных просьб до 1924 г., когда процесс был запущен «сверху», не поступало [16, с. 24]. Но национальный проект лег на благодатную почву и был позитивно воспринят местными лидерами.

Советские органы в первую очередь ориентировались на многочисленные народы, к каким относились казахи, узбеки, туркмены, таджики, киргизы и каракалпаки. В первые годы в этот список включались сарты, кипчаки и ряд других этнических групп, но уже во второй половине 1920-х гг. они практически перестают фигурировать в официальной переписке и других документах.

Образованная при поддержке отрядов Красной Армии, базировавшихся в Туркестанской автономии, на территории бывшей Хивы Хорезмская Народная Советская Республика провела административную реформу, создав три области, одной из которых стала Киргиз-Каракалпакская (Казахско-Каракалпакская) автономная область. При Хорезмском ЦИКе было создано киргизско-каракалпакское отделение, один представитель которого кооптировался в высший государственный орган с правом решающего голоса, что было закреплено Конституцией [17, с. 80].

Отказавшись от идеи единой тюркской республики, но продолжая настаивать на ограниченном суверенитете в структуре советской федерации, Ф. Ходжаев выступил с «Тезисами по созданию в Средней Азии национально-однородных республик». При этом исключение, по его мнению, должна была составлять хотя бы временно Хорезмская республика. В феврале 1924 г. Пленум ЦК компартии Бухары принял предложение Председателя Совета народных назиров, кем в тот момент и являлся Ф. Ходжаев, о целесообразности размежевания Средней Азии на национальной основе. Вопрос об автономии каракалпаков в этом документе не поднимался [18, л. 80-81]. В октябре 1924 г. ХорЦИКом областям было предоставлено право самостоятельного решения вопроса о возможности выхода из состава Хорезмской республики. В ноябре 1924 г. решением Хорезмского ЦИКа, в состав Кара-Калпакской области передавались Ходжейлинская область и волости Кипчак и Ктай [19, с. 345–346, 352].

В апреле 1924 г. при Среднеазиатском бюро ЦК РКП(б), располагавшемся в Ташкенте, была образована Временная территориальная комиссия с 5

национальными, включая каракалпакскую, подкомиссиями. 10 августа ею решено создать из частей Киргиз-Каракалпакской и Амударьинской областей автономную Каракалпакскую область. Вопрос о границах ее территории оставался открытым. Но уже 6 сентября комиссией определено, что в состав ККАО должны войти Ходжелинский и Кунградский районы Хорезмской республики и Чимбалыйский уезд Амударьинской области с общим населением 128003 человека. Шураханский район (уезд) Амударьинской области, где также компактно проживали каракалпаки, решили отнести целиком к узбекским районам Хорезмской ССР [20, с. 133–135], вошедшей в свою очередь в образованную Узбекскую ССР. К ней же в 1925 г. отнесли Кенимехский (Канимехский) район Зеравшанской области с населением около 10 тыс. человек, получивший название Киргизско-Каракалпакского (Казахско-Каракалпакского) национального района.

Вопрос об административной принадлежности самой ККАО Территориальной комиссией в тот период разрешен не был из-за полиэтничности состава населения: в планировавшихся к отведению под Каракалпакскую АО территориях доля каракалпаков составляла 38,1%, казахов – 28,1%, узбеков – 27,6% (по другим данным, каракалпаки – 39,0%, казахи – 28,6%, узбеки 27,5% [21, с. 12; 22, л. 8]), и даже при незначительном изменении границ это соотношение могло быть сдвинуто в любую из сторон.

Лишь в сентябре 1924 г., по согласованию с московскими ЦК, Средазбюро ЦК РКП(б) приняло решение передать область в состав Киргизской (Казахской) автономной республики. На такое решение повлияло в значительной степени мнение В.В. Куйбышева, который возглавлял Комиссию по национально-государственному размежеванию и готовил предложения о новом административно-территориальном делении центральноазиатского региона для Политбюро ЦК РКП(б) [2, с. 18–20]. Чуть более высокий уровень концентрации казахского населения по сравнению с узбекским в определенных к новой автономии территориях стал последним фактором, почему Каракалпакская Автономная Область вошла в состав Киргизской (Казахской) АССР. Важно отметить, что казахстанские лидеры помимо прочего делали акцент на схожести форм ведения хозяйства казахов и каракалпаков – на преобладании кочевого скотоводства.

Тогда же возникло Оргбюро по созданию Каракалпакской автономной области, руководителем которого стал первый секретарь Кунградского райкома ВКП(б) А.К. Досназаров, включенный в состав Комиссии по национально-государственному размежеванию и Амударьинский обком. 17 октября КирЦИК постановил образовать Ревком ККАО [23, л. 71]. Через 10 дней ЦИК СССР принял решение передать в состав Киргизской АССР районы Средней Азии, в том числе низовьев Сыр-Дарьи и Амударьи [24, с. 213].

12-19 февраля 1925 г. в Турткуле прошел I Учредительный съезд Советов Кара-Калпакской АО, который законодательно оформил ее создание и вхождение в состав Казахской АССР. Постановлением XII Всероссийского

Съезда Советов от 11 мая 1925 г. включение Кара-Калпакии в статусе автономной области в состав КазАССР получило окончательное законодательное оформление на союзном уровне [25, л. 25].

Стремление закрепить ККАО в своем составе не подкреплялось законодательными инициативами. Удивительно, но в тексте казахстанской Конституции, утвержденной IV Съездом Советов Киргизской (Казахской) АССР 18 февраля 1926 г. вообще нет упоминания о каракалпаках. Более того, в ст. 21, посвященной территориям, входившим в состав КАССР, Кара-Калпакская АО также не числилась [26, с. 70–79].

Правовой статут Каракалпакии определялся актами ниже конституционного, в первую очередь утвержденным в ноябре 1926 г. Президиумом ЦИК Казахской АССР специальным «Положением о Каракалпакской Автономной области». Высшими органами государственной власти и управления на территории Каракалпакской Автономной области объявлялись областной съезд Советов, а в период между съездами Советов – Облисполком, подотчетный Всеказахскому съезду Советов, ЦИКу КазАССР и казахстанскому Совету Народных Комиссаров. При республиканском ЦИКе учреждалась должность представителя автономной области, такая же должность учреждалась и при ВЦИКе РСФСР. Положением регулировалось внутреннее административное деление области и целый ряд других вопросов. Основным языком признавался каракалпакский. Предусматривалась возможность внесения изменений в «Положение» по инициативе области [3].

Противоречия между казахстанским руководством и руководством автономной области начались практически сразу. Уже в 1925 г. А.К. Досназаров, обвиняя лидеров КАССР в националистическом курсе, обратился напрямую в Политбюро ЦК РКП(б) с предложением повысить статус автономии до республиканского с передачей в прямое союзное подчинение [27, л. 3], что делало бы статус Каракалпакии даже выше статуса Казахстана того времени и было бы воспринято другими среднеазиатскими автономиями в качестве проявления слабости центра и могло спровоцировать аналогичные обращения от других автономий и/или этнических групп.

Российское и союзное руководство были крайне недовольны решениями казахстанских властей в отношении ККАО в области экономического развития (область серьезно отставала от темпов роста соседних регионов), уровнем межэтнических противоречий (казахи – каракалпаки – узбеки – туркмены – русские), в значительной степени вызванным курсом казахстанского руководства на создание «национально-однородных» советов и исполкомов на низовых уровнях (от сельского до уездного советов) [28, л. 28], а особенно серьезнейшими пограничными спорами с Туркменией и Узбекистаном и невыполнением многих постановлений всероссийских органов. Все это стало причиной передачи 20 июля 1930 г. Каракалпакской АО в прямое подчинение РСФСР.

В составе РСФСР Каракалпакия находилась всего два года. Помимо серьезнейшего политического решения о предоставлении ей статуса

автономной республики, что в известной степени объясняло массам причину ее вывода из Казахстана – субъекты с одинаковым статусом не могут находиться в подчинении друг друга, качественно активизировалась работа по ее экономическому развитию. Помимо передачи значительной части активов предприятий, находившихся в Каракалпакии, но имевших прямое подчинение КАССР, были выделены серьезные средства из бюджета РСФСР на строительство новых предприятий и модернизацию существующих, строительство железных и автодорог и расширение автопарка, обучение местного персонала и направление специалистов из соседних республик и центральной России. Параллельно экономические реформы должны были наглядно демонстрировать успехи Каракалпакии в индустриальном развитии, «превращении ее из аграрной в аграрно-индустриальную», что позволяло, по сложившейся к этому времени практике и методологии, присвоить автономной области республиканский статус. В частности, были запланированы работы в области расширения мелиорации и ирригации сельского хозяйства, развития семеноводческой базы растениеводства (хлопок, люцерна, рис, тутовник), расширения каракулеводства в животноводстве, увеличения числа рыболовецких артелей и частичного оснащения новыми судами. Предполагалась интенсификация сельхозпроизводства, как за счет создания колхозов и совхозов, так и за счет механизации ирригационных сооружений и создания сети машинно-тракторных станций. В промышленности упор был сделан на развитии производств переработки сельскохозяйственного сырья и добычи полезных ископаемых (хлопкоочистительные, фосфоритные). Часть этих мероприятий была инициирована областным руководством после прямого подчинения РСФСР, часть явилась инициативой ВСНХ, попав в скорректированные планы первой и второй пятилетки. Более того, 1 августа 1931 г. СНК РСФСР принял специальное постановление о хозяйственном и культурном строительстве области, где констатировалась необходимость устранения отставания области от темпов развития экономики субъектов СССР и приоритетное развитие вышеперечисленных отраслей и направлений [1, с. 44–50; 4, с. 9; 6, с. 205–209; 7, с. 345–346; 29, с. 185 и др.].

20 марта 1932 г. Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление о преобразовании ККАО в автономную республику в своем составе. В нем, в частности, говорилось: «Каракалпакскую автономную область, в соответствии с волеизъявлением ее трудового населения, преобразовать в существующих границах в Каракалпакскую автономную советскую социалистическую республику как федеративную часть в состав РСФСР». Это объясняло широким массам, почему Кара-Калпакская АО была выведена из состава КазАССР, ведь невозможно было подчинение равноправных субъектов советской федерации друг другу, с одной стороны, и готовило передачу этого субъекта уже в новом статусе в состав УзССР, с другой. Поскольку вариант возврата в Казахстан правительством СССР не рассматривался вовсе, а уровню союзной республики Каракалпакия не соответствовала, по принятым в тот период методикам

оценки, ни по количественному составу населения, ни по уровню социально-экономического развития. Передача же в статусе автономной области была чревата продолжением межреспубликанских споров Казахстана с Узбекистаном. Остаться в составе РСФСР Каракалпакия также не могла из-за базовой установки при формировании административных единиц об отсутствии чересполосицы, а ведь после получения Казахстаном статуса союзной республики, Кара-Калпакская АССР становилась бы для РСФСР эксклавом площадью свыше 125 тыс. кв. км и населением более 350 тыс. человек [30, с. XIV–XV]. При этом, судя по телеграмме Зампредоблика Каракалпакии Никитина в союзный ЦИК, каракалпакское руководство даже не поставили в известность при передаче автономии из РСФСР в Узбекскую ССР [31, л. 27].

В 1935 г. ЦИК СССР принял официальное решение о передаче Каракалпакской Автономной Республики в состав Узбекской ССР, что и было закреплено ст. 26. Конституции СССР, принятой 5 декабря 1936 г. [32, с. 277–296]. Статус автономной республики был официально закреплен всеми последующими Конституциями СССР и Узбекской ССР, и в нем Каракалпакия просуществовала до момента распада Советского Союза.

На наш взгляд, изменение собственного статуса Каракалпакии в составе СССР, ее переход из одной республики в другую были связаны как с развитием самосознания каракалпакской элиты, так и с процессами, протекавшими в соседних субъектах и в СССР в целом. Это и межфракционная борьба, и стремление к собственному карьерному росту, но параллельно это же отражает эволюцию национальной политики, проводившейся в Советском Союзе в Центральной Азии в период национально-государственного размежевания, развитие межреспубликанских связей в довоенный период, приведших к стабилизации политической и социально-экономической ситуации в регионе.

Административный статус субъекта имел в рамках СССР серьезное значение, поскольку влиял не только на уровень самостоятельности в принятии внутренних решений, но также и распределение бюджетных средств, реализацию и возможность инициирования инвестиционных проектов, наконец, на статус представлявших его представителей. Особую роль статус играл при решении споров между различными субъектами. Приоритет обычно отдавался стороне с более высоким статусом и/или большим количеством населения [33, с. 171]. Получение статуса автономной области, а потом и его повышение до уровня автономной республики достаточно высоко ставило Каракалпаксию в советской иерархии, в Узбекской ССР – это был высший уровень субъекта. Объективно это позволяло претендовать на множественные преференции и реализацию проектов высокого уровня капиталоемкости, хотя на это оказывали влияние и многие другие факторы.

Список литературы

1. *Жданко Т. А.* Каракалпаки (Основные проблемы этнической истории и этнографии). Доклад по опубликованным работам, представленным на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. — М., 1964. С. 44-61. — 71 с.; Очерки истории Каракалпакской АССР. Т. II (1917-1963 гг.). — Ташкент: Изд-во «Наука» Узбекской ССР, 1964. — 338 с.
2. Государственное строительство и право в Узбекской ССР. — Ташкент: Изд-во «ФАН» Узбекской ССР, 1974. — 367 с.
3. Каракалпакстан в составе Казахстана // QAZAQSTAN TARİHY. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/23854> (дата публикации 13.04.2020, дата обращения 10.03.2023).
4. *Хакимниязов К. А.* Каракалпакстан в 1930–1941-е годы: исторический опыт и проблемы. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. — Нукус, 2002. — 22 с.
5. *Камалов С. К.* Каракалпаклардың халық болып қәлиплесіуі хәм оның мәмлекетшилигиниң тарийхынан. — Нөкис, 2001. — 179 б.
6. Базарбаев, Р. Ж., Кошанов Б. А. Кадровая политика РСФСР в Каракалпакстане в 1930-1936 гг. // Молодой ученый. 2010. №7(18). С. 205-209.
7. *Алламжарова Г.* Образование Каракалпакской Автономной Республики // Central Asian Journal of Social Sciences and History. Vol. 3. Dec. 2022. — P. 344-352.
8. *Haugen A.* The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. — Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2003. — 276 p.
9. Абашин С. Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. — СПб.: Алетейя, 2007. — 312 с.
10. *Martin T.* The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. — New York: Cornell univ. press, 2001. — 528 p.
11. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. — М.: РОССПЭН, 2011. — 855 с., илл.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. 1764–1779 гг. Оп. 113. Д. 1287.
13. Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук (Архив СПбИИ РАН). Ф. 36. Оп. 1. Д. 439.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. XXII. 1784-1788. — СПб.: Тип. II Отд-я ЕИВ Канцелярии, 1830. — 1168 + X с., табл.
15. Ленин В. И. Замечания на проекте решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане // Ленин. В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. — М.: Изд-во политической литературы, 1980. — С. 433–436, 544–545 (прим.).
16. *Бочкарева И.Б.* Национально-территориальное размежевание в Средней Азии в 1924 г.: причины и влияние на этнополитические процессы в регионе // Известия Алтайского госуниверситета. Сер. Исторические науки и археология. 2019. №2(106). — С. 22–26.

17. Нурмухамедов М.К., Жданко Т.А., Камалов С.К. Каракалпаки (краткий очерк истории с древнейших времен до наших дней). — Ташкент: Изд-во «ФАН» Узбекской ССР, 1971. — 120 с.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 87.
19. История Хорезмской Народной Советской республики (1920–1924 гг.). Сборник документов. — Ташкент: Изд-во «ФАН» Узбекской ССР, 1976. — 375 с.
20. Очерки истории Каракалпакской АССР. Т. II (1917-1963 гг.). — Ташкент: Изд-во «Наука» Узбекской ССР, 1964. — 338 с.
21. Манаков А.Г. Национально-государственное размежевание Центральной Азии в 1920-е гг.: современный взгляд с позиции концепции этнокультурного пространства // Известия Русского географического общества. 2020. — Т. 152. №2. — С. 3–16.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А314. Оп. 1. Д. 731.
23. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. Р5. Оп. 5. Д. 72.
24. Голунов С. В. Фактор безопасности в политике России и Казахстана по отношению к их общей границе. Диссер. на соиск. уч. ст. докт. полит. наук. — Н. Новгород, 2008. — 653 с.
25. ГА РФ. Ф. Р5677. Оп. 8. Д. 2.
26. Советские конституции. Хрестоматия. В 4-х ч. Ч. 2. СССР, 1922-1936 гг. / Сост. Д. В. Кузнецов. — Благовещенск: Благовещенский госпедуниверситет, 2015. — 334 с.
27. РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 23.
28. ГА РФ. Ф. Р1235. Оп. 105. Д. 464.
29. Прищепова В.А. Семен Архипович Белькин и социалистическое строительство в Каракалпакии // Кунсткамера. 2018. №1. — С. 181-192.
30. Административно-территориальное деление Союза ССР. Краткий справочник на 1 сентября 1935 г. — М.: Изд-во «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1935. — XXXII + 481 с.
31. ГА РФ. Ф. Р 3316. Оп. 18. Д. 241.
32. Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. — М., Политиздат, 1987. — 364 с.
33. Быков А.Ю., Кожирова С.Б. Формирование границ Казахстана: дискуссии и решения первого двадцатилетия советской власти // Восток. 2023. — №3. — С. 165–180.

Summary

Bykov A.Y. Status of Karakalpakia in the 1920-1930 s.

On the basis of published and archival sources, the questions of the formation of the autonomy of Karakalpakstan from the autonomous region within of the Kazak ASSR, later a part of

the RSFSR, to the autonomous republic within of the RSFSR and the Uzbek SSR are considered. The reasons for the change in the status of the subject and its administrative subordination in the Soviet federation are revealed.

Keywords: Karakalpakstan, Kazakhstan, Uzbekistan, RSFSR, federal subject.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСГРАНИЧЬЯ ВОСТОКА РОССИИ- МОНГОЛИИ XVIII НАЧАЛА-XX ВВ.

Дамешек Л.М.

*Доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России
Иркутский государственный университет
г. Иркутск, Россия
levdameshek@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается политика Российской империи по отношению к ламаизму в Забайкалье в условиях трансграничья востока России-Монголии, делается вывод о гибкости конфессиональной политики империи на окраинах государства, влияния на нее приграничных факторов, соседства Монголии и Китая.

Ключевые слова: Россия, империя, ламаизм, Монголия, трансграничье.

Процесс вхождения Сибири в состав России начался в конце XVI в., носил весьма противоречивый характер и имел длительную историческую перспективу. Это было не только военное, но и административное, и экономические закрепление за Российской империей новых территорий и народов огромного Зауральского края. Дальнейшая инкорпорация Сибири в Россию породила проблему взаимоотношений периферии и государственного ядра, вопрос о колониальном положении Сибири в составе Российской империи, судьбах народов Сибири в составе России.

Во взглядах на вновь присоединенные племена правительство руководствовалось в основном финансовыми соображениями. Однако окраинная политика империи на всех этапах отличалась известной гибкостью и поливариантностью, что являлось одним из важных условий сосуществования имперского ядра и окраинных территорий государства. Ярким примером такой практики стала конфессиональная политика одного из наиболее известных представителей генерал-губернаторского корпуса Азиатской России графа Н.Н. Муравьева-Амурского в Забайкалье, в частности, разработка и принятие положения о ламайском духовенстве 1853 г., вплоть до конца империи определившем стандарты взаимоотношения государства и буддистской церкви в России.

Ко времени назначения Н.Н. Муравьева генерал-губернатором Восточной Сибири (1847 г.) вверенное его правлению генерал-губернаторство представляло собой огромную территорию, раскинувшуюся от берегов Енисея на западе и до побережья Тихого океана на востоке. Дальнейшее продвижение

России на Восток в значительной степени определялось властным влиянием на ее географическую конфигурацию, расположением управленческих центров, наличием институциональной структуры, мотивами и, что не менее важно, результатами ее деятельности. В этом смысле административное переустройство Восточной Сибири, затеянное Н.Н. Муравьевым, и образование соседней с Монголией Забайкальской области в 1851 г. как нельзя более отвечало стратегическим замыслам генерал-губернатора по закреплению дальневосточных территорий в составе России. Дальнейшая инкорпорация Сибири в Россию со всей очевидностью порождала проблему взаимоотношений государственной власти с нерусскими народами окраинных территорий, не только в аграрной политике, сфере административного, социокультурного устройства, но и в области религиозных отношений. Движение России к Великому океану неминуемо должно было опираться, в том числе и на поддержку коренных народностей края.

Историю взаимоотношений светских и духовных властей в России нельзя назвать безоблачными. Во времена петровских преобразований происходит замена патриархата Священным Синодом и обязанности «главы первенствующей и главенствующей» церкви России стал выполнять назначаемый государством чиновник. Тем не менее, православная церковь продолжала претендовать на эксклюзивное положение в государстве, а священнослужители на протяжении XVIII и XIX вв. добивались расширения своих сословных привилегий [1].

Полиэтничность государства, как и религиозное многообразие подданных, по мнению московских, а впоследствии петербургских властей, не рассматривалось как нечто ненормальное. Важен был факт принадлежности к определенной конфессии, что расценивалось как свидетельство наличия морали, порядка и послушания закону, пусть и с национальными очертаниями. Однако нельзя не признать, что все империи в конечном итоге стремятся к единообразию, в том числе и религиозному, источником которого должен быть сюзерен – монарх.

Конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских «инородцев» была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди «инородцев». Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики интеграции. В то же время это был и важный социокультурный процесс. Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Окраинная политика империи отличалась прагматизмом и известной гибкостью [2], однако это не означает, что имперские цели по насаждению «русского духа» на окраинах государства

отходили на второй план. Конфессиональное разнообразие народов России рассматривалось правительством как вынужденное, временное явление.

Принципиальные взгляды сибирской администрации на эту тему были изложены иркутским генерал-губернатором А.П. Игнатьевым в специальной «Программе деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. и приблизительно на 10 лет»¹ [1]. Применительно к народам Сибири конечную целью проекта А.П. Игнатьева, как отмечал сам автор, становилось «обрусение «инородцев», полное подчинение их русскому законодательству»². Это предложение высокопоставленного чиновника, прозвучавшее при слушании его отчета в Комитете министров, настолько понравилось Александру III, что на полях документа он с восторгом написал: «Да! Весьма пора»³.

В достижении этой цели сторонники обрусительного направления в политике по отношению к народам Сибири немаловажную роль отводили православию. Даже в конце XIX в. в Восточной Сибири нередко были случаи массового крещения бурят по различным «поводам», «случаям» и т.д. В 1891 г. в Иркутской губернии в аларских степях в связи с проездом цесаревича Николая Александровича развернулась массовая компания по крещению бурят. В Петербург прибыла с жалобами целая бурятская делегация. Она не была принята царем, но слухи об этих безобразиях проникли в печать. Даже князь В.П. Мещерский, издатель небезызвестного «Гражданина», по этому поводу замечал, что слухи эти «весьма неутешительны», а религиозные преследования в Прибайкалье напоминают «самые лютые времена» [3].

Однако в соседней, трансграничной Забайкальской области религиозная политика государства по отношению к бурятам была иной. Отсутствие четко обозначенной цинской границы, пограничной стражи, традиционное кочевое скотоводство бурятских племен, требовавшее постоянного перемещения на больших земельных пространствах, наконец, мощные, сложившиеся на протяжении веков буддистские традиции понуждали правительство при выработке конфессиональной политики в этом специфическом регионе империи мыслить не только категориями религиозного, но внешнеполитического порядка. Последний фактор напрямую соприкасался с экономическими интересами России в этой части Азии, связанными с сохранением статус-кво в области выгодной для России торговли с Китаем. В условиях нарастающей активности Великобритании в регионе, зачастую недружественной политики последней на Дальнем востоке, «ламский вопрос» становился еще одной опорной базой для продвижения интересов России в Приамурье.

В Восточной Сибири буддизм стал распространяться с середины XVII в. Русский посол в Китае Николай Спафарий во время своего трёхлетнего

¹ Библиотека РГИА. Печатные записки. № 131.

² РГИА. Ф.391, оп.1, д.73. Л.9.].

³ РГИА. Ф.1284, оп.223, д.200. Л.12, 12об.].

путешествия по Сибири тщательно вел дневник, в котором применительно к Забайкальи 70-х гг. XVII в. отмечал наличие «ламских юрт» в долине р. Селенг [4]. Однако только после формального определения границы России и Китая в 1727 г. царское правительство приступило к регламентации положения буддистов в России. Первым нормативным актом российского правительства в этом отношении стала «Инструкция пограничным дозорщикам» 1728 г. С.Л. Владиславича-Рагузинского, которая чётко определила автокефалию еще не существующей буддийской церкви и предписала готовить лам исключительно из среды местного бурятского населения. В 1741 г. указом императрицы Елизаветы Петровны буддизм был официально признан одним из вероисповеданий России и утверждены штаты буддийского духовенства. В 1822 г. Устав об управлении инородцев.

М.М. Сперанский подтвердил право сибирских инородцев на свободу вероисповедания. Однако наступательное движение русской православной церкви на народы Сибири, с одной стороны, и сокращение доходности края, с другой, породили в определенных кругах российской администрации сомнения в правильности такой политики. Растущие недоимки в Забайкалье, неприятие бурятами православия стали связывать с быстрым ростом числа лам (в середине XIX в. общее число жителей-буддистов достигло 125 тыс. человек, а число священнослужителей 4556 – авт.) и освобождением последних от уплаты налогов. Именно поэтому в 30-х гг. XIX в. возник ряд проектов по ужесточению политики в отношении буддийской церкви в трансграничном Забайкалье. Естественно, что Н.Н. Муравьев при разработке своих вариантов решения буддийского вопроса должен был учитывать ранее высказанные суждения, тем более, что они исходили от высокопоставленных чиновников министерства внутренних дел (проекты камер-юнкера Левашова и генерал-губернатора Восточной Сибири А.С. Лавинского – авт.). В то же время он хорошо сознавал, что насильственные меры по ограничению связи бурят-буддистов с сопредельными монгольскими племенами приведут не только к падению престижа империи в этом отдаленном от центра страны крае, но могут породить и сепаратистские настроения, возбудить «ропот» среди бурят – в этом до сих пор «робком... покорном и совершенно довольном своим положением народе». В итоге в 1853 г. было принято «Положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири». Положение утверждало 285 штатных ламы и 34 дацана, все остальные должности объявлялись вне закона. В своих основных чертах это положение действовало до конца империи Романовых. Запретительные черты, ограничивающие связь забайкальских лам с Монголией, диктовались интересами дальневосточной политики России. Монголия, входившая в состав Маньчжурской империи, рассматривалась правительством как возможный потенциальный противник усиления позиций России на Дальнем Востоке. В то же время на практике запретительные меры не достигли желаемых результатов. Ламаизм во второй половине XIX в. стремительно распространяется в

Забайкалье. В эпоху контрреформ 80—90-х гг. на всероссийских съездах миссионеров стали открыто раздаваться требования по пересмотру положения 1853 г. в сторону ужесточения. Первый такой съезд состоялся в Иркутске летом 1885 г. В работе Иркутского съезда приняли участие высшие сибирские иерархи: архиепископ Иркутский Вениамин, епископы Томский Владимир, Енисейский – Исаакий, Селенгинский – Мелетий, Киренский – Макарий. Кроме того, в работе съезда участвовали генерал-губернатор Восточной Сибири А.П. Игнатьев, военный губернатор Забайкальской области Я.Ф. Барабаш, исполняющий должность Иркутского гражданского губернатора Петров. Заседания съезда были открытыми лишь частично, «чтобы не возбуждать неблагонамеренных толков» среди бурят. Архиепископ Вениамин, наоборот, выступал за проведение открытых заседаний, дабы буряты поняли, «чего должно ждать от них христианское правительство» и не надеялись на продолжение покровительственной политики по отношению к ламаизму. Подлинные причины пристального внимания участников съезда к этому вопросу были без обиняков сформулированы на первом же заседании. «Этого требует, – констатировал съезд, – великая и высокая важность обращения инородцев к христианству во всех отношениях – и в религиозно-нравственном, и в гражданском, как верный шаг к объединению их с русским народом и обрусению». В 1892 г. в Петербурге с целью выработки общих организационных и идеологических мероприятий состоялось «особое совещание о мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье». В совещании участвовали обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, министр внутренних дел И.Н. Дурново, приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф. Участники совещания признали существенно необходимым переработать положение 1853 г. в сторону ужесточения¹[1]. Однако, несмотря на все усилия ведомства К.П. Победоносцева по ограничению влияния буддизма в Забайкалье, министерство иностранных дел последовательно занимало противоположную позицию, предпочитая стабильную внешнеполитическую ситуацию в регионе, усиление влияния России в сопредельных буддистских странах Монголии и Китае сомнительным успехам распространения православия в регионе. Подобная практика объясняется, прежде всего, геополитическими соображениями: стремлением обеспечить прочность границ с сопредельными странами, воспрепятствовать захвату приграничных территорий соперниками или включить эти территории в сферу влияния недружественных России государств. Для осуществления этих целей требовалась поддержка всех проживавших на данной территории народов. Такая политика являлась, прежде всего, отражением стратегических и внешнеполитических интересов российского правительства, ибо вплоть до конца XIX в. именно эти факторы, а не соображения экономического порядка определяли основной вектор внешнеполитической деятельности государства.

¹ РГИА. Ф. 797, Оп.62, Отд.2, Д.300. Л. 2.

Список литературы

1. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII-XIXначало в.). – СПб.: Дмитрий Буланин 1999. Т.1. - С. 98-110.
2. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Сибирь в системе имперского регионализма. (1822-1917 г.) / Дамешек Л.М. Избранное. Иркутск: Оттиск, 2018 – Т.II. – С. 87-110.
3. *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. – М.: Мысль, 1970. – С.130.
4. История Бурятии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН., 2011. – Т.II. – С.169.

Summary

Dameshek L.M. Confessional Policy of the Empire in the Conditions of the Trans-boundary of the Russian East-Mongolia of the XVIII – early XX centuries

The article examines the Russian Empire policy towards Lamaism in Transbaikalia in the conditions of the trans-boundary of the Russian East-Mongolia. The article concludes about the flexibility of the confessional empire policy on the state's outskirts, the influence of border factors on the confessional policy, the neighborhood of Mongolia and China.

Keywords: Russia, empire, Lamaism, Mongolia, Transborder.

Л.Н. ГУМИЛЕВ И ТЮРКСКИЕ НАРОДЫ ЕВРАЗИИ

Ермекбай Ж.А.

*Доктор исторических наук, профессор
Казахстанский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Астана, Казахстан
ermekjaras@mail.ru*

Аннотация. В статье показан вклад выдающегося советского и российского ученого Л.Н. Гумилева в изучение истории тюркских народов. До него ни в советской, ни в российской историографии история и наследие тюркских народов практически не были предметом серьезных исследований. Отдельные ученые лишь эпизодически изучали историю тюркских этносов, так как в советское время эта тема не приветствовалась. Лишь с перестройкой, демократизацией и гласностью в Советском Союзе исследователи стали всесторонне изучать наследие тюркского мира. Пионером в этом плане был Лев Гумилев, создавший целую линейку научно-популярных книг и статей, посвященных происхождению тюркских народов Евразии.

Ключевые слова: Л.Н. Гумилев, тюрки, адай, казахи, татары, якуты.

Лев Николаевич Гумилев (1912–1992) – выдающийся советский и российский ученый, историк, археолог, этнолог, востоковед, тюрколог, географ, философ, писатель и переводчик, автор пассионарной теории этногенеза. Основная его научная деятельность была направлена на изучение народов Евразии. В своих трудах Л.Н. Гумилев всегда обращался к истории тюркских народов, населяющих огромное пространство Азии и Европы, а именно татар, башкир, уйгуров, якутов, казахов, кыргызов и др. Если мы обратимся к работам «Хунну», «Открытие Хазарии», «Древние тюрки», «Тысячелетие вокруг Каспия», «Этногенез и биосфера Земли», «Древняя Русь и Великая степь», «География этноса в исторический период», к его многочисленным статьям, то найдем интересные факты о жизнедеятельности тюркских народов Евразии. Об этом свидетельствует эпиграф ученого: *«Посвящаю эту книгу нашим братьям – тюркским народам Советского Союза»* в книге «Древние тюрки», которую Л.Н. Гумилев начал писать с 1935 года. Книга увидела свет в 1967 г.

О казахах Л.Н. Гумилев написал статью «Происхождение казахского этноса», изданную Э.Е. Дильмухамедовой в 1985 году. Статья вышла в сборнике научных трудов «Евразийство и Казахстан» [1, с.11–18]. Л.Н. Гумилев отметил, что происхождение казахского народа связано с этнической историей предшествующих тюркских народов, а именно хуннов, канглов, кимаков, которые были предками казахов. Ученый утверждал, что *«на западе тюркские племена образовали союз кимаков, с которыми были объединены одно время кипчаки, потом они разделились. Затем возникли союзы канглов, связавших свою судьбу с Хорезмом, карлуков, которые ушли в Кашгар и Яркенд, и гузов. Большая часть этих племен является предками казахов. В частности,*

предками рода аргын. Кипчаки, канглы и аргын – это древнейшие роды. К ним прибавились вытесненные маньчжурами на Дальнем Востоке найманы, отрасль кара-китаев» [1, с. 12].

Этногенез казахов Л.Н. Гумилев связывает и с монголами. Монгольские племена и их лидер Чингиз-хан оказали определенное влияние на происхождение казахов. Автор статьи хронологически показывает процесс этногенеза монголов и победы Чингиз-хана над многочисленными своими соперниками, объясняя *«наличием растущей пассионарности, то есть способности совершать большое количество действий в единицу. Это способность добиваться путем сверхусилия больших успехов, которые обычный человек, не способный на сверхусилия, не может совершить»* [1, с. 14]. Таким образом, Л.Н. Гумилев делает вывод, что монголы как народ молодой, пассионарный, образовавшийся из осколков гуннских, сяньбийских и сибирских племен, сумел стать монолитным этносом и одерживать победы. Этногенез и походы монголов Гумилев объясняет пассионарным толчком, т.е. энергетическим импульсом, который двинул их вперед и позволил объединить почти всю Великую степь, подчинить и захватить оазисы Центральной Азии, Иран и установить контакт с Русью.

Анатомия теории этногенеза Л.Н. Гумилева заключается в том, что происхождение казахского народа он видит в генезисе монголов с тюркскими народами. Симбиоз и комплиментарность народов Евразии способствовали появлению новых этносов. Гумилев утверждал, что *«в Золотой орде, после того как она стала мусульманским султанатом, возникла «великая замятня», за которой последовал политический распад государства и этническое разделение на татар казанских, крымских, астраханских, сибирских, ногайских и казахов. Все они вернулись к обычаям предков и в ряде случаев восстановили республиканский строй – племенные союзы, или джусы»* [2, с.454].

Длительный и сложный этнический процесс у монголов и тюрков привел к формированию новых племенных союзов в Казахстане – трех жузов: Старшего, Среднего и Младшего. В эти жузы входили казахские роды, которые составляли этническое лицо нового этноса Евразии. По этому поводу Л.Н. Гумилев писал, что выделение казахов из орд в жузы относится к 1425–1428 гг. [2, с. 674]. Жузы были своеобразным институтом государственной власти в Великой степи, большую часть территорий которых составляла аридная зона, пригодная для кочевого образа жизнедеятельности. Исследователь придавал большое значение этнониму слова «казах», казахско-ойратским связям и вхождению Казахстана в состав России.

Этногенез казахов Л.Н. Гумилев связывает с политическими, социально-экономическими, этническими и социокультурными процессами, происходившими в Евразии на протяжении длительного времени. Ученый с особым вниманием описывает историю взаимоотношений кочевников и русичей. По мнению Л.Н. Гумилева, *«Великороссия, чтобы не погибнуть, вынуждена была стать военным лагерем, причем былой симбиоз с татарами*

превратился в военный союз с Ордой, который продержался более полувека от Узбека до Мамай» [2, с. 548]. Рассуждая о Золотой орде, Гумилев отметил древние народы Среднего Поволжья и «вкрапления» в их среду из Монголии и Джунгарии, составлявшие основу этого государственного образования. По Гумилеву, они были не затронуты пассионарным толчком и не слились в единый этнос, несмотря на социальную и языковую близость и даже единство культуры, воспринятой ими из мусульманских стран и потому «Золотая орда была химерой, тогда как Белая орда стала ядром образования нового самостоятельного этноса – казахов» [2, с. 548–549]. Л.Н. Гумилев изложил свою концепцию социального положения складывающегося казахского общества. Он утверждал, что «...военных вождей «черной кости» (кара-сеок) у средневековых казахов, унаследовавших чингисовскую военную систему, сложившуюся именно в конце XII в. и отнюдь не повторившую ни хуннскую, ни тюркскую, ни уйгурскую; хотя некоторые титулы тюрков были заимствованы найманами, кeraitами и монголами, однако они приобрели у них иные смысловые оттенки, потому что наряду с обывателями в орде жили степные богатыри – «люди длинной воли», наиболее близкие к хану. Именно благодаря им Тэмуджин стал Чингисом, а термин «хан» получил новое значение – государь» [2, с. 434]. По мнению Л.Н. Гумилева, казахи такие же люди, как и тверичи, рязанцы, владимирцы, новгородцы и устюжане [2, с. 602].

В книге «Тысячелетие вокруг Каспия» Л.Н. Гумилев, описывая этническую принадлежность «уар» или «вар» пишет, что «среди казахских родов нет потомков «уар», тогда как потомки хионитов – голубоглазые блондины – встречаются в Младшем жузе, потомки кара-киданей – найманы – в Среднем, а потомки кангюйцев-печенегов и хуннов – в Старшем. Казахи, как и все крупные этносы, имеют много предков, т.е. этнических субстратов, спаявшихся в ходе истории в единую этническую систему, где реликты сделали элементами обновленного этноса. Так, современные англичане включают в свой состав остатки кельтов, датчан, норвежцев, анжуйских французов, и разница лишь в том, что на Западе легко забывают далеких предков, а в Великой степи их помнят и знают» [3, с. 194].

О жизнеобеспечении казахов есть следующие высказывания: «...можно взять быт казахов рода Адай, живущего ныне в тех же природных условиях, что гунны в II–IV вв. Именно адаевцы практикуют «таборное», т.е. круглогодичное кочевание, которое наблюдалось в аралокаспийских степях и полупустынях у казахов и туркмен, в забайкальских степях у бурят и монголов... Пастушеский аул, в отличие от аулов полукочевых казахов, не имел сезонных пастбищ, покосов и пахотных угодий, уход за ними и их охрана объединяли пастушеский аул. Размер общины определялся количеством скота, который можно было напоить из специально вырытого колодца в течение дня... Для нужд средней семьи (гуннской или казахской) в 5 душ необходимо было иметь столько скота, чтобы поголовье его в общей сложности соответствовало 25 лошадям, исходя из следующего расчета. Одна лошадь равна пяти коровам, 6 овцам, двухлетка – $\frac{1}{2}$ взрослой лошади, жеребенок – $\frac{1}{4}$. Кроме того, лошади для перевозки жилища и верховые

по числу взрослых членов семьи. Для содержания такого количества скота необходимо иметь области, где снежный покров не превышает 30 см, рельеф расчленен, чтобы ветер мог сдувать снег с возвышенностей, и пастбища достаточно обширны при наличии питьевой воды. Этим условиям отвечают степи и предгорья Юго-Восточного Урала, Тянь-Шаня, Алтая и современной Монголии» [3, с. 134–135].

И, конечно, большое значение для кочевников имели лошади, которые составляли основу хозяйства. *«Лошадей очень ценили и о них заботились. В древности хунны, саки и другие кочевники выводили высокопородных лошадей – скакунов и иноходцев. Номенклатура лошадей была разработана детально. У казахов и башкир было 22 наименования для лошадей по полу, возрасту и породе. Но для постоянного питания кочевникам необходимы овцы. Они же дают кизяк – калорийное топливо. В пустынях содержать крупный рогатый скот трудно. Казахи рода Адай обходились без коров, причем они жили в тех же природных условиях, что и гунны – между Каспием и Аралом» [3, с. 133].*

Отметим, что Л.Н. Гумилев с исторической и антропологической точки зрения объективно изложил происхождение казахского этноса, образование трех казахских жузов, социально-экономическую и экологическую сущность кочевого хозяйства, взаимоотношения с соседними народами. О политической истории Казахстана Гумилев пишет, что в XVII–XVIII вв. калмыки воевали с казахами. В истории Казахстана драматические 1723–1727 годы вошли под названием «Ақтабан шүбырынды». Он комментирует, что *«в этой непростой ситуации казахи добровольно подчинились российским царям, а не китайским. Сначала Абулхаир хан подчинил Младший жуз, потом добровольно подчинился Средний жуз, а позже был завоеван Старший жуз, расположенный на юге. Так, Казахстан вошел в состав Российской империи, в значительной степени сохранив особенности внутреннего управления, практическую автономию в местных делах, освобождение от подушной подати, военной службы (рекрутской и воинской повинности), и просуществовал таким образом XVIII–XIX-й века. А в XX веке ситуация изменилась. Все знают и без меня» [1, с.17–18].*

Научное наследие Льва Николаевича Гумилева свидетельствует о его интересе к тюркским народам, которое стало для него своеобразной тюркофилией. Еще в 1938 г. в небольшой поэме «Диспут о счастье» Лев Гумилев обратился к Рашид-ад-Дину, а с 1960-х годов свои письма подписывал «Арслан-бек», означающий перевод имени Лев на тюркский язык. Уважительное отношение к Л.Н. Гумилеву сложилось у татарских коллег. Известные татарские ученые в свое время встречались с Львом Николаевичем, брали интервью. Друг Л.Н. Гумилева, Александр Михайлович Панченко, писал, что Лев Николаевич в конце жизни любил рассказывать о своем татарском происхождении. *«Гумилев иногда упоминал, что его предок сражался на поле Куликовом, причем командовал одним из полков. Если так, то речь идет о Семене Мелике (Милюке), который и в самом деле участвовал в Куликовской битве. Именно к нему возводили свою родословную Милюковы. Вот только*

татарским князем Семен Мелик не был, он происходил «из немец». Связь же тверских Милюковых с Семеном Меликом не вполне ясна. В Тверской губернии в XIX веке было пять дворянских родов, носивших фамилию Милюковы. Недаром Валерий Шубинский, строгий исследователь, автор самой солидной биографии Николая Гумилева, скептически отнесся к запутанным и сомнительным родословным мелкопоместных дворян. Не станем и мы доверять семейным легендам. Документальных же подтверждений татарского происхождения Львовых и Гумилевых нет» [4].

Известный казанский историк и археолог Искандер Измайлов из Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан на вопрос «Какую роль Гумилев сыграл для популяризации истории татар?» так ответил: *«Говоря о заслугах, об огромном вкладе Льва Гумилева в науку необходимо подчеркнуть его роль в изучении татарской проблемы. В Казани на Петербургской улице впервые в мире был поставлен памятник, на котором высечена его фраза, которую он сказал в интервью казанскому журналисту Альянсу Сабирову: «Я всю жизнь защищал татар от клеветы». И это настоящая правда. Потому, что все его труды, так или иначе направлены на изучение прошлого, в том числе и татарского народа. А их яркость и полемичность, научность и доказательность срывала паутину лжи с нашей истории» [5].* Справедливости ради стоит отметить, что труды Л.Н. Гумилева позволили узнать многое об истории татар, Казанского ханства и других этносов. Благодаря неутомимой деятельности он добился реабилитации в массовом сознании тюркских народов, до последнего времени считавшихся воплощением дикости и невежества, показав их как носителей самобытной культуры.

Лев Николаевич Гумилев является уважаемым и почитаемым среди якутских ученых, творческих и общественных деятелей Республики Саха (Якутия). Стало традицией проводить «Гумилевские чтения» в Якутске, где исследователи отмечают вклад Л.Н. Гумилева в изучение происхождения якутов. В книге «Древние тюрки» Гумилев утвердительно отметил, что *«курыкане – предки якутов... Археологические работы в Сибири позволили установить, что ареалу распространения курыканов соответствует археологическая «курумчинская культура», географическим центром которой был Байкал и верхнее течение Ангары и Лены, вплоть до Байкала, включая о-в Ольхон... Курыкане плавил и ковали железо довольно высокого качества, строили крепости, городища, которые сохранились поныне, разводили огромные табуны прекрасных лошадей и изготавливали глиняную посуду. Искусство их напоминает кыргызское, одежда и письменность – тюркские» [6, с. 291].* В одном из интервью Лев Николаевич говорил, что этногенез якутов произошел в XI веке, здесь же он отметил вклад якутского деятеля Гавриила Васильевича Ксенофонтова (1888–1938), исследователя истории, этнографии и фольклора якутов, которого считал великим ученым. Находясь на каторге в Туруханске, Гумилеву удалось найти в районной библиотеке книгу Г.В. Ксенофонтова «Уранхай сахалар», которая была в то время запрещенной, и

прочеств. В интервью Л.Н. Гумилев также отметил, что Г.В. Ксенофонов *«был очень большой ученый ренессансного типа»* [7].

Память о выдающемся ученом чтят в России и Казахстане. По инициативе первого президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в столице Казахстана, Астане, в 1996 году именем Гумилева был назван один из вузов страны – Евразийский национальный университет. В 2002 году в его стенах открыт музей-кабинет Льва Николаевича Гумилева. В городе Бежецк Тверской области Российской Федерации средней школе №5 присвоено имя Гумилева. В 2004 году в Санкт-Петербурге открылся музей-квартира Льва Николаевича Гумилева – филиал музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме. Наталья Викторовна Гумилева (Симоновская), вдова Л.Н. Гумилева, передала квартиру для открытия в ней музея после смерти мужа, где ученый и поэт прожил последние годы жизни с 1990 по 1992 годы. В квартире сохранена обстановка того времени, включающая многие экспонаты, которые принадлежали Л.Н. Гумилеву, в том числе подарки матери Анны Ахматовой, некоторые экспозиции посвящены отцу Льва Гумилева – Николаю Гумилеву. Я несколько раз бывал в квартире Гумилевых и подтверждаю атмосферу жизни в ней выдающегося ученого. 2 августа 2003 года в Бежецке на Большой улице установлен тройной памятник – Николаю Гумилеву, Анне Ахматовой и Льву Гумилеву.

В 2005 г. в Казани в связи с днями Санкт-Петербурга и празднованием тысячелетия города Казани Льву Николаевичу Гумилеву установлен бюст на Петербургской улице, на постаменте выбиты слова: *«Я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы...»*. В честь его юбилея одна из безымянных вершин, расположенная в Кош-Агачском районе Республики Алтай Российской Федерации вблизи границ Казахстана, России, Монголии и Китая, получило имя «Пик 90-летия Л.Н. Гумилева». В музее археологии и этнографии Института этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН установлен бюст Л.Н. Гумилеву. 1 октября 2015 года памятник Л.Н. Гумилеву был установлен во дворе Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Памятник работы скульптора В.З. Абдуллиной – это подарок Республики Татарстан, где особенно ценят идеи Льва Николаевича Гумилева, считавшего, что истоком благосостояния России является ее многовековая богатая история совместного проживания населяющих ее народов.

Список литературы

1. Евразийство и Казахстан. Труды Евразийского форума: «Гумилевские чтения». – Астана: Изд-во ЕНУ, 2003. – Т.1. – 266 с.
2. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1989. – 764 с.
3. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – М.: Айрис-пресс, 2009. – 384 с.
4. «Мой предок был татарин косоглазый...». [Электронный ресурс]. URL:

<https://history.wikireading.ru>

5. «Гумилев в интервью заявил, что «всю жизнь защищал татар от клеветы». [Электронный ресурс]. URL: [https://www.tatar-inform.ru › news › gumilev-v-interv...](https://www.tatar-inform.ru/news/gumilev-v-interv...)

6. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Айрис-пресс, 2012. – 560 с.

7. Лев Гумилев о прародине якутов. Где она? [Электронный ресурс]. URL: [https://www.gumilev-center.ru › lev-gumiljov-o-praro..](https://www.gumilev-center.ru/lev-gumiljov-o-praro..)

Summary

Ermekbay J.A. L.N. Gumilyov and the Turkic peoples of Eurasia

The paper shows the contribution of the outstanding Soviet and Russian scientist L.N. Gumilyov to the study of the history of the Turkic peoples. Literally before him, either in Soviet or in Russian historical studies, the history and heritage of the Turkic peoples was not the subject of serious research. Some scientists only occasionally studied the history of Turkic ethnic groups, since this topic was not welcomed in Soviet times. Only due to the period of perestroika, democratization and free speech in the Soviet Union, researchers began to comprehensively study the heritage of the Turkic world. The pioneer in this regard was Lev Gumilyov, who created a whole line of popular science books and articles on the origin of the Turkic peoples of Eurasia.

Keywords: L.N. Gumilyov, Turks, Adai, Kazakhs, Tatars, Yakuts.

ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА

Исакиева З.С.

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры правовых дисциплин
Чеченский государственный педагогический университет
г. Грозный, Чеченская Республика
Zulai-787@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые аспекты адаптации и социализации чеченцев и ингушей, депортированных зимой 1944 года на территорию Казахстана.

В период спецпоселения взаимоотношения местного населения с чеченцами и ингушами развивались от начальной настороженности к последующему состраданию, дружбе, помощи. Благодаря межнациональному согласию в годы сталинских репрессий чеченцы и ингуши смогли сохранить свой этнос, самобытную культуру и традиции.

В настоящее время в Казахстане проживает третье поколение тех спецпереселенцев. Потомки депортированных чеченцев и ингушей выросли в экономическую и общественную жизнь казахстанского общества и составляют часть казахстанского народа.

Ключевые слова: чеченцы, ингуши, депортация, Казахстан, интеграция, диаспора.

23 февраля 1944 г. стал роковым днем в жизни чеченского и ингушского народов, когда с географической карты Советского Союза была стерта Чечено-Ингушская АССР с исчезновением из употребления национального имени «чеченец» и «ингуш». «Депортация является центральным местом коллективной памяти для обоих народов. Опыт совместного проживания (в рамках ЧИАССР), принадлежность к единой культуре (вайнахская группа), а также наличие общей коллективной травмы повлияли на выработку собственной политики памяти, контрастирующей с государственным нарративом» [1, с. 95].

В середине марта 1944 г. первые эшелоны с чеченцами и ингушами прибыли в Казахскую и Киргизскую ССР: соответственно 344 589 и 75 342 чел. (88 513 семей) [2, с. 126].

В июле 1944 г. в Казахстане и Киргизии было расселено 496 460 чеченцев и ингушей. На октябрь 1945 г. на спецпоселении находилось 405 900 чеченцев и ингушей. За 1 год и 8 месяцев численность депортированных сократилась на 90 560 чел. [3, л. 311–314].

Из-за тяжелого материального положения, крайней нехватки продовольственных запасов, теплой одежды, обуви процесс адаптации чеченцев и ингушей к условиям жизни на спецпоселении и к работе проходил сложно. Стоит отметить, что в рассматриваемый период не только

спецпереселенцы, но и местное население испытывало острую нужду в продовольствии и промышленных товарах. Казахский народ, сам переживший величайшую трагедию голода в своей истории, все тяготы массовых политических репрессий, жертвуя последним, подвергая себя опасности, оказал неоценимую помощь репрессированным народам в самый критический момент их жизни.

В послевоенный период наступило некоторое облегчение в положении спецпереселенцев. Улучшилось снабжение их продуктами и товарами первой необходимости. Многие семьи построили дома, приобрели в личное пользование скот.

Постепенное улучшение материального положения спецпереселенцев из Чечено-Ингушской АССР, активное участие в труде произвели перелом в общественном сознании среди местного населения в сторону позитивного отношения к ним.

В условиях спецпоселения, социальных кризисов и перемен среди чеченцев и ингушей актуализировалось национально-историческое самосознание. Вайнахи, (в переводе с чеч. и инг. «наш народ») как себя идентифицируют чеченцы и ингуши, имеют исключительные черты и формы поведения, общения между собой, отличающие их от других кавказских народов. Как отмечает историк Ж.А. Еремекбай, «реальность XX в., принеся тяжелые испытания чеченцам и ингушам, отразилась на их самосознании. Подверженные интернационализации общения с людьми разных ландшафтов и культур вайнахи не испытали на себе процессы аккультурации и тем более ассимиляции. В годы депортации чеченцы и ингуши сохранили реликты своей национальной поведенческой культуры, и никакая советская пропаганда не могла их изменить» [4, с. 17].

Чеченцы и ингуши несмотря на автономность и относительную самодостаточность общины поддерживали общение с местным населением как на производстве, так и в быту. Так, по воспоминаниям уроженки г. Караганды Татьяны Цафт, «...на конечной остановке автобуса № 13 жили семьи сосланных чеченцев. Они дружили с нашим отцом, т.к. работали все на одной шахте – другой работы на окраине Копай-города просто не было. Моих родителей часто приглашали в гости друзья отца Мяхди и Муса. Тогда мы узнали о традициях и законах чеченских семей, многое для меня было странно, поэтому у своей одноклассницы Яхи, дочери дяди Мусы, узнала, как вести себя во время семейных торжеств. Чеченцы часто приглашали к себе в гости моих родителей. Друзей чеченцы очень ценили, им было всё равно какой они принадлежали нации» [5].

Взаимоотношение чеченцев и ингушей на производстве и в быту с другими народами, вызванное депортацией в Казахстан, устраняло веками накопленные предрассудки в отношении других культур и религий. Значительная часть чеченцев и ингушей, общаясь с разными этносами, знакомилась с их обычаями, традициями и культурой, брала из этого лучшее.

Это характерное явление для такого полиэтнического государства как Казахстан.

Длительное пребывание чеченцев и ингушей в Казахстане внесло свои коррективы в сознание даже людей первого поколения, которое сумело выжить в нелегких для них новых условиях, пройти сложный путь бытовой адаптации, овладеть русским языком, достаточным для общения на производстве и в быту, а некоторые могли общаться на казахском.

Чеченцы и ингуши трудились в промышленности, осваивали производство, приобретали новые профессии. Более 400 чел. из числа чеченцев и ингушей имели длительный опыт работы на нефтяных промыслах и заводах. Среди них: депутаты Верховного Совета СССР I созыва буровой мастер М. Магомйрзоев и мастер по добыче нефти А. Цомаев, инженеры-нефтяники И. Алмазов, А. Мациев, М. Веджижев, А. Асхабалиев, А. Ахматханов, А. Ужахов и многие другие. В Восточном Казахстане на Белоусовском руднике работали М. Шарипов, Х. Арсамйрзоев, С. Саракаев и др., в шахтах Караганды и Темиртау – З. Султанбеков, А. Газиев, Х. Магомадов, Р. Асуханов, А. Ахматханов, С. Энгеноев и др. Немало чеченцев и ингушей стали рабочими промышленных предприятий г. Алма-Аты; на медеплавильном заводе Балхаша и Коунрадском руднике работали С. Шидаев, Г. Джангуев, А. Атабаева, У. Заурбекова и др. Многие из переселенцев оказались на рудниках и предприятиях г. Текели Талды-Курганской области. Свой вклад в развитие науки, культуры и просвещения Казахстана внесла и чечено-ингушская интеллигенция. Бывший преподаватель математики Чечено-Ингушского государственного педагогического института М.М. Шамсадов работал преподавателем в Казахском государственном университете, учителя С. Байсултанов и И. Мехтиев — в средних школах г. Токмака, работник искусства В. Татаев — в Театре юного зрителя Алма-Аты и т. д.» [6, с. 35]. Хотя надо признать, лишь немногие из чеченцев и ингушей смогли сделать профессиональную карьеру в условиях советской системы правления.

В Казахстане в числе депортированных из Чечено-Ингушской АССР оказались писатели и поэты, которые проявили себя как творческие личности еще до Великой Отечественной войны. В их числе были: Х.Д. Ошаев, И. Базоркин, Х.С. Осмиев, Б.С. Саидов, М.С. Сальмурзаев, М.М. Хашагульгов, М.А. Сулаев, Р.С. Ахматова, С.И. Чахкиев, В.А. Татаев, А. Мамакаев, и другие. Некоторые из них достигли определенного признания в казахстанском обществе.

Творческое становление Марьям Айдамировой началось в 1950-х годах в Джамбульской областной филармонии, что было невероятным в условиях спецпоселения. В то время спецпереселенцы, к числу которых она и относилась, не имели права выезжать за пределы места проживания. Но для М. Айдамировой сделали исключение, и она в составе участников филармонии побывала с концертами во многих городах Казахстана. В основном исполняла казахские песни, и казахи даже не догадывались, что она чеченка. На одном из

выступлений соотечественники попросили ее спеть на чеченском языке, а чиновники усмотрели в этом вызов и протест против депортации. За это она отсидела месяц в тюрьме, пока режиссер Джамбулского театра Харон Батукаев перевел текст песни и отправил письмом в Москву. Режиссеру удалось доказать, что Марьям Айдамирова пела не о выселении, а известную среди вайнахов песню лермонтовской черкешенки Бэлы на стихи Магомеда Гадаева из одноименного спектакля [7, с. 430].

Творческая деятельность легендарного чеченского танцора Махмуда Эсамбаева началась в Киргизском театре оперы и балета. В годы депортации он исполнял главные партии в балетах «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан», «Спящая красавица», а также в первых киргизских национальных балетных спектаклях.

Творчество чеченских и ингушских деятелей получило известность за пределами Казахстана. Заслуженный работник культуры Республики Казахстан, поэтесса, публицист, журналистка, общественный деятель, член Союза писателей Казахстана и России Зинаида Чумакова (Зулпа Супьяновна Джабраилова) родилась и выросла в Костанайской области КазССР.

Стихи З. Чумаковой переведены на казахский, чеченский, польский, украинский, чешский и белорусский языки. Многие из них положены на музыку и звучат как романсы и эстрадные песни. Она была автором и ведущей телевизионной программы «Творчество» на жезказганском телеканале «Дидар», председателем городского клуба творческой интеллигенции. В системе культуры Зинаида Чумакова прошла путь от художественного руководителя Дворца до начальника городского отдела культуры и до директора Жезказганского историко-археологического музея. Зинаида Супьяновна избиралась членом Ассамблеи народа Казахстана и председателем Жезказганского совета матерей, десять лет возглавляла Жезказганский областной общественно-культурный центр чеченцев и ингушей «Вайнах». Неоднократно становилась лауреатом международных литературных премий имени Гавриила Державина, Магомеда Мамакаева и Константина Симонова с вручением золотой медали. Творческая судьба уроженца Шароевского района Чечено-Ингушской АССР Бокаева Мухтара Бокаевича, высланного в Западно-Казахстанскую область, складывалась под влиянием произведений казахской и русской литературы С. Ерубаяева, С. Торайгырова, С. Муканова, А. Чехова. Произведения писателя и знатока казахского языка, почетного гражданина Казахстана М. Бокаева изданы на чеченском (повести «Асан ата», 1988 г., «Зезаг», 2006 г.) и русском языках (рассказы «Последняя улыбка», 2009 г.). М.Б. Бокаев был членом областной Ассамблеи народа Казахстана, возглавлял совет старейшин чечено-ингушского общества «Вайнах» Западно-Казахстанской области, городской совет ветеранов г. Аксая.

Литературоведением и выработкой критериев по развитию жанра романов занимается чеченский писатель Мадула Завриев. В 2004 г. в Алматы вышел его роман «Теш ма лаца» («Не бери в свидетели») на чеченском языке. В

настоящее время М. Завриев трудится в межгосударственной телерадиокомпании «Мир» [4, с. 18].

Миропонимание и менталитет чеченцев и ингушей основаны преимущественно на наличии общих этнокультурных ценностей, исходящих из земляческих, тейповых и конфессиональных интересов. Компактное проживание и сплоченность чечено-ингушской диаспоры, сильное притяжение общины соплеменников оказали большое влияние. Именно поэтому воздействие иной этнокультурной среды оказалось несколько слабее, вследствие этого дольше сохраняется национальное своеобразие.

Чечено-ингушская община предстает перед казахстанским обществом как единое целое, что объясняется подавляющим влиянием этнокультурной составляющей в менталитете и мироощущении всех чеченцев и ингушей Казахстана. Стремление сохранить и повысить свой социальный статус в обществе способствуют сплоченности и сохранению этнической культуры чеченцев и ингушей в мультикультурной среде Казахстана. Уникальная модель казахстанской межэтнической коммуникации позволила представителям всех этносов свободно и мирно проживать в республике. В Казахстане предоставлены все условия для мирного проживания представителей всех этносов. В рамках деятельности Ассамблеи народа Казахстана дается возможность для трансляции и популяризации национальных традиций, обрядов, праздников и т.д. [4, с. 19].

В 1995 г. Министерством юстиции Республики Казахстан зарегистрирована ассоциация «Вайнах», в состав которой входили национально-культурные объединения чеченцев и ингушей всех областных центров Казахстана. Первыми руководителями или сопредседателями центра «Вайнах» в Алматы были избраны доктор философских наук, профессор А.Д. Яндаров и доктор геолого-минералогических наук, профессор, академик НАН РК С.М. Оздоев. Чтобы возродить традиции и обычаи, язык, во многих городах организованы воскресные школы

Таким образом, процесс адаптации и социализации чеченцев и ингушей прошел достаточно успешно. Казахстан стал домом, в котором десятки тысяч чеченцев и ингушей благодаря межнациональному согласию в годы сталинских репрессий смогли сохранить свой этнос, самобытную культуру и традиции. На территории современного Казахстана проживают потомки депортированных чеченцев и ингушей, для которых эта страна стала второй родиной: они интегрировались в современную поликультурную среду, вносят свой вклад в развитие республики.

Список литературы

1. Ушпаров И.А. Депортация северокавказских народов в публичном пространстве: случаи республики Чечня и республики Ингушетия // Perm University Herald. Political Science. – Vol. 16. – №4. – 2022. – С.94-104.

2. От депортации к интеграции: документы и материалы, посвященные 60-летию депортации чеченцев и ингушей в Казахстан / сост.: Е.М. Грибанова, А.А. Гунашев, А.С. Зулкашева, Л.Н. Сапонова. – Алматы, 2004.

3. Ф. Р. – 9401. – Оп. 2. – Д. 65. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 65.

4. *Ермекбай Ж.А.* Традиции и обычаи чеченцев и ингушей в мультикультурной жизни Казахстана // Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the LXXIX International Research and Practice Conference and I stage of the Championship in Economics, Management and Jurisprudence, Sociology, Political and Military sciences (London, March 21 – March 26, 2014). Chief editor – Pavlov V.V. – London, 2014. – С.17–19.

5. *Цафт Т.В.* Город, которого - нет! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ridus.ru/-gorod-kotorogo-net-4946.html> (дата обращения 22.04.2023).

6. *Исакиева З.С.* Труд чеченцев и ингушей в условиях режима спецпоселения в горнодобывающей промышленности Казахстана В 1940-1950 гг. Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – № 3, – 2017. – С.33-36.

7. *Гешаев М.Б.* Знаменитые чеченцы: в 3 кн. Кн. 3. – М.: Мир книги, 2006. – 640 с.

Summary

Isakieva Z.S. The situation of Chechens and Ingush in the territory of modern Kazakhstan

This article discusses some aspects of adaptation and socialization of Chechens and Ingush deported to the territory of Kazakhstan in the winter of 1944.

During the period of special settlement, the relationship of the local population with Chechens and Ingush developed from initial alertness to subsequent compassion, friendship, and help. Thanks to interethnic harmony during the years of Stalin's repressions, Chechens and Ingush were able to preserve their ethnic group, original culture and traditions.

Currently, the third generation of those special settlers lives in Kazakhstan. The descendants of the deported Chechens and Ingush have grown into the economic and social life of Kazakh society and form part of the Kazakh people.

Keywords: Chechens, Ingush, deportation, Kazakhstan, integration, diaspora.

ЭТНИЧЕСКАЯ РЕПАТРИАЦИЯ В ЭПОХУ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ ИЗРАИЛЯ И КАЗАХСТАНА

Мартынова В.В.

*Докторант, PhD кандидат
Университет Ариэль
г. Холон, Израиль
vik.martynov@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается проблема этнической репатриации как особого вида иммиграции, обретшего практическое воплощение в ограниченном числе стран в период после Второй Мировой войны. До сих пор из 190 стран-членов ООН только четыре: Германия, Израиль, Казахстан и Россия осуществляют этническую репатриацию, предоставляя право на въезд, а также особые льготы представителям определенной национальности, заведомо определяя ее преимущество перед представителями других национальностей. Насколько возможен и оправдан подобный подход на фоне торжества идей мультикультурализма, то есть государства для всех граждан, которые активно реализуются в Канаде, Австралии, США, ряде европейских стран?

Статья не только описывает преимущества и недостатки этого вида иммиграции, но и анализирует способы воздействия репатриации на развитие национальной культуры государства, ее языка, ее системы ценностей.

Ключевые слова: репатриация, историческая родина, мультикультурализм, национальное государство, многонациональное государство.

На фоне мощных региональных конфликтов начала XXI века, поднявшихся вслед за ними волн иммиграции, а также усиления террористической активности, вновь возник вопрос о том, что такое справедливое общественное устройство, которое все эти явления способно предупредить. Соответственно, возник вопрос, существует ли альтернатива мультикультурному подходу, который получил распространение в странах Запада, начиная с 70-х годов XX столетия.

Великий принцип дома Габсбургов «Живи и дай жить другим» должен был стать основной для политико-философской доктрины Западного мира после трагедии Второй мировой войны, Холокоста и крушения колониальной системы. Требовалась доктрина, которая бы утверждала равенство различных этнических, социальных, религиозных и т. д. групп внутри каждой страны, а затем и формирование благоприятных условий для интеграции репатриантов. Доктрину приняло большинство западных стран, в том числе и государства Европейского Союза. Но подход был проверен реальностью эпохи миллениум,

которая, как сказано выше, отвела место для сомнения в том, что эта доктрина единственно верная. Однако существует ли альтернатива этой доктрине?

Среди 190 стран-членов ООН только 4 поныне развивают подход этнической репатриации: Германия, Израиль, Казахстан и Россия. Я остановлюсь на опыте Израиля и Казахстана.

Израиль, как и Европейский Союз, – детище Второй мировой войны. Созданный на пепле Катастрофы европейского еврейства он сразу декларировал себя как государство-убежище для евреев мира и поставил во главу угла репатриацию евреев, то есть возвращение евреев на Землю Израиля.

Надо отметить, что само ивритское понятие «алия» упоминается еще в Танахе (Ветхом Завете). Перешли в современный иврит и обрели конкретную практическую форму выражения «алия ле Тора» – восхождение к Торе, которое совершает каждый тринадцатилетний еврейский мальчик, когда его первый раз приглашают читать Тору в синагоге, «алия ле регель» – пешее восхождение в Иерусалим, и «алия» в «Эрец Исраэль». Об этом написано множество книг, я же здесь сошлюсь на исследование «Алия на пороге» Идо Харари, профессора Тель-Авивского университета [1]. Это древнее понятие стало ключевым для одного из основных законов Государства Израиль – Закона о возвращении, «Хок а швут» [2]. Этот закон, принятый в 1950 году, с предельной четкостью сформулировал принцип этнической репатриации: «каждый еврей имеет право на Возвращение». Ограничений на репатриацию мало: наличие болезни, которая может угрожать здоровью общества, наличие уголовного прошлого, которое ставит под угрозу безопасность государства. И есть пункт, свидетельствующий о религиозной составляющей государства, – лишается права на репатриацию в Израиль еврей, добровольно перешедший в другую религию, к примеру, крестившийся или принявший ислам.

В 1970 году в Закон о возвращении была внесена поправка, допускающая алию в Израиль и получение гражданства внукам евреев. Пункт, который вызывает бурные общественные дискуссии с обеих сторон: одни требуют отмены поправки с тем, чтобы сохранить еврейский характер государства Израиль (Ликуд и религиозные партии ШАС и Яадут ха Тора), другие, наоборот, сохранить этот пункт (НДИ – Исраэль Бейтейну). Одной из основ формирования еврейской идентификации государства стал подход «осознания прошлого» [3, с. 9–24], т. е. осмысление исторической памяти исследователя и педагога Бен-Циона Динура, которое формирует еврейскую идентификацию граждан Израиля. Важным условием существования государства заявлено, что при четкой национальной идентификации государства права меньшинств гарантируются демократическим принципом устройства государства.

Продвигая еврейское государство, Израиль создал эффективную систему репатриации, включающую систему работы с потенциальными репатриантами на местах – в диаспоре, Министерство абсорбции, центры абсорбции и так далее. Действуют программы репатриации, в том числе НААЛЕ для

подростков, репатрирующихся без родителей, и МАСА для студентов. Но, может быть, самое основное, действует эффективная система изучения языка – ульпаны иврита. Иврит – государственнй язык (наряду с арабским), на нем осуществляется работа всех учреждений, преподавание в школах и университетах, официальные церемонии и т. д. Еврейские праздники стали государственными праздниками в Израиле. (Отмечу, что были попытки придать статус русскому языку, попытки не прошли, однако вследствие демократического подхода на русский язык переводится большое количество официальных бумаг, осуществляется телетрансляция из кнессета, есть государственная радиостанция на русском языке и т. д.)

Израиль никогда не стремился соответствовать критериям мультикультурализма и становиться государством всех граждан, сохраняя центральный нарратив – «еврейское государство». Изначально такой акцент на титульной нации предполагал определенное неравенство в отношении меньшинств, самое большое из которых арабское. Но не только. При том, что религия в Израиле не отделена, институт брака находится в руках религиозного истеблишмента, существует проблема в церемонии бракосочетания для репатриантов-неевреев, они регистрируют браки за границей. Более того, не существует полного равенства даже для репатриантов-евреев. Льготная ипотечная ссуда имеет разные размеры: максимальная для самых слабых – репатриантов из Эфиопии, самая маленькая – для выходцев из богатых западных стран. Но при этом существующие в стране демократические механизмы выравнивают ситуацию в отношении прав граждан. Браки, заключенные за границей, регистрируются в МВД Израиля, дети имеют полные права, нет разницы в устройстве на работу или учебу, никто не имеет права не принять кандидата в университет или на работу, потому что он не является евреем по Галахе. А рынок труда диктует свое: реальность государства хай-тека такова, что должность и зарплату получает самый подходящий, независимо от происхождения бабушки. При этом неевреи могут быть избраны на любые должности, включая парламент – кнессет.

По ходу дела разрабатывались и осуществлялись компенсационные программы для меньшинств, например, по бронированию мест для арабов и друзей на государственной службе. Специальные программы в университетах с выделением грантов и так далее.

Тем не менее, эта политика вызывала критику как со стороны западных демократий, так и израильских правозащитных организаций, которые утверждали, что Израилю необходимо добиваться полного равенства общин и стать двунациональным государством или государством всех граждан.

Поворотным моментом для осмысления израильской модели национализма стала большая алия из СССР. Согласно данным Центрального статистического бюро, в период с 1989 по 2020 годы в Израиль прибыло

1200000 репатриантов, что выглядит особенно внушительно по сравнению с анией семидесятых годов из СССР, когда в Израиль прибыло всего 164 000 репатриантов. Согласно статистике, около трети вновь прибывших оказались неевреями. Ожидалось, что неевреи, прибывшие в Израиль, потребуют для себя справедливости, то есть, создадут движения в пользу нееврейских меньшинств. Более того, в потоке прибывших с волной девяностых годов репатриантов с течением времени обнаружились несколько категорий так называемых *unprivileged olim* – социально особенно проблемных категорий репатриантов неевреев, в том числе, дети от предыдущих браков, то есть браков с нееврейским супругом и привезенные в Израиль в малолетнем возрасте, так называемое «четвертое поколение» репатриантов, а также разведенные нееврейские супруги репатриантов. Все эти категории не подпадают под действие Закона о возвращении и Закона о гражданстве 1952 г. и могут претендовать на гражданство в особом порядке и в особых случаях. В израильской практике рассмотрением этих ситуаций и нахождением решения занялись суды.

Но проявилась интересная особенность: русскоязычные репатрианты-неевреи никогда не противопоставляли себя еврейскому государству. Они не пытались создать организацию, защищающую их права. И если они присоединялись к репатриантским организациям, то только к тем, которые защищали права всех репатриантов, то есть были созданы для защиты прав репатриантов евреев («Ассоциация выходцев из СССР-СНГ», «Сионистский Форум» и так далее). Сами же репатрианты, параллельно с судебной борьбой за свои права в индивидуальном порядке учили иврит, устраивались на работу, часто гораздо более выигрышную, чем их еврейские дважды соотечественники.

Израильский институт MITVIM – The Israeli Institute for Regional Foreign Policies на основе исследования, проведенного Ашером Коэном и Бернардом Суссером, сделал следующие выводы:

«Израиль никогда не пытался достичь полного юридического или политического равенства для всех, в смысле для разных групп неевреев, в том числе репатриантов.

Израиль, тем не менее, обеспечивает большую часть юридических и политических прав. Что касается тех представителей нееврейского меньшинства, чье положение было наиболее сложным, они совершили “sociological conversion”, то есть прошли социальную адаптацию, или даже социальный гиюр» [4, с. 52–65].

Согласно выводам исследования, Израиль фактически является мультикультурным обществом без перспектив мультикультурализма [5, с. 95–116].

Но самое удивительное это то, что Израиль признали еврейским государством израильские арабы. «Израиль – это еврейское государство, нравится нам это или нет, и вопрос в том, каково наше положение в этом государстве. Я полноправный гражданин Государства Израиль, и я хочу

воспользоваться всеми правами, которые мне положены», – такое признание сделал арабский политик Мансур Аббас – глава арабского блока РААМ, впервые за историю государства присоединившегося к прошлой правительственной коалиции. Это удивившее многих заявление было сделано на фоне многолетней дискуссии о том, должно ли Государство Израиль продолжать продвигать себя в качестве национального еврейского государства, если в нем находится значительное арабское меньшинство, и не лучше ли объявить себя «государством для всех», то есть мультикультурным государством. Знаменательно, что израильский арабский политик Аббас признал Израиль еврейским государством в своем интервью газете Kul-Al-Arab на арабском языке 25 ноября 2021 года, то есть не ради красного словца перед союзниками по коалиции, а перед своими, арабоязычными читателями. Предыдущее правительство Беннета–Либермана передало на развитие арабского сектора рекордную сумму – 30 миллиардов шекелей на пять лет плюс 20 миллиардов шекелей на развитие инфраструктуры на десять лет.

Заявление арабского лидера свидетельствует о серьезном сдвиге, хотя проблем много.

Теперь несколько слов о Казахстане. Ваша страна прокладывает трудный путь к национальному государству, в том числе, используя израильский опыт. Вы создаете национальное государство и при этом сохраняете многообразие культур и языков, в том числе русского, сохраняя права национальных меньшинств. Это сложнейшая задача, и если большое видно издаека, то из израильского далека виден эффект этнической репатриации в Казахстан. Как и израильская программа алии евреев, казахстанская программа репатриации «оралман» имеет философско-исторические корни, она не родилась на пустом месте. Казахские исследователи, в частности, профессор Жарас Ермекбай и профессор Еркин Байдаров познакомили меня с поэтическим наследием казахов, в котором упомянуто и творчество Асана Печального и его идея о «Жеруюк» – «Земля Обетованная» для казахов. Это важный элемент коллективной памяти. Энтони Смит, автор этно-символической теории национализма, писал, что национальный сентимент даже важнее идеологии, а память о героических и трагических событиях создает национальное самосознание [6, с. 171–198].

Говоря о практических вещах, надо отметить, что этот путь начался еще в Казахской ССР с постановления Кабмина КазССР [7] в далеком 1991 году. Уже в независимом Казахстане был принят Закон об иммиграции, в котором ключевым оказалось понятие «возвращения на историческую родину» [8], которое является ключевым и для алии в Израиль.

Прежде всего, удивителен факт, что казахи, проживающие в 40 разных странах мира, сохранили язык и традиции, несмотря на пережитый опыт изгнания и страданий. Мне довелось беседовать об этом с профессором

Гульнарой Мендикуловой. Конечно, проблемы интеграции репатриантов, их профессиональная адаптация – дело очень сложное, и возможно какая-то часть процесса ляжет на плечи второго поколения репатриантов.

Мне приходилось читать в педагогической антологии о проблемах интеграции казахов из разных стран, которых называют то русскими, то иранцами, то китайцами... В этой связи мне вспоминается шутка, которая до сих пор бытует в Израиле: «уважаемые евреи из бывшего СССР, только в Израиле сбылась ваша мечта считаться русскими».

Мы это прошли. Я думаю, что пример наших стран свидетельствует в пользу этнической репатриации, поскольку, несмотря на все сложности, дает толчок экономическому и культурному развитию, помогает развиваться другим национальным культурам, содействует экономическому процветанию и стабильности в обществе. Несколько цифр в заключение.

Как сообщило Израильское Центральное статистическое бюро в канун празднования 75-летия Израиля [8], население нашей страны составляет 9757000 человек. Население нашей страны выросло почти в 12 раз с момента создания Государства Израиль в 1948 году, когда оно составляло всего 806 тысяч человек.

Соотношение евреев и арабов в Государстве Израиль таково: евреи составляют 73,5% населения Израиля, арабы – 21%, представители других народов – 5,5%. Более чем 3,3 миллиона иммигрантов прибыло в Израиль с момента создания государства. В 1948 году население Тель-Авив-Яффо составляло 100 000 человек. Сегодня в Израиле 14 городов имеют население более 100 000 человек и 6 городов – более 200 000 человек. Это Иерусалим, Тель-Авив-Яффо, Ришон-ле-Цион, Ашдод и Петах-Тиква. Ожидается, что население Израиля достигнет 11,1 миллиона к 2030 году, и 13,2 миллиона к 2040 году.

На днях я прочла, что доля казахов в Казахстане превысила 70% [9]. Так что у нас похожие показатели, модель работает.

Выводы:

Этническая репатриация и национальный характер государства не обязательно противоречат демократическим принципам его устройства и, прежде всего, обеспечению прав меньшинств. Об этом свидетельствует не только опыт Германии, чей демократический характер не подвергается сомнению, но и опыт Израиля, и опыт Казахстана. Наличие прочного национального нарратива создает некую общую систему, содействующую стабильности, и предупреждающую субординацию и отдаление общин, о чем с тревогой говорят западные политики.

Как сказано выше, в отношении Израиля эта мысль нашла ряд подтверждений: как среди тех, кто обычно принадлежит к критикам Израиля внутри самой страны, то есть израильские арабы и выводы института изучения

израильского общества, так и среди внешних представителей – европейские лидеры и руководство Европейского Союза. Президент Европейской Комиссии Урсула фон дер Ляйен заявила:

«После величайшей трагедии Холокоста евреи наконец обрели Государство на Земле Обетованной. Сегодня мы празднуем 75 лет процветающей демократии в самом сердце Ближнего Востока. Вы действительно заставили пустыню цвести. Нам предназначено быть друзьями и союзниками» [10].

Что касается Казахстана, то он, на наш взгляд, совершил самый сложный переход от «лаборатории по созданию единого советского народа» к национальному государству, сохранившему при этом многонациональный характер и многонациональное население. Это переход к модели национального государства в условиях реального мультикультурализма де-факто. Это пример создания национального государства на новом историческом этапе, в эпоху миллениум. И модель работает. При всех сложностях и проблемах, Казахстан – одно из самых успешных государств не только в Центральной Азии, но и на всем постсоветском пространстве.

Список литературы

1. *Идо Харари*. Алия на пороге. – Тель-Авивский университет [Электронный ресурс]. URL: <https://mafteakh.org/%D7%A2%D7%9C%D7%99%D7%99%D7%94/>
2. The Law of Return [Электронный ресурс]. URL: <https://main.knesset.gov.il/activity/legislation/laws/pages/lawprimary.aspx?t=lawlaws&st=lawlaws&lawitemid=2000587> <https://www.nbn.org.il/life-in-israel/government-services/rights-and-benefits/the-law-of-return>
3. *Бен-Цион Динур*. Понимание прошлого в коллективном сознании народа. – Иерусалим, 1969.
4. *Cohen, Asher and Susser, Bernard* “Jews and others: non-Jewish Jews in Israel. – Israel Affairs, 15.1. 2009.
5. *Yonah, Yossi*. Israel as a multicultural democracy: Challenges and obstacles. – Israel Affairs, 11.1, 2005.
6. *Smith, Anthony D*. The Ethnic Origins of Nations. – Oxford: Blackwell, 1986.
7. Постановление Кабмина КазССР «О Порядке и Условиях Переселения в Казахскую ССР лиц коренной национальности, изъявивших желание работать в сельской местности, из других республик и зарубежных стран». 18 ноября 1991 г. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000759

8. Закон Республики Казахстан от 26 июня 1992 г. № 1437 «Об иммиграции». [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001223&pos=2;-104#pos=2;-104

9. The Israeli Central Bureau of Statistics reported that on the eve of the 75th anniversary of state independence. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.il/ru/departments/news/israel-population-at-75-th-independence-day>

10. В бюро нацстатистики рассказали, каково соотношение казахов и русских в Казахстане. [Электронный ресурс]. URL: <https://kz.kursiv.media/2023-04-30/dmnv-kazahi-i-russkie/>

11. Заявление Президента Европейской Комиссии по случаю 75-летия Государства Израиль. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/EUinIsrael/videos/1339045163339037/>

Summary

Martynov V.V. Ethnic Repatriation in the Era of Multiculturalism. Comparative Experience of Israel and Kazakhstan

The article deals with the problem of ethnic repatriation as a special type of immigration, which found practical implementation in a limited number of countries in the period after the Second World War. So far, out of 190 UN member countries, only four: Germany, Israel, Kazakhstan and Russia carry out ethnic repatriation, granting the right to entry, as well as special benefits to representatives of a certain nationality. How possible and justified is such an approach against the backdrop of the triumph of the ideas of multiculturalism - that is, the state for all citizens, which are actively implemented in Canada, Australia, the USA, and a number of European countries.

The article not only describes the advantages and disadvantages of this type of immigration, but also analyzes the impact of repatriation on the development of the national identity and culture of the state, its language, its system of values.

Keywords: Ethnic repatriation, multiculturalism, historical motherland, multinational state, national identity.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИБИРСКИХ КАЗАКОВ И КАЗАХОВ НА СИБИРСКОЙ ЛИНИИ

Прохоров И.Р.

*Кандидат исторических наук
Государственный архив города Астаны
г. Астана, Казахстан
prohorov1974@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы хозяйственной деятельности Сибирского казачьего войска на территории Северо-Восточного Казахстана в XVIII–XIX веках. Показаны трудности, с которыми столкнулись Сибирские казаки в регионе при обеспечении своей жизнедеятельности в новых природных условиях. Представлена реальная необходимость их мирного и взаимовыгодного взаимодействия с местным казахским населением. Сибирские казаки, активно заимствуя опыт кочевников, в ряде случаев внедряли новые образцы хозяйственной деятельности, которые были востребованы и казахами. В результате хозяйственного взаимодействия казаков и казахов развивается торговля и производительные силы региона.

Ключевые слова: сибирские казаки, Северо-Восточный Казахстан, Сибирская линия, Иртыш, Ишимская степь, Усть-Каменогорская крепость, казахи, Средняя орда, хозяйство кочевников.

История культурного и экономического взаимовлияния сибирского казачества и коренных сибирских и азиатских народов в условиях развития суверенных государств на постсоветском пространстве по-прежнему актуальна. Необходимо по-новому взглянуть на межрегиональные процессы Евразии, показать положительную роль межнационального взаимодействия.

Несмотря на безусловно имевшийся негативный опыт взаимоотношений казахов и сибирских казаков на пограничной линии, военные столкновения, обиды и несправедливости, были примеры и положительного взаимодействия.

19 августа 1808 года был издан указ о формировании Сибирского линейного казачьего войска общей численностью 5950 человек. Казаки были обязаны служить с 17-летнего возраста пожизненно. Они получали земельный надел по 6 десятин на душу, жалованье – по 6 рублей 16,5 копеек.

Согласно данным Государственного архива Омской области, на Северо-Востоке Казахстана к 1822 году проживало в общей сложности 25528 военных поселенцев-казаков [1, лл. 17–19].

Казачьи станицы и команды подчинялись местному военному начальству. Функции войскового атамана были весьма ограничены. Службу несли до старости – «доколе в силах». В связи с дефицитом людей набирали не на свободные штатные вакансии, а по достижении совершеннолетия. Казак сам снаряжался на службу за счет своего жалования. Характерно, что никаких

законодательных постановлений об организации порядка управления казаками Сибирской линии не было [2, с. 132].

Ситуация изменилась, когда правительство решило вывести регулярные армейские полки Сибири на западные границы империи для усиления армии. 19 (31) августа 1808 года император Александр I утвердил Сенатский указ о штатах и статусе Сибирского линейного казачьего войска. Оно представляло отдельное, компактно расселяющееся военное сословие со своими привилегиями и органами управления. В 1808 году серьезно осложнились отношения с Францией. В этой связи полевые войска, находившиеся в Сибири, были переведены к западным границам Российской империи. Потребность в мобильных войсках привела к созданию Сибирского казачьего линейного войска [3, с. 26].

В 1809 году были разработаны специальные правила для расселения и хозяйственной деятельности Сибирских казаков. В соответствии с ними сибирским линейным казакам были переданы земли в районе правого берега Иртыша. Казаки на Сибирской линии получили на одну душу мужского пола по 6 десятин земли, удобной для хлебопашества, сенокосов и пастбищ. 500 десятин земли отводилось на каждый эскадрон войска для общественной войсковой пашни. Казачьим селениям отводились соляные озера, строевые и дровяные леса с учетом роста населения. Межевание для полковых округов и селений предполагалось вести, избегая чересполосицы.

Чиновникам, разночинцам, купцам и мещанам, проживавшим на казачьих землях, разрешалось иметь земельные участки. На правобережье Иртыша казакам принадлежали прекрасные Долонский, Шульбинский и Карагайский сосновые боры. В 40-верстной полосе на правобережье Иртыша все свободные земли между казачьими отводами разрешалось использовать казахам под хлебопашество, сенокосы и пастбища для скота. Эти места были помечены межевыми столбами с надписью: «Граница земель, отведенных при... укреплении для зимовья и кочевки верноподданных киргизов». Разрешался отвод земли казахам и за чертой крестьянских селений в Тобольской и Томской губерниях с согласия губернских и казахских депутатов, но не далее 30 верст от линии и не ближе 40 верст к деревням. Земля отводилась с учетом количества кибиток и скота. Казахам запрещался переход на казачьи участки во избежание конфликтных ситуаций. Они не должны были кочевать вблизи казачьих и крестьянских пашен и покосов с тем, чтобы не подвергнуть их потраве [4, л. 4].

Часть Сибирской линии – «Горькая линия» – представляла собой почти совершенно ровную степь, продолжение черноземной и плодородной Ишимской степи. В пределах Омска и Петропавловска Ишимская степь заметно теряла свой прежний вид. Самое главное, она меняла свои первоначальные свойства, становилась безводной и солонцовой. Общий вид этой местности был крайне однообразен. Она представляла собой совершенно ровное пространство, почти плато с незначительными и малозаметными для глаза увалами, расположенными по берегам рек и озер. Изредка степь пересекали однообразные березовые колки или громадные пространства низин – солонцов,

которые окружали озера с черно-бурой, горькой или соленой водой. Низменность Горькой линии, расположенная между реками Ишим и Иртыш, заслуживает внимания своими гидрографическими особенностями. Здесь от первой реки ко второй имеются две параллельных котловины протяженностью более чем на 200 верст. Одна из них состоит из ряда займищ (балок), поросших камышом, озер и болот с кочковатой, влажной почвой. Вторая находится южнее первой, образует цепь из 30 горьких и соленых озер, известных под названием Камышловских. Камышловская котловина представляет собой прямое продолжение волнистой линии озер, солончаков и займищ. Их общая площадь составляет в казахской степи около 200 верст, начиная от озера Кош-Аул. Местность, прилегающая к озерам, была сильно заболочена. Стоячая вода, постоянные испарения от гниющих камышей и водорослей, а также недостаток хорошей питьевой воды серьезно осложняли здесь проживание и ведение хозяйства. Вдоль этой котловины, около озер были расположены казачьи поселки. По правой стороне Иртыша проходила Иртышская линия. Она на своем громадном протяжении имела разнообразную природу. Долина Иртыша к югу от бывшей в то время станицы Чарлаковской до Семипалатинска проходила по правой восточной стороне Колундинской степи, составляющей возвышенное продолжение Барабы. При вступлении на Колундинскую степь Иртышская линия получала вполне степной характер. Песчаная почва проходит по всему правому берегу Иртыша на достаточном расстоянии. В этой связи многие казачьи поселения не имели пахотной земли. При этом левый берег представлял долину с превосходными лугами, которые вполне восполняли населению недостаток пахотных угодий. Местами луговой ковер расстилался на 15 верст шириной по берегу. Около станицы Семиарской произрастали известные сосновые боры: Долонский, Шульбинский и Карагайский. Эти леса окружали правый берег Иртыша на протяжении 220 верст, до поселка Шульбинского. От Семипалатинска до Усть-Каменогорска рельеф почвы менялся и представлял уже возвышенную местность, переходящую в отроги Алтая. Самые лучшие местности представляли поселки, расположенные в Бухтарминской долине. Массивы лесов, лугов, превосходный чернозем, а также горный, сравнительно мягкий климат отличали эту местность. Она была превосходна для проживания [5, с. 30].

С 1796 года после основания редутов Ульбинского, Феклистовского, Северного и Березовского казаки начали селиться на Бухтарминской линии [6, с. 206].

Казачье войско имело свои капиталы в виде доходов с земельных владений, а также из других источников накопления. Это позволяло хотя бы отчасти компенсировать расходы на военную службу [7].

Начало сельскохозяйственных опытов казаков относятся к первой половине XVIII века. Это были довольно слабые попытки войска по самообеспечению элементарным продовольствием. Так, к 1745 году относится сообщение об удачном земледельческом опыте усть-каменогорских казаков, собравших небольшой урожай на поле возле крепости [8, с. 225].

Первые попытки административного вмешательства в хозяйственную деятельность казаков успеха не имели. Так, командир Отдельного Сибирского казачьего корпуса Христиан Киндерман ввел в 1747 году казенное хлебопашество. Назначив 400 казаков хлебопашцами, он наделил каждого двумя парами волов и инвентарем, обязал ежегодно возле укреплений сеять по три десятины пшеницы и ржи. Оплата казакам не полагалась. Результаты подневольного труда оказались явно неудовлетворительными. Низкие урожаи заставили в тот момент отказаться от попытки обеспечить войско своей пшеницей и своим фуражом [9, с. 96].

Только в начале XIX века после введения войсковой общественной пашни ситуация с эффективностью земледелия существенно улучшилась. Часть полученного хлеба шла в распоряжение казаков.

Российское правительство всемерно поощряло торговлю казаков с казахами, в том числе с целью обеспечить казаков набором необходимых продуктов и конского снаряжения. Однако казаки при этом старались не платить пошлин, чтобы увеличить свой доход. В летнее время линейные и крепостные казаки, особенно старшины казачьего войска, нередко задерживали казахов, едущих торговать в Усть-Каменогорскую крепость. Они вели с ними по ночам «потаенную сатовку» (тайную торговлю). Нередко казачьи старшины способствовали тайной торговле с казахами своих сослуживцев, выезжавших из крепости негласно в ночное время. Многим казакам удалось таким путем нажить большое состояние. Коммерц-коллегия стремилась пресечь несанкционированную торговлю с казахами в крепостях и форпостах Иртышской линии. Сибирскому губернатору Денису Чичерину было предписано осуществлять строгий контроль за торговлей. Казаки были обязаны производить обмен товаров с казахами исключительно на таможне в соответствии со специальным распоряжением, вышедшим в конце 1763 года [10, с. 29].

1 января 1764 года сибирский губернатор Денис Чичерин уведомил начальника Сибирских линий Ивана Шпрингера об «изуственном соизволении» Екатерины II. Так, она разрешила «в рассуждении бедного их (казаков, – автор) состояния» пользоваться менами и сатовками с казахами, кочевавшими около Иртышской линии, выменивая у них лошадей, овчины, кошмы и другие товары. Казакам разрешалось продавать хлеб, ножи, топоры и другие металлические изделия. Комментируя царское распоряжение, Денис Чичерин писал Ивану Шпрингеру: «Теперь все должны быть в своем пропитании довольными, а особливо драгунские полки, держащие нужду в лошадях» [10, с. 341].

Возможность выменивать лошадей непосредственно у казахов в городах Иртышской линии была выгодна казакам. Она избавляла их от дальних поездок, сопряженных с большими убытками. Ведь во время летних перегонов купленные лошади нередко погибали от эпизоотий. Денис Чичерин поддержал ходатайство Ивана Шпрингера о рядовых казаках, состоявших в гарнизонах. Они, как правило, имели небольшое жалование, только 6 рублей в год. Казакам разрешался вымен казахских лошадей в Петропавловске, Омске и в

Верхнеиртышских крепостях. Реализовать это разрешение не всегда удавалось. В начале августа 1802 года свирепствующая на Сибирской линии сибирская язва оставила казаков в самом крайнем положении и практически пешими. Казаки не только были лишены возможности поехать в дальние города для покупки лошадей, но и службы исправлять не могли [10, с. 342-344].

Тем не менее, следующий генерал-губернатор Сибири Иван Пестель отмечал, что само место линейных поселений сделало сибирских казаков посредниками всей промышленности, простиравшейся за границу (то есть в казахскую степь) и обратно. Река Иртыш доставляла казакам рыбу и удобное сообщение. Берега состояли из земли удобной к землепашеству и сенокосам [11, л. 4].

Однако новый командир Отдельного Сибирского казачьего корпуса генерал-лейтенант Григорий Глазенап, как и его предшественники, в докладе императору Александру I сообщает, что казаки ежегодно подвергаются неисчислимым убыткам от сибирской язвы. Жестокая болезнь каждое лето истребляет великое количество лошадей и рогатого скота, приводит линейных жителей в крайнее изнурение. Так, в 1813 году эта губительная болезнь уничтожила столько скота, что в редких казачьих селениях осталось от 5 до 15 животных, были и людские жертвы [11, л.15].

В результате казаки становились неисправными к службе, лишались способов прокормить свои семейства. Коммуникации в случаях повторяющихся эпидемий сибирской язвы по линии прекращались. Спасти казачий скот можно было только поспешным перегонем его за линию, в казахскую степь, да и то лишь при самом начале болезни. Григорий Глазенап, при этом, утверждает, что казахи научились с сибирской язвой бороться. Поэтому командир Отдельного Сибирского казачьего корпуса предлагал перевести линию на земли, в недалеком расстоянии от прежней, «к заселению удобные и жестокой болезни чуждые». 14 июля 1816 года он просит у императора разрешения на предварительное сочинение проекта о переводе в казахскую степь Сибирской линии и создания некоторых административных учреждений для российских подданных – кочующих казахов Средней орды. Григорий Глазенап называет следующие выгоды от переноса линии в казахскую степь. Так, изобилие рек и озер, богатых рыбой, даст продовольствие сибирским казакам, казна же получит оброчную статью. Кроме того, купеческие караваны не будут иметь потребности в воинском прикрытии во время пути через степь. Казаки также получают доступ к удобной для хлебопашества земле [11, лл.16-22].

Таким образом, в хозяйственном отношении сибирские казаки должны были использовать скотоводческие традиции местного населения [12]. В Сибирском казачьем войске домашний скот был казахской породы. Казахские лошади, неприхотливые к пище, способные к перенесению зимней стужи и продолжительной скачки, оказались весьма полезными сибирским казакам. Казахский рогатый скот не уступал по качеству тому, который выращивали

русские крестьяне, и выделялся особым вкусом мяса. Разведением рогатого скота занимались казаки в основном на Горькой линии. Они приобретали у казахов двухлетних коров и бычков, называемых «тай». Они выменивали их на товар, вносили предоплату от 2 до 4 рублей. В течение 2–3 лет казаки выкармливали этих животных на своих сенокосных участках. Затем они продавали их уже за 20–25 рублей приезжавшим на линию зажиточным казахам. Состоятельные сибирские казаки перепродавали в год от 50 до 100 голов. Те, кто был среднего достатка, могли продать по 10–15 голов [13, с. 224].

Богатые казаки вдали от своих станиц устраивали так называемые заимки, то есть глухие крытые дворы с избами для пастухов и караульчиков. По примеру казахов они предоставляли самим животным отыскивать подножный корм из-под снега. Скот отдыхал и тучнел весной и летом. В конце осени и всю зиму он истощался от холода и голода. Исследователь Сибири Карл Риттер отмечает, что казачье скотоводство могло быть более развитым. Тем не менее, многие казаки держали кроме боевой лошади еще 2 или 3 непосредственно для обработки полей. Они также имели несколько голов крупного рогатого скота и овец [14, с. 165].

Для казаков обширные луга в долине Иртыша имели такое же значение, как и для крестьян пашни. Они рассчитывали на богатые урожаи трав, чтобы укрепить домашний бюджет. Сенокосные пайки позволяли прокормить своих лошадей и домашний скот, одновременно извлечь выгоду от продажи сена. Весеннее половодье Иртыша означало для казаков то же, что для египтян разлив Нила [14, с. 43].

Перекочевка казахских родов на правобережье Иртыша, за линии укреплений, обусловила появление в приграничных районах большого количества дешевых рабочих рук. Казахи, разорившиеся в результате периодических джутов и барымты, нанимались на работу в русские селения, надеясь улучшить свое материальное положение, а то и спастись от голода. Конечно, здесь нужно помнить о зачастую имевшихся кабальных условиях труда. В 1820 году по найму на линии 6534 казахов работали круглый год, 13068 человек – в течение шести месяцев [15, лл. 5–12].

Сибирское казачество занималось выделкой кожи. Большую часть населения Семипалатинска, Усть-Каменогорска и Омска составляли линейные казаки, некоторые из них имели кожевенные заводы. По данным войсковой канцелярии, в их числе были сотенные атаманы Атаманского полка: Осип Румнов, Андрей Румнов, Степан Бадрызов. Младшие урядники Ефтифей Толчин и Василий Красноусов держали кожевни, а Михаил Корнилов – мыловарню [16, лл. 7–11].

В 1813 году была основана казенная суконная фабрика Сибирского казачьего войска. Вскоре после открытия выяснилось, что она не сможет работать без поставок казахского сырья. В этой связи в феврале 1822 года всем султанам и старшинам Среднего жуза, кочующим близ Сибирской линии, было направлено письмо командира Сибирского корпуса генерал-лейтенанта Капцевича. Он просил старшин и султанов организовать закупку для казачьего

войска бараньей шерсти у казахов. В обмен на шерсть были предложены хлеб, крупа, мука пшеничная или ржаная – на выбор. В обращении разъяснялось, какая нужна шерсть, и предлагалось заранее сообщить о ее количестве для своевременной заготовки хлеба. Кроме того, было предложено направить людей для помощи в стрижке овец. Уже весной 1822 года началась интенсивная закупка шерсти для войсковой суконной фабрики. Как свидетельствуют официальные документы, некоторые богатые казахи поставляли шерсть для фабрики бесплатно. Они могли передать безвозмездно значительное количество шерсти: нередко с 200–300 баранов. Свои действия богатые казахи объясняли уважением [16, лл. 6–8].

На севере от озера Убаган, в Аман-Карагайском лесу, линейные казаки в большом количестве ловили лебедей и торговали их шкурками. Казаки сами выделывали шкурки и сбывали так же, как и лебяжий пух на Ирбитской Февральской ярмарке в Пермской губернии [17, с. 136–138].

В целом, нужно отметить важную роль казачества в становлении земледельческой культуры, торговли, промышленности, промыслов и путей сообщения. Несмотря на то, что военные поселенцы на границе были обременены государственными тяготами, что препятствовало развитию казачьего хозяйства, они внесли свой вклад в развитие производительных сил региона, внедрение новых форм хозяйства. С другой стороны, их успехи, да и само нахождение в казахской степи, оказалось бы невозможным без установления добрососедских или хотя бы взаимоприемлемых отношений с местным населением.

Список литературы

1. Государственный Архив Омской области (ГАОО). Ф. 67. Оп. 1. Д. 88 «Приказы по Сибирскому казачьему войску корпусного командира генерал-майора Капцевича».
2. *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. – М.: Отпечатано при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1838. – 216 с.
3. *Недбай Ю.Г.* История казачества Западной Сибири. 1582–1808 гг. (краткие очерки). – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 1996. – Ч. 4. – 163 с.
4. ГАОО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 429 «Наставление гг. комендантам, полковым командирам Сибирского Линейного казачьего войска и офицерам, командируемым для межевания земель казакам и киргисцам, как на постоянной кочевке находящихся, так и на перезимовку и перелетование приходящим. Апреля 1821 года».
5. *Остафьев В.А.* Землевладение и земледелие Сибирского казачьего войска // Труды Императорского Вольного экономического общества. – СПб., 1897. – №4 – С. 29–34.
6. *Петров В.И.* К вопросу о социальном происхождении сибирсXVI–XIXзачества (XVIII — первая половина XIXвв.) // Экономика, управление и

- ## Summary

The article deals with the issues of economic activity of the Siberian Cossack army in the territory of North-Eastern Kazakhstan in the XVIII–XIX centuries. The difficulties faced by the Siberian Cossacks in the region in ensuring their livelihoods in the new natural conditions are shown. The real need for their peaceful and mutually beneficial interaction with the local Kazakh population is presented. Siberian Cossacks, actively borrowing the experience of nomads, in some cases introduced new models of economic activity, which were also in demand by the Kazakhs. As a result of the economic interaction of the Cossacks and Kazakhs, trade and the productive forces of the region are developing.

296

РОЛЬ Г.Н. ПОТАНИНА В ФОРМИРОВАНИИ САМОСОЗНАНИЯ КАЗАХСКОГО НАРОДА

Рахимов Е.К.

*Кандидат исторических наук, доктор PhD
Национальный музей Республики Казахстан
г. Астана, Казахстан
yernur_rakhimov@mail.ru*

Аннотация. Григорий Николаевич Потанин – выдающийся ориенталист, фольклорист, этнограф, историк, путешественник и общественный деятель, внесший огромный вклад в научное изучение Казахстана, Сибири и Центральной Азии. В докладе сделана попытка осмыслить роль Г.Н. Потанина в формировании национального самосознания казахов во второй половине XIX – начале XX века. Данная цель достигается путем анализа его высказываний о казахском народе в различные периоды жизни. В итоге мы приходим к логичному заключению, что Г.Н. Потанин как мыслитель-гуманист способствовал пробуждению «Молодой Казахии», оказал значительное влияние на формирование самосознания казахского народа.

Ключевые слова: Г.Н. Потанин, национальное самосознание, история Казахстана, общественная мысль, казахская интеллигенция.

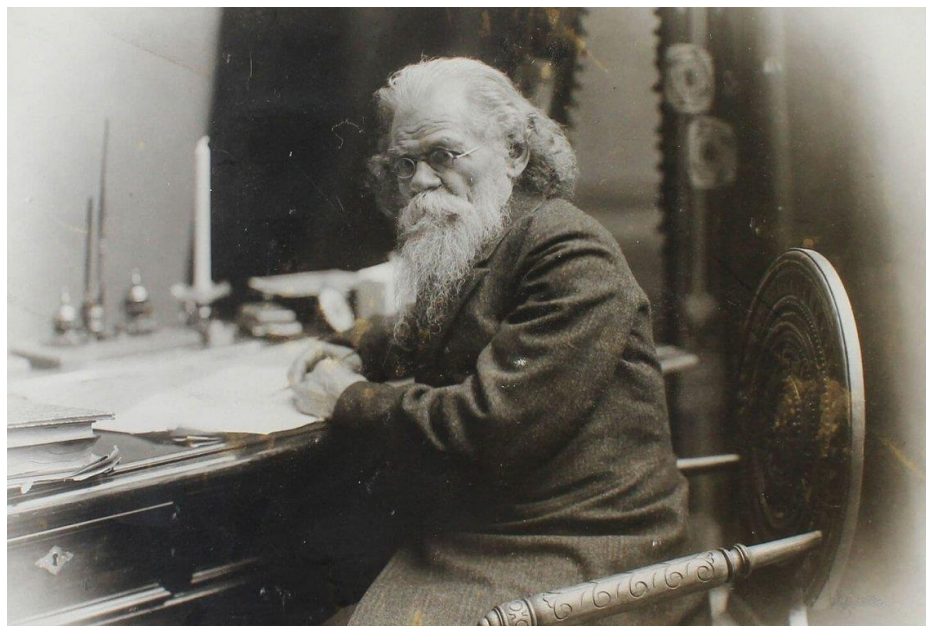

Рис. 1. Г.Н. Потанин. Фотография. Томск, ориентировочно 1915–1918 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.tsu.ru/ru/gn-potantin-portrety-i-pozdravitelnye-adresa>

Талант Григория Николаевича Потанина (см. рис. 1) был многогранен. Восстанавливая шаг за шагом страницы его жизни и деятельности, мы видим перед собой крупного ученого–путешественника, талантливого писателя–публициста, откликавшегося на острейшие проблемы своей эпохи, защитника и друга автохтонных народов Сибири, Центральной Азии и их лучших представителей, организатора многочисленных экспедиций, курсов и просветительских кружков.

За все этим стоит высокий моральный облик этого человека, поистине «рыцаря совести». Несмотря на тяжелые воспоминания детства, казачью муштру, каторгу и ссылки, Г.Н. Потанин остался одним из самых гуманных личностей России. Он боролся против бесправия Сибири и унижения ее исконных жителей и русских «туземцев» не только потому, что был патриотом этой земли. Основным двигателем его деяний и творчества были такие базовые этические категории, как справедливость, нравственность, человеколюбие. В этом плане Г.Н. Потанин – человек мира, эталон человеческих качеств. Поэтому даже в научных трудах, посвященных изучению отдельных фрагментов тюрко-монгольского и другого фольклора, исследователь выходит далеко за пределы региона, обнимая пространства всего Старого Света.

Для своих современников Г.Н. Потанин был человеком не от мира сего. Его бескорыстие и честность удивляли многих. Вероятно, поэтому казахские интеллигенты начала XX века, в частности, А. Букейханов, называют его «эулие» – святой. На наш взгляд ничего невероятного и завышенного в этой оценке нет. Из многочисленных штрихов биографии мы постоянно убеждаемся в необыкновенности этого феномена. Принципиальность и честность характерны для Г.Н. Потанина и в революционные годы начала XX века.

Однако настоящее обретение духовного и научного наследия Г.Н. Потанина, на наш взгляд, начинается только сейчас. Ведь только несколько лет назад подтвердилось пророчество ученого о том, что *«...наступят в будущем такие времена, когда казахам не стыдно будет в ряду великих народов. Народ, который сочинил «Козы-Корпеш и Баян-сулу» и воспел самоотверженную любовь Баян сумеет оценить красоту любви и жизни, и эта духовная субстанция залог великих свершений этого народа, здорового творческого духа будущих поколений казахов. И тогда узнает Европа о казахском народе, давшего миру Шокана, Абая, Ахмета и Миржакина. Станут казахи автономией, а Кара-откел столицей Алаша, построят там университет, и будут там учиться сыновья и дочери казахов»* [1, с. 107–108].

Мы стали свидетелями сбывшего пророчества, видя столицу Астану (бывший Кара-откел), находясь в стенах столичного вуза.

Приводя цитаты из работ Г.Н. Потанина, мы должны отметить особенность написания названия казахов в дореволюционное время искаженное – «киргизы». Поэтому мы заменили слова «киргизы», «киргизский народ» в оригинале, соответственно, на правильные – «казахи», «казахский народ».

Особые чувства к казахскому народу у Григория Николаевича

сформировались с детства. Ведь он вырос на казахской земле, и с малых лет он впитал в себя культуру казахского народа, прекрасно знал самобытный характер и нрав степняков.

Где бы ни был Г.Н. Потанин, он постоянно интересовался казахскими делами, имел среди казахов много друзей, с которыми состоял в интенсивной переписке [2, с. 34]. Несомненно, на формирование гуманистического склада ума ученого, его доброго отношения к казахам оказала влияние дружба с выдающимся ученым Ч.Ч. Валихановым. Также известно, что Г.Н. Потанин находился в контактах с лидерами казахской национальной элиты конца XIX – начала XX века – Мусой Шормановым, Алиханом Бокейхановым, Алимханом Ермековым. Знакомство с работами Г.Н. Потанина показывает, что он был наслышан об Абае Кунанбаеве, Ахмете Байтурсынове, Миржакипе Дулатове. По записям ученого можно судить, что он приветствовал возрождение национального самосознания казахского народа, был рад зарождению «Молодой Казахии».

Особое место в работах занимает родное его сердцу Прииртышье. В 1877 году во время путешествия в верховья Иртыша он пишет: *«Эта местность, где мы живем, настоящая родина человека. Здесь возник первый культ [солнца]. Реки здешние представлялись первым людям материнскими лонами, отцов они видели в горных вершинах. Рай Адама и Евы, я теперь уверен, находился в верховьях Иртыша...»* [3, с. 91].

В работе «Первые лучи Востока» Г.Н. Потанин приводит интересное сравнение жизни и деятельности двух выходцев из коренных народов Российской империи: бурята Доржи Банзарова и казаха Чокана Валиханова. Он пишет: *«Из многочисленных сибирских инородческих племен только два, буряты и казахи, выставили своих представителей в ряды русского образованного общества; из бурятской среды вышел Дорджи Банзаров, из казахской — Чокан Валиханов».*

Банзаров и Валиханов как феномены своих народов были теми, по словам Григория Николаевича, *«явлениями, которые указывали русскому обществу на ошибочность мнения, будто племена, из которых вышли эти лица, не имеют другой исторической задачи, как только населять негодные для земледелия и незаманчивые для других высших рас степи и создавать в них некоторые жизненные условия, полезные для международных сношений, которые ведутся через эти пустыни»* [4, с. 617].

Г.Н. Потанин уделял большое внимание просвещению народов Сибири и Казахстана, всячески поддерживая приобщение их к русской и мировой культуре, к достижениям человечества, к знаниям и образованию. В этом кроется его великий просветительский дух. Вот, что он пишет касательно политики империи в колониях: *«Русификаторским мерам в отношении сибирских инородцев нужно положить конец. На инородческих территориях должны быть основаны правительственные школы с преподаванием на инородческом языке; особенное внимание должно быть обращено на*

распространение образования инородческих женицин. Для крупных народностей, для казахов и бурят, должны быть основаны гимназии с преподаванием на родном для детей языке» [5, с. 287].

Г.Н. Потанин выступает с радикальными мерами, которые уже выходят за рамки чисто просвещения, а затрагивают общую концепцию политики империи в отношении коренных народов. *«Умножения школ вдвое или вчетверо против существующего числа, снабжение их учебниками на местных языках и специально подготовленными учителями, все-таки мало, чтобы инородческую жизнь сделать прочной. Нужно радикально изменить взгляд на отношение государства к инородцам. Распространению просвещения в нашем Отечестве очень мешают опасения перед сепаратическими движениями инородческих племен. Эти опасения удерживают правительство от серьезных шагов и крупных затрат на инородческие школы»,* – пишет Григорий Николаевич в статье «Новый курс в деле инородческой школы» [6].

Замечательные строки, посвященные казахскому народу, мы находим в статье-воспоминании Г.Н. Потанина «В юрте последнего киргизского царевича». Читатель, которому довелось читать эти работы, сразу же с первых предложений сталкивается с пронзительной до глубины души преданностью, а главное верой в прекрасное будущее казахского народа.

Разве можно равнодушно читать вот эти строки: *«Можно предвидеть, что скоро народится «Молодая Казахия». Чем она обогатит свой народ, в каком направлении будет работать ее мысль, какие продукты создаст ее ум и ее чувства, чем она поделится с русским обществом в области науки и искусства? Можно предугадать, что казахская народность, подобно малорусской и польской, даст двуязычных писателей, которые будут писать и на казахском, и на русском языках».*

Там же: *«Казахи народ живой, здоровый, жаждущий жизни; они любят веселье, в costume любят яркие цвета, в жизни — праздники. Поминки по умершим у этого народа превращаются в продолжительные и грандиозные торжества с играми, скачками, песнями, состязаниями, исполнением песен и лирическим творчеством. Состязания в артистическом искусстве и нарядах воспитывают, может быть, в казахах некоторую долю тщеславия, что делает их похожими на французов. Подобно афинянам, казахи необычайно любят новости (хабары); это страсть, которая в молодом поколении заменяется любознательностью» [7, с. 314–315].*

Но не только восхищение степным народом присутствует в строках гуманиста, а есть в них искреннее сочувствие, переживание за его будущность, за развитие светского начала в казахском обществе, за просвещение Степи.

И опять перед нами предстает озабоченный судьбой народа ученый–гуманист: *«Чтобы появилось свое казахское светское направление, нужно возбудить в верхних слоях казахского народа интерес к своей народности, интерес к изучению своего родного [языка], своей истории, своих обычаев, своих устных памятников старины. Пока интерес к казахской народности пробужден только у ориенталистов, этнографов, фольклористов, но они*

занимаются изучением казахской народности только для пополнения европейского знания, а вовсе не в целях пробуждения самосознания казахского народа» [7, с. 313].

Отмечая уникальный феномен Чокана, Г.Н. Потанин в своем воспоминании отмечает подвижки в деле обучения казахских детей в светских учебных заведениях России, в тоже время пишет о вызовах времени: *«Число образованных казахов, окончивших курс в высших учебных заведениях, с каждым годом увеличивается. К сожалению, по окончании курса молодые люди не образуют живущей в одном месте колонии, а рассыпаются по обширной казахской территории или, что еще более невыгодно для казахского народа, остаются служить в Европейской России, на Кавказе, в Одессе и т.п. Нет пока у казахов умственного центра, где могла бы завязаться духовная жизнь казахской интеллигенции, где бы ее члены могли работать сообща, друг другу помогая примером и советом, где казах-юрист или казах-доктор мог бы встречаться с казахом-художником, казахом-литератором или с казахом-ученым. Некому сплотить их, нет протектора просветительным стремлениям казахской интеллигенции»* [7, с. 313].

В работе 1913 года «На притоке реки Токрау» Г.Н. Потанин уже видит разительные перемены в культурном развитии казахов, связанные ростом национального самосознания, интеллектуальным развитием народа.

Так, он рассказывает о культурно-просветительском обществе в Каркаралинском уезде Семипалатинской области, созданном семьями Акпаевых и Кульжановых: *«Казахская интеллигенция начинает живо интересоваться общественной жизнью в империи и положением своего народа в составе русского государства. В степи идут разговоры о казахском земстве; в среде казахской интеллигенции появилась уже идея об общеказахской земской думе. Органами пробуждения общественной жизни у казахов служат две газеты: под названием «Казах», издается в Оренбурге господином Байтурсиновым, уроженцем Кустанайского уезда, который некоторое время был народным учителем в Каркаралинском уезде; другая газета печатается в Троицке под названием «Айкап», что значит в переводе «Аяй, как отстали!». Обе газеты прогрессивны печатаются на казахском языке. Конечно, это только начало. Казахская журналистика должна [далее] развиваться; казахи сетуют, что обе газеты издаются на западной окраине степи, и казахский Восток своего печатного органа не имеет. Другим средством пробуждения казахской мысли должны служить просветительные общества. Казахская жизнь сильно изменилась сравнительно с прошлым и особенно сильно изменяется за последнее время. Она становится гораздо культурнее... Русская образованность делает успехи среди казахов. В степи в настоящее время можно встретить людей, получивших высшее образование: юристов и медиков, окончивших университет. Народные учителя из казахов и фельдшера совсем не редкость... В последние годы замечается необычное стремление*

казахских детей учиться. Школьная сеть становится с каждым годом гуще» [1, с. 85–108].

Здесь же находим упоминание об Абасе Кунанбаеве и Ахмете Байтурсынове: *«В семипалатинской степи известен интеллигентный поэт Ибрай Кунанбаев, который слагал песни и сам клал их на музыку. Эти песни распевают аульные певцы, причем сообщают слушателям имя автора их. Другой поэт Байтурсунов, издатель газеты «Казах». Он считается лучшим из молодых певцов».*

Г.Н. Потанин особо отмечал такие явления из жизни народа как тамырство, развитую музыкальность: *«Сердечность казахского народа рисуется также обычаем заключать братские союзы; такие друзья называются тамырами. У тамыра для тамыра нет ни в чем отказа, какой бы он ценный подарок ни просил. Казахское сердце хотело бы даже сделать чувство дружбы наследственным; дети двух тамыров не забывают о духовном родстве своих отцов; тамыр, отец невесты, называет сына своего тамыра «окуль гуяу» — [названным] зятем.*

Рассказом о двух таких тамырах и начинается казахская повесть об идеальной женской любви красавицы Баян-слу. Высокое понятие о поэтическом творчестве выразилось у казахов в легенде о происхождении песни. Легенда рассказывает, что некогда, именно в те отдаленные времена, когда люди еще не умели петь, песня (конечно, существо небесного происхождения) летала над землей и пела; где она пролетала низко, люди хорошо расслышали ее и переняли ее песни; где высоко, там плохо были слышны ее песни, и народы, населяющие эти земли, остались немзыкальными. Над казахской степью песня пролетала ниже, чем над какой другой страной, и поэтому казахи — лучшие певцы в мире.

Народ, который в песне видит откровение божие, имеет право жить и творить. В его похоронных и свадебных обрядах и судебных обычаях столь много особенного, указывающего на сложную жизнь, прожитую казахским народом. В преданиях, народной эпике, в чертах народного характера так много оригинального, что в этом историческом наследстве, которое может доставить большой материал ученым для изучения, казахская жизнь найдет впоследствии элементы для развития в более здоровом направлении» [1, с. 85–108].

И ещё из Г.Н. Потанина: *«Вообще казахи любят жизнь и боятся умирать. Легкость пропитания, умеренный климат, симпатичность в личных отношениях между собою, образуют в казахах привязанность к жизни, и казах умирает геройски только тогда, когда видит, что смерть неизбежна»* [8, с. 139–140].

Г.Н. Потанин на старости не переставал интересоваться жизнью степняков, и, живя в Томске, пишет работу «Киргизы после переворота», датируемую 1918 годом. Давайте ознакомимся с некоторыми интересными её моментами: *«В разных местах степи появились Казахские комитеты, которые занялись преобразованием управления на новых демократических началах. Сразу поднялся интерес к своему национальному. Появились уже и казахские*

газеты, поставившие себе задачей распространение в казахской массе европейских идей. Самым влиятельным казахским изданием была газета «Казах», основанная Ахметом Байтурсуновым, уроженцем Тургайской области, и выходившая в Оренбурге. Байтурсунову помогал в составлении газеты Дулатов и султан Алихан Букейханов, уроженец Каркаралинского уезда, у реки Токрау. Букейханов окончил курс в лесном институте в Петрограде.

В настоящее время казахи имеют четыре газеты: 1) в Оренбурге издается «Казах», 2) в Семипалатинске «Сыра Арка», что значит «Желтый хребет», 3) в Букеевской орде «Уран» и 4) в Ташкенте издается «Алаш».

Казахская пресса одной из первых задач своих ставила пробуждение в казахском народе национального самосознания, но ее пропаганда охватывала только верхние слои народа и не распространялась на безграмотную массу, да и действие ее на верхние слои было не вполне свободное; оно ограничивалось цензурой.

Переворот русской жизни рассек узел, которым была туго связана казахская жизнь. Пресса получила возможность говорить без всяких стеснений. Молодые люди, притаившиеся в казахском подполье, вышли на Божий свет и объединились в одно патриотическое общество «Брлик» — Единение. С объявлением республики степь вздохнула полной грудью. Положение вещей круто изменилось. То, что считалось несбыточным, превратилось в надежду; что казалось незбылемым, заколебалось. Трехмиллионная масса казахов веками коснела в одном и том же положении, но вот объявлена республика, и эта масса в полном своем составе двинулась.

Пробудились в народе общественные интересы, началась организация казахской общественности. В разных местах степи возникали казахские комитеты, между которыми началось общение. В первую очередь представители казахского народа занялись вопросом о введении в казахской степи земских учреждений. Земства приведет собой обложение сборов с народа на народные нужды. Когда в руках у вождей народа будут деньги, они получат возможность поставить народное просвещение на надлежащую высоту. Степная школа будет преобразована, пока еще никакого проекта о систематической школьной сети в степи не создано, но разговоры о ней уже носят. Предполагается воспользоваться указаниями новейшей педагогической науки и прежде всего создать в степи ряд учительских семинарий для подготовки народных учителей.

В будущем казахи мечтают завершить свои знания университетом, которой должен стать центром всей казахской духовной жизни. Казахское движение ничего не заключает в себе опасного для государства. Это здоровое национальное движение. Государству никакой опасности не предвидится в том, что казахи, в пределах своего народа, займутся развитием своих творческих сил» [9, с. 416–420].

Так, проведенный нами обзор высказываний ученого-гуманиста о казахском народе позволяет нам сделать вывод о высокой роли ученого-гуманиста в формировании самосознания народа, в приобщении казахов к российской, а через неё к мировой культуре и просвещению.

Таким образом, мы представляем Г.Н. Потанина крупнейшим популяризатором казахского народа, защитником его интересов перед колониальной администрацией. Он всячески поддерживал зарождавшуюся «Молодую Казахию», радовался успехам её лидеров, а они в свою очередь отвечали «аксакалу Сибири» признательностью. Известно, что лидер национального движения «Алаш» А.Н. Бокейханов дал очень высокую оценку Григорию Николаевичу Потанину как ученому, активному общественному деятелю и другу казахского народа в статье, написанной им для газеты «Казах» в 1913 г.

К 80-летию Григория Николаевича Потанина юбилейную статью о нем написал один из видных деятелей «Алаш» Миржакып Дулатов. Стихотворные строки посвятил Г.Н. Потанину поэт и общественный деятель Ахмет Байтурсынов.

Можно представить Г.Н. Потанина живым связующим звеном между первым светским казахским интеллигентом Чоканом Валихановым и блистательной плеядой казахской интеллигенции конца XIX – начала XX века. Григорий Николаевич прожил долгую жизнь (умер в 1920 г.), хоть и полную лишений и гонений, но был воистину счастливым человеком, так как смог лицезреть плоды своей просветительской деятельности, те изменения в жизни казахского народа, о которых мечтал его друг и единомышленник Чокан [10].

Вся его жизнь была направлена во благо человека, независимо от его этнической принадлежности, вероисповедания, и именно поэтому мы его называем человеколюбом с большой буквы и гордимся, что он родился на казахстанской земле.

Список литературы

1. *Потанин Г.Н.* На притоке реки Токрау // Труды по этнографии и фольклору. – Астана: Алтын кітап, 2007. – С. 85–108.
2. *Зиновьев В.П.* Г.Н. Потанин как друг азиатских народов // Вестник Томского государственного университета. История. – № 2(14). – 2011. – С. 34–36.
3. Письма Г.Н. Потанина. Т. 3. / Сост. А.Г. Грумм-Гржимайло и др. – Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1989. – 296 с.
4. *Потанин Г.Н.* Первые лучи Востока. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. – Алма-Ата: Наука, 1968. – С. 613–618.
5. *Потанин Г.Н.* Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды: [Сборник статей]. – СПб., 1908. – С. 260–294.
6. *Потанин Г.Н.* Новый курс в деле инородческой школы // Сибирская жизнь. – № 73. – 1915.

7. *Потанин Г.Н.* В юрте последнего киргизского царевича (из поездки в Кокчетавский уезд) // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. – Алма-Ата: Наука, 1985. – С. 314–315.

8. *Потанин Г.Н.* Поездка по Восточному Тарбагатаю летом 1864 года Карла Струве и Григория Потанина // Потанин Г.Н. Исследования и материалы. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – С. 99–159.

9. *Потанин Г.Н.* Киргизы после переворота // Потанин Г.Н. Избранные соч. в трех томах. Т. 2. – Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2005.

10. *Рахимов Е.К.* Муса Шорманов и Григорий Потанин: дружба во имя науки. // Омский научный вестник. – №7(43). – 2006. – С. 5–8.

Summary

Rakhimov Y. The Role of G.N. Potanin in the Formation of Self-Consciousness of the Kazakh People

Grigory Nikolaevich Potanin is an outstanding orientalist, folklorist, ethnographer, historian, traveler and public figure who made a huge contribution to the scientific study of Kazakhstan, Siberia and Central Asia. The report attempts to comprehend the role of G.N. Potanin in the formation of the national identity of the Kazakhs in the second half of the 19th - early 20th centuries. This goal is achieved by analyzing his statements about the Kazakh people in different periods of life. In the end, we come to the logical conclusion that G.N. Potanin, as a humanist thinker, contributed to the awakening of the «Young Kazakhia», had a significant impact on the formation of the self-consciousness of the Kazakh people.

Keywords: G.N. Potanin, national self-consciousness, history of Kazakhstan, social thought, Kazakh intelligentsia.

РОССИЯ И БУДДИЙСКИЙ МИР: МЕСТО БУДДИЙСКОЙ ТЕМАТИКИ В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)¹

Уланов М.С.

*Доктор философских наук, профессор
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова
г. Элиста, Российская Федерация
ulanov1974@mail.ru*

Аннотация. Исследование посвящено месту буддийской тематики в русской общественно-философской мысли конца XIX – начала XX века. Отмечается, что, несмотря на длительное существование буддийской культурной традиции в социокультурном пространстве России, активный интерес к данной религии в русской общественно-философской мысли появляется только на рубеже XIX–XX веков. Интерес к Востоку и буддизму во многом был обусловлен влиянием западной культуры, где в этот период происходил кризис рационализма, усиливались космополитические и мистические тенденции. Буддизм нашел значительное отражение в русской общественно-философской мысли конца XIX – начала XX века, в которой можно выделить три основных направления: религиозно-философское, эзотерическое и космизм. Представители первого направления оценивали буддизм достаточно критично, хотя и видели в нем положительные моменты. Исключением здесь был Л.Н. Толстой, который оценивал буддизм преимущественно позитивно. Таким же положительным было отношение к буддизму и у представителей эзотерического направления, а также русского космизма.

Ключевые слова: Россия, буддизм, буддийский мир, русская философия, русская общественно-философская мысль.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления роли межконфессионального и межкультурного диалога в духовно-нравственном развитии общества и выявления факторов, способствующих межконфессиональному диалогу. Изучение истории исследования и осмысления буддизма в трудах русских мыслителей дает возможность составления более полной картины развития межкультурного диалога в евразийском пространстве.

Следует отметить, что, несмотря на длительное существование буддийской культурной традиции в социокультурном пространстве России, активный интерес к данной религии в русской общественно-философской мысли появляется только на рубеже XIX–XX веков. Интерес к Востоку и буддизму во многом был обусловлен влиянием западной культуры, где в этот период

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18-00118 «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения», <https://rscf.ru/project/19-18-00118/>).

происходил кризис рационализма, усиливались космополитические и мистические тенденции. Запад начинал преодолевать прежние культурные установки, связанные с христианоцентризмом и европоцентризмом. Происходило своеобразное открытие восточных культур и религий, а такие известные мыслители как Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, Э. Гартман стали воспринимать буддийскую философию не как нечто архаичное или реликтовое, а как живую и актуальную философскую традицию.

Еще одной причиной усиления интереса к буддизму стал подъем мистических настроений в русском обществе. Ощущение надвигающейся социально-политической катастрофы, несомненно, способствовало росту мистицизма среди интеллигенции. В этот период получают широкое распространение теософия и антропософия, которые черпали свои идеи не только в западной мистической традиции, но и в восточных учениях. Мистицизм нашел свое отражение не только в философии, но и в литературе, искусстве Серебряного века.

Интерес к религиям Востока не мог возникнуть без успешного развития востоковедения в России. В этот период получили развитие такие его отрасли как индология, монголоведение, тибетология и т. д. Благодаря российским ученым (А.М. Позднеев, Г.Ц. Цыбиков, П.К. Козлов и др.) мировая наука обогатилась знаниями о буддийской культуре Тибета и Монголии. Наряду с полевыми исследованиями формировалась и академическая традиция буддологии. Такие выдающиеся исследователи, как И.П. Минаев, В.П. Васильев, С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатской, О.О. Розенберг внесли значительный вклад не только в отечественную, но и мировую науку. В результате в России сформировалась авторитетная буддологическая школа.

В это период буддийский мир начинает занимать значительное место в геополитической доктрине Российской империи. Значимую роль в этом процессе играли такие общественные деятели, как Э.Э. Ухтомский и П.А. Бадмаев, которые призывали к сближению России с Востоком, прежде всего, буддийским. Так, П. Бадмаев активно продвигал в правительственных кругах масштабный проект добровольного присоединения к Российской империи «монголо-тибето-китайского Востока» [1].

Наряду с данной восточно-ориентированной тенденцией, в России существовала и другая, противоположная точка зрения, наиболее ярко сформулированная В.С. Соловьевым в работе «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» [2], которая также призывала больше внимания обращать на Восток, но не для того, чтобы сотрудничать с ним, а, наоборот, быть готовыми к «желтой угрозе», или «желтой опасности». По мнению Соловьева, возможный союз Китая и Японии мог стать геополитической катастрофой для западного мира и России. Идея «желтой угрозы» приобрела наибольшую популярность в период войны с Японией, когда стали говорить о новом нашествии азиатских орд из глубин Азии.

Естественно, что подобные настроения способствовали усилению интереса к религиям Восточной Азии, в частности, к буддизму.

Важное место в истории русской философской мысли занимает религиозная философия, расцвет которой пришелся на период конца XIX – начала XX столетий. Русская религиозная философия возникла в качестве своеобразной альтернативы светской западной философии с ее культом рационализма и науки. При этом источником русской религиозной философии было православное богословие, а основным объектом рефлексии тема взаимодействия Бога и человека. Вместе с тем религиозные мыслители значительное внимание уделяли осмыслению других религий, в том числе и буддизма.

Известно, что у истоков русской религиозной философии стоял В.С. Соловьев, в творчестве которого буддийская тематика занимает значительное место. Как уже отмечалось, Соловьев обращал особое внимание на так называемую «желтую угрозу» со стороны стран конфуцианско-буддийского Востока. Соловьев видел опасность проникновения буддизма в западную культуру в лице популярной тогда теософии, которую он считал необуддизмом. Теософия, по его мнению, представляет собой попытку адаптации буддийских идей для западного общества, которое не может больше удовлетворяться христианством. Распространение теософии в Европе и Северной Америке, таким образом, является отражением наступательного движения буддизма на Запад. При этом сама теософия является только предтечей этого глобального цивилизационного процесса [3, с. 396]. Несмотря на то, что называть теософию необуддизмом достаточно сложно, Соловьеву все же удалось предугадать последующее распространение буддизма на Западе, которое А. Тойнби назвал «одной из величайших коллизий XIX века».

Несмотря на настороженное отношение к Восточной Азии и теософскому движению на Западе, Соловьев достаточно позитивно оценивал роль буддизма в мировом историко-культурном процессе. Буддизм, подчеркивает он, представляет собой первое в истории пробуждение человеческого духа, который ощутил свою универсальность, бесконечность и свободу воли. Такого рода пробуждение имело конкретно-историческое последствие и нашло свое воплощение в первой в истории человечества универсальной организации – монашеской общине, вступление в которую было возможно независимо от этнической или сословно-кастовой принадлежности [4, с.310]. Всемирно-историческое значение буддизма, по мнению Соловьева, заключается в том, что личность впервые стала цениться не из-за принадлежности к определенному сословию, касте или роду, а как существо, способное к духовному пробуждению, как носитель высшего духа [4, с.314].

В то же время буддизм, пишет Соловьев, отрицая несовершенное бытие, не в силах удовлетворить требования полноты жизни и совершенства. Только дух христианства, по его мнению, заключает в себе идеал полностью совершенных людей и общества [4, с.325].

В целом вслед за Гегелем Соловьев попытался дать картину процесса развития человеческого духа, в котором буддизм занимал первую, начальную

ступень, связанную с осознанием духовного равенства всех людей.

К буддийской тематике обращались и другие представители русской религиозной философии, в частности, С.Н. Булгаков. С.Н. Булгаков затрагивал данную тематику в книге «Свет невечерний: Созерцания и умозрения». Здесь он пишет о буддизме в контексте размышления о роли Бога в религии. По его мнению, религии без Бога (понимаемом в самом широком смысле) или безбожной религии не существует. Так, протонародный буддизм, пишет он, отличается от классического варианта тем, что в нем присутствуют сильные элементы политеизма или многобожия. При этом понятие «нирвана» в буддизме имеет положительное значение и не носит смысл полного отрицания всего. Нирвана представляет собой подлинное бытие и равноценна божественному бытию [5, с.21]. В труде «От марксизма к идеализму» Булгаков называет буддизм одной из форм аскетизма наряду с философскими системами Л. Толстого и А. Шопенгауэра. По его мнению, аскетизм антиисторичен, поскольку отрицает социально-экономическое развитие, предлагая человеку только один выбор – индивидуальное спасение души [6, с.238–240]. Естественно, что такое определение буддизма достаточно спорно, поскольку здесь отрицаются крайности гедонизма и аскетизма. Умеренный аскетизм в буддизме, конечно, присутствует, но касается он, прежде всего, монашества, которое существует и в христианской религии, где также существует большое количество аскетических практик.

В целом отношение к буддизму в русской религиозной философии было двойственным. С одной стороны, русские религиозные философы нередко критиковали буддизм, противопоставляя его христианству и отдавая предпочтение последнему. С другой стороны, они видели в данной религии и положительные качества. В рамках данного направления в русской философии можно выделить два подхода: представители первого однозначно негативно оценивали буддизм (П.А. Флоренский, С.Л. Франк, Н.О. Лосский), в рамках же второго, либерального, подхода в буддизме усматривались и позитивные черты (В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев)

Труды данных мыслителей, как правило, основывались на подходах и методологии, разработанных в рамках христианской теологии, и были христианоцентричны. В силу этого они интересны нам тем, что представляют буддийскую религию в интерпретации представителей христианской культурно-конфессиональной традиции. Конечно, такой подход имел отрицательные стороны, поскольку страдал субъективностью и априори ставил буддизм в невыгодное положение. В то же время, несмотря на определенную пристрастность и необъективность этих исследований, они внесли некоторый вклад в становление сравнительного религиоведения, заложив определенный фундамент для дальнейшего межкультурного, межкультурного и межкультурного диалога.

Особняком стоит фигура Л.Н. Толстого, который будучи оригинальным религиозным философом, достаточно положительно оценивал буддийскую

религию. В буддизме ему симпатизировало главным образом нравственное учение, которое, по его мнению, было значительно меньше, чем христианство подвержено теологией, обрядоверием и мистицизмом. В результате интереса великого русского писателя к буддизму появился его небольшой очерк «Сиддарта, прозванный Буддой, то есть святым. Жизнь и учение его». Здесь можно обнаружить уважительное отношение автора к личности Будды и его учению. «В этой-то земле и среди этого народа, – пишет мыслитель, – и родился без малого за 2500 лет тому назад, за 600 лет до Р. Х. Святой Сиддарта Будда; и от него пошла великая буддийская вера, в которую верует теперь третья часть всех людей на свете, более четырехсот миллионов человек» [7, с. 42].

В другом очерке, посвященном жизни Будды, и включенном в сборник «Круг чтения», он практически не высказывает свое мнение о буддизме и не делает выводов, предпочитая пересказывать известные моменты из биографии великого индийского мыслителя. В то же время, говоря о Четвертой благородной истине буддизма, писатель ведет речь не о Восьмеричном благородном пути, а о четырех добродетельных делах: «первое – пробуждение сердца, второе – очищение мыслей, третье – освобождение себя от недоброжелательства и раздражительности, четвертое – пробуждение в себе любви не только к людям, но и ко всему живому» [8, с.89]. Таким образом, русский мыслитель подходил к осмыслению данной религии творчески, пытаясь выделить в буддизме те аспекты, которые были близки его мировоззрению.

Кроме очерков о жизни Будды Л. Толстой написал целый ряд сказок, в которых вольно пересказан сюжет разных буддийских притч. Это, в частности, такие сказки, как «Карма», «Два купца», «Голова и хвост змеи», «Ноша» и т. д.

Особо можно отметить притчу «Карма». В предисловии к ней Л. Толстой пишет: «Сказочка эта очень понравилась мне и своей наивностью, и своей глубиной. Особенно хорошо в ней разъяснение той, часто с разных сторон в последнее время затемняемой истины, что избавление от зла и приобретение блага добывается только своим усилием, что нет и не может быть такого приспособления, посредством которого, помимо своего личного усилия, достигалось бы свое или общее благо» [9, с.268]. В примечании к данной сказке писатель уточняет, что «карма есть буддийское верование, состоящее в том, что не только склад характера каждого человека, но и вся судьба в этой жизни есть следствие его поступков в предшествующей жизни, и что добро или зло нашей будущей жизни точно так же будет зависеть от тех наших усилий избежать зла и совершения добра, которые мы сделали в этой» [9, с.268].

Значительную роль в осмыслении буддизма сыграли представители эзотерической философии. Представители данного направления достаточно позитивно оценивали буддийскую культуру и даже стремились сделать ее идеи популярными в России и на Западе. Одной из первых в России к духовному наследию буддизма обратилась Е.П. Блаватская, которая познакомилась с этой религиозной традицией еще в детстве, посредством калмыков, когда ее дедушка был губернатором в Астрахани. Блаватская считала, что все религии

мира возникли из одного духовного корня, который берет свое начало в Древней Индии, отсюда и ее интерес к буддизму.

В силу того, что в учении Блаватской можно обнаружить значительное количество индубуддийских терминов и идей, теософию нередко называли необуддизмом. Однако сама Блаватская отрицательно относилась к такому сравнению, отмечая, что теософия представляет собой сущность всех религий. При этом она указывала на близость этики буддизма и теософии. Буддийское учение нравственности, отмечала она, является сущностью теософии. Буддийская этика долгое время была уделом небольшого количества посвященных лиц, и только Будда решился открыть ее широкому кругу лиц, сделав достоянием всего человечества. Кроме того, буддийская традиция, отмечает Блаватская, в отличие от многих других религий никогда не придавала обрядам и догматам первостепенного значения, что, несомненно, сближает буддизм с теософией [10, с.19]. В целом Блаватская достаточно положительно оценивала буддизм, указывая, что данная «религия является единственной абсолютно бескровной среди всех существующих: терпимая и свободная, учащая всеобщему состраданию и милосердию, любви и самопожертвованию, бедности и удовлетворенности своей судьбой, какой бы она ни была...» [10, с.19].

Определенный вклад Блаватская внесла и в сравнительное религиоведение, сравнивая буддизм с индуизмом и христианством. Она отмечала духовное родство и близость основных религий мира, которые в силу конкретно-исторических условий имеют разные метафизические доктрины. Кроме того, духовное родство всех основных религий мира основывается на том, что все духовные Учителя человечества связаны с одной сакральной страной – Шамбалой, из которой в этот мир периодически приходят Миссии и пророки.

В целом, учение Блаватской сложно назвать буддизмом или даже необуддизмом, поскольку оно имеет синкретический характер и берет свое начало не только в религиях Востока, но и в западной мистической традиции. В то же время нельзя не отметить, что теософия Блаватской вобрала в себя ряд идей и концепций буддизма (идеи кармы, перевоплощения, Шамбалы и т. д.), а сама она способствовала росту интереса к древней буддийской традиции. Следует учитывать и тот факт, что теософия начала формироваться еще в середине XIX века, когда буддология была развита слабо, в силу чего в трудах Блаватской можно найти целый ряд фактических ошибок и неточностей. В то же время труды Блаватской и ее сподвижников по теософскому движению способствовали популяризации буддизма на Западе, преодолению европоцентризма и христианоцентризма в общественной мысли.

К эзотерическому направлению в русской общественно-философской мысли можно отнести и творчество Н.К. Рериха, который вместе со своей семьей стремился открыть для западного мира и России духовный мир индубуддийского Востока. Само духовное наследие семьи Рерихов показало не только важность диалога восточных и западных культур, но и возможность их

взаимообогащения.

И хотя Н.К. Рерих известен, прежде всего, как великий художник, его литературное наследие, позволяет говорить о нем как об оригинальном мыслителе, а многие его картины носят философский характер. Так, в ходе центральноазиатской экспедиции 1925–1928 годов Н.К. Рерихом была создана серия картин (1924–1925 гг.), которая называлась «Знамена Востока» и включала 19 работ. Данная серия считается наиболее масштабной и цельной из всех серий его картин. В ней художник попытался изобразить великих Учителей человечества, которые в разные периоды истории человечества открывали вечные истины и содействовали духовной эволюции общества. Среди этих картин выделяются работы на буддийскую тематику: «Будда Победитель», «Нагарджуна – победитель Змия», «Падма Самбхава», «Миларепа услышавший», «Цзон Ка-па», «Саракха – благая стрела», «Ойрот – Вестник Белого Бурхана», «Дордже дерзнувший». По замыслу Рериха, данные работы должны были прославить Учителей, которые внесли значительный вклад в мировую духовную культуру. Несмотря на то, что они жили в разное время и даже в разных регионах Азии, художник подчеркивает их духовное единство и самоотверженную работу во благо всего мира.

Образу Будды будущего – Майтреи – и связанной с ним тематике Рерих посвятил серию картин, которую он создал в ходе Гималайской экспедиции. Данная серия имеет два названия «Майтрейя» и «Красный всадник». Как отмечает Д.В. Дорохин, «серия картин «Майтрейя» – знамение Новой Эпохи. Она раскрывает необходимость самоотверженного труда на Общее Благо, необходимость преодоления старого, т. е. того, что характеризует уходящую эпоху с её бесконечными войнами, и необходимость принятия Нового, т. е. того, что будет способствовать всеобщему процветанию на нашей планете» [11, с. 348].

Интерес к буддизму проявляла и Е.И. Рерих – супруга великого русского художника. Ее перу принадлежит книга «Основы буддизма», в которой автор попыталась презентовать буддизм как прогрессивное и актуальное учение, провозглашающее идею эволюции бытия, а Будду как ученого и реформатора общественной жизни. Буддизм, по ее мнению, провозглашает идеалы любви, знания, труда и достоинства человека, который ценен вне зависимости от классовой, этнической или любой другой принадлежности [12, с.3]. Фактически Е.И. Рерих утверждает, что учение Будды было не столько религией в обычном понимании, сколько социально-этическим учением, близким науке. Вероятно, что данная книга была написана по просьбе деятелей буддийского обновленческого движения или под влиянием его идеологии, что хорошо заметно из ее содержания.

Еще одним направлением русской общественной мысли, представители которого обращались к буддийской тематике, был космизм. Так, влияние индийской культуры и религии, мировоззренческих традиций Индии на В.И. Вернадского было достаточно значительным. Культура, религия и философия этой загадочной древней страны наводили ученого на идеи,

связанные с новейшим космическим мировоззрением, с формированием принципиально новой для Запада системы познания мира. «Я являюсь, – писал Вернадский, – старым поклонником Индийского мира и его большого выдвижения, и я думаю, что вступление индийских мыслителей и ученых в научную работу человечества, которая идет в последние десятилетия, расширяет ограниченное мышление Запада (и Востока), обогащая достижения европейско-азиатской жизни» [цит. по: 13, с. 135].

В книге В.А. Росова «В.И. Вернадский и русские востоковеды» рассказывается о связях русского ученого с известными отечественными индологами и буддологами С.Ф. Ольденбургом и Ф.И. Щербатским. С последним Вернадский регулярно переписывался, консультируясь по философским вопросам. Общение со Щербатским, который, как известно, был буддологом с мировым признанием, раскрыло для мыслителя большие возможности в познании буддийской философии и культуры и, вероятно, оказало значительное влияние на мировоззрение Вернадского [13, с. 46].

В творчестве К.Э. Циолковского также можно найти влияние буддийской философии. Создавая собственную философию, он нередко обращался к идеям восточной философии, к древним сакральным знаниям восточных культур. При этом наибольший интерес у него вызывала индийская философия, главным образом буддизм. Именно из буддизма основатель космонавтики заимствовал несколько ключевых понятий и идей, без которых его космическая философия была бы неполной.

В частности, Циолковского интересовал закон кармы, который можно назвать законом причинно-следственных связей. В работе «Космическая философия» он пишет, что «в будущей жизни неверные шаги настоящей жизни сказываются отдалением совершенства, царства истины, замедлением прогресса, остановкой его, даже движением вспять к первобытному или животному состоянию» [14, с. 26]. В труде «Гений среди людей» мыслитель также продолжает данную тему: «Наша воля, наши поступки – настоящие и будущие – результат давно прошедших времен. А эти родились от времен еще более ранних» [15, с. 226].

Другой индобуддийской идеей, которой интересовался Циолковский, является учение о реинкарнации, которое тесно связано с понятием «карма». Принцип реинкарнации, согласно мыслителю, составляет базис космической эволюции человечества и без учения о перевоплощении данная эволюция фактически теряет смысл. В труде «Гений среди людей» есть следующий отрывок, посвященный реинкарнации человечества: «Что же последует за вторым рождением? Третье, четвертое и так без конца, и все в новой форме... Оживление, как и смерть, повторяется без конца» [15, с.254-255].

Интересовала Циолковского и идея нирваны. Одна из его брошюр даже называется «Нирвана» [16] и посвящена проблеме избавления человечества от страданий. Циолковский, будучи не только ученым, но и мыслителем-гуманистом, стремился найти способ избавления людей от страданий жизни.

Он полагал, что состояние великого счастья и блаженства, которое можно назвать нирваной, возможно уже существует в бесконечном космосе. В то же время нирвана в представлении Циолковского более рационалистична и социальна, чем в буддизме. «Пусть же хоть через тысячелетия, – писал мыслитель, – придет нирвана, но нирвана могучая, царственная, богатая добрыми плодами; и да стоит она на страже нашей планеты, не давая возродиться мукам ни на поверхности земли, ни в глубине морской, ни в воздухе» [16, с.26]. Фактически, традиционное буддийское учение о нирване в философии Циолковского было преобразовано в доктрину о совершенной личности, познавшей мир и его законы, а также освободившейся от негативных состояний сознания, которая обрела способность деятельно переустраивать мир, избавляя людей от страданий земного бытия.

В целом можно отметить, что буддизм нашел значительное отражение в русской общественно-философской мысли конца XIX – начала XX века, в которой можно выделить три основных направления: религиозно-философское, эзотерическое и космизм. Представители первого направления оценивали буддизм достаточно критично, хотя и видели в нем положительные моменты. Исключением здесь был Л.Н. Толстой, который оценивал буддизм преимущественно позитивно. Таким же положительным было отношение к буддизму и у представителей эзотерического направления, а также русского космизма.

Список литературы

1. *Лукоянов И.В.* Восточная политика России и П.А. Бадмаев // Цифровая библиотека Казахстана (BIBLIO.KZ). [Электронный ресурс]. URL: <https://biblio.kz/m/articles/view/Восточная-политика-России-и-П-А-Бадмаев>
2. *Соловьев В.С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Сочинения в 2 т. Т.2. – М.: Мысль, 1988. – С.635–762.
3. *Соловьев В.С.* Заметки о Е.П. Блаватской / Собр. соч. в 10 т. Т.6. 2-е изд. – СПб: Просвещение, 1911–1914. – С.394–400.
4. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия / Сочинения в 2 т. Т.1. – М.: Мысль, 1988. – С.47–548.
5. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний. Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
6. *Булгаков С.Н.* Труды по социологии и теологии. В 2 т. Т.1. – М.: Наука, 1997. – 335 с.
7. *Толстой Л.Н.* Сиддарта, прозванный Буддой, то есть Святым. Жизнь и учение его // Буддизм. – 1992. – №1. – С.42–43.
8. *Толстой Л.Н.* Круг чтения: Избр., собр. и располож. на каждый день Л. Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении. Т.1. – М.: Политиздат, 1991. – 477 с.
9. *Толстой Л.Н.* Карма / Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 т. Т.12. – М.: Художественная литература, 1982. – С.268–277.

10. *Блаватская Е.П.* Теософский словарь. – М.: Сфера, 1994. – 573 с.
11. *Дорохин Д.В.* Маршрут экспедиции в картинах Н.К. Рериха / Творческое наследие Рерихов – врата в будущее. – Иркутск: Репроцентр А, 2016. – С. 344–349.
12. *Рерих Е.И.* Основы буддизма. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. – 80 с.
13. *Росов В.А. В.И. Вернадский и русские востоковеды.* – СПб.: Сердце, 1993. – 144 с.
14. *Циолковский К.Э.* Космическая философия. – М.: УРСС, 2001. – 478 с.
15. *Циолковский К.Э.* Гений среди людей. – М.: Мысль, 2002. – 542 с.
16. *Циолковский К.Э.* Нирвана. – Калуга: тип. С. А. Семенова, 1914. – 16 с.

Summary

Ulanov M.S. Russia and the Buddhist World: the Place of Buddhist Themes in Russian Socio-Philosophical Thought (late XIX – early XX century)

The study is devoted to the place of Buddhist themes in Russian socio-philosophical thought of the late 19th - early 20th centuries. It is noted that, despite the long existence of the Buddhist cultural tradition in the socio-cultural space of Russia, an active interest in this religion in Russian socio-philosophical thought appears only at the turn of the 19th-20th centuries. Interest in the East and Buddhism was largely due to the influence of Western culture, where a crisis of rationalism took place during this period, and cosmopolitan and mystical tendencies intensified. Buddhism found a significant reflection in Russian socio-philosophical thought of the late 19th - early 20th centuries, in which three main directions can be distinguished: religious-philosophical, esoteric and cosmism. Representatives of the first direction assessed Buddhism quite critically, although they saw positive aspects in it. The exception here was L.N. Tolstoy, who evaluated Buddhism mostly positively. The attitude towards Buddhism was just as positive among representatives of the esoteric trend, as well as Russian cosmism.

Keywords: Russia, Buddhism, Buddhist world, Russian philosophy, Russian socio-philosophical thought.

ВКЛАД Г. Н. ПОТАНИНА В КОНЦЕПТЫ ЕВРАЗИЙСТВА

Шиловский М. В.

*Доктор исторических наук, профессор
Новосибирский государственный исследовательский
университет, Институт истории СО РАН
г. Новосибирск, Россия*

Аннотация. Анализируются взгляды Г. Н. Потанина на социокультурные особенности взаимовлияния народов Европы и Азии в пространственно-цивилизационной системе координат Центральная Азия – Сибирь. Его выводы предвосхитили идеи евразийцев 1920-х гг. Значимые компоненты взглядов лидера областников по этой проблеме логично вписались в сибирский контекст отечественной общественной мысли второй половины XIX – начала XX в. По мнению ученого, славянский, тюркский и сибирский компоненты взаимодополняли и обогащали друг друга. Подтверждение своим гипотезам Потанин находил в ходе экспедиций, обследовавших малоизученные районы Монголии, Северного Китая, Тувы, Алтая.

Ключевые слова: евразийство, Г. Н. Потанин, Центральная Азия, Сибирь, экспедиции.

В основу моего исследования положена задача обозначить основные концепты взаимовлияния народов Европы и Азии, в которых Центральная Азия являлась буферной зоной, а Сибирь выполняла функции канала воздействия на населяющие ее народы, в научном наследии Г. Н. Потанина (1835–1920). Он прожил долгую, яркую и трудную жизнь, жизнь ученого и общественного деятеля, в плане научных интересов связанную с комплексным изучением Южной Сибири и Центральной Азии. Григорий Николаевич родился на казахской земле недалеко от города Павлодара, в детские годы воспринял традиции, обиход повседневной жизни, язык казахов. В последующем служил в казачьих частях в Семипалатинске, командовал сотней в предгорьях Алтая, участвовал в закладке укрепления Верного (Алма-Аты). В 1853 г. впервые побывал за границей в китайском городе Кульдже (Инин). Совершил четыре длительных экспедиции в Монголию, Китай, Туву (1876–1877, 1879, 1884–1886, 1892–1893 гг.), экскурсию в 1899 г. на Большой Хинган; в 1902–1915 гг. регулярно летом выезжал в Горный Алтай. Не забыл мой герой и малую родину. Дважды: в 1895 и 1913 гг., ездил в Кокчетавский и Каркаралинский уезды, где побывал на родине друга и однокашника по Омскому кадетскому корпусу Ч.Ч.Валиханова.

Общую оценку вклада ученого в науку, на мой взгляд, исчерпывающе определили А.М. Сагалаев и В.М. Крюков: «Содеянное Потаниным не сводится лишь к простой сумме разнообразных занятий и увлечений. Географ, ботаник, историк, литератор суть частные проявления его неистощимого интереса к жизни, вольному течению и скрытой целесообразности которой он доверяет

вполне. Отсюда интерес Потанина к синтезу, его желание найти и понять связи общества и природы, Востока и Запада, прошлого и будущего» [1, с. 221].

Концептуальную основу многочисленных работ Потанина составляло представление относительно определяющего влияния природно-климатических факторов на развитие отдельных народов, а также положение о едином источнике эпического наследия Европы и Центральной Азии. Находясь в верховьях Иртыша на китайской территории в марте 1877 г., он замечает: «Да, эта местность, где мы живем, настоящая родина человечества. Здесь возник первый культ... Реки здешние представлялись первым людям материнскими лоном, отцов они видели в горных вершинах. Рай Адама и Евы, я теперь уверен, находился в верховьях Иртыша, на берегах которого я родился» [2, с. 91]. Даже в основе евангелического сказания о Христе, по его мнению, «лежит центрально-азиатская шаманская легенда» [3, с. 121], а «христианство возникло в южной Сибири или Северной Монголии» [2, с. 166].

Как отмечалось выше, объектом научных интересов Григория Николаевича являлись Южная Сибирь и Центральная Азия, а в ней Монголия. Во второй половине XIX в. – начале XX в. в центральноазиатский регион исследовали более десятка российских экспедиций (М. В. Певцов, Н. М. Пржевальский, П. К. Козлов, В. И. Роборовский и т. д.). Среди их руководителей преобладали военные, которые изучали регион в качестве потенциального театра военных действий. Специфика экспедиций Потанина заключалась в их направленности. Фиксируя мельчайшие детали окружающей обстановки по маршруту движения, он собирал преимущественно материалы, касающиеся жизнедеятельности народов Центральной Азии. Эту особенность подметил В. А. Обручев: «Для Потанина страны Центральной Азии являлись своеобразным музеем, в котором хранились памятники материальной и духовной культуры народов, частью уже исчезнувших, и в котором можно собрать богатые материалы по народному эпосу и этнографии вообще. Умение располагать к себе население страны и заслужить его доверие очень способствовали успеху работ Потанина» [4, с. 185]. Сам же Григорий Николаевич в изложении А. А. Ермекова распределял коллег на три группы: «Первые стремятся расширить границы государства, вторые заняты природой, третьи проявляют интерес к жизни народа. К последним я отношу себя...» [5, с. 26].

Предпочтение фольклору и этнографическим изысканиям отчетливо проявилось в истории с обнаружением в верховьях Орхона развалин столицы государства Чингизидов Каракорума (Хара-Хорина) экспедицией Н. М. Ядринцева в 1889 г. Именно Потанин «подарил» другу и единомышленнику открытие мирового значения, снабдив его точными сведениями о местонахождении древней монгольской столицы, позволившими найти не только развалины, но и каменные стелы с параллельными текстами на древнетюркском и китайском языках, что позволило впоследствии дешифровать их [6].

Помимо сбора и обработки экспедиционных материалов Потанин в ряде фундаментальных исследований «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе», «Сага о Соломоне», «Ерке. Культ Сына Неба в Северной Азии» сформулировал гипотезу о механизме межэтнических «культурных взаимовлияний между Западной Европой и Центральной Монголией, между Севером Сибири и Передней Азией» [7, с. 115]. В этом плане он, наряду с А. П. Щаповым, К. Н. Леонтьевым, В. И. Ламанским, К. Риттером, стоял у истоков евразийской концепции взаимовлияния народов Европы и Азии, российско-славянского и коренных этносов Сибири. К ним следует добавить французского географа Ж. Реклю, озвучившего идею синтеза этнографии и географии, разработавшего методы и исследовательский инструментарий антропогеографии.

Потанин, по мнению М. К. Азадовского, «пошел гораздо дальше своих предшественников и распространил гипотезу о восточном влиянии на западный эпос» [8, с. 17]. В обширной интеллектуальной панораме, включающей славянский, тюркский, европейский и сибирский контексты, ученый рассматривал Сибирь как своеобразный канал взаимовоздействия Азии и Европы. В этом он видел важную роль сибиряков, которым «суждено в истории мира водрузить великую европейскую цивилизацию среди новых племен» [9].

Таким образом, Г. Н. Потанин последовательно начал изучение взаимовлияния западных и азиатских народов, происходившего на просторах Центральной Азии, предопределив наработки евразийцев 1920-х гг., сформулированных в статьях П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Г. В. Флоровского, Н. С. Трубецкого в сборнике «Исход к Востоку» (1921). Он выделил Сибирь и прилегающие территории Центральной Азии в отдельный мегарегион, сыгравший особую роль в истории цивилизации, прародину евроазиатских народов и эпицентр развития их культуры.

Список литературы

1. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин: Опыт осмысления личности. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1991. – 232 с.
2. Письма Г.Н. Потанина. Т.3. – Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1989. – 296 с.
3. Письма Г. Н. Потанина. Т. 4. – Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990. – 425 с.
4. Обручев В.А. Путешествия Г. Н. Потанина. М.: «Молодая гвардия», 1953. – 190 с.
5. Попов Ю. Выпускник Томского технологического // Сибирская старина (Томск). – 1993. – № 2. – С. 26–27.
6. Шиловский М.В. К вопросу об открытии Каракорума // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. – Вып. 2. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. – С. 11–14.

7. *Пелих Г.И.* Историческая концепция Г. Н. Потанина. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2006. – 166 с.

8. *Азадовский М.К.* Пути этнографического изучения Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. – Иркутск, 1926. – 72 с.

9. *Потанин Г.Н.* Климат и люди Сибири // Томские губернские ведомости». – 1865. – 26 марта.

Summary

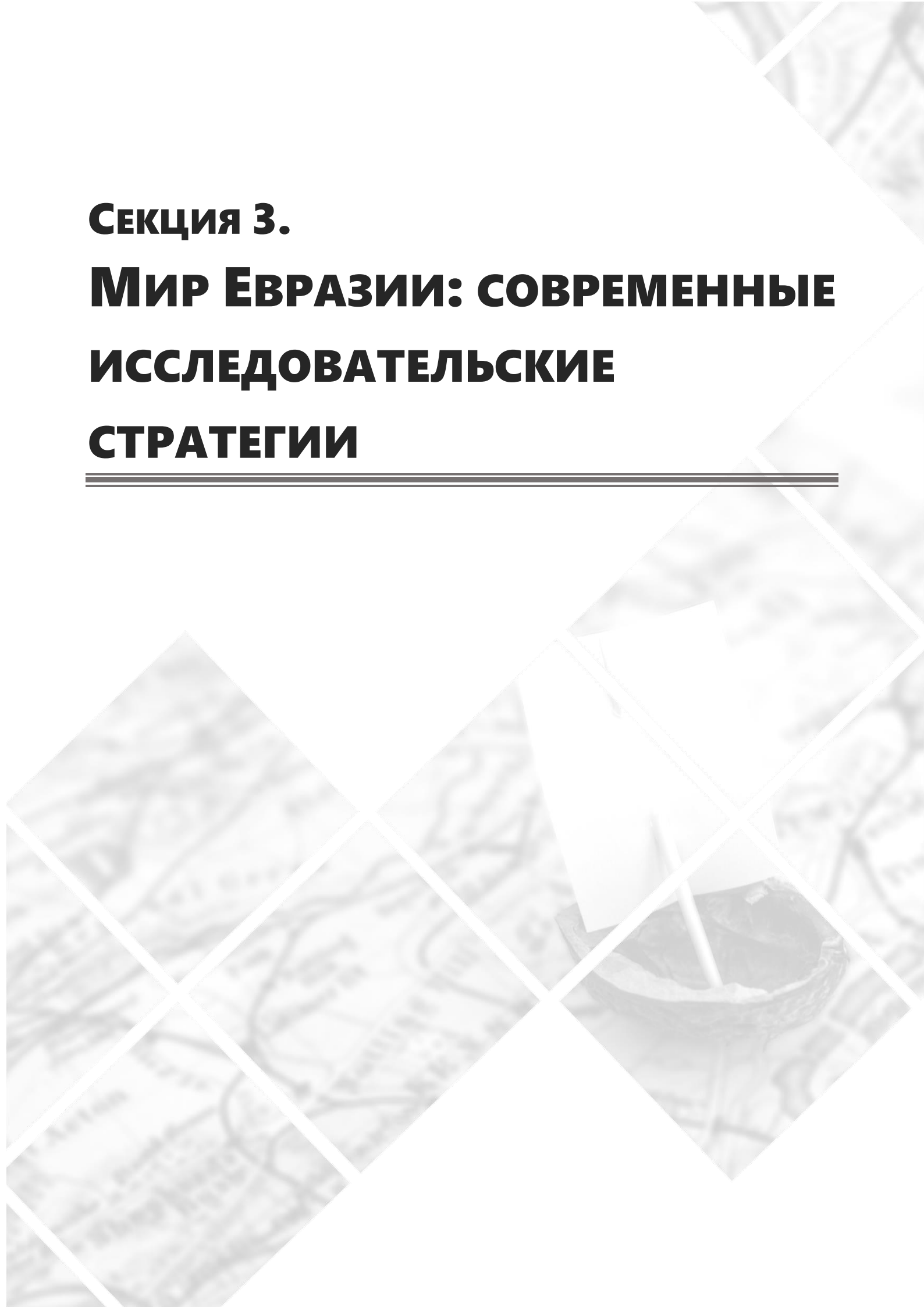
Shilovskiy M.V. G.N. Potanin's Contribution to the Concepts of Eurasianism

The article analyzes G.N. Potanin's views on sociocultural aspects of mutual influences of Asians and Europeans in the context of Central Asia-Siberia as a spatial and civilization coordinate system. His views anticipated the ideas of Eurasianists of the 1920s. Significant components of the views on this problem expressed by the leader of Siberian regionalists became a logical part of the Russian social thought in the Siberian context. The scholar believed that Slavic, Turkic and Siberian components complemented and enriched each other. Potanin's hypotheses were confirmed during his expeditions exploring the poorly studied regions of Mongolia, Northern China, Tuva, Altai.

Keywords: Eurasianism, G.N. Potanin, Central Asia, Siberia, expeditions.

СЕКЦИЯ 3.

**МИР ЕВРАЗИИ: СОВРЕМЕННЫЕ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
СТРАТЕГИИ**

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЕВРАЗИИ¹

Аязбекова С.Ш.

*Доктор философских наук, профессор
Казахстанский филиал МГУ имени М. В. Ломоносова
г. Астана, Казахстан
ayazbekova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена роли интеллигенции в межкультурном взаимодействии Евразии. Цивилизационный и исторический подход к пониманию евразийской культуры и локальных культур Евразии обусловил внесение ряда принципиально важных коррективов в научный абрис термина «интеллигенция». В работе предпринят анализ понятия «интеллигенция» в истории науки, выявлены ее признаки в контексте мировых культурных универсалий; рассмотрены особенности интеллигенции в кочевой и оседлой цивилизациях, ее роль в формировании и развитии евразийского типа культуры; поставлена проблема индивидуального художественного стиля в деятельности творческой интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, мировые и локальные цивилизации, культурные универсалии, художественный стиль, евразийский тип культуры, культуры Евразии.

Евразия – континент, где встретились Восток и Запад, Европа и Азия. Это географическое пространство отличается беспрецедентным этническим, конфессиональным и цивилизационным разнообразием. Это континент с разностадиальными, многогранными, полисемантическими локальными культурами, с присущими каждой из них собственной историей, колоритом и миропониманием.

История Евразии изобилует примерами отчуждения, противостояния и конфронтации народов. И все же, несмотря на исторические коллизии, Евразия – это континент, где механизмы межкультурной коммуникации стали фактором формирования особого бикультурного типа – евразийской культуры, представляющей собой взаимодействие и сосуществование в рамках формирования и функционирования единой культурной системы двух генетически, типологически и территориально различных культур: европейской (или культуры отдельного народа Европы), с одной стороны, и азиатской (или культуры отдельного народа Азии) – с другой.

Важное влияние на процесс формирования евразийской культуры оказала интеллигенция. Неслучайно поэтому в период Нового и Новейшего времени, когда достижения европейской культуры получили широкое распространение в азиатской части континента, в социологии и культурологии наметилась тенденция к научному осмыслению понятия «интеллигенция» как феномена европейской культуры.

¹ Работа выполнена в рамках целевого финансирования программы BR10164111 «Культурное наследие Великой степи и культурный код казахов: цивилизационный контекст». Источник финансирования – Министерство культуры и спорта Республики Казахстан

Вместе с тем, цивилизационный и исторический подход к пониманию евразийской культуры и локальных культур Евразии предполагает необходимость внесения ряда принципиально важных корректив в научный абрис термина «интеллигенция».

I. Понятие «интеллигенция» в истории науки

Первоначально понятие «интеллигенция» происходило от латинского *intelligentia* – «понимание, познавательная сила, знание». В римской культуре этот термин приобретает оценочный смысл и интерпретируется как «хорошая степень понимания и сознания», что нашло дальнейшее отражение в трудах европейских мыслителей – Гегеля, Шеллинга, в произведениях французских авторов и многих других. Неслучайно поэтому, в европейской культуре, где этот термин получил свое дальнейшее развитие, в его смысловой основе прослеживается связь с академической западной моделью образованного класса.

Парадокс же заключается в том, что «академическое образование» стало восприниматься как явление европейской культуры, несмотря на то, что первоначально академия как организация образования со всеми ее атрибутами (кафедра, мантия, способ передачи знаний, а также сами знания) была заимствована из арабо-мусульманской цивилизации.

Академический тип образования, получивший распространение в Европе со средних веков, был принят в дальнейшем и другими странами. Так, в России эта культурно-образовательная реформа началась в русле глобальных общегосударственных реформ Петра I, стремившегося европеизировать Русь. И «первым интеллигентом» считается А.Н. Радищев – выпускник Лейпцигского университета [1, с. 69]. Считается также, что в дальнейшем именно из выпускников российских организаций образования, созданных по образцу и подобию европейских, стала формироваться интеллигенция «на российских окраинах», в т. ч. и в республиках Советского Востока. Лица, получившие профессиональное образование в Санкт-Петербурге, Москве, Омске и других городах России, являвшиеся билингвами – непременно владевшими не только родным, но и русским языком, стали называться интеллигентами. Так, «первым интеллигентом» в Казахстане считается Чокан Валиханов [2, с. 64] – выдающийся ученый, политик и просветитель, получивший академическое образование в Сибирском кадетском корпусе в Омске.

Такое представление о формировании интеллигенции сохраняется и в современных концепциях. Так, Г. Померанц считает, что «... интеллигенция... складывается в странах, где сравнительно быстро принялась европейская образованность и возник европейски образованный слой» [3]. Из этого следует, что общественная мысль при анализе понятия «интеллигенция» стоит сугубо на европоцентристских позициях, а потому потенциально не может привести к поискам универсального определения, в одинаковой мере приемлемого для всех мировых и локальных цивилизаций, культур Европы и Азии.

В социологии понятие «интеллигенция» получило широкое распространение в XIX–XX вв. Но до сих пор данное понятие имеет

смысловую неопределенность. Изменения, произошедшие в последние десятилетия в общественной жизни, а также новые данные гуманитарных наук, касающиеся древних периодов развития человечества, особенно многих восточных культур, обнаруживают семантическую размытость термина «интеллигенция». Становится очевидным, что это понятие не может быть раскрыто только в контексте европейской культуры; отошло в прошлое и понимание интеллигенции как прослойки между пролетариатом и крестьянством; и даже отдельные признаки интеллигенции – гуманизм или интеллектуальный труд – не могут в полной мере раскрыть универсальный характер данной социальной страты.

II. Универсальные признаки интеллигенции

1. *Особый социальный статус.* Во многих культурах местоположение интеллигенции находилось в верхних этажах общества и следовало сразу же за верховным правителем. Так, например, в XI веке в государственном управлении тюрков Восточного Туркестана выделяется пять высших классов, объединяющих интеллигенцию: 1) прямые потомки пророка Мухаммеда; 2) улемы (мусульманские ученые); 3) отаджы (врачи и аптекари); 4) астрологи, астрономы; 5) поэты. И только следующими по социальной значимости шли экономические классы [4].

Аналогичное местоположение интеллигенции в верхних слоях общества наблюдается практически во всех обществах, достигших уровня цивилизации. Именно поэтому управленческая элита в стабильные периоды развития государства также формируется из этой социальной страты, тогда как в случаях военных завоеваний и социальных революций основной костяк власти могут составлять военные, а также представители более низких социальных страт. В таких обществах статус интеллигенции становился достаточно низким.

Анализ развития локальных цивилизаций отчетливо выявил следующую тенденцию: периодам расцвета и социального прогресса свойственен чрезвычайно высокий социальный статус интеллигенции, позволяющий ее лучшим представителям давать советы и наставления действующим правителям, выражать (иногда в иносказательной форме) критику и недовольство населения, тогда как периоды экспансии, упадка и деградации общества характеризуются снижением социального статуса и роли интеллигенции, ее уничтожением, отторжением социальных идей и невостребованностью ее знаний.

Конечно, происхождение человека и принадлежность его к достаточно высоким слоям общества способствуют развитию интеллекта и дают преимущества для получения профессионального образования, что, в конечном счете, приводит к профессиональной деятельности, имеющей интеллектуальный характер. Тем самым статус семьи и происхождение человека могут повысить степень приобщения индивидуума к группе интеллигенции, к работникам умственного труда.

В то же время потребности общества в социальном прогрессе, художественном творчестве и техническом развитии способствуют открытости

этой социальной страты и привлекают в нее наиболее одаренных представителей других страт. Поэтому особенностью интеллигенции как социальной страты является высокий уровень социальной мобильности в процессе вхождения в нее. Достаточно вспомнить «интеллигентных пролетариев» во Франции, разночинцев в России, представителей художественного творчества (в том числе профессионалов устной традиции многих восточных культур), пополняющих интеллигенцию из выходцев других социальных страт. В особой мере это проявляется в тех государствах, где доступ к профессиональному образованию не определяется происхождением человека. Тем самым интеллигенция не может быть соотнесена с определенными классами, стратами и сословиями.

2. *Профессионализм.* Профессиональный характер интеллектуальной деятельности – еще один общепринятый признак понятия «интеллигенция». Начиная с периода неолита, специализация достигла достаточно высокого уровня, она отражала цивилизационный уровень развития общества и не только определяла общественную стратификацию, но и структурировала государственную вертикаль. Профессионализация и специализация способствовали также развитию наук (астрономии, медицины, математики, биологии и др.), разнообразных видов и жанров литературы и искусства (мифологии, музыки, живописи, танца и др.).

3. *Служение Обществу.* В науке понятие «интеллигенция» связано с вопросами служения Обществу, общественным идеалам, развитию нации. На этом пути возникают конфликты, сложные отношения интеллигенции с властью, их противостояние. Во многом это определяется тем, что деятельность интеллигенции направлена на уничтожение застойных явлений, она формулирует новые идеи общественного развития, противоречащие с устоявшимися политическими программами и лозунгами. Конфликт может достичь такой силы, что власть готова к физическому уничтожению и истреблению, и тогда наиболее ярко проявляются пассионарные качества интеллигенции, способность отдать свою жизнь, личное благополучие интересам Общества.

Вместе с тем следует признать, что пассионарии, способные на жертвенность и великие духовные свершения, – это лишь небольшая часть интеллигенции. Деятельность же основной части направлена на творчество, создание новаций, передачу ценностей следующим поколениям. Но есть еще одна часть интеллигенции – ее можно назвать «обслуживающим персоналом власти». Стимулируемая материальными благами ее деятельность направлена на восхваление власти, оправдание ее решений, даже тогда, когда действия власти идут в ущерб интересам государства, общества и личности.

4. *Творческая деятельность, создание новаций.* В каждой эпохе и каждом обществе существует страта или социальная группа, деятельность которой направлена на создание новаций. Поэтому наличие Творцов – создателей новых ценностей, технологий, знаний, а также Носителей культуры, передающих их в процессе коллективных взаимодействий из поколения в поколение, значимых именно для этой общности, определяет существование

интеллигенции как феномена мировых культурных универсалий. Внутренняя свобода, умение выйти за рамки канона, стереотипа, омертвевших общественных отношений, поиски нового, необходимого в условиях перемен, создание новаций, особое духовное отношение к Миру – все это выделяет интеллигенцию как социальную страту.

III. *Понятие «интеллигенция» в контексте мировых культурных универсалий*

Если исходить из понимания интеллигенции как феномена мировых культурных универсалий, то в первом приближении можно рассматривать данное понятие все же не как феномен европейской культуры, а как мировое универсальное понятие, обозначающее абстрагированную от времени и пространства ту социальную группу людей, деятельность которой направлена как на стабильность, гармонизацию общественных отношений, так и социальный прогресс, создание новаций в сфере общественных отношений, идеологии, науки, культуры, экономики, производства и техники.

Такое понимание термина «интеллигенция» позволяет включить в ее состав не только тех, кто получил европейский тип образования, но и представителей всей мировой культуры, независимо от их исторической и локальной принадлежности, социального и этнического происхождения.

Знания, профессионализм, внутренняя свобода, способность самостоятельно мыслить, умение преодолевать преграды социального и политического характера, приоритет общественных ценностей над индивидуальными, духовности над материальным, способность отказаться от власти и привилегий во имя интересов Общества – все это отличает истинную интеллигенцию, независимо от того к какой мировой цивилизации она относится: синхронной (номадической или оседлой, Востока или Запада, исламской, христианской или буддийской) или диахронной (неолитической, раннеклассовой, античной, средневековой, раннеиндустриальной, индустриальной или постиндустриальной) [5].

IV. *Интеллигенция в кочевой и оседлой цивилизациях*

На цивилизационную целостность номадического и оседлого мира обратил внимание итальянский медиевист Франко Кардини. Изучая роль кочевых народов Евразии в становлении европейского рыцарства, он заметил: «Оседлая цивилизация – это города, дороги, государственный аппарат, более разнообразное и полноценное питание, крепостные стены, пехота. Цивилизация кочевников – стойбища, тропы, племенная солидарность, невозможность наесться досыта, главным образом белковое питание и животные жиры, бесконечные расстояния, тесное общение с животными, и прежде всего, с лошадью» [6, с. 38].

Деление цивилизаций на номадическую и оседлую, в первую очередь, обусловлено средой обитания. Для оседлых народов она более благоприятна и многообразна, предоставляющая возможности для земледелия, поскольку ландшафт имеет неиссякаемые ресурсы жизнеобеспечения, тогда как для

кочевников – это степь и пустыня. В результате такого деления географического ландшафта и возникло два основных способа жизнедеятельности, что и породило два вида синхронных мировых цивилизаций – номадическую и оседлую [7].

Что касается интеллигенции, то в науке общепринятым стало ее рассмотрение исключительно в контексте оседлой цивилизации. Однако значение номадизма в процессах формирования и развития многих древних цивилизаций крайне велико. Задав первоначальную сетку координат «осевому времени» [8, с. 33], именно номадическая мировая цивилизация в своих локальных воплощениях определила становление и основные особенности многих оседлых цивилизаций.

С неолитического периода складывались особенности номадической и оседлой мировых цивилизаций, причем одновременно с формированием их самобытных культурных универсалий на протяжении всего периода их существования проявлялись, с одной стороны, хозяйственная связь и глубокое духовное взаимодействие скотоводов и земледельцев, а, с другой стороны, – непрекращающийся конфликт идентичностей. Это достаточно полно зафиксировано в древнешумерском эпосе «О Гильгамеше» (образы Гильгамеша и Энкиду), в мифологии Древнего Египта – предании об Осирисе и Изиде, в библейской истории – о Каине и Авеле.

Взаимодействие данных двух мировых цивилизаций происходило таким образом, что сужение границ одной цивилизации приводило к расширению другой. Таким был, к примеру, постепенный переход от кочевой цивилизации к оседлой в эпоху бронзы в Китае, в Казахстане это произошло к XX в.

История знает еще один тип взаимодействия, когда обе мировые цивилизации стали составляющими единой локальной цивилизации – тюркской цивилизации, структура которой объединила кочевую и оседлую формы хозяйствования и, соответственно, набор культурных универсалий, свойственный им обоим.

Исходя из рассмотренных признаков понятия «интеллигенция», следует отметить ее особое значение не только в оседлой, но и в номадической цивилизации. Важно в этой связи особенно подчеркнуть, что наряду с наличием общих признаков понятия «интеллигенция», в этих мировых цивилизациях можно обнаружить и некоторые особенности, обусловленные различиями в сфере функционирования, бытования, хозяйственно-культурных типов и, конечно, мировоззрения и культуры.

Так, в мировой культуре, в художественном творчестве профессионализация реализуется в двух основных формах – устной и письменной. Неслучайно поэтому в кочевой мировой цивилизации распространен устный тип профессионализма, тогда как в оседлой мировой цивилизации – письменный тип профессионализма. Соответственно этому, сами профессионалы по своему типу относятся как к устной традиции (к примеру, казахские жырау, акыны, салы, сере, күйши, жырши и др.), так и к письменной (писатели, композиторы, художники, каллиграфисты, писари и др.). Из сказанного следует, что деятельность интеллигенции в оседлой

цивилизации основывается на письменном способе формирования и передачи информации, опыта, знаний и образования, тогда как в номадической цивилизации, несмотря на наличие письменности (к примеру, древнетюркской рунической), доминирующим оказывается устный способ. Поэтому в номадической цивилизации особенно выделяются профессиональные носители устной культурной традиции, обеспечивающие внутри- и межродовую, этническую и цивилизационную коммуникацию и культурную целостность. К ним можно отнести деятельность бахсы, шаманов, жрецов, жырау, жырышы, акынов, мутребов, шаилов, создателей и исполнителей макамов, сказителей эпоса и др. Художественный язык опирается на традицию, канон и импровизационность, а надэтническая общность прослеживается в жанрах, ритуалах, обрядах, композиционных особенностях художественного текста.

Наличие двух основных форм передачи знаний из поколения в поколение – письменной и устной – также показывает, что знания могут передаваться разными путями, не обязательно институализировано, но также и от учителя, наставника.

V. Роль интеллигенции в формировании и развитии евразийского типа культуры

Из Азии в Европу, из Европы в Азию – эти вектора распространения культурных ценностей в истории Евразии имели свою периодичность.

История свидетельствует, что именно на территории Азии возникли первые цивилизации, здесь зарождалось «осевое время», давшее импульс к формированию и развитию мировых религий, величайших достижений общемировой культуры. Сакральные знания, искусство, наука и техника, медицина и многое другое, рожденное усилиями многих азиатских народов, послужили тем фундаментом, на котором выросла величественная европейская цивилизация, достигшая пика своего совершенства в Новое и Новейшее время.

Интересен с точки зрения межкультурной коммуникации и период европейского Ренессанса, начало которому положила деятельность выдающихся ученых арабо-мусульманской цивилизации, благодаря чему и стало возможным сохранение и передача возрожденной Европе тех научных знаний, которые обозначили цивилизационный уровень развития Древней Греции.

Новое и Новейшее время – это смена двух исторических парадигм, когда вектор маятника, направленного из Азии в Европу, качнулся в обратную сторону.

Это время, когда Азия, достигнув концентрации в формировании особенностей своих цивилизаций, народов и культур, стала особенно восприимчивой к инновациям, возникшим в Европе, к европейской культуре в целом.

Тем самым, несмотря на периодичность азиатского и европейского доминирования в процессах взаимодействия, неизменным остается одно, а именно, основополагающая роль интеллигенции в межкультурной коммуникации, в становлении и развитии евразийского типа культуры.

В XIX–XX вв. для ряда азиатских народов таким медиатором, осуществившим такую связь, стала российская интеллигенция. В особой мере это коснулось тех народов, которые вошли в Российскую империю и Советский Союз.

Следует заметить, что сама Русь – Россия, географически занимая срединное положение между Азией и Европой, на протяжении всей своей истории была включена в зону азиатских и европейских культурных контактов. Об этом свидетельствует изначальный ее генезис в рамках тюрко-славянского симбиоза, воздействие культуры индоевропейских кочевников, византийство начального этапа государственности, которое, в свою очередь, опиралось на эллинистический мир, включивший в себя греко-римские и восточные культуры Сирии, Ирана и Малой Азии.

Начиная с XVII века – периода петровских реформ, – российская интеллигенция активно включает в свою культуру достижения европейской культуры. Освоив стилистические тенденции, жанры и формы европейской культуры, именно художественная интеллигенция начинает формировать такие субкультуры, которые воспроизводят культурные модели Европы в чистых формах и в формах взаимодействия европейской и русской культур. Одновременно с этим продолжается дальнейшее развитие традиционного фольклорного пласта русской культуры. В результате именно интеллигенция воплотила модель евразийского типа культуры – бикультуры.

Многие азиатские народы к формированию евразийского типа культуры подошли в XIX–XX вв. И в этом процессе исключительно важную роль сыграла опять-таки российская интеллигенция, в особой мере для тех народов, которые были включены в зону российской, а затем и советской государственности.

Так, практически одновременно на территориях Западной и Центральной Азии: в Азербайджане, Армении, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркмении и Узбекистане широкое распространение получила европейская культура. На первом этапе ее становления особенно восприимчивой к этим инновациям была национальная традиционная интеллигенция.

Распространению русской культуры в ее европейском воплощении способствовала и государственная политика Российской империи по отношению к этим народам. Именно в этот исторический период начинается активная творческая деятельность российской интеллигенции по становлению национальной культуры европейского типа. Этот период характеризуется также и тем, что в азиатских советских республиках формируется новый тип интеллигенции, чье творчество воплотилось исключительно в жанрах, генетически восходящих к европейской культуре: симфонической и камерной инструментальной, и вокальной музыки, оперы и балета, живописи и кинематографии, радио и телевидения, литературных жанрах.

Из сказанного можно сделать вывод, что именно в период российской и советской государственности творческая интеллигенция – российская, с одной стороны, и азербайджанская, армянская, грузинская, казахская, кыргызская, таджикская, туркменская, узбекская и представители других азиатских народов – с другой, придали новый импульс развитию евразийского типа культуры в Новое и Новейшее время.

VI. *Творческая интеллигенция и проблема индивидуального стиля*

Присутствие интеллигенции как особой социальной страты в синхронных и диахронных мировых цивилизациях, а также практически единые признаки, характеризующие ее деятельность с неизбежными частными особенностями, свидетельствует о ее универсальном характере. Однако именно интеллигенция, а точнее, творческая интеллигенция, деятельность которой направлена на создание новых художественных ценностей, обозначает проблему индивидуального стиля. Во многом это связано с тем, что любое профессиональное произведение искусства, будь то созданное в жанре казахского кюя или европейской оперы, японского театра. Но или немецкого придворного эпоса, воплощает в себе личность его творца. Даже в отдельном фрагменте искушенный реципиент (зритель-слушатель-читатель) всегда отличит индивидуальный стиль Курмангазы от Даулеткереева, Верди – от Вагнера, Дзэми Мотокиё от Канъами Киёцугу, Генриха Фельдеке от Готфрида Страсбургского и многих других.

Однако индивидуальный стиль любого «Художественного Я» (термин В. Медушевского), ярко проявляя единство его таланта, взглядов и приемов, накладывается на исторические, мировоззренческие, социальные и этнокультурные характеристики совершенно определенного времени и локального пространства. В нем, безусловно, высвечиваются качественные характеристики, конструктивные принципы той культуры, к которой он принадлежит; того времени, в рамках которого он и проживает свою творческую жизнь; того художественного языка, который и обеспечивает общее семантическое поле всех участников художественного процесса – создателей – исполнителей – реципиентов.

Художественная интеллигенция в своем творчестве самым парадоксальным образом соединяет прошлое, настоящее и будущее, традиции и инновации, эндогенность и экзогенность. Стало быть, индивидуальный стиль находится на пересечении множества структур – цивилизационных, культурологических, мировоззренческих, этнических, психологических и технологических, принадлежа им всем и объединяя их в своей совершенно уникальной и самобытной целостности.

Выводы

Цивилизационный подход в контексте евразийской межкультурной коммуникации позволяет расширить парадигму изучения понятия «интеллигенция». Представляется в этой связи, что интеллигенция – это особая социальная страта, распространенная с древнего периода человеческой истории, входящая в состав мировых культурных универсалий. К ее отличительным характеристикам можно отнести повышенное чувство и потребность внутренней свободы, этническая и конфессиональная толерантность, гуманизм. Деятельность интеллигенции обуславливается пониманием и знанием Мира и Человека в нем, имеет профессиональный характер и направлена на социальный прогресс, создание новаций и служение Обществу.

Список литературы

1. *Струве П.Б.* Радищев и Пушкин // Дух и слово. Статьи о русской и западноевропейской литературе. Париж: YMCA-Press, 1981. – 386 с.
2. *Турсунбаев А.Б.* Казахский аул в трех революциях. – Алма-ата: Казахстан, 1967. – 483 с.
3. *Померанц Г.* Долгая дорога истории // Знамя. – № 11, – 1991.
4. *Садри Максуди Арсал.* Тюркская история и право. – Казань: Фэн, 2002. – 412 с.
5. *Аязбекова С.Ш.* Мировые цивилизации в системе культурных универсалий // 126-ая Международная научно-практическая конференция «Феномен человеческого творчества в перипетиях исторического процесса» / 2 этап первенства по культурологии. - Лондон: Международная Академия Наук и Высшего Образования (Великобритания), 23–30 июня 2016 г. – [Электронный ресурс]. URL: <http://gisap.eu/ru/node/115638>
6. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. – М.: Прогресс, 1987. – 384 с.
7. *Аязбеков С.А., Аязбекова С.Ш.* Цивилизации Великой степи: философско-культурологический анализ (к проблеме начала). – 2-е изд. – Нур-Султан: АСТ Полиграф, 2021. – с цвет. илл. – 352 с. (Серия «Цивилизации и искусство Великой степи»)
8. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. Пер. с нем. 2-е изд. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

Summary

Ayazbekova S. Intelligentsia in intercultural interaction of Eurasia

The article is devoted to the role of the intelligentsia in the intercultural interaction of Eurasia. The civilizational and historical approach to understanding the Eurasian culture and local cultures of Eurasia led to the introduction of a number of fundamentally important adjustments to the scientific outline of the term "intelligentsia". The paper analyzes the concept of "intelligentsia" in the history of science, reveals its features in the context of world cultural universals; the features of the intelligentsia in nomadic and sedentary civilizations, its role in the formation and development of the Eurasian type of culture are considered; as well as the problem of individual artistic style in the activities of the creative intelligentsia.

Keywords: intelligentsia, world and local civilizations, cultural universals, artistic style, Eurasian type of culture, cultures of Eurasia.

ЕВРАЗИЙСТВО И ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ПРЕДЧУВСТВИЯ И СВЕРШЕНИЯ¹

Бадмаев В.Н.

*Доктор философских наук, профессор
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова
г. Элиста, Россия
badmav07@yandex.ru*

Аннотация. Полицентричность современного мира, формирование нового мирового порядка ставят под сомнение соответствие прежних научно-теоретических концепций и парадигм глобальным международным вызовам и задачам. Требуется переосмысление основ знания об изменившемся мире, переоткрытие усложнившейся социальной реальности, создание новой научной картины мира. Понимание полицентричности современного мира выявляет запрос на разнообразие идей, которые будут отражать формирующуюся международную реальность.

На наш взгляд, одной из духовно-теоретических, научно-философских предпосылок современного понимания полицентричности России и всего человеческого мира выступило евразийское движение, возникшее в среде российской эмиграции 1920–1930-х годов. В современной ситуации евразийские идеи должны служить не столько конкретной программой, сколько общим идейным основанием интеллектуального форсайта о перспективах развития современного полицентричного мира.

Ключевые слова: евразийство, полицентричность, Евразия, современный мир.

Процессы глобализации изменяют устоявшиеся представления о центре мировой цивилизации и траекториях ее развития. Во многом это связано с неопределенностью, неустойчивостью, нестабильностью современного мира, противоречивостью, разновекторностью, нелинейностью его развития, новыми масштабными вызовами человечеству и не менее масштабными их последствиями. Каждая точка в глобально-цивилизационном пространстве (в силу динамично изменяющейся глобальной рыночно-экономической конъюнктуры, технико-технологических и информационных обменов, международных миграционных потоков и т.д.) в любой момент может быстро превратиться в мировой центр глобально-сетевого развития. И также стремительно исчезнуть. Указанные процессы демонстрируют глубокие противоречия в развитии современной цивилизации, некогерентность и негармоничность, нелинейность и турбулентность мировых процессов. Все это требует переосмысления роли и места локального в глобальном так же, как и глобального в локальном. Именно в данном ключе возможен поиск наиболее перспективных вариантов синхронизации процессов глобализации и

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00118, <https://rscf.ru/project/19-18-00118/>.

этнокультурной локализации, диалога культур, конфессий и цивилизаций, их сохранения во всем богатстве многообразия.

Объективная историческая картина мира в XXI веке является мозаичной, сложносоставной и уже не может быть только «европоцентристской». В условиях кризиса глобальной экономики и модели однополярного мира вновь возрождаются идеи равноправного диалога. Темпы и специфика интеграции должны быть приведены в соответствие с особенностями каждой участвующей в ней страны. Особого внимания заслуживают взаимоотношения «Запад – Восток», «Запад – не-Запад», «Европа – Азия», которые имеют долгую историю эволюции и приобретают сегодня новые характеристики. Они могут быть осмыслены с учётом интеллектуально-духовных реалий современной жизни. За всей неоднозначностью и неопределённостью современной мировой ситуации можно усмотреть тенденции перехода прежде централизованной глобальной силы в другие регионы мира; формирование новых экономических центров в Азии; отход от прежней одно- и биполярной системы международных отношений и формирование многополярного и полицентричного мира. Мир оказался непредвиденно сложным. Более того, мир столкнулся с глубокими и взаимосвязанными вызовами и кризисами, которые становятся все более масштабными и серьезными, происходит глобальное культурно-цивилизационное переконфигурирование мира. Архитектура мира и безопасности испытывает огромную нагрузку, что ставит задачу управления глобальными рисками, построения устойчивого будущего.

В современном глобализованном и взаимосвязанном мире ни один центр притяжения не может существовать без взаимодействия с другими центрами, без взаимопроникновения экономик, культур, идей, что обуславливает необходимость взаимопонимания и взаимоуважения. Особенно важно понимание принципиальной множественности путей развития мира, обществ, культур, идентичностей, их несводимости к единственному сценарию – будь то западный или восточный путь.

Полицентричность современного мира, формирование нового мирового порядка ставят под сомнение соответствие прежних научно-теоретических концепций и парадигм глобальным международным вызовам и задачам. Требуется переосмысление основ знания об изменившемся мире, переоткрытие усложнившейся социальной реальности, создание новой научной картины мира. Понимание полицентричности современного мира выявляет запрос на разнообразие идей, которые будут отражать формирующуюся международную реальность.

Полицентричность как характеристика современного мира выдвигается сегодня в центр современного научного и философского дискурса. Совершенно неслучайно прошедший в Москве с 26 по 28 мая 2022 года VIII Российский философский конгресс был посвящен основной проблеме – «Философия в полицентричном мире». Причем полицентричность рассматривалась в различных ее измерениях: полицентричность самой философии, полицентричность России, современного мира. Следует согласиться с мнением

академика Смирнова А.В., что «мир полицентричен, он не может быть приведен к унификации, будь то по американской модели, по европейской, по какой угодно! Он должен сохранить свою полицентричность, свою полилогичность, поликультурность» [1, с. 15].

На наш взгляд, одной из духовно-теоретических, научно-философских предпосылок современного понимания полицентричности России и всего человеческого мира выступило евразийское движение, возникшее в среде российской эмиграции 1920–1930-х годов.

Сама проблема порождала крайние точки зрения, напряженность идейно-теоретических дискуссий в российском зарубежье. Подходы к осмыслению проблемы национальной самоидентификации России проводились с разных точек зрения. Почти все деятели пореволюционной эмиграции, так или иначе, поднимали те вопросы, которые в свое время были поставлены в спорах между «западниками» и «славянофилами». Один из первых программных сборников основателей евразийства (П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Н. С. Трубецкой, Г.В. Флоренский), вышедший в начале августа 1921 года в Софии, носит название «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», отразивший евразийские «предчувствия», мироощущение, умонастроение [2].

Как известно, при всей вариативности евразийских идей в различные периоды общим для них базовым концептуальным основанием являются:

- понимание Евразии как особой культурно-географической, социально-исторической целостности («сообщества различных народов на почве Евразийского месторазвития, их взаимных между собою притягиваний и отталкиваний и их отношения вместе и порознь к внешним (внеевразийским) народам и культурам») [3, с. 6];

- признание единственно перспективным для Евразии самостоятельного развития, опирающегося на национально-культурные традиции, практики, ценности и опыт многовекового взаимодействия евразийских народов;

- мультилинейный подход к оценке исторического процесса, отрицание единого для всего мира алгоритма культурно-исторического развития.

При этом данное сообщество различных народов Евразии рассматривалось ими как «особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом». Эту нацию они называли «евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством» [4, с. 423].

Главным лейтмотивом их изысканий явилось обращение к народам, населяющим Россию-Евразию, в противовес идеологии и политике европоцентризма. Евразийцы считали ошибочной мысль о том, что европеизация – это всеобщий закон, и что все народы, чтобы достигнуть высокого уровня цивилизации, должны пойти по этому пути. Такой подход, считали евразийцы, нивелирует и упраздняет национальные различия. Ломая духовные устои жизни и культуру других народов, европеизация не может заменить их никакими ценностями.

Следует отметить, что это вовсе не означало полного отказа от европейской культуры, «европейского элемента», призыва к «востокоцентризму». Суть их концепции – во внимании к азиатской, восточной составляющей России-Евразии. Евразийцы стремились преодолеть многолетние европоцентристские традиции, игнорировавшие «туранский элемент» или заведомо приписывающие ему однозначно негативную роль.

К «туранцам» евразийцы относили финно-угров, тюрков, монголов и манчжур. Обращение евразийцев к «туранскому элементу» не случайно, ибо именно эти племена, по их мнению, в истории Евразии играли первоначально гораздо более значимую роль, чем восточнославянские племена. А сопряжение восточного славянства с туранцами составляло основной факт русской истории, который необходимо учитывать для «правильного национального самопознания» [5, с. 351].

Согласно Трубецкому Н.С., «видеть в туранском влиянии только отрицательные черты – неблагодарно и недобросовестно. Мы имеем право гордиться нашими туранскими предками не меньше, чем предками славянскими, и обязаны благодарностью как тем, так и другим. Сознание своей принадлежности не только к арийскому, но и к туранскому психологическому типу необходимо для каждого русского, стремящегося к личному и национальному самопознанию» [5, с. 375].

В этом плане красноречиво и образно высказался активный участник евразийского движения доктор Э. Хара-Даван: «Усвоение прикладных знаний Европы, одухотворение Востоком на самобытной почве Евразии – вот те основы, на которых должна быть построена Евразийская культура, созданная общими усилиями всех ее народов, и эти условия как самые здоровые для их развития должны быть приветствуемы всеми народами Евразии.

Программа евразийцев не хочет все народы стричь под общую российскую гребенку и тем обезличивать их; дается право и возможность каждой из наций Евразии внести свою индивидуальную национальную культуру как частицу общей национальной культуры евразийской – чем из более разнообразных цветов и запахов составлен будет букет, тем будет он пышнее и ароматнее» [6, с. 30].

Подводя итоги деятельности евразийства как идейного движения, Г.В. Флоровский писал: «Это правда вопросов, не правда ответов, правда проблем, а не решений. Так случилось, что евразийцам первым удалось увидеть больше других, удалось не столько поставить, сколько расслышать живые и острые вопросы творимого дня» [7, с. 312]. Вопросы, поднятые евразийством, уходили вглубь истории, касались дня настоящего, были устремлены в будущее.

Современные процессы глобализации, кардинально меняющие мировой ландшафт и всю архитектуру международных отношений приводят к «культурным поворотам», появлению новых ориентиров в науке, пониманию научно-гуманистического единства Востока и Запада, Европы и Азии, всего мира. Все это ставит перед современными науками о культуре вопросы

методологического самообновления и культурно-цивилизационного самосознания. Осознается важность отказа от ригоризма европоцентризма, необходимость понимания равноценности, равностатусности, равнозначимости восточной и западной мыслительной и научной традиций, их равноважности друг для друга. Включение восточной философской и культурологической традиции в широкий контекст общемировых исследований позволит осознать подлинный смысл понятий «всемирная история», «всемирная философия», «мировая культура», сформулировать новую научную картину мира XXI в., которая должна основываться на понимании его объективной полицентричности.

В данном контексте евразийство должно постоянно рефлексироваться, актуализироваться и развиваться в качестве философско-культурологической интеллектуальной платформы взаимодействия евразийских групп и народов Евразии. Евразийская идея – это попытка переосмысления прошлого и настоящего России, приглашение к самопознанию. Действительно, в современной ситуации евразийские идеи должны служить не столько конкретной программой, сколько общим идейным основанием интеллектуального форсайта о перспективах развития современного полицентричного мира.

Философско-культурологическая рефлексия феномена евразийства актуализируется необходимостью поиска новых векторов развития современного мира в условиях глобализации, выработки моделей национальной и культурной политики, отвечающих императивам и вызовам современности. Существенно возрастает роль диалога как связующего звена между культурными различиями, опирающегося на полицентричность и мультивидение глобального мира, мультиидентичность современного человека.

В этой ситуации идеи евразийства можно рассматривать как некую перспективу, повод для обсуждения новых вызовов современного глобализирующегося мира. Возможно, что возрождение идей евразийства означает, что в мире происходят кардинальные изменения, что мы находимся на пороге новой «смены эпох» и необходимо их осмысление. Как это было в начале XX века...

Список литературы

1. Философия в полицентричном мире. К 100-летию А. Зиновьева: избранные труды VIII Российского философского конгресса. – М.: Издательство ООО «Сам Полграфист», 2022. – 772 с.
2. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. – София: Рос.-болг. книгоизд-во, 1921. – 125 с.
3. *Вернадский Г.В.* Опыт истории Евразии с конца VI века до настоящего времени. – Берлин. Издание евразийцев, 1934. – 187 с.
4. *Трубецкой Н.С.* Общевеэвразийский национализм // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – 800 с.

5. *Трубецкой Н.С.* О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. – Берлин. Евразийское книгоиздательство, 1925. – Кн.4. – С. 351- 377.

6. *Хара-Даван Э.* Евразийство с точки зрения монгола // Евразийский временник. – Париж, 1928. – Вып. 10. – С. 27-30.

7. *Флоровский Г.В.* Евразийский соблазн // Современные записки. – Париж, 1928. – Кн. 34. – С. 312–346.

Summary

Badmaev V.N. Eurasianity and Polycentricity of the Modern World: Presentations and Accomplishments

The polycentricity of the modern world, the formation of a new world order, cast doubt on the correspondence of previous scientific and theoretical concepts and paradigms to global international challenges and tasks. It requires a rethinking of the foundations of knowledge about the changed world, a rediscovery of the more complicated social reality, and the creation of a new scientific picture of the world. Understanding the polycentricity of the modern world reveals a demand for a variety of ideas that will reflect the emerging international reality.

In our opinion, one of the spiritual, theoretical, scientific and philosophical prerequisites for the modern understanding of the polycentricity of Russia and the entire human world was the Eurasian movement that emerged among the Russian emigration of the 1920s-1930s. In the current situation, Eurasian ideas should serve not so much as a specific program, but as a general ideological basis for an intellectual foresight about the prospects for the development of the modern polycentric world.

Keywords: Eurasianism, polycentricity, Eurasia, modern world.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ НАРОДОВ АЛТАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: ОБЩНОСТИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ

Джаманкулова К.Т.

*Доктор филологических наук, профессор
Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
г. Бишкек, Кыргызстан
djamankulova.guljamal@gmail.com*

Аннотация. В статье речь идет о цивилизации народов алтайского происхождения. Рассматриваются взгляды исследователей по данному вопросу. Отмечается, что в описаниях о цивилизации XVIII–XIX в., в концепциях локальных цивилизаций второй половины XIX – первой половины XX в. и в исследованиях современных ученых не упоминается кочевая цивилизация. В статье анализируются циклы цивилизаций, которые пережили народы и племена, жившие когда-то на просторах Евразии, включающие в себя исторические эпохи: эпоха палеометалла, эпоха ранних кочевников, эпоха древних кочевников. Подвергается анализу кочевые цивилизации – Хуннская империя, Тюркская империя и Кыргызское «великодержавие» (В. Бартольд), пережившие циклы зарождения, развития и распада цивилизации. А также рассматривается общее языковое объединение народов алтайского происхождения в алтайскую эпоху, их взаимодействие, развитие.

Ключевые слова: цивилизация, древние кочевники, Хуннская империя, Тюркская империя, Кыргызское великодержавие, алтайская эпоха, тюркские языки.

Цивилизация. Одним из этапов развития общества является цивилизация. Процесс становления цивилизации является весьма долгим процессом, которое занимает не одно тысячелетие. Цивилизация является самым высшим этапом развития общества.

Понятие «цивилизация» было исследовано в трудах французских ученых. Термин «цивилизация» впервые был использован французским экономистом Виктором Рикети Мирабо (1715–1789) в 1757 году, а также шотландским философом А. Фергюсоном (1723–1816) в 1767 году. Тогда данный термин обозначал общий уровень культурного развития.

А. Фергюсон считал, что термин цивилизация обозначает стадии человеческого общества. Его предложение разделить историю на мировые стадийные эпохи [1, с.391] было принято в научной среде в конце XVIII – начале XIX века. Как отмечал французский лингвист Э. Бенвенист, А. Фергюсон противопоставлял цивилизацию дикости и варварству [2, с.1–47].

В литературных источниках понятие «цивилизация» характеризуется как процесс развития общества, прошедшего сложный путь от дикости и варварства к эпохе расцвета цивилизации.

Философ, востоковед Б.С. Ерасов признаками цивилизаций считает земледелие, развитие ремесла, наличие классового общества, государства, городов, торговли, частной собственности и наличие денег, а также монументального строительства, достаточно «развитой» религии, письменности и т.п. [3, с.556].

Позже среди исследователей стал популярен плюрально-циклический взгляд на историю развития человечества. Появились труды о восточной цивилизации, ее отличии от западной. Постепенно понятие «цивилизация» начало пониматься как «локальная цивилизация» [4, с. 152].

Термин «локальная цивилизация» был упомянут в трудах французского философа Шарля Ренувье (1844), а также французского писателя и историка Жозефа Гобино (1853, с. 1855). Генрих Рюккерт подчеркивал, что история человечества – это сумма параллельных друг другу процессов культурных и исторических организмов, которые невозможно расположить на одной линии [5, с. 59-84]. Русский социолог Николай Яковлевич Данилевский противопоставил устаревшую западную европейскую цивилизацию молодой, восточной европейско-славянской цивилизации [6, с. 576].

Немецкий философ и культуролог Освальд Шпенглер (1918) рассматривал цивилизацию как независимую культуру, которая как живой организм имеет такие этапы, как зарождение, становление и умирание [7, с. 262]. Английский историк Арнольд Тойнби в 12-томном труде «Постижение истории» (1934–1961) подчеркнул, что появление, становление и упадок цивилизации характеризуется такими факторами, как внешний божественный толчок и энергия, вызов и ответ, уход и возвращение [8, с.640]. Таким образом, ученые долго время описывали возвышение и упадок (падение) цивилизации как процесс циклический, или стадийный.

К сожалению, в описаниях цивилизаций XVIII–XIX вв., в концепциях локальных цивилизаций второй половины XIX – первой половины XX в. отсутствуют цивилизации народов алтайского происхождения. В исследованиях современных ученых, занимающихся проблемами типологии цивилизаций, также не упоминается кочевая цивилизация.

Цивилизации, представляя собой самые высшие достижения человечества, имеют между собой множество общностей. Цивилизация означает различные состояния социально-культурных процессов, а также обозначает принцип: «единство мира состоит из его же разновидностей». Это, с одной стороны, связь цивилизаций между собой, с другой стороны – приобретение со временем множества разновидностей. Цивилизационный синтез – это рациональное использование достижений восточно-традиционной и современной западной цивилизаций в условиях переходного общества [9, с. 20].

Народы и племена, жившие когда-то на просторах Евразии, пережили три цикла цивилизации, которая включает в себя исторические эпохи, начинающиеся с эпохи неолита.

I Народы и племена, жившие на просторах Евразии. Фазы зарождения, процветания и распада цивилизации

1. Эпоха палеометалла, III-II тысячелетия до н.э. *Этап зарождения начинается с периода «степной жизни».* Это процесс, включающий в себя периоды овладения такими навыками, как умение обрабатывать землю, одомашнивание животных, образование предметов материальной культуры, а также установку моральных правил.

Для степной жизни характерно экстенсивное кочевое животноводство. В бронзовом веке, когда степная жизнь прочно обосновалась на просторах Евразии, в культурном генезисе появились масштабные общественные объединения. Эти объединения, в свою очередь, породили культурные стандарты и эталоны. В такой макроне были образованы культурные блоки (первая половина II тысячелетия до н.э.), обладающие самым сильным жизненным потенциалом. В них в руководящей роли выступала военная элита. В таком обществе использовались боевые колесницы, после них остались элитные могильные сооружения. Животноводство уже было развито.

2. Эпоха ранней кочевой жизни. Становление основы цивилизации. *Это скачок от степного общества к кочевому животноводству.* В культурном генезисе началось становление эпохального типа культуры, названного Массоном «скифская» [10, 82]. Скифская культура – это эпохальный тип культуры, это культура кочевников, которая возникла в результате перехода от пастушеских обществ эпохи бронзы на новое – культуру кочевников.

Карл Ясперс отмечал, что использование лошадей «...привело к тому, что человек отрывался от привычной почвы, ему открылись дали и свобода передвижения, возможность создания новой, превосходящей прежнюю боевой техники, к появлению господствующего слоя, способного приручить лошадь и подчинить ее своей воле...» [11, с.72].

В эпоху ранней кочевой жизни складываются основы кочевой цивилизации. Появление кочевников, а также новые достижения в материальной и духовной культуре Массон называет «скифской триадой». Это конные снаряжения, оружие, приспособленное к образу жизни кочевников, а также совершенно новое явление в изобразительной культуре – «скифо-сибирский звериный стиль».

Локальное формопроявление культуры ранних кочевников – региональная культура, так называемая сакская культура, которая существовала в Центральной Азии и южных районах Казахстана (10, с. 85). Саки – это племена, проживавшие на территории Средней Азии, Казахстана, Восточного Туркестана с I-го тысячелетия до н.э. по I-й век н.э.

Изменения, появившиеся в эпоху раннего кочевого периода, социологически привели это общество в ранг социо-политической системы, которая в оседлой цивилизации называется «ранние государства» [10, с.86]. В этот период были развиты металлургия и животноводство, искусство и ремесло.

В сфере кочевой жизнедеятельности появился руководящий пласт («цари»). Основа кочевой цивилизации в этот период была полностью установлена.

3. Эпоха древних кочевников. *Этап процветания кочевой цивилизации.* Была образована масштабная, сильная политическая система – кочевая империя, являющаяся военно-политическим централизованным объединением кочевого народа, занимающегося скотоводством. В. Массон отмечает: «Социологически древние кочевые империи являются аналогом древним цивилизациям и первым государствам в зоне оседлых культур» [10, с.96–97]. Кочевые империи отличались масштабностью завоеванных территорий. Общественная структура таких империй была многослойной. Массон считает, что это социологический аналог мировой цивилизации Востока, но имеющиеся различия позволяют употреблять другой термин. Такая политическая система на территории Евразии называется **кочевой империей**.

Распад цивилизации. Распад кочевой империи. Развитие промышленности, а также обеспечение армии огнестрельным оружием ослабило силу конной армии кочевников. Со временем этот процесс стал причиной падения кочевых государств.

Кочевые цивилизации: Хуннская империя, Тюркская империя и Кыргызское «великодержавие» (В. Бартольд) пережили циклы зарождения, развития и распада цивилизации.

II Цивилизация кочевых народов

1. Кочевая цивилизация Хуннов и ее зарождение. Хунны появились в XXIII – середине XIX вв. до н.э. [12, с.13]. Кочевые племена III–IV века жили обособленно от Китая. Хунны начали нашествие на Китай в VI–V вв. до н.э. С целью спасения от постоянных вторжений хуннов в Китае началось строительство Великой китайской стены. Таким образом, завершился первый этап разделения кочевых народов и земледельцев.

В период династии Цинь (221–206) начался процесс объединения Китая. А «достаточно созревшие классовые отношения у кочевников ведут к созданию их объединения, в начале в рамках военно-демократического строя» [13, с.336]. Таким образом, образовалась кочевая держава хуннов (209 г. до н.э.). Завоеванными территориями хуннов являются современная Внутренняя и Внешняя Монголия, Жунгария и Южная Сибирь. Эпоха Хуннов продолжалась с III века до н.э. до IV века н.э.

Этап процветания цивилизации кочевых хуннов. Империя Хуннов характеризуется как масштабное объединение племенных союзов. Территория империи хуннов расширилась от Центральной Азии до Восточной Европы. В 174–207 гг. Дом Хуннов возвысился, покорил все северные племена, а на юге равнялся Китаю.

Исследователи считают, что хуннское общество было [14, с.103], «патриархально-родовым» [12, с.410]. Хунны «будучи обществом доклассовым, создали державу, основанную на господстве над народами» [15, с.221]. До 174

г. хуннам подчинялись племена, жившие на территории от Забайкалья до Тянь-Шаня, от Сибири до границы Китая. Хунны покорили государство Гэгунь. Гэгунь – это древнее государство кыргызов.

Язык хуннов включал в себя диалекты и наречия различных племен. Словарь хуннского языка был составлен на древнем тюркском языке.

Распад кочевой цивилизации хуннов. Межплеменная война, развязавшаяся среди хуннов в 58 г. до н.э., стала причиной победы Китая над хуннами. В 55 г. в середине I в. до н.э. империя хуннов разделилась на две части. С периода разделения хуннов на южных и северных началось движение хуннов на Запад.

2. Кочевая тюркская цивилизация

Зарождение кочевой тюркской цивилизации (Тюркская эпоха (V-X вв)). Племя Ашина появилось на Алтае в 439 г. До IV века многие тюркские племена подчинялись Жужаням. В конце IV века они встретились с алтайскими племенами, после чего образовали военно-политическую систему племен, во главе которой стоял каган. В сражении между тюрками и жужанями жужане были полностью поражены (555 г.) Таким образом, началось возвышение тюрков.

Этап процветания кочевой цивилизации. В конце VI века образовалась Тюркская держава династии Ашины. Тюрки покорили все кочевые племена. В 556 г. тюркам покорило государство Тогон. В 60 гг. началась война с Китаем, две северные империи Ци и Чжоу стали зависимыми от тюрков. Территория завоеванных земель тюрков распространилась на востоке до Желтого моря, на западе – до верхнего Енисея. В 563-567 гг. они разгромили эфталиттов и дошли до Амударьи. В 576 г. завоевали Боспор, а в 582 г. проникли в Лазику.

Таким образом, они «создали в VI веке каганат, объединивший все степные народы Евразии. Все оазисные княжества Согдианы» [16, с.77]. Тюркская империя в течение 30 лет максимально смогла расширить свои территории от Желтого моря до Черного. Тюрки совершили сильнейшие атаки на Китай, Иран и Византию. Гумилев отмечает, что в течение 30 лет тюрки смогли стать гегемоном Азии [16, с.199.]. Тюркский каганат существовал 200 лет.

Мощь тюрков заключалась в тяжелой панцирной коннице. Среди тюрков были профессиональные кузнецы железа. Причина 200-летнего господства тюрков заключалась в образовании удельно-лествичной системы [16, с.268].

Основной шаг в развитии культуры тюркской кочевой империи – это создание рунической письменности.

Распад кочевой цивилизации – распад тюркской державы. В 518 г. китайцы разрушили тюркские племена. В 582 г. (или в 583 г.) тюркский каганат разделился на два государства. В 630 г. тюрки потерпели поражение.

Кыргызы в период тюркского каганата были самыми сильными врагами тюрков. Несмотря на то что кыргызы были в составе Тюркского каганата, они сохраняли свою независимость. Вождю кыргызского народа Барсбеку в период

правления Элтериса, или Капагана-кагана, был присвоен титул кагана. Помимо этого, Барсбек-каган женился на дочери Элтерис кагана.

3. Зарождение локальной кыргызской цивилизации. *Кыргызы в истории кочевых народов. Предпосылки зарождения кыргызского этноса.* Истоки зарождения племен цзянь-кунь (древние кыргызы), расположенных на территории Среднего и Верхнего Енисея, «уводят нас в глубокую древность, к той поре, когда история фиксирует на Енисее начало сложения скотоводческого хозяйства» [12, с.159].

Древние кыргызы в период афанасьевской культуры. Самый важный факт в период афанасьевской культуры – приручение животных, точнее одомашнивание животных, это в литературных источниках рассматривается как генезис скотоводства. Появление скотоводства – начало становления патрилокального брака и патриархальной семьи.

Древние кыргызы в период Андроновской культуры. В этот период люди вели оседлый образ жизни, занимались животноводством, а также земледелием и охотой. Появилась патриархальная семья. Образовались первые племенные союзы. Производство оружия способствовала развитию металлургии. Использовалась бронза.

Этногенез Динлин. Результат изменений этногенезиса Динлин. В этот период на территории Энесай и Тенир-Тоо существовала исключительно одна раса под названием динлин. Динлины в китайских исторических источниках указывались как один из древних и основных народов Саяно-Алтайского края. Л.Н. Гумилев относил к динлинам кыргызов, прибайкальских динлинов, усуней и бома. У них были голубые глаза и желтые (рыжие) волосы. Как отмечает А.Н. Бернштам: «На базе динлинского этногенеза произойдут те изменения, которые позволят выкристаллизовываться новому этническому явлению – кыргызам» [12, с. 169].

Древние кыргызы в период Карасукской культуры. В начале I тысячелетия до н.э. система патриархальной семьи упрочилась, с развитием частной собственности и развитием скотоводства люди начали помечать скот тамгой, которая передавалась из поколения в поколение, в IV–X вв. получила широкое распространение [17, с. 70].

Древние кыргызы в период Тагарской культуры (VIII–III вв. до н.э.). В это время люди занимались животноводством, земледелием. Из бронзы изготавливали оружие. В поселениях этого времени больше встречаются кости черепа европейского типа, чем монголоидного.

Древние кыргызы как этническое явление появились на базе афанасьевской, андроновской и тагарской культур.

Таштыкская культура (II в. до н.э. – V в. н.э.) – памятники, принадлежащие этому периоду, являются отражением дальнейшего развития минусинской курганной (тагарской) культуры и характеризуют культуру кыргызов. «Очевидно, что эти памятники должны характеризовать культуру

кыргызов этого времени» [12, с. 172]. Материальная культура кыргызов в период Чаатас распространилась на всей территории.

Кыргызское государство (V–VIII вв.). В период тюркской эпохи (545–745 гг.) кыргызы стали сильным Кыргызским государством. Феодалное кыргызское общество, которому был присущ патриархальный племенной элемент, включал в себя племенные союзы V–VIII вв. Территория кыргызов равнялась территории восточных тюрков. Их территория простиралась от восточной Гулигани до запада Дубо (Тибет) и юго-западной Гэлолу [18, с. 152].

Кыргызское общество в VI–X вв. В VI–X вв. кыргызы занимались животноводством, земледелием, охотой и рыболовством. Кыргызы среди других кочевых народов славились более высоким развитым обществом. Ремесло и металлургия были очень развиты [18, с.80].

Енисейская письменность архаичнее орхонской – она относится к V веку [19, с.74]. Большинство енисейских памятников принадлежит енисейским кыргызам (Томсен, В. Радлов, С.Е. Малов и др.). Енисейская письменность по содержанию, по графике, а также по времени совпадает с таласской письменностью. Орхоно-енисейская письменность использовалась тюркскими народами в VI–X вв.

Этап процветания. Великая кыргызская держава (840–945 гг.). Сражение 840 года между кыргызами и уйгурами завершилось победой кыргызов. Таким образом, начался «звездный час» кыргызов (Худяков). Около 100 лет процветала «Великая кыргызская держава» (Бартольд). Кыргызы стали единственным правящим этносом, прибывшим из Сибири и господствовавшим на степных просторах.

Этап падения. Кыргызский каганат был повержен, но, несмотря на это, кыргызы не исчезли, как другие этнические группы, а смогли сохранить свою государственность, военную систему, а также оружейное ремесло.

IV Алтайская эпоха: общее языковое объединение народов алтайского происхождения. Началом истока тюркоязычных языков является алтайская эпоха. Алтайская эпоха включает в себя алтайское языковое объединение. Монгольский и тунгус-манчжурские языки в алтайскую эпоху являлись общим языковым объединением. В последующие времена они разделились на тюркско-монгольский и тунгус-манчжурские языки. Группы, составляющие древние алтайские группы: 1. хунны 2. тюрки 3. монголы 4. тунгусы. В последующие годы древо алтайских языков разделилось на шесть групп: тюркский, монгольский, тунгус – составляют внутреннюю группу; корейский, японский, рю-ку – составляют внешнюю группу.

Японский и алтайский языки имеют родственное происхождение. Корейский, японский и рю-ку языки составляют внешнюю группу алтайских языков. Алтайские языки генетически связаны с такими языковыми группами, как уральская, индоевропейская и дравидийская.

Индоевропейские и алтайские языки взаимосвязаны друг с другом. Алтайские языки генетически связаны с уральскими, дравидийскими,

индоевропейскими, семито-хамитскими и картвельскими языками. Алтайский язык грамматически близок к палеазиатским языкам. Алтайский язык грамматически похож на нивхский язык. Такая языковая схожесть характерна и для кето-алтайских языков. Лексическая и грамматическая схожесть есть и между алтайскими языками и языками индейцев Америки [20, с. 11].

Связь между алтайским языком и кыргызским. Исторический источник современного алтайского диалекта – диалект древних кыргызов, современный род алтай-кижи является их потомком.

Южно-алтайские языки, в основе образования которых лежит огузский, уйгурский и древний кыргызский языки, были трансформированы благодаря кыпчакскому и кумакскому языкам, вследствие чего, имея общие черты с современным кыргызским языком, они составляют кыргызско-кыпчакскую языковую группу.

Список литературы

1. *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества / А. Фергюсон. – пер. с англ. И.И. Мюрберг; под ред. М. А. Абрамова. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 391.
2. *Терин Д.В.* «Цивилизация» против «варварства»: к историографии идеи европейской уникальности / Социологический журнал, – 2003, – № 1. – С.1–470.
3. *Ерасов Б.С.* Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / Составитель Б.С. Ерасов. — Москва: Аспект Пресс, 1998. — 556 с.
4. *Семёнов Ю. И.* Философия истории / Ю. И. Семёнов. – М.: Современные тетради, 2003. – 776 с.
5. *Ионов И.Н.* Рождение теории локальных цивилизаций и смена научных парадигм / И. Н. Ионов // Образы историографии. - М., 2001. – С.69-84.
6. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. –576 с.
7. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории. – М.: «Мысль», 1993. –262 с.
8. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории: Сборник / Перевод с английского Е. Д. Жаркова. — М.: Рольф, 2001. — 640 с.
9. *Жаманкулова Г.* Древний кыргызский язык. – Бишкек: «Улуу тоолор». – С. 650.
10. *Массон В.М.* Древний Кыргызстан Проблемы: культурогенеза и культурное наследие. – Билим, 2003.
11. *Карл Ясперс.* Смысл и назначение истории: Пер. с нем.— М.: Политиздат, 1991. — 527 с.
12. *Friedrich Hirth.* The ancient history of China to the end of the Chóu dynasty / by Friedrich Hirth. – New York: the Columbia University Press, 1908. – XX, 383 p.
13. *Бернштам А.Н.* Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. II. — Бишкек: Фонд Сорос-Кыргызстан, 1998. –699 с.
14. *Толстов С.П.* Генезис феодализма в скотоведческих обществах. – ИГАИМК, 1934, вып. 103.

15. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 560 с.
16. *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. Т. I – М.: «Наука», 1967. – 504 с.
17. *Жаманкулова Г.* Цивилизация народов алтайского происхождения (на кыргызском языке). – Б.: «Улуу тоолор». – 282 с.
18. *Аристов Н.А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. – Бишкек: «Илим», 2003. – 582 с.
19. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.: Изд.-во АН СССР, 1951. – 105 с.
20. *Менгес К.Н.* Түрк элдери жана алардын тилдери. – Бишкек: 2002. – 376 с.

Summary

Djamankulova K.T. Civilization of Peoples of Altai Origin: Community and Interaction of Languages

The article deals with the civilization of the peoples of Altai origin. The views of researchers on this issue are considered. It is noted that in the descriptions of the civilization of the XVIII-XIX centuries, in the concepts of local civilizations of the second half of the XIX - the first half of the XX centuries. and in the studies of modern scientists, nomadic civilization is not mentioned. The article analyzes the cycles of civilizations experienced by the peoples and tribes that once lived in the expanses of Eurasia, including historical eras: the era of the field metal, the era of the early nomads, the era of the ancient nomads. Nomadic civilizations are analyzed - the Huns Empire, the Turkic Empire and the Kyrgyz “great power” (V. Bartold) that survived the cycles of the birth, development and collapse of civilization. It also considers the general linguistic association of the peoples of Altaic origin in the Altai era, their interaction, development.

Keywords: civilization, ancient nomads, Hunnic Empire, Turkic Empire, Kyrgyz great power, Altai era, Turkic languages.

СОВРЕМЕННОЕ САМОСОЗНАНИЕ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ: ВАРИАТИВНОСТЬ И ФУНКЦИИ

Жигунова М.А.

*Кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Института археологии и этнографии СО РАН
г. Новосибирск, Омск, Россия
marizh.omsk@mail.ru*

Аннотация. Статья базируется на многолетних историко-этнографических, этносоциологических и музееведческих исследованиях автора. В ней рассматриваются различные варианты самоидентификации современных народов Евразии. Особое внимание уделяется Сибири и Казахстану. Анализируются основные факторы, влияющие на национальное, этническое, религиозное и региональное самоопределение. Приводятся примеры смешанной и множественной идентичности, появившейся в результате активных контактов.

Ключевые слова: современность, евразийство, идентичность, взаимовлияния, этнокультурный синкретизм.

Проблемы современной идентичности являются особо актуальными, поскольку активно влияют на социокультурную, экономическую и политическую жизнь конкретного региона. Используя междисциплинарный подход, в данной статье автор анализирует вариативность национально-культурного самоопределения современного населения Евразии. Евразия – крупнейший континент, который обычно связывают с двумя понятиями: «Европа» и «Азия», границей между которыми является Урал. На территории этого региона фиксируется многовековое взаимодействие различных славянских, тюркских, угро-финских, палеоазиатских и других народов, различных мировых и других религий (христианство, иудаизм, ислам, буддизм, шаманизм и др.), культур, языков, способов хозяйственной деятельности и пр. Современное население Евразийского региона отличается довольно высокой гетерогенностью, здесь проживают представители более 200 различных народов, фиксируется особое многообразие антропологических типов (монголоиды, европеоиды, негроиды), языков и диалектов, локальных и региональных особенностей в культуре отдельных групп. Обширная территория Евразии включает различные природно-географические зоны, существенно отличающиеся уровнем социально-экономического и политического развития, степенью вовлеченности в общемировые и региональные процессы, плотностью расселения, составом населения и др.

Историография евразийства восходит к работам П. Н. Савицкого и Н. С. Трубецкого, Г. В. Вернадского и Л. Н. Гумилева. В задачи автора не

входит анализ идейно-политических течений евразийства. Оно представляет для нас особый интерес как своеобразный феномен, который характеризует общее этнокультурное и ментальное наследие народов Евразии, «евразийство можно определить как синтез культурных явлений разновременных и разноэтнических общностей как европейского, так и азиатского происхождения на территории Евразии, как результат широтных миграций населения как с Востока на Запад, так и с Запада на Восток [1, с. 136].

Основное внимание мы уделим Сибири и Казахстану, поскольку именно они находятся в центре Евразийского континента, и наибольшее количество исследований автора было проведено на их территориях. Следует отметить, что нет единства в понимании и использовании терминов «Евразия» и «Сибирь». Обычно к Евразии относят не только государства, расположенные на материке, но и на островах, причисляемых к Европе или Азии. С одной стороны, «Сибирь, экономико-географический, историко-культурный и этносоциологический регион азиатской территории России, расположенный от Урала на западе до хребтов Тихоокеанского водораздела на востоке и от берегов Северного Ледовитого океана на севере до холмистых степей Казахстана и границ с Монголией и Китаем на юге» [2, с. 99.]. Но, наряду с ним, используются другие термины: Западная, Восточная, Средняя и Южная Сибирь, Ближний и Дальний Восток, Север и Крайний Север. Это нашло отражение в современных вариантах самоидентификации: наряду с сибиряками [3, 4], встречаются дальневосточники, забайкальцы, северяне, якутяне и др.

На территории Евразии изначально проживали различные народы и этнические группы. Начиная с конца XVI в., начался активный процесс освоения и заселения восточных территорий. Поток переселенцев в Сибирь и Казахстан отличался не только существенным многообразием географических мест выхода, но и социальными, конфессиональными, этническими характеристиками. Так, например, из европейских губерний России сюда переселялись казапы, лапотники, москали, новоселы, российские, самоходы, хохлы, целинники и др. Обычно переселенцы довольно быстро приспособлялись к новой территории обитания и обретали здесь свою вторую родину.

Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. отразила довольно высокий удельный вес переселенцев в Сибири (в отдельных регионах – до 65 %). Их состав по местам выхода был чрезвычайно многообразным. Так, только в одной Загваздинской волости Тобольской губернии проживали мигранты из 22 различных губерний: Бессарабской, Владимирской, Виленской, Витебской, Вологодской, Вольнской, Екатеринославской, Казанской, Киевской, Курляндской, Оренбургской, Пензенской, Пермской, Санкт-Петербургской, Подольской, Рязанской, Таврической, Тверской, Тобольской, Харьковской, Черниговской и Ярославской, а также двух областей: войска Донского и Кубанской [5]. Благодаря строительству Московско-Сибирского тракта и Транссибирской железной дороги, начала активно осваиваться южная зона Сибири и Северного Казахстана. В начале XX в. состав переселенцев по местам выхода распределялся следующим образом:

Черноземный центр – 24,0 %, Малороссия – 24,2 %, Новороссия – 17,4 %, Западные губернии – 15,8 %, Поволжье – 8,7%, Центральная Россия – 1,8 %, Европейский Север – 0,5 %, Прибалтика – 0,7 %, Кавказ и Нижняя Волга – 1,3 %, Приуралье – 5,6 % [6, с. 152].

Активная миграция продолжалась и в последующие годы. Если обратиться к современности, то, по данным Омскстата, только за январь – август 2021 г. в Омскую область переехали почти 29000 человек (из Армении, Azerbaijan, Таджикистана, Узбекистана, больше всего – из Казахстана (2517 человек); из Германии – 118, из Италии – 5, из Вьетнама и США – по 3). В другие страны из Омской области уехали 3371 человек (больше всего – в Казахстан (2163 чел.), в Германию – 367, в Azerbaijan – 126, Армению – 119, а также – в Израиль, Италию, Канаду, Китай, США, Турцию и др.). В 2022 г. Омская область вошла в 10-ку лучших регионов Российской Федерации по количеству переселений. Так, только по государственной программе «Соотечественники», начиная с 2009 г., сюда переехали более 45000 человек (из них – 10 % студенты).

Проблема самоопределения современного человека в многообразии его различных идентичностей активно обсуждается учеными различных специальностей и стран мира. Начиная с 2009 г., на Конгрессе этнографов и антропологов России функционирует специальная секция, посвященная обсуждению этих проблем (под руководством М. А. Жигуновой и М. Н. Губогло). В последние годы особую актуальность данной тематики обусловила развернувшаяся дискуссия о современной российской нации и национально-культурной идентичности. Под национальной идентичностью понимается национальное самосознание, которое напрямую связано с принадлежностью к определенному народу/нации, стране (территории проживания), культуре, языку, традициям и обрядам. Национальная идентичность формируется в процессе проживания и образования, включает в себя множество различных страт, что зачастую ведет к ее многоуровневости, не исключая ситуативности. Как правило, позитивное выражение национальной идентичности связано с чувством патриотизма, а негативное – национализма и шовинизма. Также различают две основные характеристики национальной идентичности – внутреннюю общность и внешнюю отличительность [7]. Среди опрошенных респондентов встречается государственная идентификация: наряду с россиянами и казахстанцами (чаще среди молодого поколения), встречаются «советский человек» и «бывший советский человек» (среди представителей старшего поколения).

В Сибири всегда довольно толерантно относились к межэтническим, межрелигиозным и межсословным бракам. На ранних этапах нехватка женщин способствовала активным брачным контактам с представительницами местных народов. В дальнейшем в брачные отношения вступали различные группы старожилов и переселенцев. Согласно сведениям архивов ЗАГС, в отдельных регионах Западной Сибири в 1950–1970-е гг. межэтнические браки составляли до 73 % от всех зарегистрированных, в настоящее время на их долю приходится

около 20–25 %. Данные наших исследований 1986–2023 гг. свидетельствуют о том, что в семьях 70 % опрошенных русских имеются близкие родственники других национальностей (чаще всего – украинской, немецкой, белорусской, татарской, казахской, польской, еврейской, цыганской, чувашской, мордовской, армянской). Больше половины опрошенных полагают, что национальность при вступлении в брак не имеет значения: «Лишь бы человек был хороший».

В настоящее время нечасто встречаются населенные пункты, где жители полностью однородны по своему составу. Массовые соседские, дружественные и родственные отношения людей самых разных национальностей и социальных групп обусловлены совместным проживанием, тесными хозяйственными, торговыми и культурными связями, межнациональными браками. Наиболее активно эти процессы протекают в городской местности.

Обычно символом этнической принадлежности являлся язык. Но сегодня далеко не всегда совпадают языковая и этническая идентичности. Довольно часто на территории Сибири и Казахстана встречаются люди, которые в качестве родного языка называют русский, хотя относят себя к различным не только славянским, но и тюркским, финно-угорским и другим народам. Лингвисты отмечают значительный пласт заимствований в русском языке (бабай, доха, лафа, магарыч, пельмени, пурга, сабантуй, шаньга и многие др.). В современности все большее распространение получают билингвизм и полилингвизм. Зачастую можно услышать речь, в которой перемешаны слова из самых разных языков мира. На многих товарах, продаваемых в магазинах, встречаются надписи на русском и других языках (даже на термоэтикетке для пасхальных яиц – на казахском языке). Зачастую из уст славянина можно услышать: «*Салям/Салям аллейкум!*» и «*Большой Рахмат*».

Не всегда можно отметить профессионализм журналистов, освещающих этнокультурную проблематику. Так, например, в статье «Ненцы – лучшие пожарники» речь идет не об этнических ненцах, а о сборной команде Ямало-Ненецкого автономного округа, занявшей 1 место в соревнованиях пожарных команд.

Поскольку территория Евразии относится к зонам активных межэтнических контактов, то у многих респондентов, начиная с 1990-х гг., стали возникать определенные трудности при четком определении своей национальной идентичности: «*Не знаю, кто я, родители разной веры и национальности*», «*Трудно сказать, много в нас разной крови намешано*», «*Мультинациональная*», «*Гибрид*», «*Микс*».

Отличительным итогом Всероссийской переписи населения 2010 г. стало существенное количество лиц, не указавших свою национальность. В 2020-е гг. все чаще респонденты указывают множественную идентичность: «*Национальность у меня смешанная, но, в основном, русская, хотя много течет разных кровей*», «*Русская греко-армянка*», «*На 50 % – русская, на 25 % – украинка, на 25 % – немка*», «*Русско-немецко-белорусско-финская*», «*Русская с примесью турецкой, белорусской, латышской крови*» и др. Учитывая тот факт, что русские – единственный народ, который для своей идентификации

использует не существительное, а прилагательное, нередко встречаются «Русский татарин», «Русский немец», «Русский казах», «Русский хохол», «Русский грек» и многие другие.

В 2000-е гг. в ответах респондентов появились такие варианты этнической/национальной идентичности как «Метис», «Полукровка» и «Полурусок» (например, отец – русский, мать – татарка; отец – казах, мать – русская; отец – селькуп, мать – русская и др.). Нередки случаи, когда в одной национально-смешанной семье этническая принадлежность детей определяется отцом и матерью по-разному (каждый считает детей принадлежащими к своей национальности). Или, например, в казахско-русской семье мальчика чаще записывают казахом, а девочку – русской, поясняя это тем, что *«она все равно выйдет замуж и поменяет фамилию»*. Среди вариантов ответов встречаются следующие: «Никакая», «Разная», «Многоэтническая», «Европеец», «Азиат/Азиатка», «Евразиец/Евразийка», «Человек Евразии», «Космополит», «Землянин», «Гражданин мира».

В настоящее время среди основных критериев этнической идентичности чаще всего указываются родители и кровные родственники («этнические корни и связи»). На втором месте – язык, на третьем – территория проживания. Так, например, молодая женщина славянской принадлежности считает, что она *«казашка, т.к. родилась и выросла в Казахстане»*.

Религия сопровождает человека с древнейших времен, регулируя отношения между людьми и другими светскими институтами, существенно определяя культурную специфику каждого народа. Именно религиозная идентичность является одной из первых форм самосознания, иное, другое видение мира характеризует верующего человека и отличает его от неверующего. В советское время господствовал атеизм. После распада СССР и крушения марксистско-ленинской идеологии в конце XX в. образовался своеобразный мировоззренческий вакуум, затем стали возникать различные организации религиозной направленности. Сегодня около 80 % опрошенных русских считают себя православными, 5–10 % относят себя к последователям других религиозных течений: адвентистам, баптистам, буддистам, евангелистам, католикам, кришнаитам, лютеранам, мормонам, мусульманам, сатанистам, язычникам и др.

В различных половозрастных группах 5–30 % опрошенных затрудняются четко определить свою религиозную идентичность: *«И верю, и не верю»*; *«Не верующий и не атеист»*; *«Верю в Бога, но не всегда»* и др. Встречается и смешанная религиозная идентичность: *«русский/православный мусульманин»*, *«православный бурят/казах/татарин»*, *«православный потомок Чингиз-хана»*, *«крещеная язычница»* и др. Среди опрошенных респондентов нередко встречается мнение, что *«Бог – един, ни Христос, ни Аллах»*.

На прошедшую 16 апреля 2023 г. Пасху мои коллеги из Казахстана присылали поздравления, в которых также подчеркивается наша общность: *«Есть христианство, есть ислам, а есть казахстанство. Люди этой религии отмечают Крещение, Пасху, Курбан айт, Наурыз. Отвечают на «Христос*

воскрес!» – «Воистину кутты болсын!», читают намаз, потом бегут за святой водой». Также мне понравился видеоролик, в котором этнический казах читает такое стихотворение:

*Мейрам кутты болсын, Исус Христос воскрес!
Раздаются поздравленья целый день то там, то здесь.
И неважно, русский ты, немец, татарин иль казах,
Кто ведёт тебя по жизни: Боженька или Аллах.
Главное: мы все – семья, земляки родные,
Все живём в одной стране, все мы коренные.
Так, что – с праздником, друзья! Спасибо вам за интерес!
Я скажу: «Бірге болсын! Воистину воскрес!*

Среди различных вариантов самоопределения встречается и конкретная региональная идентификация: абаканцы, алматинцы, барнаульцы, омичи, павлодарцы, томиши, тюменцы и др. Кроме того, по территории Сибири, Казахстана и Китая протекает река Иртыш, поэтому встречаются люди, которые называют себя «иртышане».

Среди изученных мною современных этнокультурных предпочтений различных народов Евразии чаще всего были названы любимыми следующие блюда и напитки: айран, баурсаки, беляши, бешбармак, водка, голубцы, казы, квас, кофе, кумыс, куырдак, лагман, лапша, люля-кебаб, манты, молоко, морепродукты, морковь по-корейски, перец чили, пиво, плов, роллы, самса, сало свиное (соленое, копченое), суши, талкан, утка по-пекински, чай (черный, зеленый, белый, красный, травяной, улун), чак-чак, чебуреки, шаурма, шашлык. Также были упомянуты песни и танцы различных народов Евразии (совместное исполнение в фольклорных и профессиональных коллективах, на праздниках, фестивалях, домашних застольях). В одежде многих жителей этого региона встречаются халаты, тюбетейки, малахаи, валенки, шапки-ушанки, унты.

Чрезвычайное многообразие современных культурных традиций жителей Евразийского региона обусловлено следующими основными факторами:

1) историей заселения и высокой миграционной активностью населения Евразии (изначально – неоднородный состав, затем сюда переселялись выходцы не только из различных регионов Европы, Урала, Севера и Юга, но и мигранты из различных стран мира);

2) разнообразием природно-географических условий проживания (от тундры и тайги на Севере, тайги и смешанного леса, лесостепи в средней полосе до степей и гор на Юге);

3) многообразием форм хозяйственной деятельности (охота и рыболовство, животноводство и земледелие, пчеловодство и собирательство, различные промыслы и ремесла);

4) пестрым этническим, религиозным и языковым составом населения;

5) активными межэтническими и межрелигиозными контактами, включая брачные.

Несмотря на существующее многообразие и синкретизм различных культурных традиций, у жителей Евразии постепенно формируются общие

черты евразийского менталитета и традиционно-бытовой культуры. Именно культура является основой объединения людей различных народов и вероисповеданий. Общность территории и длительность совместного проживания, историко-культурного наследия и консолидирующих ценностей, межкультурные коммуникации способствовали формированию таких типичных черт евразийской ментальности, как уважение и терпимость по отношению к народам иной этнической, культурной и религиозной принадлежности. Благоприятствовали этому совместное проживание, работа, обучение, отдых и туризм, спортивные соревнования, постоянное общение, общие праздники, межнациональные браки. Способствовали этому совместные песни и танцы в фольклорных и профессиональных коллективах, социальные сети. Заметный вклад внесли и музейные собрания, выставки, национально-культурные объединения, ярмарки и фестивали национальных культур, в результате которых происходит знакомство с культурой и традициями различных народов и стран. Многие респонденты отмечали, что *«интересно попробовать новое»*, *«примерить, съесть»*. На различных мероприятиях предоставляется возможность сфотографироваться в конкретном национальном костюме, попробовать блюда национальной кухни.

Важнейшим фактором в дальнейшем изучении, сохранении и презентации этнических культур народов Евразии является плодотворное сотрудничество региональной власти с сотрудниками научных, общественных и культурно-образовательных учреждений. Реализация различных проектов в данной сфере будет способствовать сохранению и дальнейшему развитию этнокультурной мозаики Евразии.

Список литературы

1. *Шерстова Л.И.* Евразийская ментальность: сибирский аспект // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 68. – С. 133–138.
2. *Шиловский М. В.* Сибирь // Историческая энциклопедия Сибири. Т. III. С-Я. – Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2009. – С. 99–100.
3. *Жигунова М. А.* Концепт «сибиряк»: современные трактовки, подходы и образы // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования / Сост. и отв. ред. М. Н. Губогло. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2018. – С. 351–368.
4. *Жигунова М.А., Ремнёв А. В., Суворова Н. В.* Сибирский ракурс региональной идентичности // Национальные приоритеты России: Научный и научно-публицистический журнал. – 2014. – № 2 (12). – С. 48-63.
5. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. – Ф. 417. – Оп. 1. – Д. 408. – Лл. 52–54.

6. *Скляров Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 588 с.

7. *Кочетков В.В.* Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. – Серия 18. Социология и политология. – 2012. – № 2. – С. 144–162.

Summary

Zhigunova M.A. Modern self-consciousness of the peoples of Eurasia: variability and functions

The article is based on the author's long-term historical-ethnographic, ethno-sociological and museological research. It examines various options for the self-identification of the modern peoples of Eurasia. Special attention is paid to Siberia and Kazakhstan. The main factors influencing national, ethnic, religious and regional self-determination are analyzed. Examples of mixed and multiple identities resulting from active contacts are given.

Keywords: modernity, Eurasianism, identity, mutual influences, ethno-cultural syncretism.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Лушников О.В.

*Кандидат исторических наук, доцент,
директор Центра Евразийских исследований имени Г.В. Вернадского
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
г. Пермь, Россия
oleglushnikov@ya.ru*

Аннотация. Истоки евразийской интеграции лежат в исторической практике великих держав Евразии и этнокультурных процессах взаимодействия евразийских этносов на протяжении тысячелетий. Осмысление позитивного исторического опыта евразийских интеграционных процессов в трудах классиков евразийской мысли и выявление его перспективных аспектов, с учетом новых социально-исторических, экономических, политических реалий, может стать основой системы ценностей и приоритетов, способствующих консолидации и реализации взаимовыгодной стратегии современной интеграции на пространстве Евразии.

Ключевые слова: евразийская цивилизация, евразийская интеграция, геоэкономика, ЕАЭС, Большое евразийское партнерство.

На протяжении всей древней и средневековой истории в среде евразийских народов складывались и преемственно закреплялись этнокультурные традиции, которые, имея зачастую различные истоки, постепенно формировали этнически существенные особенности, в той или иной мере присущие всем евразийским народам. Многовековая история совместного взаимовыгодного проживания в едином пространстве евразийского мира славянских, тюркских, финно-угорских, монголо-маньчжурских и кавказских народов стала фундаментом «Рах Eurasica». Идейной основой евразийской интеграции на протяжении тысячелетней истории континента были принципы безопасности, экономического процветания и сохранения развития этнокультурного своеобразия народов, составляющих евразийскую цивилизационную общность.

Опыт масштабной интеграции в индоиранский, скифо-сарматский, гуннский, тюркский, монгольский и российский периоды показал, что геополитическое, экономическое и этнокультурное тяготение Евразии к созданию единого пространства при эффективности используемых принципов объединения «общеевразийского дома» приводили к возникновению на евразийских просторах великих мировых держав. Осмысление исторической практики великих евразийских держав в исторической и общественно-политической мысли привело к оформлению целостной евразийской цивилизационной концепции [12].

В целом евразийская идея представляет собой исторически развивающийся комплекс положений, концепций, взглядов, трактующих сущность евразийской

государственности, культуры и цивилизации как единство в многообразии, уникальный социокультурный синтез традиций и интеграции народов Евразии, превращающих ее в самостоятельный центр силы.

Квинтэссенцией евразийской идеи стали труды авторов евразийского общественно-политического движения в русской эмиграции XX в. (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, Н.Н. Алексеев и др.). Структуру евразийской идеи в классический период целесообразно рассмотреть через ее «географо-экономические», «культурно-исторические» и «политико-правовые» аспекты.

К географо-экономическим аспектам евразийской идеи относится, прежде всего, «теория месторазвития» (П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский). «Месторазвитие» понималось евразийцами как взаимосвязанный ряд положений о пространственной детерминации Евразии и ее связи с экономической, хозяйственной, исторической и культурной деятельностью населяющих ее народов [1, 3, 17].

«Теория месторазвития» стала в свою очередь фундаментом для концепций «экономической безопасности» и «функционального хозяйнодержавия» (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев). Экономическая безопасность виделась евразийцам в приоритетном внимании к налаживанию экономических связей со своими ближайшими соседями и к развитию собственной экономики, через рациональное размещение производительных сил с учетом особенностей природно-климатических зон и расположения полезных ископаемых и энергетических ресурсов [17, с. 418].

Сбалансированная система государственного (эксплуатация природных ресурсов, транспорт, оборонная промышленность, банковский сектор и т. п.), и частного (сельское хозяйство и др.) начал в экономике и необходимость планового хозяйства получила у евразийцев название «функционального хозяйнодержавия». Если частное предпринимательство выступает у евразийцев как «активный двигатель» усовершенствования хозяйственной деятельности, то государственное хозяйство играет аналогичную роль в отношении социальной направленности экономики. В представлениях евразийцев собственность должна подчиняться идее общего блага и быть функциональной, т. е., во-первых, служить интересам не только нескольких лиц, но и всей страны, во-вторых, орудиями производства имеет право владеть только тот, кто может добиться реальных производственных результатов.

Вершиной «хозяйнодержавия» как гармоничной соборной связи «хозяина–личности» и «хозяина–общества» стал евразийский идеал «добротного хозяина», по-хозяйски относящегося к окружающей среде, производству, и ставящего целью не беспринципную погоню за прибылью, а заботу о благосостоянии людей [17; с. 219].

Культурологические аспекты евразийской идеи – это поликультуроцентризм, самобытность и «симфоническая личность» (Н.С. Трубецкой, П.М. Бицилли, П.Н. Савицкий и др.). Евразийский поликультуроцентризм знаменует собой решительный отказ от культурно-

исторического «европоцентризма». Взамен «европоцентристским лекалам» деления народов на «культурные» и «некультурные», евразийцы предлагают дифференцированное рассмотрение культуры через категории «культурной среды», «эпохи» ее существования и «отрасли» культуры, и доказывают, что нет народов огульно «культурных» и «некультурных» [20, с. 370].

Евразийцы утверждали, что долг каждой национальной культуры – это самопознание и уважение к своей самобытности, культурной традиции и своей истории. При этом они отмечали, что заимствование чужих технологий не так опасно, как заимствование чужой культуры, в конечном итоге оборачивающееся деградацией, т. к. там, где процесс качественного обновления культурной традиции через превращение ее в неотъемлемый духовный элемент личного бытия прерывается, культура умирает и остается один косный, бездушный быт [20, с. 109].

Для обоснования самобытности социально-этнической и психологической основы евразийской общности евразийцы привлекали огромные пласты знаний истории, археологии, этнографии, исторической географии, этнологии, языкознания. Раскрывая связь месторазвития Евразии с ее культурой, они указывали на диалектическое взаимодействие славянского (русские, украинцы, белорусы) и туранского (угро-финны, тюрки, монголы, маньчжуры) элементов, составляющих основу евразийской культуры и цивилизации [17, 20]. Евразийцы подчеркивали необходимость равноправного отношения всех составляющих Евразию народностей. Культуроцентризм привел евразийцев к концепции федеративного общеевразийского дома (Н.С. Трубецкой, П.М. Бицилли, Н.Н. Алексеев) [20, 2, 1].

Исторический аспект евразийской идеи (Г.В. Вернадский, Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Э. Хара-Даван, С.Н. Пушкирев, Н.Н. Алексеев) раскрывает общность исторической судьбы народов Евразии, их естественную совместимость, историческую «спаянность» территории Евразийской цивилизации и преемственность в развитии евразийских государств.

Евразийцы считали Евразию главным театром действий мировой истории, по отношению к которому вся приморская часть большого Евро-Азиатского континента (Европа, Иран, Индия, Индокитай, Корея) – окраина. Именно поэтому корни российской государственности евразийцы видели не в Киевской Руси, распавшейся на ряд воюющих друг с другом суверенных государств еще в XII в., а во Владимирско-Московском княжестве, ставшем преемником сильного централизованного, евразийски ориентированного монгольского государства [4, с. 240; 20, с. 225; 17, с. 334].

Одним из краеугольных камней исторической концепции евразийцев стали циклы объединения и дезинтеграции евразийских государств, представлявшие собой последовательный ряд попыток (скифы, гунны, тюрки, монголы, русские) в создании единого всеевразийского государства [3, с. 24.; 17, с. 303]. Главный двигатель истории евразийцы видели в диалектическом взаимодействии земледельческой и кочевой культур (Леса и Степи), а также в борьбе за контроль над торговыми путями, ведущими с Запада на Восток и

связывающими в одну систему основные хозяйственные миры. Особой ролью здесь евразийцы наделяли кочевые народы Евразии, которые являлись посредниками между средиземноморской, китайской и индийской цивилизациями и инициировали процессы объединения народов [17, с. 341].

В методологическом отношении евразийцы придерживались многолинейности исторического процесса и теории локальных цивилизаций («автаркий», «симфонических личностей», «культурно-исторических зон») [20, с. 117]. Исторический процесс рассматривался ими равно как проявление «жизненной энергии», заложенной в народе и оказывающей влияние на окружающую географическую и этническую среду, формируя индивидуальное «месторазвитие». Эта мысль была позже развита Л.Н. Гумилевым в «теории пассионарности», оказав существенное влияние на последующее развитие евразийской идеи [8].

«Политико-правовые» аспекты евразийской идеи включают в себя концепции «государства Правды», «правообязанностей», «демотии» и «идеократии» (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев, Л.П. Карсавин, М.В. Шахматов). Исходя из исторически сложившихся в государствах Евразии опыта, традиций, идеалов и саморазвития российско-евразийской государственно-правовой культуры, евразийцы разработали свое видение органичной политическо-правовой системы.

Концепция «государства правды» рассматривает предназначение власти с точки зрения нравственного начала, идеи духовного подвига и служения общественному благу [22]. Концепция «правообязанностей» раскрывает диалектический характер взаимоотношений общества и индивидуума [1, с. 183]. «Демотия» – «органическая демократия», являлась евразийской версией социально-ориентированного государства с широким участием народа в его управлении [1, с. 165]. Концепция «идеократии» рассматривалась евразийцами как подчинение государственной и социальной жизни идеалу, вытекающему из культуры, религии, духа нации и государства, остающегося постоянным, несмотря на политические, идеологические, этнические и даже религиозные катаклизмы [17, с. 127; 20, с. 518]. Мыслители классического периода развития евразийской идеи подчеркивали общий характер политической структуры всех евразийских государств, необходимым признаком которых всегда являлась сильная централизованная власть и объединяющая все общество идея.

Лейтмотивом классической евразийской научной и общественно-политической мысли стали цивилизационный подход, призыв к объективному отношению ко всем народам, населяющим Евразию, к учету сочетания европейского и азиатского начал в Евразии, этно-конфессиональной толерантности и построению «общеевразийского дома».

Сегодня идейное евразийское наследие получило новый импульс в проектах евразийской интеграции Евразийского Экономического союза (ЕАЭС) и макроконтинентальной экономической интеграции Большое Евразийское партнерство (БЕП) [16, с. 4].

ЕАЭС построен на основе принципов, высказанных первым президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым еще в 1994 г., – верховенство национального суверенитета, уважение территориальной целостности, неприкосновенность политического режима, добровольность интеграции, поэтапность, готовность страны к участию, обоюдной выгоде государств, превосходство экономического начала процесса объединения над политическим, равноправие и коллективная защита интересов [13].

Для развития России и стран ЕАЭС в качестве нового центра геоэкономики министр по интеграции и макроэкономике Евразийского союза Евразийской Экономической комиссии академик С.Ю. Глазьев считает важным: 1) создание системы стратегического планирования, способной выявлять перспективные направления экономического роста, а также направлять деятельность государственных институтов развития на их реализацию; 2) формирование каналов финансирования производственно-технологических комплексов нового технологического уклада и сфер потребления их продукции; 3) «настройку» макроэкономической политики на обеспечение благоприятных условий для осуществления научно-технической и инновационной деятельности [7].

По мнению экспертов (С.Ю. Глазьев, Е.Ю. Винокуров, И.Н. Тимофеев, С.Е. Караганов и др.), региональные интеграционные проекты евразийского пространства должны стать не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Чтобы в условиях роста мировой экономической и политической нестабильности усилить эффект от интеграции, необходимо осуществить меры по развитию и освоению внутреннего евразийского пространства ЕАЭС (завершить формирование единого рынка товаров и услуг; максимально ликвидировать и/или унифицировать нетарифные барьеры внутри союза; эффективно координировать макроэкономическую политику, включая валютно-финансовые вопросы, развивать инфраструктуру, промышленную политику, АПК, рынок труда, единое пенсионное пространство, активизировать научное и образовательное сотрудничество) [5]; расширить количество участников Евразийского Союза, создать сеть зон свободной торговли и соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве (ЕАЭС и КНР, ЕАЭС и АСЕАН, и др.), выстроив отношения, в том числе, и с ключевыми торгово-инвестиционными партнерами [23].

Согласно расчетам экспертов, примерно к 2030 г. зона свободной торговли в рамках ШОС должна превратиться во Всеобъемлющее экономическое партнерство на базе интеграции ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и БРИКС. А к 2040 г. может быть образованно Большое Евразийское партнерство для всего континента [11].

Сегодня евразийская идея продолжает дальнейшее развитие в трех основных направлениях.

1. Цивилизационное – исследователи классического евразийства, последователи концепций Л.Н. Гумилева и Г.В. Вернадского и примыкающие к ним аналитики этнических, политических, культурных, языковых и других

современных общественных процессов на пространстве Евразии. Развивая цивилизационный культуроцентричный подход, они трактуют Евразийскую цивилизацию как особую географическую, этническую, культурно-историческую целостность. А сохранение евразийского культурного кода (этнокультурный плюрализм, приоритет вневременных традиционных религиозно-этико-гуманистических ценностей и общенациональных интересов, общество служения социальной справедливости, холизм, солидаризм, социальная ответственность бизнеса и экологизм) видят гарантией сохранения идентичности и преемственности развития народов Евразии в XXI в. (И.Б. Орлова, Б.С. Ерасов, А.С. Панарин).

2. Геоэкономическое – экономическое саморазвитие и континентальный экономический союз стран Евразии, экономическая безопасность, роль стран ЕАЭС в мировой экономике не только как моста между Востоком и Западом, но в перспективе и как третьего звена мировой экономической системы (Н.Н. Моисеев, Д.С. Львов, С.Ю. Глазьев, Е.Ю. Винокуров).

3. Геополитическое – многополярный мир и коллективная безопасность, «общеевразийский дом» (пространство коллективной безопасности, где интегрирующая роль трансконтинентальных торговых путей связывает в одну систему основные хозяйственные миры Востока и Запада (К.С. Гаджиев, М.Л. Титаренко, А.Г. Дугин, В.Л. Цымбурский, С.Е. Караганов).

На основе сравнительного анализа взглядов представителей рассмотренных направлений современного евразийства можно выявить следующие актуальные аспекты Евразийской идеи:

1) Самоидентификация России и стран ЕАЭС как особой цивилизационной общности, появившейся в результате многопланового этнополитического и культурно-исторического синтеза народов Востока и Запада, построенного на сочетании национальной самобытности с евразийской идентичностью и этноконфессиональной толерантностью. Воссоздание и развитие единого экономического, образовательного, культурного и политического пространства, способствующего социальному и межнациональному миру, равноправному сотрудничеству и интеграции народов Евразии, на основе культурного плюрализма (культуроцентризм, регионализм, федерализм) и уважения территориальной целостности и национального суверенитета стран (стратегия общеевразийского дома «Евразии наций»).

2) Развитие цивилизационного многополярного мира вместо глобального американоцентричного мирового порядка, поддерживающего через систему стратегических альянсов (ШОС, БРИКС, ЕАЭС, ОДКБ, БАП и др.), экологическое, социокультурное и социально-политическое равновесие мира.

3) Признание единственно перспективным для Евразии самостоятельного развития, опирающегося на национально-культурные традиции, ценности (этико-гуманистический традиционализм, принципы верховенства закона и социальной справедливости) и опыт многовекового взаимодействия евразийских народов, дополненные постиндустриальной технологической

модернизацией и созданием нового центра геоэкономики в Евразии (наряду с Евро-Атлантикой и Азиатско-Тихоокеанским регионом).

Таким образом, современные интеграционные процессы по сути на новом уровне возвращают нас к принципам проверенным тысячелетней историей евразийской интеграции – построение пространства безопасности, экономического процветания и развития на принципах суверенного равенства, инклюзивного и недискриминационного международного сотрудничества, уважение ко всем культурам, религиям, цивилизациям и развитие этнокультурного своеобразия народов, составляющих евразийскую цивилизационную общность, создание более справедливого многополярного миропорядка – «*Rax Euroasiatica*».

Список литературы

1. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. – М.: Аграф, 2000. – 640 с.
2. *Бицilli П.М.* Два лика евразийства // Между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М.: Ин-т философии РАН, 1993. – С. 279–291.
3. *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 350 с.
4. *Вернадский Г.В.* Сфера Евразии. – М.: КМК, 2005. – 476 с.
5. *Винокуров Е.Ю., Либман А.А.* Евразийская континентальная интеграция. – СПб.: ЕАБР, 2012. – 224 с.
6. *Гаджиев К.С.* Введение в геополитику. – М.: Логос, 2000. – 228 с.
7. *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России. – М.: Экономика, 2010. – 255 с.
8. *Гумилёв Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1989. – 800 с.
9. *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: Арктогея, 1997. – 599 с.
10. *Ерасов Б.С.* О геополитическом и цивилизационном устройении Евразии // Евразия. Народы. Культуры. Религия. – 1997. – №1–2. – С. 25–35.
11. *Караганов С.Е.* От поворота на Восток к Большой Евразии. [Электронный ресурс]. URL: <http://globalaffairs.ru/pubcol/Ot-povorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrazii-18739>. (дата обращения: 3.05.2023)
12. *Лушников О.В.* Евразийская идея в России. Истоки и перспективы. – Пермь: ЦЕИ ПГГПУ, 2019. – 333 с.
13. *Назарбаев Н.А.* Евразийский Союз: идеи, проблемы, перспективы. – М.: ФСРСПН, 1997. – 276 с.
14. *Орлова И.Б.* Евразийская цивилизация. – М.: Норма, 1998. – 300 с.
15. *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. – М.: Финстатинформ, 2000. – 189 с.
16. *Путин В.В.* Большая Евразия – проект, устремленный в будущее // Большая Евразия. – №1. – 2018. – С.4.
17. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.

18. Системные подходы России. Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / колл. авторов под руков. акад. РАН Д.С. Львова. – М.: ЦЭМИ РАН, 1999. – 960 с.
19. *Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. – М.: Республика, 1998. – 320 с.
20. *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999. – 736 с.
21. *Цымбурский В.Л.* Геополитика для «евразийской Атлантиды». Остров Россия // Полис. – 2003. – №2. – С. 6–23.
22. *Шахматов М.К.* Государство правды. – М.: ФондИВ, 2008. – 312 с.
23. Экономический пояс «Шелкового пути» и приоритеты совместного развития евразийских государств // Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, Июнь 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://valdaiclub.com/publication/77920.html> (дата обращения: 3.05.2023)

Summary

Lushnikov O.V. Eurasian Integration: Origins and Prospects

The origins of Eurasian integration lie in the historical practice of the great powers of Eurasia and the ethno-cultural processes of interaction of Eurasian ethnic groups for thousands of years. Understanding the positive historical experience of the Eurasian integration processes and identifying its promising aspects, taking into account new socio-historical, economic, and political realities, can become the basis of a system of values and priorities that contribute to the consolidation and implementation of a mutually beneficial strategy of modern integration in Eurasia.

Keywords: Eurasian civilization, Eurasian integration, geo-economics, the EAEU, the Great Eurasian Partnership.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ПОСТИЖЕНИИ ЕВРАЗИИ. МАТЕМАТИКИ НА СЛУЖБЕ ИСТОРИИ

Муканова Г.К.

*Кандидат исторических наук, профессор, ВНС
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
г. Алматы, Казахстан
Gulnar_mukanova@mail.ru*

Аннотация. В середине XX века в массиве трудов отечественных ученых заметный след оставили работы, которые следует отнести к междисциплинарным. Интерес представляет тот факт, что результаты исследований были апробированы и внедрены в рамках школьной программы. Работы математиков по диплому А. Кубесова, М. Искакова, горного инженера А. Машанова, как ни парадоксально, внесли ценный вклад в продвижение исторических знаний. Целью исследования было реконструировать ход их рассуждений, выводов, обозначить методологическую ценность названных трудов для гуманитарных наук. Путь ученых к вершинам науки оказался сложным вследствие господствовавшей идеологии. При поиске новых методов изучения истории и культуры Евразии немаловажно учитывать наработки ученых естественно-научного направления XX столетия.

Ключевые слова: Евразия, история, геометрия, астрономия, аль-Фараби, междисциплинарность

Удивительно, насколько широки возможности человеческого разума! История Отечества и мира нередко пополняется изысканиями ученых из естественнонаучной сферы, что лишний раз подтверждает важность междисциплинарных исследований. Казахские ученые практиковали мультидисциплинарность, начиная с Шокана Уалиханова, сознательно делая шаги к «узнаванию» казахского этноса во всемирном масштабе. Нами изучены сведения из биографии казахского ученого-фарабиеведа Ауданбека Кубесова (1932 – 2008) о научном тандеме профессора Розенфельда и его талантливого ученика. Восстановлены по мемуарным публикациям детали исследовательского процесса. Благодаря междисциплинарному подходу, к которому по понятным причинам прибегли советские казахские исследователи, во многом увидели свет классические исследования и переводы трактатов аль-Фараби по математике и астрономии. Удалось, к примеру, опубликовать разработки по сопоставительному анализу взглядов Фараби и Абая Кунанбаева на педагогику через призму исламской этики.

Как выяснилось, и лидеры Алаш не только были знакомы с научным и культурным наследием Фараби, но и широко пропагандировали его имя и труды. Рассекреченные архивы ныне позволяют осмыслить глубину замысла Алаш в продвижении энциклопедических познаний мыслителей Востока. Особое место в этой исторической миссии отведено было последователям

джадидизма. Известны упоминания об аль-Фараби, принадлежавшие Магжану Жумабаеву, Мустафе Шокаю, Миржакыпу Дулатову, Смагулу Садвокасову [1].

Труды великого мыслителя средневековья аль-Фараби как ученого, умевшего переложить научные открытия языком цифр и формул, его нетленное наследие и сегодня служит интегрирующим фактором. Обращение к вершинам пронизанного идеей свободы философского мировоззрения тюркского философа и его последователей также выводит на междисциплинарные исследования.

Помимо собственно философского известен неординарный математический, астрономический талант Второго Учителя. В казахском академическом сообществе с середины XX века наблюдается всплеск активности фарабиеведов. Среди них философы, филологи, историки, культурологи, искусствоведы, а также адепты естественнонаучных сфер. Ими исследуются мудрые и полные истин трактаты аль-Фараби по математике и астрономии, логике и медицине. В середине XX века по инициативе пытливого казахского ученого А.Ж. Машанова, поддержанной академиком К.И. Сатпаевым, отечественные исследователи приступили к комплексному изучению и систематизации наследия ученого-энциклопедиста. Математические трактаты Фараби тогда же стали предметом интереса на многие годы Кубесова Ауданбека Кубесовича и легли в основу его дидактических трудов [2].

Чем же известен А.К. Кубесов, 90-летие которого отметила в 2022 году передовая научная общественность республики? Именно казахским ученым А. Кубесовым был обнаружен и изучен ранее неизвестный геометрический трактат аль-Фараби под названием «Книга духовных искусных приемов и природных тайн о тонкостях геометрических фигур».

Этот любопытный труд аль-Фараби посвящен геометрическим фигурам, применимым в землемерии, архитектуре, технике и геодезии; он состоит из введения и 10 книг (макалат). Имя и труды исследователя математических трактатов мыслителей Востока, в частности, аль-Фараби, известны далеко за пределами Казахстана. Кубесов А.К. является признанным мэтром в области истории математической науки и педагогики мусульманского Востока. Особую гордость составляет то, что труды А.К. Кубесова «Математическое наследие аль-Фараби», «Математические трактаты» оцифрованы в Мичиганском университете (2007 г., 2010 г.), а «Комментарии к «Альмагесту» Птолемея» – в Калифорнийском университете (2008 г.)

Путь к узнаванию и интерпретации идей аль-Фараби для молодого соискателя из Казахстана складывался непросто. Ауданбек Кубесович освоил фундаментальную научную школу, поступив в аспирантуру Института истории естествознания и техники АН СССР в Москве (ныне ИИЕТ им. Вавилова). Научным руководителем молодого казахского аспиранта был назначен известный профессор Б.А. Розенфельд, их знакомство переросло в многолетнюю дружбу. Мэтр Розенфельд, одинаково освоивший математику, арабский язык и философию, исследовал творчество Омара Хайяма, аль-

Фараби, Бируни, Улугбека, аль-Хорезми и многих других средневековых мусульманских ученых и поэтов. Природная любознательность и разносторонние познания он прививал ученикам. Благодаря Розенфельду статьи аспиранта Кубесова были опубликованы в европейских научных журналах и сборниках международных конференций.

Ауданбек Кубесов родился 13 февраля 1932 года в селе Ойык Таласского района Жамбылской области. Он всегда отличался трудолюбием и настойчивостью. Окончил среднюю школу в 1948 году с серебряной медалью, а в 1952 году с отличием – физико-математический факультет Казахского педагогического института имени Абая по специальности «Математика». После окончания института работал учителем, директором школы в Таласском районе, а в 1959 году был приглашен преподавать в КазПИ. В 1960 году молодой соискатель, как отмечалось выше, поступил в аспирантуру по специальности «История арабской математики», а в 1963 – получил степень кандидата физико-математических наук. Тема его исследования: «Развитие идей Архимеда в работах Насир ад-Дина ат-Туси». Вернувшись на Родину, Ауданбек Кубесович, оказался востребован в плане исследования математических трактатов Фараби.

Основные вехи биографии А. К. Кубесова:

- С 1963 по 1967 годы работал старшим преподавателем, доцентом кафедры «Высшая алгебра и теория чисел» КазПИ им. Абая;
- 1968–1977 - старший научный сотрудник в Академии Наук КазССР, работает в группе по переводу и изучению трудов аль-Фараби;
- 1977–2008 гг. - работает в КазГУ (ныне - КазНУ им. аль-Фараби), в том числе:
- 1977–1986 – заведующий кафедрой «Методика преподавания математики». Вплоть до 2008 года - профессор кафедры [3].

В Академии наук Казахстана раскрылись такие качества ученого, как трудолюбие и упорство, последовательность и целеустремленность. Кубесов взялся за трудную научную задачу: восстановить математические идеи Фараби, обнаружить те закономерности и «прорывы», которые средневековый мыслитель сумел осуществить вопреки ограничениям эпохи, в которой жил. В конце 1960-х – 1970-е годы по приглашению Президента АН КазССР Шахмардана Есенова (уже после безвременного ухода К.И. Сатпаева) московский мэтр Розенфельд продолжил оказывать методологические консультации казахстанским коллегам. С его легкой руки осуществлены были классические переводы с арабской графики на кириллицу. В результате тандем Борис Абрамович Розенфельд и Ауданбек Кубесович Кубесов в сжатые сроки подготовил качественные переводы, комментарии и предисловия к математическим и астрономическим трактатам Фараби.

Многие поколения учились по этим изданиям, выполненным в формате карманного чтения. Притягательный дизайн, внешняя простота изложения и облик мудрого старца на суперобложке запечатлевался в сознании. До

настоящего времени эти книги востребованы. Научно-справочный аппарат изданий скрупулезно отшлифован, что очень ценно.

Развивая ценное для казахстанской науки направление, Ауданбек Кубесов в 1990 году успешно защищает докторскую диссертацию по педагогике на базе трудов аль-Фараби. Защита состоялась в Ташкенте, на то были причины. К тому времени Б. Розенфельд эмигрировал в США с первыми волнами эмиграции еще до «перестройки», что отразилось на его учениках, и защита в Москве для А.К. Кубесова стала невозможной. Тогда профессор и посоветовал Ауданбеку пройти процедуру формальной защиты в среднеазиатских республиках. Количество изданных трудов позволяло Кубесову претендовать на научную степень, а обширные знания обеспечили ему звание доктора педагогических наук на защите в форме научного доклада.

До конца жизни ученый оставался верен избранной теме: в исследованиях А. Кубесова приведены основные сведения о рукописях, изданиях, переводах и исследованиях, сочинениях аль-Фараби, содержащих физико-математические сведения [2]. Сведения о зарубежных изданиях, переводах и исследованиях этих сочинений можно найти в библиографической книге Н. Решера (Rescher N.).

Будучи заведующим кафедрой «Методика преподавания математики» в КазГУ, Ауданбек Кубесович опубликовал ряд оригинальных статей об аль-Фараби в СМИ на родном языке. Как вдумчивый педагог Кубесов создал немало полезных публикаций в воспитательном плане. В книге «Әл-Фараби мен Абайды қатар оқығанда: Зерттеу еңбек» Кубесов А.К. отметил непреходящую ценность и общность сведений по истории и этнографии тюрков в произведениях аль-Фараби и Абая: «Түрік тарихы мен этнографиясы туралы бір қысқа да нұсқа мағлұматты әл-Фарабидің «Мемлекет қайраткерінің нақыл сөздері» атты әйгілі трактатынан ұшыратамыз» [4]. Внимательное прочтение Кубесовым наследия аль-Фараби и Абая Кунанбаева позволило ему высказать оригинальное мнение о науке Калам и ученых-мутакаллимах: «Әл-Фараби өзінің «Ғылымдар тізбегі» атты энциклопедиялық трактатында сол тұстағы ресми діни ғылым – қаламның пәнін, мазмұнын анықтап береді. Қалам ілімінің білгірлері мутәкәллимдер туралы Абай да өлең шумағын арнағаны мәлім». Об общности научно-педагогических взглядов Фараби и Абая и об исламской этике как основе педагогики А. Кубесов первым сделал вывод.

Одним из первых Кубесов обратился к музыкальному наследию аль-Фараби. Об универсализме музыки аль-Фараби казахский ученый оставил резюме: «әл-Фараби тағылымы – музыканың барлық халыққа ортақтығы. Бұл туралы қиял-ойларымызды біз 1975 жылы «Жұлдыз» журналының оныншы санында жарық көрген «Әл-Фараби Бағдат шаһарында» деген хикаямыздың «Қорқытпен дидаласу» бөлімінде келтіргенбіз».

Мэтр Розенфельд внес немалый вклад в изучение наследия Второго Учителя [5]. Вынужденно эмигрировав в США, Борис Абрамович стал профессором Университета штата Пенсильвания, читал лекции по геометрии. Ценность представляют его мемуары «Пространства, времена, симметрии. Воспоминания и мысли геометра». В этой книге воспоминаний в числе лучших

своих учеников, защитивших кандидатские диссертации в Москве, Борис Розенфельд отмечал: «Особенно активно изучал творчество ал-Фараби мой ученик казах Ауданбек Кубесов» [6].

Мэтр Б. Розенфельд вспоминал: «Мы с Кубесовым издали русские переводы математических трактатов ал-Фараби, важнейшие из которых – его комментарии к Евклиду и трактат о геометрических построениях, а также астрономическую часть его энциклопедии – комментарии к «Алмагесту» Птолемея. В Алма-Ате и Ташкенте изданы также русские и казахские переводы многих трактатов ал-Фараби. Трактат ал-Фараби о геометрических построениях был дополнен багдадским математиком и астрономом Абу'л-Вафой ал-Буджани (940–998), учеником ученика Сабита ибн Корры».

Судьба поневоле развела учителя и ученика по разным материкам, однако их духовная связь не прерывалась. И даже их уход словно был предсказан звездами: ученый-математик, философ, переводчик с арабского и персидского, педагог Б. Розенфельд скончался в 2008 году в США в 90-летнем возрасте. В том же, 2008 году, в Алматы ушел из жизни его талантливый ученик А. Кубесов в возрасте 76 лет. Автор более 200 научных, научно-познавательных работ и переводов с арабского языка аль-Фараби Ауданбек Кубесович в свою очередь воспитал плеяду успешных учеников. Сын Нуржан пошел по его стопам, выбрал математику своей профессией, успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук.

Другой казахский ученый XX века, кандидат наук Мынбай Утежанович Искаков, в ходе своих исследований астрономии и математики внес бесценный вклад в реконструкцию истории древнего казахского календаря. Его открытия позволили рассматривать казахский календарь в контексте всемирно-исторического изучения географии, астрономии и этнологии. Реалии идеологической обстановки в СССР не позволили ему назвать имена ученых – представителей партии Алаш, причастных к изучению древнего календаря. Цитируя труды по этнологии профессора М. Искакова, многие и не догадываются, что автор не являлся историком, а специализировался в области астрономии и геометрии, и даже сына своего назвал Архимедом в честь великого греческого инженера. Защиту ему по математике не разрешили. Выход был один – защищаться по педагогическим наукам. Он был «невъездным», попрекали тем, что женился по любви на дочери репрессированного. В автореферате своей диссертации (1961) М.У. Искаков, тем не менее, приводит сведения по математике и астрономии, упоминает научное наследие аль-Фараби [7].

Жизнь и борьба за истину, преодоление испытаний, выпавших на долю ученых XX столетия, способны научить новые поколения молодежи современного Казахстана высоким человеческим качествам. Преданность любимому делу, открытость ученикам, вера в идеалы, патриотизм присущи настоящим исследователям.

Потенциал исследований Акжана Машанова, Мынбая Искакова, Ауданбека Кубесова, других казахских ученых, творивших на стыке

гуманитарных и естественных наук, раскрывается в изучении всемирной истории. Многие они унесли с собой, вынужденные замалчивать некоторые факты в условиях советской цензуры. В суверенном Казахстане их уникальные труды нуждаются в популяризации, в их изучении молодыми исследователями. Имена ученых, трудом своим доказавших актуальность междисциплинарных связей, навсегда останутся в интеллектуальной сокровищнице мирового знания. Они заслужили достойное место в истории национальной Академии наук РК, их достижения и открытия должны отражаться в образовательных программах ведущих университетов страны. В сердцах же благодарных учеников их уроки сохранятся вечно.

Список литературы

1. *Муканова Г. К.* Абу Наср аль-Фараби и идентичность Алаш // В кн. Эпоха аль-Фараби и диалог цивилизаций. – Алматы: Казак университети, 2020. – С. 345–366.
2. *Кубесов А.К.* Математическое наследие Аль-Фараби. Алма-Ата. 1974; Его же. Астрономия в трудах Аль-Фараби. – Алма-Ата: Наука, 1981; Его же. Педагогическое наследие аль-Фараби. – Алма-Ата: Мектеп, 1989; Его же. Естественно-математическое наследие аль-Фараби. – Алматы: Казак университети, 1997.
3. Архив КазНУ им. аль-Фараби. Личные дела преподавательского состава.
4. *Көбесов А.* Әл-Фараби мен Абайды қатар оқығанда: Зерттеу еңбек. – Алматы: Казак университети, 2006.
5. *Розенфельд Б. А.* О математических трудах аль-Фараби // Аль-Фараби. Математические трактаты. – Алма-Ата, 1972. – С. 7–14; Розенфельд Б. А. Примечания к «Комментариям к трудностям во введениях к первой и пятой книгам Евклида» // Аль-Фараби. Математические трактаты. – Алма-Ата, 1972. – С. 255–276; Розенфельд Б. А. Математика аль-Фараби // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. – 1976. – № 1. – С. 83–84. – Рец. на кн.: Кубесов, А. Математическое наследие аль-Фараби / А. Кубесов. – Алма-Ата: Наука, 1974. – 246 с.; Розенфельд Б. А. О математических трудах аль-Фараби // Аль-Фараби. Научное творчество: сб. статей. – М., 1975. – С. 31–37.
6. См. Розенфельд Борис. Пространства, времена, симметрии. Воспоминания и мысли геометра. [Электронный ресурс] http://rulibs.com/ru_zar/nonf_biography/rozenfeld/0/j0.html, а также: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/216155-boris-rozenfeld-prostranstva-vremena-simmetrii-vospominaniya-i-mysli-geometra.html>
7. *Искаков М.У.* Изучение календаря в средней общеобразовательной школе и педагогическом училище: автореф. дис. канд. пед. наук. – Алма-Ата, 1961.

Summary

**Mukanova G.K. Interdisciplinary approach in comprehension of Eurasia.
Mathematicians in the service of history**

In the middle of the twentieth century, works that should be attributed to interdisciplinary left a noticeable trace in the array of works of domestic scientists. Of interest is the fact that the research results have been tested and implemented as part of the school curriculum. The works of mathematicians on the diploma of A. Kubesov, M. Iskakov, mining engineer A. Mashanov, paradoxically, made a valuable contribution to the promotion of historical knowledge. The purpose of the study was to reconstruct the course of their reasoning, conclusions, methodological value of these works for the humanities. The path of scientists to the heights of science turned out to be difficult due to the prevailing ideology. In terms of developing useful methods for studying the history and culture of Eurasia, it is important to take into account the achievements of scientists of the natural science direction of the twentieth century.

Keywords: Eurasia, history, geometry, astronomy, al-Farabi, interdisciplinarity

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Оразбаева А.И.

*Доктор исторических наук, профессор
Казахстанский филиал МГУ имени М.В.Ломоносова
г. Астана, Казахстан
altaiyorazbayeva@mail.com*

Дроговоз А.И.

*Аспирант факультета глобальных процессов
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
г. Москва, Россия
a.i.drogovoz@mail.ru*

Аннотация. В данной статье авторы рассматривают генезис цивилизационной парадигмы. Сравнение различных подходов в понимании цивилизации позволило более точно описать актуальность этой области научного знания в современных условиях. Одним из наиболее важных аспектов современного мира является феномен глобализации. С учетом этого и, опираясь на междисциплинарный подход, выявлены причины значимости цивилизационной парадигмы в настоящих реалиях.

Ключевые слова: цивилизация, глобализация, Евразийский мир, междисциплинарность.

Теория цивилизаций предполагает, что мир состоит из нескольких разных цивилизаций, каждая из которых имеет свои уникальные культурные, исторические и религиозные характеристики. Эти различные цивилизации могут взаимодействовать друг с другом и приводить к конфликтам или сотрудничеству в зависимости от различных факторов.

С точки зрения теории цивилизаций, Евразийский мир является одной из самых разнообразных и многогранных цивилизаций. В этом регионе существуют множество культурных, религиозных и языковых групп, которые могут взаимодействовать между собой и с другими цивилизациями.

Цивилизационный подход представляет собой междисциплинарный подход, который объединяет в себе различные научные дисциплины, такие как история, культурология, экономика, политология, антропология и социология. Он учитывает взаимодействие между различными аспектами общественной жизни и культурой на протяжении истории.

Изучение цивилизаций и их истории началось ещё в древности. Один из первых известных исследователей цивилизаций – греческий историк Геродот, живший в V веке до нашей эры. Он описал множество культур и обществ своего времени и ранее, включая Персию, Египет, Индию и Скитию.

Считается, что одним из первых термин цивилизация ввел в научный дискурс Вольтер Рене Мирабо. В своих сочинениях он выступал за идеи Просвещения и критиковал абсолютизм и феодализм, которые, по его мнению, препятствовали развитию общества. Мирабо полагал, что цивилизация – это не только развитие технологий и науки, но и уважение к человеческим правам и свободам. Он считал, что развитие цивилизации должно идти рука об руку с развитием образования и культуры, чтобы люди могли осознанно принимать решения и стремиться к лучшему. Также французский ученый утверждал, что цивилизация должна быть ориентирована на благо всех членов общества, а не только на благо небольшой элиты. Он выступал против социального неравенства и призывал к созданию более справедливых и демократических обществ [1].

В Англии термин «цивилизация» начал использоваться в конце XVIII века благодаря работам английского философа и историка Эдварда Гиббона. В своем главном труде «Римская империя» (1776–1789) Гиббон описывал процесс развития общества от диких племен к развитым цивилизациям. Он считал, что цивилизация возникает благодаря развитию науки, культуры и религии, которые становятся основой для общественного прогресса.

В Германии термин «цивилизация» стал широко использоваться в XIX веке благодаря работам философов и социологов. Например, Георг Вильгельм Фридрих Гегель в своих работах использовал понятие «цивилизации» для обозначения стадии развития общества, когда люди живут в городах и имеют развитую культуру и цивилизацию.

Теории локальных цивилизаций предполагают, что мир разделен на несколько культурных областей, каждая из которых имеет свою уникальную идентичность, исторический путь и культурные особенности. Концепции таких мыслителей, как Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, К. Ясперс, А. Тойнби и П.А. Сорокин, в значительной мере влияли на формирование и развитие цивилизационных теорий.

Николай Яковлевич Данилевский является одним из основоположников цивилизационных теорий. В своей работе «Россия и Европа» он выдвинул гипотезу о том, что историческое развитие человечества происходит по цивилизационным путям, каждый из которых имеет свои особенности и законы. Он утверждал, что цивилизации различаются между собой по ряду признаков, таких как культура, религия, язык, экономика, политическая организация и другие. Данилевский считал, что каждая цивилизация имеет свой уникальный дух, который определяет ее особенности. Он сравнивал цивилизации с живыми организмами, которые имеют свою индивидуальность, собственный путь развития и жизненный цикл. Он также утверждал, что каждая цивилизация проходит через несколько стадий развития, начиная с зарождения и заканчивая упадком [2].

Освальд Шпенглер описал цивилизации в своей книге «Закат Европы» (1918). Он считал, что цивилизации являются законченными культурными формами, имеющими свойственные им законы и закономерности развития.

Автор отмечал, что цивилизации похожи на органические сущности, которые имеют свою индивидуальность и уникальный дух, и что каждая цивилизация имеет свой цикл жизни, проходящий через несколько стадий. Он предполагал, что западноевропейская цивилизация пройдет через стадию упадка и затем прекратит свое существование, чтобы уступить место новой цивилизации. Однако ученый также утверждал, что цивилизации могут восстанавливаться и возрождаться, создавая новые культурные формы и идеи. Он полагал, что каждая цивилизация оставляет свой след в истории и культуре, и что понимание их уникальных особенностей помогает лучше понять мир и историю [3].

А. Тойнби предложил концепцию сменяемых цивилизаций, которые проходят через различные стадии своего становления. Он считал, что главным двигателем генезиса цивилизаций является творческая элита, которая побуждает инертное большинство к изменениям. Он также отмечал, что каждая цивилизация имеет свойственные ей особенности и способы развития, которые отличают ее от других цивилизаций. Тойнби призывал к ментальному обновлению и духовной преобразованности, чтобы преодолеть различные проблемы и противоречия, существующие внутри каждой цивилизации. По мнению автора, цивилизация – это эволюционная система, которая меняется со временем, но изменения происходят поступательно, а не быстро и произвольно. Цивилизации не только не могут пребывать в состоянии покоя, но и не могут произвольно менять направления эволюции [4].

Российско-американским социолог и философ Питирим Сорокин также исследовал феномен цивилизации. В своей работе «Социологический анализ цивилизаций» Сорокин представляет свою теорию о развитии цивилизаций и их особенностях. Он определяет цивилизацию как «культурно-историческую суперсистему», которая включает в себя все культурные, социальные, экономические и политические аспекты жизни общества. Сорокин утверждает, что каждая цивилизация проходит через три основных этапа развития: идеацию, идеологию и материализацию. В этом процессе первый этап, идеация, является наиболее важным и отвечает за формирование основных ценностей и идеалов общества. Идеология второго этапа приводит к интеллектуальному развитию и формированию установок, которые затем реализуются на третьем этапе, материализации, который связан с физическими и социальными изменениями в обществе. В целом Сорокин рассматривал цивилизации как динамические и развивающиеся системы, которые могут меняться со временем [5].

Фернан Бродель (1902–1985) – один из ведущих представителей анналовской школы истории. В своих работах он анализировал различные аспекты цивилизации, включая ее экономику, социальную организацию и культуру. Одной из ключевых концепций Броделя была идея о долгом временном масштабе истории. Согласно автору, цивилизация – это не только культурное явление, но и экономическое, и социальное. Он считал, что экономическая основа является фундаментом для развития цивилизации, и что история должна быть изучена с точки зрения экономической деятельности, включая торговлю, производство и распределение богатства. Одним из

наиболее важных понятий, введенных Броделем, было понятие «мировой системы». Он утверждал, что цивилизации развиваются в рамках мировых систем, которые включают в себя множество культур, регионов и стран [6–7].

Но вместе с тем Ф. Бродель считал, что при оценке цивилизации необходимо учитывать не только культурные, духовные или социальные аспекты, но и факторы географической среды. Он утверждал, что «говорить о цивилизациях – значит говорить о пространствах, землях, рельефах, разнообразии климата, растительности, животного мира, об унаследованных или приобретенных преимуществах». Он полагал, что исторические события и процессы должны рассматриваться в контексте географической обстановки, которая оказывает огромное влияние на формирование цивилизаций и их развитие. По мнению Броделя, цивилизация не может быть понята вне контекста географической среды, в которой она возникла и развивалась [6–7].

Люсьен Февр в своих работах широко обсуждал понятие «цивилизация». В книге «Цивилизация и насилие» он представил концепцию, в которой цивилизация рассматривалась как процесс развития человеческой истории, связанный с увеличением количества насилия. Автор утверждал, что развитие цивилизации и насилие идут рука об руку, и что цивилизация ведет к увеличению насилия и агрессии. Он предполагал, что этот процесс начался с появления первых государств, которые установили монополию на насилие в своих территориях, и продолжается до сегодняшнего дня. Но Февр не считал, что насилие неизбежно связано с цивилизацией. Ученый утверждал, что есть альтернативные формы организации общества, которые могут быть основаны на меньшем количестве насилия и более демократических принципах [8].

Американец Сэмюэл Хантингтон (1927–2008) в своем труде «Столкновение цивилизаций и переход к постмодерну» (1996) выдвинул тезис о том, что основной источник конфликтов в мире в будущем не будет экономическим или идеологическим, а будет заключаться в столкновении цивилизаций. Автор утверждал, что мир уже не разделяется на блоки идеологических государств, как это было в период холодной войны. Вместо этого он видел мир, разделенный на несколько основных цивилизаций, каждая из которых имеет свои уникальные культурные и религиозные особенности. По мнению Хантингтона, конфликты в мире будут возникать в тех местах, где различные цивилизации сталкиваются друг с другом. Ученый подчеркивал, что взаимодействие между различными цивилизациями необязательно приводит к конфликтам, но может привести к более глубокому пониманию и взаимному уважению. Он утверждал, что главной задачей человечества в будущем будет сохранение культурных и религиозных особенностей каждой цивилизации, а также поиск способов сотрудничества между ними [9].

Концепция «евразийская цивилизация» была разработана рядом мыслителей и историков, включая Николая Трубецкого, Льва Гумилева, Александра Дугина и других. Она основывается на представлении о существовании уникальной цивилизационной традиции в евразийском

пространстве, которая выделяется своей исторической и культурной спецификой.

Концепция «евразийской цивилизации» опирается на геополитический подход, согласно которому культурные, политические и экономические процессы в регионе определяются его географическим положением и историческими условиями. В рамках этой концепции евразийское пространство считается самостоятельной и уникальной цивилизацией, отличной от западной и восточной цивилизаций [10].

Сторонники концепции «евразийской цивилизации» утверждают, что она имеет свои особенности, связанные с уникальными географическими условиями, историческими традициями и культурным наследием. Они считают, что в рамках этой цивилизации существуют сходства между разными народами, что позволяет им формировать общественные структуры и политические системы, отвечающие евразийским традициям.

Трубецкой утверждал, что Евразия – это не просто географическое понятие, а целостный культурный и цивилизационный простор, объединяющий разнообразные этносы и государства в единое целое. Он считал, что в Евразии существует своя собственная цивилизация, отличающаяся от западной цивилизации, и что эта цивилизация имеет свои особенности, связанные с ее историческими и культурными традициями. Согласно Трубецкому, евразийская цивилизация отличается от западной цивилизации тем, что она базируется на принципах коллективизма, в то время как западная цивилизация склонна к индивидуализму и частной собственности. Он также подчеркивал, что в евразийской цивилизации большое значение придается религиозным и мистическим традициям, в то время как западная цивилизация ориентирована на рационализм и науку. Трубецкой считал, что евразийская цивилизация является самобытной, и она должна развиваться в соответствии со своими собственными традициями и ценностями, а не подражать западной цивилизации. Он также выступал за создание евразийской геополитической конфедерации, объединяющей страны Евразии на основе общей идеи и цивилизационного единства [11–12].

Российский историк, этнограф и антрополог Лев Николаевич Гумилев разработал теорию этноса и культурного генезиса, где он утверждал, что цивилизации не являются статичными, а эволюционируют под воздействием многих факторов. По его мнению, цивилизация – это сложная иерархическая структура, включающая в себя население, культуру, экономику, политику и религию. Он считал, что цивилизации формируются на основе этносов, которые обладают своими специфическими культурными чертами и генетическими особенностями. Гумилев выделял несколько этапов в развитии цивилизаций, начиная от «этапа разобщенности», когда люди жили в племенах и кланах, до «этапа цивилизации», когда возникают крупные государства и учреждения. Цивилизация может эволюционировать и достигать своего расцвета, но также может подвергаться кризисам и упадку.

Александр Дугин – философ и политический аналитик, активно развивающий концепцию «евразийской цивилизации». Он считает, что «евразийская цивилизация» – это своеобразный «цивилизационный континент», который объединяет Россию, Европу и Азию. Дугин утверждает, что это единое пространство обладает уникальной культурой, ценностями и историческими традициями, которые выделяют его среди других цивилизаций мира. В концепции Дугина «евразийская цивилизация» является антиподом западной цивилизации, которая, по его мнению, несовместима с российской культурой и идентичностью. Дугин считает, что евразийская цивилизация должна сохранять свою самобытность и независимость от влияния западных ценностей и моделей развития, чтобы сохранить свой потенциал и вклад в мировую культуру [13–14].

Александр Панарин – российский политический ученый, эксперт в области глобализации и международных отношений. В своих работах он также высказывает мнение о цивилизации и евразийстве. По мнению автора, современный мир находится в процессе разрушения старых цивилизационных моделей и формирования новых. Он подчеркивает значение России в этом процессе как центрального элемента евразийской цивилизации, которая является самостоятельной культурной и исторической областью.

Панарин отмечает, что евразийская цивилизация отличается от западной не только своей географической принадлежностью, но и своей культурной и ценностной спецификой. Она основана на идее общинности, традициях, авторитарности и вере в судьбу, что отличается от индивидуализма, свободы, демократии и рационализма, присущих западной цивилизации. Философ выступает за развитие евразийского интеграционного процесса и создание единой евразийской цивилизации, которая будет конкурировать с западной и представлять альтернативу в мировой политике и экономике [15].

Панарин высказывает критические замечания по поводу глобализации, отмечая, что она не приводит к универсальному благополучию и равенству, как это часто представляется. Он полагает, что глобализация ведет к разрушению национальных государств и к усилению неравенства между различными регионами мира [16].

Однако эксперт не выступает за изоляционизм и отказ от международной кооперации. Он призывает к построению мультиполярного мира, где различные цивилизации будут иметь возможность сохранять свою идентичность и развиваться в соответствии со своими культурными и историческими особенностями. В этом контексте он выделяет роль евразийской цивилизации и считает, что именно она может стать одним из центров многополярного мира.

Цивилизационный анализ в условиях глобализации предполагает изучение процессов, которые влияют на культурное, социальное, политическое и экономическое развитие различных цивилизаций в мире в условиях все более ускоряющейся глобализации. Глобализация означает глубокие изменения в экономической, политической и социокультурной сферах мирового

сообщества, связанные с увеличением связей и взаимозависимости между странами и народами.

Глобализация – это процесс увеличения связей, взаимозависимости и взаимодействия между различными странами и регионами мира в области экономики, культуры, политики и технологий.

Сегодня глобализация продолжает развиваться, усиливая взаимодействие между людьми и организациями по всему миру. Благодаря современным технологиям и коммуникационным средствам, связь между различными культурами и странами стала гораздо более простой и доступной, что ускорило процесс глобализации [17].

Однако глобализация также вызывает различные вызовы и проблемы, такие как усиление социального неравенства, экологические проблемы, угрозы терроризма и т.д. Вместе с тем глобализация также может приводить к росту экономического благосостояния и культурному обмену между народами.

В целом глобализация является сложным процессом, который продолжает эволюционировать и вызывать разные реакции в различных областях жизни.

Одним из основных аспектов глобализации является распространение и столкновение различных цивилизаций. Цивилизационный подход позволяет изучать эти явления в контексте культурных особенностей и уникальных черт разных народов, на основе чего можно определить факторы, которые влияют на процессы глобализации и их влияние на различные культуры.

Одним из вызовов цивилизационного анализа в условиях глобализации является сохранение культурной и национальной идентичности при одновременном участии в глобальном сообществе. Некоторые страны и культуры боятся, что глобализация приведет к потере уникальных черт и традиций, а также к доминированию западной культуры. Другие же видят глобализацию как возможность для расширения своего влияния на мировой арене и повышения своей экономической мощи.

Вопрос о том, как будет развиваться мировое сообщество в будущем, остается одним из наиболее значимых вопросов XXI века. С одной стороны, возможен переход к формированию наднациональных органов управления и мировому правительству, что будет способствовать интеграции и сближению различных народов и культур. С другой стороны, могут возникнуть обострения и противоречия между различными странами и народами на этническом, культурном и цивилизационном уровнях.

В связи с этим напрашивается вывод о том, что будущее мирового развития будет характеризоваться как интеграционными, так и дифференцированными процессами, которые будут взаимодействовать и влиять друг на друга. Поэтому для понимания и анализа этих процессов необходимо использовать комплексный подход, включающий в себя не только политические, экономические и социальные аспекты, но и цивилизационные факторы.

Цивилизационный анализ – это междисциплинарная область исследований, которая объединяет знания и методы различных наук для изучения цивилизаций в разных аспектах, включая их историю, культуру, социальные отношения, экономику, политику, экологию и т.д. Цивилизационный анализ включает в себя методы и подходы из таких наук, как история, социология, антропология, экономика, политология, экология и других.

Цивилизационный анализ также рассматривает взаимодействие между различными элементами системы, но с акцентом на культурные и исторические аспекты. Он учитывает влияние культурных ценностей, традиций, религии и экономических факторов на развитие и функционирование цивилизаций. Таким образом, цивилизационный анализ и синергетика могут дополнить друг друга и помочь в понимании сложных социальных явлений.

Что дает нам цивилизационный подход в современных условиях?

Цивилизационный анализ важен на современном этапе из-за следующих причин:

1. Это уникально-плюралистический подход, который помогает понять различные культуры и общественные системы.

2. Цивилизационный анализ помогает прогнозировать будущие тенденции в различных культурах и общественных системах. Это может помочь государствам и организациям принимать более эффективные решения. Особенно в кризисных ситуациях.

3. Способствует развитию межкультурного диалога: цивилизационный анализ способствует развитию межкультурного диалога и сотрудничества между различными культурами. Это может привести к более гармоничному и мирному сосуществованию людей в мире.

4. Решение международных проблем и кризисов. Способствует формированию справедливого многополярного мира и системы международных отношений в рамках мирного сосуществования, исключая любые идеологии превосходства.

5. Важнейшая задача цивилизационного анализа – самоопределение и самоидентификация. Поиск своего места в системе международных отношений (вопросы изучения и понимания государственности – идеократической основы функционирования этноса).

6. Развитие глобального мышления. Это может привести к более комплексному и глубокому пониманию мировых проблем и вызовов.

7. Совершенствование межкультурной коммуникации. Цивилизационный анализ помогает оценивать уникальность и ценность культурных проявлений различных народов и регионов (выстраивание добрососедских, партнерских, союзных отношений).

8. Улучшение уровня образования. Цивилизационный анализ формирует критическое системное мышление у молодого поколения, поскольку использует междисциплинарные механизмы.

Таким образом, одним из ключевых аспектов цивилизационного анализа в условиях глобализации является изучение взаимодействия между разными

культурами и цивилизациями. Глобализация приводит к тому, что народы и культуры сталкиваются друг с другом на новых уровнях, что может привести к различным последствиям как позитивным, так и негативным. Одним из примеров позитивных последствий может быть обмен культурными ценностями, которые могут привести к разнообразию и обогащению культур в мире. Однако также возможно появление конфликтов и противоречий на основе различий в ценностях, традициях и обычаях.

Сегодня цивилизационный анализ является одним из основных подходов к изучению культур и общественных процессов в мире. Он особенно актуален в условиях глобализации, когда различные культуры и цивилизации сталкиваются и взаимодействуют друг с другом, а международные отношения и мировая политика становятся все более сложными и многоуровневыми. Эта область исследований имеет большое значение для понимания современного мира и для прогнозирования его будущего развития.

Список литературы

1. *Шпилькин Ю.И.* Евразийский менталитет. – М., 2013. – 242 с.
2. *Данилевский Н.* Россия и Европа / Византизм и славянство. Великий спор. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – С. 325–486.
3. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т.1. – М.: Мысль, 1998. – 663 с.
4. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М.: Прогресс, 1990. – 640 с.
5. *Сорокин П.* О концепциях основоположников цивилизационных теорий // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. Сост. Б.С. Ерасов. – М., 2001. – 431 с.
6. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций / пер. с фр. Б.А. Ситникова. – М.: Весь мир, 2008. – 552 с.
7. *Бродель Ф.* Цивилизация как длительная временная протяженность // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Составитель Б.С. Ерасов. М., 2001. – 431 с.
8. *Февр Л.* Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 270, 282.
9. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций // «Полис». – 1994. – № 1.
10. *Оразбаева А.И.* Цивилизация кочевников евразийских степей. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 311 с.
11. *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. – М.: Прогресс, 1995. – С. 333.
12. *Трубецкой Н.С.* Общевевразийский национализм // Русская идея. – 2004. – С.381 – 382.
13. *Дугин А.Г.* Теория многополярного мира и национальная безопасность. – М.: Евразийское движение, 2012. – 533 с.
14. *Дугин А.Г.* Философия политики. – М.: Аркогея, 2016. – 614 с.
15. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Эксмо, 2003. – 544 с.

16. *Панарин А.С.* Глобализация: Политические, экономические и социальные аспекты. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 190 с.

17. Глобалистика: энциклопедия / Гл. ред. *И.И. Мазур, А.Н. Чумаков*; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. – 1328 с.

Summary

Orazbayeva A.I., Drogozov A.I. Civilizational Paradigm in Modern Conditions of Globalization

In this article, the authors examine the genesis of the civilisation paradigm. A comparison of different approaches in understanding civilisation allowed to describe more accurately the relevance of this field of scientific knowledge in modern conditions. One of the most important aspects of the modern world is the phenomenon of globalisation. With this in mind and relying on an interdisciplinary approach, the reasons for the significance of the civilizational paradigm in the present realities have been identified.

Keywords: civilisation, globalisation, Eurasian world, interdisciplinarity.

ЦИФРОВОЙ ПОВОРОТ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА И РОССИИ

Салимова Р.С.

Докторант

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

г. Астана, Казахстан

salimova_raigul@mail.ru

Нурманбетова Д.Н.

Доктор философских наук, профессор

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

г. Астана, Казахстан

jamilya_nur@mail.ru

Уразалиева Г.К.

Кандидат философских наук, доцент

Российский государственный гуманитарный университет

г. Москва, Россия

urazalieva@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс цифровизации как основной вектор развития современного общества. Авторами определены основные этапы цифровой трансформации казахстанской образовательной системы. Вместе с тем проанализирован процесс цифровизации образовательных организаций в России. Дана характеристика цели образования в условиях цифровой среды. Авторы пришли к выводу о том, что происходит формирование новой цифровой культуры, требующей модернизации системы образования как основного социального института.

Ключевые слова: цифровизация, образование, цифровая культура, трансформация.

В настоящее время происходит масштабное использование цифровых технологий, которые определяют вектор развития современного общества. Цифровая трансформация затронула и образовательную сферу. Вопрос цифровизации образования заинтересовал ученых-исследователей с момента внедрения в повседневную жизнь компьютерных технологий, сети Интернет. Однако актуальность использования цифровых технологий в образовательной среде возросла в период пандемии COVID-19, которая ускорила процесс цифровизации образования.

Цифровизация подразумевает использование больших массивов данных, которые необходимо собрать, переработать, систематизировать, передать, сохранить и т.д. Для данного процесса требуется информационно-

коммуникационные технологии, программное обеспечение, средства беспроводной передачи данных. На начало 2023 года в мире насчитывается 8,01 миллиарда людей, из которых 5,16 миллиарда являются активными пользователями Интернета. То есть больше половины мирового населения имеют доступ во всемирную паутину [1].

Для успешного цифрового развития страны должны быть готовы к использованию, внедрению и применению цифровых технологий. В связи с этим ЮНКТАД (англ. United Nations Conference on Trade and Development) определил «индекс готовности» государства к цифровым реформам. Так, согласно данным среди стран Евразийского пространства лидирующую позицию занимает Россия с индексом 0,75. Следующую позицию занимает Беларусь с индексом 0,53. Республика Казахстан занимает третье место с индексом готовности 0,50. Замыкает рейтинг Армения и Кыргызстан с показателями 0,39 и 0,25, соответственно [2].

Республика Казахстан начала свой путь к цифровой трансформации образовательной системы с момента обретения независимости. Авторами статьи определены этапы становления и развития цифровизации образования в Республике Казахстан. Первым этапом на пути к цифровой трансформации образовательной системы можно считать формирование компьютерной грамотности. В этот период компьютеризация была новшеством и стоял вопрос об интеграции отечественной образовательной системы в единое мировое информационно-образовательное пространство. В связи с этим на государственном уровне в 1997 году была принята Программа информатизации среднего образования Республики Казахстан, главной целью которой являлось создание единого информационно-образовательного пространства. Программа была рассчитана на пять лет и результатом стало практически стопроцентное оснащение объектов образовательной деятельности компьютерной техникой [3].

Второй этап приходится на 2000–2010 гг. Его можно охарактеризовать как активное использование информационно-коммуникационных технологий. В этот период цифровизация образования базируется на Государственной программе развития образования в Республике Казахстан на 2005–2010 годы. Итогом реализации программы на данном этапе стало завершение компьютеризации объектов образовательной деятельности, увеличился объем доступа обучающихся к Интернету, начали работу одни из первых образовательных порталов, происходит постепенное внедрение онлайн-обучения и переход учебных материалов в цифровой формат [4].

Третий этап, который продолжается в настоящее время, представляет собой цифровую трансформацию всего образовательного пространства. Происходит изменение целей образования, его смыслов и содержания. Цифровые технологии выступают основным инструментом для создания и применения новых образовательных практик. Основным моментом на данном этапе считается принятие в 2017 году Государственной программы «Цифровой Казахстан», в рамках которой произошел качественный переход от автоматизации процессов к цифровизации всей экономики страны [5, с. 127]. Целью программы является развитие цифровой экосистемы для достижения

экономического роста в целом. Данный документ был реализован по пяти основным направлениям. Это цифровизация отраслей экономики, переход к цифровому государству, создание инновационной экосистемы, развитие человеческого капитала и реализация цифрового шелкового пути [6]. Согласно данным Национального доклада о состоянии и развитии системы образования Республики Казахстан (по итогам 2020 года), на 2020–2021 учебный год было зарегистрировано 129 высших учебных заведений, компьютерная оснащенность которых составила 81541 единицу, что на 3 318 единиц больше по сравнению с 2019 г. (78223 единицы). Из них с доступом в Интернет – 76350 единиц [7, с. 212].

Однако, говоря о цифровизации образования, следует отметить, что это не только уровень компьютерной оснащенности и охват Интернетом, но и трансформация образовательного процесса в цифровую форму, переосмысление ценности образовательного процесса, а также преобразование методики преподавания. В настоящее время система образования Республики Казахстан интенсивно развивается. Об этом свидетельствует повышение статуса и престижа преподавательской деятельности, обучение в духе национальной идеи, использование цифровых образовательных платформ, а также интеграция в международное образовательное пространство. Так, например, в рамках цифровизации образования высшими учебными заведениями активно используется автоматизированная информационная система «PLATONUS», включающая в себя подсистемы администрирования студентов, поддержки учебного процесса и дистанционного обучения, объединенных системой электронного документооборота [8]. Данная система направлена на организацию образовательной деятельности вузов в виртуальную цифровую форму, что облегчает функционирование образовательного процесса для всех его участников.

Вместе с тем в условиях цифровизации образования меняется и его цель. Если раньше основная цель образования подразумевала приобретение обучающимися готовых научных основ, то в условиях постоянно меняющейся цифровой реальности происходит трансформация образовательной цели. Действительно, в настоящее время невозможно соответствовать требованиям рынка труда при наличии только лишь готового набора знаний. Здесь необходим еще и комплекс дополнительных качеств индивида. В связи с этим, помимо обретения знаний и умений под целью понимается также развитие личности обучающегося, раскрытие ее самобытности и самооценности, а также творческих и познавательных способностей индивида. Вместе с тем происходит формирование у обучающихся определенных компетенций, которые позволяют сориентироваться в современном обществе, а также быстро реагировать на запросы времени. То есть в цифровом мире образование представлено как уникальный социальный институт, основными компонентами которого является знание и информация, направленные на формирование одновременно индивида с определенной базой знаний и в то же время социально-значимую личность, способную быстро среагировать на запросы окружающей действительности.

В условиях цифровизации образования происходит изменение требований ко всем участникам образовательного процесса, в том числе и к педагогу. Он выступает в качестве модератора образовательного процесса, при этом он должен обладать навыками применения технологических инструментов и уметь ориентироваться в неограниченных информационных ресурсах. Это ведет к расширению круга изучаемых педагогом технологий [9, с. 996].

Одним из феноменов цифровизации образования является применение дистанционных образовательных технологий, актуальность которых особенно возросла в период пандемии COVID-19. Основными преимуществами дистанционных образовательных технологий являются масштабность, мобильность, сокращение расстояния между субъектами образовательной системы в условиях цифровой реальности, непрерывность обучения, а также возможность получения образования на протяжении всей жизни. Однако, вместе с тем, наблюдаются своего рода издержки цифровизации образования, которые имеют место при всей ее положительной составляющей. Это утрата коммуникативных качеств членов образовательной деятельности, снижение когнитивных способностей, навыков письма, приобретение знаний и умений представляет лишь передачу информацию без смыслового содержания. При неумелом использовании виртуальной цифровой реальности происходит зомбирование индивида. Он рассматривается лишь как элемент цифровой системы, без учета его личных качеств, самобытности. Утрачивается роль индивида как главного двигателя общественного прогресса.

Цифровизация, направленная на преобразование информации в цифру, тем самым создает новую цифровую, виртуальную среду, в рамках которой происходит формирование новых коммуникативных и познавательных возможностей, когда индивид уже не может реализовать свои собственные желания и потребности без учета сложившейся реальности. Таким образом, цифровизация формирует новый тип культуры – цифровую культуру, которая требует модернизации системы образования как основного социального института.

В России, с которой Казахстан связан не только исторически, но и имеет единое Евразийское пространство, цифровизация образования целенаправленно развивается уже несколько лет. С 2019 года на государственном уровне реализуется проект «Цифровая образовательная среда», одной из задач которого является оснащение учебных заведений современным оборудованием, развитие цифровых сервисов и образовательных материалов. В этом направлении ведется масштабная работа. Благодаря национальной программе «Цифровая экономика РФ», рассчитанной до 2024 года, и проекту «Цифровая образовательная среда» в 2021–2022 годах ИТ-инфраструктура заработала в 9157 образовательных организациях. В школах было организовано больше 149 тысяч точек доступа Wi-Fi, установлено более 31 тысячи камер видеонаблюдения и 9 тысяч видеорегистраторов [10].

Цифровая реформа образовательной сферы предполагает не только переход на электронную систему обучения, включающую оснащение высших учебных заведений цифровыми технологиями, но и построение новой интерактивной образовательной системы с обратной связью, когда человек

имеет возможность выбирать индивидуальный темп и программу своего обучения, когда внедряются интерактивные издания и системы, подстраивающиеся под конкретного пользователя [11, с. 14].

В России, как и во многих других странах, сдвиг в цифровизации вузов произошел «благодаря» начавшейся в 2020 году пандемии. Резко возникла необходимость перехода на дистанционное обучение. Однако многие вузы были не совсем готовы к такой действительности в виду недостаточного технического оснащения. В связи с чем стало очевидно, что необходимо интегрировать систему дистанционного обучения и системы унифицированных коммуникаций в единую образовательную среду, синхронизировав с расписанием, учетом посещений, системой успеваемости и другим, уже автоматизированным функционалом. Проблема недостаточно развитой технологической инфраструктуры высших учебных заведений стала как никогда острой. Поскольку данная проблема имеет федеральное значение, в 2021 году была запущена правительственная программа «Приоритет 2030», целью которой стало создание широкой группы университетов-лидеров в формировании нового научного знания, развитии инноваций и применении передовых разработок. Архитектура «Цифрового университета» строится вокруг основных видов деятельности образовательного учреждения – учебной, научно-исследовательской, административной и, конечно, инновационной. Концепция «Цифровой университет» помогает вузам решить многие задачи в этих направлениях [12].

Цифровизация образования в Казахстане и России показывает схожесть проблем цифровой трансформации, решение которых требует усиления цифровой культуры и компетентности.

Реалии современного образовательного процесса таковы, что основной чертой образования является его глобальность, обусловленная происходящими в мире интеграционными процессами и взаимодействием государств в разных областях жизни общества. Таким образом, образование постепенно из национальных приоритетов развитых стран переходит в мировые приоритеты.

Список литературы

1. Статистика интернета и соцсетей на 2023 год – цифры и тренды в мире и в России. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>
2. Национальный доклад «Рынок труда Казахстана: на пути к цифровой реальности» 2022г. – [Электронный ресурс]. URL: <https://iac.enbek.kz/ru/node/1453>
3. Достижения в области информатизации образования (прошлое, настоящее, будущее). Становление и развитие информатизации образования в Казахстане. – [Электронный ресурс]. URL: <https://profit.kz/articles/391/Dostizheniya-v-oblasti-informatizacii-obrazovaniya-proshloe-nastoyaschee-budushee/>

4. Информация об итогах реализации Государственной программы развития образования в Республике Казахстан на 2005–2010 годы. [Электронный ресурс]. URL: https://planipolis.iiep.unesco.org/sites/default/files/ressources/kazakhstan_implementation_spde_2005-2010.pdf
5. Дуламбаева Р.Т., Жумашева М.Б. Цифровая трансформация: ретроспектива и развитие информационно-коммуникационных технологий в Казахстане. Вестник университета «Туран». – № 3. – 2021. – С. 124–132. <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2021-1-3-124-132>
6. Государственная программа «Цифровой Казахстан» – [Электронный ресурс]. URL: Digital Kazakhstan | Электронное правительство Республики Казахстан (egov.kz)
7. Национальный доклад о состоянии и развитии системы образования Республики Казахстан (по итогам 2020 года). – Нур-Султан: Министерство просвещения Республики Казахстан, Министерство науки и высшего образования, АО «Информационно-аналитический центр», 2021. – 310 с. – [Электронный ресурс]. URL: <https://iac.kz/wp-content/uploads/2022/02/naczionalnyj-doklad-po-itogam-2020-goda-2.pdf>
8. Информатизация системы высшего образования в РК. – [Электронный ресурс] URL: http://www.rusnauka.com/11_NPE_2014/Informatica/3_166551.doc.htm
9. Ашилова М.С., Бегалинов А.С., Бегалинова К.К. Особенности образования в условиях цифровизации // Наука и образование. 2022. – С. 995–999.
10. Калмацкий М. Цифровизация образования в России выходит на новый уровень. – [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/02/13/cifrovizaciia-obrazovaniia-v-rossii-vyходит-na-novyj-uroven.html>
11. Осипова Н.Г. Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии// Вестник Серия 18. Социология и политология. Т. 28. – № 3. – 2022. – С. 7–27. DOI: 10.24290Б1029-3736-2022-28-3-9-42.
12. Цифровизация образования и науки в России: решаем задачи программы Приоритет 2030. – [Электронный ресурс] URL: <https://slddigital.com/article/cifrovizaciya-obrazovaniya-i-nauki-v-rossii-reshaem-zadachi-programmy-prioritet-2030/>

Summary

Salimova R.S., Nurmanbetova J.N., Urazalieva G.K.

Digital turn in the education system on the example of Kazakhstan and Russia

The article considers the process of digitalization as the main vector of development of modern society. The authors have identified the main stages of the digital transformation of the Kazakh educational system. At the same time, the process of digitalization of educational organizations in Russia is analyzed. The goal of education in a digital environment is characterized. The authors conclude that a new digital culture is being formed, which requires modernization of the education system as the main social institution.

Keywords: digitalization, education, digital culture, transformation.

СОВРЕМЕННЫЕ КРИТИКИ ЕВРАЗИЙСТВА Л.Н. ГУМИЛЕВА

Сорокин Ю.А.

*Доктор исторических наук, профессор
Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского
г. Омск, Российская Федерация
sortn@rambler.ru*

Аннотация. Рассмотрены современные критики в адрес творчества Л.Н. Гумилева и авторское к ним отношение. Научное наследие евразийцев при этом увязывается с теоретическими конструкциями самого Гумилева. Автор признает, что ядром теоретической концепции Гумилева являются его представления об этносе, а вовсе не теория пассионарности, как это принято считать. При этом историческая личность, пассионарий, также находится в центре научного наследия «последнего евразийца».

Ключевые слова: Л.Н. Гумилев, евразийство, этнос, теория пассионарности.

Мировым научным сообществом давным-давно признано, что величайшие мировые открытия, определившие на века развитие мировой науки и даже человеческой цивилизации, во-первых, не являются следствием безукоризненных логических рассуждений (ученый думал и додумался), во-вторых, не выводятся из эксперимента, из опыта. Они именно придумываются, сочиняются – время и обстоятельства не важны. По легенде, Архимед погрузился в ванну, на Ньютона упало яблоко, Менделеев увидел сон. Многие ученые повторили эксперимент А. Эйнштейна и убедились – теория относительности необъяснима экспериментальным путем.

Л.Н. Гумилев, лежа под тюремными нарами после ареста, тоже придумал свою теорию, которой он придал сообразный вид далеко не сразу. Компрометирует ли этот факт теорию Гумилева? В той же степени, как крики «Эврика!» Архимеда, голым бегущего по улице, компрометирует его выводы, а яблоко – законы классической механики И. Ньютона. Но подобно тому, как законы Ньютона действуют не всегда и не везде, теория Гумилева имеет свою сферу применения, которую лишь следует соответствующим образом определить.

Многие конкретно-исторические сюжеты, изученные Л.Н. Гумилевым, далеко не всегда разрешались автором в контексте его теории этногенеза. К таковым следует отнести целый ряд значимых в научном отношении вопросов, например, о взаимоотношениях со степью, о православной теократии, о способах русской колонизации земель за Уралом и проч. Качество их осмысления Л.Н. Гумилевым не укладывается в высокомерное «Есть мнение!», но очень часто: «Найдено решение!»

Вокруг работ Л.Н. Гумилева на протяжении долгой его жизни в науке возникали споры, разворачивалась полемика. Последняя, как известно, это такой вид спора, при котором участникам важно не просто найти истину, но опорочить противника. Сама греческая основа термина означает «воинственный, враждебный». Далеко не всегда участником такой полемики был сам Л.Н. Гумилев. Зачастую он не имел возможности не только публиковать свои ответы в открытой печати, но и вообще отвечать.

Практически все аспекты его научного творчества вызывали острую реакцию «академического сообщества». Востоковеды, прежде всего китаисты, скептически относились к гумилевской интерпретации истории кочевых народов Великой степи, особенно в части их взаимоотношений с Китаем, этнографы остро реагировали на пассионарную теорию этногенеза и ее составляющие, специалисты по русской истории не приняли гумилевской интерпретации истории Древней Руси, прежде всего в части взаимоотношений с кочевниками, а затем и с Золотой Ордой. Как и всякая полемика, споры вокруг гумилевских воззрений редко удерживались в рамках научной дискуссии. Сам Лев Николаевич далеко не всегда был невинной жертвой. Он мог ответить своим оппонентам (если получал такую возможность) в духе их критики. Но только после кончины Гумилева, уже в XXI в., критика его воззрений стала совсем уже разнузданной. Если в СССР критики Гумилева не соглашались с его взглядами, то в РФ критики Гумилева стали сознательно извращать его построения, подгоняя их под свои сомнительные выводы. Кем только не был Гумилев в глазах своих советских оппонентов, но все-таки фашистскими или нацистскими, антинаучными или псевдонаучными его сочинения не объявлялись никогда. В крайнем случае, советские авторы обвиняли его в русском национализме. Антигумилевскую критику пытались сделать общественно-политическим мероприятием, вынести научные проблемы (как в случае с романом В.А. Чивилихина) на суд общественности.

Справедливости ради отметим, что именно историки и филологи, прежде всего, не приняли творчество Л.Н. Гумилева и соответствующим образом критиковали его. Философы, географы и биологи относились к нему с большим пониманием, с несомненной заинтересованностью; они критиковали не теорию как таковую, а отдельные интерпретации Л.Н. Гумилева.

Были ли корректными обвинения самого Гумилева в адрес властей, в том числе генералов от науки, научного сообщества в целом? Если принимать во внимание суть его претензий, но не форму, в которую они были облечены, ответ будет положительным [1, с. 237–245]. Если речь идет о его мнении по конкретному поводу – нет, ибо Гумилев, споря с оппонентами, мог и забыть, что в науке любое мнение вносит свою лепту в понимание тех процессов и явлений, которые становятся предметом изучения.

Мы не должны допустить, чтобы построения Гумилева постигла та же судьба, что и наследие евразийцев. Утратив новизну и актуальность,

сделавшись привычными, они не должны потерять еще и читательский интерес. Мы надеемся, иначе говоря, что в науке останутся не только споры и дискуссии вокруг творчества Гумилева, но и само его творчество навсегда останется востребованным.

Л.Н. Гумилев в современной исторической науке чаще всего востребован как «последний евразиец». Сам ученый с гордостью позиционировал себя в качестве приверженца и верного последователя евразийской доктрины, в конце концов оформившейся в стройную научную теорию. Для ее развития сам Л.Н. Гумилев сделал очень много и как ученый, и как популяризатор науки.

Однако фундаментальные научные достижения Л.Н. Гумилева лежат в иной плоскости. Им предложено принципиально новое понимание фундаментального для гуманитарных наук термина «этнос». Данное понятие используется в науке очень давно и весьма широко. Тем не менее, содержание его не было ни обосновано с помощью формально-логического или конкретно-научного подходов, ни хотя бы определено сколько-нибудь внятно. В научной литературе, конечно, был вычленен ряд признаков, с помощью которых авторы пытались выделять этносы, действующие в мировой истории, или хотя бы сформулировать критерии, основываясь на которых можно было бы выделять этносы в историческом процессе. В качестве таковых чаще всего выступали язык, материальная и духовная культура, религия, территориальная целостность, общность экономической жизни, субъективное ощущение принадлежности к тому или иному народу и проч. Ни один из них не имел универсального характера и не мог применяться для описания любого этноса в любую историческую эпоху. Лидер советской этнографии академик Ю.В. Бромлей в конце концов вынужден был признать, что ни каждый из подобных критериев, ни вся их совокупность на практике не работают. Л.Н. Гумилев, в отличие от большинства советских этнографов, отказался считать этнос явлением исключительно социальным. Под этносом он склонен был понимать естественно сложившуюся, то есть природную, форму коллективного существования человечества, всего биологического вида *Homo Sapiens*, являющегося неотъемлемой составной частью биосферы Земли. Если это так, рассуждал ученый, то изучать этнос можно и должно, прежде всего, методами естественнонаучными, именно теми, которыми пользуются, например, биология и география. Это привело Л.Н. Гумилева к созданию особой научной дисциплины – этнологии, которая в его понимании является естественнонаучной, но ни в коем случае не гуманитарной.

Этносы – устойчивые, естественно сложившиеся коллективы людей – обладают общностью поведенческих черт, передаваемых из поколения в поколение с помощью механизма наследственности. Эти черты ни в коем случае не случайны, они вырабатываются в процессе адаптации этноса к вмещающему ландшафту и окружающей этнической среде. В конечном счете, они формируют стереотипы поведения конкретных представителей данного

этноса, этнические традиции в самом широком смысле этого слова, то есть все то, чем один этнос отличается от другого.

Итак, по Л.Н. Гумилеву, этнос не есть социальное явление, подчиненное лишь логике и закономерностям общественного развития. Этнос в то же время не есть биологическая популяция, ибо поведение и шире деятельность людей всегда осознана и подчинена определенной цели. Это природное явление, по Л.Н. Гумилеву, принципиально несводимое ни к классу, ни к сословию, ни к партии, ни к хозяйственно-культурному типу, ни к языку, ни к расе. В самом общем виде этнос есть феномен биосферы. Подобный вывод Л.Н. Гумилева вкупе с теорией пассионарности, по его собственному признанию, был весьма благожелательно встречен «географами, геологами, зоологами, ботаниками и философами», но не вызвал интереса у «историков-источниковедов, филологов и востоковедов» [2]. В литературе предложены объяснения причин такого неровного отношения к данным построениям Л.Н. Гумилева, хотя далеко не все из них содержат сугубо научную аргументацию; доказаны, а не высказаны априори. Остановимся на некоторых.

В самом деле, если этнос есть явление природное, феномен биосферы земли, тогда и люди, человеки, из которых, собственно, и состоят этносы, также есть явление сугубо природное. Это означает только одно: личности, если угодно, исторические личности, также явления природные. То есть творцы и герои, которыми гордится каждый народ и которых так много у любого народа, суть последствия таинственной игры малопонятных для историка природных сил, а папа с мамой, микросреда, социум, сам народ оказываются, что называется, не при делах.

Л.Н. Гумилев признает, что люди, к какому бы этносу они не принадлежали, не одинаковы. Именно сознание, точнее (и тоньше) страсть к чему бы то ни было (победа над врагом, открытие, почести, стяжание богатств, религиозная экзальтация, власть и проч.), то есть все то, что противоречит природным инстинктам, а зачастую и здравому смыслу, что является именно антиинстинктом, обозначается ученым как пассионарность (от латинского *passio* – страсть). Носители пассионарности – пассионарии – могут быть, по слову Л.Н. Гумилева, людьми «добрыми и злыми, умными и глупыми, нежными и грубыми. Это не важно; главное, что они готовы пожертвовать собой и другими людьми ради своих целей, которые часто бывают иллюзорны» [2].

В своих трудах Л.Н. Гумилев крайне редко употреблял понятие «личность», уж тем более – «историческая личность», предпочитая введенный им в научный оборот термин пассионарий. Будучи, как настоящий ученый, последовательным, природу пассионарности Л.Н. Гумилев описывал через механизм мутации, вернее, микромутации, когда человек оставался самим собой, но вел себя по-другому. Естественно, что историческими личностями становятся не все мутанты-пассионарии, а лишь некоторые, очень немногие, из них. К этому добавим, что совершаться этим микромутациям позволяет

биохимическая энергия живого вещества биосферы, при этом сама пассионарность становится наследственным признаком, рецессивным, вероятнее всего. Пассионариям, по Л.Н. Гумилеву, противостоят субпассионарии, то есть обыватели, члены этого же этноса. Не бывает пассионария без субпассионария, как нет Дон Кихота без Санчо Пансы.

Деятельность пассионариев вовсе не всегда удачна. Результат ее зависит от общей активности этнической системы, которую Л.Н. Гумилев обозначал как пассионарное напряжение. Изучив деятельность и жизненный путь Наполеона, Александра Македонского, Чингиз-хана, Аввакума, Жанны д'Арк и многих других героев всемирной истории, Л.Н. Гумилев убедился, что всех их объединяет непреодолимое внутреннее стремление к активной деятельности, вектор которой не определяется ни условиями социальной среды, ни материальными благами, ни жизненными интересами. Их деятельность сопровождается непониманием и осуждением окружающих их субпассионариев, массовыми жертвами, разрушением культуры, даже гибелью цивилизации. Их деятельность не сводима ни к биологическим инстинктам, ни к психологическим и социально-значимым свойствам человека, реализуется либо как активность этнического коллектива, либо как поведенческий импульс.

Естественно, что любой ученый-историк относится к этим построениям настороженно, ибо редко в своих исследованиях он ставит вопрос «почему?», предпочитая отвечать на вопросы «кто?» и «когда?». И это несмотря на то, что, по большому счету, иных собственно научных объяснений появления крупных исторических личностей в литературе не предложено. Не считать же таковыми случай, вызовы времени, волю Божью и т. п.

В современной исторической науке наличествует всплеск интереса к проблеме личности в истории. Казалось бы, именно сегодня должны быть востребованы теоретические конструкции Л.Н. Гумилева. Однако этого не произошло. Мы вправе констатировать тот факт, что Лев Николаевич оказался очень несчастлив в своих учениках, если вообще уместно говорить о таковых. Даже если его теоретические конструкции не отвергаются с ходу (а сделать это совсем не просто, ибо отрицать сам факт существования биохимической энергии живого вещества биосферы Земли не сможет сегодня никто, равно как и принципиальную возможность микромутации человеческих особей, влияющих на поведенческий императив как этноса, так и отдельной личности), то они игнорируются. Последователи и адепты теории Л.Н. Гумилева более заняты ее популяризацией, нежели серьезной научной работой в части ее адаптации к конкретным историческим исследованиям. В итоге, скажем это с горечью, блестящая научная теория все еще смотрится гипотезой, не апробированной на практике в сколько-нибудь значительном масштабе. Яркие исторические сочинения самого Л.Н. Гумилева, написанные с позиций его теоретических штудий, историографическую ситуацию не меняют. Объяснения этому следует искать в следующих обстоятельствах.

Современный историк, как правило, не имеет никакой естественнонаучной подготовки, следовательно, не владеет и естественнонаучными методами исследования. В силу этого он оказывается не в состоянии применить их к конкретному историческому материалу. В силу самой природы исторического познания историк пишет историю не так, как она была на самом деле, а так, как она отразилась в исторических источниках. Работать же с источниками методами естественных наук пока что не научился никто. Сам Л.Н. Гумилев предостерегал читателя и возможного своего последователя от стремления использовать его теории применительно к новому времени, тем более применительно к истории XX в. «Аберрация близости», по мнению ученого, серьезно деформирует построение исторической науки. Тут вступает в действие философский принцип, известный как «брита Оккама»: «сущности не следует умножать без необходимости». Иначе говоря, реалии нового времени можно объяснить и интерпретировать без теорий Л.Н. Гумилева. Так, по мнению Льва Николаевича, и надлежит поступать. Его теоретические конструкции применимы там и тогда, когда в распоряжении историка нет потребного количества исторических источников, прежде всего письменных. Более того, Л.Н. Гумилев никогда не претендовал на истинность своих теорий, полагая, что истины наличествуют только в спекулятивной (умопостигаемой) науке, такой, как математика, которая оперирует не явлениями природы или социума, а числами – созданиями нашего мозга [2, с. 10]. Он предложил научную теорию, работающую в совершенно определенных условиях, но не истину, свет которой обязателен для всех. Итак, современная гуманитарная наука оказалась не готова подкрепить теоретические изыскания Л.Н. Гумилева научным опытом, исследовательской практикой. Но, в полном соответствии с мнением Уильяма Оккама, то, что не поддается проверке в опыте (и не сводится к интуитивному знанию), должно быть удалено из науки. Многие и многие современные нам авторы готовы именно так поступить с теоретическим наследием Л.Н. Гумилева.

Лев Николаевич подчеркивал, что он диалектик и материалист, что его теории ни в малейшей степени не расходятся с историческим и диалектическим материализмом, а лишь расширяют сферу их применения. В нынешних условиях его лояльность марксизму также не добавляет ему дивидендов.

Кстати, в марксизме теоретические аспекты проблемы личности в истории проработаны очень качественно. Созданы и прикладные, весьма эффективно работающие методы и методики – методы социальной типизации, например. Советские историки умели их использовать в своих конкретных исследованиях. Сегодня же лавинообразное увеличение публикаций по данной проблеме, столь неудачно названное «антропологический поворот» никак не сопровождается теоретическим осмыслением этой кардинальной проблемы исторической науки.

Список литературы

1. *Гумилев Л.Н.* Справка. Механизм зажима публикаций Л.Н. Гумилева, доктора исторических наук с 1961 г., за период с 1975 по 1985 г. // Воспоминания Л.Н. Гумилева: Воспоминания. Публикации. Исследования. – СПб.: Росток, 2003. – 368 с.

2. *Гумилев Л.Н.* Биография научной теории, или Автонекролог // Знамя. 1988. – № 4. – С. 211–235. – [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article11.htm>

Summary

Sorokin Yu.A. Modern Critics of Eurasianism L.N. Gumilyov

Modern critics of L.N. Gumilyov and the author's attitude towards them. At the same time, the scientific heritage of the Eurasians is linked with the theoretical constructions of Gumilyov himself. The author acknowledges that the core of Gumilyov's theoretical concept is his ideas about the ethnic group, and not at all the theory of passionarity, as is commonly believed. At the same time, the historical figure, the passionary, is also at the center of the scientific heritage of the “last Eurasianist”.

Keywords: L.N. Gumilyov, Eurasianism, ethnos, theory of passionarity.

ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТЕКСТ ПОЗДНЕИМПЕРСКОГО КОЛОНИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА

Суворова Н.Г.

*Кандидат исторических наук, доцент
Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского
г. Омск, Российская Федерация
sng19911@gmail.com*

Аннотация. В статье представлены позиции экспертов, участвующих в разработке и реализации колониционного проекта Российской империи. Планы по европеизации (цивилизации, христианизации) азиатских окраин критически переосмысливались с учетом евразийского контекста. «Срединный мир» Азиатской России задавал новую оптимистическую перспективу сближения народов, преодоления культурной, расовой, цивилизационной границ. Своеобразие и ценность раннего этапа евразийства в сопряжении с колониционным опытом.

Ключевые слова: евразийство, колониционный проект, областничество.

Истоки евразийства формировались как в оппозиционных, так и вполне официальных идеологемах, существовали и в виде научных конструктов, и действенных колониционных практиках на азиатских окраинах Российской империи. Имманентное присутствие «предчувствий евразийства» в российском общественно-политическом дискурсе подтверждают его жизненность и обусловленность собственно российским пространством. Образы пространства, включавшие или исключавшие Россию из Европы или Азии, являлись субъективными и ценностными суждениями [1, с. 278], но они проходили проверку не только в интерпретациях и конструкциях ученых, политиков, публицистов, но и в реализации азиатского вектора российской политики, направленного на освоение, интеграцию «уже своего» или «еще чужого» Востока. Преемственность поколений российских интеллектуалов в начале XX в. еще не была окончательно разрушена, и, хотя евразийцы были «порождением русского изгнанничества» [2, с. 17], это не исключало сложных, многоуровневых и опосредованных связей с интеллектуальной средой позднеимперской России и Европы [3]. Очевидно, что историю идеи о самобытном пути развития России, своеобразии и значимости географического пространства Евразии, синтезе европейских и азиатских элементов в русском этносе и культуре невозможно представлять в виде процесса последовательного и поступательного накопления (протоевразийских) компонентов, которые в сумме и дадут результирующую концепцию. Данное уравнение имеет слишком значительное число неизвестных как объективных, так и субъективных слагаемых, упущение или допущение которых чревато неоправданными, а главное сложно опровергаемыми и доказуемыми связями. Стоит отметить, что

формирование этих идей происходило в сложном по составу и характеру интеллектуальном пространстве позднеимперской России, включавшем академических ученых-теоретиков, общественно-политических деятелей и мыслителей, а также имперских экспертов. На долю последних выпадала особая задача выбора и апробации на практике тех идеологем, которые были порождены кабинетными учеными, поэтами и философами. Направления и методы территориальной экспансии, колонизационные практики обеспечивались научной экспертизой, а результативность имперских мероприятий по освоению новых пространств, в свою очередь, отражалась в ретроспективных и перспективных оценках российской действительности. Евразийцы в статусе эмигрантов вряд ли могли себе позволить внедрять свои идеи в действительность, способствовать строительству новой Евразии. Однако они не соглашались с оценкой своих построений как утопических и, создавая евразийскую концепцию истории России, встраивали в нее оценки имперского прошлого, советского настоящего, перспективы евразийского будущего.

Европеизированная идеология XVIII в., подкрепленная научными изысканиями российских историков и географов, впервые предложила российскому обществу восприятие азиатской части своей территории как «чужой», «дикой», «не-европейской». Усиливалось противопоставление внутренних европейских и азиатских территорий России сравнением с Европейскими империями и созданием нового, не только цивилизационного, но и этнокультурного деления территории на метрополию и колониальные владения [1, с. 278–279]. Эта позиция сохранится на протяжении всего имперского периода, но она не останется единственной и однозначной.

Изменение ракурса наблюдения за российским пространством, а также новое видение перспектив имперского разнообразия (отход от универсалистских, европоцентристских концепций) во второй половине XIX в. было связано с новациями в российской академической среде, а также потребностями государства эпохи реформ. «Движители реформ» – просвещенные бюрократы были заинтересованы в использовании научных методов получения информации для эффективного управления государством. Возникновение Императорского русского географического общества, а позднее и переселенческих структур, активная деятельность военных топографов и статистиков создавали своеобразный передаточный механизм между имперской властью и обществом [4, с. 155–198; 5]. В деятельности этих структур особо четко прослеживается взаимовлияние имперского пространства, процессов нациостроительства на формирование научных знаний, официальной идеологии, выработку определенного политического курса на Дальнем Востоке, в Степном крае и Сибири вообще [6; 7]. Прежде всего, это касалось своеобразия колонизационных практик империи, в рамках которых отношение строителей империи – русского крестьянства и коренных народов – не были связаны исключительно с подчинением и эксплуатацией, но предполагали различные варианты разнонаправленной интеграции, ассимиляции. Также сложившиеся в европейской науке иерархии наций и народностей однозначно

не вписывались в российский научный и официальный дискурс. Деление народов на развитых (цивилизованных) и отстающих (дикарей), причем с попаданием русских и славян в группу «догоняющих» делало более привлекательным «выстраивание своего понимания нации вокруг понятия «народность» через отличительные черты, уникальность и специфику» [4, с. 187–188]. Этнограф Н.Н. Надеждин предложил в качестве нового направления отечественной науки – изучение «самообразной бытности человечности», «совокупности отличительных черт, теней, оттенков» [8, с. 61]. Цель этих исследований в изучении народной идентичности (народности) через совокупность всех свойств наружных и внутренних, физических и духовных, умственных и нравственных, из которых складывается «национальная физиономия». Именно это направление своими исследованиями позволило более тщательно наполнить пространство «Срединного мира».

Переходным звеном от славянофильских идей обособленности и превосходства славянского мира перед азиатскими народами и культурами к евразийской идее близости этих элементов парадоксальным образом становятся и представления сибирских областников [9; 10; 11, 12, 13]. Последовательно доказывавшие обособленность сибирского пространства в географическом, экономическом, административном и антропологическом планах, они, тем не менее, ближе других оказывались к евразийским представлениям об азиатских народах, идее равенства культурных типов и праве каждого народа на свой путь развития. Учитывая активную и достаточно плодотворную деятельность областников, направленную не только на разработку своих идей, но и на их реализацию, вполне уместной будет характеристика областничества не только как предтечи евразийства, «частного проявления общеевразийской идеи», но и как вариант «практического евразийства».

Несомненным новаторством областников и возможным компонентом в евразийской теории стала разработка идеи о надэтнической территориальной идентичности сибиряка [14, с. 109–128; 15, с. 219–221]. Для обоснования особого сибирского характера и физического типа сибиряка областники использовали новейшие для своего времени научные достижения физической антропологии [16]. Начав со щাপовской идеи особой «сибирско-русской» народности, они довели толкование «сибирскости» до своеобразного учения об образовании в Сибири под влиянием ряда факторов особого культурно-антропологического типа (и даже «сибирской расы»), по образцу того, как это происходило в Америке. Поэтому они с таким вниманием фиксировали изменения в русском антропологическом типе и его этнографических чертах из-за смешанных браков и бытовых заимствований в пище, одежде, жилище и даже обрядах, появление специфических сибирских групп русских, таких как «гураны» или «карымы». Однако устойчивых метисных групп (тем более зафиксированных особым правовым статусом) в Сибири не сложилось, со временем они должны были сделать выбор и ассимилироваться в каком-то большом этносе, преимущественно в русском, который всегда оставался «открытым» через русскую культуру и православие. Расовое смешение

областники приветствовали до тех пор, пока оно оставалось «повышающим», действующим «положительно» на «примитивное мирозерцание» инородцев и не «понижало» физические и культурные способности самих русских. Сближение русских с коренными народами, подчеркивал Н.М. Ядринцев, оставаясь в рамках социальной теории эволюционизма, «может быть наиболее благоприятным для русской расы ввиду сохранения ее высоких расовых черт и способностей. В этом случае важен перевес качественный, кроме количественного в русском населении. Без сомнения, сила сохранения расовых и национальных черт обуславливалась высотой культуры, умственным развитием и теми средствами, которыми обладает население». Схожим образом оценивались и бытовые заимствования. Высокий статус «русской расы» в Сибири, по их убеждению, поможет сохранить просвещение и образование, направленное не только на детей, но и на взрослое население. Но по мере просвещения азиатских народов их культурное влияние на русских будет нарастать, поэтому так важно поддержать «русскость» в Сибири «постоянным обновлением и подкреплением высшей расы путем колонизации» [17, с. 57, 58].

Реально оценивая возможности русского колонизатора, областники вместе с прочими имперскими экспертами опасались за итоги высокой просвещенческой миссии [18, с.157–222]. Невысокий уровень «цивилизованности» русских переселенцев и старожилов, хотя и уменьшал дистанцию между ними и местными народами, воспринимался как фактор чреватый опасностью культурной деградации. Таким образом, переселение русских крестьян на окраины империи и новое иноязычное и иновещное окружение становилось серьезной проверкой самих русских на их национальную устойчивость, приверженность к православию, а социокультурная адаптация могла привести не только к смене идентичности, но и утрате антропологических черт русского человека. С одной стороны, это работало на их концепцию «сибирского народа», а с другой, внушало опасение с «цивилизационной» точки зрения.

Особенно много способствовали возбуждению этой фобии сами областники, которые в поисках этнографической и антропологической специфики сибиряков обратили пристальное внимание на отклонения в русском этнокультурном типе населения. Н.М. Ядринцев даже подготовил специальную исследовательскую программу, призывая тщательно собирать сведения и анализировать факторы воздействия инородцев на русских, особенно отмечая случаи физического и умственного понижения уровня последних. Его соратник по областническому движению Г.Н. Потанин пришел к выводу: «Обзор приведенных нами фактов заставляет сомневаться в существовании у русского народа ассимиляционной способности. Мы можем говорить только об ассимиляционной деятельности русского народа, интенсивность которой зависит от целого ряда условий, причем главным регулятором является культурное превосходство русских над инородцами, так как, где этого условия нет, русский элемент сам поддается инородческому влиянию и утрачивает свою национальность» [19, с. 77–78]. Много

инородческих заимствований фиксировалось областниками в быту и языке сибиряка, что стало почти хрестоматийным, войдя в учебные издания и популярные книги [20, с. 143–145]. Фактически, наблюдая за трансформацией русского населения в Сибири, областники не только зафиксировали процессы формирования «сибирской нации» (предтечи «евразийской нации») на современном этапе, но и приняли активное участие в ее конструировании.

Особое место в ряду экспертов по вопросам колонизации азиатской России принадлежало Н.М. Ядринцеву – ученому, публицисту и чиновнику. И дело не только в его «опозиционно-ссылном» прошлом, его уникальность заключалась в том, что он создал и сумел донести и до общества, и до чиновников свои оригинальные и вполне аргументированные взгляды на колонизацию региона. В областнической историографии отмечается однозначный вклад в евразийское наследство Г.Н. Потанина, благодаря его исследованиям в области фольклора народов Центральной Азии [12]. Позиции Н.М. Ядринцева по вопросу просвещения и перспектив развития сибирского региона не вполне оправданно определяют как «западнические».

Ядринцев действительно отстаивал необходимость для сибирского населения самых широких программ просвещения, понимая под ними не европеизацию, а прагматичное образование, подготовку специалистов для всех отраслей производства. Недостаток техников, учителей, врачей, чиновников отражается во всех сферах труда и промышленности, а отсутствие интеллигенции («местного образованного слоя») влияет на умственный склад сибирского общества и его общественную жизнь. Отсутствие образования, невежество населения чревато для общества «дичанием, отступлением от культуры русского населения, понижением расы вследствие метизации, а также обынородчением русского элемента» [17, с. 455]. Собственная сибирская интеллигенция, как и интеллигенция туземных народов, имела с точки зрения областника несомненные преимущества перед временной, приезжей («навозной»). Только наличие этого компонента делало жизнь общества сознательной, открывало перспективы «новой поры исторической жизни», означало становление местной науки, литературы, власти. Развитие гражданских чувств, бескорыстных стремлений и идеалов, сформулированных местной интеллигенцией (иначе, гуманизация общества), позволит разрушить «эгоистическую, сухую, черствую и грубоживотную» жизнь сибиряков. Важно, что просвещение у областников не рассматривалось как привилегия русского населения, напротив, каждая национальность, желающая сохранить свою самостоятельность, должна была пройти путь цивилизации. «Привитие цивилизации» через строительство школ и распространение православия становилось залогом спасения коренных племен от вымирания в настоящем и гарантом их развития в будущем. Просвещение и христианизация аборигенов не предполагало, по мнению Ядринцева, использования ни в качестве методов, ни в виде результата русификацию. Напротив, русификация характеризовалась как «неумелый и грубый» бюрократический метод разрушения основ самобытной народности. Обрусевшие инородцы, как «дурные элементы»

туземного общества, эксплуататоры, взяточники противопоставлялись образованным инородцам, сохранившим любовь к собственному племени, к судьбе его.

Областник, защищая интересы всего сибирского населения, подчеркивал необходимость сочетать интересы пришлых оседлых земледельцев и кочевых инородцев, хотя бы как равнозначных подданных. Принесение интересов инородцев в «жертву» земледельческой культуре, в принципе признавалось возможным, но оправданием этому должны были быть преимущества, выгоды и благоденствие всего степного населения. Н.М. Ядринцев признавал за сибирскими народами право сохранения собственной культуры и хозяйства, а потому не видел необходимости в обязательной, принудительной седентаризации [22, с. 175]. Оседлость не рассматривалась им как однозначный критерий прогрессивности, тем более, если она сопровождалась разорением людей. К сожалению, план Ядринцева постепенного просвещения инородцев с помощью школы и церкви, с сохранением культурного многообразия Сибири проигрывал радикальным унификационным планам «чиновников-проектировщиков», нацеленных на быстрый результат.

Важно отметить, что взгляды областников на перспективы интеграции «своей Азии» были не чужды и определенной части местных администраторов. Чиновники не были изолированы от академической среды и благодаря образованию, а также активному сотрудничеству с учеными, общественными деятелями могли являться носителями аналогичных представлений. Во второй половине 60-х гг. XIX в. обсуждая перспективы присоединенных степных территорий, сибирская администрация в рамках Степных комиссий рассматривала альтернативные колонизационные проекты, наполненные как европоцентристскими, так и вполне евразийскими представлениями о новых азиатских участниках имперского строительства.

Поглощение степных окраин представлялось имперским идеологам как постепенное расширение национального русского ядра, так и как создание русских анклавов («островков русского мира») в стратегических зонах Русской Азии. Вместе с тем, во взглядах имперских наблюдателей, теоретиков и практиков на крестьянское переселение никогда не существовало единства. Но при очевидной разнице в масштабах и целях теоретических концепций и объяснительных моделей их объединяла схожая цивилизационная риторика и признание исключительной важности роли русского крестьянина в политическом, экономическом, социокультурном и ментальном расширении России. Предлагаемые идеологические формулы уже не замыкались в служебных документах или научных трактатах, а тиражировались и пропагандировались журналами и газетами, становясь важным фактором формирования общественного мнения, стереотипизации исторического и географического смыслов крестьянского движения на восток.

Список литературы

1. *Бассин М.* Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 277–310.
2. *Ларюэль М.* Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. – М.: «Наталис», 2004. – 287 с.
3. *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: История в документах. – М.: Новое издательство, 2010. – 418 с.
4. *Найт Н.* Наука, империя и народность: Этнография в русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 155–198.
5. *Сыздыкова Е.С.* Российские военные и Казахстан: социально-политическая и экономическая история Казахстана XVIII – XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России). – М.: Б.и., 2005. – 246 с.
6. *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX–XX веков. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – 552 с.
7. *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 421 с.
8. *Надеждин Н.Н.* Об этнографическом изучении народности // Записки Русского географического общества. Кн. 2. – СПб., 1848. – С. 61–115.
9. *Шиловский М.В.* Сибирские корни евразийства // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. – Новосибирск, 1999. – С. 102–111.
10. *Шиловский М.В.* Сибирские областники как предшественники евразийцев // Евразийство и Казахстан: Тр. Евразийского научного форума. – Астана: ЕНУ, 2003. Т.1. – С. 25–29.
11. *Мамсик Т.С.* У истоков сибирского евразийства // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.: Сб. материалов конференции. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://sibistorik.ru/project/modern/004.html>
12. *Селиверстов С.В.* Г.Н. Потанин: Сибирское областничество между западничеством и евразийством (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского ун-та. – 2007. – № 3–1. – С. 107–114.
13. *Михайлов Д.* Евразийство в национальном дискурсе Сибири // Вестник Российской нации. – 2014. – № 1. – С. 144–159.
14. *Ремнев А.В.* Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX века // Полития. – 2011. – № 3 (62). – С. 109–128.

15. *Суворова Н.Г.* «Сибирская нация» в исторических конструкциях и административных практиках XIX в. или как из крестьян делали сибиряков (по итогам совместного исследования с А.В. Ремневым) // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология и практики исследования. Программа и тезисы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – Томск, 2014. – С. 219–221.

16. *Могильнер М.* Ното imperii: История физической антропологии в России (конец XIX – начало XX вв.). – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 512 с.

17. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / Под ред. С.Г. Пархимовича. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – 480 с.

18. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные культуртрегеры» // Ab Imperio. – 2008. – № 2. – С. 157–222.

19. *Потанин Г.Н.* Сибирские казаки // Живописная Россия. Западная Сибирь. – СПб., 1884. – Т. XI. – С. 77–78.

20. *Головачев П.* Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. – М: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902. – 300 с.

21. *Шиловский М.В.* «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: Биографический очерк. – Новосибирск: ИД «Сова», 2004. – 241 с.

22. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. – СПб.: Изд. И.М. Сибирякова, 1892. – 720 с.

Summary

Suvorova N.G. Eurasian Context of Late Imperial Colonization Project

The article presents the positions of experts involved in the development and implementation of the colonization project of the Russian Empire. Plans for Europeanization (civilization, Christianization) of the Asian outskirts were critically rethought considering the Eurasian context. The "middle world" of Asiatic Russia set a new optimistic perspective for the rapprochement of peoples, overcoming cultural, racial, civilizational boundaries. The originality and value of the early stage of Eurasianism in conjunction with the colonization experience.

Keywords: Eurasianism, colonization project, regionalism.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПЦИИ ЕВРАЗИЙСТВА

Сыздыкова Ж.С.

*Доктор исторических наук, профессор
Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
ccca-iaas@yandex.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена историческому аспекту формирования концепции евразийства. Отмечается, что начало евразийства имеет глубокие исторические корни. Возникновение движения – это ответный шаг на ситуацию в Российской империи в связи с произошедшей Октябрьской революцией в 1917 г. В качестве ответной реакции на крушение существовавшего политического строя, исчезновение царской власти и поиск будущего пути развития страны с опорой на накопленное историко-культурное наследие евразийских этносов. Формирование евразийства происходило в сложную историческую эпоху, в среде русской эмиграции в 1920–1930-х гг. Делается вывод о том, что концепция евразийства способствует гармонизации международных отношений, признавая глубинную идентичность и проявляя равноценное отношение ко всем этносам, проживающим на огромном континенте Евразия. И сегодня в мировом пространстве происходят сложные динамические процессы со сменой привычных центров сил. Поэтому обращение к историческому опыту концепции евразийства является актуальной.

Ключевые слова: исторический аспект, евразийская идея, Россия, Византия, Монгольское государство, революция, цивилизация, концепция.

В современном динамичном мире происходит становление новой мировой политической системы. На смену однополярному миру, где гегемоном были США, приходит новая структура мироустройства. И среди мировых лидеров, от которых зависит будущее мира, на первый план выдвигаются Китай и Россия. В новой Концепции внешней политики России от 31 марта 2023 года, в которой говорится о Российской Федерации как самобытном государстве-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы». В период формирования нового мироустройства весьма полезным представляется обращение к историческому опыту обустройства такого огромного пространства, как континент Евразия.

Пристальный интерес к идее евразийства активно проявился на рубеже XX и XXI вв. «В пределах десятилетия прекратила свое существование орбита восточноевропейских сателлитов, а советская империя распалась на части, теряя почти все русские приобретения со времен Петра Великого. Ни одна мировая держава не рассыпалась до такой степени полностью и так быстро, не проиграв войны» [1, с. 695].

В своих трудах классические евразийцы в лице Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Л.П. Карсавина, Г.В. Вернадского, М.Г. Торновского, Э. Хара-Давана, М.В. Шахматова С.Н. Пушкарёва, Н.Н. Алексеева исследовали целый ряд вопросов, связанных с формированием общности исторической судьбы

народов Евразии, их естественную совместимость, историческую «спаянность» огромной территории Евразийской цивилизации и преемственность в развитии евразийских государств.

Классические евразийцы рассматривали исторический опыт развития российского государства в контексте мировой истории. Россия – это часть Евразии, которая, являясь составной частью континента, который и есть главный театр действий в мировой истории, когда большая приморская часть Евро-Азиатского материка является окраиной, здесь речь идет об Европе, Индокитае, Индии, Иране, Корее.

Исходя из этого, не Киевская Русь, которая распалась в XII веке на самостоятельные княжества, которые еще к тому же враждовали между собой, а Владимирско-Московское княжество выступило преемником Монгольского государства, которое представляло собой централизованное евразийски ориентированное государство.

В своей исторической концепции первые евразийцы обратили пристальное внимание на циклы и объединения, которые представляли собой ряд попыток предпринятых, например, скифами, гуннами, тюрками, монголами, русскими с целью создания единого евразийского государства. Ключевым двигателем исторического процесса являлось постоянное взаимодействие между разными культурами, разными видами ведения хозяйств: оседло-земледельческой и кочевой.

Существуют различные интерпретации взаимоотношения «Леса и Степи». Известный историк С.М. Соловьев отмечал, что «...воинственные кочевники были для славянских земледельцев непреодолимой преградой» [2, с. 512]. По мнению Л.Н. Гумилева, евразийца новой волны, «Лес» и «Степь» не антагонисты, они не являются враждебными сторонами, и даже разница между ними не столь велика, как писали ранние исследователи. И этому причиной был европоцентризм, когда в отношении всех степных этносов применяли термин «варвары», и это относилось ко всем, кто не принадлежал к европейской цивилизации. Об этом Гумилев написал в своей книге «Древняя Русь и Великая степь». К тому же стремление контролировать Великий Шелковый путь с его многочисленными трассами, который связывал страны Востока и Запада и способствовал становлению одной системы. Евразийцы особую роль отводили кочевым этносам всей Евразии – посредникам, которые явились соединяющим звеном различных цивилизаций: средиземноморской, китайской, индийской и др.

Известный российский ученый Александр Дугин, рассматривая реформы Петра Первого, написал: «Евразийцы, со своей стороны, предложили совершенно особую трактовку большевизма, вытекающую из совершенно инаковых предпосылок. Они полагали, что историческая рефлексия правящего класса при царизме вообще была неадекватной, не национальной, а, следовательно, она оказалась ошибочной, преступной, и в конце концов довела народную стихию до точки радикального бунта» [3, с. 5–25].

Один из основоположников евразийства князь Николай Трубецкой считает, что государство не представляет собой живой и крайне тонкий

организм, русская нация не внесла великий вклад в европейскую культуру: «И поэтому-то число настоящих вкладов русского гения в «сокровищницу европейской цивилизации» осталось ничтожным по сравнению с массой иностранных культурных ценностей, непрерывно механически пересаживаемых на русскую почву» [4, с. 121]. Федор Достоевский, оценивая реформы Петра Первого, пишет: «Выражаясь точнее, одна идея Петра была народна. Но Петр как факт был в высшей степени антинароден» [5, с. 115]. Евразийцы отмечали преемственность своих идей и признавали среди своих предшественников Гоголя, Достоевского, Леонтьева и славянофилов.

К.Н. Леонтьев имел в виду такие черты, которые с течением времени легли в идеологическую основу евразийства. Совершенно очевидно, что философ не принимает западную буржуазную цивилизацию, а проявляет повышенное внимание к культурам народов Востока, который боролся против колониализма Запада. Философ, исповедующий православие, находясь на дипломатической службе на территории Османской империи, говорил о Коране как о «прекрасной поэме», восхищаясь набожностью и благочестием «старых турок» (не затронутых европеизацией).

Потомок рыцарей Тевтонского Ордена барон фон Унгерн-Штернберг стал предтечей евразийства, к тому же он был одним из вождей Белого движения в Сибири. Со своими воинами в 1920 году он вошел в Монголию, взял ее столицу, выбив оттуда китайцев, которые оккупировали Монголию. Барон мечтал совершить походы в Европу, как Чингизхан. В итоге он был взят красными, которые в 1921 году и расстреляли его.

«Русская революция разрушила сначала все политическое здание Российской империи. А затем низвергла основанный на частной собственности социальный уклад России» [6, с. 96]. Революция в России, Первая мировая война привели к серьезным изменениям в социально-политической жизни многих стран. И в этот критический период истории выходят работы Н.С. Трубецкого «Европа и человечество», Освальда Шпенглера «Закат Европы» и др. Основные постулаты евразийства были сформулированы в манифесте «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения» в 1921 г. «Посткоммунистическая Россия оказалась в границах, не имеющих исторического прецедента. Как и Европа, она вынуждена будет посвятить значительную часть своей энергии переосмыслению собственной сущности» [6, с. 17].

Американский ученый Р. Карнейро отмечает: «В ходе эволюции общества изменяются комбинации различных структурных признаков, которыми данное общество отличается от предшествующего» [7, с. 83]. «История Евразии – есть история сообщества различных народов на почве Евразийского месторазвития, их взаимных между собой притягиваний и отталкиваний и их отношения вместе и порознь к внешним (вне-евразийским) народам и культурам» [8, с. 3].

Николай Бердяев утверждал: «В эти годы в среде русской молодежи, более обращенной к политике, образовались новые течения, отличные от

течений старой эмиграции, получивших наименование «пореволюционных». Таковы были... евразийцы... Пореволюционная молодёжь, в противоположность старой эмиграции, признала революцию и пыталась утверждать не дореволюционное, а пореволюционное. Они примирились с тем, что произошёл социальный переворот, и хотели строить новую Россию на новой социальной почве» [9, с. 45].

Проблемы, связанные с исторической целостностью евразийского пространства, совместимость народов, проживающих на общей территории, преемственность государственных образований, которые ранее существовали в Евразии, были исследованы в трудах Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, П.М. Бицилли, С.Г. Пушкарева, М.В. Шахматова, М.Г. Торновского, В.П. Никитина, Э.Д. Хара-Давана и др.

Г.В. Вернадский сыграл огромную роль в том, чтобы придать исторической концепции евразийства целостное академическое содержание. Концепцию многолинейности исторического процесса и теории локальных цивилизаций исповедовали представители евразийского движения. Опираясь на идеи, высказанные Н.Я. Данилевским, которые трактовали прогресс не как поступательное движение общества и государства, а как реализацию разнообразных возможностей, заложенных в различных культурах, Н.С. Трубецкой сделал вывод о необходимости преодолеть европоцентризм во взглядах на мировую историю.

Ведь Европа такая же локальная цивилизация, как и другие, и ее претензии на универсальный, общечеловеческий, общецивилизационный характер и исключительность есть не что иное, как «эгоцентризм» романо-германских народов [10, с. 117].

В противоположность политическому подходу в оценке истории Николай Трубецкой был убежденным сторонником культурологического подхода. Его перу принадлежат разработки таких понятий, как «локальная цивилизация», «автаркия», «единство наций», которые лежат в основе создания целостного культурного мира. «Общность судьбы» определяется не только основами экономической или исторической составляющей, а еще отсутствием проявлением господства одной нации над какой-либо другой.

Основу «автаркии» составляли, по мнению Н.С. Трубецкого, культурно-исторические зоны. Понятие культурно-исторические зоны им разработано в книге «Вавилонская башня и смешение языков», где отмечается, что культура народов, проживающих по соседству, имеют сходные черты. Далее выделяются известные культурно-исторические «зоны», например, в Азии зона мусульманской, индостанской, китайской, тихоокеанской, степной, арктической и др. культур.

«Границы всех этих зон взаимно перекрещиваются, так что образуются культуры смешанного или переходного типа. Отдельные народы и части народов специализируют данный культурный тип, внося в него свои специфические индивидуальные особенности. В результате получается та же радужная сеть, единая и гармоничная в силу своей непрерывности и в то же время бесконечно

многообразная в силу своей дифференциации» [11, с. 380]. Идея Николая Трубецкого отойти от идеи европоцентризма получает поддержку у П.М. Бицилли в его труде «“Восток” и “Запад” в истории Старого Света».

«Концепции истории Старого Света как истории дуэли Запада и Востока может быть противопоставлена концепция взаимодействия центра и окраин как не менее постоянного исторического факта». Петр Михайлович Бицилли говорит о Среднем Континенте – Евразии, населенной по преимуществу восточнославянскими, финно-угорскими и степными кочевыми племенами. При этом Европа (наряду с Китаем, Индостаном, Ираном) представляется как окраинно-приморская часть целостного Континента» [12, с. 320]. Согласно П.М. Бицилли, «тот, кто владел степью, становился политическим и государственным объединителем Евразии и двух периферических миров». Для того, чтобы в одной системе существовали различные виды хозяйства важно контролировать торговые пути, что связывают Восток и Запад.

Движущие силы исторического процесса изучал Г.В. Вернадский. По его мнению, исторический процесс – это проявление некой «жизненной энергии», которая заложена в народе, и она влияет на окружающую географическую и этническую среду. «Создание народом государства и усвоение им территории зависит от силы этого давления и от силы того сопротивления, которое это давление встречает» [13, с. 5]. Эти идеи, по сути, были дальнейшим развитием взглядов В.О. Ключевского, у которого элементы истории также складывались из взаимодействия личности, людского общества и природы страны [14].

Г.В. Вернадский рассматривал исторический процесс в качестве системы, сменяющихся типов месторазвитий. В своей книге «Начертание русской истории» ученый подчеркивает, что развитие народа происходит в определенной среде и на определенном месте. При этом для него понятие «месторазвитие» обозначает не просто географическую территорию, а определенное социально-этническое и географическое единство. «История распространения русского государства есть в значительной степени история приспособления русского народа к своему месторазвитию Евразии, а также и приспособления всего пространства Евразии к хозяйственно-историческим нуждам русского народа». [15, с. 11].

Улус Джучи (Золотая Орда) являлся одним из центров владений Великого хана, имел в свою очередь несколько центров, одним из которых являлась Русская земля. Включение восточно-русских земель в состав Монгольской империи означало перемещение их из маргинального положения, которое они занимали в системе взаимоотношений с Византией, в самую стремнину «исторического потока» [16, с. 240]. Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский, П.Н. Савицкий, П.М. Бицилли на обширном историческом материале обосновали, что история Евразии представляла собой последовательный ряд попыток создания единого всеевразийского государства.

На огромном пространстве Евразии имели место как периоды объединения и расцвета, так и упадка и падения различных государств. От единой государственности к системе государственных образований. На

пространстве Евразии смешивались языки, культуры, народы. Самое большое государство Евразии – Россия – является наследницей всех предыдущих держав: скифской, гуннской, монгольской.

«Византийские идеи и чувства сплотили в одно тело полудикуую Русь. Византизм дал нам силу перенести татарский погром и долгое данничество» [17, с. 104]. «Монгольское наследство облегчило русскому народу создание плоти евразийского государства. Византийское наследство вооружило русский народ нужным для создания мировой державы строем идей» [18, с. 17].

«Связующими началами» цивилизации Г.В. Вернадский считал политическое и духовное единство составляющих тот или иной «мир» народов. В статье «Два подвига Александра Невского» через призму личностей Александра Невского и Даниила Галицкого он рассматривает нелегкий выбор, перед которым стояла Русь в XIII в.: Восток или Запад, монгольская орда или латинский орден [19, с. 243].

Как считает Н.С. Трубецкой, вестернизация не «плюс», а скорее «минус» для не-европейской культуры. Вестернизация – это путь, который ведет к разделу незападноевропейской нации на слои и классы. К тому же, приводит к затруднению перехода из одного общественного слоя или класса в другой, а в итоге – к росту напряженности на общественном и государственном уровне.

Классические евразийцы в своих исследованиях произвели переосмысление пути исторического развития России, по-новому сумели прочесть и дать новую трактовку, новое понимание устоявшихся основных положений традиционной русской историографии.

В концепции евразийства изложены основные этапы исторического развития России. Показано:

1. Как менялась идеология государства, модель государственного устройства.
2. Место и роль русского народа от Киевской Руси и до РФ
3. Выделены периоды упадка и взлета.

Отмечается, что при всех условиях, через которые прошла исторически Россия, она оставалась Российским Государством. «Важнейший аспект, внесенный евразийцами, это взгляд на ход исторического процесса не изнутри, а извне, с позиции включенности в мировую историю. Г.В. Вернадский для этого ввел понятие «мировых империй», политических образований, объединяющих разнородные цивилизации [19, с. 9].

Так, Римская, Византийская и Монгольская империи были мировыми именно потому, что обеспечивали взаимодействие культуры земледельческой, морской и культуры кочевнической, степной. Кочевые народы, волнами накатывавшиеся в черноморские степи из глубины континента, являлись посредниками между цивилизацией и культурой средиземноморской и дальнеазиатской (китайской и индийской) и инициировали процессы объединения народов.

«Теорию циклов» взяли за основу евразийцы с целью объяснить процессы общественно-политического развития, происходящие в Евразии, что привело к

глубокому пониманию особенностей отдельных периодов развития континента и придавало истории целостность и системность.

В основе российского евразийства заложен принцип многоступенчатости, и это связано с тем, что на территории России не было моноэтнического государства. Начиная с самых ранних периодов развитие русского народа шло через сочетание вначале славян и финно-угров, затем появился тюркский элемент.

Есть свои особенности евразийства, например, в Казахстане. Среди множества моментов, связанных с Советским Союзом, отметим, что для Республики Казахстан характерны многокультурность, многонациональность, поликонфессиональность, единство в многообразии. В Республике Казахстан наблюдалось и имеет место умелое сочетание рациональности с развитой технологией, с одной стороны, а с другой – характерная для Азии мудрость, мистицизм и т. п.

С 1 января 2015 года действует Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС), в котором активно сотрудничают Россия, Казахстан, Армения, Киргизия, Беларусь, они развивают общий рынок на основе свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

К настоящему времени написано огромное количество книг, статей с изучением архивных документов, издавались и переиздавались труды так называемых классических евразийцев, в которых показана континентальная природа России и ее возможность и перспективы сотрудничества со всеми своими соседями. На сегодняшний день стратегическое сотрудничество России и Китая может способствовать формированию Большого евразийского пространства, которое послужит интеграции всего континента Евразия.

Список литературы

1. *Киссинджер Г.* Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
2. *Соловьев В.С.* История России с древнейших времен: В 15 кн. / отв. ред. и авт. вступ. статьи д-р ист. наук Л.В. Черепин. Кн.1. Т.1–2. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 810 с.
3. *Дугин А.* Преодоление Запада // *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. – М: Аграф, 1999. – С. 5–25.
4. *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. – М: Аграф, 1999. – 736 с.
5. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 30 томах. Т. 26. – Л.: Наука, 1972–1990. – 518 с.
6. *Вернадский Г.В.* Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. – 339 с.
7. *Карнейро Р.* Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // *Альтернативные пути к цивилизации.* – М.: Логос, 2000. – 368 с.
8. *Вернадский Г.В.* Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. – М.: КМК, 2005. – 476 с.

9. Бердяев Н.А. Самопознание. [Электронный ресурс]. URL: <http://fanread.ru/book/1874198/?page=45>
10. Трубецкой Н.С. Европа и человечество / Н. Трубецкой. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999. – 736 с.
11. Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Н. Трубецкой. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999. – 736 с.
12. Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света "Восток" и "Запад" в истории Старого Света / П. М. Бицилли // Утверждение евразийцев. – Кн.2.: – М.; Берлин: Геликон, 1922 (Sinaburg & Co). – С. – 317–340.
13. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 350 с.
14. Ключевский В.О. Книга: Русская история. Полный курс лекций. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.co/br/?b=121735&p=3>
15. Вернадский Г.В. Начертание истории / Георгий Вернадский (Золотой фонд политической мысли). – М.: Эксмо, 2014. – 336 с.
16. Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории / Г. Вернадский. Сфера Евразии. – М.: КМК, 2005. – 476 с.
17. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. – М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерова и К^o, 1881. Т.1. – 312 с.
18. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 350 с.
19. Вернадский Г.В. Два подвига св. Александра Невского / Г. Вернадский. Сфера Евразии. – М.: КМК, 2005. – 476 с.

Summary

Syzdykova ZH.S. Historical Aspect of the Concept of Eurasianism

The article notes that the roots of the Eurasian worldview go deep into history and the formation of the movement itself can be assessed as a response to the critical situation in Russia after the October events of 1917. The formation of Eurasianism took place in a complex historical era, in the environment of Russian emigration in the 1920–1930s. It is concluded that the Eurasian idea forms harmonious international relations, since at the starting point it recognizes the deep identity and equivalence of the peoples inhabiting the expanses of Eurasia. A complex and ambiguous process of shifting the world centers of power is currently taking place in the world historical process. The Eurasian space is taking the leading positions in world politics and economy, which is acquiring a new, global dimension.

Keywords: historical aspect, Eurasian idea, Russia, Byzantium, Mongolian state, revolution, civilization, concept.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ – ПУТЬ К ПОСТРОЕНИЮ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Хонёрская Л.Л.

*Доктор политических наук, профессор
Кыргызско-Российский славянский университет
г. Бишкек, Кыргызстан
larkhop@gmail.com*

Аннотация. В статье обосновывается тезис о том, что евразийская интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе является путем к построению многополярного мира. Логика его доказательства такова: в настоящее время происходит трансформация миропорядка и переход от его однополярной к многополярной структуре. Основными звеньями нового миропорядка выступают ООН как универсальный механизм регулирования системы международных отношений и гарант всемирной стратегической стабильности; региональные межгосударственные объединения, активно взаимодействующие с ООН, основной целью которых является укрепление региональной стабильности; двусторонние отношения между государствами, построенные на принципах равенства и соблюдения суверенитета, и нацеленные на обеспечение стабильности на локальном уровне.

В условиях кризиса ООН и существенной трансформации двусторонних межгосударственных отношений региональная интеграция становится базовым элементом построения многополярного мира. Самым амбициозным региональным интеграционным проектом в XXI в. является проект Большого Евразийского партнерства, в состав которого могут входить не только государства, но и уже действующие объединения и организации (ЕАЭС, АСЕАН, ШОС, АТЭС и другие). Интеграционный потенциал проекта определяется тем, что в первой четверти XXI в. в странах Большой Евразии сконцентрировано почти 9/10 производимой в мире энергии, около 3/4 мирового ВВП и 4/5 населения мира. Его успешность будет означать окончательный переход к многополярному мироустройству.

Ключевые слова: миропорядок, многополярное мироустройство, евразийская интеграция, ЕАЭС, «Один пояс – один путь», проект «Большая Евразия»

Мировой порядок, миропорядок – это совокупность принципов, норм и институтов, регулирующих поведение международных акторов (государств, межгосударственных объединений, международных организаций, транснациональных корпораций и т. д.) [1, с. 178].

Одним из постулатов теории мирового порядка является признание полюсной структуры мира, отдельные ученые говорят о центрах силы. При характеристике мирового порядка часто отождествляют понятия «центр» и «полюс». С этой точки зрения, миропорядок может быть однополярным, биполярным и многополярным, моноцентричным или полицентричным.

После распада СССР в 1991 г. установился однополярный мир, условием сохранения которого выступало глобальное лидерство США. Но в 1997 г. Россия и Китай поставили задачу формирования многополярного мира, приняв

первую российско-китайскую совместную декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка [2].

Принципами создания нового международного порядка были провозглашены «взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, взаимное невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование и другие общепризнанные принципы международного права» [2].

Конкретизация понимания того, что представляет собой многополярный мир была предложена Российской Федерацией в 1999 г. в документе «Концепция мира в XXI веке», представленном на 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [3]. «Концепция мира в XXI веке» исходила из того, что существуют три базовых элемента новой системы мироустройства: ООН как универсальный механизм регулирования системы международных отношений и гарант всемирной стратегической стабильности; региональные межгосударственные объединения, активно взаимодействующие с ООН, основной целью которых является укрепление региональной стабильности; двусторонние отношения между государствами, построенные на принципах равенства и соблюдения суверенитета, и нацеленные на обеспечение стабильности на локальном уровне.

Очень важно отметить, что с разрушением системы однополярного мира ООН стала испытывать кризис, а двусторонние межгосударственные отношения также стали подвергаться существенной трансформации. Именно поэтому региональная интеграция сегодня выступает базовым элементом построения многополярного мира и требует внимательного изучения.

Итак, на рубеже XX–XXI вв. Россия и Китай заявили об ориентации на построение модели многополярного миропорядка и отказ от однополярной модели мироустройства. На Мюнхенской конференции 10 февраля 2007 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин задал вопрос: «Что же такое однополярный мир? Как бы ни украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. Считаю, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при лидерстве в современном – именно в современном – мире не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что ещё важнее: сама модель является неработающей, так как в её основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации» [4].

В 2011 г. в программной статье «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» В. В. Путин прямо обозначил задачу создания нового мирового полюса: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [5]. Тем самым Президент России «публично обозначил своё видение новой международной системы и определил в ней место и роль России как ядра нового интеграционного союза» [6].

Интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе началась на постсоветском пространстве, пройдя ряд этапов. В 2014 г. Белоруссией, Казахстаном и Россией был создан Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – международная организации региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью, которая начала свою работу 1 января 2015 г., в этом же году к нему присоединились Армения и Кыргызстан.

Негативное отношение Запада к евразийскому интеграционному проекту было продекларировано еще на стадии его обсуждения. Бывший госсекретарь США Х. Клинтон прямо заявила: «США постараются не допустить воссоздания Советского Союза в новой версии под вывеской экономической интеграции». Свою роль она определила так, что «делаются усилия по ресоветизации региона». Далее ею уточняется: «это будет называться по-другому – Таможенным союзом, Евразийским союзом или еще как-нибудь в этом роде. Но не будем обманываться на этот счет — мы знаем, какова истинная цель, и пытаемся найти эффективные способы замедлить и предотвратить это» [7]. Поэтому, следуя в фарватере этой установки, некоторые лидеры постсоветских государств высказывают опасения по поводу ограничения их суверенитета и возможной политической зависимости в рамках интеграционных объединений.

В свою очередь государства, имеющие более долгий период присутствия на мировой арене, позитивно оценивают образование и развитие ЕАЭС. Они желают заключать соглашения о создании зон свободной торговли с государствами ЕАЭС. Об этом заявили Вьетнам, Египет, Израиль, Индия, КНР, Сирия, Таиланд, Тунис др.

Наиболее активно продвижение Евразийского экономического союза на Восток осуществляется через создание зон свободной торговли между ЕАЭС и странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Восточный вектор ЕАЭС помимо укрепления экономического, культурно-гуманитарного сотрудничества способен обеспечивать баланс интересов стран-участниц и партнеров в Юго-Восточной Азии в сфере обеспечения взаимной безопасности и укрепления мер доверия [8, с.75].

Идея двух евразийских интеграций – интеграции на постсоветском пространстве и интеграции в более широком континентальном евразийском масштабе – была реализована, когда на основе признания ценностей многополярного мира было принято решение о сопряжении китайской стратегии «Один пояс – один путь» с Евразийским экономическим союзом.

8 мая 2015 г. президент РФ В. Путин и председатель Госсовета КНР Си Цзиньпин подписали совместную декларацию по сопряжению Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП), позднее он стал называться «Один пояс – один путь» [9]. Таким образом, деловое сотрудничество между двумя странами вышло на уровень приоритетного стратегического консенсуса, предоставляя определенные политико-экономические гарантии государствам, непосредственно составляющим евразийский регион.

По итогам российско-китайских переговоров в Пекине 25 июня 2016 г., председатель Госсовета КНР Си Цзиньпин заявил: «Китай и Россия – основные

экономики мира из стран с формирующимися рынками. Мы с Президентом Путиным отметили, что у обеих сторон есть уверенность и возможности расширить региональное экономическое сотрудничество, преодолеть трудности и вызовы в мировой экономике и сохранить положительную динамику экономического развития наших стран через углубление практического сотрудничества и совмещение интересов, в частности путем сопряжения национальных стратегий развития и строительства “Одного пояса и одного пути” и Евразийского экономического союза» [10].

Главы государств выступили за создание евразийского всеобъемлющего партнерства, основанного на принципах открытости, транспарентности и учета взаимных интересов. Этот проект получил название проекта Большого Евразийского партнерства (проект «Большая Евразия»), в состав которого могут входить не только государства, но и уже действующие объединения и организации (ЕАЭС, АСЕАН, ШОС, АТЭС и другие), и уже стал самым амбициозным интеграционным проектом нашего столетия. Он опирается на то, что в первой четверти XXI в. в странах Большой Евразии сконцентрировано почти 9/10 производимой в мире энергии, около 3/4 мирового ВВП и 4/5 населения мира.

В политико-экономическом и институционально-технологическом планах проект Большого евразийского партнёрства подразумевает создание сети зон свободной торговли, торгово-экономических партнерств и сопряжение региональных интеграционных процессов на всем евразийском материке. Он предполагает вовлечение крупных западных акторов – Индии, Пакистана, Кореи, Монголии, Ирана, Вьетнама, Сингапура, Сербии, Израиля, стран АСЕАН, государств Центральной Азии.

Региональная евразийская интеграция строится не только на основе экономического, но и языкового, религиозного, культурного сотрудничества. Реализация проекта подразумевает создание общего пространства равноправного сотрудничества разнообразных региональных межгосударственных объединений, разделяющих концепцию многополярности. Так, 12 ноября 2021 г. Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) был преобразован в Организацию тюркских государств (ОТГ), которая намерена «развивать политическую солидарность, экономическое сотрудничество и торговлю, культурные контакты, гуманитарные и общественные связи» [11]. Организация исламского сотрудничества (ОИС), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Каспийская пятёрка – также сторонники многополярного мироустройства.

Происходящая сегодня трансформация системы международных отношений, переход к принципу многополярности обусловлен стремлением всё большего числа стран, к которым, в первую очередь, относятся страны БРИКС, ШОС и АСЕАН, изменить глобальную политико-экономическую архитектуру так, чтобы у них появилась возможность занять в ней достойное место, иными словами, представлять альтернативу Коллективному Западу. Решается задача формирования комплексной Стратегии развития Большого евразийского партнерства, которая «должна отражать ключевые международные вызовы,

определять перспективные цели, содержать инструменты и механизмы для их достижения» [12].

Через четверть века после постановки проблемы мироустройства на международном уровне в Совместном заявлении РФ и КНР «Об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху», сделанном 21 марта 2023 г., сказано: «Стороны отмечают стремительный характер происходящих в мире перемен, глубокую трансформацию международной архитектуры, необратимость таких исторических тенденций, как мир, развитие, сотрудничество и совместный выигрыш, констатируют ускорение процесса становления многополярного миропорядка, укрепление позиций стран с формирующимся рынком и развивающихся государств, рост числа региональных держав, оказывающих влияние на глобальные процессы и демонстрирующих стремление отстаивать свои законные национальные интересы» [13].

По мнению автора, это заявление по стратегическому взаимодействию России и Китая с целью продвигать многополярное мироустройство означает, что процесс формирования нового многополюсного миропорядка от деклараций перешёл в фазу институционализации.

В заключение, следует отметить, что региональные интеграционные процессы идут на других континентах планеты, прежде всего, в рамках БРИКС и АСЕАН, но уровень их интенсивности и институциональной наполненности заметно отличается от интеграции в Большой Евразии. Это позволяет утверждать, что именно евразийская интеграция является путем к построению многополярного мира.

Список литературы

1. *Сирота Н. М.* Понятие «мировой порядок» в современном теоретическом дискурсе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3 (29).
2. Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. Принята в г. Москве 23.04.1997 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/abro/6305>.
3. *Иванов И. С.*, министр иностранных дел России. Концепция мира в XXI веке (Выступление на 54-й сессии Генеральной ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 21 сентября 1999 г.) // Международная жизнь. – 1999. – № 10.
4. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.
5. *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.izvestia.ru/news/502761>.
6. *Крутько А. А.* Евразийские приоритеты России на современном этапе // [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskie-prioritety-rossii-na-sovremennom-etape>.

7. Победа над Россией как антикризисный лозунг // [Электронный ресурс]. URL: <http://krasvremya.ru/pobeda-nad-rossiej-kak-antikrizisnyj-lozung>.

8. Хопёрская Л.Л., Харченко В.А. Евразийская интеграция – 2017: ресурсы и перспективы // Вестник КРСУ. – 2017. – Том 17. – № 9. – С.74-77

9. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути (8 мая 2015 г.) // [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>.

10. Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров (25 июня 2016 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52273>.

11. Turkic World Vision – 2040 // [Электронный ресурс]. URL: <https://turkicstates.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf>.

12. Чушкин В. 28.05.2022 Евразийская экономическая интеграция в эпоху глобальных перемен // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/05/28/evrazijskaja-ekonomicheskaja-integracija-v-epohu-globalnyh-peremen-56295.html>.

13. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. (21 марта 2023 г.) // [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5920/>

Summary

Khoperskaya L.L. Eurasian Integration – the Way to Build a Multipolar World

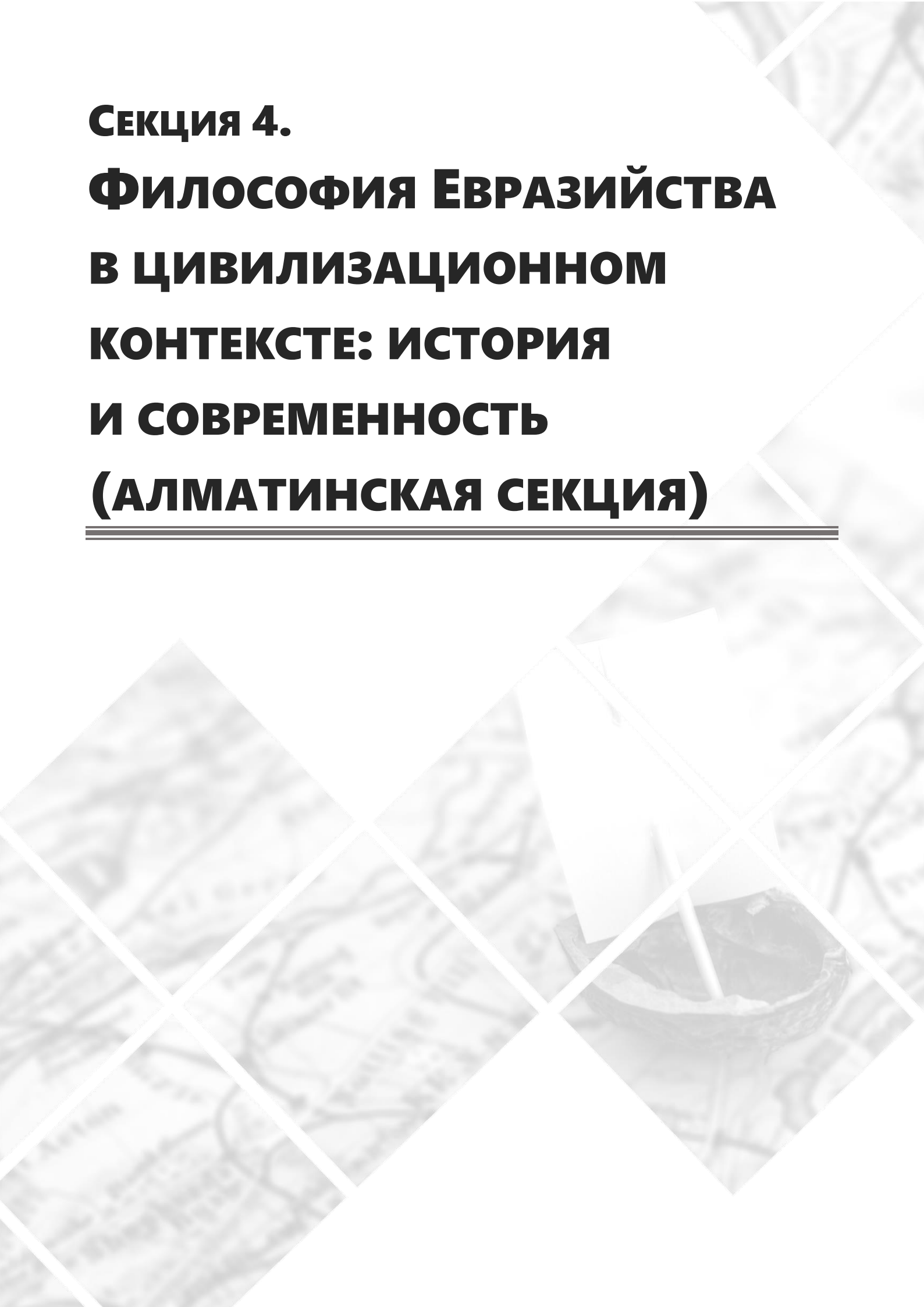
The article substantiates the thesis that Eurasian integration on a new value, political, economic basis is the way to building a multipolar world. The logic of his proof is as follows: the world order is currently undergoing a transformation and a transition from its unipolar to multipolar structure. The main links of the new world order are: the UN as a universal mechanism for regulating the system of international relations and a guarantor of global strategic stability; regional interstate associations actively interacting with the UN, the main goal of which is to strengthen regional stability; bilateral relations between states, built on the principles of equality and respect for sovereignty, and aimed at ensuring stability at the local level.

In the context of the UN crisis and a significant transformation of bilateral interstate relations, regional integration is becoming a basic element in building a multipolar world. The most ambitious regional integration project in the XXI century. is a project of the Greater Eurasian Partnership, which can include not only states, but also already existing associations and organizations (EAEU, ASEAN, SCO, APEC and others). The integration potential of the project is determined by the fact that in the first quarter of the XXI century. in the countries of Greater Eurasia, almost 9/10 of the world's energy is concentrated, about 3/4 of the world's GDP and 4/5 of the world's population. Its success will mean the final transition to a multipolar world order.

Keywords: world order, multipolar world order, Eurasian integration, EAEU, One Belt, One Road, Greater Eurasia project.

СЕКЦИЯ 4.

**ФИЛОСОФИЯ ЕВРАЗИЙСТВА
В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ
КОНТЕКСТЕ: ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ
(АЛМАТИНСКАЯ СЕКЦИЯ)**

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ ГОРОДОВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРАЗИИ

Абишева А.К.

*Доктор философских наук, и.о. профессора
Казахский национальный университет имени аль-Фараби
г. Алматы, Казахстан
abishevaliya@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются особенности политико-административной системы городов средневековой Евразии домонгольского периода на основе некоторых современных исследований. С учетом того, что имеется скудное количество материалов источников и документов для изучения городской культуры средневековой Евразии и характера ее социально-политического устройства данного периода, существует многообразие научных гипотез дискуссионного характера, что требует более широкого сравнительно-теоретического подхода. Исследования выявили феномен двойственного характера политико-административной системы городов средневековой Евразии, а именно, систем двойного администрирования, выраженного в военно-гражданской дихотомии в виде соглашения между гражданской, административной и военной ветвями власти, схожести форм взаимоотношений правления с гражданским населением (*эмир-аян* в Мавераннахре и *правитель-народ* в вечевой парадигме на Руси). Отсюда можно заключить, что существовала определенная социально-экономическая и политическая преемственность в городах Евразии вдоль торговых путей Шелкового пути, с преобладанием народно-гражданского городского самоуправления и коллективного суверенитета. В связи с этим можно сделать вывод об отличии государственной модели средневековых евразийских городов от городов-государств Западной Европы данного периода и имперской модели последующего периода.

Ключевые слова: Евразия, политико-административная система, городская культура, коллективный суверенитет, Шелковый путь.

Сведения о развитии городской культуры Евразии Средневековья с IX по XII вв. домонгольского периода, особенностях социальной, политической, культурной и административной системы ее городских центров мы в основном можем почерпнуть из различных источников: как из китайских летописей, заметок арабских географов, историков и путешественников, так и из записей христианских европейских миссионеров, торговцев, посещавших города, расположенные вдоль развитой тогда торговой системы Шелкового пути и наблюдавших социально-экономическую, культурную и интеллектуальную жизнь жителей городов и прилегающих к ним местностей. Современные исследования включают не только источники, но и археологические находки, иные письменные источники и т.д., и на основе различных научных методов разрабатываются гипотезы, интерпретации, но, тем не менее, эта тема до сих пор недостаточно изучена, существует множество предположений в понимании социально-политического устройства городов Евразии того периода, существовавших в них форм власти, управления, администрирования, налогообложения и т.д.

Главными особенностями социально-экономического развития того периода в Евразии были торговые отношения между Востоком и Западом, от Китая до Византии и Европы в целом через разветвленные маршруты Великого Шелкового пути, пролежавшие через огромные территории от севера до юга, от восточных до западных районов Евразии с их крупными центрами на юге, в Трансоксиане, имевших торговые связи с Ближним Востоком, а также в северо-западной части, в Киевской Руси, открывавшей торговые пути также в Прибалтику и Скандинавию. Развитая система межкультурной коммуникации таким образом создавала оживление культурного, интеллектуального обмена между крупными географически отдаленными частями света и открывала возможности развития городской культуры и ее политико-административной системы, приспособленной к обеспечению торговых отношений как основного источника экономического процветания регионов Евразийского континента.

Также важными особенностями социально-экономического развития населения являлись кочевой образ жизни и родоплеменная система наследования власти, а также внутривластные особенности взаимоотношения власти с народом, ее зависимости от решений народа и всего родоплеменного сообщества, эти особенности накладывали отпечаток на социально-политическое устройство самых, казалось бы, разных народов и этносов, населявших Евразию, делая ее единым целым, отличавших ее от жизненного уклада людей других регионов планеты.

Как отмечал академик В.В. Бартольд: «Кочевой народ при нормальных условиях не стремится к политическому объединению; отдельная личность находит для себя полное удовлетворение в условиях родового быта и в тех связях, которые создаются жизнью и обычаем между отдельными родами, без каких-либо формальных договоров и без создания определенного аппарата власти. Общество располагает на этой стадии развития народа такой силой, что его воля исполняется, не нуждаясь для этого со стороны властей, которые бы располагали определенными законными полномочиями и определенной внешней силой принуждения» [1, с. 8]. Это указывает на то, что система материального производства при кочевом образе жизни, требующего рассеивания на больших отдаленных степных территориях, не способствовала формированию крупной централизованной политической общности, централизованного государственного аппарата с сильной военной властью и подконтрольной ей регулярной армией [2]. Скорее речь могла идти о конфедерациях, этнополитических объединениях или политических союзах, но без единого центрального руководства. Как отмечают многие исследователи, существовали центры кочевий, представлявших самостоятельные владения с ханами во главе. С.М. Ахинжанов приводит примеры значительных объединений половцев, но их этнополитические союзы не имели «управленческого аппарата, налоговой системы, т.е. атрибутов, необходимых для функционирования государства» [3, с. 283]. О существовании на территории Казахстана единого кипчакского государства В.В. Бартольд писал:

«Были отдельные кипчацкие ханы, но никогда не было хана всех кипчаков» [1, с. 99].

В отличие от степи в городских центрах, где активно развивалась торговля, ремесленное искусство и преобладал оседлый образ жизни, наблюдалась более четко выраженная государственная структура, осуществлялся сбор налогов, существовала своя политико-административная система, однако и здесь влияние правительства никогда не выходило за пределы Дивана и полагалось на местных аянов – «знатных людей» в качестве посредников. В Трансоксиане или Мавераннахре (как она называлась в арабских источниках) у государства не было монополии на законное применение насилия. Это говорит о наличии иной модели «государства», чем западноевропейская модель того времени. От бассейна Тарима до восточного Ирана городская знать обладала огромной политической властью [4]. Тем не менее, править было принято не привилегией, а скорее набором обязанностей, от исполнения которых зависело, получит ли правитель народную городскую поддержку, которая часто определяла исход династической борьбы, а владение городами определяло власть правителей. В рассматриваемый период город с его магазинами, рынками, мастерскими, монетными дворами и т.п. был средоточием экономической активности, основанной на караванной торговле. Трон «владыки Бухары» имел форму верблюда, указывая на важность караванной торговли. Знать больше предназначалась для военной защиты города и обеспечения его свободной торговой деятельности и процветания, от чего зависели, в свою очередь, ее успех и могущество. Города обладали определенной автономией и управлялись горожанами во многих вопросах городской жизни, а их жители обладали коллективным суверенитетом, решения правителей часто зависели от мнения горожан и совета старейшин города. Люди, проживавшие в городах, были связаны друг с другом общим местом жительства, а не общим происхождением. Связь между городом и деревней усиливалась еще и тем фактом, что многие представители городской «знати» владели землей в близлежащих деревнях.

В десятом и одиннадцатом веках города Мавераннахра были культурным плавильным котлом, где, по словам Таалиби, собрались лучшие умы того времени, такие как Ибн Сина, аль-Фараби, аль-Хорезми и другие. Самарканд, Мерв и Балх, которые после девятого века служили столицами для правящих династий региона, также были известны своей интеллектуальной жизнью и процветающей торговлей. Мусульманские по вере, персидские по культуре и космополиты-торговцы в повседневных делах города Мавераннахра побудили некоторых из самых выдающихся ученых, философов и поэтов мусульманской *ойкумены* если не поселиться там, то хотя бы посетить их. В это время на самом западном краю евразийской степи возник ряд городов, известных викингам как Гардарики, «земля городов», а арабам как область, граничащая со «Страной тьмы», эти государства называли себя Русью, или «Земля Руси». Гардарики составляли важный пункт на северной ветке Шелкового пути. Нумизматические

данные не оставляют сомнений в том, что контакты Руси с Самаркандом, Балхом и Бухарой существовали еще в X в. Согласно Томасу С. Нунану и Р. К. Ковалеву, более 75 процентов всего серебра, отложенного в Восточной Европе в течение десятого века, было отчеканено саманидскими правителями Мавераннахра и предназначалось для северной торговли [5]

Как показывают многие источники, примерно одновременное возрождение среднеазиатских городов и возникновение Гардарики происходило с середины восьмого века, когда северные ответвления Шелкового пути после двухвековой депрессии снова стали активными, теперь уже под покровительством Хазарского каганата. В результате Мавераннахр стал коммерчески связан с прибрежными городами Черного моря, а города Месопотамии установили торговые связи с Балтикой и Северной Европой. Таким образом, водные пути Руси приобрели большое значение, а растущая торговля способствовала развитию городов, служивших производственными центрами западной части Евразии. Другими словами, бурно развивающаяся торговля создала обширное географическое пространство, доступное каждому участвующему сообществу.

Как утверждает Ходжсон, в Мавераннахре существовала система двойного администрирования, в нем наблюдался феномен военно-гражданской дихотомии, который он назвал системой *эмир-аян*, вследствие того, что Багдад назначал региональных губернаторов — *эмиров* как военных правителей в Мавераннахр, однако эмиры сталкивались часто с гражданским «коллективным суверенитетом», с их ценностями самоуправления городом и, соответственно, с характерной местным жителям привилегией социально-экономических интересов горожан и их приоритетом над династическими интересами арабской и персидской метрополий [6, с. 65–66.]. Сфера влияния эмиров ограничивалась военными делами и налогообложением, а городское управление оставалось в руках местных землевладельческих и купеческих родов — *аянов* или «знатных» [7]. К тому же эмиры-наместники часто назначались из представителей тюркских народов, населявших регион.

И вплоть до монгольского нашествия местные власти Бухары сохраняли за собой право отменять *хутбу* (пятничную общинную проповедь, в которой упоминается имя правителя). Сильное чувство местной автономии также проявлялось в отказе принять халифскую валюту; по требованию жителей Бухары правитель Гитриф Ата (792–793) разрешил чеканить местные монеты для совершения сделок внутри города, а Макдиси и Ибн Хаукал упоминают об аналогичных случаях в Хорезме, Самарканде и Жаркенте. Предпочтение местной валюты серебряным дирхемам имеет большое значение, потому что чеканка монет, как и *хутба*, была официальным маркером политического суверенитета в исламе [1, с. 247, 249]. Хотя религиозная власть Багдада в конце концов была признана, участие халифа в местной политике оставалось в лучшем случае номинальным. Даже на ранних этапах завоевания, когда халифат был на пике своего могущества, известны случаи, когда жители Самарканда обратились к халифу Абд ал-Малику с просьбой сместить неугодного им

наместника [8, с. 13]. Саманиды не пытались изменить политический порядок, они оставили управление в руках городской бюрократии и ограничились военными делами, отправлением правосудия и налогообложением. Итак, симбиоз *эмир-аянов*, правителей-наместников и городской знати, по-видимому, развивался в городских условиях и в местах, которые так или иначе участвовали в торговле на Шелковом пути. Такая система двойного администрирования не способствовала созданию интегрированных государств, хотя именно османы и моголы построили две величайшие империи, которые знал мир. Напротив, такая децентрализованная система государств Евразии приводила к свободному, демократическому типу правления, автономии и суверенитету, что обеспечивало необходимые условия для развития торговли и многочисленной сети процветающих торговых городов.

Аналогичную картину можно было наблюдать на северных ветвях Шелкового пути, в городах Киевской Руси, где влияние систем политической власти центральноазиатских торговых городов было налицо. Здесь династия викингов Рюриковичей переняла степные институты и практики, чтобы сохранить контроль над конгломератом городских торговых центров. В летописях, написанных по указу Рюриковичей, полно примеров роли народа в выборе или отказе от предполагаемых правителей. На то, что в городах, находившихся на торговых путях, существовало гражданское управление, и народ действовал добровольно, указывает множество фактов, приводимых в русских летописях. Примеры уступчивости князей требованиям городского населения Руси настолько многочисленны, что это, наряду с внутри-династическими войнами и церковными делами, кажется, было центральным аспектом политической культуры Руси. Обилие эпизодов, связанных с дихотомией «правитель-народ», таких как эпизоды унижительных изгнаний князей из городов и их «приглашения» в них, свидетельствуют о том, что раздел суверенитета между Рюриковичами и их городскими подданными был скорее нормой, чем исключением. Механизм, с помощью которого городское население формулировало свои решения, часто называлось *вече*, вече было общерусским явлением, остатком родоплеменного состава славянского общества, оно было всеобъемлющим и выполняло параллельную княжеской функцию [9]. Князья выполняли в первую очередь военную функцию, обеспечивая внутреннюю безопасность и внешнюю защиту, они были простыми исполнителями народной воли. Рюриковичи же сосредоточились на взимании дани, а не на создании бюрократического государства. Относительная автономия русских городов вытекает и из договоров X века, заключенных с Византией. В этом процессе переговоров князья, по-видимому, действовали не как инициаторы переговоров, а как агенты городских властей. Окончательная ратификация договоров происходила только тогда, когда византийские послы ездили в Киев за «народным» одобрением. Существовала тесная связь между династией и регионом, которым она управляла, а также хорошо сформулированные представления о суверенитете как о чем-то общем для

военных и коммерческих представителей. Как и в Мавераннахре, это привело к симбиотическим отношениям князей — *вече*вой форме правления. Некоторые из названных авторов предполагают, что, как и в Мавераннахре, землевладельцы и купцы были элементами, составлявшими *вече* [10]. Поучительно, что викинги Рюриковичи переняли тюркские кочевые обычаи. Князья Руси воевали и часто жили верхом, называли себя каганами, принимали трезубец в качестве родовой тамги и понимали «Русскую землю» как неделимое владение всего рода, управляемое системой латерального наследования [11].

Это положение сохранялось до тех пор, пока города были основным источником богатства и требовали военного опыта князей для их поддержания. Упадок торговли и рост аграрного производства, которые сопровождались постепенной, но систематической экспансией во внутренние районы, привели к возникновению нового бюрократического государства, основанного скорее на монотеистическом правлении, чем на святости правящего клана. Регионы стали полагаться на сельское хозяйство, а не на коммерцию как основной источник существования. Парадоксально, но Рюриковичи не пережили этого перехода, положившего начало имперскому этапу русской истории. После смутного времени к правлению пришла династия Романовых [12]. В городах же Трансоксианы переход к аграрной экономике был ограниченным, поскольку степь и пустыня были естественными барьерами для экспансии, однако после завоевания монголами и падения многих городов, торговля постепенно перестала быть главным фактором социально-политической системы, хотя позже возобновилась, но в менее масштабной форме. Династийная форма правления пришедших к власти Чингизидов, Караханидов и Тимуридов стала преобладающим фактором влияния. Торговля перестала быть смыслом существования городов с их ментальностью суверенитета, ориентированная на торговлю исламская городская культура все больше подпадала под мусульманский контроль, а тенденции привилегированности династических историй над социальными и экономическими явлениями стали возобладать, что можно проследить в последующей историко-графической литературе имперских правителей.

Интересным является предположение автора Гринберг о существенных качественных различиях между европейскими городами-государствами и евразийскими городскими политиями. Одним из наиболее важных из этих отличий, на ее взгляд, является то, что, хотя евразийские города, по-видимому, не были независимыми от имперского правления, но именно с появлением так называемых «кочевых» империй, которые способствовали торговле и зависели от нее, на всем континенте произошло возрождение городов. В Западной Европе того периода можно было наблюдать противоположный процесс. «В средневековой Евразии существовала жизнеспособная альтернатива, и можно говорить о городах Центральной Азии и Киевской Руси и двойной административной структуре правительств как об автохтоническом евразийском развитии, которое возникло в результате «горизонтальной преемственности», облегчаемой торговлей вдоль Шелкового пути». Гринберг предполагает, что

двойная административная структура, развившаяся в двух регионах средневековой Евразии, была автохтонным евразийским государственным образованием, отличным от модели города-государства и имперской модели. Под двойным управлением ею понимается разделение политической власти между часто «чужими» правящими династиями — то есть династиями скотоводов и кочевников — и их местными или оседлыми государственными служащими, которые занимались административными и фискальными делами государства [13, с. 918].

Таким образом, на основе этих документов можно установить некоторые параллели и наличие двойственного характера политико-административной системы городов средневековой Евразии, схожесть системы двойного администрирования, выраженного в военно-гражданской дихотомии, систем эмир-аян в Мавераннахре и правитель-народ в вечевой парадигме на Руси; и можно заключить, что существовала определенная социально-экономическая и политическая преемственность в городах Евразии с преобладанием народно-гражданского управления и коллективного суверенитета, что создавало благоприятные условия для обеспечения успешной международной коммуникации между Востоком и Западом и развития процветающей экономики и городской культуры вдоль торговых путей Шелкового пути.

Список литературы

1. *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — М.: Наука, 1968. — 759 с.
2. *Марков Г. Е., Масанов Н. Э.* Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевых народов // Вестник МГУ. — Серия историческая. — № 4. — 1985. — С. 94–95.
3. *Ахинжанов С. М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. — Алматы: Гылым, 1989. — С. 23 (279 с.)
4. *DiCosmo Nicola*, “Ancient City-States of the Tarim Basin,” in Mogens Herman Hansen, ed., *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures* (Copenhagen: C. A. Reitzels Forlag, 2000), 393–407;
5. *Kovalev R. K.* “Dirham Mint Output of Samanid Samarqand and Its Connection to the Beginnings of Trade with Northern Europe,” // *Histoire & Mesure* 17, 3/4 (2002): 197–216.
6. *Hodgson Marshall G. S.* *The Venture of Islam, Volume 1. The Classical Age of Islam.* 1974.
7. *Paul Jürgen.* Beirut: In Kommission bei Franz Steiner, Stuttgart, 1996.
8. *Levi Scott C., Sela Ron,* *Islamic Central Asia: An Anthology of Historical Sources,* 2010.
9. *Keenan Edward L.* “ВЕЧЕ” // *Russian History* 34, 1–4 (2007): 83–99.
10. *Кустерева С. Н.* Спорные вопросы русского денежного обращения // *Очерки феодальной России. Вып. 1.* — М.: УРСС, 1997. — С. 197–220.

11. О тамге и знаках Рюриковичей см. *Фетисов А.* Знак Рюриковичей из церкви ВЗ в Басараби-Мурфатлар. Апулум: Археология. История. Этнография 44, 1 (2007): 299–314.
12. СПб.: Императорское русское историческое общество, 1892, 1–12.
13. *Grinberg L.* "Is this city yours or mine?" Political Sovereignty and Eurasian Urban Centers in the Ninth through Twelfth Centuries. // *Comparative Studies in Society and History* 2013;55(4):895–921.

Summary

Abisheva A.K. Features of the political and administrative system of cities in medieval Eurasia

The article analyzes the features of the political and administrative system of the cities of medieval Eurasia in the pre-Mongolian period on the basis of some modern research. Taking into account the fact that there is a scarce amount of source materials and documents for studying the urban culture of medieval Eurasia and the nature of its socio-political structure of this period, there is a variety of scientific hypotheses of a debatable nature, which requires a broader comparative theoretical approach. Studies have revealed the phenomenon of the dual nature of the political and administrative system of the cities of medieval Eurasia, namely, the systems of dual administration, expressed in the military-civilian dichotomy, in the form of an agreement between the civil administrative and military branches of power, the similarity of the forms of relations between government and the civilian population - *amir-a'yan* in Mawarannahr and the *ruler-people* in the *veche* paradigm in Rus'. From this we can conclude that there was a certain socio-economic and political continuity in the cities of Eurasia along the trade routes of the Silk Road, with the predominance of people's civil urban self-government and collective sovereignty. In this regard, we can conclude that the state model of medieval Eurasian cities differs from the city-states of Western Europe of this period and the imperial model of the subsequent period.

Keywords: Eurasia, political and administrative system, urban culture, collective sovereignty, Silk Road.

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ ЗАПАДА И ВОСТОКА В ВОЗЗРЕНИЯХ ДЖАДИДОВ ТУРКЕСТАНА

Алимова Д.А.

*Главный научный сотрудник
Института истории Академии наук Республики Узбекистан,
доктор исторических наук, профессор
г. Ташкент, Узбекистан
Rahbar-D@yandex.ru*

Аннотация. Национально-прогрессивное движение джадидизм, возникшее в конце XIX – начале XX вв. в Туркестане, является одним из направлений просветительского движения мусульманских народов, охватившего Восток. Оно основывалось на концепции прогрессивного развития, сформированного на основе культурно-исторических достижений Запада и Востока. Можно сказать, что джадиды Туркестана, опираясь на философские идеи европейского и восточного просветительства, развивали идеи евразийства еще в начале XX века и пытались внедрить лучшие достижения этих регионов мира в культурную практику.

Ключевые слова: история джадидизма, история Туркестана, Восток и Запад, историческая мысль, Ахмад Дониш, Махмудходжа Бехбуди.

История человечества почти на всех своих этапах переживала процессы развития, толчком к которым служили взаимовлияния культур в различных ее регионах. Расчленение мира на две части – «христианскую Европу» и «мусульманский Восток» – в свою очередь оказало огромное воздействие на культуры обеих частей. Кипплинговское «им не сойтись вовек» опровергалось историей, хотя в ней было много парадоксального, вырисовывавшего столь яркую непохожесть двух культурных феноменов.

Восток, и в частности Центральная Азия, пережив в X-XIV вв. фазу мощного культурного подъема уступил место Западу. Запад, в свою очередь, освоив научные достижения Востока, вступил в новую эру, названную в Европе эпохой Возрождения. Страх перед мусульманским Востоком уступил восхищению им. Романтикой таинственного Востока пронизана вся средневековая европейская литература и не менее творческое вдохновение Нового времени. Известно, что Гете называл себя «пленником ширазского соловья» Ходжа Хафиза. И, основываясь на его творчестве, полюбив восточную поэзию, написал поэму о Западе и Востоке, а Данте в «Божественной комедии» среди гениев человечества называл Ибн Сину. Науку же Востока, в частности, теоретические учения представителей Средней Азии, Европа ставила непомерно высоко, обучаясь и просвещаясь с ее помощью. Американский ученый-исламовед Франц Роузентал считает, что корни знаний Запада и Востока общие, это ветви одного дерева, и все заметные различия просто отражают яркие или бледные тона одного и того же цвета [1, с. 327]. С этим нельзя

не согласиться.

Однако почему же столь сильные в культурном отношении части планеты заняли к XIX в. столь неравное положение? Гуманизм эпохи Возрождения утвердил свободу воли и веру в разум человека, но в то же время и его эгоистичную самоуверенность. Развитие научного метода познания, повлекшее за собой бурное развитие машинного производства, набирающее силу нерегулируемое товарное производство, географические открытия привели к насильственной экспансии, разделив большинство стран на производителей промышленной продукции и поставщиков сырья. Вытеснившие религию естественные науки и технологии на Западе приобрели ранг высших ценностей.

Поток научных открытий и технических изобретений к началу века приобрел мощный характер и достиг к 1908 году 862 тысяч [2, с. 467].

Между тем столкновение с Западом обнаружило экономическую и технологическую отсталость азиатских государств, по причине чего и некогда мощная держава Амира Темура, распавшаяся на ханства и имевшая к этому времени в своем составе три государства, превратилась в колонию России.

Джадидизм как общественное движение за национальный и культурный подъем и национальное освобождение и был ответом среднеазиатского Востока на исторический вызов. Цивилизация здесь опиралась на богатейшее культурное наследие и располагала огромными мобилизующими ресурсами: наследием философского рационализма, регулирующего возможности философского права, механизмами социальной самоорганизации, основанными на древних национальных традициях, плюс наличие природных богатств и многомиллионного населения. Прагматизму и энергичности европейца противостояли человеческие качества, воспитанные ее культурой: чувство взаимопомощи, тяга к единению и гибкость, что, однако, не мешало проявить протест, определенный стремлением к лучшей жизни.

Этот протест, или иначе говоря интеллектуально-социальный взрыв спровоцировали джади́ды, овладевшие теоретическим наследием как восточных, так и западных просветителей и философов. В симбиозе западной и восточной культур, через использование достижений каждой из них они видели основу расцвета страны. Но именно глубокие знания в области отечественной истории позволяли им идеологически и методологически базировать свою теорию развития государства на национальном опыте, справедливо считая свой народ сопричастным к достижениям мировой цивилизации.

Однако знание не только истории своей страны, но и истории европейских стран, более того, непосредственное знакомство в поездках с опытом этих стран в области культуры и просвещения, государственного строительства нацеливало их на столь глобальное мышление. Именно это позволило им не ненавидеть представителей колониционной стороны, а понять причины сил подавления, чтобы найти способ прорыва к прогрессу и независимости, которых они так страстно желали.

Объективно, в реальной геополитической ситуации тех лет выход Средней Азии к достижениям западной цивилизации осуществлялся через

Россию, и джадиды предпочитали первоначально компромисс, осознавая, что иной путь будет означать кровавый путь. Это уже подтвердил исход восстания 1916 г. Следует напомнить, что великодержавный шовинизм империи проявлялся в противопоставлении культур, в грубой и насильственной форме отрицания национальной культуры края, в разжигании религиозной и национальной вражды.

Столыпинское правительство развернуло широкую репрессивную кампанию, направленную против новой системы образования джадидов, закрыв газеты, журналы, школы. Ее подпитывала антиисламская пропагандистская шумиха, устроенная миссионерскими изданиями, борьба против исламского реформаторства, якобы подрывающего устои российской государственности. С критикой этой политики выступил известный лидер джадидского движения Садри Максуди на заседании Думы в марте 1912 г. [3, с. 88-92] Все это еще больше сближало прогрессистов Туркестана с национально-прогрессивным движением в самой метрополии. Изучение джадидской литературы позволяет все же сделать заключение о склонности прогрессистов делать выводы об исторических связях Средней Азии с Западной Европой, фокусируя их на современность. Они небезосновательно считали, что именно исламская культура спасла для Европы Платона и Аристотеля, и сами являлись не просто почитателями, но и в определенной степени новыми пропагандистами их теорий. Почему Махмудходжа Бехбуди так страстно увлекался работами И. Канта, Фитрат – Ш. Сеньобосса, А. Авлоний – Платона, Сократа и Аристотеля, уделяя особое внимание их взглядам на образование и воспитание? Казалось бы, что общего между мусульманским воззрением, основной постулат которого – послушание, и европейским свободным взглядом на эти вещи? Ответ на этот вопрос ясно прорисовывается в работе А. Авлоний «Туркий гулистон ёхуд ахлоъ» («Цветущий сад и этика поведения»), сумевшего соединить философские идеи Платона, Сократа, Аристотеля и даже А. Македонского и Ибн Сины, Руми, Бедия, доказать правомерность этих источников Кораном и на этой основе выработать прогрессивную мораль для мусульман [4, с. 33-92]. Приблизительно такую же направленность имеет и монография А. Фитрата «Оила», основанная на симбиозе исследований западных социологов и психологов и анализе исламских трактатов и хадисов [5].

В то же время, освобождая религиозные воззрения от схоластики, они пытались вернуть исламу общегуманистическую ценность, то, что они видели и в культурном наследии Запада. Такая глобализация мышления – характерная черта для наиболее активной части джадидизма. По их мнению, Средняя Азия, будучи частью мусульманского мира, но представляя собой самостоятельное уникальное явление в мировой истории, обязана была найти свое достойное место в сложном и противоречивом будущем, которое открывал XX век.

Что должно определить переход общества в кардинально лучшее состояние? Джадиды были уверены – это должно происходить, в первую очередь, на основе реформ в области образования и просвещения, через

освоение научных достижений и передовой техники, через воспитание духовности у молодого поколения. М. Бехбудий был весьма категоричен в своем утверждении о том, что нациям, не вбирающим в себя новейшие достижения науки и техники, уготована участь прозябающих на задворках мировой цивилизации. Поскольку техника развивалась на Западе, то и взоры прогрессистов были устремлены туда. По-видимому, этим и объясняются их усилия по отправке молодежи для обучения за рубеж.

И все же интеллектуальный взрыв в Туркестане, имеющий многовековой генезис, обусловленный борьбой против российской колонизации, особенно восстанием 1916 г., перерос к 1917 г. в социально-политический, потому что стало ясно – развитие культуры просвещения невозможно без социального и политического совершенствования, а это, в свою очередь, невозможно в колониальных рамках. Усилия для достижения прогресса обречены на успех лишь тогда, когда в этом заинтересовано само государство. Именно это понимали джадиды и поэтому, зная реальную ситуацию, при которой невозможна независимость, попытались основать самостоятельную национальную государственность – Туркистон Мухторияти в рамках Российской Федерации. Конечно же, это было государственное образование внутри государства, но с четкими разграничениями компетенций Туркестанской республики и Российского федерального центра, полномочия которого сводились к минимуму. Это было пониманием невозможности в то время полного отделения и одновременно претензией на политическую самостоятельность. Если бы большевики примирились с этим явлением, что трудно себе представить, то национальные демократы пошли бы дальше. Еще А. Дониш задолго до этих событий в конце XIX в. писал: «Сейчас путь вражды и распрей с русскими закрыт, теперь по необходимости надо установить порядок, сочетающий узбекский и русский (элементы). А потом, если понадобится, будет открытое столкновение» [6].

Неудачному исходу политических усилий во многом способствовали внутренние разногласия. Джадидов упрекали в западничестве, в отречении от национального.

Особенно подобные выпады делались со стороны организации «Шурои Уламо» и консервативной части населения, находившегося под влиянием духовенства. На самом же деле прогрессисты реально смотрели на вещи и видели причины социально-экономического упадка Туркестана и развития европейских держав. Если бы они были склонны принимать западные образцы культуры без обиняков, то почему же они категорически не приняли марксизма. К западной философской мысли они подходили избирательно, используя лишь то, что может сосуществовать с национальной базой идей, с религиозными устоями. В творчестве М. Бехбудий прослеживается позитивизм, который был главной линией философии Огюста Конта. Но тот же М. Бехбудий твердо выразил свою точку зрения на марксизм и социализм, назвав их в своей статье «Хайр ул-умури авсатухо» утопией и совершенно непригодной для туркестанцев [7] (об этом подробнее скажем ниже). Значительным

отрицательным моментом марксизма, помимо экономической теории, включающей в себя негативное отношение к частной собственности, в глазах джадидов был атеизм.

Религия не была для джадидов их политическим орудием, она была средством очищения от невежества. Они были искренни в своих религиозных чувствах. Но при всей своей религиозности они представляли будущее государственное устройство Туркестана как светское, опирающееся на демократические законы и парламентаризм. Почему же население поддержало их попытку строительства светского государства с национальными особенностями? Известно, что на протяжении трех месяцев существования Туркистон Мухторияти по всему региону проходили массовые митинги в ее поддержку. Причина, на мой взгляд, заключалась в том, что здесь это было подготовлено наработанным в течение многих столетий багажом исламской правовой теории, имевшей нерелигиозную сферу применения. Правовая философия Востока намного раньше, чем в Европе (в Англии, Франции и Испании), выдвинула идею суверенитета. Ещё в X-XV вв. Ибн Ал Раби, Аль Фароби и Ибн Халдун рассуждали об этом, а Алишер Навои выдвигал идею выборности высшей государственной власти [8, с. 19-20]. Если еще указать на то, что Аль Фароби, Ибн Сина и в конце XIX в. Ахмад Дониш видели принципы государственности в социальном объединении людей, то становится ясным, на какой багаж опиралось прогрессивное джадидское движение, обогащая его знанием европейской политической философии.

Еще одна позитивная особенность концепции джадидов, имеющая глубокую генетическую основу, это выход за узко национальные рамки, стремление объединить все нации и народности в Туркестане и избавиться от внутренних разногласий и противоречий.

Примат многонационального единства, полученный в наследство от джадидского движения, проявился и в движении, называвшемся в советской историографии «басмачеством», к которому примкнули и многие джади́ды, разочарованные политикой советской власти.

Но новое, уникальное всегда опережает массовое сознание. Слишком быстро осваивали туркестанские демократы мировой опыт демократизма. После февральской революции они в своей программе выдвигали принципы развитого демократического общества с его гарантиями прав и свобод. Однако победа на выборах в Ташкентскую городскую думу в июле 1917 г. организации «Шурои Уламо», в которой сконцентрировалось духовенство, постоянно сдерживающее ультралевые порывы джадидов («Шурои Исломия»), отрезвило их. Но все же слабость объединительных усилий с другими политическими партиями и движениями, чрезмерная интеллигентность туркестанских джадидов и, напротив, политическая недалекость бухарских и хивинских джадидов, уверенность их молодой части, стремление любыми путями прийти к власти, в частности при помощи большевиков, привели к пагубным последствиям.

Несмотря на свой печальный конец, национально-прогрессивное

движение, основанное джадидами, способствовало росту национального самосознания, сыграло существенную роль в становлении и развитии национально-освободительной идеологии. Джадиды Туркестана еще в начале XX века основали идеи евразийства, пытаясь соединить лучшие достижения Востока и Запада в своей концепции развития и культурной практике.

Список литературы

1. Роузенгал Ф. Торжество знания. – М: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. – 372 с.
2. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
3. Идель. – Казань. 1991. – № 1011.
4. Авлоний А. Туркий гулистон ёхуд ахлоқ / Танланган асарлар. – Тошкент, 1998.
5. Фитрат А. Оила ёки оила бошқариш тартиблари. – Баку, 1915.
6. Дониш А. Рисолаи тарих амирон манғит. Рук. ИВ АН РЎз. Инв. № 1987.
7. Бехбудий М. Хайр ул умури авсатухо // Хуршид. 1906. – 11 октябрь.
8. Рузиев Р. Историческое развитие доктрины суверенитета // Мустақил Ўзбекистон: ҳуқуқ фанининг долзарб муаммолари. II Республика илмий-назарий конференцияси иштирокчиларининг маъруза ва чиқишлар тўплами. 1995 йил 26 май. – Тошкент, 1995. II қисм.

Summary

Alimova D.A. Philosophical ideas of the west and east in the views of turkestan' s jadids

The jadidism the national progressive movement, which arose in the late 19 - early 20 centuries in Turkestan, is one of the directions of the enlightenment movement of the Muslim peoples, embraced the East. It was based on the concept of progressive development, formed on cultural and historical achievements of the West and East. It can be said that the Jadids of Turkestan, relying on the philosophical ideas of European and Eastern enlightenment, developed the ideas of Eurasianism at the beginning of the 20th century and tried to introduce the best achievements of these regions of the world into cultural practice.

Keywords: history of Jadidism, history of Turkestan, East and West, historical thought, Ahmad Donish, Mahmudhoja Behbudi.

КАЗАХСТАНСКИЙ КОНТЕКСТ ЕВРАЗИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Әлжан Қ.Ұ.

*Кандидат философских наук, ассоциированный профессор,
ведущий научный сотрудник Института философии, политологии
и религиоведения КН МНВО РК
г. Алматы, Казахстан*

Конырбаева К.М.

*Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК,
г. Алматы, Казахстан
konyrbaeva56@mail.ru*

Аннотация. В статье актуализируется казахстанский контекст евразийской философии с точки зрения исторической необходимости становления цивилизации нового типа – евразийской цивилизации. В этом контексте Казахстан все еще находится в геополитическом поиске, в стремлении к сбалансированному положению на международной арене.

Показано, что существует два противоположных варианта развития человечества. Первый – рационалистический, научно-технологический, второй – духовный, нравственный. Просматривается бинарная оппозиция: атлантизм и континентализм. Обосновывается, что казахстанский контекст евразийской философии дает возможность осмыслить «евразийство» как определенную культурно-историческую и геополитическую концепцию. При этом выявляется евразийская природа казахстанского общества.

Делается вывод, что евразийский контент нашей культуры и философии – символ формирования нового духовно-нравственного и интеллектуального пространства и смысложизненных стратегий человека и социума.

Ключевые слова: евразийство, культура, ценности, духовность, толерантность, идентичность.

Контекст современных глобальных трансформаций делает для нас актуальным евразийский концепт казах(стан)ской философии.

Евразия – особая культурно-историческая зона, где тысячелетиями жили и взаимодействовали наши предки, создавая основы евразийского братства. Они не знали современных терминов: «евразийская цивилизация», «евразийская интеграция», «евразийская цивилизация», «евразийская идентичность», но в своих культурных, экономических, политических, личностных связях осуществляли идею о совершенно самобытном облике континента, творили его судьбу, не повторяющую черты ни Запада, ни Востока.

Проблема евразийства относится к числу наиболее обсуждаемых в казахстанском социально-гуманитарном знании. Сама идея евразийства имеет

давнюю историю. Современный евразийский концепт возрождает идеи классического евразийства, содержащие прорыв в будущее.

В Казахстане возрождение евразийской идеи связано с именем первого президента республики Н.А. Назарбаева, определившего ее как основу формирования содружества независимых государств с целью развития экономических, политических, культурных, духовно-нравственных связей между ними.

Выдвинутая им идея была столь неожиданной по своей новизне, что стала одной из причин неадекватной реакции на нее ведущих аналитиков, экспертов, политиков, философов как внутри страны, так и за рубежом. Этот факт наглядно доказывает аксиому философской истины: если в конкретной идее заложена неординарность и свежесть мысли, если она вызвана к жизни не абстрактными рассуждениями и политическими амбициями, а насущными проблемами и реалиями дня сегодняшнего, то ее политико-философская новизна и интеллектуальная энергетика способны в конечном счете на созидание будущего. Именно этим мерилom – своей жизнеспособностью и жизнедеятельностью – идея и привлекла к себе столь пристальное внимание, вызывает до сих пор настороженное отношение, принимается с оговорками или же находит ярких приверженцев. Ибо новая политика всегда была и есть политика новых идей, предполагающая борьбу за нее и умение доказать ее практическую необходимость.

В реальной возможности, более того, исторической необходимости, найти и практически внедрить удачную формулу органической взаимосвязи и взаимодополняемости двух, казалось бы, противоположных процессов современной жизни – суверенизации и интеграции – и заложен основной философский смысл идеи евразийства. В этом заключен ее парадокс, который не дает возможности однозначно трактовать данный политический концепт, что вызвало столь противоречивые мнения руководителей дальних и ближних государств, а также политологов и широкой общественности: от обвинений в популизме до признания жизнеактуальности.

Выдвижение идеи евразийства вызвало в Казахстане начало интенсивных исследований. Особенно плодотворно поработал Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК. Авторы Г. Соловьева, А. Нысанбаев, Қ. Элжан, Г. Шалабаева и др. Проблемам евразийства посвящен ряд коллективных монографий, научных статей и сборников [1].

Особое место в исследовании философии евразийства занимает творчество С.Ю. Колчигина¹. Одним из первых С. Колчигин начал разрабатывать евразийскую проблематику, сначала в качестве ведущего рубрики «Евразия» в казахстанском литературном и общественно-политическом журнале «Простор» [2], а затем более подробно и основательно –

¹ Мы считаем, что именно С.Ю. Колчигин (вице-президент Казахстанского философского конгресса, доктор философских наук, профессор) является ведущим философом рубежа веков – одним из тех, кто формирует ценности новой цивилизации. Ради этой благороднейшей задачи, он и ныне продолжает восходить на новые высоты духа в своем творчестве.

в своих научных работах. При этом у Колчигина сложилась оригинальная точка зрения на проблему, не сводимая к другим.

Коротко говоря, евразийство он понимает не только как социально-экономический, политический или культурный феномен, а как некую метаисторическую идею, как один из ориентиров развития человечества в историческом масштабе. Евразийство – это третий путь в сравнении с путями Востока и Запада. Аналитическое мышление Запада и целостное восприятие мира Востока нашли золотую середину, которой и стало евразийство.

Ученые Института доказывают в своих трудах, что в условиях современного глобального кризиса – а это, прежде всего, не кризис финансов, но кризис духовности и связанный с ним кризис экологический, евразийство обнаруживает себя в качестве прообраза идеи и модели нового типа культуры. Идея человечности или духовности, заложенная в евразийстве как типе мироотношения, есть, так сказать, лоно и условие единства евразийского суперэтнуса, в частности в том виде, как этот суперэтнос представлен в Республике Казахстан.

Актуальность проблемы евразийства в современном мире и в Казахстане возрастает еще и в связи с тем, что европейские ценности, служившие для многих стран, в частности, постсоветских, ориентиром и образцом, сегодня во многом девальвируются. Об этом прямо заявляют сегодня многие политики и интеллектуалы, причем зачастую из среды самих европейцев.

Один из характерных тому примеров – вышедшее 7 октября 2017 года совместное заявление европейских интеллектуалов «Европа, в которую мы можем верить», названное «Парижским» [3]. Его авторами стали тринадцать представителей целого ряда европейских государств: Франции, Чехии, Венгрии, Польши, Норвегии, Испании, Великобритании, Германии, Нидерландов и Бельгии. Авторы «Парижского заявления» указывают на причины глубокого кризиса в политической, социальной и культурной жизни современной Европы, предлагая пути его преодоления.

Эта тревога европейцев за будущее Европы – симптом серьезного кризиса западных ценностей, европейского сознания и всей культуры европейского континента. Поэтому вполне закономерным выглядит обращение многих деятелей культуры и науки к ценностям иного рода. Среди этих ценностей – возможные перспективы Евразии как особого типа культуры.

Однако само понятие «Евразия» и связанное с ним понятие «евразийство» являются весьма неоднозначными в силу своей сложности и, на первый взгляд, некоторой противоречивости, раздвоенности, в них заключенной. Интерпретация Евразии как некоего конгломерата Европы и Азии, действительно, выглядит настолько поверхностной, что при внимательном рассмотрении не выдерживает критики. Поэтому неудивительно, что в трактовках Евразии и евразийства существует большой разброс: от сугубо положительных оценок до резко отрицательных.

Положительные оценки евразийства состоят в основном в следующем. Потенциал евразийства исключительно важен, ибо он дает возможность обоснования и развития интеграционной модели цивилизационного развития, отрицающей всякого рода конфронтационные идеи, направленные на предсказание грядущих «столкновений цивилизаций». В этом смысле евразийство – не что иное, как доктрина развития России в XXI веке. Евразийство иногда называют даже абсолютным Светом Православия (Д.Н. Степанов (МГУ)), источником русского будущего, так как западные теории, покрывающие потребности разума, не могут удовлетворить русского. Он жаждет не рационального знания, а веры. Свообразием отличается концепция лидера евразийского движения в России А.Г. Дугина. Свою доктрину евразийства, или континентализма, безусловно позитивную с его точки зрения, он развивает в противовес так называемому атлантизму. На его взгляд, современный мир будет сбалансирован в том случае, если наряду с американской экспансией будет создана Российская (Евразийская) Мировая Империя¹.

Вместе с тем, а во многом именно в силу этой имперской позиции, евразийство сталкивается и со множеством отрицательных оценок. К примеру, говорят об «эклектическом мираже евразийства» (выражение В. Аксючица), более того, считают, что противники России активно используют понятие Евразии для вытеснения всякой памяти о российском, о русском, так как в нем много азийности.

А все-таки, что же такое Евразия? И что такое «евразийство» в точном смысле этого понятия?

В широком смысле понятие Евразия представляет собой Азию вместе с ее полуостровным продолжением – Европой (так трактовал данный вопрос Александр фон Гумбольдт в своем выдающемся труде «Центральная Азия»). Иначе говоря, Евразия в этом смысле есть единый континент, на котором расположены Европа и Азия.

В узком и более строгом значении, в котором данный термин употребляется со времен основоположников евразийства как идейного движения (Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого и ряда других), этногеографическая целостность, называемая Евразией, есть *внутренний регион* нашего континента. Лев Николаевич Гумилев указывал, например, что Евразия есть центральный регион континента и представляет собой «внутреннюю Евразию», совпадающую в своих границах с границами СССР.

Если взглянуть на карту, внутренняя Евразия – это по преимуществу континентальная равнинная часть Европы и Азии, объединяющая несколько равнин: восточно-европейскую, беломорско-кавказскую, западно-сибирскую и туркестанскую.

Но дело обстоит еще тоньше и глубже. Примечательна в этой связи мысль, высказанная в 1995 году на страницах журнала «Вопросы философии»

¹ Основательную критику геополитической позиции А. Дугина дал Сергей Юрьевич Колчигин в своей статье «Левиафан против Бегемота» // Евразийское сообщество. – Алматы, 1998. – №1.

А.С. Панариным. «Человечество, – писал он, – стоит на пороге утверждения новой, постиндустриальной аскезы, основанием которой является экологическое самоограничение потребительских обществ... Я думаю, этот вопрос, сегодня еще в рамках “евразийской” темы никем не затрагиваемый, на самом деле определяет судьбу этого течения» [4, с. 5]. А чуть ниже, резюмируя свою мысль, Панарин справедливо и, можно без особого преувеличения сказать, пророчески, указывал, что евразийство – не вполне удачное название, ибо оно есть только «метафора какого-то большого явления, которое дает о себе знать» [4, с. 19].

Не менее интригующие определения находим у В.В. Малявина: «Евразия – мир великой, предельной открытости человечества» [5, с. 8]. Или: «Единство Евразии запредельно исторической предметности и превосходит любую культурную идентичность. Оно требует, по сути, метацивилизационного подхода...» [5, с. 37–38].

Итак, метафорой чего служит евразийство?

Вероятно, иного типа мироотношения, иных ценностных ориентиров, иной самоидентификации народов?

Каждая культура имеет свое ценностное уникальное ядро, воплощающее специфику ее локализации в мире (Север, Юг, Восток, Запад, Евразия, континентальное, морское, горное, равнинное и т.п.) и пребывания в потоке всемирной истории, а также накопленный исторический опыт. Благодаря этому ядру обеспечивается целостность данной культуры, ее неповторимый облик. И когда он подвергается критике, надо иметь в виду, что критикуются не люди как таковые, а культурный тип, который они олицетворяют. Точно заметил в этом смысле видный российский литературовед В.С. Непомнящий: «”мы” не лучше ”их”, лучше не ”мы”, а наша система ценностей» [6, с. 309]. Люди везде люди, но их *принципы жизни, их системы ценностей* действительно различаются и подчас весьма существенно.

Как известно, культурфилософская категория «Запад», в противоположность «Востоку», подразумевает в своем содержании такие проявления отношения Человека к Миру, как активизм, рациональность, утилитарность (выгода), практическое преобразование внешнего мира, стремление подчинить природу, поставить ее законы себе на службу.

Первоначально Запад в своей истории формировал большую, высокую культуру. Но тот исторический Запад иссяк. Его ценности выродились. Возможно, это произошло по причине исторической усталости. О. Шпенглер, Л. Гумилев показали в своих работах, что любая культура проходит ряд фазисов развития: от начальной, полной энергии, до конечной, финальной, где пассионарная энергия уже истощилась. Во многом именно отсюда проистекают лихорадочные пароксизмы активности Запада в последнем веке: в виде фашизма и развязывания мировых и локальных войн. Кроме того, западный активизм перерос в погоню за инновациями в технике и технологии, привел к роботизации и к стандартизации мышления.

Индивидуалистическая установка Запада постепенно, с наращиванием общественного богатства, стала чудовищно разбухать, так как каждый теперь стремится быть (или стать) богатым и независимым. Отсюда культ плюрализма в культуре, гипертрофированный до абсурда: оправдание нацизма, пропаганда наркотиков и порнографии, культ секса, гомосексуализм, лесбийская любовь, трансвестизм. Уродство делается образцом, место прекрасного занимает безобразное и даже отвратительное.

К важнейшей из западных ценностей сегодня относится толерантность, чьи границы и подлинная безграничность возможны, строго говоря, не в сегодняшнем американизированном мире, а лишь в условиях единой семьи человечества, основанной на общественной собственности и на единстве истинного миропонимания. Толерантно-плюралистические установки, царящие на Западе, по существу, означают: каждый имеет собственную идейную платформу, непохожую на платформу другого, но при этом не стремится вступать с ним в спор. Но хорошо ли это, нормально ли? «Легко быть терпимым ко всякой вере тому, – писал в подобной связи Н.А. Бердяев, – кто ни во что не верит, кто равнодушен к истине» [7, с. 220–221]. Более того, такая «толерантная индифферентность» к Истине тем самым есть одновременно и равнодушие к людям. Плюрализм и толерантность как целевые установки – это идеологически закрепленные, хотя и завуалированные, принципы *эгоизма* и чисто *внешнего*, номинального, формально поддерживаемого единства людей.

Что касается другой западной ценности – ценности плюрализма, то она является идеологической мифологемой. Плюрализм в области мировоззрения (т.е., по существу, в самой важной области человеческой жизни) тождествен разрушению и распаду сознания целого общества, целого человечества, его губительно неадекватному отношению к реальности. Гармоничное развитие человеческого сообщества возможно только при условии общей идентичности и правильного отношения людей друг к другу и окружающей реальности.

Евразийство в известной степени противостоит западным ценностям, во всяком случае, способно противостоять. Это связано уже с его географическим положением, «месторазвитием». Территория внутренней Евразии отличается глубокой континентальностью (отрезанностью от морей, которые, к тому же, замерзают), а это на протяжении многих веков делало евразийские страны принципиально неконкурентоспособными на мировом рынке. Промышленник из евразийской глубинки издавна был крепко связан не с заокеанскими партнерами, а с партнерами-соседями. Поэтому хозяйство Евразии исторически могло успешно развиваться только как единая система с приоритетом внутренних экономических связей над внешними экономическими связями.

Исторически сложилось так, что «Запад» в лице, прежде всего, США олицетворял в основном материальные устремления, а «Восток» в лице СССР, России, Казахстана – устремления больше духовно-нравственные. При этом формировались вполне определенные человеческие качества. Вот некоторые из них, характерные для «атлантиста» (американца), которые воспитывались в нем издавна. Соединенные Штаты Америки заселялись, как известно, искателями

приключений, авантюристами, беглыми преступниками, сектантами-изгоями, золотодобытчиками и т.п. Эти люди искали полной свободы и относительно быстрых способов обогащения. Как только они сталкивались в Америке с трудностями, они прибегали к «хитрости разума»: к использованию машин, труда рабов и т.п. Кроме того, сам климат Америки позволял жить достаточно легко, иметь свободное время для умственного труда и наслаждений. Отсюда – любовь к комфорту, привычка к свободе и наслаждениям (шоу, развлечениям), поверхностность в отношении к жизни и в общем несколько поверхностная философия (прагматизм, утилитаризм), поскольку философские размышления касались не самых трудных вопросов бытия Человека в Мире.

Что касается евразийцев (русских, казахов, якутов и др.), то они жили в суровом климате, среди болот, непроходимых лесов, в условиях низких температур. Море было далеко, к тому же мало судоходно (Ледовитый океан), мореходство не развито так, как в Европе и Америке. В этих условиях неизбежно вырабатывались такие качества, как терпение, усердие в работе, усидчивость, выносливость, смирение, вера и надежда на высшие силы. В этом последнем отношении создавалось много обнадеживающих легенд, сказок, былин, эпических сказаний.

Особое значение придавалось Слову, Логос казахов – не что иное, как слово. Причем его ценность наиболее высока, когда слово обретает диалогическую форму (например, в виде айтысов). Очень важна для кочевника и гармония с природой. Так, понятие «земля» почти тождественно понятиям пространства и родины. Поклоняясь природе, казах традиционного общества не стремился быть «господином природы» и преобразовывать ее по своей прихоти. Особое место в менталитете казахов занимает этический постулат о том, что честь и доброе имя выше богатства. Логическим следствием данного постулата является требование, называемое «канагат» (удовлетворенность малым), оно составляет достоинство кочевников. Неизбежным следствием суровых условий жизни служил императив, утверждающий, что коллективные интересы выше личных – иначе невозможно было выжить. Соответственно, казах отдавал предпочтение бытия в этом мире перед обладанием и старался следовать этическому принципу уважения родителей и старшего поколения. Все эти и другие схожие с ними особенности ментальности отразились на характере казахской философии и общественной мысли [8, б. 13–14].

Эти размышления подтверждают мысль о том, что евразийская культура – особый, «промежуточный» тип культуры, по сравнению со спиритуалистически ориентированным (и интровертным) восточным и вещно ориентированным (и экстравертным) западным. Казахстан с этой точки зрения – страна поистине евразийская, равно далекая как от всецелой озабоченности внешним благосостоянием, так и от погруженности в себя, доходящей до индивидуального изоляционизма и социальной стагнации.

Однако при более внимательном исследовании оказывается, что идея евразийства вряд ли способна безоговорочно и в полной мере служить в

качестве общеказахстанской, быть единственным выразителем объективных нужд и потребностей народов Республики. Дело в том, что необходимо постоянно отслаивать евразийскую идею как таковую, в ее «чистом» виде, от ее исторических ответвлений и модификаций. Евразийская идея, как во время своего возникновения в двадцатых годах XX столетия, так и по сей день, является слишком пестрой и не слишком определенной. При своем зарождении евразийская доктрина первых русских евразийцев носила, главным образом, характер этнополитический, не проникая вглубь евразийства как культурфилософского понятия.

В то же время, если переосмыслить опыт евразийства 20-х – 40-х годов XX века, можно видеть, что в трудах и концепциях первых русских евразийцев Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Л.П. Карсавина и других, а впоследствии Л.Н. Гумилева, имеется фундаментальное основание евразийской доктрины, которое позволило ей развиваться на протяжении почти столетия. Этот фундамент, или «неприкосновенный запас», заключается в таких, например, постулатах, как heartland (сердцевина континента, континент-сердце и т.п.), глубинное родство и единство народов, населяющих внутреннюю Евразию, особый суперэтнический статус евразийства и специфичность менталитета евразийского человека.

И хотя евразийство, конечно же, не есть некая панацея от всех трудностей и проблем современного Казахстана, несомненно, что в сохранении, приумножении и развитии каждого этноса, населяющего республику, евразийская идея сыграет свою позитивную объединительную роль, роль идейно-консолидирующую и культурно-интегративную.

Почему возрождение евразийской идеи стало возможным именно на казахской земле, здесь были разработаны основы евразийской интеграции, начат процесс формирования нового реального цивилизационного поля будущего?

Прежде всего потому, что наша страна является открытой системой духовного восприятия истории, наша культурная идентичность основана на космопланетарном мироощущении Великой степи.

Наша национальная идея «Мәңгілік ел», по сути, Евразийская – это Путь к глобальному синтетическому восприятию общечеловеческих ценностей через осмысление духовных ценностей Независимости, национально-культурной самоидентификации.

На этом Пути идеи Евразийства являются естественным, исторически обусловленным мостиком – переходом от национального к общечеловеческому.

Однако такой переход возможен только через ряд опосредствующих этапов, исторических ступеней. Это означает: прежде чем стать настоящим Человеком, воплощением творческой и жизненной универсальности, необходимо расширить свое сознание. «Этнический человек» не может сразу, мгновенно превратиться в человека планетарного. Для начала ему нужно осознать себя в качестве единицы континентального масштаба, человеком европейским, или азиатским, или африканским и т.д. Для Казахстана такой

региональной идентичностью выступает идентичность евразийская. Она позволяет быть и ощущать себя представителем родного этноса, родной культуры и одновременно представителем более широкой человеческой общности, более высокой исторической ступени развития.

Социальные трансформации глобального характера актуализировали проблему евразийской идентичности в контексте современного развития Казахстана. Для нашей страны проблема поиска такой идентичности является актуальной. Дело не только в том, что Казахстан – полиэтническое и поликонфессиональное государство, расположенное в центре Евразии – самоидентификация нашей страны в новом глобализирующемся мире совпала по времени с судьбоносным выбором путей постсоциалистического развития.

Главное направление этого выбора лежит, на наш взгляд, в политико-духовной плоскости. При этом духовная (евразийская) самоидентификация является определяющим началом, именно от нее в существенной степени будет зависеть и вектор государственно-политического самоопределения страны.

Через духовные основы в социуме возможно развитие Евразийского видения мира, концентрирующего в себе все лучшее с Востока и все лучшее с Запада. «Мы Евразийская страна, имеющая свою собственную историю и свое собственное будущее. Поэтому наша модель не будет похожа ни на чью другую. Она впитает в себя достижения разных цивилизаций. Перед нами не будет стоять вопроса : или то или другое. Мы будем диалектичны и станем использовать и то, и другое, перейдем лучшие достижения всех цивилизаций...» (Н.А. Назарбаев).

Мы сегодня еще находимся на этапе становления нашей государственно-политической, экономической, духовно-культурной идентичности, в период напряженного преодоления последствий крушения тоталитарной сверхдержавы. Итоги этого этапа позволят нам определиться, сможем ли мы состояться как самостоятельное, независимое государство и стать субъектом своей национальной истории.

Необходимо заметить, что евразийское сознание и евразийская идентичность могут быть приоритетными только после завершения национальной государственной идентичности Казахстана.

И только после этого – этап реализации определившихся перспектив будущего, т.е. стадия корреляции Казахстаном своего развития евразийским фактором. С нее начнется более выверенное, направленное движение к гражданскому обществу, социально-правовому государству, настоящей рыночной экономике.

Список литературы

1. См.: Идеи и реальность евразийства: Материалы Валихановских чтений «Исторические корни и перспективы евразийства как социокультурного и социополитического феномена», 11 декабря 1998 г., г. Астана. – Алматы, 1999;

Евразийство в XXI веке: проблемы и перспективы. – Алматы, 2008; Евразийская доктрина Нурсултана Назарбаева. – Алматы, 2010; Евразийская концепция Льва Гумилева и современность. – Астана, 2012 и др.

2. См. напр. Следующие статьи С.Ю. Колчигина в период его работы в журнале «Простор»: Что такое евразийство // Простор. – 1996. – № 4; «Признать себя – евразийцами» // Простор. – 1996. – № 8; «Никакого отношения к шпионству» // Простор. – 1996. – № 9; Всем по пути со всеми // Простор. – 1996. – № 11 и др.

3. Европа, в которую мы можем верить. Парижское заявление европейских интеллектуалов. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/108410.html>

4. Евразийство: за и против, вчера и сегодня (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1995. – № 6. – С. 3–48.

5. *Малявин В.В.* Евразия и всемирность. – М.: РИПОЛ классик, 2015. – 415 с.

6. См.: Странный поэт Пушкин // Свободное слово: Интеллектуальная хроника: Альманах 2005/2006. – М.: Русский путь, 2006.

7. *Бердяев Н.* Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства. – Париж, 1927 – 480 с.

8. Ежелгі көшпелілер дүниетанымы. – Астана: Аударма, 2005. – 439 б.

Summary

Alzhan K.U., Konyrbaeva K.M. Kazakhstan Context of Eurasian Philosophy

The article formulates the main ideas of Eurasian philosophy in the context of modernization processes in Kazakhstan. Consideration of the Kazakh context of Eurasian philosophy shows that Eurasianism is not just some new idea among other new ideas; not just establishing a dialogue between Europe and Asia, West and East; not just a historical-cultural, geopolitical or ethno-social idea. Eurasianism in its deep essence and practical intentions is nothing but a new way of human development.

This article makes it possible to comprehend Eurasianism as a certain cultural, historical and geopolitical concept in the context of globalization processes in the modern world and in Kazakhstan.

The Eurasian concept (as a request) is the demand for the integration potential and spiritual unity of the Eurasian ethnic groups.

Keywords: spirituality, culture, values, Eurasianism, tolerance, identity.

КАЗАХСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ФЕНОМЕН МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ¹

Барлыбаева Г.Г.

*Доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК
г. Алматы, Казахстан
gbarlybaeva@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется история казахской философии, дающая основания считать ее частью мировой философской мысли. Свидетельством тому являются те вопросы, проблемы и идеи, которые разрабатывались казахскими мыслителями. Автор отмечает, что философская мысль казахов, являясь частью мировой культуры, в то же время уникальна. И это очень важно помнить в условиях современных глобализационных процессов: с одной стороны, дающих человечеству качественно новый виток развития, усиливающих экономические, политические и культурные связи между странами, а, с другой стороны, способствующих формированию космополитической культуры, которая агрессивно противостоит национальным традициям, неповторимости культур и жизни народов. Сущность человека, его этический и эстетический облик глубоко волновали казахских мыслителей, а этическая проблематика – проблемы счастья, добра, долга, совести человека, смысла и цели его бытия – всегда доминировала в мыслительной традиции казахов, этика – это ядро казахской философии.

Ключевые слова: казахи, философия, мысль, этика, человек, феномен.

Казахскую философскую мысль следует рассматривать как древнейшую степную ветвь тюркоязычной культуры, включающую глубинные пласты индоиранской, китайской, арабской культур и развивавшуюся в тесном взаимодействии с сопредельными цивилизациями и народами Востока и Запада.

Философский мир казахов веками вбирал в себя многие культурные влияния, переплавляя и ассимилируя их в горниле своих исконных степных тюркских традиций. И эти традиции были столь глубоки и прочны, что ни политические катастрофы, ни войны, ни культурная экспансия великих соседей, таких как Китай и Иран, ни арабское и монгольское влияние, ни исламизация не смогли изменить их коренным образом.

Известно, что восточная философская мысль традиционно подразделялась на китайскую, индийскую и арабо-мусульманскую ветви, а тюркская ветвь попросту отсутствовала, в том числе казахская. Громадные пространства Евразии: от Китая и Монголии до реки Волги, от сибирской тайги

¹ Статья подготовлена в рамках научного фундаментального исследования BR20280977 «Новые концептуальные подходы к содержанию справедливости и ее реализации в казахстанском обществе в условиях глобальных трансформаций современности».

до междуречья Аму- и Сыр-Дарьи, вплоть до последнего времени в философском отношении оставались «белым пятном».

Темой для интересной дискуссии является вопрос: «Почему тюркской и казахской философии, являющейся одной из ее ветвей, отказывали в праве на существование?» Потому что, на наш взгляд, за образец принимали европейскую модель, сближающую философию с наукой. Один конкретно-исторический тип философии выделялся из всех и объявлялся полномочным представителем философии как таковой. Но ведь исторически известно множество типов философии, ее сближении не только с наукой, но и с поэзией, фольклором, народной мудростью. Философское мировосприятие может быть выражено нетрадиционными средствами. В сознании людей существуют и переплетаются разные уровни и пласты, а философское осмысление действительности может развиваться в латентной форме, скажем в философско-религиозной, философско-художественной. Поэтому, мы полагаем, не может и не должно быть никакого выделения и предпочтения в этом многообразии мировоззрений.

Пристального внимания и дискуссионного обсуждения заслуживает также вопрос о формах развития философского мировосприятия в условиях кочевничества. Философия как самостоятельное теоретическое знание и мыслительная традиция возникает и развивается отнюдь не в каждой цивилизации, будь то оседлая или кочевая. Разве мало искони оседлых народов, чей вклад в развитие философского знания весьма скромнен? И является ли оседлость гарантом непрямого развития философии, а кочевой образ жизни, напротив, исключает ее полностью?

Кочевой образ жизни, несомненно, способствовал формированию своеобразного ментального универсума, духовного космоса, отражающего мировоззрение посредством понятийного инструмента с особыми нюансами мышления, идеями, образами. Так, например, кочевник по-особому понимали вселенную, историю, время, пространство, соотношение «человек-общество» и «человек-природа», иерархию материальных и духовно-нравственных ценностей, идеал жизни, кодекс чести и многое другое. Они обсуждали специфические проблемы, порожденные кочевым образом жизни.

Как свидетельствуют исторические источники, кочевым народам было свойственно глубокое осознание особенностей своей культуры и мировосприятия в сравнении с оседлыми народами. На наш взгляд, древние традиции и глубокие корни степной культуры известны нам в значительно меньшей степени, чем культура оседлых стран потому, что остатки их материальной культуры – войлок, кожа, дерево и меха – сохраняются хуже, чем камень. Идея несвойственности именно кочевой цивилизации философии как формы общественного сознания представляется неправомерной. Восточная философия, казахская философская мысль, в частности, не должны рассматриваться как полярная противоположность западной философии. Культура Востока есть проявление диалектики общего и единичного в истории мировой духовной культуры.

Примечательно, что вплоть до XIV века не имеет смысла разделять единую тюркскую культуру на различные народы и народности. Общим достоянием для казахов и узбеков, кыргызов и каракалпаков является творческое наследие Коркыт-Ата и аль-Фараби, Ж. Баласагуни и М. Кашгари, Ходжи Ахмета Ясави и многих других. Если учесть, что произведения писались на арабском и уйгурском языках, чагатайском и алтайском, то необходимо рассматривать эти народы, как внесшие свою лепту в историю тюркской культуры. Первые тюрки, гунны, как известно, вышли с Алтая, а племя кыпчаков активно участвовало в генезисе всех тюрков Средней Азии, а также татар и башкиров, ногайцев и балкарцев. Если же взять, например, огузов, то они активно участвовали в генезисе турков и туркмен, хотя исторически являются выходцами с берегов Сыр-Дарьи и Арала. Все это выявляет необходимость написания общей истории тюркских народов, проживающих в ареале от северного Ледовитого океана до Средиземного моря, а также позволяет оценить единую тюркскую культуру, как имеющую общие корни.

Следует заметить, что в своих основаниях и истоках тюркская философия – это во многом философия природы и философия жизни. Изучая тюркскую мысль, можно почувствовать в ней отголоски и китайской философии, и философии буддизма, и зороастризма.

Мудрецом, с которого, по существу, начинается тюркская этическая мысль, был легендарный мыслитель Коркыт-Ата. Предания о нем наиболее широкое распространение получили у казахов как прямых наследников огузско-кипчакской культуры и соседних с ними туркмен. Примечательно, что каждый тюркский народ считает его своим, тогда как, вне всяких сомнений, наследие Коркыт-Ата – это общетюркское достояние.

Коркыт-Ата остался в памяти потомков как выразитель фундаментальных этических ценностей тюркских народов, их духовных и философских поисков, эволюции их сознания к новым вершинам. В известном смысле можно утверждать, что история казахского народа начинается с Коркыт-Ата, так как его имя присутствует везде: в музыке и литературе, космологии и этнографии, философии и истории.

Коркытовское этическое учение, в центре которого находится человек, философские размышления мыслителя о смерти и бессмертии, добре и зле, дуализме бытия, где борются свет и тьма, вошли в ткань духовной структуры казахского этноса и стали основополагающими темами казахской философской мысли. Понимание духовных основ существования казахов, их национальной самобытности и специфики предполагает возвращение к духовному наследию тюркских мыслителей, чья философия и этика проникнуты ощущением полноты бытия и поисками смысла и назначения человека в этом мире.

Философская мысль акынов и жырау Великой степи была достаточно своеобразной не только по форме своего выражения, но и в значительной степени по содержанию. Форма изложения мыслей степных мудрецов во все времена носила характер законченного стихотворного текста, транслируемого

последующим поколениям путем многократного повторения и запоминания. Но стихотворчество их не совпадало в полной мере с поэзией в классическом смысле этого слова. В поэзии казахских акынов и жырау преобладала мысль над образом, порой эта мысль высказывалась ими напрямую без обращения к образной параллели, нередко с выраженным стремлением воплотить мысль в понятии, как, например, у Бухар-жырау и Шал-акына. Известно, что они часто пользовались такими категориями, как время и пространство, бренность и вечность, добро и зло и другими.

Поэзия у казахов – это особый тип самого философствования, насыщенного серьезными раздумьями о духовном существовании народа. Казахское поэтическое философствование – это сплав ума и сердца, суфийского мистицизма и рационально-логизированного знания, философской публицистики и лирики.

Если обратиться к истории вопроса о соотношении поэзии и философии, то выяснится, что эта проблема волновала еще античную мысль. Уже в древности в ее решении столкнулись друг с другом два великих мыслителя – Платон и Аристотель. Платон подверг поэзию строгому суду и вынес ей отрицательный приговор, осудив ее на том основании, что поэзия не есть философия. В отличие от него Аристотель, пренебрегши ролью судьи искусства, поставил себе целью не осуждение поэзии, а ее объяснение. Сообразуясь именно с этой целью, Аристотель и пытался доказать, что поэзия (а вместе с поэзией и все искусство вообще) родственна философии.

Для Платона поэзия была «детской забавой», «несерьезным делом», она была лишь погружением в частное представление, считал мыслитель. Совершенно иную позицию занял Аристотель. По его учению, поэзия родственна философии, даже более родственна, чем специальная наука. «Поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, а история – об единичном», – писал Аристотель, подчеркивая сходство между философией и поэзией и совершенно определенно оказывая этим противодействие платоновскому взгляду на искусство [1, с. 655].

В конечном счете и поэзия, и философия вырастают, согласно воззрениям Аристотеля, из одного и того же корня, и этим корнем служит человеческая природа. «Все люди по природе своей стремятся к знанию», – такими словами начинает Аристотель свою «Метафизику», и вот это стремление к знанию создает как философию, так и поэзию [2, с. 65]. Поэтому поэзия (не менее чем философия) находится в познавательном отношении к действительности, поэзия есть форма познания действительности.

Было бы преждевременно делать отсюда вывод, будто Аристотель отождествлял поэзию с философией. Напротив, величайшей заслугой Аристотеля является то, что он впервые отличил поэзию от философии с такой точностью, которая чужда была даже Платону, и этим заложил для теории поэзии прочную основу. Аристотель впервые установил, что главное отличие поэзии от философии заключается в том, что философия ищет понятия, а поэзия творит образы или типы.

После Платона и Аристотеля проблема взаимоотношения философии и поэтического искусства никогда не теряла своей остроты, хотя в разное время она решалась по-разному. И все же принципиально новых идей о взаимоотношениях поэзии и философии в дальнейшем развитии эстетической мысли не возникло. Все вращалось в основном в кругу эстетических понятий, впервые открывшихся античному миру.

Учитывая вышеприведенные идеи античных философов о соотношении поэзии и философии, было бы правильным, на наш взгляд, понимать казахскую литературу как способ существования казахской философии и к произведениям художественной литературы применять метод философского мышления, пытаясь вскрыть заключенное в них философское содержание.

Философско-этическое осмысление мира, человека, его места и роли в жизни – характерная особенность казахской мыслительной традиции. Сущность человека, его этический и эстетический облик глубоко волновали казахских акынов и жырау. Хотелось бы особо подчеркнуть, что этика и этическая проблематика – проблемы счастья, добра и зла, долга, совести человека, назначения, смысла и цели его бытия – составляют ядро казахской философской мысли.

Идеи патриотизма, мечты об единстве и сплоченности казахского народа, борьба за свободу личности, права человека и его любовь являются основными в философских взглядах акынов и жырау. Их мировоззрение – пример мироощущения, ориентированного на сохранение гармонии мира и природы, обладающего внутренним динамизмом развития, а потому не требующего произвола человеческого вмешательства. Философские раздумья степных мудрецов, выраженные в поэтической форме, возвышали человека, приподнимали его над обыденностью бытия и определялись одной коренной идеей, которая волновала всех без исключения казахских мыслителей – это идея служения своему народу.

Примечательно, что в XVIII веке казахское общество пережило подъем этической мысли, о чем свидетельствует почти одновременный выход на арену целой плеяды известных жырау и акынов, таких как Бухар-жырау, Умбетей-жырау, Шал-акын и других.

Известно, что восточная философская мысль, казахская философия, в частности, развивались главным образом в лоне религии. Призывы к сочувствию и милосердию, доброте, жалости и человеколюбию, присущие исламу, нашли свое яркое воплощение в творческом наследии Бухар-жырау. Казахский мыслитель, будучи праведным мусульманином, полагал, что подчинение и служба Аллаху – не только долг, но и величайшая радость для человека, залог его счастья.

Философские размышления о добре, о человеке и о бренности всего сущего приводят его к мыслям о вечности доброго имени человека и вечности знания. Мыслитель полагал, что доброе имя остается у человека, поступавшего нравственно, делавшего добро людям, служившего интересам своего народа.

Человеческое счастье, его смысл и пути достижения являются центральным вопросом этики всех времен и народов. Предлагались различные подходы и различные решения. Так, например, этическое учение, называемое гедонизмом, считало основным принципом поведения и высшим благом стремление к наслаждению. Другое учение – эвдемонизм – видело высшее благо и цель жизни в самом стремлении к счастью.

Эвдемонистический принцип жизнепонимания был характерным, например, для всей арабо-мусульманской философии. Счастье является лейтмотивом и главной категорией всех размышлений восточных перипатетиков о человеке, одной из основных характеристик арабо-мусульманской философии в целом. «Счастье – это цель, к которой стремится каждый человек», – писал аль-Фараби, чьи идеи имели отзвук в дальнейшем развитии казахской философской мысли [3, с. 3].

Этическая категория «счастье» имела особое значение в традиционном казахском обществе. Пожалуй, только в этом понятии оптимально сочетаются различные блага, выражающиеся в чувстве внутреннего удовлетворения тем, как складывается жизнь в целом. В содержании счастья обычно разграничивают то, что зависит от самого человека и то, что ему неподконтрольно, предзадано внешними условиями. Казах понимал счастье как благодать, которая дана ему свыше и не зависит от его воли и желаний.

Большинство казахских акынов и жырау считали, что счастье – это нечто, существующее само по себе, оно, подобно птице, которая выбирает место своего «гнездования». Бухар-жырау полагал, что Абылай-хан, которому удалось соединить воедино все казахские земли и объединить три казахских жуза, – это тот человек, кого коснулась птица-благо, кто вошел в дом-счастье.

Согласно Бухар-жырау, счастьем является все, что противоположно несчастью. Казахский философ специально не расшифровывает содержание этого понятия, однако можно сделать вывод о том, что оно означает жить верой в Бога, быть самим собой, не терять своего лица, быть свободным, не оказываться в безвыходных ситуациях, беречь честь, жить достойной жизнью, не испытывая унижений. Все это, согласно философским воззрениям мыслителя, означает человеческое счастье и счастливую жизнь.

Раскрывая связь понятия счастья и материальных благ, казахские акыны и жырау обнаруживали, что богатство или материальные блага, с которыми люди связывают представление о счастье, оказались чем-то эфемерным, ибо богатство непостоянно: богатый может стать нищим и, наоборот, нищий – превратиться в богача.

Обязательным элементом счастья казахские акыны и жырау считали гостеприимство. Где нет гостеприимства, там нет счастья и радости, убеждены они. Известный мыслитель и сказитель Умбетей-жырау полагал, что, если откажешь в гостеприимстве, может нагрянуть беда и уйти благополучие. Он же подчеркивал, что не будет доброго имени у джигита, не встретившего гостя как положено и не проявившего гостеприимство.

Мы полагаем, что в том факте, что гостеприимство рассматривалось мыслителями как благо, добродетель и обязательный компонент счастья, выражалась толерантность мировосприятия казахов, на протяжении тысячелетий, демонстрировавших свои адаптационные возможности при постоянно меняющихся внешних условиях. Большую роль здесь сыграл, на наш взгляд, Великий Шелковый путь, пролежавший через территорию Средней Азии и Казахстана, являвшийся связующим мостом взаимодействия, диалога цивилизаций и культур Востока и Запада.

В творчестве акынов и жырау, как в зеркале, отражалась казахская жизнь. В своих глубоких размышлениях мыслители ставили судьбоносные для народа проблемы, а их философские идеи проникали в души людей и развивали их духовность и нравственность.

Со второй половины XIX века философская проблематика начинает разрабатываться представителями формирующейся казахской интеллигенции, наиболее видными представителями которой были Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев, Шакарим Кудайбердиев, Машхур Жусуп Копеев. Они сумели заложить прочный фундамент развитию прогрессивных традиций казахской философской мысли на рубеже переломного XIX и начала XX вв.

Если понимать философию в ее исконном смысле, а именно как любовь к мудрости, самопознанию и постижению жизни, выраженную во всеобщих мыслительных формах, а не только как особый род рационально-логического знания, то казахских просветителей, чье наследие являет собой квинтэссенцию казахской философии, с полным правом можно назвать мыслителями, поднявшими казахскую философскую мысль на прежде небывалую высоту. Идея служения своему народу, идея приоритета национального и народного над личным лейтмотивом проходит сквозь все творчество мыслителей казахского Просвещения.

Гуманистическое звучание и высшая ценность философии казахского Просвещения заключаются в том, что она искала пути обновления человека, старалась принести ему добро, усовершенствовать человека, в силу и возможности которого она верила. Казахские просветители призывали уважать человека не по его происхождению, не по занимаемому им в обществе положению, не по знатности и богатству, а по тому, что несет человек людям, каков его духовный мир. «Качества духовные, – утверждал великий казахский мыслитель и просветитель Абай Кунанбаев, – вот что главное в человеческой жизни. Живая душа и отзывчивое сердце должны вести человека, тогда и труд его осмыслен, и достаток уместен» [4, с. 17]. Нравственные требования мыслителей казахского Просвещения, обращенные к каждому человеку, сохранили свою актуальность по сей день.

Важно отметить, что этический идеал казахских просветителей тесно переплетается с эстетическим. Нравственное совершенствование, согласно их взглядам, это единство этического и эстетического, оно имеет определенную эстетическую ценность. Можно утверждать, что воззрениям казахских

мыслителей свойственна слитность этических и эстетических позиций. Красота и добро для них глубоко родственны, поэтому добрый человек является красивым.

Разумность и умеренность в благах, умение довольствоваться своей участью, умение ограничивать себя рамками своих потенциальных возможностей и способностей – вот что служит основой добродетельности человека, полагали казахские философы. Рассматривая моральные качества, которые можно считать достоинствами человека, они высказывали мысли, близкие идее Аристотеля о ценности «умеренной середины».

Ибрай Алтынсарин, выдающийся казахский просветитель и педагог, много размышлял об умеренности и способности человека ограничивать себя, довольствоваться малым. На казахском языке этот этический феномен называется «қанағат». Ибрай Алтынсарин считал, что без соблюдения чувства меры – нет счастья, более того, мыслитель полагал, что счастье и богатство – в умеренности. О необходимости уметь быть довольным тем, что у тебя есть, мыслитель писал следующим образом: «...Сколько бы ни было скота у жадного человека, он не будет доволен своим богатством, и, наоборот, как бы мало ни было скота у другого человека, но если он доволен тем, что у него есть, то у него на душе будет тихо и спокойно» [5, с. 131]. Просветитель был убежден, что жадность, эгоизм и другие пороки лишают человеческую жизнь всякого смысла.

Следует подчеркнуть, что қанағат, как этический феномен, выработался в связи с необходимостью противостоять развитию в человеке таких отрицательных качеств как зависть, жадность, алчность и расточительство. Қанағат – это путь самосовершенствования человека, его духовно-нравственного очищения, путь достижения человеком одной из главных целей в жизни – счастья. Мыслители казахского Просвещения были убеждены, что умеренность и воздержанность воспитывают в человеке трудолюбие, милосердие, щедрость и благотворительность. Примечательно, что как это ни парадоксально, қанағат, ограничивая человека, делает его свободным.

Философские идеи, выдвинутые мыслителями казахского Просвещения, не только не остались в породившем их времени, а многие из этих идей весьма современны и могут плодотворно взаимодействовать с теми подходами, которые сложились сегодня в мировой философской мысли. Казахское просветительство всегда было безразлично к происходящим в мире явлениям, осмысливая их под углом этического и эстетического восприятия, что позволяло более глубоко взглянуть на проблемы и предложить свои пути развития и варианты лучшего мира для всех людей, живущих на Земле.

Анализируя историю философской мысли казахов в контексте развития реалий современности, духовно-нравственные ценности народа, включающие в себя гуманность и милосердие, доброжелательность и гостеприимность, открытость и миролюбие, невозможно обойти тему толерантности, так как толерантность есть органически присущий казахской мысли этический принцип, важнейшая и характерная особенность философской мысли казахов.

Великий Шелковый путь, пролежавший через территорию Средней Азии и Казахстана, являлся связующим мостом диалога культур и цивилизаций Запада и Востока, взаимно обогащая всех участников этого процесса. Караванные пути, с постоянно циркулирующими идеями, знаниями, вероисповеданиями и товарами, на протяжении тысячелетий влияли на менталитет народа древнего Казахстана. Это явление, на наш взгляд, сделало казахов толерантными по отношению к иным культурным традициям и влияниям.

Принцип гостеприимства входит в моральный кодекс любого народа, но далеко не у всех он стоит на первом месте. В восточной системе моральных ценностей гостеприимство занимает одну из верхних строк, тогда как у европейских народов оно выражено довольно слабо. И потому любой европеец, побывавший в прошлые века в казахской степи, обращал на этот обычай особое внимание и выражал свое искреннее восхищение этой чертой национального характера, которая как нельзя лучше говорит о стремлении людей любить себе подобных и о своеобразном проявлении толерантного сознания и гуманизма, свойственного казахскому народу. Следует заметить, что обычай гостеприимства является одним из самых устойчивых обычаев – в Казахстане он сохранился до настоящего времени.

Философская мысль казахов, в которой хорошо выражена суть национального характера и менталитет народа, открыта к другим культурным влияниям и традициям, она всегда свободно воспринимала любой полезный опыт.

Примером подлинного и глубокого понимания традиций иных культур, а также признания важности расположенности страны на стыке восточных и западных ветров является Абай, впервые в истории народа реализовавший синтез идей Востока и Запада, чем выразил сокровенные желания, думы и умунастроения казахов.

От Абая путь лежит к глубинам национального духа, и от него же открывается путь к глобализированному восприятию мира. А это в наше время подразумевает разнообразие культур, верований, религий, экономических, социальных и политических устройств, а также всех способов жизни, существующих в гармонии и взаимодействии. Культивируемое разнообразие не означает изоляции людей или культур друг от друга, оно призывает к межкультурному контакту и диалогу.

Этические принципы казахов, уходя корнями в глубокую древность, проникнуты высокими общечеловеческими идеями добра и милосердия. Милосердие, выступая одним из наиболее глубоких проявлений человеческого бытия, само по себе не может не быть толерантным. Именно милосердие и гуманность как высшие проявления толерантности являются главными темами этики Шакарима, выдающегося продолжателя традиций Абая.

Известно, что фундаментальный принцип справедливости для своей реализации требует толерантности. Шакарим был убежден, что человек должен быть справедливым, но не упрямым, он не должен проявлять своенравности и упорствовать перед лицом справедливости. Важно, полагал казахский философ,

быть совершенно непреклонным перед всякой несправедливостью и низостью. Справедливость по отношению к своим и к чужим людям – именно в этом суждении, на наш взгляд, толерантность выступает как основа социальной справедливости.

В философской мысли казахов, где определяющими ценностями выступают духовность, нравственность, милосердие и толерантность, всегда подчеркивалась мысль о том, что личность, действующая ненасильственным методом, прежде всего, защищает себя и своего противника от морального зла, лжи, ненависти, фальши, отсутствия уважения к другим и несправедливости. Казахские мыслители полагали, что философские аргументации и размышления являются силой через слово, которое может делать вызов другим силам, разоблачать ложь и приоткрывать завесу над иллюзиями, а также предлагать варианты лучшего мира для всех людей, живущих на Земле.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. – Москва: Мысль, 1983. – 766 с.
2. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.1. – Москва: Мысль. 1976. – 835 с.
3. Аль-Фараби. Социально-этические трактаты. – Алма-Ата: Наука, 1973. – 400 с.
4. Абай. Слова назидания. – Алма-Ата: Жазушы, 1970. – 128 с.
5. *Алтынсарин И.* Собрание сочинений. Т. 2. – Алма-Ата: Наука. 1975. – 255 с.

Summary

Barlybaeva G.G. Kazakh Philosophy as a Phenomenon of World Philosophical Thought

The article analyzes the history of Kazakh philosophy, which gives reason to consider it a part of world philosophical thought. Evidence of this are those questions, problems and ideas that were developed by Kazakh thinkers. The author notes that the philosophical thought of the Kazakhs, being a part of world culture, is at the same time unique. And it is very important to remember this in the conditions of modern globalization processes: on the one hand, giving humanity a qualitatively new round of development, strengthening economic, political and cultural ties between countries, and on the other hand, contributing to the formation of a cosmopolitan culture that aggressively opposes national traditions, the uniqueness of cultures, and the lives of peoples. The essence of a person, his ethical and aesthetic appearance deeply worried Kazakh thinkers, and ethical issues - the problems of happiness, goodness, duty, human conscience, the meaning and purpose of his being - have always dominated the thinking tradition of the Kazakhs, ethics is the core of Kazakh philosophy.

Keywords: Kazakhs, philosophy, thought, ethics, person, phenomenon.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЕВРАЗИЙСТВА И УЧЕНИЕ Л.Н. ГУМИЛЕВА О ГОСУДАРСТВЕ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Булуктаев Ю.О.

*Доктор политических наук, доцент
Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК
г. Алматы, Казахстан
buluktaev49@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена применению и развитию цивилизационного подхода к типологии государств в концепциях евразийцев и теории этногенеза Л.Н. Гумилева. Выделены аспекты евразийской концепции управления государством. Среди этих принципов – культ религии и церкви, культ патриотизма и государственного порядка, понимание неразрывности свободы и нравственности. В евразийской модели подчеркивается сочетание сильной власти и защиты традиционных ценностей с уважением свободы отдельного индивида. Евразийское государство – государство стабилизированного общественного мнения с обязательным принципом народного представительства.

Ключевые слова: евразийство, цивилизация, идеократия, государство, этногенез.

В новой динамичной реальности функционирования современных государств актуализируются взгляды евразийцев на объяснение того, что такое государство, и что такое цивилизация. Своеобразная концепция права и государства занимает в евразийстве не менее важное место, чем историософские и геополитические построения. В определенной мере это связано с использованием системного подхода в изучении правовых явлений, посредством которого выявляются не только взаимосвязь права с иными социальными регуляторами (моралью, религией), но и исследуется влияние естественных факторов — территории, экологии, климата — на развитие политико-правовых систем.

В мировой общественной науке проблематика периодизации процесса исторического развития государств и их систематизация занимает важное место. С появлением во второй половине XIX века антиэволюционистской модели обществ в форме теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского формируется цивилизационный подход к типологии государств. Данная концепция продолжает свое развитие в трудах родоначальника евразийства Н.С. Трубецкого в первой половине XX века. В советский период Л.Н. Гумилев публикует свое основополагающее произведение «Этногенез и биосфера Земли», в котором целостно излагает теорию этногенеза, где ключевым звеном формирования цивилизации является пассионарность.

В отличие от авторов договорных теорий происхождения государства, утверждавших, что государство — это «относительно централизованный правопорядок» (Г. Кельзен) [1, с. 146], классики евразийства (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Л.П. Карсавин и Н.Н. Алексеев) не считали государство лишь правовым институтом, они также стремились показать его явлением духовно-нравственным.

По мнению евразийцев, государство представляет собой особенный организм, где его правовая характеристика — одна из многих других. Государство не может быть полностью правовым, поскольку изначальная обязанность государственной власти связывать себя правом есть внеправовая, нравственная обязанность. Игнорирование нравственной и технической стороны государства в угоду его правовому аспекту, по мнению Н.Н. Алексеева, разработавшего евразийскую концепцию государства и права, приводит к тому, что совокупность правовых норм начинает рассматриваться как самодостаточная реальность. П.Н. Савицкий сформулировал понятие «месторазвитие». Автор сконструировал этот термин, используя аналогии с географическими понятиями: месторождение полезных ископаемых, местоформование почв и пр. Однако месторазвитие являлось для евразийцев не только пространством, местом развития народов, но, прежде всего, географически определяемой социальной общностью — культурой, вписанной в определенную природную среду» [2, с. 28-29].

Общими для евразийцев были следующие положения:

1. Авторы считали реальность государства производной от жизни народов. Они «понимали государственный строй как органическую связь между народом и вырастающим из него правящим слоем, формулирующим народное мирозерцание, выражающим и осуществляющим его волю» [3, с. 147].

2. Евразийцы отталкивались от так называемого классического («арифметического») подхода, видевшего в государстве три основных момента — территорию, население, публичную власть, — внося в этот подход, тем не менее, существенные изменения.

3. Стихия государства, по мнению евразийцев, полностью не охватывается стихией права; государство есть также этическое и «техническое» явление.

4. Территориальный момент для евразийцев был не формальным, но субстанциальным. Ученые восприняли территорию не только как область «действия» государственной власти. Месторазвитие стало для них важнейшим геополитическим понятием: оно характеризовало связь политической общности с особенностями территории, на которой она развивалась [4].

5. Туранский фактор, позитивно оцененный классиками евразийства в становлении российской государственности, рассматривается в более широком контексте как положительное влияние традиционного и сакрального Востока, оказанное на русских, занимавших промежуточное положение между Европой

и Азией. Функция Турана осмысливается в терминах сакральной географии и священной истории.

Евразийцы называли **идеократическое** государство государством стабилизированного общественного мнения. «Идеократией» — от греческого «idea» — «идея» и «kratoz» — «власть», они именовали политический строй, предполагающий постановку «идеи–правительницы» в качестве высшей ценности. Имелось в виду, что материальные условия земного существования не могут и не должны быть самоцелью. Богатство и процветание, сильная государственность и эффективное хозяйство, мощная армия и развитая промышленность должны быть средством достижения высших идеалов. Смысл государству и нации придает только существование «идеи–правительницы» [5, с. 114-125].

Также важное место в политико-правовой доктрине евразийства заняло обоснование **демотического** государства (от греч. демос – народ). Демотию евразийцы противопоставили буржуазной демократии. «Современная демократия есть олигархия живущего ныне взрослого поколения над нацией, как целым», — утверждал Алексеев. Евразийцы решили считать народом или нацией «не какой-то случайный отбор граждан, удовлетворяющих условиям всеобщего избирательного права, но совокупность исторических поколений, прошедших, настоящих и будущих, образующих оформленное государством единство культуры». Суверенитет народа, понимаемого в этом смысле, евразийцы называли суверенитетом «организованным и органическим», в отличие от «анархического» суверенитета буржуазной демократии, основанного на «механическом агрегате» мнений [6].

С учениями о демотии и идеократии тесно связана разработка ещё одного аспекта политико-правовой доктрины евразийства – **гарантийного** государства. Такое государство, в понятиях евразийцев, «обеспечивает осуществление некоторых постоянных целей и задач... является государством с положительной миссией». Гарантийное государство противопоставлялось государству релятивистическому, т.е. не ставящему перед собой никаких положительных задач. Гарантийное государство несёт определённые положительные обязательства перед нацией. Права человека им не отрицаются, но они являются лишь пустым звуком, если не подкреплены государственными обязанностями [7].

В обоснованиях модели будущего государства России–Евразии евразийцы приводили и тезис о необходимости объединения «идеократического» правящего слоя и «демотического» государства в «**государство правды**» [8, с. 46–51]. Россия–Евразия, по мысли евразийцев, шла долгим путем к своему государственному идеалу не путем рационального сознания, а через религиозно-нравственный опыт. В народе во все века жила мечта создать «государство правды», в котором государственные ценности имели бы непреходящее значение и определяли бы поступки людей. Н.Н. Алексеев был убеждён, что большевистский строй обречён на гибель. «Не может быть никакого сомнения, что рано или поздно русский народ придёт к

полному сознанию, что «правда» советского государства превратилась в «кривду» коммунистической системы». Но победить коммунизм окажется способна только такая политическая сила, которая сумела бы предложить народу иной, не коммунистический и не капиталистический идеал «государства правды» [9].

В целом развитие цивилизационного подхода привело евразийцев к необходимости рассматривать Россию не просто как ординарное государство, но как особую цивилизацию, особое «месторазвитие». На этом основана концепция «России-Евразии», т.е. России как отдельного культурно-исторического типа. Россия имеет в себе много восточных черт, но вместе с тем глубоко усвоила и определенные западные элементы. Данное сочетание, по мнению евразийцев, составляет уникальность России, что отличает ее от цивилизаций Запада и Востока.

В XXI веке цивилизационный подход евразийцев к объяснению мироздания и типологии государств развили авторы теории «Концепции общественной безопасности» (КОБ) в триединстве цивилизаций Запад – Россия – Восток, определившие следующие точки опоры: Запад – цивилизация материи, Россия – цивилизация меры, Восток – цивилизация духовности [10].

Большой вклад в развитие геополитики и теории цивилизаций внес русский историк Л.Н. Гумилев. По своему мировоззрению и воспитанию ученый являлся евразийцем, считая, что в своем развитии российское общество должно интегрироваться в большей части на основе евразийской концепции.

Л.Н. Гумилев наследовал методологию евразийства, основные моменты этой философии истории. В учении Гумилева в аспекте проблемы кочевого государства применен цивилизационный подход, позволяющий подтвердить и развить «идею евразийцев о значении тюркского, а шире, кочевого элемента в формировании евразийского суперэтноса и типа государства» [11. с. 15].

Как пишет казахстанский историк Ж. Артыкбаев, «историю степных народов нельзя анализировать с позиции способов производства, теории формаций... В первую очередь, необходимо выдвинуть на первый план историко-культурные и религиозно-культурные факторы и переходить к многофункциональному анализу истории. Для современной исторической науки характерно широкое обращение к цивилизационным принципам периодизации истории... В последнее время во многих исследованиях, относящихся к прошлому казахов, цивилизаторский подход актуализируется. В определенной мере в этом видится заслуга Л.Н. Гумилева, попытавшегося привести историю народов Великой степной зоны на цивилизационное поле» [12, с. 65–66].

Л.Н. Гумилев рассматривает глобальный исторический процесс как динамическое развитие контактирующих между собой этносов. Ведь каждый исторический факт является достоянием конкретного народа. Он пишет: «Этносы, существующие в пространстве и времени, и есть действующие лица в театре истории» [13, с. 11]. Ученый определил, что этнос представляет собой

«явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специальное назначение в строении биосферы Земли» [14, с. 8]

Такое определение этноса полностью охватывает сущность понятия «цивилизация» как многомерного культурно-исторического явления. Поскольку этнос универсальное явление, то можно сказать, что само понятие «цивилизация» представляет собой физическую, биологическую, социальную реальность, являющуюся искомой величиной. Интерпретировать эту величину можно путем анализа возникновения, развития, исчезновения этносов, обществ, государств и их типологизации. Л.Н. Гумилев отказывается от традиционной классификации обществ по отдельно взятому признаку (язык, раса, религия, род занятий и т.д.), так как считает, что данное деление будет неполным, условным. Он предлагает систематику, которая «отражает именно то, что заложено в природе вещей, позволяет исследовать человечество с техникой и domestикатами» [14, с. 62].

Таким образом, Л.Н. Гумилев разработал оригинальную теорию «этногенеза», основанную на представлении об органической природе этноса. Основное внимание Гумилева было сосредоточено на пространствах Евразии, и особенно на культурах кочевых империй, в изучении которых Гумилев искал ключ к постижению более широких исторических закономерностей. Идеи Гумилева в основных своих моментах повторяют евразийскую мысль [15].

Выводы.

1. Оригинальность цивилизационного подхода к происхождению и классификации государств с точки зрения концепций евразийцев и теории этногенеза заключается в том, что данный вопрос рассматривается с позиции культурно-исторических реалий с учетом проблематики зависимости человека от процессов, происходящих в природе, но оказывающих на развитие общества большое влияние. Необходим качественно новый, системный, междисциплинарный подход к изучению проблемы.

2. В своем учении о государстве Л.Н. Гумилев вывел цивилизационный подход на уровень научной теории этногенеза, подробно разработал понятие пассионарности. Его обширное творчество является завершением определенного цикла в становлении евразийской мысли. На современном этапе исторического развития научное наследие Л.Н. Гумилева представляет собой культурную и научную ценность. Несмотря на то, что учение о пассионарности исходит из естественнонаучных предпосылок, при введении ряда общих понятий стало возможным применение учения о пассионарности к гуманитарным областям научного знания.

3. Концептуализация евразийских идей и моделей государства и общества обеспечивает понимание процесса согласования интересов различных субъектов общественной и государственной жизни с выделением базовой ценности безопасности личности, народа, государства. Только время покажет, смогут ли современные казахстанское и российское общества, сохраняя в качестве направления будущего развития реализацию концепции правового

государства, принять евразийский взгляд на общественный и государственный строй в качестве мировоззренческого содержания.

Список литературы

1. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: Сб. перев. Вып. 2. – М.: ИНИОН РАН, 1988. – 213 с.
2. *Савицкий П.Н.* Географический обзор России–Евразии // Россия — особый географический мир. – Прага, 1927.
3. *Альжан К.У.* Евразийская стратегия формирования национально-государственной идентичности // Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания: книга 3. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2020. – 668 с.
4. *Назмутдинов Б.В.* Понятие государства в трудах классиков евразийства. [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/s12k1ffzgk/72073141.pdf>
5. *Шишкова А.В.* Неоконсервативная модель государственного управления в философии евразийства // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2019. – Том 8. – № 1А
6. *Алексеев Н.Н.* ЕВРАЗИЙЦЫ И ГОСУДАРСТВО. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_a/state.html
7. *Алексеев Н.Н.* Евразийская концепция государства. [Электронный ресурс]. URL: <https://katehon.com/ru/article/nikolay-alekseev-evraziyskaya-koncepciya-gosudarstva>.
8. *Качеев Д.* «Государство правды» евразийца Н.Н. Алексеева в реалиях СССР// Саясат– Policy. – 2008. – № 10. – С/ 46–50.
9. *Петров К.Н.* Тайны управления человечеством (комплект из 2 книг). – М.: Изд-во: Академия управления, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livelib.ru/author/2168/top-konstantin-petrov>
10. Цикл из 20 лекций КОБ К. П. Петрова. Дата обращения: 3 мая 2023 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IpBdb7oK050&list=PLD8530204BC9F3270>
11. *Шаймерден Г.И.* Евразийская концепция кочевого государства в учении Л.Н.Гумилева: политологический анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Астана, 2010.
12. *Артыкбаев Ж.О.* Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий). – СПб. Мажор. 2005. – 320 с.
13. *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. – М.: Экопрос, 1992. – 320 с.
14. *Гумилев Л.Н.* «Этногенез и биосфера Земли». – М.: Эксмо, 2007. – 543 с.
15. *Лановой В.Г.* Развитие цивилизационного подхода к типологии государств в трудах Л.Н. Гумилева. Международный научный журнал «Символ науки» №3/2016 ISSN 2410–700X. С. 181-184.

Summary

Buluktayev Y.O. The political philosophy of Eurasianism and the teachings of L.N. Gumilyov about the state: civilizational context and development prospects

The article is devoted to the application and development of a civilizational approach to the typology of states in the concepts of the Eurasians and the theory of ethnogenesis L.N. Gumilyov. Aspects of the Eurasian concept of state administration are highlighted. Among these principles are the cult of religion and the church, the cult of patriotism and state order, the understanding of the inseparability of freedom and morality. The Eurasian model emphasizes the combination of strong power and the protection of traditional values with respect for the freedom of the individual. The Eurasian state is a state of stabilized public opinion with the obligatory principle of popular representation.

Keywords: Eurasianism, civilization, ideocracy, state, ethnogenesis.

ДИАЛЕКТИКА И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Гусева Н.В.

*Доктор философских наук, профессор
Казахстанско-Американский Свободный Университет (КАСУ)
г. Усть-Каменогорск, Казахстан
nin2905471@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема оснований выработки перспективных стратегий и показывается, что таким основанием может быть только диалектическое мышление, позволяющее выявлять логику текущих процессов и создавать проекции их дальнейшего разворачивания. В статье также дается анализ основных черт как эмпирического, так и диалектического мышления, показываются их следствия для решения задач адекватного понимания политической и иной реальности и важность выработки адекватных стратегий для развития общества и человека.

Ключевые слова: диалектическое мышление, эмпирическое мышление, исследовательские стратегии, понимание методологии, логика.

Политические процессы и исследовательские стратегии: к анализу аспектов влияния.

Политическая карта и присутствующие геополитические интересы в современном мире актуализируют рассмотрение имеющихся и создающихся союзов в качестве реальных сил, способных влиять на принятие решений планетарного будущего человечества. Планетарный характер таких решений не может не быть по своему статусу стратегическим.

Способы выработки тех или иных стратегий в изменениях политической (или иной) реальности продолжают быть пунктами определяющего действенного влияния на саму реальность и после их выработки.

От этих способов зависит структурирование и выявление оптимальных функциональных векторов, решающих судьбу проходящих или ожидаемых процессов. К числу параметров, присутствующих в применяемых способах выработки геополитических стратегий, необходимо отнести, во-первых, выделение исходных пространственно-географических характеристик местоположений, в которых протекают или могут протекать политические и иные социальные процессы. Во-вторых, материальные интересы, выражающие векторы деятельности и присутствие определенной расстановки сил. В-третьих, идеи и системы установок, которые отражают в себе первые два параметра и характеризуют определенный ход мысли создателей желаемых стратегий, активировав, ослабляя или даже отменяя их выработку.

Вопрос о выработке стратегий в ориентациях на то или иное изменение реальности требует серьезного анализа, который будет означать необходимость

проведения исследования [1, с. 69–74]. Подчеркнём, что следует различать содержательно-процессуальные и институционально-организационные параметры в осуществлении исследований, в которых могут проявляться возможности различных способов мышления. В зависимости от конкретизации условий и способов реализации методологического потенциала мышления находятся и возможности, и результаты осуществления исследовательских стратегий. Не умаляя значимости институционально-организационных параметров, в данном рассмотрении акцент сделаем на процессуальных характеристиках исследований, ориентированных на раскрытие истины, на формирование нового знания, освобождающего от заблуждений и позволяющего создавать реально перспективную стратегию развития.

Перспективные познавательные процессы, закономерно охватывающие собой решение огромных массивов не только точечных, ситуативных задач, но и решение задач кардинально-злободневных и судьбоносных, являются одной из ведущих определений жизни современного общества. Современные общественные состояния выражают по сравнению с предыдущими эпохами и временами черты максимального внутреннего срачивания, а также проявления прямой зависимости любых содержаний общественных процессов с процессами развития познания, включая философию, методологию и науку в целом [2, с. 43–52]. В них особенно ярко проявляется процессуальность и направленность развития духовного и материального потенциала как всего человечества, так и отдельных его членов.

Исследовательская стратегия – это путь, направление и сфера *определения оснований*, на которых будет осуществляться анализ и создание любых, сколько-нибудь важных проектов желаемых изменений или планов будущего развития. Речь идет о базовых характеристиках мышления, в зависимости от которых находится проводимое исследование, анализ, рассмотрение. В современном мире уже в четко обозначенном виде присутствует практическая полярность подходов в решении любых значимых вопросов и проблем. Эту полярность составляют, если кратко указать, эмпирический способ мышления (вкуче с рационализмом) и диалектический.

Практическая полярность этих способов мышления как подходов проявляется в любых сферах общественной жизни. Она затрагивает и науку, и производство, и искусство, и образование, и др. Сознательно или неосознанно эти подходы работают, и поэтому возникает необходимость различения следствий и результатов каждого из них как выражения не только теоретического интереса, но и как злободневно практического действия. Именно в этом плане конкретизация вопроса об исследовательских стратегиях является не досужей задачей, а формой выражения возможности достижения необходимых коррекций в процессах принятия решений, важных для всех в современном обществе. Речь идет об установках и ориентациях процессов осмысления того, что выступает как проблема.

Различие способов мышления – диалектического и эмпирического – в методологическом плане имеет статус присутствия *оснований* для различных исследовательских стратегий и тем самым характеризует различный уровень рассмотрения их возможных вариантов. Иначе говоря, выявление оснований исследовательских стратегий выражается в определении способа мышления, на котором строится та или иная стратегия.

Таким образом, речь идет о способах мышления, которые либо окажутся способными к выработке объективно перспективных стратегий, либо обеспечат лишь видимость их объективности и перспективности. Различие способов мышления обусловит размежевание [3, с.10–16.] и несоответствие между такими задачами выработки стратегий, с одной стороны, как рассмотрение *логики их формирования* и, с другой стороны, как рассмотрение вариантов их *итогового формулирования*.

Отличие эмпирического и диалектического способов мышления как оснований для определения стратегий и его следствия: к анализу характерных черт.

Эмпирический способ мышления поддерживается и выражается в современной западной философии различными формами позитивизма и примыкающими к нему направлениями. Для эмпирического способа мышления характерно следующее. Здесь для краткости отметим три центральных момента. Во-первых, это непонимание всеобщности. Всеобщность эмпириками в любых вариантах проявлений сводится к постулированию или наличию общего как одинакового, совпадающего для всего и у всего существующего, которое устанавливается путём сравнения даже при *поверхностном* рассмотрении. При этом приводимое таким образом вычленение общего считается, как правило, достаточным основанием для принятия решений относительно всех участников или объектов, которые оказались имеющими такие совпадающие, общие, то есть одинаковые определения. Во-вторых, для эмпирического способа мышления характерно непонимание сути диалектики. Это выражается в сведении ее к статусу *учения*, то есть сведения ее к структуре и системе сформированного готового знания, в котором центральное место занимает диалог, спор и противоречие, свидетельствующее, якобы, о непоследовательности, нарушении принципа системности самого этого учения и др.

В-третьих, для эмпирического способа мышления характерно *непонимание* методологии как диалектического мыслительного феномена и процесса. Характерной чертой проявления эмпирического способа мышления в понимании методологии является повсеместно господствующее представление о ней как о расширенной методике. То есть укоренено представление о методологии как структуре и системе готового знания, которую можно *применять* как матрицу, как метод-орудие, готовое к использованию, как трафарет и проч.

Характеристика диалектического способа мышления [4,5] по выше выделенным трем моментам отличается от эмпирического, во-первых, пониманием всеобщего не как количественно определяемого феномена, а как

понятия, выражающего необходимость выявления *способа формирования данного целого в контексте его связей с миром как целым*. Во-вторых, диалектический способ мышления отличается пониманием самого процесса мышления как *способного воспроизводить логику развития* исследуемого, познаваемого. В этом плане оно существенно отличается от рассудочного (эмпирического) мышления как такого, которое может быть адекватно выражено той или иной конечной, статичной совокупностью мыслительных действий или операций, выраженных, затем, в виде определений и системного, готового знания. Как мы отмечали выше, именно такой вариант характеризует эмпирическое мышление и выявляет его недостаточность всякий раз, когда есть необходимость перспективного видения и планирования тех или иных процессов. В-третьих, диалектический способ мышления в его реализации в сфере специально-научного познания или в сфере решения социально-практических задач выступает в качестве диалектически понятой методологии. Диалектическое мышление, или диалектика, как методология получает реальный статус методологического процесса тогда, когда возникает и реализуется необходимость *погружения* в рассмотрение логики происходящих процессов.

Если речь идет именно о диалектическом мышлении, то в этом случае недопустимо его понимать как некий стандартизированный процесс (=манипуляцию), в котором *используются* определения тех или иных форм мышления, принципов, подходов, законов и др., фигурирующих в различных *изложениях учения* диалектики. Выше мы уже отметили, что *учение* как система знания отличается завершенностью, статичностью, то есть является некоей формой *готового* знания. Это характеризует всякое учение, независимо от сферы его присутствия. Знание и использование диалектики как учения *не может быть адекватным* проявлением наличия или осуществления диалектического мышления. Напротив, знание и *использование* диалектики как учения сразу переводит мышление на рассудочный, матричный, примененческий, внешний по отношению к логике развития того, что рассматривается, уровень. В этом случае методологический статус диалектического мышления исчезает, а вместо него проявляется вполне себе эмпирически-позитивистское представление о методологии как расширенной методике, которую можно использовать по своему усмотрению.

Почему нельзя рассматривать методологию как расширенную методику.

Суть феномена методического (вне зависимости от того узкий или расширенный вариант представлен) всегда выражен системами конечных и, во многом, ситуативных действий или операций. При использовании той или иной методики всегда возникает одна и та же проблема. Она заключается в необходимости понять и адекватно отнестись к следующему. С одной стороны, исследуется объект, которому присуща своя процессуальность. С другой стороны, методика выступает матрицей или калькой, включающей в себя указываемую *статичную систему действий или операций*, которую как

такую предпосылают в качестве модели исследования тому, что является процессуальным по определению. То есть, статичная модель, представленная в методике, предпосылается объекту исследования, который статичным не является. Иначе говоря, имеет место *базовое несовпадение* исходного состояния объекта и подхода к его исследованию. Явная проблема здесь заключается в полагании изначальной *невозможности* получить адекватный, истинный результат познания, исследования.

Эмпирические или эмпирицистские варианты трактовок методологии как расширенных методик, которые можно *применять*, с самого начала проявляют свои качества как ложных и недопустимых ходов в поисках позитивного построения исследований или исследовательской деятельности. Якобы позитивным фактором следования эмпирицистским моделям понимания методологии и понимания способа ее присутствия в исследованиях, как правило, считается возможность *применять*, выработанные ранее методы, методики, подходы, матрицы, стандарты и т.п. Однако позицию признания возможности *применения* в исследовании *готовых*, а значит, *статичных*, моделей действий с *процессуальным* объектом исследования нельзя признать позитивной. В лучшем случае, она может обеспечивать холостой ход исследования, движение по заданному кругу, не предполагающего реального решения стоящих перед исследователем проблем. Худшим случаем при этом будет вхождение в ложные выводы и заблуждения, которые не могут не тормозить развитие как любой науки, так и практики, где эти эмпирицистские установки приняты в качестве «подходящих» основ исследований. Опора на эти эмпирицистские установки ведет к тупикам, ошибкам, заблуждениям, которые могут стоить очень дорого для общества и конкретных людей, решивших довериться «способам» и результатам таких «исследований», то есть исследованиям, построенным на основаниях эмпирицистского понимания и реализации методологии. Этот вывод касается и вырабатываемой позиции, касающейся исследовательских стратегий.

В связи с этим их присутствие в выработке стратегии будет закономерно обуславливать включение такой статички в саму вырабатываемую стратегию. Такое включение по определению будет *противоречить* требованию к стратегии быть обоснованной проекцией будущих *процессов*.

Что может означать обращение к исследовательским стратегиям в связи с присутствием различных уровней мышления и понимания методологии.

Обращение к исследовательским стратегиям может означать, с одной стороны, возникновение ситуации собственно *выбора*, то есть, по большей части, внешне обусловленных действий со стороны выбирающего. Здесь подразумевается *выбор* форм, методов, подходов и т.п. известных, предпочтительных или просто имеющихся в распоряжении для их использования в анализе политической или иной реальности. В этом контексте само такое исследование будет иметь статус *внешнего, процедурного* феномена или действия – манипуляции, по отношению к которому делается выбор доступных для применения способов обеспечения варианта его возможного

понимания и вытекающего отсюда планирования действий с ним. Это то, что характеризует реализацию «потенциала» эмпирического подхода или эмпирического уровня мышления. Вопрос о потенциале эмпирического уровня мышления в создании серьезной стратегии развития общества или человека полностью снимается, так как этот уровень мышления, этот подход обуславливает воссоздание лишь статичной, ситуативной картины происходящего и не способен воссоздавать ни логику, ни адекватный образ перспективного процесса.

С другой стороны, речь идет о необходимости погружения в рассмотрение логики происходящих процессов и зависимости от нее принимаемых стратегических решений. Рассмотрение логики происходящих процессов предполагает не макетно-атрибутивно-матрично-использовательский подход. Последний как раз и будет присутствовать, и совершаться в обеспечении и сопровождении рассудочного, эмпирически-позитивистского способа мышления. *Логика* происходящих процессов может раскрываться только тогда и в той степени, в какой познающий оказывается способным к живому диалектическому мышлению, в процессе которого осуществляется погружение в познаваемый объект, явление и процесс. Акцент в понимании диалектики – диалектики как логики, теории познания [6, с.84–100.] и диалектики как методологии, должен быть сделан на том, что все известные ее определения (зафиксированные в ней как учении) должны *реально* присутствовать *в процессе* мышления. Речь идет об отражении и воспроизведении процессуальности объекта исследования в логике понятий, в процессах ее и его познания и в возможностях самого мышления логику процессуальности объекта исследования сделать логикой познания, то есть выразить ее в качестве диалектической методологии, диалектики как методологии.

К вопросу о сути методологических рекомендаций западной философии.

На сегодняшний день существует достаточно много вариантов понимания методологии. Каждый из вариантов их сторонники или их авторы пытаются рассматривать в качестве некоей работающей основы не только исследований в научных областях, но и в области социальной практики. Можно отметить наиболее распространенные варианты трактовок методологии, которые вычлениаются из тех или иных известных западных направлений в философском знании. Среди них можно отметить такие направления, как структурализм, функционализм, инструментализм (также в вариантах с приставками нео- или пост-), позитивизм, неопозитивизм, постпозитивизм, реализм, неореализм, аналитическая философия, прагматизм и др.

Названные направления западной философии характеризуют свои рекомендации, как правило, в виде методов, подходов, программ, стандартов, норм или методик, в которых ведущей и обязательной оказывается ориентация на *эмпирический уровень понимания* как исследования, его задач и допустимых методов, так и самой методологии [6,7,8,9,10].

На эмпирическом уровне методология по определению превращается в некую расширенную методику, то есть методология как сфера всеобщего философского знания, реализуемого мышлением в специально-научной области исследования, перестает существовать. Такая трансформация методологии в методику прекращает всякую возможность осмысления возможностей исследования с точки зрения выявления логики процессов, присущих исследуемому объекту или явлению. В этом случае на место выявления логики исследуемых процессов приходит ориентация, сводящая исследование к сбору, обработке, систематизации и классификации данных *об* объекте исследования с последующей интерпретацией полученного. Наш акцент на «данных *об* объекте» указывает на *внешний* характер отношения к исследуемому, предположенный эмпирическим подходом во всякое исследование. При этом интерпретация здесь получает статус генерального, итогового результата проведенного исследования, хотя известно, что всякая интерпретация не может не включать в себя некий *произвол*, обусловленный позицией, убеждениями, приверженностью тем или иным взглядам и т.п. того, кто ее (интерпретацию) осуществляет. Произвольность всякой интерпретации означает, что построенное на ней знание не может служить опорой для создания сколь-нибудь серьезной стратегии.

Выработка серьезных стратегий в современном мире и опять о вариантах понимания методологии.

Определение способа мышления в качестве основы позволяет определять и *вектор*, и *способ выработки* стратегий, которые необходимы для достижения востребованных изменений политической или всякой иной реальности. Важно подчеркнуть, что внимание к исследовательской деятельности при выработке исследовательских или социально-значимых стратегий, в связи с отмеченным выше, недопустимо проявлять по так называемому «остаточному принципу». Точнее сказать: недопустимо оставлять феномен исследовательской деятельности без первостепенного и достаточно глубокого рассмотрения еще до того, как будет совершаться само исследование.

Исследовательские стратегии напрямую выражают проекции и проекты принятого за основу *понимания методологии*, способов ее присутствия в исследованиях и понимания результатов ее реализации в принятых итоговых исследовательских установках и результатах.

Выработка серьезных стратегий в современном мире сопряжена с необходимостью учета мировых процессов огромной сложности. Это влечет за собой необходимость специального рассмотрения не только событийных массивов как таковых, но и способов рассмотрения исторической конкретики как процесса, который должен быть учтен при выработке стратегий. Рассмотрение событийных массивов в существовании общества как сфера уже познавательной деятельности не может осуществляться вне действия тех или иных «стандартов» анализа, систематизации, типов и вариантов обобщений и т.п. Иначе говоря, в познавательной деятельности в той или иной форме и степени присутствует своего рода «форматирование» получаемых данных о

событийных массивах с точки зрения определенных мыслительных подходов, исследовательских предпочтений, политических, идеологических и др. позиций. Такие параметры не выходят за рамки определений эмпирического уровня познания и понимания методологии, лежащей в его основе.

В отличие от рассмотрения событийных массивов анализ исторической конкретики требует адекватного понимания *исторического процесса* как некоей процессуальной целостности. В этом плане необходимо подчеркнуть недостаточность рассмотрения в качестве основания для анализа исторического процесса сравнительных данных о состоянии территории, интересов, данных о характере материальной деятельности, об имеющихся силовых и иных возможностях и др. в тот или иной момент исторического времени, выраженных в сводках, описаниях и других формах их представленности. Любые формы описания (в качестве результатов сбора данных и их кумуляции) носят по определению статичный характер. Понимание *исторического процесса* как процессуальной целостности может состояться, если его рассматривать как сквозной процесс человеческой деятельности, охватывающий прошлое, настоящее и возникающее в настоящем будущее [11, с. 34–43, 12]. Такое понимание не может состояться на основе эмпирического уровня мышления как ситуативного и воспроизводящего лишь конечные формы человеческого существования. Именно поэтому создание перспективных стратегий будущего в развитии общества невозможно на уровне понимания, заменяющего вопрос об историческом процессе вопросом о чертах событийных массивов здесь, сейчас или в другой конечный отрезок времени.

Сказанное означает, что формирование и формулирование стратегий не может считаться удовлетворительным, если оно не учитывает базовых параметров исследовательской деятельности, самих исследовательских стратегий и того, на каком уровне мышления они осуществляются, какое понимание методологии в них реализуется. Без этого невозможно определение реальных перспектив любых исследований и в соответствии с этим невозможно ожидать выработку перспективных стратегий развития общества и человека.

Список литературы

1. Гусева Н.В. Феномен стратегий развития: к анализу понимания методологических оснований и следствий выбора // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 15. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. Науч. Сотрудничества; Отв. Ред. В.И. Герасимов. – М., 2020. – 1002 с. с. 69–74.
2. Гусева Н.В. Социальное бытие и социальные науки: к анализу практической связи // «Современные вызовы и развитие образования в условиях новой реальности»: Сб. докл. Междунар. Научного конгресса (8-12 ноября 2021 года). – В 2 частях. – Ч. 1. – Усть-Каменогорск, 2021. – 261 с., с. 43–52.
3. Гусева Н.В. Понимание мышления и следствия эмпирических стандартов его реализации // Педагогика и психология: проблемы развития

мышления. Развитие личности в изменяющихся условиях [Электронный ресурс]: материалы V Всерос. Науч.-практ. конф. с междунар. участием (15 мая 2020 г., Красноярск), под общ. Ред. Т. Н. Ищенко; СибГУ им. М. Ф. Решетнева. – Красноярск, 2020. – С.10–16.

4. Диалектическое мышление и феномен методологических исследований в развитии науки. Монография / Под общ. ред. д.ф.н. Н.В. Гусевой. – Усть-Каменогорск, 2017. – 275 с.

5. Диалектика и проблемы анализа социальных процессов. Материалы VII Международной научно-практической конференции «Культура и проблема цивилизационного выбора», посвященной юбилею доктора философских наук, профессора Гусевой Нины Васильевны (25–26 ноября 2020): в двух частях. Часть 1. – Усть-Каменогорск: Берел, 2021. — 239 с., Часть 2. – Усть-Каменогорск: Берел, 2021. — 236 с.

6. *Лакатос И.* Методология исследовательских программ. – М.: АСТ издательство Ермак, 2003. – 381 с.

7. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. – М.6 Прогресс, 1986. – 542 с.

8. *Тулмин С.* Человеческое понимание. М.6 Прогресс, 1984. – 328 с.

9. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983 – 605 с.

10. *Конт О.* Общий обзор позитивизма / Перевод с французского И. А. Шапиро. Под ред. Э. Л. Радлова. — Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 296 с. и др.

11. *Гусева Н.В.* Диалектика и варианты понимания исторического процесса // «МИР БОЛЬШОГО АЛТАЯ». Международный научный журнал, 2 (3.2) – 2016, – С.564–574. *Черных Е. Н.* Евразийский «степной пояс»: у истоков формирования // Природа. – № 3. – 2008. – С. 34–43.

12. Диалектико-методологический анализ альтернатив современных социумных взаимодействий и социальных процессов / под общей редакцией д.ф.н. Н.В. Гусевой, магистра философии Е.В. Савчук. – Усть-Каменогорск: издательство «Берел» ВКУ имени С.Аманжолова, 2022. – 295 с.

Summary

Guseva N.V. Dialectics and Research Strategies in the Modern World

The article deals with the problem of the bases for developing promising strategies and shows that such a basis can only be dialectical thinking, which allows to identify the logic of current processes and create projections of their further unfolding. The article also analyzes the main features of both empirical and dialectical thinking, shows their consequences for solving the problems of an adequate understanding of political and other reality and the importance of developing adequate strategies for the development of society and man.

Keywords: dialectical thinking, empirical thinking, research strategies, understanding methodology, logic.

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ИНТУИЦИЯ ГРЯДУЩЕГО

Колчигин С.Ю.

*Доктор философских наук, профессор
ОО «Казахстанский философский Конгресс»
г. Алматы, Казахстан
skolchigin@mail.ru*

Аннотация. Внутренняя Евразия – регион планеты, огромный по территории и природным ресурсам. Поскольку он относительно лучше защищен от глобальных геологических трансформаций, чем другие регионы Земли, постольку является своего рода «ковчегом спасения», землей нового обетования для всего человеческого рода. Кроме того, именно здесь за последние десятилетия возникли духовные учения, открывающие новую эру эволюции человека. Поэтому евразийство в своей глубинной сути – это не только научно-историческая или геополитическая доктрина, но и требование гармоничного отношения человека к миру, прообраз новой формы жизни, отвечающей вызовам третьего тысячелетия.

Ключевые слова: Евразия, глобальные трансформации, будущее, гармония.

В двадцатые годы XX столетия произошло два взаимосвязанных исторических события: образование СССР и возникновение евразийского движения.

Создатели Советского Союза строили на пространствах Евразии социальную интернациональную общность. А первые русские евразийцы фактически дополняли идею и задачу этой общности идеей и задачей особого этнокультурного геополитического объединения.

Сегодня, в эпоху глобализации и, соответственно, глобальных трансформаций на нашей планете обнаруживается удивительный факт. А именно: проект Советского Союза и проект союза Евразийского принципиально противоположные по своей сути, в метаисторическом плане содержательно совпали. Оказалось, что они относятся не столько к прошлому или даже к настоящему, сколько к ближайшему и отдаленному будущему. Именно там, в будущем, может реально сложиться тот суперэтнос, о котором говорил Л.Н. Гумилев. Или, выражаясь чуть иначе, та симфоническая личность, о которой писал Л.Н. Карсавин, то единое поле сознания, которым характеризуется подлинное единство народов.

На чем основано убеждение в том, что евразийство относится больше к будущему, нежели к прошлому? Это, конечно, больше интуиция, чем строгий теоретический вывод, но она все-таки имеет под собой серьезные основания объективного порядка.

«Мы поселены на этой планете не для того, чтобы суметь проехать пятьдесят миль в час на автомобиле, или пересечь Атлантику на воздушном корабле, или посылать сообщения по проводам – или без них... Важно не то,

как быстро вы едете, а сама цель вашего путешествия. Важно не то, как вы посылаете сообщение, а то, какова ценность этого сообщения» [1, р. 231]. Между тем у современной цивилизации, главным образом в лице ее западной ветви, отсутствует вектор развития. Она не ставит вопроса о цели и смысле своего существования. И, соответственно, сводится к потребительской психологии и к ее высшей форме – прельщению инновационными технологиями. Такая цивилизация находится сегодня в пределах точки невозврата. Все симптомы современности указывают на то, что цивилизация проваливается в бездну, которая много страшнее Маракотовой, потому что не дает надежды не только на действительное развитие, но даже на сохранение в некоей законсервированной традиции.

В этом контексте становится все очевидней: биосфера без радикального изменения подхода к себе будет продолжать очищаться от антропогенных воздействий, включая в них большие и малые вооруженные конфликты и глобальные войны. А это ставит вопрос о дальнейшей судьбе цивилизации, в частности, о характере ее будущей жизнедеятельности и месторазвитии (выражаясь в терминах П.Н. Савицкого).

Наиболее крупные страны и регионы Земли имеют в этом отношении очень разные возможности. При этом наибольшими перспективами обладает регион, во многом совпадающий с постсоветским пространством, именуемый Внутренней Евразией или Хартлендом («Срединной Землей», или «Землей Сердца»).

Для такого утверждения, при всей его кажущейся прямолинейности, имеется ряд аргументов. Они, конечно, не могут претендовать на фактическую точность и научную строгость, поскольку речь идет о необъятных географических пространствах и поистине астрономических темпоральных отрезках (в тысячи и миллионы лет), однако есть определенные тенденции, которые уже сегодня указывают на существенную роль Внутренней Евразии в будущем.

Она представляет собой единый, цельный регион, расположенный на независимой тектонической плите, огромный по территории и пока еще не слишком поврежденный технической цивилизацией. Алтай, Север, Сибирь, Дальний Восток, океаны тайги, казахские степи – все это территории Внутренней Евразии, фактически сберегаемые для будущего. Поскольку же они мало освоены, постольку содержат огромный ресурсный потенциал. Регион богат водой (достаточно вспомнить, что здесь среди множества водных артерий – крупнейшие реки: Лена, Енисей, Амур, Иртыш и др.), а также древесиной, целебным разнотравьем и т.д. (Тем не менее, Евразия понимает и необходимость создания собственного «хранилища Судного дня». Его планируется создать в ближайшем будущем, объединив свыше 200 разнообразных биоресурсных коллекций).

Все это имеет особое значение в связи с глобальным изменением климата на Земле. Человечество вступает в эпоху серьезных испытаний, связанных прежде всего с глобальным потеплением, которое чревато обильным таянием ледников, в первую очередь, в Антарктике, повышением уровня воды в Мировом океане и затоплением больших площадей суши. Так, например, карта,

разработанная с помощью новой компьютерной программы NASA, показывает обширные участки Лондона, уязвимые для повышения уровня воды. Через 10 лет эти районы, по мнению агентства, столкнутся с угрожающе частыми наводнениями, и вполне вероятно, могут уже на регулярной основе погрузиться под воду. Таков прогноз федерального агентства США, подчиняющегося лично президенту Байдену. Под угрозой масштабных затоплений, по мнению NASA, окажется не только Англия, но и множество других стран и крупных городов: со временем может не стать Нью-Йорка, Бостона, Санкт-Петербурга...

Почти половина мирового населения проживает в пределах 100 километров от побережья, и ООН уже вводит термин будущего – «климатические беженцы». И таких, по мнению этой международной организации, будет минимум один миллиард. Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш с тревогой говорит о том, что уровень океана поднимается угрожающими темпами. За последние 100 лет он поднялся на рекордные 17 сантиметров. В обозримом будущем «низкие общины» и целые страны могут исчезнуть навсегда. Мы станем свидетелями массовых исходов целых народов в «библейском масштабе». И увидим еще более жесткую конкуренцию за пресную воду, землю и другие ресурсы.

Внутренняя Евразия в этом отношении – регион планеты, несколько более защищенный от смертоносных океанических наводнений, так как океаны находятся в основном на ее периферии. Причем в ходе изменения климата, по некоторым прогнозам, в жарких областях начнется похолодание; а в областях холода станет значительно теплее, как, например, в Сибири, где ожидается потепление вплоть до формирования субтропического климата. При этом защитой от атмосферного углерода станут сибирские леса и торфяники.

То же можно сказать о вулканической активности. Если, например, в США угроза разрушительной вулканической деятельности весьма велика, то в Евразии такая угроза значительно ниже: самые крупные ее вулканы расположены опять-таки на географических окраинах – на Камчатке и Курильских островах.

На других континентах существует даже реальная угроза их раскола. Это прогнозируют, например, в Африке, где в результате возникновения нового океана в отдаленном будущем произойдет колоссальный разлом континента на две части. Понятно, что до этого события еще очень далеко, однако этот разлом в пустынях Эфиопии длиной в 56 километров наметился уже в наши дни. Подобная участь ожидает и Северную Америку.

Все это, конечно, не значит, что от природных катаклизмов гарантированно защищена лишь Евразия. Это не так. Довольно уязвима, например, ее западная часть, поскольку соприкасается с океаном и переменчивыми морскими течениями. Ситуация усугубляется тем, что на западе континента сегодня происходит военное столкновение России и НАТО, губительное для всех его сторон. Поэтому, если верить многим суровым прогнозам и картам будущего, Евразия, скорее всего, будет сжиматься,

особенно с западных и северо-западных областей, однако лишь до определенных пределов – примерно до Урала и восточных районов Казахстана. Во всяком случае, Евразии не грозит полное затопление, каковая катастрофа вполне может иметь место в прибрежных странах Европы, в США, Японии, в островных государствах (давно бьющих тревогу на всех уровнях мирового сообщества и вызывающих к его помощи).

Таким образом, Внутренняя Евразия – это своего рода будущий «ковчег спасения» и земля нового обетования для человеческого рода. Хартленд, как подчеркивал Х. Маккиндер, представляет собой величайшую природную крепость на земном шаре [2, с. 278]. Именно на этой «Земле Сердца» смогут в будущем собраться народы Земли, избежавшие гибели в эпоху земно-космических трансформаций. Тем более, что в поле коллективной памяти Евразии есть ценнейший опыт интернационального Союза – евроазиатского и славяно-туранского, который существовал несколько десятилетий без социальных распрей и братоубийственных войн.

Более того, предпочтительное отношение к Внутренней Евразии как земле будущего не есть «общеевразийский национализм». Это выражение Н.С. Трубецкого не вполне удачно, так как сохраняет понятие национализма в позитивном смысле, хотя это понятие как таковое им не обладает. Лучше использовать другое выражение Трубецкого – «многонародная нация». А еще точнее применять (если вообще применять традиционные штампы) совсем иное словосочетание – «интернациональный патриотизм», имея в виду, что Внутренняя Евразия в обозримом будущем способна стать родиной великого множества народов целого мира.

Собственно, так было во все века, когда континент служил месторазвитием китайцев и русских, казахов и белорусов, монголов и якутов, татар и украинцев и еще очень многих других народов. А сегодня на пространстве Внутренней Евразии нашли новую родину этносы, не имевшие здесь исторических корней, например, болгары, немцы, кубинцы, мексиканцы, литовцы, американцы, корейцы.

Эти интернациональные группы людей уже сегодня начинают создавать здесь новые типы человеческого общежития – экополисы, эконоосферные поселения. Тем самым складывается основа для жизни новых поколений людей, духовно связанных единым миропониманием и гармоничным отношением ко всему окружающему и происходящему.

При учете этого важнейшего фактора продвижения в будущее обнаруживается, что Внутренняя Евразия обладает более существенным потенциалом по сравнению с другими странами и континентами. Это не означает, будто евразийский человек «лучше» других, но это указывает на то, что евразийские ценности по своему сущностному наполнению интереснее ценностей многих других современных стран и ближе к подлинному существу человека. Так, Запад сегодня активно заполняется всеми патологиями, какие только можно представить в так называемой культуре. Среди них педофилия, гомосексуализм, антропофагия, инцест и прочие ценности «democracy»,

психопатического общества [3]. При этом интеллектуальная жизнь Запада в своем существе характеризуется подобным же разнообразием (а точнее – «грязнообразием»). Вместо того, чтобы решать проблемы, которые накопились на Земле, западные интеллектуалы, хотя не всегда намеренно, делают все для того, чтобы усложнить их и разобщить людей. Такова в целом западная «патафизика» [4].

Но Евразия, при всех ее крупных проблемах и сложной судьбе, дала жизнь целому ряду великих духовных движений, не говоря уже об основных религиях мира. А за последние сто лет непосредственно на внутренних пространствах континента возникли новые большие и перспективные идеи и учения. Среди них нравственная философия А. Кунанбаева, Н. Бердяева, С. Франка, Ш. Кудайбердиева, философия космизма Н. Федорова, К. Циолковского, а затем и А. Урсула, В. Казютинского, К. Рахматуллина. Наконец, нельзя не отметить мировоззрения, открывающие новую эру в эволюции человека. К их числу относятся новые научно-космические парадигмы, а главное – Учение Единой Истины с его эталонной информацией о человеке и мире, содержательно покрывающей и продвигающей все прежние взгляды и теории в истории человечества.

Надо поэтому подчеркнуть, что евразийская идея есть нечто гораздо более глубокое, нежели только научно-историческая или геополитическая доктрина. Примечательна в этой связи мысль, высказанная еще в 1995 году на «круглом столе» журнала «Вопросы философии» А.С. Панариным. «Человечество, – писал он, – стоит на пороге утверждения новой, постиндустриальной аскезы, основанием которой является экологическое самоограничение потребительских обществ... Я думаю, этот вопрос, сегодня еще в рамках “евразийской” темы никем не затрагиваемый, на самом деле определяет судьбу этого течения». А чуть ниже, резюмируя свою мысль, Панарин справедливо и, можно без особого преувеличения сказать – пророчески, указывал, что евразийство – не вполне удачное название, ибо оно есть только «метафора какого-то большого явления, которое дает о себе знать» [5, сс. 5, 19].

Что же это за «большое явление»? Что такое евразийство по своей глубинной сути? Не будет преувеличением утверждать, что оно прообраз совершенно нового способа отношения человека к миру, новой формы жизни, отвечающей вызовам третьего тысячелетия. Евразийская идея (хотя и не всегда в явной форме) есть идея человечности, которая, в свою очередь, подразумевает соборность, единство людей. Наконец, единство людей, отсутствие в их отношениях эгоцентрических установок и проявлений определяет и гармонию в отношениях человека с природой.

Эти высшие ценности предполагают, что, в отличие от привычных социальных связей атомарных индивидов, связей, построенных на нормативах формального договора, необходим иной способ общежития, представляющий собой естественную форму существования людей, связанных теперь уже

органическими узами. Это также и новый тип удовлетворения потребностей, основанный на принципах безотходного непромышленного производства, бережного и восполняющего отношения к природным ресурсам, совместного принятия решений, бесприбыльного обмена и т.д. При этом главным основанием такого рода общежития должна быть духовная связь: в противном случае жизнь в таком сообществе вновь окажется формальной и быстро выродится в прежнее механическое существование.

«Экологический капитализм» в принципе невозможен. Не получится защищать природу и одновременно стремиться извлечь из этого выгоду. В случае глобального катаклизма (а вероятность этого критически высока), при разрушении прежней системы жизни, понадобится взаимопомощь людей, готовность бескорыстно делиться тем, что имеешь, умение своими руками строить заново дома и коммуникации. Единством, братским отношением друг к другу, практической устремленностью как раз и характеризуется духовность.

В эпоху глобального кризиса единственное решение для человечества – занять еще не тронутую экологическую нишу и именно здесь осуществить подлинную революцию в отношениях между людьми, как и в технологическом творчестве. Речь идет не только о новом способе удовлетворения потребностей, но прежде всего об изменении характера самих потребностей.

Известное разнообразие уже существующих экологических типов поселения в то же время предполагает некоторые принципиально общие черты и единство важнейших принципов. Среди них мировоззренческое единство и духовное согласие при уважении и поощрении многообразных особенностей мироощущения и творческого выражения; образование и воспитание подрастающего поколения, свободное от всякой негативной информации. Кроме того, здесь делается установка на бесприбыльный обмен произведениями, продуктами и изделиями. В экопоселениях учатся шаг за шагом выходить из деформирующей человека денежной зависимости, стараясь делать все необходимое для жизни своими руками. И, конечно, важным принципом экополиса является безотходное производство, использование альтернативных, экологически чистых источников энергии: воды, ветра, солнца, а также использование и, по возможности, собирание и приумножение современных технических средств и высоких технологий.

Нередко возникает сомнение: подобные общины создавались и раньше, в прежние века, но всегда оказывались недолговечными, неустойчивыми, оборачиваясь очередными несостоявшимися утопиями. Это действительно так. Однако сегодня утопией оказывается попытка строить человеческое общество на базе прежних, изживших себя эгоистических установок – именно эта попытка ведет человечество к гибели. В нынешний критический период развития человечества, отмеченный общепланетарными проблемами и связанный, в конечном счете, с глобальным эгоизмом, создание альтернативных духовных сообществ – не просто манящий зов будущего, но прямое требование настоящего.

Таковыми, предположительно, представляются «новая земля и новое небо», которые были интуитивно предугаданы и по-своему интерпретированы создателями евразийской и коммунистической теорий.

Список литературы

1. Doyle A.C. Spiritualism and the Progress of our Race // Doyle A.C. The Maracot Deep. Articles and Letters. – М.: Manager, 2000. – 272 p.
2. Маккиндер Х. Географическая ось истории / Х. Маккиндер – М.: Издательство АСТ, 2021. – 288 с.
3. Культура времен Апокалипсиса / Под ред. А. Парфрея; [Пер. с англ. А. Ведюшкина и др.]. – Екатеринбург: Ультра. Культура. – 2004. – 592 с.
4. Хьюгилл Э. Патафизика: Бесполезный путеводитель / Пер. с англ. В. Садовского; общ. ред. С. Дубина. – М.: Гилея, 2017. – 448 с.
5. Евразийство: за и против, вчера и сегодня (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1995. – № 6.

Summary

Kolchigin S.Yu. Eurasianity as an Intuition of the Coming

Inner Eurasia is an integral continent, vast in territory and natural resources. It is relatively protected from global geopolitical and geological transformations and is a kind of “ark of salvation”, a land of new promise for the human race. In addition, Eurasia has given birth to the main religions of the world and, over the past decades, new big and promising ideas and spiritual teachings have arisen here. Therefore, the Eurasianism is not just a scientific-historical or geopolitical doctrine, it is a prototype of a new attitude of man to the world, a new form of life that meets the challenges of the third millennium.

Keywords: Eurasia, global transformation, future, harmony.

НА КАКИХ ОСНОВАНИЯХ ВОЗМОЖЕН ЕВРАЗИЙСКИЙ МИР СЕГОДНЯ?¹

Косиченко А.Г.

*Доктор философских наук, профессор
Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК
г. Алматы, Казахстан
anatkosichenko@mail.ru*

Аннотация. Классики евразийства в 10-30-х годах XX века заложили идейные, научные и духовные основы этой концепции, но реализовать свои идеи им не удалось. Сегодня интерес к евразийству как теории и практике интеграции на евразийском континенте вновь возродился. Однако с не меньшей остротой, чем в классический для евразийства период, встает вопрос: возможно ли построение евразийского мира, и, если возможно, то на каких основаниях? В статье рассмотрены некоторые достаточно реальные аспекты евразийской интеграции и трудности на этом пути. Делается акцент на добровольности такой интеграции и ее субъектах.

Ключевые слова: евразийство, интеграция, духовные основы, геополитика, регионализация.

В 10-20-е годы XX века почти одновременно были созданы несколько крупных теоретических схем, концепций, имеющих общенаучный, мировоззренческий и полуфилософский – полуспекулятивный характер: в физике (теория относительности и квантовая теория), в генетике (евгеника), в филологии (структурный анализ и лингвистика) в истории, языкознании, геологии и т.д. В. Вернадским была выдвинута его ноосферная концепция, К. Циолковский наметил пути выхода человечества в космос. В этом же ряду стоит и евразийская концепция. Общим для всех перечисленных и еще ряда подобных теорий является их глобальность, революционность и известная авантюристичность. Эти концепции и теории были на грани мифологии. Не в последнюю очередь они явились следствием ожиданий Первой мировой войны (а ожидания чего-то исторически мощного и страшного в это время были почти всеобщими) и потрясений от нее. Ученые строили предельно общие, даже уже и не совсем научные картины мира, хотели уйти от развивающегося абсурда повседневности, изобретали теории, компенсирующие уродливую действительность. Иначе никак не понять, почему, например, К. Циолковский был так убежден, что человечество не может оставаться на Земле, а должно «переселиться» на другие планеты. Или почему евразийцы утверждали, что

¹ Статья подготовлена в рамках финансирования КН МНВО РК (Грант №AP09260036 «Светские и религиозные ценности в современном Казахстане: взаимодействие и влияние на политику РК в сфере религии»).

Россия это и не Европа, и не Азия, а совершенно особая цивилизация – что давало им основания так считать, не одно же географическое положение России? Или почему Г. Флоровский, будущий протоиерей и классик православного богословия, один из зачинателей евразийства, довольно скоро, впрочем, отошедший от него, пришел к выводу: «Первоначальное евразийство хотело быть призывом к духовному пробуждению. Но сами евразийцы если и проснулись, то для того, чтобы грезить наяву... Евразийство не удалось. Вместо пути проложен тупик. Он никуда не ведет. Нужно вернуться к исходной точке. И оттуда, быть может, откроются новые кругозоры, протянутся новые и верные пути» [1, с. 312]. Вот эти: «вернуться к исходной точке», «откроются новые кругозоры», «новые и верные пути» и выдают в евразийцах неуспокоенность творцов и создателей нового мировоззрения, до сих пор не получившего своего воплощения.

Евразийство изначально предчувствовало, что оно не может реализоваться в ближайшее время, поэтому не сдерживало полета своей фееричности, но вместе с тем ученые–евразийцы первой волны были профессионалами в своих научных областях. Следует также отметить, что исследователи, стоящие у истоков евразийства, были искренними и увлеченными людьми – имеется их взаимная переписка, из которой видна их преданность идеям евразийства, их личное и человеческое участие в движении; видно, что даже столкновения между ними были столкновением идей; они не хотели унижить и обидеть вчерашних единомышленников, занявших резко критическую позицию по отношению к евразийству» [2, с. 47].

Выше были коротко упомянуты гносеологические и идейные основы евразийства. У евразийства была и политическая основа. Когда классики евразийства создавали евразийскую концепцию, они были в положении эмигрантов, оторванных от Советской России. Они пытались хотя бы теоретически наметить свое возможное участие в судьбах России. Прямого политического влияния они оказать не могли, грубая антисоветская риторика их не устраивала, активную подрывную деятельность они не признавали. Таков в целом политический контекст евразийства.

Что же с идеей евразийства сегодня? Интерес к ней возродился, но условий для ее реализации, как и раньше, не много. Правда, трансформация глобализма в регионализацию создала некоторые возможности для евразийской интеграции. Глобализация как центральный процесс современности на какое-то время сегодня сменилась регионализацией, тоже в довольно крупных масштабах, но все же регионализацией. Вот тут, казалось бы, и ко двору придется евразийская концепция – почему бы не обозначить именно Евразию в качестве крупного субъекта регионализации и осуществить некое единение в ее пределах? Некоторые оптимисты напрямую связывают сдачу позиций глобализма и евразийскую интеграцию. «Ответом на вызовы глобализации является концепция современного евразийства и формирование единого евразийского экономического пространства» [3, с. 14]. Тем более, что ЕАЭС

создан и функционирует. Но на примере его деятельности проявляются все трудности евразийской интеграции. Эффект от него небольшой. Опасения утраты суверенитета, отсутствие ощутимой выгоды от объединения, сознательный подрыв его возможностей, желание выгоды без потерь и т.д. Поэтому даже и в сфере чисто экономического сотрудничества ЕАЭС сталкивается со множеством проблем; все его участники хотят только скорых выгод от этого союза, и в этом их трудно обвинить – для чего еще объединяться, как не для выгод и преимуществ объединения? Но сплошных выгод для всех не бывает, такую экономическую модель еще не создали и вряд ли создадут. Выгоды могут быть для всех, но каждому в свое время и в своей мере, а участники не хотят ждать. Потому и возникает множество взаимных претензий, замедляющих, а то и вовсе полагающих предел интеграции.

И это только в экономической сфере. Что же говорить о политических аспектах интеграции? Здесь сплошные противоречия, начиная от несоизмеримости «удельных весов» участников до опасений потери национального суверенитета. Различные государства евразийского пояса находятся на разных этапах и уровнях демократизации, разнятся типы государственного устройства, различны национальные интересы. Евразийцы в свое время устраняли эти проблемы, перенося акцент с типа государственного правления на задачи воспитания «властных элит».

Не просто дело обстоит и с пассионарностью. Л.Н. Гумилев применил это понятие для описания той «жизненной энергии», благодаря которой этнос завоевывает жизненное пространство и утверждает на нем свои ценности, строит государство, порождает разнообразие общественных отношений и т.д., а также удерживает завоеванное (понятно, что не только в буквальном смысле «завоевания»), не обязательно силой, вполне возможны и договоры, соглашения, раздел сфер влияния – но на все это потребна пассионарность. Об этом писал в свое время Г.В. Вернадский, не употребляя термина Л.Н. Гумилева «пассионарность»: «Жизненная энергия, заложенная в каждой народности, стремится к своему наибольшему проявлению. Каждая народность оказывает психическое и физическое давление на окружающую этническую и географическую среду. Создание народом государства и освоение им территории зависит от силы этого давления и от силы того сопротивления, которое это давление встречает. Русский народ занял свое место в истории благодаря тому, что оказывавшееся им давление было способно освоить это место» [4, сс. 198 -199].

Так вот, возникает вопрос: в какой мере пассионарны сегодня народы Евразии? Достанет у них «жизненной энергии» для своего «наибольшего проявления»? Способны ли они на евразийскую интеграцию? Не остановят ли их те же обстоятельства, что и в описанных выше экономических и политических аспектах интеграции? Вопросы эти носят открытый характер, отвечать на них можно по-разному, аргументов хватает для любой позиции.

Геополитическая ситуация в современном мире не просто сложная, она крайне агрессивна и опасна. Всякий новый (или обновившийся) субъект

мировой политики, поставивший целью улучшить свое геополитическое положение, столкнется с противостоянием очень высокого уровня. Какая из мировых держав потерпит появление нового конкурента? А реальная евразийская интеграция, бесспорно, приведет к появлению очень значимого мирового лидера. Так что осуществление евразийской интеграции, создание евразийского мира сегодня под едва ли меньшим вопросом, чем в 20–30-е годы XX века. Хотя, как знать? Мир сегодня вступил в такую полосу неопределенности во всех отношениях, что твердая и последовательная политическая воля глав государств – участников ЕАЭС – и не только их, вполне способна породить реального субъекта новой геополитической картины мира – Евразию. Другое дело, что это крайне непросто и предельно ответственно.

Так что обращение к некоторым аспектам возможного порождения евразийского мира не лишено оснований. На что же можно обратить внимание в первую очередь? Например, на духовные основы евразийского мира. Каковы могут быть идейные и духовные основы евразийства сегодня? Напомним, что классики евразийства считали, что духовной его основой должно явиться православие. Это было оправдано для того времени, ибо Россия, по мысли евразийцев, была сутью евразийства во всех отношениях. И хотя само Российское государство, в соответствии с их видением Евразии, берет начало в Монгольской империи, но с угасанием последней именно Российская империя становится становым хребтом Евразии. Естественно, что православие как духовная основа России и являлась для евразийцев идейной и духовной скрепой. Но сегодня ситуация существенно иная: ни православие, ни ислам не могут быть духовным основанием Евразии. Однако можно попытаться вычленив общее исламу и православию нравственное содержание и именно его положить в основу евразийской духовности. И такое общее нравственное содержание действительно есть.

Во-первых, это вера в Бога, в Аллаха. Концептуально эта вера выражается в признании Творца всего сущего, в Его благодати и любви к людям, милосердии и справедливости. Общее состоит и в вере в воздаяние, в ожидание Судного дня, в вере в рай и ад, в ангелов, духов злобы, в пророков, в прощение грехов, в добро как сущность бытия, и во зло как порчу этого бытия. Почти тождественны в исламе и православии нравственные требования к верующим: творить добро, избегать зла, помогать людям, быть милостивыми и справедливыми. Много общего в видении сущности духовности и духовного развития. Все это позволяет говорить о реальной духовной близости мусульман и православных, а, следовательно, и о больших возможностях ислама и православия стать духовной основой евразийского мира.

Нечто подобное и в отношении культуры. Национальные культуры, хотя и возрождаются, но никаким их синтезом не создать всех устраивающую евразийскую культуру. Поэтому при обязательном сохранении всех культур народов, согласных на интеграцию, можно попытаться вычленив общие

моменты этих культур – на это общее содержание и необходимо ориентироваться на первоначальных этапах евразийской интеграции.

Если обращаться к климатическим и географическим аспектам евразийства, которые были в центре внимания, например, такого классика евразийства, как П.Н. Савицкий, а также к разработанным им концепциям ритмов и периодичности истории, то они существенны в отношении евразийской интеграции – это объективные реалии; они могут стать важными основами реализации идей евразийства.

Вполне возможно, при желании и той же политической воле, существенно продвинуться и по пути экономической интеграции. И вообще, в отношении реализации евразийской концепции можно поставить следующие вопросы: как сегодня обстоит дело с евразийской идеей? Имеет ли она право на существование? Каковы основные трудности в отношении ее реализации? Как реально осуществить интеграцию при широчайшем многообразии народов евразийского континента? Напомним, что классики евразийства находили в истории периоды единения такого разнообразия народов, которое нам сегодня и представить сложно. Как пишет С.М. Соколов: «В работе, которая была неоднозначно воспринята научным сообществом, Н.С. Трубецкой подчеркивал, что “сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории”, что “если трудно найти великорусса, в жилах которого так или иначе не текла бы и туранская кровь, то совершенно ясно, что для правильного национального самопознания нам русским необходимо учитывать наличность в нас туранского элемента, необходимо изучать наших туранских братьев”» [5, с. 29]. (Соколов ссылается на работу: Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999. – С. 130).

Итак, основания и достаточно рациональные соображения для реального создания евразийского мира сегодня имеются. Но и препятствий более чем достаточно. Надо ли осуществлять подобную интеграцию, и возможна ли она в принципе – большой вопрос. В любом случае, это должна быть абсолютно свободная интеграция; мир уже видел много насильственных объединений, ничего хорошего из этого не вышло. Ведь отвечать за евразийскую интеграцию и испытывать на себе ее последствия придется народам, на нее пошедшим. Сегодня нужна повышенная трезвость в совершении столь важных шагов, поэтому эксперты могут предлагать различные схемы и формы интеграции, но идти или не идти на нее – это в воле народов и элит государств.

Список литературы

1. *Флоровский Г.В.* Евразийский соблазн // Современные записки. – Париж, 1928. – Кн. 34. – С. 312–346.
2. *Половинкин С.М.* Г.В. Флоровский и евразийство // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – Том 15. – Выпуск 3. – 2014. – С. 42–53.
3. *Пашков Р.В.* Евразийство в условиях глобализации // Территория науки. – №1(2). – 2007. – С. 10–16.

4. *Вернадский Г.В.* Начертания русской истории // Очерк русской философии истории. Антология. – М.: РАН, Институт философии, 1996. – 313 с.

5. *Соколов С.М.* Этнологическая концепция евразийства // Вестник Бурятского государственного университета. – № 14 (1). – 2014. – 138 с.

Summary

Kosichenko A.G. On What Grounds is the Eurasian World Possible Today?

The classics of Eurasianism in the 10–30-s years of the XX century laid the ideological, scientific and spiritual foundations of this concept, but they failed to realize their ideas. Today, interest in Eurasianism as a theory and practice of integration on the Eurasian continent has revived again. However, with no less acuteness than in the classic period for Eurasianism, the question arises: is it possible to build a Eurasian world, and if possible, on what grounds? The article discusses some fairly real aspects of Eurasian integration and the difficulties on this path. Emphasis is placed on the voluntariness of such integration and its subjects.

Keywords: eurasianism, integration, spiritual foundations, geopolitics, regionalization.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА СОГЛАСИЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

Нурмуратов С.Е.

*Доктор философских наук, профессор
Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК
г. Алматы, Казахстан
s.nurmuratov@mail.ru*

Ержанова А.Ж.

*Магистр философии
Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК
г. Алматы, Казахстан
ayerzhanova180@gmail.com*

Аннотация. Современный мир находится в состоянии глобальной трансформации. Поэтому сегодня как никогда необходимо согласие между индивидами и народами, согласованность действий, взаимопомощь. Ценность согласия повышается многократно в экстремальных ситуациях: в годы мировых войн или в условиях эпидемий и пандемий. Согласие выступает в качестве условия преодоления цивилизационных кризисов и главного механизма посткризисного переустройства мира. Кроме того, язык и культура являются важными факторами регулирования социальных, культурных и политических отношений и в евразийском пространстве.

Ключевые слова: согласие, кризис, коммуникация, рациональность, воспитание.

В современном сложном мире трудно найти проблему более актуальную, чем достижение общественного согласия, взаимопонимания различных культурно-цивилизационных парадигм, согласованности действий в масштабах планеты и в условиях евразийской интеграции. Мир находится в состоянии глобального кризиса, а ценность согласия многократно повышается именно в экстремальных ситуациях: в годы мировых и локальных войн, крупных природных катаклизмов и социокультурных катастроф, в условиях различных цивилизационных разломов.

Острые проблемы в развитии человечества обнажила в 2020 году пандемия COVID-19. Помимо медицинских аспектов этой проблемы, она создала угрозу единству народов разных стран. Солидарность, по признанию

¹ Статья подготовлена в рамках научного фундаментального исследования BR20280977 «Новые концептуальные подходы к содержанию справедливости и ее реализации в казахстанском обществе в условиях глобальных трансформаций современности»

многих западных аналитиков, оказалась больше лозунгом, чем реальностью (хотя были здесь и многие примеры истинной взаимопомощи). На передний план в некоторых государствах из-за вируса стал выходить национализм, тенденция к недоверию и разобщенности. В ежегодном Докладе ООН, опубликованном в сентябре 2020 года, прямо указывается на масштабность:

«Пандемия COVID-19 выявила коллективную неспособность серьезно отнестись к профилактике, обеспечению готовности и реагированию на пандемию и придать этим мерам должную приоритетную значимость. Она продемонстрировала неустойчивость тесно взаимосвязанных социально-экономических систем, а также хрупкость доверия. Она углубляет раскол в обществе и усиливает разногласия между странами, подпитываясь ими». (The COVID-19 pandemic has revealed a collective failure to take pandemic prevention, preparedness and response seriously and prioritize it accordingly. It has demonstrated the fragility of highly interconnected economies and social systems, and the fragility of trust. It has exploited and exacerbated the fissures within societies and among nations) [1].

События, связанные с пандемией коронавируса, прямо показали: мир уже не может быть прежним. При этом испытанию подвергается само общественное бытие людей – их общение и совместная жизнь. Но в современном социуме имеет место и другая тенденция – тенденция к объединению. Это объясняется тем, что стратегия согласия востребована вступлением человеческой истории в переломный этап, связанный с социально-экономическими и духовными преобразованиями, переоценкой старых ценностей и творением новых.

Можно утверждать без всякого преувеличения: согласие выступает в качестве условия преодоления кризисов и главного механизма посткризисного переустройства мира. Во время глобального кризиса появляется, соответственно, необходимость и возможность глобального согласия. Мировой кризис касается не отдельных стран или социальных групп, а всех без исключения. В том же докладе ООН подчеркивается: «Никто не будет в безопасности до тех пор, пока все не будут в безопасности... Пандемия, по определению, является глобальным событием и, таким образом, требует коллективных глобальных действий». (No one is safe until all are safe... A pandemic is, by definition, a global event and as such demands collective global action) [1].

Пандемия заставляет пересмотреть глобально-эгоистические установки. И роль всеобщего согласия в глобально-кризисном мире в реальном поиске и выработке глобальных совместных решений и согласованных действий всех стран и народов. Согласие достигается в условиях единой для всех проблемы и единой стратегии ее преодоления. Пандемическая ситуация показала это со всей ясностью. Она вызвала к жизни много новых форм человеческих контактов, а также возродила и расширила прежние. Так, в Республике Казахстан, которую представляют авторы настоящей статьи, широкое

распространение получило добровольное движение волонтеров, спонтанно возник тренд «Мы вместе» (We are together, We are one), воодушевивший многих людей, особенно молодежь.

Согласие человека с другими людьми есть сущностное определение человека. Поэтому можно утверждать, что пандемия станет и в чем-то уже стала катализатором не только многих проблемных узлов и болевых точек в общественных и межличностных отношениях, но и лучших проявлений человека. Даже сами проблемные узлы и болевые точки оказались нужными в том смысле, что выявили то, над чем необходимо серьезно работать. И если стратегия согласия получит реальное планетарное развитие, то и сами люди станут быстрее и успешнее развиваться в подлинно человеческом смысле.

Язык и культура являются основными механизмами регулирования межчеловеческих отношений. Для эффективного регулирования разнообразных межчеловеческих и межгосударственных отношений в евразийском пространстве необходимо использовать универсальные качества языка, так в сфере языка формируется и развивается уникальная гармоничная система, «в которой всякая часть, вплоть до мельчайших, сохраняет свою яркую, не повторяемую индивидуальность, и единство целого достигается не обезличением частей, а непрерывностью самой радужной сети языка» [2, с. 334].

Чтобы глубже и точнее понять природу и сущность согласия, необходимо видеть в этом феномене два типа. А именно: согласие коммуникативно-рациональное (договорное, детерминированное внешними условиями) и согласие спонтанное (внутренне-чувственное, непосредственное). Коммуникативно-рациональный тип установления согласия имеет место главным образом в сложных общественных отношениях, поскольку они связаны с разнонаправленными интересами сторон, политическими и финансовыми соображениями и т.д. В этом случае согласия стремятся достичь на основе логических доводов и создания необходимых внешних условий, которые устроили бы обе стороны. Второй же тип согласия проявляется на внутренне-чувственном уровне и является добровольным, идущим «от сердца».

В дискурсе о согласии обычно исходят именно из коммуникативной рациональности, из умственного представления: общаясь теснее, мы можем лучше узнать друг друга и, следовательно, прийти к взаимному согласию. Однако если у индивидов и культур нет изначальной симпатии, бескорыстного интереса друг к другу, их совпадения в понимании высших человеческих ценностей, то диалог может не привести к согласию, а познание – не обеспечить консенсуса. Может случиться даже наоборот: открываясь друг перед другом, люди или культуры лишь спровоцируют еще большее разногласие и взаимное отчуждение.

Согласие формального характера, согласие по принуждению основано главным образом на примате материальных ценностей и на силовом и идеологическом воздействии. В глобальном плане коммуникативная рациональность обеспечивает процедуру реализации демократии и служит, в конечном счете, обоснованием стратегии построения нового мирового порядка,

новой системы мироустройства. Причем из концепции ее классика Ю. Хабермаса логически следует сформулированное им самим положение: «...Свою традиционную внешнюю политику государства лишь в том случае начнут согласовывать с императивами мировой внутренней политики, если всемирная Организация сможет под собственным командованием применять вооруженные силы и осуществлять полицейские функции» [3].

Что касается добровольного согласия, то его характерным отличием является отсутствие мотивов корыстной заинтересованности или внешнего принуждения. Это – согласие не на взаимовыгодных условиях, а на взаимной потребности быть полезными друг другу и для окружающих.

Один из главных критериев здоровых отношений – это качество общения. И если две стороны могут свободно обсуждать любые темы и проблемы, без осуждения друг друга, без обесценивания, осмеяния, без обвинений, значит, они созрели для того, чтобы находиться в отношениях любви, согласия, гармонии. Подлинная близость заключается в том, что можно быть открытым с другим, как с самим собой. Это означает принципиальную со-настроенность с ним и готовность понять и поддержать его. Такое бережное отношение характеризует здоровую близость и взаимное согласие, где даже несогласие, если оно все-таки возникает, оказывается мягким. Согласие этого типа – это взаимное чувствование.

В ситуации пандемии и других глобальных кризисов невозможно решать задачу общего согласия только силой, давлением сверху: согласия при этом добиться можно, однако оно будет вынужденным и кратковременным. Но в глобально-критических условиях не сработает в полной мере и принцип сугубо добровольного согласия, так как угрожающая ситуация не позволяет ограничиваться политикой либерализма. Поэтому в сегодняшней реальной практике имеют место оба типа согласия. Они образуют, если можно так выразиться, некоторую форму «соглашения» (agreement) между противоположными типами согласия (consent). По сути, это практическое подтверждение принципа социального конструирования реальности. Деятельность людей, самая разнообразная и разнонаправленная, объединяет собой принудительное и добровольное согласие. В результате общество пронизано этой общей тканью (mutual tissue), держится сетью общего согласия (general consent). Дело в том, что люди сами творят свои общественные обстоятельства, но обстоятельства заставляют людей корректировать свои действия и идти на компромиссы.

Согласие не может выстраиваться на основе только и единственно подчинения одного человека другому, одной культуры – другой: необходимо их равноправие, их одинаково достойное и свободное сосуществование. Каждый из означенных способов достижения согласия имеет свои основания и свои преимущества. Следовательно, глобально-стратегическое согласие между людьми и разнообразными культурами в идеале и в перспективе будущего состоит не в противопоставлении этих способов и не в доминировании одного

способа над другим, а в той или иной форме их связи или как минимум – в сосуществовании.

В стратегии согласия очень важно учитывать и то, что в своих проявлениях согласие характеризуется амбивалентностью, где на передний план может выходить либо позитивный повод к согласию, либо негативный. Иными словами, в определении характера согласия необходим не абстрактно-общий, а конкретный подход, который позволяет выяснить, с кем и во имя чего имеет место согласие в том или ином случае.

Действительно, существуют два противоположных повода или предмета согласия: позитивный, имеющий целью развитие человека, и негативный, характеризующийся агрессивными и корыстными намерениями. Следовательно, концепт согласия в своем самом общем виде образует своеобразную «четырёхмерную» фигуру, «квадрат» отношений.

1) Отрицательный предмет согласия может сочетаться с добровольным типом согласия. К примеру, несколько стран могут добровольно прийти к согласию в вопросе о военном нападении на другую страну, как это было в случае с Антантой («сердечным согласием»).

2) Отрицательный предмет согласия может сочетаться и с вынужденным типом согласия. Например, в случае, когда человек соглашается с преступниками пойти на противоправные действия ради спасения своих близких, попавших в заложники.

3) Положительный предмет согласия может сочетаться с вынужденным типом согласия. Так, страна-агрессор принуждается к миру путем введения санкций против нее.

4) Положительный предмет согласия может сочетаться с добровольным типом согласия. Примером может служить добровольная всесторонняя помощь пострадавшим от сильного землетрясения, как это не раз бывало в XX и XXI веках. В приватной жизни примером этой конфигурации типа и предмета согласия является брак по взаимной любви.

Два последних случая в наибольшей степени отвечает понятию подлинного согласия. Именно это положительное согласие мы рассматриваем в настоящей статье. Разумеется, идеально-типическое согласие в реальной жизни едва ли осуществимо безоговорочно. Однако, на наш взгляд, оно должно быть вызовом, стимулом развития человека и общества. В этом отношении справедливо утверждение Томаса Мора: утопия есть единственное общество, которое может присвоить себе название общества с полным правом [4].

В данной статье мы имеем в виду позитивный, конструктивный смысл концепта согласия как системообразующей стороны всеобщей связи, как внутреннюю подоплеку, которая делает связь гармоничной и прочной. Согласие в этом ракурсе есть внутренняя основа единства, выполняющая функцию соединения противоположностей, преодоления противоречий и разрешения конфликтов.

Список литературы

1. World in Disorder. Global Preparedness Monitoring Board Annual Report 2020. Мир в замешательстве. Доклад Совета по мониторингу глобальной готовности 2020 г. – https://apps.who.int/gpmb/assets/annual_report/GPMB_AR_2020_EN.pdf
2. *Трубецкой Н.С.* Вавилонская башня и смешение языков // История. Культура. Язык. М.: Мысль, 1995. – 456 с.
3. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001. – 417 с. – С. 310–311.
4. *Мор Т.* Утопия // Классическая утопия: Сборник: Т. Мор, Т. Кампанелла, Ф. Бэкон, С. де Бержерак. – М.: Издательство АСТ, 2019. – С. 146–147.

Summary

Nurmuratov S.E, Yerzhanova A.Zh. Civilizational aspects of the phenomenon of consent in the eurasian space

The modern world is in a state of global crisis. Therefore, today, as never before, there is a need for agreement between individuals and peoples, coordination of actions, and mutual assistance. The value of consent increases many times over in extreme situations: during the years of world wars or in conditions of epidemics and pandemics. Consent acts as a condition for overcoming civilizational crises and the main mechanism for the post-crisis reorganization of the world. In addition, language and culture are important factors in the regulation of social, cultural and political relations in the Eurasian space as well.

Keywords: consent, crisis, communication, rationality, education.

О НОВОМ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЕКТЕ РК В ЕВРАЗИЙСКОМ ДИСКУРСЕ

Сартаева Р.С.

*Кандидат философских наук, ассоциированный профессор,
член-корреспондент РАЕН и ПАНИ, главный научный сотрудник
Института философии, политологии и религиоведения*

КН МОН РК

г. Алматы, Казахстан

raush_sart@mail.ru

Аннотация. В статье отмечается, что, по мнению многих специалистов в области общественного развития, субъектность и перспективы развития в современном глобализирующемся мире смогут сохранить государства и этносы, имеющие собственный культурно-цивилизационный проект. Однако высокая турбулентность современного геополитического пространства не позволяет осуществлять такие проекты в одиночку, в особенности странам транзитного типа, таким как Республика Казахстан. Эффективность реализации собственного культурно-цивилизационного проекта значительно возрастает при участии в различных формах партнерских отношений в дискурсе мультилатерализма при наличии не только экономических оснований взаимодействия, но и теоретических оснований. В статье подчеркивается, что таким эффективным теоретическим основанием взаимодействия государств в пространстве Евразии могут стать идеи евразийства, неоевразийства, выявляющие тождественность культурно-цивилизационных ценностей и дающие прочную основу для мирного решения межконфессиональных и межэтнических противоречий. Автор считает, что эффективность реализации Республикой Казахстан собственного культурно-цивилизационного проекта «Справедливый Казахстан», выдвинутого Президентом РК К.-Ж. Токаевым в 2022 году, будет значительно выше в рамках таких форм евразийских партнерских взаимоотношений, как ЕАЭС (и т.п.), имеющих не только экономические, но и теоретические основания в виде идей евразийства и неоевразийства.

Ключевые слова: культурно-цивилизационный проект «Справедливый Казахстан», субъектность, мультилатерализм, евразийство, культурно-цивилизационные ценности.

К вопросу субъектности РК в пространстве Евразии в дискурсе мультилатерализма.

Одной из основных конституирующих особенностей современного мира является высочайшая степень турбулентности мирового геополитического пространства и связанные с ней проблемы субъектности государственных образований. По мнению некоторых специалистов, в области мирового цивилизационного развития, сохранить свою субъектность в глобализирующемся высокотурбулентном мире смогут те государства, этносы, которые будут иметь в первую очередь свой культурно-цивилизационный проект. Но вот вопрос: возможно ли самостоятельно (в одиночку) реализовать в этом глобализирующемся мире с усиливающимися тенденциями установления

нового миропорядка свой культурно-цивилизационный проект, если ты не являешься крупным геополитическим игроком?

Высокая турбулентность мирового геополитического пространства актуализирует проблему субъектности государственных образований и в тоже время подталкивает государства к участию в различных формах партнерских отношений, сотрудничества в виде союзов, альянсов (и т.д.), которые в том числе позволяют отвечать на глобальные вызовы, нести ответственность в дискурсе мультилатерализма, включая защиту собственной субъектности (существования). Кроме того, глобализация и высокая турбулентность мирового геополитического пространства создают условия, при которых становится весьма проблематичным решение как глобальных, так и внутренних вызовов в одиночку. Как показывает практика геополитики, выходом из такой ситуации является партнерство в дискурсе мультилатерализма, понимаемое как партнерство, позволяющее осуществлять многосторонний подход к глобальным проблемам и как распределенная ответственность между партнерами (распределенную ответственность любил, как известно, практиковать в бытность свою президентом США Б. Обама). И нынешний госсекретарь США Э. Блинкен в своем виртуальном выступлении на открытых дебатах по мультилатерализму в Совете безопасности ООН 7 мая 2021 года, помнится, говорил, что «мультилатерализм остается нашим главным инструментом в борьбе с серьезными глобальными вызовами» [1]. Следует отметить, что есть государства, которые действуют во внутренней и внешней политике в дискурсе унилатерализма (моноцентричного мира в нарушение международного права).

Что касается постсоветского Казахстана, по-прежнему тесно связанного с постсоветским пространством (в особенности с Россией) экономически, политически, культурно и информационно, то ответ на эту проблему, по мнению некоторых экспертов, может быть неоднозначен. Правда, как считают многие исследователи, практика геополитики показывает, что этот вопрос актуален и для крупных геополитических игроков. На наш взгляд, таким государственным образованиям переходного типа, как Республика Казахстан, наиболее вероятно реализовать свой культурно-цивилизационный проект в ассоциации с другими геополитическими игроками, перед которыми стоят похожие задачи государственного строительства. Это могут быть различные формы взаимодействия в евразийском пространстве, скажем, такие, как ЕАЭС и т.д.

Одной из основных особенностей в развитии современного планетарного мега-социума является усиление тенденций десуверенизации государственных образований. С другой стороны, на уровне государств можно отметить и интеграционные тенденции, приводящие к образованию различных наднациональных объединений, в которых интегрирующиеся государства отдают часть своих полномочий наднациональным центрам. Проект ЕАЭС, как было заявлено изначально тремя президентами основавших его стран (Россия, Белоруссия, Казахстан), также является интеграционным, а точнее, является

этапом интеграционного процесса наряду с созданием Таможенного союза и Евразийского экономического пространства.

В обществе (как российском, так и казахстанском), как известно, имеются разные подходы к вопросу о вступлении в ЕАЭС, выделяются положительные и отрицательные следствия такого решения. К плюсам вступления в ЕАЭС относят следующие возможности, которые дает членство в этом союзе: 1) применение коллективного протекционизма в рамках уже существующего Таможенного союза, что будет принуждать зарубежные компании к передислокации своих производств на территории таможенного союза с целью «ухода» от высоких ставок при импорте своей продукции; 2) реализацию теории «летающих гусей» (импортозамещающие производства становятся конкурентоспособными и, как результат, экспортируемыми); 3) доступ к стратегическим видам сырья и дешевой рабочей силе, в первую очередь, для России и т. д.

К минусам вступления в Евразийский экономический союз относят, в первую очередь, вероятность потери государством части своего суверенитета, а то и, – по мнению некоторых экспертов и обычных граждан, – всего суверенитета. Но, как отметил Первый Президент нашей страны Н.А. Назарбаев в своем Послании народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050» – новый политический курс состоявшегося государства: «Наша ближайшая цель – создать Евразийский экономический союз. При этом мы четко заявляем, что вопросы будут решаться консенсусом. Политический суверенитет не будет ущемляться» [2]. Президент России В.В. Путин на встрече с членами дискуссионного клуба «Валдай» в сентябре 2013 года также заявил, что «это объединение, в котором каждый сохранит свое лицо и политическую субъектность».

Что касается нашего государства, то стратегически важное расположение Казахстана в Центральной Азии, географическое местонахождение между двумя крупнейшими в Евразии субъектами мировой политики – Россией и Китаем, в сочетании с большой территорией, богатыми природными ресурсами и небольшим по численности населением, увеличивают соблазны рассматривать нашу страну в качестве объекта мировой геополитики. Следовательно, вступление нашей страны в ЕАЭС будет способствовать уменьшению вероятности возникновения таких соблазнов со стороны крупных «игроков» мировой геополитики, не имеющих с нами, к тому же, общих культурно-цивилизационных ценностей. Как заявил Н.А. Назарбаев в марте 2014 года в Гааге: «Интеграционный процесс будет продвигаться, и это тоже вопрос укрепления нашей независимости» [3].

Естественно, что для таких форм взаимодействия (в первую очередь, между Казахстаном и РФ) важны не только экономические интересы, но и теоретические основания. В качестве таких оснований может выступать тождественность культурно-цивилизационных ценностей, сформированная на постсоветском пространстве из определенной степени общности этногенеза, а также досоветского и постсоветского периодов государственного

строительства. Основоположники классического евразийства (лингвист Н.С. Трубецкой, экономист и географ П.Н. Савицкий, музыковед П.П. Сувчинский, философ Г.В. Флоровский, востоковед В.В. Бартольд, историки Н.Я. Данилевский, Г.В. Вернадский, Л.Н. Гумилев) обосновали русско-туранскую (тюркскую) природу России-Евразии, из которой и вытекает тождественность культурно-цивилизационных ценностей этносов России-Евразии.

Как утверждают многие современные исследователи, каждая культура «мыслит» по-своему, обладает «своим менталитетом», который и определяет ее своеобразие, в конечном счете, ее отношение к другим культурам. То есть, каждая культура обладает определенным типом рациональности. Концепция культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского [4] и положения О. Шпенглера [5] о морфологии культуры в свое время максимально заострили проблемы несводимости типов рациональности, лежащих в основании разных культур. Но попытки понять культуру как особый и не сводимый к другим тип рациональности ведут к неустранимым трудностям логического порядка [6].

Если культуры не сводимы одна к другой, то тогда постичь рациональность другой культуры можно, только полностью отказавшись от собственной. Это очень сложный вопрос, для решения которого был введен термин «диалог культур». Для того чтобы такой «диалог» состоялся в нашей стране требуется исследовать общие основания в культурах казахского и русского этносов. Для этого, в свою очередь, необходимо исследовать типы рациональностей, лежащих в основе этих культур.

Тип рациональности определяется познавательным отношением к миру, которое, в свою очередь, определяет и формирует базисные ценности культуры, исторически во многом сходные у казахов и русских, сформированные в течение длительного периода совместного проживания, как в досоветский, так и в советский, и постсоветский периоды. Это следующие культурно-цивилизационные ценности: преобладание духовно-нравственных основ над материальными основами, коллективные формы трудовой демократии, ориентация на разумную достаточность и самоограничение (не стяжательство), идеал праведного (нравственного) труда и т.д.

Кстати, один из основателей идейного и общественно-политического движения евразийства, российский экономист и географ П.Н. Савицкий в своей статье «Степь и оседлость», опубликованной в 1922 году рассматривал Россию как особый тип цивилизации, сложившийся на основе нескольких составляющих – арийско-славянской культуры, тюркского кочевничества и православной традиции [7]. Соответственно, великороссов же он рассматривал «как особое образование, в котором органично сочетаются славянские и тюркские компоненты» [7].

Известный английский славянист, профессор Школы славянских и восточноевропейских исследований при Лондонском университете Джеффри Хоскинг в своей книге «Россия и россияне: история» отмечал, что, хотя «в последние 300 лет Россия – безусловно часть Европы... какие-то базовые

институты все-таки – азиатские. Те же крестьянская община и привычка к круговой поруке» [8]. А виднейший русский этнолог, историк, евразиец старой плеяды Л.Н. Гумилев писал, что: «Конечно, отношения русских и тюрок в XIII–XVI вв. были не безоблачные, но в эпоху феодальной раздробленности это было неизбежно. Разве меньший вред наносили междукняжеские усобицы, например, вражда Москвы с Тверью, или распри степных племен, например, ногаев и ордынских татар. Однако, это были неполадки внутри единой системы, единой культуры, единой страны. Да, если бы было иначе, разве смогли бы русские землепроходцы с ничтожными силами пройти сквозь огромную Сибирь и Дальний Восток!» [9, с.352–353]. Не вдаваясь в полемику (научную и околонаучную) об этнической принадлежности казахов [10], следует отметить, что ученые рассматривают в качестве основных групп древнего населения, сформировавших казахский этнос, этнические группы европеоидного расового типа с индоевропейскими языками и этнические группы центральноазиатского происхождения с преобладанием в их среде монголоидного расового типа и тюркских языков [11].

Вообще, в последние годы стали издаваться книги, которые можно назвать полноценными исследованиями и в которых целенаправленно или нецеленаправленно на основе обширных архивных материалов выявляется общее в культурах и происхождении тюркоязычных народов и русского этноса. Это, скажем, труды М. Аджи [12] и А. Бушкова [13]. Первый из этих авторов находит тюркские корни в культуре и происхождении русских. А второй – находит русские корни в культуре тюрков. В целом в таких трудах важно то, что в них выявляются объединительные моменты. Поэтому такие книги, на мой взгляд, желательно включать в соответствующие образовательные программы.

В целом в современном мире как интеграционные, так и дезинтеграционные процессы (за исключением фактов кризиса государственности, инициированного «извне»), в первую очередь, связаны с желанием сохранения культурной, национальной идентичности.

В случае нашей страны и стран постсоветского пространства теоретическим основанием плодотворного, взаимовыгодного взаимодействия, возможно, могут стать идеи евразийства.

О модусах феномена справедливости, модернизационном проекте «Справедливый Казахстан» и идеях евразийства.

Казахстан по многим показателям, включая причины и следствия событий января прошлого года, находится в новой фазе своего социокультурного развития. Основным социальным заказом, запросом этой фазы развития является запрос на социальную справедливость.

В понимании феномена справедливости можно выделить два модуса: философское понимание справедливости и политологическое понимание, хотя следует отметить, что такое разделение является достаточно условным, так как в основе политологического понимания справедливости, на наш взгляд, лежит

философское его понимание, место которого и значение как этического основания коммуникации может существенно различаться в разных культурах.

Вообще, можно согласиться с мнением известного российского философа, академика РАН А.А. Гусейнова, что феномен справедливости в философском смысле как «общая нравственная санкция совместной жизни людей, рассмотренная по преимуществу под углом зрения сталкивающихся желаний, интересов, обязанностей» и касающаяся «человеческих взаимоотношений во всех их общественно значимых разновидностях (от межличностной сферы до международных отношений)» имеет специфический предмет – «благо и зло совместного существования в рамках единого социального пространства» [14]. Как пишет далее академик А.А. Гусейнов, «характерная особенность европейской философии, связанная с цивилизационно-культурными особенностями европейского развития» – это «рефлексия по поводу справедливости как этического основания общественной коммуникации, научные и публичные дискуссии вокруг этого понятия, само осмысление совместной жизни людей в терминах справедливости» [14, с.624].

В арабо-мусульманской философии, по мнению также известного философа, академика РАН А.В. Смирнова, справедливость рассматривается в системе должного и истинного в пользу истинного (хакк): «воздаяние должного» или «отход от ложного (батил) в пользу истинного (хакк)» [15, с.624]. Далее А.В. Смирнов отмечает, что «более общим является понимание справедливости как «адл» или «адала», включающее смыслы «уравненности» и «усредненности» [15, с.624]. Такое «более общее понимание справедливости», включающее смыслы «уравненности» и «усредненности», очень близко по своему значению казахскому слову «адалдык», означающему «честность», и слову «адилет», означающему «справедливость», «честность». Кстати, к вопросу о понимании справедливости «как «адл» или «адала», включающее смыслы «уравненности» и «усредненности»»: Президент РК К.К. Токаев в своем Послании народу Казахстана «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество», озвученном на третьей сессии Парламента РК VII созыва, отметил, что «мы строим Справедливый Казахстан с открытой конкуренцией и равными возможностями для каждого» [16, пункт 5 «Закон и порядок»].

Политологический модус феномена справедливости связан, в первую очередь, по мнению многих исследователей, с понятием высшей степени совместимости многообразных интересов [17]. Причем можно согласиться с тем, что в западноевропейской культуре «основной критерий справедливости – максимум свободы для возможно большего числа индивидов» [17, с.103]. Однако если ранее феномен справедливости был одной из наиболее важных политических ценностей в концепциях социал-демократов и коммунистов, то сегодня современный либерализм «ставит справедливость рядом с ценностью свободы» [18, с. 4], в отличие от классического либерализма, делавшего упор на таких ценностях, как равенство и свобода. В культурно-цивилизационном

пространстве Казахстана в первом приближении, скорее, можно констатировать смешение казахского и европейского подходов к пониманию феномена справедливости.

Высшее политическое руководство нашей страны, осознавая ситуацию новой фазы социокультурного развития Казахстана, предложило и осуществило не просто смену политико-управленческой парадигмы, а выдвинуло новый культурно-цивилизационный проект «Жаңа Қазақстан», «Справедливый Казахстан».

Как известно, первая предвыборная программа Касым-Жомарта Токаева для президентских выборов, состоявшихся 9 июня 2020 года, называлась так: «Благополучие для всех! Преемственность. Справедливость. Прогресс». А в Послании Президента РК К.К. Токаева народу Казахстана «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество», озвученном на третьей сессии Парламента РК VII созыва, все положения сформулированы через призму феномена справедливости, и Новый Казахстан определен как, в первую очередь, Справедливый Казахстан [16, пункт пятый «Закон и порядок»]. Соответственно, 26 ноября 2022 года подписан Указ Президента РК К.К. Токаева «О мерах по реализации предвыборной программы Президента Республики Казахстан «Справедливый Казахстан – для всех и для каждого. Сейчас и навсегда»» [19]. Кстати, в этом же пункте (№5) приведенного выше Послания говорится о том, что «к середине 2023 года будет осуществлена перезагрузка и обновление всех основных политических институтов: Президента, Парламента, Правительства» [16, пункт пятый «Закон и порядок»].

Модернизацию государственного строительства Казахстана высшее политическое руководство нашей страны начало с модернизации конституционного пространства, формирования правовой базы новой фазы социокультурного развития. Было изменено более 30 положений действующей Конституции РК. И здесь следует отметить определенную долю осторожности (связанную с высокими рисками центробежных тенденций, имеющих место в современном высокотурбулентном мировом геополитическом пространстве) в реформировании отдельных положений действующей конституции, согласно которым исполнительная власть, в нарушение демократического принципа разделения трех основных ветвей власти, избирает, назначает представителей законодательной и судебной власти. Это соответствующие статьи разделов действующей Конституции РК – IV, VI – IX («Парламент», «Конституционный Совет», «Суды и правосудие», «Местное государственное управление и самоуправление», «Заключительные и переходные положения»). Думается, реформирование указанных выше положений Конституции РК будет осуществляться и далее постепенно, поэтапно [20].

Таким образом, теория и практика развития мирового сообщества выявляют важнейшую роль феномена справедливости в политической структуре и перспективах развития человечества. Именно вокруг проблемы справедливости с начала XXI века разворачиваются основные политические дискуссии в академических кругах в странах так называемой развитой

демократии. Для сущностного наполнения таких дискуссий применительно к нашей стране необходимо осуществить: 1) концептуальный анализ проблемы справедливости в политической философии и теории, начиная с сократовско-платоновского реализма, так как подходы к этой проблеме, сделанные Платоном (в форме сократовских вопрошаний), имеют место практически во всех современных концепциях справедливости (в той или иной форме); 2) концептуальный анализ современных концепций справедливости: от нормативизма утилитаризма, теории справедливости Джона Роулса до либертаризма и коммунитаризма.

В случае с Казахстаном необходимо, на наш взгляд, показать, что из всех политико-философских подходов (или политических теорий): нормативных, предписывающих, дескриптивно-эмпирических, предсказывающих, нашей стране наиболее подходит, возможно, концепция справедливости коммунитаристского типа, в которой непротиворечиво сочетались бы свобода (в консервативной версии либерализма) с традиционными ценностями казахстанского общества, включающими в себя как особенности архетипа казахов, так и обуславливающие этот архетип особенности рациональности, а также лежащие в основе этой рациональности познавательные стратегии. Сфера духовности выступает в данном случае в качестве обязательного, необходимого, охранительного пространства для развития собственного культурно-цивилизационного проекта, наличие которого, по мнению многих исследователей, может в известной степени обеспечить субъектность конкретного государства в современном высочайшей степени турбулентности геополитическом пространстве.

В целом философское обоснование нового культурно-цивилизационного проекта для РК «Справедливый Казахстан» должно заключаться в исследовании проблемы справедливости в теории и практике от сократовско-платоновского реализма до современных концепций политической философии и политической теории, обосновании национального наполнения феномена справедливости как основы модели собственного культурно-цивилизационного проекта.

Ранее уже было отмечено, что наиболее вероятно реализовать свой культурно-цивилизационный проект в ассоциации с другими геополитическими игроками, перед которыми стоят похожие задачи государственного строительства. Эффективность решения задач государственного строительства в условиях нарастающих глобальных вызовов зависит не только от экономических оснований партнерских отношений, но и от теоретических оснований, немаловажную роль в которых играет тождественность (частичная или более полная) культурно-цивилизационных ценностей. В качестве таких теоретических оснований на постсоветском пространстве можно рассматривать идеи неоевразийства.

Считается, что так называемое классическое евразийство сформировалось как идейное и общественно-политическое движение в начале XX века после

выхода в августе 1921 года в Софии сборника четырех авторов «Исход к Востоку» [21, с.11]. Это были: экономист и географ П.Н. Савицкий, лингвист князь Н.С. Трубецкой, музыковед П.П. Сувчинский и философ Г.В. Флоровский. По мнению некоторых исследователей, эти ученые пытались согласовать три разные мировоззренческие установки: натурализм П.Н. Савицкого, культуроцентризм Н.С. Трубецкого и христоцентризм Г.В. Флоровского [22]. Как отмечает А.В. Соболев, раскол и деградация движения евразийства произошли в результате упрощения и попыток систематизации евразийской идеологии [21, с.11].

К вопросу о тождественности культурно-цивилизационных ценностей русского и тюркских этносов: один из основоположников классического евразийства П.Н. Савицкий рассматривал Россию как особый тип цивилизации, сформированный арийско-славянской культурой, тюркской кочевой культурой и православной традицией («Степь и оседлость», 1922). По его мнению, в великороссах органично сочетаются славянские и тюркские компоненты. Созвучные мысли высказывали такие выдающиеся ученые, как востоковеды В.В. Бартольд, Н.Я. Данилевский, Г.В. Вернадский, Л.Н. Гумилев. В их трудах Евразия рассматривается не как периферийная, а как самостоятельная цивилизация, «динамичный центр этногенеза, культуры и общественного развития» [23]. По словам Н. Трубецкого, «в советской России, несмотря на ее официальную марксистскую идеологию, проступает наружу «Россия подлинная, Россия историческая, древняя, не выдуманная славянская или варяжско-славянская, а настоящая русско-туранская Россия-Евразия, преемница великого наследия Чингисхана...»» [24]. Однако следует отметить, что не все исследователи согласны с точкой зрения классических евразийцев о наличии «туранского» (тюркского) элемента у русского этноса. Так, например, политолог А. Лукин называет эту концепцию мифологической [25].

В настоящее время актуализация евразийства связана с высокой турбулентностью геополитического пространства и агрессивным продвижением-насаждением либерального проекта, который провозглашая на словах свободу и права человека, на деле представляет собой неоколониальный проект.

Актуализация евразийства выразилась в формировании идеологии неоевразийства. Научное изложение евразийской геополитики изменило статус евразийского мировоззрения. Как верно отмечает К. Шерьязданова, «теперь это не только философская идея, это еще и инструмент стратегического планирования. Ведь практически все сферы внутри- и внешнеполитической деятельности, любые масштабные проекты могут быть в той или иной степени проиндексированы по критерию: «евразийство или атлантизм» [23, с.3]. Можно согласиться с мнением упомянутой выше К. Шерьяздановой о том, что: «сейчас неоевразийская философия представляет собой стройный историко-религиоведческий аппарат, позволяющий осмыслить и осознать тончайшие нюансы в религиозной жизни различных государств и народов» и что «уникальность евразийского подхода заключается в том, что в нем не противопоставляются национализм и интернационализм» [23, с.3]. Поэтому

неоевразийство сегодня является эффективным теоретическим основанием для решения межконфессиональных и межэтнических конфликтов, защиты собственной субъектности и реализации собственного культурно-цивилизационного проекта в современном высокотурбулентном геополитическом пространстве.

Выводы

Республика Казахстан по многим показателям, включая причины и следствия событий января прошлого года, находится в новой фазе своего социокультурного развития. Основным социальным заказом, запросом этой фазы развития является запрос на социальную справедливость.

Высшее политическое руководство нашей страны, осознавая ситуацию новой фазы социокультурного развития Казахстана, предложило и осуществило не просто смену политико-управленческой парадигмы, а выдвинуло новый культурно-цивилизационный проект «Жаңа Қазақстан», «Справедливый Казахстан».

Философское обоснование нового культурно-цивилизационного проекта для РК «Справедливый Казахстан» должно заключаться в исследовании проблемы справедливости в теории и практике от сократовско-платоновского реализма до современных концепций политической философии и политической теории, обосновании национального наполнения феномена справедливости как основы модели собственного культурно-цивилизационного проекта.

Для Республики Казахстан наиболее вероятно реализовать свой культурно-цивилизационный проект «Справедливый Казахстан» в евразийской ассоциации с другими геополитическими игроками в дискурсе мультилатерализма, перед которыми стоят похожие задачи государственного строительства.

Эффективность решения задач государственного строительства в условиях нарастающих глобальных вызовов зависит не только от экономических оснований партнерских отношений, но и от теоретических оснований, немаловажную роль в которых играет тождественность (частичная или более полная) культурно-цивилизационных ценностей.

В качестве таких теоретических оснований на постсоветском пространстве можно рассматривать идеи неоевразийства, в соответствии с которыми из обоснования определенной степени общности этногенеза и государственного строительства вытекает соответствующая тождественность культурно-цивилизационных ценностей. Сегодня неоевразийство – не просто философская идея, это еще и инструмент стратегического планирования, эффективное теоретическое основание для решения межконфессиональных и межэтнических конфликтов, защиты собственной субъектности и реализации собственного культурно-цивилизационного проекта в современном высокотурбулентном геополитическом пространстве.

Список литературы

1. *Secretary Antony J. Blinken at the UN Security Council Open Debate on Multilateralism*. Antony J. Blinken, Secretary of State, Washington, DC, May 7, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-virtual-remarks-at-the-un-security-council-open-debate-on-multilateralism/>. Дата обращения: 04.05.2023, 16:48.
2. Стратегия «Казахстан – 2050» Новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана, г. Астана, 14 декабря 2012 года.
3. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на Саммите по ядерной безопасности в Гааге, 25 марта 2014 г. – Tengrinews.kz | 27 марта 2014.
4. *Данилевский И.Я.* Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
5. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. Пер. с нем., вступительная статья и примечания К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1993. – Т. I. – 663 с.
6. *Шульгин Н.Н.* Культура и рациональность. Интервью с А.В. Смирновым // “Вопросы философии”. – №1, 2007. – С.16-25.
7. *Савицкий П.Н.* Степь и оседлость. - На путях: Утверждение евразийцев. Москва–Берлин: Геликон, 1922. – 358 с. – Берлин, С. 341-356.
8. *Джефффри Хоскинг.* Я русский националист (Интервью) // Известия, 1 августа 2001 г. – С.8.
9. *Гумилев Л.Н.* В поисках вымышленного царства. – Санкт-Петербург: Абрис, 1994. – 384 с.
10. *Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С.* История Казахстана. Народы и культуры. – Алматы: Дайк-Пресс 2001. – 608 с.; а также: Всемирная история (интервью Масанова Н.Э.). – Время, 19 июля 2001. – С. 13.
11. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алматы: Рауан, 1992. – 375 с.
12. *Аджи М.* Тюрки и мир: сокровенная история / Мурад Аджи. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 649 с.; Аджи М. Без Вечного Синего Неба. Очерки нашей истории / Мурад Аджи. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 576 с.
13. *Бушков А.* Россия, которой не было. Загадки, версии, гипотезы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ Красный пролетарий, 2005. – 599 с.
14. *Гусейнов А.А.* Справедливость / Новая философская энциклопедия: в 4 т./ Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. Фонд; Научно-ред. Совет: предс. В.С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2001 – ШЫИТ 5- 244 – 00961-3. Т. III. – 2001. – 692, [2] с. – ISBN 5-244-00964-8. – С. 622-644.

15. *Смирнов А.А.* Справедливость в арабо-мусульманской философии / Новая философская энциклопедия: в 4 т./ Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. Фонд; Научно-ред. Совет: предс. В.С.Степин, заместители предс.: А.А.Гусейнов, Г.Ю.Семигин, уч.секр. А.П.Огурцов. – М.: Мысль, 2001 – ISBN 5- 244 – 00961-3. Т. II. – 2001. – 634, [2] с. – ISBN 5-244-00963-X. – С. 624-625.
16. Послание Главы государства К.К. Токаева народу Казахстана «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130>. Дата обращения: 05.05 2023, 17:47.
17. Категории политической науки. Учебник. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 656 с., ил.
18. *Алексеева Т.А.* Справедливость как политическая концепция: Очерк современных западных дискуссий. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 244 с. (Научные доклады, №133).
19. Указ Президента РК К.-Ж. Токаева «О мерах по реализации предвыборной программы Президента Республики Казахстан «Справедливый Казахстан – для всех и для каждого. Сейчас и навсегда»» от 22 ноября 2022 года №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/o-merah-po-realizacii-predvybornoy-programmy-prezidenta-respubliki-kazahstan-spravedlivyy-kazahstan-dlya-vseh-i-dlya-kazhdogo-seychas-i-navsegda-26102515>. Дата обращения: 05.05 2023, 17:54.
20. *Сартаева Р.С.* К проблемам модернизации государственного строительства в современном Казахстане // Адам әлемі. – 2022. – №2(92). – С. 58-71.
21. *Соболев А.В.* Евразийство // Новая философская энциклопедия: В 4 т./ Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. Фонд; Научно-ред. Совет: предс. В.С.Степин, заместители предс.: А.А.Гусейнов, Г.Ю.Семигин, уч.секр. А.П.Огурцов. – М.: Мысль, 2001 – 634 с.
22. *Соболев А.В.* Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1991.
23. *Шеръязданова К.* Развитие евразийской идеи в современном геополитическом измерении // Интелпрос. – №4. – 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo-new-2011-4/12032-razvitie-evraziyskoy-idei-v-sovremennom-geopoliticheskom-izmerenii.html. Дата обращения: 12.05.11:51.
24. *Николай Работяжев.* Евразийство: шанс или тупик? / Независимая газета, пятница 12.05.2023 08:03. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-04-03/5_7547_eurasia.html. Дата обращения: 12.05.2023, 11:27.

25. *Лукин А.* Замысел о большой Евразии / Независимая газета, 04.03.2019 17:05:00. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-03-04/7_7523_ideas.html. Дата обращения: 12.05.2023, 11:47.

Summary

Sartayeva R.S. About New Cultural and Civilization Project of RK in Eurasian Discourse

The article notes that, according to many experts in the field of social development, subjectivity and development prospects in the modern globalizing world can be preserved by states and ethnic groups that have their own cultural and civilizational project. However, the high turbulence of the modern geopolitical space does not allow such projects to be carried out alone, especially in transit-type countries, such as the Republic of Kazakhstan. The effectiveness of the implementation of one's own cultural and civilizational project increases significantly with participation in various forms of partnerships in the discourse of multilateralism, in the presence of not only economic grounds for interaction, but also theoretical grounds. The article emphasizes that such an effective theoretical basis for the interaction of states in the space of Eurasia can be the ideas of Eurasianism, neo-Eurasianism, which reveal the identity of cultural and civilizational values and provide a solid basis for the peaceful resolution of inter-confessional and inter-ethnic contradictions. The author believes that the effectiveness of the implementation by the Republic of Kazakhstan of its own cultural and civilizational project "Fair Kazakhstan", put forward by the President of the Republic of Kazakhstan K.-Zh. Tokayev in 2022, will be much higher within the framework of such forms of Eurasian partnerships as the EAEU (etc.), which have not only economic, but also theoretical foundations in the form of the ideas of Eurasianism and neo-Eurasianism.

Keywords: cultural and civilizational project "Fair Kazakhstan", subjectivity, multilateralism, Eurasianism, cultural and civilizational values.

ИДЕЯ ЕВРАЗИЙСТВА И СОВРЕМЕННЫЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Толгамбаева Д.Т.

*Кандидат философских наук, доцент
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
г. Астана, Казахстан
dametken-kaz@mail.ru*

Коянбаева Г.Р.

*Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК
г. Алматы, Казахстан
grk.63v@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается идея евразийства, представляющего собой одно из философских течений в русской культуре, претендующих на роль интегративной идеологии, способной стать основой для экономического и культурного объединения если не всех народов Евразии, то значительной ее части, в которую, в первую очередь входят государства постсоветского пространства. Авторы акцентируют внимание на современных трактовках идеи евразийства, на евразийском проектах А.Г. Дугина и Н.А. Назарбаева, анализируя их в контексте современных политических реалий.

Ключевые слова: евразийская идея, евразийский союз, геополитический процесс.

Интерес к идее евразийства актуализировался в связи с несколькими современными глобальными политическими процессами. Все более очевидным становится определенное ослабление стремительно развивавшегося в последние десятилетия процесса глобализации, основанного на идее свободного хождения капитала и человеческих ресурсов. Идеологическим обоснованием данного процесса выступала идея либерализма, продвигающая нарратив общечеловеческих ценностей и демократии как единственно возможных констант для прогрессивного развития человечества. Процесс глобализации необратим в полном смысле этого слова. Большинство проблем, решение которых жизненно важно для современного общества (экономические, ресурсные, демографические, экологические, социальные последствия информатизации), не может быть решено без интегрированных усилий всего человечества. Поэтому глобализация продолжится. Вопрос в том, на каких основаниях и в каких формах это будет происходить.

Современный процесс глобализации развивался в вестернизированном культурном формате, предполагая экономический и политический диктат

Запада, ориентированного на бесконечное расширение потребления. Но на сегодняшний момент становится понятным, что такое движение заводит человечество в цивилизационный тупик. Мы оказались в состоянии антропологического кризиса, вызванного новой проекцией извечной проблемы борьбы духа и тела, в которой удовлетворение потребностей тела становится приоритетным. А это приводит к отчуждению человеческой сущности, расчеловечиванию человека и превращению в лишенное критического мышления существо, подвергающееся манипулятивным процедурам.

Вторая и третья четко обозначившиеся тенденции – это регионализация и стремление государств и народов к суверенизации. Мультикультурализм как вторая идеологическая парадигма глобализации не сработал. Стало очевидным, «культурные коды», проецируемые в традиционализме, слишком глубоко укоренены в ментальных основаниях, и принять единый формат идеологии в базовых ценностях, часто противоречащих исходному, народы не готовы. Инерция духовной сферы различных народов оказалась велика, к тому же практика глобализационных процессов проявила неокOLONиальную сущность западного проекта, что подвигло к критическому осмыслению футурологических концепций трансгуманизма, направленного на лишение человека человеческих определений.

Можно сказать, что приоритетным для современной гуманитарной науки становится поиск путей выхода из сложившейся критической, политической и идеологической ситуации. И, понятно, что выход лежит в плоскости философско-мировоззренческой, вызывая интерес как к идеям и концепциям, уже продемонстрировавшим свою состоятельность, так и к тем, которые были в определенной степени апробированы, но не получили должного развития. Одной из таких идей, представленных в реестре идеологом для объединения народов, является идея евразийства, зародившаяся в русском зарубежье в 20-е годы XX века и после получившая новую артикуляцию в современной политической и интеллектуальной среде.

Идея евразийства появилась и оформилась в русской культуре как определенный компромисс между западничеством и славянофильством. Создатели концепции евразийства Николай Трубецкой, Петр Савицкий, Николай Алексеев, Георгий Вернадский, Владимир Ильин, Яков Бромберг, Лев Карсавин и другие, определяя уникальность русской, славянской культуры, тем не менее, указывали на то, что русская цивилизация формировалась в диалектическом единстве русской и туранской (тюркской) культур, вобрав в себя определенный восточный компонент, определивший многие духовные процессы.

Н.С. Трубецкой был убежден, что формирование государственной системы в Евразии связано с империей Чингисхана, после падения которой «русское государство инстинктивно стремилось и стремится воссоздать это нарушенное единство и поэтому является наследником, преемником, продолжателем исторического дела Чингисхана» [1, с. 212]. Г.В. Вернадский начальные элементы этой государственности связывает с историей скифов,

сарматов, готов, гуннов [2, с.12–14]. П.Н. Савицкий связывает существование России с «татарщиной»: «велико счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, и никому другому» [3]. В исследованиях первых евразийцев важна была та мысль, что Евразия как материк был предназначен для единого этноса со своей евразийской культурой.

Схожие сложные природные условия определили мировоззренческую парадигму, способствующую выживанию за счет коллективизма, жесткой иерархии, вертикали власти, беспрекословного подчинения, взаимопомощи, самоотречения и воли.

С точки зрения евразийцев, человеческое существование должно быть осмысленно принятием и практической реализацией некоей высшей идеи, основанной на признании мессианской роли отдельных культур, призванных реализовать высшую духовную цель, став центром интеграции народов и культур. Ее реализация предполагает наиндивидуальность, приоритет общества над личностью и отрицание самоценности материальной стороны жизни, что в значительной степени противоречит протестантской культуре, с ее признанием значения материального богатства и отдельной личности.

Идея евразийства оказала значительную роль на развитие духовной составляющей русского общества, во многом определяя специфику его развития. Но в начале XX века в российском обществе, ослабленном большим количеством социальных проблем, вызрела ситуация, в которой взяла верх идеология западного образца – марксизм, определившая историческое развитие России на десятилетия. Марксизм не смог в полной мере адаптироваться в русской духовной сфере, поскольку противоречил идее мессианства, прочно укоренившейся в русском сознании, сводя русский народ к одному, пусть и важному винтику в механизме слома всей системы капитализма и создания общечеловеческой, коммунистической формации. Неудивительно, что троцкистский вариант марксизма очень быстро был признан идеологически не правильным, и сталинский большевизм стал возвращаться к имперским традициям российской государственности. Развал Советского Союза был детерминирован, в том числе и тем, что идеология марксизма в какой-то мере противоречила базовой духовной составляющей русского этноса, хотя в ней и были схожие ценности: коллективизм, вера в идею и др.

Сейчас российское общество находится в состоянии поиска своих идеологических оснований, обращаясь к своему историческому опыту, в котором евразийство занимает большое место. Для России, претендующей на роль мировой державы, определяющей тенденции мирового развития, идея евразийства становится в значительной степени базой для формирования собственного пространства влияния. Для Казахстана, долгое время входившего в это пространство, данные интенции России имеют большое значение, так как здесь присутствует общность многовековой исторической судьбы,

экономические, культурные, политические связи, которые все еще определяют общественное сознание казахстанского общества.

В отличие от русских философов и ученых первой половины XX века, создавших теорию евразийства, в современной философии можно говорить об отдельных авторах, стремящихся развивать идею евразийства в форме неоевразийства. Среди них: А.С. Панарин, С.Г. Кара-Мурза, Л.В. Пономарева, Тугаринов И.А. и др.

Одним из активных авторов и общественных деятелей является Александр Гельевич Дугин, написавший немало работ по различным областям социально-гуманитарного знания, создавший движение и партию. В контексте рассматриваемой темы можно отметить такие работы, как «Проект «Евразия»» (2004), «Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством» (2000), «Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева» (2004), «Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века» (2007) и др.

В работе «Проект «Евразия»» Дугин А.Г. говорит о Новой Евразийской империи и рассматривает ее как единственную форму «достойного и естественного существования русского народа» и единственную возможность «довести до конца его историческую и цивилизационную миссию» [4, с.365].

В книге «Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века» [5] Дугин А.Г. высказывает мысль, что само понятие евразийство находится в стадии зарождения. Он считает, что идея евразийства стала наиболее актуальной в XXI веке. В пятом разделе второй главы данной работы «Семь смыслов евразийства в XXI веке» автор называет ряд уровней его определения. Автор провозглашает евразийство как глобальное и планетарное явление, в этом аспекте оно не соотносится им ни с Евразией как материком, ни с культурой народов, живущих на данном материке.

Евразийство противопоставляется автором глобализму, понятому как атлантизм. Евразийство автор также определяет как «альтернативную глобализацию», соответственно, оно может в качестве идеологии существовать и вне Евразийского материка. «Евразийство – это база революционной идеологии, отвергающей универсальность, единственность, безальтернативность и доминацию атлантической системы ценностей... евразийство в самом широком смысле – это чистая философская, планетарная концепция революционного толка, марксизм XXI века», – пишет А.Г. Дугин [5].

Рассматривая второй уровень, автор противопоставляет «старый» и «новый» свет как «органическую культуру» и «цивилизацию», нечто искусственное, «лабораторное». Воплощением «лабораторного» являются для автора Соединенные Штаты Америки, «новый свет» – это «общество без культуры». Соответственно, «евразийский проект» противопоставляется «цивилизационному проекту». При этом автор считает возможным интеграцию старого света в «единое стратегическое пространство», вновь не связывая «евразийство» с географическим обозначением. Это может быть, по мнению

автора, и политическим объединением. Дугин А.Г. пишет: «Сама идея интеграции старого света в единое стратегическое пространство является вторым уровнем евразийства – континентализмом» [5].

Третий уровень евразийства, согласно автору, «проект четвертой зоны». Данный уровень связан с расширенным понятием Евразия, хотя сам автор отмечает, что речь идет о «географическом контексте Евразии»: 1) Евро-Африка, 2) российско-азиатский континентализм, 3) Тихоокеанский Сино-Ниппонский кондоминиум, «то есть совместное господство двух держав – Японии и Китая» [5].

Четвертый уровень – процесс интеграции России и стран Центральной Азии, Афганистана, Ирана и Индии. При этом главные «оси»: Москва – Тегеран, Москва – Дели. Как возможность – «Москва – Анкара».

Пятый уровень – интеграция постсоветского пространства. При этом данный уровень отождествляется с идеей Евразийского союза, высказанной Первым Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым (16 декабря 1991 – 20 марта 2019).

Шестой уровень евразийства – внутрироссийская интеграция, в основе которой традиционализм, этнофедерализм, стратегический центризм.

Седьмой уровень Дугин А.Г. связывает с региональной интеграцией внутри России, при этом рассматриваются особенности понимания и восприятия евразийства в разных регионах. Так, например, евразийство для Кавказа понятно и приемлемо, а для Сибири весьма проблематично, что требует, как считает автор, большой работы в этом регионе.

Автор, подводя итог, говорит о сложности понимания евразийства как идеи, мировоззрения, идеологии и проводит в когнитивном плане параллель с марксизмом.

Данная работа вышла в 2007 году. Можно сказать, что в ней нашли развитие идеи евразийского проекта Дугина, с одной стороны, с другой, идеи, высказанные в книге, нашли свое дальнейшее развитие в более поздних работах автора.

Остановимся на пятом уровне. Дугин А.Г. связывает его, как выше мы указали, с идеей Евразийского союза Н.А. Назарбаева. При этом отсыл делается к империи Чингисхана. Обратимся к тексту: «...любое препятствие и критика Назарбаева может исходить исключительно из атлантических источников. Ведь когда Чингисхан объединял земли, он стирал с лица земли целые города, целые цивилизации, стоявшие на его пути. Мы и поныне живем остатками его империи. Все великое требует жертв, на что-то обязательно надо закрыть глаза, иначе останется один безответственный гуманитарный треп, часто работающий на враждебные нам исторические структуры. Назарбаевская идея является не какой-то специфической казахской, тюрко-евразийской или исламской» [5]. С последним утверждением трудно не согласиться.

Однако обратим внимание на **«Все великое требует жертв, на что-то обязательно надо закрыть глаза ...» (выделено авторами)**. О каких жертвах идет речь? Оправданы ли эти жертвы высокой целью? Чья эта цель и что становится средством для достижения этой неясной цели? Цель – Евразийский

союз? Жертвы – человеческие, культурные, политические? Например, потеря языка, независимости, свободы самоопределения?

Рассмотрим, что понимается под евразийской идеей, евразийским проектом в назарбаевском варианте.

Впервые идея евразийского союза была высказана Н.А. Назарбаевым в стенах МГУ имени М.В.Ломоносова 29 марта 1994 года. При этом Назарбаев Н.А. сказал, что возрождение империи в новых условиях невозможно и опасения руководителей некоторых республик, ставших самостоятельными субъектами истории напрасны [6]. Известно, что эта идея не имела в тот период практического воплощения, поскольку страны СНГ развивались самостоятельно, выстраивая в целом двусторонние отношения; что касается внешней политики Российской Федерации – она направлена была на интеграцию с Западом. Заметим, что Л. Н. Гумилев, назвавший себя «последним евразийцем», в своем последнем интервью на вопрос И. Савкина: «По поводу союзников – Вы не могли бы сейчас указать, кто они, нынешние союзники России?», ответил: «Ей-Богу, не могу, не сейчас. Я очень долго болел, у меня был инсульт, и я не знаю, что делается в мире. Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» [7, с. 10]. Заметим, что понимание евразийства Львом Николаевичем Гумилевым отлично от его понимания Дугиным А.Г.

Экономическая система Советского Союза была выстроена таким образом, что отрасли каждой из республик были жестко связаны с отраслями друг друга и находились в зависимости друг от друга. И речь у Назарбаева Н.А. идет об экономическом союзе. Отметим, что за прошедшие десятилетия были сформированы различные организации в рамках евразийской интеграции, и эта идея вышла за пределы стран СНГ. Примером может служить Шанхайская организация содружества. В 2014 году Президент Назарбаев Н.А. вновь выступал в стенах МГУ и говорил, что 20 лет назад он «...впервые предложил идею создания нового интеграционного объединения – Евразийского Экономического Союза» [8]. Безусловно, географически, исторически, культурно большинство стран Содружества были тесно взаимосвязаны. Однако Президент РК и через 20 лет подчеркнул: «...современная евразийская инициатива никогда не была оторванной от реальностей. Прежде всего, она всегда учитывала, что независимость и политический суверенитет приоритетны для всех государств-участников интеграционного процесса» [8]. Следует подчеркнуть, что в обосновании своих инициатив Назарбаев Н.А. не говорит ни о каких жертвах, на которые «надо закрыть глаза». Важнейшее условие евразийской интеграции – равное партнерство, прежде всего, в экономической сфере, неприкосновенность государства и его суверенитет. О развитии евразийской идеи в Казахстане пишут, в частности, А. Вахшитех, М.В. Лапина, А. Мукашева [9]. Авторы также отмечают, что с 2011 года произошла утрата инициативы Казахстана в реализации евразийской идеи [9, с. 68–69].

Инициатива перешла к России и Беларуси. Отметим, что эти страны создали Союзное государство.

Изменилось видение евразийской идеи и евразийской интеграции. Проводилась инициатива создания наднационального парламента Евразийского союза, что затрагивало суверенитет стран-участников, в том числе и Казахстана. Подобные инициативы не нашли и не находят поддержки в нашей стране.

Мыслительные конструкты от планетарности евразийства до евразийства внутри России, модель Новой Евразийской империи, параллель евразийства с марксизмом, даже и «неправильно» понятым, говорит о вышерассмотренном варианте «неоевразийства» Дугина А.Г. как идеологии тоталитаризма со всеми ее характеристиками, с желанием ее распространения на все человеческое общество.

Безусловно, есть и философы, развивающие идеи классического евразийства в современных политических реалиях. Одним из них, является Александр Сергеевич Панарин. Философ, заведующий кафедрой русской философии МГУ имени М.В. Ломоносова Маслин Михаил Александрович в статье «Классическое евразийство и его современные трансформации» на примере работ А.С. Панарина показывает преемственность идей, интеллектуальный потенциал классического евразийства, пример «неискаженного использования идей классического евразийства в контексте современной политической философии» и дает критику идей «неоевразийства» А.Г. Дугина, рекомендуя также читателям обратиться к работам французской исследовательницы евразийства Марлен Ларюэль [10, с.207]. Маслин М.А. пишет: «...пропагандисты дугинизма, являющегося, по существу, вариантом западного правого радикализма, создают фальсифицированный образ евразийства, насыщенный мистикой, расизмом и агрессией. На Западе они способствуют распространению русофобии, возбуждают неприязнь к русской интеллектуальной культуре» [10, с. 209]. К сожалению, проявление идеологических установок Дугина А.Г., на наш взгляд, мы наблюдаем в современных геополитических процессах.

Разное прочтение базовых установок евразийства в современном российском обществе объясняется многими причинами. Русская интеллектуальная элита всегда была расколота между двумя системами ценностных императивов, и этот дискурс осложняется теми историческими процессами в уплотнившемся потоке времени, которые мы наблюдаем на данный момент. Претензии России на историческую объединительную миссию имеют под собой исторические и идеологические основания. Существование Российской империи и Советского Союза дали опыт функционирования полиэтнического общества, в котором народы с общей цивилизационной историей могли выстраивать взаимодействие с учетом особенностей национальных культур, взаимопроникновение которых создало удивительную духовную палитру. Стоит обратить пристальное внимание на этот опыт.

Евразийство имеет большой потенциал для формирования сообщества этносов, объединенных не только экономическими интересами, хотя это естественно очень значимо, но, прежде всего, осознанием собственной исторической идентичности, общности культурных оснований. Но это должно быть объединением равных, в противном случае весь позитивный смысл идеи нивелируется и приведет к обратной реакции отторжения.

Современность характеризуется динамичностью и, как показало время, непредсказуемостью. Риски, связанные со стремлением стать центром и интегрирующей силой на постсоветском евразийском пространстве (уровень пятый дефиниции евразийства, согласно А.Г. Дугину), оказались слишком серьезными, а действия привели не к интеграции, а к ее ослаблению и, быть может, в перспективе, обратному процессу. Современные военные конфликты на евразийском пространстве вряд ли будут способствовать успешному интеграционному процессу в ближайшем или обозримом будущем, преодоление травматической памяти требует времени и усилий всех сторон конфликтов. Поиск идеологических концепций, способствующих этой интеграции, будет продолжаться, так как это объективная потребность, и идеи евразийства, возможно в модернизированной форме, могут стать если не базой, то значимой частью стратегии формирования новой геополитической реальности.

Список литературы

1. *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – 799 с.
2. *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории// [Электронный ресурс]. URL: [file:///C:/Users/damet/Downloads/2849645.a4%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/damet/Downloads/2849645.a4%20(1).pdf)
3. *Савицкий П.Н.* Степь и оседлость// [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn03.htm>
4. *Дугин А.Г.* Проект «Евразия». – М.: Эксмо, Яуза, 2004. – 512 с.
5. *Дугин А.* Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века/ Александр Дугин. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. – 382 с. [Электронный ресурс]. URL: https://propagandahistory.ru/books/Aleksandr-Dugin_Geopolitika-postmoderna/17
6. Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Хроника Деятельности. 1994-1995 годы. – Астана, 2010 г.
7. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации// Л.Н. Гумилев. – М.: АСТ, 2008. – 608 с.
8. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/speeches/external_political_affairs/ext_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazahstan-na-nazarbaeva-v-moskovskom-gosudarstvennom-universitete-imeni-mv-lomonosova

9. *Вахитов А., Лапенко М. В., Мукашева А.* Генезис евразийской идеи и евразийской практики в Республике Казахстан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – №1. – 2022. – Т. 22. – С. 60–76. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-6>

10. *Маслин М.А.* Классическое евразийство и его современные трансформации // Тетради по консерватизму. – № 4. – 2015. – С.201-210. – [Электронный ресурс]. URL: <http://essaysonconservatism.ru/wp-content/uploads/2017/06/137-136-1-PB.pdf>

Summary

Tolgambayeva D., Koyanbayeva G. Idea of Eurasianity and Modern geopolitical Process

The article deals with the idea of Eurasianism, which is one of the philosophical movements in Russian culture, claiming to be an integrative ideology that can become the basis for the economic and cultural unification, if not of all the peoples of Eurasia, then of a significant part of it, which, first of all, includes states of the post-Soviet space. The authors focus on modern interpretations of the idea of Eurasianism, on the Eurasian projects of A.G. Dugin and Nazarbaeva N.A.

Keywords: Eurasian idea, Eurasian Union, geopolitical process.

К ПРОБЛЕМЕ ДЕСКРУКЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЕВРАЗИИ

Шмаков В.С.

*Доктор философских наук, доцент
Институт философии и права СО РАН
г. Новосибирск, Российская Федерация
vsshmakov@gmail.com*

Аннотация. Анализируются процессы унификации социокультурного развития Евразии, трансформации социокультурного пространства, фиксируется проблема перехода от закрытой структуры «традиционного» общества к включению в глобализованную конструкцию. Генерируется новая гео-социокультурная парадигма объяснения и понимания социокультурного развития Евразии, определяемая процессами социально-экономической модернизации. Динамика социокультурных процессов имеет определенную разнонаправленность. Сохраняются тенденции традиционного развития локальных сообществ. В процессе взаимодействия и взаимовлияния глобальности и локальности прослеживается разрушение традиционного образа жизни и реструктуризация самоидентичности. Эти модели объединяют сообщества в специфическую социально-территориальную локацию, обладающую способностью, в определенной мере, к устойчивому развитию и воспроизводству человеческого капитала.

Ключевые слова: социокультурная трансформация, интеграция, дезинтеграция, деструкция.

Проблемы социокультурных трансформаций постсоветского пространства Евразии обуславливают необходимость поиска возможностей рационального объяснения эволюции социокультурного развития в условиях глобализации. Геополитическая картина мира отображает расширение вариативности социально-экономического, социокультурного и институционального развития. Конкуренция за рынки сбыта и ресурсы между различными блоками и странами вносит вклад в углубление противоречий и увеличение конфликтного потенциала. Модернизация производственно-экономической и политической жизнедеятельности оказывает определяющее воздействие на эволюцию социокультурной пространства Евразии. Доминирующей тенденцией развития становится унификация социокультурной среды, с подвижкой в сторону либерализма. Централизуется проблема взаимовлияния, взаимодействия традиционных и новых, привнесенных форм культуры и социальности. В этом смысле исследование социокультурного развития локальных сообществ, это, прежде всего, определение факторов, влияющих на эволюцию социокультуры, продуцируемых глобализацией. Исследование социокультурной динамики дает представление о формировании эволюционных моделей, позволяет отразить проблему сохранения социокультурной целостности, противостоять социокультурной экспансии,

нацеленной на унификацию социокультурного пространства Евразии. Процессы социокультурного развития необходимо анализировать в пространственно-временных рамках, что с точки зрения методологии евразийцев, предложивших схему исследования культуры и социальности применительно к «месторазвитию», акцентирует необходимость учитывать вектор места и времени, интегрирующий и консолидирующий прошлое, настоящее и будущее локальных сообществ [3, с. 266–280; 4, с. 297–304]. Подчеркнем, что социокультурная трансформация характеризуется качественными преобразованиями различных типов культур и социальными изменениями. Эволюция социокультуры есть комплексное преобразование типа социокультурной системы, предопределяющее кризис культуры и социальности и выливающееся в упадок влияния традиционных ценностей, институтов, распад идентичностей. Социокультурные изменения в локальных обществах в условиях производственно-экономической и политической модернизации могут быть разнонаправлены, со слабо выраженным конечным результатом социокультурных преобразований. Социокультурный подход способствует установлению системы факторов, оказывающих воздействие на формирование моделей адаптации локальных сообществ к процессам модернизации, определение тенденций трансформации культуры и социальности.

Локальные сообщества представляют собой сложную конструкцию, характеризующуюся целостностью, иерархичностью, общностью интересов и целей, включенную в более общую структуру. В процессе жизнедеятельности они кристаллизуются в своеобразную гео-социокультурную общность – устойчивую совокупность людей, объединенных комплексом условий, принципов, правил, проявляющихся в специфике культуры и социальности, интегрированных в географических и историко-временных рамках. Локальное сообщество можно анализировать, во-первых, как структуру, социокультурную среду, сумму социальности и культуры, формирующуюся в зафиксированный исторический период в определенном пространстве, «месторазвитии», гео-климатических и экологических условиях. Во-вторых, локальное сообщество характеризуется стабильными, устойчивыми связями и отношениями, обеспечивающими воспроизводимость традиций в сочетании с новациями, и проявляется в способе взаимодействия с сообществами, представляющими систему «чужих». Глобализация является генератором трансформации мировой экономики, конституирует тенденции формирования единого социокультурного пространства, что обостряет противостояние глобальности и локальностей. В динамике взаимодействия наблюдается ориентация не на собственно объединения социокультур, но оппозиционность, стремление к размежеванию. Это затрагивает такие понятия, как «традиция» и «современность», «локальность» и «глобальность» [7; 1, с. 118–137; 2, с. 44–61]. В динамике коммуникаций и взаимовлияния глобальности и локальности стимулируются процессы адаптации, возникает проблема поиска места в

социокультурном пространстве мира. В рамках евразийского гео-социокультурного пространства содержательно расширяются представления о развитии культуры и социальности. Во главу угла ставится человек как носитель сложившегося типа социокультуры, осваивающего и сохраняющего «местожительство». Как подчеркивал П. Сорокин, структура социокультурного взаимодействия имеет три неотделимых друг от друга аспекта: личность как субъект взаимодействия, общество, являющееся объединением взаимодействующих индивидов, культура, выступающая совокупностью значений, ценностей и норм [5, с. 170].

Выделим два основных фактора, определяющих эволюцию социокультурного развития евразийского пространства.

1. Диверсификация производственно-экономической деятельности детерминирует деградацию и исчезновение традиционных хозяйственных укладов, что программирует нарушение единства, целостности локальных сообществ, предопределяет социокультурную деструкцию. Разложение традиционной социокультурной среды детерминирует дезориентацию, создает опасность потери идентичности, ведет к разрушению традиционных связей и отношений в сообществе, что программирует необходимость поиска моделей адаптации. Отметим, что в условиях столкновения локальности и глобальности, социокультурный фактор является своего рода основой сохранения традиционной жизнедеятельности.

2. Преобразование традиционного образа жизни, движение к парадигме инновационных изменений предопределяет возникновение разнонаправленных полюсов жизни, служит источником локальных, национальных и глобальных миграций. Формирующиеся модели социокультурного развития обладают динамикой, транзитивностью и стремлением к модификации образа жизни. Ассимиляция локальных культур сопровождается поляризацией гео-социокультурного пространства, что детерминирует развитие изоляции и диверсификации евразийской социокультуры.

В заключение отметим, что в евразийском социокультурном пространстве традиционно осуществляются коммуникация и взаимодействия культуры и социальности, воспроизведение и передача культурно-исторического опыта, проявляется реакция на внутренние и внешние воздействия, происходят социокультурные смысловые изменения, трансформация и обогащение элементов культуры и социальности Евразии [6, с. 75–87]. В ходе взаимодействия формируется новая гео-социокультурная парадигма объяснения развития мира, основывающаяся на производственно-экономических и политических практиках, определяемых процессами социально-экономической модернизации. Складываются два вектора динамики социокультурных процессов. Сохранение тенденций традиционного развития сообществ и реструктуризация самоидентичности в процессе взаимодействия и взаимовлияния глобальности и локальности. Процессы интеграции и дезинтеграции детерминируют социокультурные и институциональные преобразования, обуславливают радикальные изменения традиционного образа

жизни, формируют разрывы в социально-экономическом развитии стран и регионов, определяют процессы дифференциации, фрагментации. Социокультурное пространство России и Евразии находится в ситуации дрейфа, амбивалентности, размытости.

Список литературы

1. *Линецкий А.И.* Модернизация традиционных обществ: путь к процветанию или дорога в никуда? // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 118–137. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.09>
2. *Сергеев В.М., Казанцев А.А., Медведева С.М.* Территориальная неоднородность глобализации и порождаемые ею типы конфликтов // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 1. – С. 44–61. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.04>
3. *Савицкий П.Н.* Евразийство // Основы евразийства. – М.: Арктогея центр, 2002. – С. 266–280.
4. *Савицкий П. Н.* Географические и геополитические основы евразийства // Основы евразийства. М. Арктогея центр, 2002. – С. 297–304.
5. *Сорокин П.* Человек, цивилизация, общество. – М: Политиздат, 1992. – 543 с.
6. *Шмаков В.С.* Социокультурное пространство: к проблеме объяснения и понимания // Сибирский философский журнал. – 2021. – Т.19, № 2. – С. 75–87. DOI 10.25205/2541-19-2-75-87.
7. *Mendis P.* Glocalization: The Human Side of Globalization as If the Washington Consensus Mattered. Lulu.com, 2007-01-01. – 442 с.

Summary

Shmakov V.S. To the problem of destruction of the socio-cultural space of Eurasia

The processes of unification of the socio-cultural development of Eurasia, transformation of the socio-cultural space are analyzed, the problem of transition from the closed structure of the "traditional" society to inclusion in the globalized structure is fixed. A new geo-socio-cultural paradigm of explaining and understanding the socio-cultural development of Eurasia is being generated, determined by the processes of socio-economic modernization. The dynamics of socio-cultural processes has a certain divergence. The trends of traditional development of local communities remain. In the process of interaction and mutual influence of globality and locality, the destruction of the traditional way of life and the restructuring of self-identity are traced. These models unite communities into a specific socio-territorial location that has the ability, to a certain extent, to sustainable development and reproduction of human capital.

Keywords: socio-cultural transformation, integration, disintegration, destruction.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЯ.....	3
Приветствие Президента Евразийской ассоциации университетов, ректора Московского университета академика <i>САДОВНИЧЕГО В.А.</i>	5
Приветствие директора Казахстанского филиала МГУ имени М.В.Ломоносова, доктора экономических наук, заслуженного профессора МГУ <i>СИДОРОВИЧА А.В.</i>	6
Приветствие генерального директора Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, академика НАН РК, доктора социологических наук, профессора <i>СЕЙДУМАНОВА С.Т.</i>	8
 ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	 11
<i>Маслов А.А.</i> «ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ЕВРАЗИИ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ»	13
<i>Тишков В.А., Миссонова Л.И.</i> НАРОДЫ ЕВРАЗИИ В СЕРИИ «НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ»: ИТОГИ 30-ЛЕТНЕГО МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА.....	17
<i>Акилова К.Б.</i> ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА В АСПЕКТЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРАЗИЙСТВА.....	28
<i>Урманбетова Ж.К.</i> ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ.....	39
<i>Додхудоева Л.Н.</i> ВКЛАД ТАДЖИКСКИХ ЭТНОЛОГОВ В ВИЗУАЛЬНУЮ АНТРОПОЛОГИЮ ЕВРАЗИИ (фото-исследования этнических сообществ в рамках отечественной этнографической традиции XX века) ..	49
<i>Сейтахметова Н.Л.</i> ИСЛАМСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ КАЗАХСТАНА: ДИСКУРС СОВРЕМЕННОЙ СВОЕВРЕМЕННОСТИ.....	56
<i>Сидорович А.В.</i> «ЕВРАЗИЙСКИЙ МИР» В КОНТЕКСТЕ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА.....	63

Попков Ю.В.

ЕВРАЗИЙСКИЙ МИР В ГЛОБАЛЬНЫХ ИСПЫТАНИЯХ: КЛАССИЧЕСКОЕ ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ, ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ, ТЕКУЩИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ	70

Абдильдина Р. Ж.

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОГО ОБЩЕСТВА В ТЮРКСКОЙ И КАЗАХСКОЙ ФИЛОСОФИИ.....	78

СЕКЦИЯ 1. Евразия в потоке истории..... 88

Абдиров М.Ж.

ЗОЛОТАЯ ОРДА – ЕВРАЗИЙСКАЯ АТЛАНТИДА И САКРАЛЬНАЯ РОДИНА СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ	90

Бимаканова З.Ш., Муканова Г.К.

ПИОНЕРЫ СОЗДАНИЯ БУКВАРЕЙ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ ДЖАДИДСКОЙ МЕТОДИКИ	99

Васильев Я.А.

ТРАДИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЛОМБАРДОВ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)	105

Зиновьев В.П.

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В ОБЛАСТЯХ СТЕПНОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 г.	115

Казиев С.Ш.

КОРЕНИЗАЦИЯ В СОВЕТСКОМ КАЗАХСТАНЕ.....	124

Ковальская С.И.

Л. Н. ГУМИЛЁВ О РЕМЕСЛЕ ИСТОРИКА.....	134

Коновалов И.А.

МЕСТНОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ В СТЕПНОМ КРАЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	140

Ларина Е.И.

РИТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ, «ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ» В УЗБЕКИСТАНЕ И ТАДЖИКИСТАНЕ И ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ.....	145

Оразбаева А.И.

СПЕЦИФИКА ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: К ТЕОРИИ ВОПРОСА	157

Родионов Ю.П.

КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ И ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ
КРАЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг. 166

Садвокасова З.Т.

БЫТ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАХОВ НА РУБЕЖЕ
XIX–XX ВЕКОВ..... 176

Седен А.В.

ТУВА В 30-Е ГОДЫ. БОРЬБА С НЕГРАМОТНОСТЬЮ 185

Толочко А.П.

РОЛЬ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ
В ПОДГОТОВКЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ
ДЛЯ РУССКО-КАЗАХСКИХ ШКОЛ В НАЧАЛЕ XX В. 190

Хафизова К.Ш.

КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО И КАЗАХИ НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ..... 196

СЕКЦИЯ 2. ЕВРАЗИЙСКИЙ МИР: МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ И МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОММУНИКАЦИИ 203

Албогачиева М.С.-Г.

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ АБАЗИН
В XXI ВЕКЕ..... 205

Албогачиева М.С.-Г., Гетагазова А.М.

ТРАНСФОРМАЦИИ, ПРОИЗОШЕДШИЕ В ТРАДИЦИЯХ
ВОСПИТАНИЯ ИНГУШСКОЙ ДЕВОЧКИ ПОД ВЛИЯНИЕМ
ИСЛАМА 213

Аманжолова Д.А.

СССР: ЭФФЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
ИНТЕГРАЦИИ..... 220

Антонов Е.П.

М.К. АММОСОВ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В 1920–1930-е гг.: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ 226

Арапханова Л.Я.

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ДИАСПОР
В КАЗАХСТАНЕ..... 236

Ахметова Ш.К., Томилов Н.А.

КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКИЕ СВЯЗИ В СФЕРЕ ИСТОРИЧЕСКИХ
НАУК: ИЗ ОПЫТА СОТРУДНИЧЕСТВА КАЗАХСТАНСКИХ
И ОМСКИХ УЧЕНЫХ В 90-е гг. – ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI В. 243

<i>Быков А.Ю.</i>	
СТАТУС КАРАКАЛПАКИИ В 1920–1930-Х ГГ.	252
<i>Дамешек Л.М.</i>	
КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСГРАНИЧЬЯ ВОСТОКА РОССИИ-МОНГОЛИИ XVIII НАЧАЛА- XX ВВ.....	262
<i>Ермекбай Ж.А.</i>	
Л.Н. ГУМИЛЕВ И ТЮРКСКИЕ НАРОДЫ ЕВРАЗИИ	268
<i>Исакиева З.С.</i>	
ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА	275
<i>Мартынова В.В.</i>	
ЭТНИЧЕСКАЯ РЕПАТРИАЦИЯ В ЭПОХУ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ ИЗРАИЛЯ И КАЗАХСТАНА.....	281
<i>Прохоров И.Р.</i>	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИБИРСКИХ КАЗАКОВ И КАЗАХОВ НА СИБИРСКОЙ ЛИНИИ.....	289
<i>Рахимов Е.К.</i>	
РОЛЬ Г.Н. ПОТАНИНА В ФОРМИРОВАНИИ САМОСОЗНАНИЯ КАЗАХСКОГО НАРОДА	297
<i>Уланов М.С.</i>	
РОССИЯ И БУДДИЙСКИЙ МИР: МЕСТО БУДДИЙСКОЙ ТЕМАТИКИ В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)	306
<i>Шиловский М.В.</i>	
ВКЛАД Г. Н. ПОТАНИНА В КОНЦЕПТЫ ЕВРАЗИЙСТВА.....	316
СЕКЦИЯ 3. Мир Евразии: современные исследовательские СТРАТЕГИИ	320
<i>Аязбекова С.Ш.</i>	
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЕВРАЗИИ	322
<i>Бадмаев В.Н.</i>	
ЕВРАЗИЙСТВО И ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ПРЕДЧУВСТВИЯ И СВЕРШЕНИЯ	332
<i>Джаманкулова К.Т.</i>	
ЦИВИЛИЗАЦИЯ НАРОДОВ АЛТАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: ОБЩНОСТИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ	338

Жигунова М.А.

СОВРЕМЕННОЕ САМОСОЗНАНИЕ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ:
ВАРИАТИВНОСТЬ И ФУНКЦИИ..... 347

Лушников О.В.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ..... 355

Муканова Г.К.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ПОСТИЖЕНИИ ЕВРАЗИИ.
МАТЕМАТИКИ НА СЛУЖБЕ ИСТОРИИ..... 363

Оразбаева А.И., Дроговоз А.И.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ..... 370

Салимова Р.С., Нурманбетова Д.Н., Уразалиева Г.К.

ЦИФРОВОЙ ПОВОРОТ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ
КАЗАХСТАНА И РОССИИ..... 380

Сорокин Ю.А.

СОВРЕМЕННЫЕ КРИТИКИ ЕВРАЗИЙСТВА Л.Н. ГУМИЛЕВА..... 386

Суворова Н.Г.

ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТЕКСТ ПОЗДНЕИМПЕРСКОГО
КОЛОНИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА 393

Сыздыкова Ж.С.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПЦИИ ЕВРАЗИЙСТВА 401

Хопёрская Л.Л.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ – ПУТЬ К ПОСТРОЕНИЮ
МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 409

СЕКЦИЯ 4. ФИЛОСОФИЯ ЕВРАЗИЙСТВА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (АЛМАТИНСКАЯ СЕКЦИЯ).... 415

Абишева А.К.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ
ГОРОДОВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРАЗИИ 417

Алимова Д.А.

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ ЗАПАДА И ВОСТОКА В ВОЗЗРЕНИЯХ
ДЖАДИДОВ ТУРКЕСТАНА 425

Әлжан Қ.Ұ., Қонырбаева Қ.М.

КАЗАХСТАНСКИЙ КОНТЕКСТ ЕВРАЗИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ..... 431

Барлыбаева Г.Г.

КАЗАХСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ФЕНОМЕН МИРОВОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ..... 441

<i>Булуктаев Ю.О.</i>	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЕВРАЗИЙСТВА И УЧЕНИЕ Л.Н. ГУМИЛЕВА О ГОСУДАРСТВЕ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	451
<i>Гусева Н.В.</i>	
ДИАЛЕКТИКА И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	458
<i>Колчигин С.Ю.</i>	
ЕВРАЗИЙСТВО КАК ИНТУИЦИЯ ГРЯДУЩЕГО.....	467
<i>Косиченко А.Г.</i>	
НА КАКИХ ОСНОВАНИЯХ ВОЗМОЖЕН ЕВРАЗИЙСКИЙ МИР СЕГОДНЯ?.....	474
<i>Нурмуратов С.Е., Ержанова А.Ж.</i>	
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА СОГЛАСИЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	480
<i>Сартаева Р.С.</i>	
О НОВОМ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЕКТЕ РК В ЕВРАЗИЙСКОМ ДИСКУРСЕ.....	486
<i>Толгамбаева Д.Т., Коянбаева Г.Р.</i>	
ИДЕЯ ЕВРАЗИЙСТВА И СОВРЕМЕННЫЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС	499
<i>Шмаков В.С.</i>	
К ПРОБЛЕМЕ ДЕСКРУКЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЕВРАЗИИ	508
СОДЕРЖАНИЕ	512

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
Казахстанский филиал

Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки
Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

ЕВРАЗИЙСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЦЕННОСТИ

Материалы Международной научно-практической конференции

Редакционная коллегия сборника

Председатель: А.В. Сидорович

Члены редакционной коллегии: Р.Ж. Абдильдина (зам. председателя), С.Ш. Аязбекова,
Ж.А. Ермекбай, А.И. Оразбаева

Редактор:

Н.С. Афанасьева

Технический редактор:

А.П. Вотчел

Дизайн обложки и оформление издания:

Л.В. Шайдурова

ISBN 978-601-08-3392-0

